

ДРЕВНЯЯ

РУСЬ

И

СЛАВЯНЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНЯЯ
Русь
И
СЛАВЯНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние 60 лет советская археологическая наука сделала много важных открытий и выводов, без которых уже невозможно написать многие страницы истории народов нашей страны. И это в значительной степени заслуга головного Института археологии АН СССР, который координирует почти всю археологическую деятельность Советского Союза. Руководствуясь марксистско-ленинским учением об исторической науке, как диалектическом методе изучения конкретных явлений общественной жизни, институт строил свою работу так, чтобы охватить все виды общественной деятельности человека в далеком прошлом, проследить закономерности становления человеческого общества. Только благодаря многогранной научной деятельности института оказалось возможным приступить к написанию многотомных трудов по археологии СССР.

Более двадцати лет во главе института стоит академик Б. А. Рыбаков, организаторский и научный талант которого в значительной мере способствует успеху археологов. В эти годы сильно был увеличен объем археологических работ. Новым для археологической практики стали работы на новостройках, давшие советским ученым много важных открытий и ценных находок. Одновременно с изучением вновь открытых археологических культур более совершенной стала методика раскопок, повысился научный уровень обработки археологического материала, ускорила информация об археологических открытиях, чему в немалой степени способствуют оперативное издание ежегодника «Археологические открытия», регулярный выход в свет журнала «Советская археология» и «Кратких сообщений Института археологии», «Сводов археологических источников».

Важное значение для успешного развития советской археологии имеет изучение вновь открытых археологических культур и постановка новых исторических проблем. В годы Советской власти археологами написаны многие монографии, которые известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Среди фундаментальных научных исследований одно из первых мест занимают труды Б. А. Рыбакова.

Академик Б. А. Рыбаков блестяще владеет многими видами исторических источников: он большой знаток русских летописей, остроумный комментатор текстов арабских геогра-

фов, прекрасный знаток литературного наследия Геродота. В научных изысканиях Б. А. Рыбаков часто обращается к данным этнографии, фольклора, глубоко изучает древнюю семантику в русском народном творчестве. В наши дни на стыке разных наук возможны новые открытия. При изучении произведений искусства и материальной культуры Б. А. Рыбаков, например, особое внимание уделяет эпиграфике, дающей дополнительные обоснования для абсолютной или относительной датировки произведений. Широта охвата материала позволила ему расшифровать загадочное, выдвинуть ряд смелых гипотез.

Многие исследования Б. А. Рыбакова последних лет являются определяющими для развития направлений в исторической науке. К таким научным трудам относятся его фундаментальные исследования: «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (М., 1963), «Русские датированные надписи XI—XIV веков» (М., 1964), «Русское прикладное искусство X—XIII веков» (Л., 1971), «Слово о полку Игореве» и его современники» (М., 1971), «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»» (М., 1972), «Русские карты Московии XV — начала XVI века» (М., 1974), «Геродотова Скифия» (М., 1978).

Важное значение для развития советской археологии имеет изучение Б. А. Рыбаковым сложной и совершенно неразработанной темы, такой, как история славянского языка, уходящей своими истоками в глубинные пласты истории человечества дописьменного периода.

Б. А. Рыбаков обладает талантом образного видения истории. Изучение памятников письменности и материальной культуры, практическая работа археолога в поле позволяют Б. А. Рыбакову в своих трудах воссоздавать реальную картину событий прошлого, правдиво представить себе отдельные конкретные ситуации. Исследования памятников материальной культуры, проведенные Б. А. Рыбаковым, являются красноречивыми свидетельствами древних идеологических представлений. Благодаря большому таланту он умеет по незначительным фрагментам реконструировать весь комплекс археологического памятника. Выводы Б. А. Рыбакова всегда убедительны и новы.

Большие знания разнообразных исторических источников, умение их анализировать и сопоставлять позволили Б. А. Рыбакову сделать такое важное научное открытие, как установление характерных черт народности и историчности для былинных сюжетов, которые дают своеобразную народную оценку событиям, конкретности для эпических героев. Вместе с тем Б. А. Рыбаков сумел показать, что исторические источники, в частности русские летописи, раскрывают нам историю с точки зрения людей своего класса, отбравших и оценивавших события с большой долей тенденциозности.

Изучение Б. А. Рыбаковым русских датированных надписей на вещах и надписей-граффити на штукатурке древних храмов впервые дало исследователям ключ к датировке древ-

них надписей на основе эпиграфических признаков и ввело в научный оборот ряд новых исторических текстов.

В книге о русском прикладном искусстве X—XIII вв. автор кратко суммирует основные выводы о развитии и характере русского художественного ремесла, которому ранее были посвящены такие фундаментальные труды, как «Ремесло Древней Руси» (М., 1948), «Прикладное искусство и скульптура» (в кн. «История культуры Древней Руси», т. II. М.—Л., 1951), «Прикладное искусство великокняжеской Москвы» (в кн. «История русского искусства», т. III. М., 1955). Первые две работы были в свое время удостоены Государственных премий (1949 и 1952 гг.).

Совершенно особое значение для современной науки имеют две книги Б. А. Рыбакова, посвященные изучению «Слова о полку Игореве». Автор расширил круг вопросов, связанных с исследованием этого памятника. Привлекая летописные источники, он рассматривает это произведение прежде всего как историк. Перед нами встают образы живых людей, современников «Слова», ярко рисуется историческая эпоха времени появления этого произведения. Во втором томе исследования раскрывается деятельность тех князей, которые упомянуты в «Слове», работа различных летописцев второй половины XII в., сопоставляется автор «Слова» с авторами исторических хроник. И в конце концов исследователь подводит читателя к предполагаемому автору «Слова», летописцу-киевлянину, который хорошо знал историческую обстановку, смело судил князей с высоких патриотических позиций. Этот труд Б. А. Рыбакова устраняет многие полемические суждения, наслывшиеся за два столетия вокруг уникального литературного произведения XII в.

К числу особых исторических методов нужно отнести картографирование, изучение исторической географии — области науки, в которой Б. А. Рыбакову принадлежит особо важное место. Карты, составленные Б. А. Рыбаковым к различным периодам истории Древней Руси, стали настольным пособием как для специалистов в этой области, так и для учащихся. Изучение исторической географии позволило ему по-иному прочесть давно известные карты Московии, выявить в их более ранние протографы, установить тенденциозность в их составлении, обусловленную историческими и политическими причинами. Автор выявил русские источники, легшие в основу составления карт, и дал этим картам новые датировки.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили вклад академика Б. А. Рыбакова в историческую науку. За цикл работ по истории русской культуры X—XVI вв., опубликованных в 1963—1974 гг., Б. А. Рыбакову была присуждена Ленинская премия 1976 г.

Археологи нашего поколения всегда с нетерпением ожидают многолюдных археологических сессий, которые открываются запоминающимися и яркими докладами академика Б. А. Рыбакова. Это всегда что-то новое, неожиданно смелое,

всегда талантливое и блестяще преподнесенное. Приезжающие на такие сессии краеведы и археологи со всей страны увозят с собой незабываемые впечатления, вдохновляющие их на новые творческие поиски.

Те, кому посчастливилось работать вместе с Б. А. Рыбаковым в поле, знают ту живую творческую обстановку, которая царит на раскопках. Во время работы Б. А. Рыбаков охотно делится своими мыслями и предположениями с участниками экспедиции, предлагает свои реконструкции и здесь же на месте проверяет свои выводы. Он строго следит за правильностью методики раскопок, полнотой и точностью документации, особенно графической, порой сам проверяет точность обмеров и натуральных зарисовок.

Археологические экспедиции Б. А. Рыбакова каждый раз приносили новые открытия.

Целью большинства его раскопок является изучение древнерусских городов. Список их теперь уже весьма значителен: Вщиж, Гочев, Чернигов, Переяславль-Хмельницкий, Тмутаракань, Любеч, Путивль, Витичев, Шарки, Белгород-Киевский, Звенигород-Московский, Александров. Б. А. Рыбаков никогда не сужает темы до истории только данного города. Он всегда ставит перед собой большую историческую проблему, в которой изучение города становится лишь одним из звеньев.

Археологические материалы, полученные при раскопках древних городов, были использованы Б. А. Рыбаковым при написании глав по искусству древних славян и Киевской Руси в «Истории культуры Древней Руси» (М.—Л., 1951).

Б. А. Рыбаков — талантливый популяризатор науки. Его книги написаны настолько живо и образно, так интересны по содержанию и форме, что могут быть и увлекательным чтением, и доходчивым учебником истории. В них Б. А. Рыбаков не боится преподнести смелые концепции, использовать новейшие открытия, а поэтому на них ссылаются специалисты так же, как и на труды чисто академического характера. Достаточно указать на статью о Вщиже и Чернигове в книге «По следам древних культур» (М., 1953), на книгу «Первые века русской истории» (М., 1964), в которой дается яркая характеристика таких исторических деятелей, как Святослав, Владимир Святой, Владимир Мономах. Многие статьи Б. А. Рыбакова, опубликованные на страницах газет и журналов, вошли в фонд исторической науки.

Отмечая заслуги академика Б. А. Рыбакова перед исторической наукой за 50 лет его плодотворной научной деятельности и в связи с его семидесятилетием, ученики, друзья и коллеги посвящают ему этот том научных статей, в которых затрагиваются многие вопросы, близкие к проблематике, разрабатываемой в его трудах.

Т. В. Николаева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю. Н. Захарук

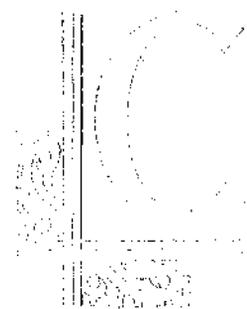
Историзм археологической науки

С. А. Токарев

Четыре основные концепции исторического процесса

Ю. Н. ЗАХАРУК

ИСТОРИЗМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

овременный этап развития советской археологической науки характеризуется глубоким исследованием природы археологического познания, его специфики и единства с науками, изучающими историческое прошлое человечества. Становление советской археологической науки было связано с восприятием археологами марксистско-ленинского мировоззрения, все возрастающим вниманием исследователей к теоретическим и методологическим проблемам археологии. Восприятие археологической наукой марксистско-ленинского мировоззрения и развитие в условиях социалистического государства, отмечает

Б. А. Рыбаков, «создали по существу новую науку, занявшую почетное место в ряду разделов исторического знания»¹. В этом плане археология создает конкретно-историческую основу для теоретического изучения такой важной исторической проблемы, например, как изучение переходных эпох от одной социально-экономической формации к другой. Советская археологическая наука явилась одной из первых областей творческого «приложения марксизма к конкретному изучению докапиталистических социально-экономических формаций», перестала быть вспомогательной дисциплиной, доведком истории, а стала важной и неотъемлемой частью исторической науки². Важнейшей чертой советской археологической науки становится историзм.

Большая заслуга в развитии и определении предмета и метода советской археологии принадлежит академику Б. А. Рыбакову. Являясь признанным главой советской школы древнерусской археологии и истории, академик Б. А. Рыбаков своими фундаментальными исследованиями показывает, что только благодаря археологическим источникам оказалось возможным в полной мере раскрыть сущность истории Киевской Руси IX—XII вв., периода, до этого остававшегося не понятым русскими историками. Более того, археология заполнила многовековую пустоту, существовавшую Киевской Руси. Археологи противопоставили отрывочным сведениям письменных источников подробный показ быта славян, носителей так называемой зарубинецкой культуры, они предоставили для

науки богатейший материал о славянской черняховской культуре II—V вв., об искусстве и верованиях славян II—IV вв., о коренных славянских землях, послуживших впоследствии ядром Киевской Руси. В результате многолетних усилий советских археологов полисе воссозданы история русского земледелия, ремесла, формирования русского города, облик деревенской и городской культуры русского средневековья, длительное бытование языческого мировоззрения. На основе комплексного привлечения письменных и археологических источников исследуется история Киева, Новгорода и всех вообще русских земель IX—XI вв. В наши дни проблема подготовки и рождения, например, первого государства восточных славян со столицей в Киеве решается на основе археологических данных. Пример с Киевской Русью «показывает, что археология не может быть ограничена ни «доисторией», ни «протоисторией», что она по праву исследует свой домен в средневековье, не переставая от этого быть «археологией», т. е. многогранной наукой о древности человечества», — заключает Б. А. Рыбаков³.

Принцип историзма археологической науки имеет важное значение в плане теории и методологии, раскрытия предмета, объекта и задач археологии. В свете этого совершенно не совместима с концепцией историзма в археологии точка зрения, согласно которой в ископаемых археологических объектах «исторической информации не содержится»⁴. Равным образом нельзя согласиться с концепциями, ограничивающими задачи археологической науки сугубо источниковедческими исследованиями и рассматривающими историческую проблематику, как проблематику особой, отдельной, наряду с археологией, исторической науки «палеоистории»⁵ или «праистории». Археология же рассматривается как вспомогательная наука праистории или истории, равно истории искусства или истории материальной культуры. Весьма показательна в этом отношении работа В. Генселя⁶, где, как это следовало бы ожидать из ее названия, она должна показать непремешную раздельность, научную самостоятельность «археологических» и «праисторических» исследований. Тем не менее, публикуемые в сборнике статьи вопреки провозглашенной автором точке зрения, наилучшим образом свидетельствуют о противном, о неразрывности как источниковедческого («археологического»), так и синтетического («праисторического») уровней исследования.

Иного взгляда на археологию придерживается А. Н. Рогачев, отрицающий единую археологическую науку и признающий в качестве самостоятельной, конкретно-исторической науки только первобытную археологию⁷.

Концепция историзма советской археологической науки рассматривает археологические источники, как важную, незаменимую категорию исторических источников, «роль которых особенно важна при реконструкции истории первобытного, рабовладельческого и феодального обществ, а также бесписьменных народов»⁸. Неоценимое значение археологических источников для решения актуальных исторических проблем обусловило важное значение проблематики археологического источниковедения. В наши дни, когда наступил период систематизации и обобщения всего накопленного за 150—200 лет в этой области, необходима тщательная и кропотливая работа. Именно академик Б. А. Рыбаков явился инициатором систематической, фундаментальной публикации всех наличных археологических материалов в специальном издании «Свода археологических

источников СССР». Предусматривается публикация 350—400 выпусков. Над созданием «Свода» трудятся все археологи страны. Уже вышло в свет около 60 выпусков. В связи с непрерывным ростом археологических источников разработка новейших методов археологических исследований определяется как одна из важнейших задач современной археологии, когда «особое значение приобретает методика их изучения и получения наиболее полной и разносторонней информации»⁹.

Рост теоретического уровня археологических исследований связан с дальнейшим совершенствованием средств исторического обобщения, в числе которых несомненно важное место занимает историко-географическая методика, тщательное исследование отдельных микрорайонов. На долю «собственно археологических методов падает изучение таких важных сторон истории человечества, как эволюция социальной структуры общества, этногенез — происхождение народов, история борьбы и миграции и, наконец, одна из загадочных сторон древней культуры — искусство, религия и мировоззрение»¹⁰.

Подлинный историзм археологии возможен при условии, если археология будет пользоваться ретроспективно данными этнографии, топономики, исторической географии и другими, что позволит успешнее и на высоком научном уровне проводить исследования.

В своих фундаментальных трудах Б. А. Рыбаков не только сформулировал и обосновал емкое, основополагающее теоретико-методологическое понятие историзма советской археологической науки, но и показал образцы его творческого применения в конкретных историко-археологических исследованиях. Выдающимся образцом исследования этого типа является получившая широкую известность работа Б. А. Рыбакова, посвященная проблемам ремесла Древней Руси, удостоенная Государственной премии и явившаяся, по единодушному признанию советских и зарубежных исследователей, крупнейшим событием в исторической науке. Выбор темы исследования, ее исключительная актуальность были обусловлены острой необходимостью изучения важнейшей части экономического фундамента, без которого невозможно было оценить подлинную культуру Древней Руси. Книга произвела подлинный переворот в прежних представлениях об уровне и ходе развития древнерусской культуры и показала ее выдающееся место и роль в истории мировой культуры. Это оказалось возможным только благодаря творческому применению в этом исследовании марксистско-ленинской методологии, определившей единственно верный путь исторического исследования. Опираясь на основополагающие ленинские положения о ремесле, как первой форме промышленности, его месте в городской жизни и сельском хозяйстве, автор сумел предельно точно выяснить действительное состояние древнерусской экономики и закономерности ее развития. Глубоким и последовательным историзмом проникнуты работы академика Б. А. Рыбакова, посвященные актуальным проблемам истории русской культуры и удостоенные Ленинской премии 1976 г.¹¹

Итак, историзм советской археологической науки — это прежде всего историзм диалектико-материалистический, марксистско-ленинский, его творческое развитие. Это решение важных, актуальных общесторических проблем и задач. Это дальнейшее совершенствование теории и методики археологического источниковедения и подчинения их решению исторических задач. Это теория и методика интерпретации и реконструк-

ции прошлого на базе археологических источников. Это неперенное творческое содружество и взаимное обогащение всех наук, исследующих историческое прошлое человечества.

- ¹ Рыбаков Б. А. Археология. Октябрь и научный прогресс, кн. 2. М., 1967, с. 583.
- ² Рыбаков Б. А. Археология, с. 579, 580.
- ³ Rybakov B. A. Methode historique de L'archéologie. VII Congrès international de sciences préhistoriques et protohistoriques (Belgrad, 1971). Les rapports et communications de la délégations des archeologues de L'URSS.
- ⁴ Григорьев Г. П. О предмете археологии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1971, с. 41.
- ⁵ Боцпарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 58.
- ⁶ Hensel W. Archeologia i prahistoria. Studia i szkice. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 445—451.
- ⁷ Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии.— Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований.— Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1975, с. 11—14.
- ⁸ Рыбаков Б. А., Соловьева Г. Ф. Советская археология сегодня.— Вопросы истории, 1965, № 1, с. 16.
- ⁹ Рыбаков Б. А. Археология, с. 589.
- ¹⁰ Рыбаков Б. А. Археология, с. 590.
- ¹¹ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1974; *Он же.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1974; *Он же.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Он же.* Русские карты Московия XV — начала XVI века. М., 1974.

С. А. ТОКАРЕВ

ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Чтобы разобраться в идейном содержании неисчислимого множества взглядов и мнений по различным историческим, социологическим, этнографическим проблемам в старой и новой научной литературе, чтобы иметь возможность дать им обоснованную критическую оценку, необходимо попытаться распределить эти взгляды по каким-то общим категориям. В конечном счете дело идет об определении основных типов исторического (социологического) мировоззрения — типов, между которыми распределились бы взгляды исследователей и мыслителей по разным принципиальным вопросам исторического знания.

Как же определить лучшим образом эти типы?

Еще не так давно в нашей научной литературе встречалось весьма упрощенное распределение научных теорий (особенно для зарубежных авторов) на две группы: «марксистские» и «немарксистские» («буржуаз-

ные»). Но непригодность такой «классификации» видна уже из одного того факта, что категория «немарксистских» теорий включает в себя самые разнообразные научные концепции; ограничиться суммарным противопоставлением всех их марксизму — значило бы наглухо закрыть для себя путь к пониманию и справедливой оценке каждой из этих концепций.

Есть еще одно ходячее деление исторических взглядов (зарубежных авторов) на «прогрессивные» и «реакционные». Но эти характеристики, зачастую полезные, не могут быть абсолютными. То, что «прогрессивно» в одну эпоху и в одних условиях, может быть далеко не прогрессивным в другую эпоху и в иных условиях. То же и с понятием «реакционного».

Более существенна для историографии науки иная группировка авторов исторических сочинений: на тех, кто признает закономерность исторического процесса, и тех, кто ее отрицает либо вообще о ней не думает. Но эта вторая группа историков оказывается тоже слишком неоднородной: в нее войдут и старые историки-прагматики (Татищев, Карамзин, Иловайский), и романтики (Ж. де-Местр, Шатобриан, Маколей, Карлейль), и апиррационалисты типа Фридриха Лео, и неокантианцы Риккерт и Виндельбанд.

В области общего мировоззрения, в философии принято делить умственные течения на материалистические и идеалистические: деление действительно принципиальное и радикальное. Но применительно к общественным, историческим наукам разграничение материализма и идеализма, во-первых, далеко не всегда легко провести, и деление это порой отступает на второй план перед иными группировками. Так, например, господствовавшее в середине XIX в. «эволюционистское» направление в этнографии и истории культуры включало в себя и ученых-идеалистов (Бастиян, Бахофен), и материалистов (Липперт), и таких ученых, в мировоззрении которых как-то сочетались материалистические и идеалистические взгляды (Морган). У французских просветителей XVIII в. материалистическое понимание мира уживалось с идеалистическими взглядами на закономерности в жизни людей. Да и материализм-то бывает разный: например, расизм XIX—XX вв., базирующийся на чисто «материалистическом» понимании человеческой природы, так же неприемлем для нашего общественного сознания, как и любое идеалистическое учение прошлого.

Наиболее правильным и познавательным представляется мне деление исторических концепций сообразно ответу, даваемому ими на два кардинальнейших вопроса исторического познания. Это: 1) вопрос о единстве человечества и 2) вопрос о неизменности (циклизм) или изменчивости (прогресс) человечества в ходе истории.

Первый из этих вопросов можно сформулировать так: едино ли человечество — не только в биологическом, но именно в культурном или социокультурном отношении? или оно делится на качественно разнородные группы?

Второй вопрос: существует ли социокультурный прогресс, в смысле не только изменений внешних форм жизни и поступательной технологической эволюции, но и в смысле прогрессивных изменений самой природы человека, его психики и морального сознания? или человек остается по существу одним и тем же при всех изменениях материальных условий его жизни?

Эти два вопроса не надо между собой смешивать. Между ними есть связь, но связь как бы перекрестная: сторонники положительного решения первого вопроса (единство человечества) делятся на две группы согласно ответу на второй вопрос (прогресс или отсутствие прогресса); и наоборот, сторонники положительного ответа на второй вопрос (прогресс) не согласны между собой в ответе на первый вопрос (единство или множественность человечества).

Таким образом, получится всего четыре идейные позиции, сгруппированные попарно. В каждую попадут при этом научные теории, одинаково отвечающие на оба поставленных выше вопроса, какие бы различия между ними ни существовали во всех иных отношениях.

Конечно, тут нужны оговорки: не все представители той или иной научной концепции отдавали и отдают себе ясный отчет в своей идейной близости к «соседям»; не все они даже ставили или ставят в прямой форме указанные выше принципиальные вопросы; некоторые, может быть, и удивились бы, узнав, в какую идейную компанию они попали. Но объективная логика мысли группирует представителей того или иного идейного лагеря, подчас не спрашивая их согласия и даже без их ведома.

Вот какая получается схема:

Множественность	Единство
Неизменность (циклизм)	
1-я позиция Люди качественно различны, культуры замкнуты и неизменны	3-я позиция Человек всегда и везде один и тот же
Изменчивость (прогресс)	
2-я позиция Люди различны, пути культурного развития разные	4-я позиция Человечество едино, но люди меняются по эпохам

Попробую дать самую краткую — сжатую до одной формулы — характеристику каждого из вписанных в эту схему идейных течений и тем самым обосновать приведенную группировку.

1-я позиция: множественность и неизменность.

Идейное содержание этой группы концепций может быть сведено к формуле: «люди качественно различны; культуры замкнуты и неизменны».

Наиболее примитивные, «грубые» представители этой концепции в ее «биологической» разновидности — расисты (по крайней мере, наиболее последовательные из них), полагающие, что и психика, и культура, и все поведение людей зависят от их расовых свойств, которые неизменны. Родоначальник расизма Гобино проповедовал не только извечное неравенство рас, но и то, что из всех существующих рас только одна — «арий-

ская» — способна к самостоятельному культурному творчеству; по так как эта «арийская раса» в ходе истории неизбежно смешивалась с другими, то ее творческая сила неуклонно растворялась, разжижалась; этот процесс якобы продолжается и теперь, а потому человечеству предстоит вместо прогресса неминуемое отупение и вырождение, а земному шару — обезлюдение¹. Сходных взглядов придерживались последователи Гобино, антропологи-расисты Аммон, Ляпуж, Вельтман, Чемберлен, немецкие нацисты, которые, правда, не доходили до таких, как Гобино, пессимистических прогнозов: они допускали даже и прогресс — но только в форме расовой селекции.

Другая разновидность той же теории качественной неоднородности человечества и гетерогенности культур, порвавшая с биологией, — это теория замкнутых культурно-исторических типов. Некоторые историки, пораженные разнообразием проявлений культурной деятельности в разных странах и в разные эпохи, не сумев или не желая найти единство во множестве и закономерность в хаосе культурных форм, избрали (некоторые из них) легкий путь познания: объявили эти разнообразные формы культуры изначальными, друг к другу не сводимыми, а потому не требующими объяснения; единственное что нужно, по мнению этих историков, — это определить, какие же именно были и есть на земле культурные типы, чем они один от другого отличаются (или отличались), — и этого достаточно. Чем были вызваны эти различия, об этом не надо и спрашивать. Развитие допускается, но только до определенного уровня. У каждого культурно-исторического типа есть свой потолок, достигнув которого данный культурный тип начинает тускнеть и деградировать. Это известная концепция циклического развития культуры, теория исторических циклов. Наиболее яркие ее представители — Рюккерт, Данилевский, Шпенглер, Тойнби.

Первым, кажется, предложил эту историческую схему Генрих Рюккерт (1857), отрицавший реальность культурного единства человечества. Рюккерт представлял себе историю культуры, как «некоторое число параллельно друг другу идущих рядов»; иначе говоря, как ряд сменяемых один другим «культурно-исторических типов» («организмов», «индивидов»). Взаимодействия их Рюккерт не отрицал, но считал, что сближения и слияния этих культурных «типов» («индивидов») никогда не произойдет².

Несколько позже ту же идею развил русский публицист-славянофил Николай Данилевский в своей наделавшей немало шума книге «Россия и Европа» (1871). Но он еще более заострил и огрубил плюралистическую схему истории. Согласно Данилевскому, единого человечества нет, а есть и был исторический ряд «естественных групп», которые он, подобно Рюккерту, называет «культурно-историческими типами». Данилевский насчитывает их в истории свыше десятка: египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-фикикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический, германо-романский, славяно-русский, не считая древнеамериканских культурных типов. Типы эти настолько самостоятельны каждый и настолько разобщены между собой, что Данилевский даже не допускал возможности взаимовлияний между ними. Один из установленных им «законов» истории гласит: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем

влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций»³. При всей логической противоречивости этого «закопа» (передачи нет, а влияние есть?) мысль Данилевского выражена тут ясно.

Особняком среди «циклистов» стоит Освальд Шпенглер. Своим «Законом Европы» (1917) он выполнил полезную работу, разгромив и высмеяв спесивых историков-«европоцентристов», высмеяв претенциозно-безграмотные идеи Ницше, сделав ряд интересных сопоставлений, признав право различных древних и новых цивилизаций на самостоятельные культурные ценности. Но и он, подобно другим циклистам, делал неверные выводы из факта многообразия культур, отрицая реальность человечества как единого целого, отрицая общечеловеческий прогресс. «Человечество — пустое слово, — говорил он... — Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм»⁴.

Продолжением и расширением взглядов Шпенглера все считают теорию исторических циклов Тойнби. Однако Тойнби в последних своих работах преодолел замкнутость схемы разобщенных «циклов» и «цивилизаций»; поэтому о нем будет сказано в другом месте.

В этнографической литературе известную параллель теории «культурно-исторических типов» и «циклов» составляют взгляды сторонников «диффузионизма», особенно наиболее радикальная и самая односторонняя из диффузионистских теорий — схема «культурных кругов» Фрица Гребнера (начало XX в.). Эти «круги» походят на «культурно-исторические типы» Данилевского, во-первых, тем, что они, как и те, единичны и неповторимы; во-вторых, тем, что они очень устойчивы и существуют веками, если не тысячелетиями; в-третьих, своей взаимной замкнутостью (правда, относительной, а не абсолютной, как у Данилевского). Отличаются же они от упомянутых культурно-исторических типов своей искусственностью: ведь любой этнограф теперь знает, что «западнопапуасская культура» или «меланезийская культура лука» не существовали нигде, кроме как в головах Гребнера и его последователей⁵.

Несколько более реальны «культурные круги» Лео Фробениуса («нигритская», «западноафриканская» и др.), хотя он и наделял их не свойственными культуре биологическими признаками — «женские» и «мужские» культуры. Фробениус не отрицал также внутреннего саморазвития культур⁶.

Наконец, последняя по времени школа — опять этнографическая, где очень ярко выражено принципиальное отрицание единства человечества и человеческой культуры, — это «этнопсихологическая» школа Абрама Кардинера в США.

Исходя из понятия «основной личности» — особой и разной у каждого народа, Кардинер и его последователи преувеличивали разнообразие и увековечивали разобщенность «моделей культуры», отрицая фактически даже и внутреннее развитие каждой из них⁷.

2-я позиция: изменчивость при множественности.

Если некоторые из названных выше авторов не совсем отрицали исторический прогресс, а только ограничивали его рамками отдельных «культурно-исторических типов» (или «моделей культуры»), то другие мыслители, о которых сейчас пойдет речь, не покидая позиции «множественности культур», допускают в то же время общее и неограниченное прогрессивное развитие человечества.

Эта точка зрения — в известной мере компромиссная — проявилась в науке сравнительно поздно. Едва ли не первым сформулировал ее Эмиль Дюркгейм.

Этот социолог считал важнейшей задачей науки изучение конкретных «обществ» (приблизительно равнозначных странам и народам). «Человечество» как единое целое представлялось ему (как и Данилевскому и Шпенглеру) пустой абстракцией. Отдельные же «общества» Дюркгейм располагал по восходящим ступеням эволюции, измеряя последнюю степень сложности социальной структуры: «простые», «просто сложные», «вдвойне сложные» общества и т. п.⁸ Однако качественных различий между «обществами» Дюркгейм не признавал.

Напротив, именно на качественных различиях (уже не «обществ», а «культур») настаивали некоторые немецкие археологи, которые, вдохновляясь националистическими мотивами, стремились как можно резче размежевать археологические «культуры» по этническому признаку.

Основной тон был здесь задан Густавом Коссинной (1895 г. и след.), который пытался найти своих «германцев» еще среди доисторических материальных памятников. По тому же пути пошли затем многие националистически настроенные немецкие археологи. Ту же идею довел до абсурда австрийский археолог Освальд Менгин («Всемирная история каменного века», 1931), пытаясь доказать, что даже в эпоху нижнего палеолита уже существовали коренные различия культур: три первичные «культуры» — «культура ручного рубила», «культура отщепы» и «культура кости» так и сохраняют свою разобщенность на всем протяжении последующей истории, и развитие их завершается уже в наше время формированием трех типов культуры: «городской», «сельской» и «пастушеской».

Отправляясь от совсем иных позиций, но к аналогичным выводам пришли некоторые американские этнографы — сторонники новейших по времени теоретических направлений: теории «многолинейной эволюции» (Стьюард, Салинс и др.), а также теории «релятивизма» (Херскович и др.).

С точки зрения «многолинейной эволюции» прогресс человеческой культуры совершается вполне реально, но он идет по разным путям, в зависимости от различий экологической среды, хотя и эта зависимость в свою очередь опосредствована культурными факторами, — так писал Джулиан Стьюард⁹. Схожен в этом взгляд Маршалла Салинса, различающего «общую эволюцию» (общекультурный прогресс) и «специфическую эволюцию» (приспособление культуры разных народов к разным условиям экологической среды)¹⁰.

В наиболее крайней и последовательной форме ту же позицию культурного плюрализма — при сохранении идей прогрессивного развития человечества — защищают представители «релятивистской» этнографии.

Решительно выступая против субъективных «европоцентристских» оценок своей и чужих культур, Мелльвилль Херскович и его последователи отрицают всякие абсолютные масштабы ценностей. У каждого народа, говорят релятивисты, есть свои критерии оценок, свои «культурные фокусы», свои социальные идеалы. Поэтому нельзя даже сравнивать культуры разных народов по уровню их развития, ибо отсутствует требуемый для этого единый масштаб.

Херскович соглашается признать превосходство евро-американской культуры над культурами народов других частей света только в одной области — в технологии¹¹.

В последних высказываниях Арнольда Тойнби заметен поворот к признанию некоего высшего единства культурного развития человечества, компромиссе плюрализма с монизмом: отдельные «цивилизации» он теперь склонен признать за «ветви единого древа истории». Общий ход истории рисуется ему теперь как «мегаистория», как путь от локальных ограниченных «цивилизаций» к единой общечеловеческой цивилизации¹².

Итак, человечество едино, но пути его культурного развития разные. В этой компромиссной формуле — попытка примирить моногенетический взгляд на человека как на субъект исторического процесса с фактом необычайного разнообразия культур и культурных типов.

3-я позиция: единство и неизменность.

Это тоже компромисс, но в другом роде. Во главу угла кладется мысль о человеческом единстве (монизм и моногенизм), культурные же различия или оставляются без внимания, или признаются случайными, несущественными, даже обманчивыми. Формула: «человек — всегда и везде человек». Любопытно, что на этой формуле — прямо не высказываемой, но подразумеваемой — сошлись ученые разных специальностей, разных убеждений и вкусов.

Она сказалась вначале, конечно, в невыраженной прямо форме, в английской экономической науке XVIII и начала XIX в. Основатель этой науки Адам Смит допускал, правда, развитие человеческого хозяйства через три стадии — охота, пастушество, земледелие¹³; но и он, и другие буржуазные экономисты, рассматривая экономические отношения в окружающем их обществе, воображали, что они имеют дело с общечеловеческими законами экономики. Категории капиталистического хозяйства — капитал, прибыль, рента, прибавочная стоимость, цена и пр. — они рассматривали как формы «естественных» человеческих отношений, как «вечные законы природы; их выводили из природы человека». На эту ошибку буржуазных экономистов ясно указал Карл Маркс¹⁴. Однако она повторилась буржуазными экономистами и позже.

В этнографической литературе точка зрения универсальной одинаковости человека во все времена не нашла широкого распространения. Слишком уж бросалось и бросается в глаза огромное разнообразие и общественных и культурных форм. Можно говорить только о редких эпизодах в истории этнографической мысли.

Один из них — временное увлечение ряда этнографов фрейдизмом. Врач-психиатр Зигмунд Фрейд попытался применить свое учение о «бессознательном» и о «подавленных импульсах» к толкованию явлений культуры и к проблемам этнографии («Тотем и табу», 1913). Он и его последователи исходили из постулата об одинаковости психики у всех людей, об одинаковых процессах в психике здорового человека и психически больного, и с этой точки зрения давали одинаковое объяснение и обычаям и верованиям отсталых народов, и неврозам-психозам современных горожан-европейцев¹⁵.

Как это ни странно, но сходную по существу идею одинаковости психической структуры людей всех эпох и всех народов находим мы у Клода Левин-Стросса — одного из самых известных и «модных» современных этнографов. Сам «структуралистский» метод, разработанный этим уче-

ным, побуждает его искать и находить «аналоги» в различных сферах общественной и умственной жизни всех народов на самых различных стадиях культурного развития. Он не хочет видеть принципиальной разницы между тотемической «классификацией» (распределением тотемических животных между родовыми группами) и современной естественнонаучной классификацией; между обычаями табуации («избегания») определенных категорий родственников у отсталых народов и уважением к президенту республики; между тотемическими «чуригами» и нашими архивными документами и пр.¹⁶

Еще раньше мысль о существенной одинаковости интеллекта и психики людей всех эпох высказывалась — хотя и в более сдержанной форме — американскими этнографами школы Фраца Боаса. Сам Боас называл интеллектуальные различия между цивилизованным и первобытным человеком «кажущимися», ибо «основные черты ума у всех людей одинаковы»; историческую эволюцию моральных норм поведения он отрицал¹⁷.

Многие американские этнографы-«антиэволюционисты» вообще избегали даже пользоваться термином «эволюция», заменяя его понятием «перемена», «изменение».

Из историков (в узком смысле слова) лишь немногие сознательно придерживались этой точки зрения существенного сходства людей всех эпох. Среди этих немногих — Роберт Бишпер, которому его тонкое историческое чутье не мешало все же смело отождествлять эпохи, видеть в них, за всем разнообразием внешних форм жизни, одинаковость общечеловеческих чувств, идей, стремлений. Порой он склонен был — особенно под впечатлением первой мировой войны — вообще отрицать какой-либо прогресс в человеческой истории¹⁸.

Конечно, понятие «неизменности», составляющее идейную основу упомянутых выше концепций, не следует понимать буквально и упрощенно. Изменение исторических условий, перемены в социальном строе, накопление культурных ценностей, изменение самих взглядов людей — все это факты, которые никто не мог бы отрицать. Но смысл изложенной концепции состоит в том, что-де при всех социальных, экономических, политических, культурных и прочих изменениях, составляющих то, что называется историческим процессом, человек-то сам остается одним и тем же. Поэтому и само изменение исторических условий мало что значит. «Plus ça change, plus ça reste la même chose», — говорит французская нессимистическая пословица.

«Новое — это крепко забытое старое» — поговорка, имеющая тот же общий смысл.

4-я позиция: единство и прогресс.

Эта линия развития исторической мысли представляется самой продуктивной в познавательном отношении и наиболее близкой к объективной действительности. Она всего более отвечает стремлению человеческого ума к монистическому миропониманию.

Наконец, эта идея единства и прогресса человечества есть теоретический коррелят тому объективному этапу поступательного хода истории, который на наших глазах ведет, хотя и через препятствия, срывы и попятные шаги, к всемирной интеграции народов и культур.

В зачаточной своей форме идея общечеловеческого прогресса знакома была и мыслителям античного мира (Демокрит, Лукреций). В теологи-

чески завуалированной форме она выступает в раннехристианской литературе (блаженный Августин), а на исходе средних веков — и тоже под теологической мантией — у Лессинга («Воспитание человеческого рода», 1780). Идея универсального прогресса уже в полный голос звучит в просветительской литературе XVIII в.: у Вольтера («Опыт о нравах и духе наций», 1747—1778), у Тюрго («Рассуждение о всеобщей истории», около 1750), у Фергюссона («Опыт истории гражданского общества, 1768), у Кондорсе («Очерк исторической картины прогресса человеческого духа», 1794). Этим мыслителям, однако, исторический процесс рисовался в упрощенном виде однолинейной эволюции, по пути которой все народы шествуют или рядом, или один за другим, и одни быстрее, другие медленнее; вопрос о конкретных особенностях путей развития отдельных народов ими не ставился. Из историков XVIII в. один только Гердер умел сочетать идею общечеловеческого прогресса с вниманием к своеобразию культурного развития каждого отдельного народа; при этом он особенно подчеркивал неповторимую ценность культурных благ, создаваемых творчеством отдельных народов.

В первой половине XIX в. наиболее яркими выразителями мысли о едином всемирно-историческом прогрессе были Гегель и Конт. Гегелевская концепция универсального прогресса оказала, как известно, очень сильное влияние на историческую науку. Но существенный ее минус состоял (помимо ее идеалистичности) в том, что само понятие универсального единства исторического процесса здесь куплено дорогой ценой — ценой отсечения большого количества народов, как стоящих якобы в стороне от мировой истории, как «неисторических». Что касается Огюста Конта, то его «Курс позитивной философии» (1830—1842) рисует всемирно-исторический процесс как единое целое, не выключая из него ни одного народа, но зато и не интересуясь ни одним конкретным народом: изложение ведется Контом — хотя оно и «позитивистское» — на уровне сухой отвлеченной схемы.

В середине XIX в. зарождается мощное идейное движение в гуманитарных знаниях, охватившее прежде всего область этнографии, истории культуры, социологии, — эволюционизм. Основоположники и классики этого движения — Бастиян, Вайц, Лёббок, Мак-Леннан, Спенсер, Тейлор, Липшерт и др. — были воодушевлены убеждением в единстве человечества и в едином, закономерном пути его прогрессивного культурного развития. Эта идея навеяна была внушительными успехами естественных наук. В отличие от чисто умозрительной концепции прогресса у мыслителей XVIII и первой половины XIX в., труды эволюционистов 1850—1880-х годов были насыщены обильным фактическим материалом, главным образом этнографическим.

Схема социальной и культурной истории человечества была впервые подкреплена объективными фактическими данными, и именно в той части, где они как раз особенно были нужны: в изучении ранней истории человечества.

Больше всего сделал в этом отношении и удачнее всего связал эту раннюю историю с позднейшей «письменной» историей крупнейший американский ученый Льюис Морган. В его концепции мировой истории нашлось место и австралийским туземным племенам, и индейцам Америки, и кочевникам Азии, и народам античного мира, и древним германцам и кельтам¹⁹.

Прямым продолжателем Моргана в этом вопросе можно считать одного из виднейших современных американских этнографов — Лесли Уайта. В своем капитальном труде «Эволюция культуры» (1959) он нарисовал развернутую картину исторического развития человеческой культуры «в системе пространственно-временных координат». В основу этого развития он ставит «технологический прогресс», которому сопутствуют и другие компоненты эволюции: «социологический», «идеологический» и «сентиментальный». Лесли Уайт не отрицает важности изучения истории отдельных человеческих культур, различия между которыми детерминированы различиями экологической среды; но для познания общих законов и общего хода культурного развития нет надобности, полагает Уайт, приписывать во внимание экологическую среду и порождаемые ею особенности культуры. Изменчивость же самого человека на протяжении эпох Уайт не только признает, но подчеркивает: он несколько идеализирует социальные порядки, существовавшие в «первобытном» бесклассовом обществе, и напротив, сгущает темные краски при характеристике классового общества, основанного на частной собственности²⁰.

Марксистское понимание исторического процесса логически завершает именно эту линию исторической мысли. Опираясь на все достижения истории и всех вспомогательных исторических наук, основоположники марксизма последовательно проводили идею единства человечества, единого направления его социального и культурного развития. При этом своеобразие конкретно-исторических условий в каждой стране, в каждую эпоху, не игнорируется, напротив, на них направлен максимум внимания.

Что же касается вопроса об изменчивости или неизменности самой природы человека при всех переменах в исторических условиях, — а ведь об этом идет больше всего спор, — то для марксистской советской науки руководящей была и остается мысль Маркса, что «воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он (человек — С. Т.) в то же время изменяет свою собственную природу»²¹.

подавляющее большинство советских ученых-историков стоит именно на этой, в точном смысле слова, исторической точке зрения, по крайней мере в принципе: в конкретных исследованиях эта точка зрения, правда, не всегда осознается.

Это не означает, конечно, что уже решены до конца все стороны общей проблемы историзма. Далеко еще до этого. В сущности, остаются не до конца ясными два наиболее общих вопроса, хотя об этом много писали: 1) в каком смысле человечество представляет собой единое целое, и в каком смысле история человечества есть единый процесс? 2) что именно меняется в человеке и в общественной жизни при эпохальных переменах в ходе истории? и что остается неизменным, «общечеловеческим»?

Для обоснования и полного решения обоих общих вопросов необходима большая теоретическая работа.

¹ Le comte de Gobineau. Essai sur l'inégalité des races humaines, 2-me éd. Paris, 1884, t. 1, p. 179, 214—223; t. 2, p. 298—300, 451, 561.

² Rùckert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Leipzig, 1857, Bd I, S. 93—96.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 2-е изд. 1871, с. 90, 91 и др.

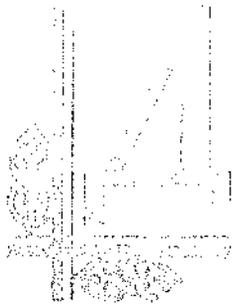
- ⁴ Шпенглер Освальд. Закат Европы, т. 1. М.— Пг., 1923, с. 20, 23, 24 и др.
- ⁵ Gräbner Fr. Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien.— Ztschr. f. Ethnol., 1905, Н. 1; *Он же*. Die Melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten.— Anthropos, 1909,
- ⁶ Frobenius L. Ursprung der afrikanischen Kulturen, 1898.
- ⁷ Kardiner A. The psychological frontiers of society. N.-Y., 1945, p. VII, VIII, 414—415, 440, 454.
- ⁸ Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев — Харьков, 1899.
- ⁹ Steward J. Theory of culture change, 1935, p. 4, 5—6.
- ¹⁰ Evolution and culture. Edit. by M. Sahlins, E. Service. 1960, p. 38.
- ¹¹ Herskovits M. Cultural anthropology, 1955, p. 349—351, 484—489.
- ¹² Toynbee A. A Study of history, v. 12, 1961, p. 227—229.
- ¹³ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 2. М.— Л., 1935, с. 235—237.
- ¹⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг, 1952, с. 144.
- ¹⁵ Фрейд З. Тотем и табу. М.— Л. (6 г.)
- ¹⁶ R. et L. Makarius. Structuralisme ou ethnologie. Paris, 1973.
- ¹⁷ Боас Ф. Ум первобытного человека. М.— Л., 1926, с. 64.
- ¹⁸ Виннер Р. Две интеллигенции. М., 1942, с. 297—321; *Он же*. Кризис исторической науки. Казань, 1921, с. 18, 19 и др.
- ¹⁹ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
- ²⁰ White Leslie A. The evolution of culture. New York, 1959, p. 18—28, 50—52, 278, 330 etc.
- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

АРХЕОЛОГИЯ

- Л. В. Алексеев
Некоторые вопросы заселенности и развития западиорусских земель в IX—XIII вв.
- А. К. Амброз
Длинные дома Полужеского городища IV—III вв. до н. э.
- О. Н. Бадер
Элементы культа светил в палеолите
- А. А. Бобринский
Из истории технологии восточноевропейского гончарства
- А. З. Винников
Орнаментация боршевской керамики
- Г. А. Вознесенская
Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н. э.
- Витольд Гензель (ГДР)
Два византийских памятника из Крушвицы
- Л. А. Голубева
Символы солнца в украшениях финно-угров
- В. О. Довженок**
Среднее Поднепрорье после татаро-монгольского вшествия
- Бордживой Достал (ЧССР)
Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии
- М. М. Кобылина
Золотой статер Лисимаха из Фанагории
- М. Комша (ПНР)
Восточные элементы в погребальном обряде курганных могильников у с. Нушфалзу и Сомшени
- Д. А. Крайнов
Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья
- В. В. Кропоткин
О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе
- Т. Н. Никольская
Воротынец
- М. Г. Рабинович
О земледелии в русском феодальном городе
- Т. В. Равдина
Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом
- И. П. Русанова
О ранней дате памятников пражского типа
- В. В. Седов
Городища Смоленской земли
- М. В. Седова
«Имитационные» украшения Древнего Новгорода
- А. Т. Смиленко
К изучению лепной керамики пенковских памятников
- Г. П. Смирнова
К вопросу о датировке древнейшего слоя Перевского раскопа Новгорода
- Г. Ф. Соловьева
Семилучевые височные кольца
- Э. А. Симонович
Некоторые наблюдения над датировкой черняховских памятников
- Б. А. Тимошук
Славянские поселения VI—VII вв. в Северной Буковине
- Иоахим Херрман (ГДР)
Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле
- Н. С. Шеляпина
Меч из раскопок в Московском Кремле
- С. С. Ширинский
Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии
- Ю. Л. Щапова
О древнерусском стекловарении
- Конрад Яжджевский (ПНР)
Элементы древнерусской культуры в центральной Польше

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАСЕЛЕННОСТИ И РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX—XIII ВВ.

ля всестороннего исследования вопроса о заселенности древнерусских земель нужна подробная карта древнерусских памятников — селищ, городищ и курганов, составленная на основе пеших обследований каждого квадратного километра всей территории Руси. Такая работа нереальна в больших масштабах, но на небольшой территории уже дала значительные результаты, однако и она связана с трудностями многолетних полевых работ¹.

Единственным источником здесь могут быть лишь те памятники, которые при достаточной массовости имеют узкую дату и свободны от этнических признаков. Этим условиям отвечают круглые курганные захоронения с общей датой IX—XIII в. (а в основном X—XII вв.), расположенные на землях, где нет неславянских курганов. Таких «чистых» территорий не так много. К ним не принадлежат, естественно, земли южнорусских территорий, где много курганов эпохи бронзы, скифов и т. д., земли северорусские, где встречаются финские насыпи (например, курганы веси). Остаются, следовательно, промежуточные районы верховьев Западной Двины, Днепра, Десны и отчасти, может быть, Оки, дославянское население которых подобных погребальных сооружений не знало². Самые ранние курганы здесь (их славянский характер подчас оспаривается) относятся к VII—IX вв. и не имеют полусферических форм. Названная территория соответствует Полоцкой, Смоленской и северной части Черниговской земель. В настоящей статье первые две и будут предметом сравнительного изучения.

Заселение будущих Полоцкой и Смоленской земель славянами началось в VII в., по-видимому, вследствие их движения из Псковщины (В. В. Седов). В период VII—IX вв. (эпоха длинных курганов) славяне распространились в район бывлой днепро-двинской культуры балтских аборигенов и ее потомков (так называемая культура типа Банцеровщины — Тушемли). В эпоху длинных курганов они не продвинулись далее границы, разделявшей некогда (рубж и. э.) «днепро-двинцев» от «штриховиков»³. Их остановил пояс лесов, разделявший эти две груп-

пы племен в древности и сохранившийся в качестве (этнического?) рубежа у их потомков⁴. Перемещение славян на бывшую территорию «штраховиков» относится к IX—X вв. (трупосожжения в круглых курганах севернее линии Соломерче — Орша), а в XI в. кривичи заняли уже всю современную территорию Северной Белоруссии до линии Изяславль — Борисов — Орша⁵.

Наша археологическая карта Полоцкой земли свидетельствует о том, что славяне солились на новых землях не хаотически, а группами, которых разделяли густые леса⁶. Наименее заселенными были крупные водоразделы между бассейнами Двины и Днепра, где кривичские поселения, судя по курганным группам, единичны. Самых больших скоплений насчитывается девять, восемь из которых были кривичскими (Полоцко-Ушачское, Гайно-Березинское, Друцкое, Лукомльское, Оршанское, Усвятское, Витебское и Изяславльское) и два дроговичских (Минское и Свибловское). Примечательно, что семь кривичских скоплений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по площади и количеству памятников превышает их вдвое или даже втрое. Не исключено, что это соответствует десятичному членению древнерусских племен, о которых писал Б. А. Рыбаков⁷.

Как и в Полоцкой земле, насыщенность кривичскими курганами на Смоленщине не была равномерной и скопления деревень здесь перемежались зонами их большой разреженности. Однако картина концентрации населения здесь была несколько иной.

В Смоленской земле мы наблюдаем три крупнейших скопления древнего населения. Интенсивным заселением кривичами в IX—X вв. была зона междуречья верховьев Сожа — Днепра и Каспли, а также района верховьев Западной Двины — Торопы, у Торопецкого и Жижецкого озер. В. В. Седов уже указывал, что это были районы, в которых ранее (VII—IX вв.) население хоронило в длинных курганах, и это дало ему право говорить о генетической преемственности населения этих мест⁸. Третье большое скопление населения мы видим в южной части Смоленской земли, заселенной радимичами. Здесь нет, к сожалению, курганов, внешне форма которых уже позволяла бы их распознать во времени. Все же курганов в этих местах раскопано достаточно много и общую картину заселения края можно представить. Если насыпи у Демьянок на Ипути споры и, возможно, не имеют отношения к предшествующей культуре Бандеровицы — Тушемля — Колочина (VI—VIII вв., как в противоположность автору раскопок полагает В. В. Седов⁹), то немногочисленные курганы с сожжениями IX—X вв. показывают, что радимичи в это время были разбросаны по южной Смоленщине небольшими поселениями в несколько домов каждое¹⁰. Приходится делать вывод, что основная масса радимичского населения возникла в этих местах позднее и обилие оставленных ими курганов падает на XI—XII вв. Однако это был процесс внутренний, ибо, как уже показал Б. А. Рыбаков, никаких польских материалов радимичские курганы не содержат и известное свидетельство летописи (радимичи «от ляхов») археология не подтверждает¹¹. Земли, интенсивно заселенные радимичами, мы видим в Смоленщине на верхнем Остремье, при впадении этой реки в Сож, в районе нижнего течения Стометы и на Верхней Беседи, при впадении Ресты в Ипроню и в междуречье первой с Ухлястью. Вблизи южной границы Смоленской земли также много курганов, однако эта последняя отчетливо прослеживается в виде

широкой незаселенной полосы, прекрасно различной и на других археологических картах¹².

Однако в Смоленской земле были заселенные места и иного типа. На водоразделе Днепра и Двины на нашей карте видны вытянутые скопления курганов, тянущиеся узкой лентой почти в меридиональном направлении. Условно они были названы нами «ленточными»¹³. Всего здесь насчитывается три таких ленты, но есть они и в других местах (например, со стороны Торопецкого озера на р. Серезу). Начинаясь от Гнездова, на северо-запад тянется лента курганов и проходит через Касплю (с топонимом Волочек), вдоль рек Удры и Клецы (сливаясь, они дают Касплю), а затем к верховьям р. Чербесны — левому притоку Каспли. Вторая лента курганов тянется из района Гнездова-Смоленска мимо современных деревень (с курганами) Стабня, Сырокоренье, Вольная Слобода, Брод и т. д., оканчивается у р. Гобзы и озер Ржавец и Поганое. Третья полоса с изгибами тянется от Днепра выше Смоленска вдоль р. Воль, его правого притока и также переходит к р. Гобзе. Подобные ленточные скопления есть и в соседней Полоцкой земле, именно там, где наблюдается сближение в древности судоходных рек (например, к северо-востоку от Орши), также в других местах между двумя пунктами (например, между смоленской Копысью на левом берегу Днепра, известной своим бродом, и Друцком на р. Друти тянется длинная цепочка курганов). Причина таких ленточных расположений древних сел очевидна: они тянулись вдоль древних дорог, по волокам и т. д., но также и вдоль тех рек, через которые пролегли торговые пути (случай с дорогой Копыс — Друцк, в Оковском лесу и т. д.¹⁴). Кучевых или расплывчатых скоплений селений в указанном междуречье Днепра и Двины в Смоленской земле не так много: более всего к северо-западу (например, к северо-западу от озер Ржавца — Поганого, немного к северу от него — оз. Щучье и разбросанные села от него к северо-востоку).

Малозаселенными в древности были территории бывших Гжатского и Сычевского уездов. В XVI—XVII вв., проезжая в Москву, иностранцы фиксировали здесь громадные незаселенные массивы лесов. Однако некоторые отмечали, что многие места, еще недавно занятые лесом, теперь «растущены трудолюбием жителей» (Павел Новокамский). С. Герберштейн в XVI в. видел остатки таких лесов, которые отличал «по полям»¹⁵. Население с трудом осваивало этот массив, теснясь у берегов рек, у сухопутных дорог. Оковский лес был на главном водоразделе европейских рек, из него начинались крупнейшие реки и можно полагать, что наименование его не случайно: в финских языках «joki» означает «река». Оковский лес, следовательно, у его северных аборигенов именовался «Лесом Рек».

Не случайно, что и топоним Оковец с городищем X в. на притоке р. Песочной — Пырышне в совр. Селижаровском р-не Калининской обл.¹⁶ был в северной части этого леса, где аборигенами были poblizosti и племена финнов.

Как в древности была заселена южная часть Смоленщины, восстановить труднее, так как леса там теперь встречаются небольшими островками. Однако по более поздним сведениям густые незаселенные места были и там. Так, комтур Рагнети, например, следовавший в 1406 г. через Белоруссию в Брянск для помощи Витовту, от самого Днепра ехал лесами и за 17 (!) дней пути лишь трижды смог заночевать под крышей¹⁷.

Лесов этих лет и в помине. Некоторая разреженность домонгольских сел в районе севернее Мстиславля, а также севернее истоков рек Стомети и Остра и малонаселенные места к востоку от Ельны, по-видимому, объясняется наличием ныне вырубленных в этих местах в позднейшие времена древних лесов.

Характер заселенности Полоцкой и Смоленской земель несомненно зависел от причин как географических, так и от заселенности страны аборигенами, которых приходилось славянам ассимилировать. Но какую роль этот характер сыграл в дальнейшем экономическом и политическом становлении этих земель? Полоцкая земля, как мы видели, была на одном из важнейших ответвлений торговых путей Руси — Днепр — Двина (Византия — Киев — Готланд — Скандинавия и др.), что не могло не влиять на народы земель, через которые эти пути проходили, например, на полоцких кривичей. И действительно, именно на торговых путях концентрируется полоцкое население, на них найдены все основные клады и отдельные находки арабского серебра¹⁸. Полоцкая земля одна из первых стала на путь феодальной раздробленности¹⁹. Смоленская земля располагалась на другом ответвлении того же пути: Днепр — Западная Двина — Ловать (Византия — Киев — Новгород — Скандинавия) и его волоков. Как и в Полотчине, в ней было довольно много кладов монет и отдельных вещей, по тем явлениям расцвета самостоятельности, которые Полоцкая земля переживала во второй половине XI в. (при Всеславе Полоцком, 1044—1101), докатились до нее не менее чем на полстолетие позднее (Ростислав Смоленский, 1127—1159), и дело, следовательно, не только в торговых путях и торговле.

Эпоха феодальной раздробленности проявляется прежде всего в развитии городов²⁰. Вот здесь-то мы и начинаем ощущать различие той и другой земель. В Полоцкой уже в XI в., помимо Полоцка, известны: Коныс (1059), Витебск (1021), Минск (1067), Друцк, Лукомль и Логожск (1078) и др. — всего 10 наименований²¹. В Смоленской, помимо Смоленска (IX—X вв.), в XI в. прибавляется только Торопец (оттуда происходит знатный купец-торопчанин)²². Все остальные города земли упоминаются только в XII в., причем в третьем десятилетии было в Смоленщине лишь три (!) города (Смоленск, Торопец и Вержавск)²³, к которым к середине XII в. прибавляется лишь Мстиславль (1056) и, судя по раскопкам, Ростиславль (Рославль), и только во второй половине XII в. появляется Дорогобуж и еще несколько, упомянутых в епископской грамоте конца XII — начала XIII в. «О погородьях и почестях»²⁴. Обращаясь к карте смоленских курганов, можно заметить, что первые города земли — Смоленск и Торопец — возникли как раз в гуще древнейших поселений — на Днепре между скоплениями сел в верховьях Сожа — Днепра и Каспи и на Торопецком озере. Скопления эти восходят к кривичам эпохи длинных курганов, и напрашивается предположение, что оба города выросли из двух племенных центров кривичей. Действительно, по летописи Смоленск был столицей днепровских кривичей, Торопец, может быть, «верхнедвинских». Гнездовский Смоленск датируется, как известно, концом IX — началом XI в. Раскопки Н. П. Милонова и Я. В. Станкевич позволяют предполагать, что Торопец возник в конце X — начале XI в. и был небольшим еще поселением²⁵. Вряд ли случайно в современном г. Торопце есть укрепления, именуемые теперь «Кривит», а ранее, судя по писцовым книгам XVII в., — «Кривитеск»²⁶.

Центры городского типа возникали в Полоцкой земле в указанных скоплениях девяти поселений, и все девять со своими центрами к концу XI в. представляли, видимо, самостоятельные экономические районы, которые распределяли между собой сыновья Всеслава Полоцкого на рубеже XI и XII вв. Так возникли на земле самостоятельные удельные княжения. Не исключено, что многие периферийные центры скоплений полоцких кривичей (и северных дреговичей с Минском) первоначально в большинстве случаев были племенными погостами (первоначальный Минск — на р. Менке в 10 км от современного), которые феодалы и князья использовали в своих целях: подчинив погост, князь подчинял и всю тянущуюся к нему округу.

Интересные дополнительные данные о развитии городских центров дает сравнительное рассмотрение каменного церковного зодчества домонгольской Руси, ибо «сохраняясь наиболее полно в течение веков, (оно) более всего доносит до нашего времени идейно-политические и художественные взгляды своей эпохи»²⁷.

В Полоцкой земле каменное церковное строительство началось в середине XI в. (Софийский собор), т. е. почти тогда же, когда оно получило развитие и в других центрах Руси — в Чернигове, Киеве, Новгороде. Максимальное развитие полоцкого зодчества, создавшего свою школу, падает на первую половину XII в. (ансамбль Бельчицкого монастыря, церкви в Витебске и в Минске и, если верить записи XIV в., на друцком Евангелии²⁸, — храм в Друцке. После блестящих архитектурных решений при строительстве церкви Евфросинии Полоцкой (до 1164), архитектурная школа в этой земле замирает. В конце XII в. Полоцкая земля переходит под влияние Смоленска и, любопытно, что недавние исследования новонайденного храма этого времени в Полоцке полностью это влияние подтвердили!²⁹

Развитие центров Смоленской земли начинается позднее полоцких, падает на середину и вторую половину XII в. и носит совершенно иной характер. Как мы показываем в другой работе, помимо Смоленска, крупнейшие города земли выплачивали епископии особую городскую подать «погородье», и документ, его фиксирующий, свидетельствует, что на рубеже XII—XIII в. в Смоленской земле было не менее 13 городов. Каменное церковное строительство здесь также отражает развитие княжества, и, как и в Полотчине, оно было связано прежде всего с инициативой княжеских верхов. Но вследствие того, что князья здесь в домонгольское время не раздробили княжества на уделы, то каменное зодчество развивалось здесь не в разных частях земли, а лишь в трех, по-видимому, там, где деятельность князей и крупнейших бояр проявлялась в наибольших размерах: в Смоленске (по И. Д. Белогорцеву около 46 мест с остатками домонгольских церквей, по М. К. Каргеру — около 30, однако изучено их не более полутора десятков³⁰), в Мстиславе (детинец). Ростиславле (детинец и посад)³¹, т. е. в столице земли и в городах княжеского домена³². Первый храм в Смоленске был возведен Мономахом в 1101 г., т. е. на 50 лет позднее первого полоцкого собора. Расцвет смоленского домонгольского зодчества начинается с тем же «опозданием» — в сороковых годах XII в. (когда в Полоцке строительство почти кончается) и продолжается до 80-х годов. В 40-х годах возведены церкви Петра и Павла, собор на Смядыни (1145). В середине XII в. — храмы в Смоленске: в Перекопном переулке, «Терем», ротонда, церкви в Рославле и в Мстис-

лавле. В 60—70-е годы — церковь Иоанна Богослова, а в 80-е — малый храм на Смядыни. Последний этап смоленского зодчества, распространившийся на Полоцк и даже Киев, падает на самый конец XII в.³³

Сказанное можно дополнить: епископская кафедра в Полоцке возникла в начале XI в., в Смоленске ее мечтал основать Мономах, но удалось это лишь его внуку — Ростиславу в 1136 г. с «опозданием» на 130 лет³⁴.

Разновременность развития Полоцкой и Смоленской земель зиждилась, без сомнения, на глубоких экономических причинах и можно думать, что немаловажное значение среди них имело географическое положение этих земель и связанная с ним их заселенность. Обилие рек и озер (к югу от устья Полоты), Днепро-Двинско-Ловатская система рек и озер (к северо-западу от Смоленска), притянувшие к себе кривичей, вскоре оказались включенными в крупнейшую водную коммуникацию Руси — «Путь из варяг в греки», что не могло не способствовать интенсификации расселения этих племен. Обилие торговых путей в Полотичине (засвидетельствованноекладами³⁵) обеспечило, видимо, экономическое развитие этой страны в IX—X вв., и к концу X в. она оформилась одной из первых в самостоятельное княжество.

Смоленская земля в IX—X вв. была заселена у той же магистральной, однако эта последняя проходила по ее территории лишь в западной части (где и сгрудилось первоначальное славянское население страны). По-видимому, не вся земля смоленских кривичей, а лишь ее часть сравнительно быстро развивалась. Условий для создания отдельной землекняжества в это время здесь не было. К тому же, как показывает анализ первых доходов смоленского князя в 1054 г., они представляли дань лишь с 12 пунктов: на «Пути из варяг в греки», верхней Волге и Восточной части земли (до присоединения «вятического клина»³⁶). До этого кривичи платили дань варягам, а в 1054 г. эта дань перешла к Смоленску. Ясно, что эти 12 пунктов и были теми центрами, с которых варяги ранее собирали свою грабительскую дань. Энергичная колонизационная деятельность смоленских князей между 1054 и 1136 гг. способствовала присоединению к Смоленску отдельных центров скопленных поселений в разных частях кривических земель (Бортницы, Витрин, Жидичи, Басся, Мирятичи — вторая половина XI в.), вятических земель (Добрятино, Доброчков, Бобровницы — начало XII в.; перед 1116 г. — Путтино с подчиненными ему Беницами; перед 1136 г. — Искона), в радимических землях (Заруб, Пацынь, Прупой, Кречут-Кричев — между 1116—1136 гг.)³⁷. Создание самостоятельной смоленской епископии (1136) показывает, что собиране разрозненных скоплений вокруг этого крупнейшего центра не только завершилось, но и в стране созрели условия для максимального сепаратизма. Падение роли «Пути из варяг в греки» теперь сменилось меридиональным путем по Двине, пересекающем страну в разных направлениях (Суздальское Ополье, Киев, Новгород, Готланд и др.). Усилившиеся торговые операции с немцами, приведшие в 1201 г. к постройке в устье Западной Двины Риги, в XIII в. уже оформлялись специальными договорами (1229 г. и др.). Напомним, что Смоленскую землю не разоряли в такой степени (как Полоцкую) усобицы собственных князей. К кон-

Рис. 1. Карта-схема расположения поселений Полоцкой земли (по курганам)

- 1 — курганы и курганные группы (кучерые скопления);
- 2 — курганы и курганные группы, ленточные скопления (дороги);
- 3 — граница земли;
- 4 — граница расселения племен;
- 5 — граница Полоцкой земли;
- 6 — водоемы, определяемые в топонимах;
- 7 — границы между племенами;
- 8 — древние колодцы

2.
23

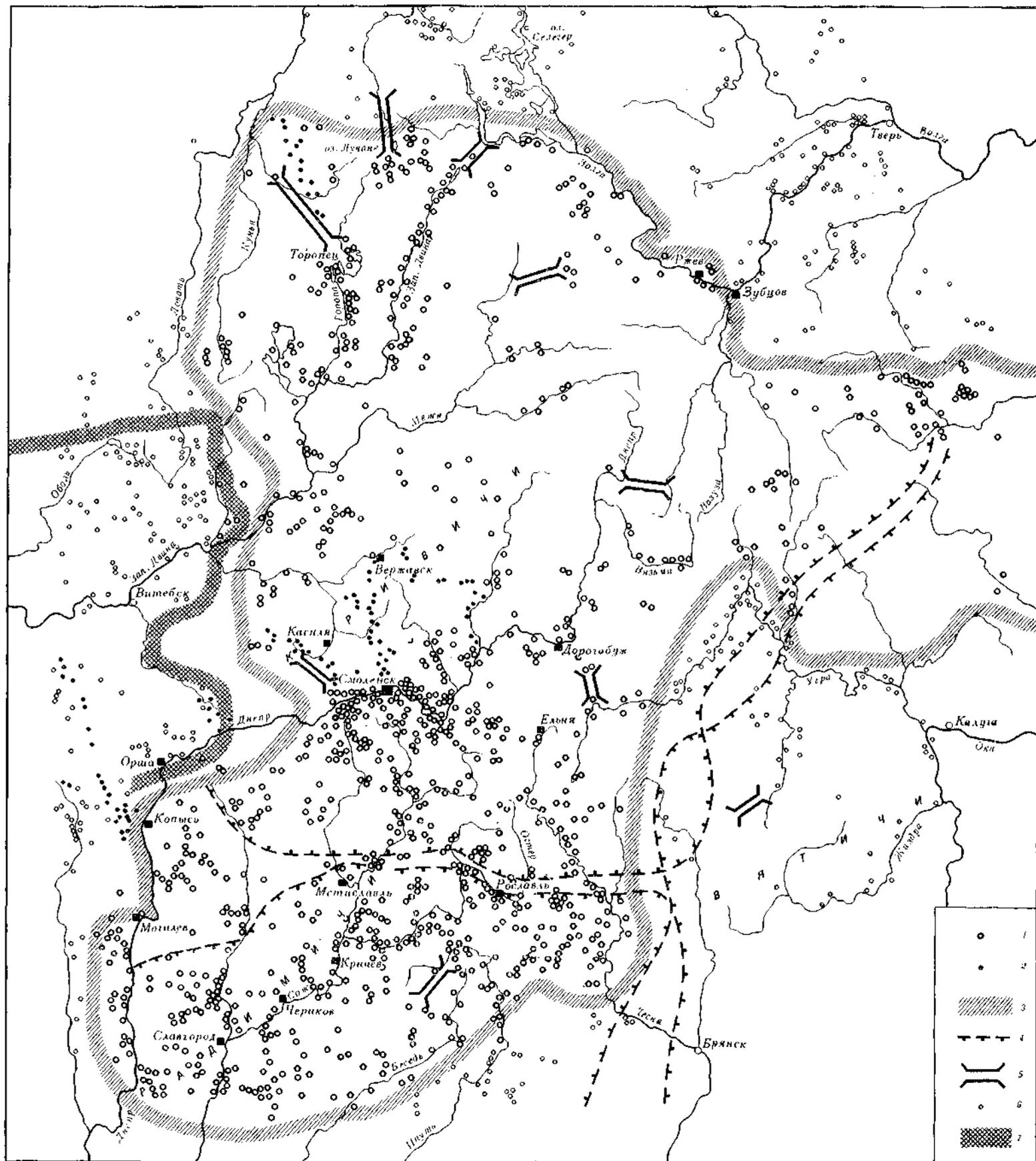

Рис. 2. Карта-схема расположения поселений Смоленской земли (по курганам)

- 1 — курганы и курганные группы;
- 2 — курганные могильники на дорогах;
- 3 — граница Смоленской земли;
- 4 — границы расселения племен;
- 5 — волоки, определяемые по топонимам;
- 6 — курганы не Смоленской земли;
- 7 — границы Полоцкой земли.

цу XII в. князья эти занимали в Руси ведущее положение. Смоленская земля, наконец, была удалена от воинственных соседей, таких, как половцы (в южных княжествах), немецкий Орден (Полоцкая земля); с ними воевать, следовательно, не приходилось. Удивительно ли, что в середине и второй половине XII в. Смоленск (находившийся уже на современном месте) поразительно расцвел? И это его «второе рождение» (после «первого» — гнёздовского) немедленно сказалось в грандиозном каменном строительстве церквей и светских зданий и так в самом городе, так и в крупнейших городах княжеского домена — Мстиславле и Ростиславле.

Таковы некоторые моменты исторического развития Полоцкой и Смоленской земель домонгольского времени, которые вырисовываются при наблюдениях над географическими особенностями этих земель и их древней заселенностью.

- ¹ *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— МИА, 1961, вып. 92.
- ² Из сотни раскопанных круглых курганов в Смоленской земле лишь три группы на юге содержали насыпи VII—VIII вв. (Воровино, Прудки, Церковище), что не меняет картины (*Соловьёва Г. Ф.* Памятники конца I тысячелетия н. э. в верхнем Поднепровье.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970).
- ³ Предположение о существовании длинных курганов Пошемапя оказалось ошибочным (См.: *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ Е1-8, 1974, с. 10).
- ⁴ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 50; *Он же.* Полоцкая земля. Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 206.
- ⁵ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (1966), с. 51, карта.
- ⁶ Леса эти документированы еще в XVI—XVII вв. проезжавшими через них в Московию иностранцами, частично сохранились и поныне.
- ⁷ «Съто» или «погост» — городище с селами — весями в округе. «Тысяча» — десять таких погостов, «Тыма» — десять тысяч погостов (см.: *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси.— В кн.: Проблемы возикновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 25—28. «Сновская тысяча» летописи, по мысли автора, — тоже гнездо городищ (там же, с. 27).
- ⁸ *Седов В. В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвипья. М., 1970; *Он же.* Смоленская земля. Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 241 сл.
- ⁹ *Соловьёва Г. Ф.* Славянские курганы близ с. Демьянки.— СА, 1967, № 1; *Седов В. В.* Славяне..., с. 135.
- ¹⁰ *Соловьёва Г. Ф.* Погребальные обряды. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра.— САИ, 1962, вып. Д1—12.
- ¹¹ *Рыбаков Б. А.* Радзімічы, пр. III. Минск, 1932, с. 134; ср.: *Соловьёва Г. Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968; *Седов В. В.* Славяне..., с. 141.
- ¹² См.: Древности железного века в междуречье Десны и Днепра.— САИ, Д1—12. М., 1962, табл. 12 (граница шла между курганными группами 140 и 233, 89 и 143, 28 и 6, 17 и 76 и т. д.).
- ¹³ *Алексеев Л. В.* Грамота Ростислава Мстиславича Смоленского в свете данных археологии.— В кн.: Беларускія старажытнасці, Минск, 1972, с. 186; *Он же.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— In: *Słowianie w dziejach Europy. Poznań*, s. 104.
- ¹⁴ *Алексеев Л. В.* «Оковский лес» Повести временных лет.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- ¹⁵ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 113.
- ¹⁶ Городище Оковец обследовалось автором в 1972 г. См.: *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО, 1972. М., 1973, с. 49—50.
- ¹⁷ *Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. Kraków, 1882, s. 131.
- ¹⁸ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля..., с. 84, карта.
- ¹⁹ Там же, с. 289 и сл.
- ²⁰ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949.
- ²¹ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 133 и сл.
- ²² «Исакии... купец, родом торопчанин» (ПВЛ, 1. М.—Л., 1950, с. 127).

- ²³ Первоначальным Смоленском я считаю древний комплекс памятников в Гнездове. (Алексеев Л. В. О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1, с. 83). Местоположение Вержавска определено В. В. Седовым. (Седов В. В. Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в.— КСИА, 1962, вып. 90). К 1136 г. Вержавск был уже самостоятельным центром: он внесен в список доходов смоленского князя позднее округи, которая была ему подчинена и состояла из девяти погостов (подробнее об этом см.: Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г...)
- ²⁴ ПСРЛ, II, М., 1962, стб. 485 (Мстиславль). Не исключено, что этот город существовал и в 1135 г. Однако характер дошедшего до нас летописного фрагмента не позволяет думать, что названная дата относится именно к Мстиславию, а не только к Смоленску. (Текст см.: Шапов Я. Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 282).
- ²⁵ Станкевич Я. В. К истории населения верхнего Подвинья в I—начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, № 76, с. 145.
- ²⁶ Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения Торопца.— КСИА, 1961, вып. 86, с. 19.
- ²⁷ Вороник П. Н. Архитектурный памятник как исторический источник.— СА, 1954, XIX, с. 41.
- ²⁸ Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, с. 9—10.
- ²⁹ Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вповь открытого храма на Верхнем замке).— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 208—209.
- ³⁰ См. МИСО. Смоленск, 1952, вып. 1; Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964; Смирнова А. С., Раппопорт П. А. Архитектурные достопримечательности Смоленска. М., 1976, с. 6—33.
- ³¹ Оба города исследовались автором.
- ³² Алексеев Л. В. Дворец Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. (Памяти Н. Н. Ворошиной). М., 1976.
- ³³ Смирнова А. С., Раппопорт П. А. Архитектурные достопримечательности..., с. 19 и сл.
- ³⁴ Porpe A. Państwo i kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968.
- ³⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля (1966), с. 85; Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1968, с. 18, карта.
- ³⁶ Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского, с. 91, 96, табл. II.
- ³⁷ Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского, с. 91.

А. К. АМБРОЗ

ДЛИННЫЕ ДОМА ПОЛУЖСКОГО ГОРОДИЩА IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Городище около д. Полужье (на р. Деспе, 20 км южнее г. Брянска) археологи называют «Красным Городищем» по бывшему там малельскому выселку, население — «Крутой Горою». В 1958 г. на площади 10×8 м вскрыты на материке (пятнадцатисантиметровый слой белого мягкого песка поверх очень плотного оранжевого суглилка) следы шести столбовых построек (рис. 1)¹. При зачистках обнаружены три неглубокие (5—10 см) западины и цилиндрические столбовые ямки от 10—15 до 45—70 см при диаметре от 3—4 до 10—12, редко 20 см². Склонение столбов в северной части раскода говорит о неодиократном

строительстве в этом месте, но отсутствие западин и очагов не позволяет очертить контуры отдельных построек. Западины и столбовые ямки в северо-восточном углу и у южного края раскопа отмечают места других сооружений, только затронутых в процессе раскопок.

Лишь дом 1 выделяется относительно хорошо котлованом, врезанным с одной стороны в материковый склон до глубины 10, а в восточной части до 25 см, двойными рядами столбовых ямок вдоль краев и двумя продолговатыми очагами. На прокаленном до ярко-оранжевого цвета участке материка 60×40 см (центральная часть с поперечником 25 см прокалена в глубину до 3—4 см) в слабом углублении лежала куча золы. Помельше золы было на другом очаге размером 40×33 см. Лежащий выше культурный слой имеет тонкослоистую структуру и включает пятна глины среди углистой основы. И в плане и в профиле этот слой не связан с домами, а перекрывает весь участок как одно целое. Это слой свалки, устроенной здесь обитателями городища после того, как дома на мысу обветшали и были покинуты: вероятно, население сосредоточилось в этот период ближе к валу. Отпечатки столбов высотой 20—30 см в прослойке 1 показывают, что развалины стен еще виднелись на поверхности, когда начали сваливать мусор. Поэтому дата нижнего (юхновского) слоя IV—III вв. до н. э.³ справедлива и для построек. Выделить отдельные постройки и дать их характеристику позволяют аналогии.

Вытянутая форма дома, устройство стен из двойных рядов столбиков, открытые продолговатые кострища, особенно деление жилого помещения на две части — основную с очагом и лемного углубленную по сравнению с нею часть $4,4 \times 3,2$ м (14 кв. м) — все эти особенности дома 1 находят ближайшее соответствие в домах I—II вв. н. э. на той же территории в радиусе 20—40 км (Синьково, Почеп, Гасома)⁴. Еще одна аналогия тем и другим неожиданно обнаружилась в Польше, на знаменитом лужицком городище в Бискупине (550—400 гг. до н. э.)⁵. Так как других связей между лужицкой культурой и памятниками Подесенья нет, следует считать, что сходство возникло независимо, на близком техническом уровне и в близких природных условиях.

Ценность Бискупина для темы в том, что редкая сохранность дерева позволяет видеть в натуре строительные конструкции того же типа, как доспичские, от которых остались непонятные без аналогий незначительные следы на песке.

Дома Бискупина в целях компактности соединены в длинные цепочки. Каждый дом состоял из мощной квадратной площадки с очагом 35—65 кв. м, проходных сеней 10—20 кв. м и немного углубленного продолговатого отделения в дальнем от двери теплом конце дома 12—15 кв. м (иногда размеры выходят за эти рамки; вообще в раннем слое дома крупнее, в позднем — меньше). Для более плотной застройки двора крепости сени домов примыкают к боковой стене. Если же представить их стоящими у торцевой стены, сходство с домами Синькова (почепская культура I—II вв.) будет поразительным. Размеры сеней у них в среднем 17,5 кв. м, помещения с очагом 38—66 кв. м, углубленного пространства сзади — 11—13,5 кв. м. Сходны и пропорции углубленной части: в среднем в Бискупине 7×2 м, в Синькове $4,7-5,2 \times 2,2-2,6$ м, в Полужье $3,8-4,4 \times 3,2-3,4$ м.

Польские археологи считают, что углубленные теплые части домов в Бискупине были заняты коллективными лежанками, нарами. Три раза в

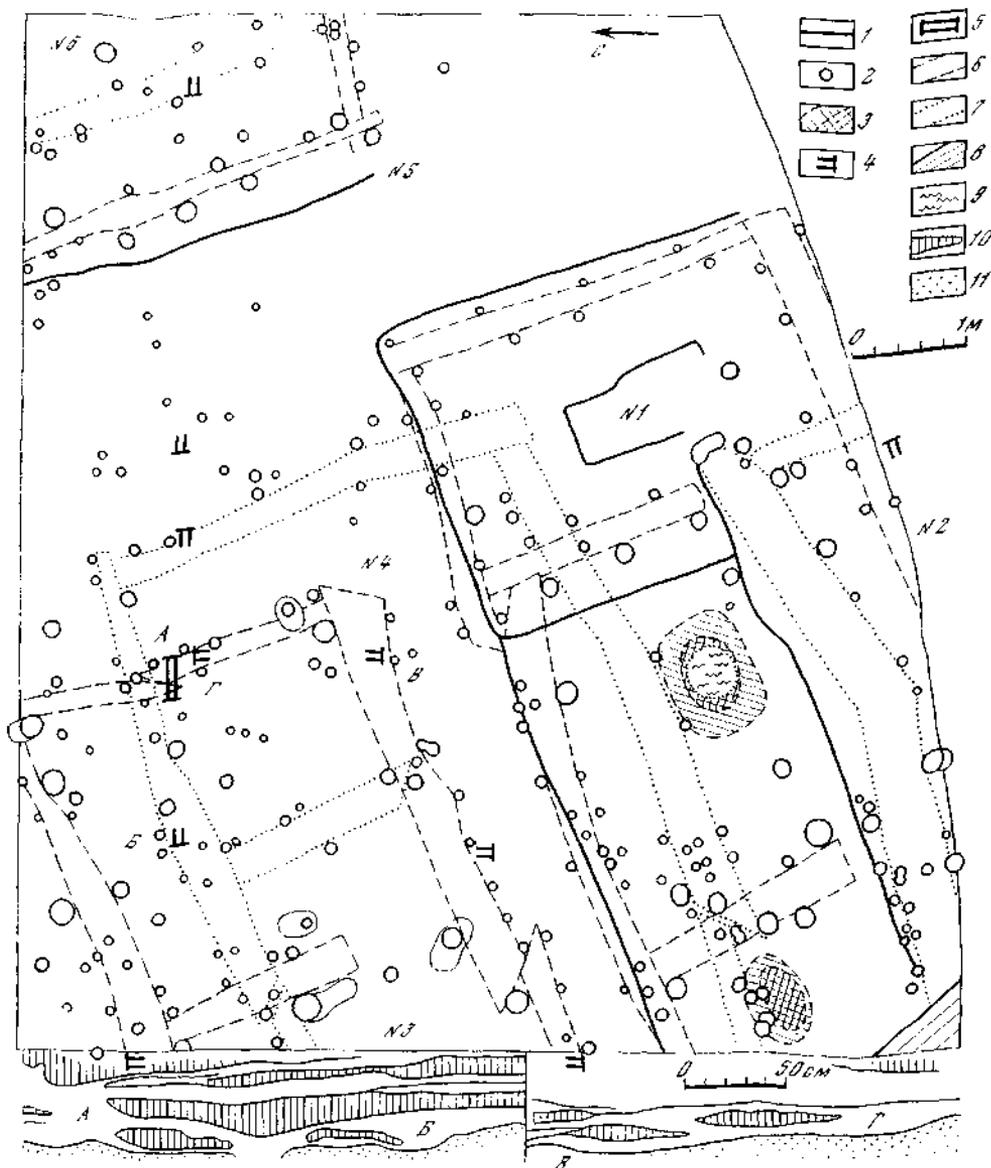

Рис. 1. Сооружения IV—III вв. до н. э. на Полужском городище. Вверху — реконструкция планов сооружений на материке

- 1 — края ясно выраженных углублений;
- 2 — столбовые дымы;
- 3 — кострища;
- 4 — края слабо выраженных углублений в материке, прослеженные только на профилях;
- 5 — след стены дома № 3, зафиксированный на

- профиле культурного слоя;
- 6—7 — предполагаемое расположение деревянной закладки стен домов (6 — стены домов № 1, 3, 5; 7 — стены домов № 2, 4, 6);
- 8 — яма, вырытан с поверхности прослойки 1;

- 9 — зола;
 - 10 — прослойка светлой глины;
 - 11 — материковый песок.
- Внизу — детали профилей нижней части культурного слоя со следами степ построек № 3 (А, В, Т) и № 4 (Б)

них найдены поперечные брусья с обломками стоек и пазами для них, служившие опорой для настилов лежанок. На основе восточнославянских этнографических аналогий они предполагают, что углубленное пространство под нарами использовалось как кладовая или туда помещали во время холодов мелких животных⁶. Подробные сведения о подобных устройствах XIX—XX вв. собраны Е. Э. Бломквист. Они называются «пол», «примост», «ленивка»⁷ и есть также в современных домах д. Синьково. При открытом очаге они находились в теплом заднем конце дома, с появлением закрытых печей были перенесены вплотную к источнику тепла. Следы полатей есть в некоторых древнерусских полуземлянках, иногда под полатами стояли большие сосуды с зерном (один раз в углублении)⁸. Спать на полатах-нарах было теплее и гигиеничнее, чем внизу на полу, и это устройство, несомненно, имеет глубокую древность, хотя его следы не всегда остаются.

Как и в Бискупине, задние теплые помещения домов в Синькове и Полужье предназначались для полатей с низким хозяйственным помещением под ними, частично загороженным низкой стенкой (следы стенок тоже имеются). Передний край полатей мог опираться и на стоящий перед ним толстый столб (соху, державшую крышу)⁹. Особенность домов I—II вв. — продолговатая яма разной глубины под примостом. На ее дне — натек, часто окрашенный железистыми окислами от сгнивших органических веществ: вероятно, когда дома были заброшены, в пустых ямах скапливалась вода. В ямы падал тот же мусор, что и в развалинах находящихся над ними помещений (например, постепенно сползал край большой кучи золы, а сверху по осыпи рассыпался сброшенный разбитый горшок — дом 20)¹⁰. Хорошая сохранность открытых ям в мягком песке была бы невозможна без деревянной облицовки. В немногих случаях, когда ям нет, их, вероятно, заменял стоявший под нарами ящик тех же размеров. Его отпечатком надо считать прямоугольное углубление 1,5×0,6 м в полужском доме 1: северный конец ящика был на 5—10 см углублен в слегка наклонный грунт (стенки углубления отвесные, заполнение — черная прослойка № 1).

Бискупинские строители знали сруб «внахлест», иногда в комбинации со столбовой техникой, но предпочитали закладку горизонтальных бревен в пазы стоек. В позднем периоде, когда дома делали меньше и худшего качества, использовали более тонкий лес и стояки с пазами нередко заменяли двойными рядами столбов, обычно тонких. Этот прием известен в средневековье и в XIX—XX вв., но уже только для сеней, хозяйственных построек и заборов. Считается, что к нему прибегали или при отсутствии хорошего строительного леса, или когда не требовалась большая прочность постройки¹¹. Именно эта техника строительства применялась в Синькове и Полужье.

На Синьковском селище мною раскопаны в 1956—1957 гг. десять наземных домов частично и два целиком (7 и 23). Опубликованы сведения о домах 7, 9, 12, 15, 23 (последний со схемой реконструкции кладки стен)¹². Благодаря тому, что дома 20—22 построены на склоне, стены двух из них на протяжении 10 м идут внутри котлованов максимальной глубиной до 60 см в материке, и на их примере хорошо видна взаимосвязь находимых на деснинских селищах I—II вв. углубленных помещений-примостов, кострищ, цепочек столбов и скопленных хозяйственных ям в сенях (как в доме 23).

А. К. АМЕРОЗ

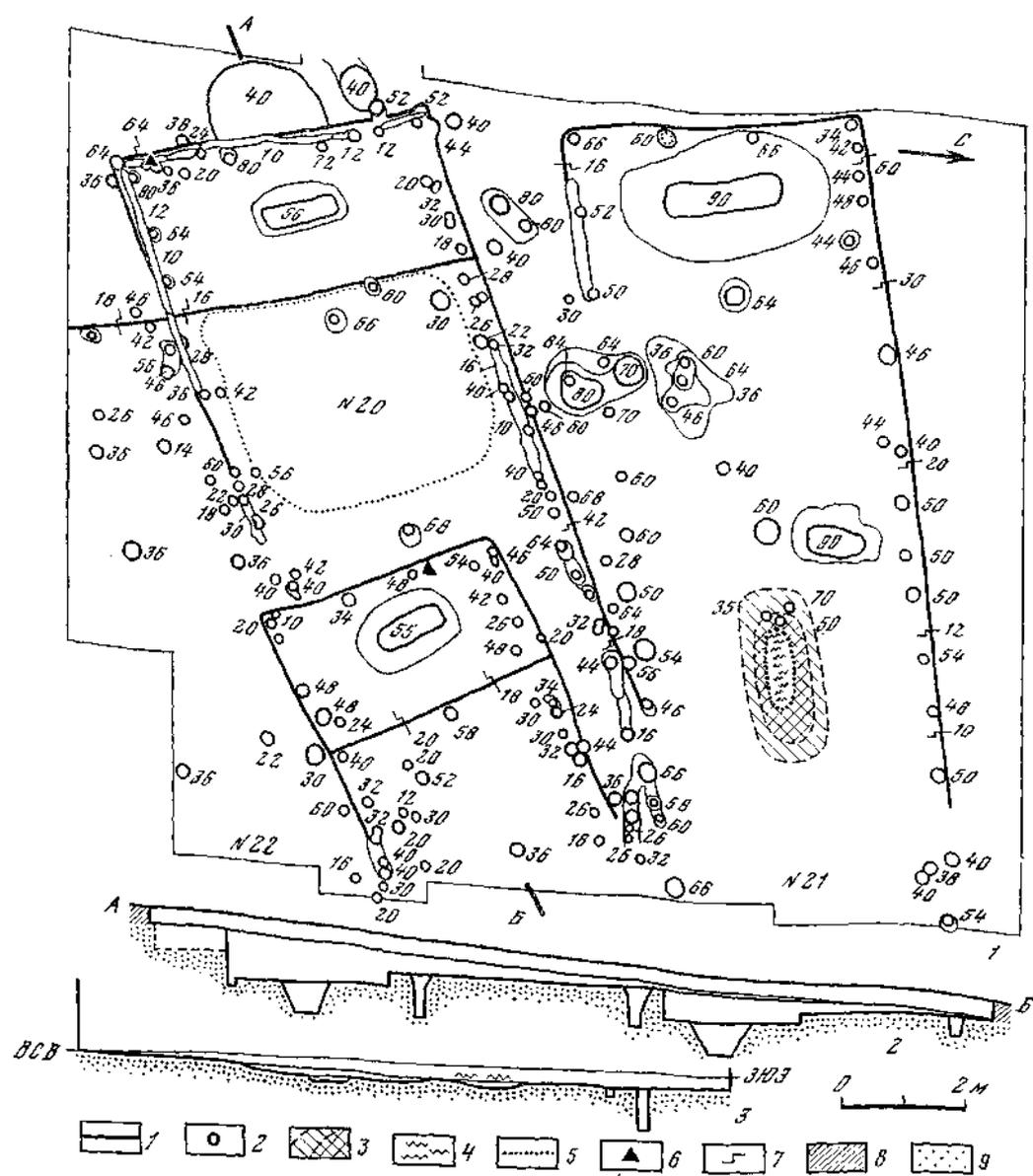

Рис. 2. Древние сооружения в Синькове и Полушье

1 — план раскопа IV ва селище I—II вв. н. э. в Синькове с остатками домов № 20—22. Глубина ям указана от поверхности материка или от дна котлованов;
 1 — большие углубления в материке;
 2 — столбовые ямы;

3 — кострища;
 4 — зола;
 5 — глинистая прослойка на песчаном дне дома № 20;
 6 — расположение бронзовых фибул второй половины I—II вв. в южной части домов № 20 и 22;

7 — глубина котлованов от поверхности материка;
 8 — гумус;
 9 — материковый песок.
 2 — продольный разрез по поверхности материка синьковских домов № 20 и 22 по линии А-Б;
 3 — такой же разрез полушьской постройки 1 по линии ВСВ-ЗЮЗ

Остатки стены сохранились в западной части дома 20 (рис. 2). На дне котлована имелись бледные отпечатки толстых бревен. Ширина отпечатков до 12 см, глубина от 8—12 до 14 см. Самые длинные из них достигали 2,4 и 2,6 м, одно бревнышко было кривым. Ниже уровня земли эта обкладка была зажата между краем котлована и столбиками, опущенными на 18—80 см в дно. Выше, над землей, закладку стен удерживали снаружи столбы, врытые, вероятно, уже тогда, когда низ стен был сложен, ибо они стоят на самом краю котлована, не достигая его дна на 10—30 см. Глубина внешних столбов в материке 35—50 см. Вдоль западного и южного краев котлована над углистой прослойкой дна сохранилась полоса аморфной углистой массы высотой 12—15 см и толщиной 10—15 см. Над нею выступали остатки внутренних подпорных столбов, выделявшиеся в темно-сером мусорном заполнении более темной окраской, большей плотностью, а главное — кусочками угля, сохранившими направленные вверх волокна. Диаметр трех столбиков 18—17 см, четвертого — 10 см. Конструкция стен дома 20 не вызывает сомнений.

Иногда высказывается мнение, что наземные столбовые дома — это постройки «легкого типа», а жилищами служили более капитальные углубленные «полуземлянки». Те полуземлянки Синьковского селища, где имеются следы стен, еще более легкой конструкции. Это частокот из бревнышек толщиной 9—10 см (постройка 2) и 16—18 см (постройка 19), врытых в пол на глубину 28 см (постройка 2) и 12—13 см (постройка 19). Специалисты считают, что такие постройки имели обвязку сверху. Начиная с древнерусского времени так строили только хлевы и другие хозяйственные постройки¹³. В других полуземлянках почепского типа есть лишь опорные столбы в трех углах или вообще нет следов стен (иногда столбы видны только выше пола). Возможно, в них стены впускались в пазы лежней. В синьковской постройке 2 найден обломок сохи толщиной не менее 9—10 см и горбыль шириной 10—12 см при толщине уцелевшего куска 3 см. Следовательно, в Подеселье I—II вв. вообще применялся преимущественно тонкий лес. Но и в Бискупине стены были не намного толще. В его ранних домах стояки имели толщину 30—40 см на углах, 14—18 см — в середине степ, а закладки то круглые, то стесанные до толщины 8 см. В поздних домах Бискупина, судя по планам, встречаются и тонкие стояки (по 12 см) и столь же тонкие закладки.

Деснинские столбовые дома I—II вв. немного углублялись в землю: до уровня материка, судя по их кострищам и углистой прослойке на полу. Толщина гумуса на селищах не превышает 25—30 см, находок в нем очень мало. Следовательно, дневная поверхность этих селищ находится сейчас почти на том же уровне, что и в I—II вв. Ведь, как показал М. П. Грязнов, в подобных условиях практически не было повышения уровня почвы, а многочисленные черепки и вещи постепенно погружались в нижнюю часть постоянно обновляющегося гумуса¹⁴. Например, на деснинской пойме в основании тонкого гумусного слоя лежат рядом черепки XIX в. и эпохи бронзы.

При столбовой конструкции стен делали крышу на сохах (столбах с развилками), ибо другая крыша была бы для них слишком тяжелой. По оси постройки стояли толстые сохи, на них лежал длинный брус, на последнем подвешивались стропильные ноги или кроквы, соприкасавшиеся внизу (по касательной) с горизонтальной обвязкой верха степ (ощепом). Кроквы не врубались в ощеп, а имели треугольные выемки в месте

соприкосновения с ним. Такая крыша не распирала степ, а как бы сжимала их внутрь здания¹⁵. В Бискупине найдены основания сох и кусок кроквы (сечением 20 см) с треугольным затесом. По затесу и аналогиям установлен угол наклона крыши более 45° и высота конька более 6 м над полом. Длинные балки с пазами (две по 6 м, одна 10,3 м) считаются частями оцепов. В их пазы вставлялись верхние шипы стоек стен, как это делалось и много столетий позже¹⁶.

В полностью раскопанном доме 23 в Синькове расстояние между наружными столбами варьирует от 2,5 до 4,5 м, в доме 20 — от 2,6 до 2,8 м и один раз 2,2 м, длина двух отпечатков бревен 2,4 и 2,6 м. В Бискупине длина закладок 2—2,5—3 м. Следовательно, столбы наружного ряда выделены в доме 23 правильно. Они не только скрепляли закладку степ, но и играли роль каркаса дома, потому что столбы правого и левого рядов поставлены друг против друга, как бы парами: вероятно, на них опирались поперечные связи домов, не менее 5,2—6 м, игравшие роль своеобразных обручей для стягивания продольных связей оцепа (такая поперечная связь хорошо видна на сделанном в 1826 г. чертеже «польской стодолы») ¹⁷. На плане дома 23 заметны места продольных балок оцепа. Его стены разделены наружными столбами на шесть секций. Лиции стен как бы переламываются в двух местах, деля их на прямые отрезки от 5 до 7,5 м, вероятно, связывавшиеся вверху прямыми балками оцепов (по две секции закладки под одной балкой).

Почему наружные ряды столбов не видны в домах 1, 1а, 5, 7, 9 и др.? Многочисленность столбов во внутренних рядах говорит о той же конструкции их стен, а не о закладке бревен в пазы. Вероятно, внешние столбы были врыты в гумус, перемешанный ныне пахотой (25—30 см). Вместе с верхним слоем материка, окрашенным затеками, ворами и поврежденным плугом, получается 35—40 см, та глубина, до которой сейчас были бы не видны наружные столбы стен. В доме 23 особенно хорошо видны конструктивные детали из-за особой массивности и прочности его стен с более глубоко зарытыми столбами. Он длиннее прочих (21 м против 18 м), очаг больше в два раза. И простоял он дольше остальных домов, так как не имеет обычных следов перестройки. Возможно, это общественное здание (оно и стояло на верхней точке селища).

Глубокие (по 60—70 см в материке) ямы от толстых сох, несущих крышу, расположены по средней линии домов, отступая от их торца на 2,5—3 м, следовательно, колек не доходил до торцов и крыша была четырехскатной (что типично для столбовых сооружений вообще). Зато полуземлянки имели двускатную крышу на трех сохах: двух тонких (две более глубокие ямки в стенах постройки 19, возле них — вход шириною 50 см; обломок тонкой сохи длиной 50 см, из них 20 см — развилка у стены в постройке 2) и средней толстой. Следовательно, центральный столб в полуземлянках — свидетельство непрочной столбовой конструкции их тонких стен. При сделанных из более толстого леса стенах ромейских землянок центральный столб стал ненужен.

На основе всех этих данных сделана графическая реконструкция бревен закладки степ между столбиками дома 1 в Полужье (рис. 1 и 3). Они получились кривыми, неравномерной толщины, по длине обычная: 2,8—4,2—4,7 м. Стыки бревен выделяются по скоплениям столбиков. Теперь, по аналогии с домом 1, легко и естественно распределились почти все столбики в северной части раскопа, околонутив неровную заклад-

ДЛИННЫЕ ДОМА ПОЛУЖСКОГО ГОРОДИЩА IV—III вв. ДО Н. Э.

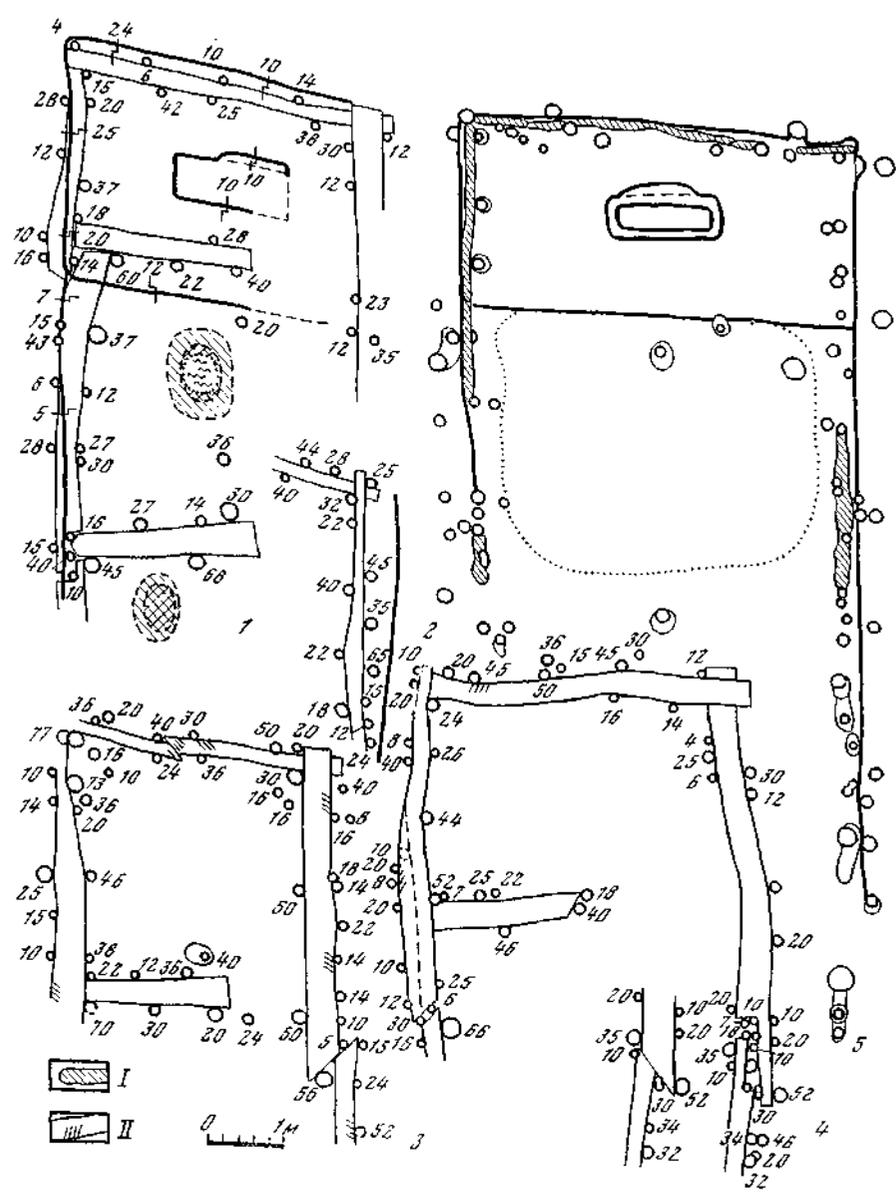

Рис. 3. Сопоставление планов домов IV—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э. из Верхнего Подесенья

1—4 — реконструкция закладки стен в домах № 1, 5, 3, 4 Полужского городища;
 5 — остатки дома № 20 Синьковского селища. Глубина ям указана от поверхности материка или от два котлованов.

I — темные следы бревен;
 II — предполагаемое расположение стен подтверждено углублениями на профилях культурного слоя

ку стен двух аналогичных построек. Расположение ямок обрисовало бревна той же длины, уложенные и закрепленные удивительно однообразными и весьма несовершенными приемами. Обрисовались три «примоста»: $4,2 \times 3,2$ м; $4,4 \times 3,2$ м; $3,8 \times 3,4$ м (13—14 кв. м). Естественно, появилась мысль, поискать следы этих стен на шести профилях культурного слоя. И действительно, пологие западания материка не глубже 10 см обрисовали со всех трех сторон (в пяти точках) контуры дома 3, в двух местах — дома 4. На поверхности материка они не были замечены из-за ее окрашенности затеками и многочисленными древними норками насекомых с сажистым заполнением из прослойки 1. В одном месте сохранилась на высоту 30 см восточная стена дома 3 как разрыв глинистых прослоек в мусорной насыпи. Разрез прошел вкось, поэтому ширина следа — 60 см вместо реконструированных 40 см. Более заметные уступы материка фиксируют края домов 2,5 и 6¹⁸.

Длина домов неизвестна, но, вероятно, не более 12—13 м (по четыре секции?), если между краем городища (имевшим еще укрепления?) оставалось 4 м (кольцевая улица Бискупина — 2,4—3,3 м) перед их дверями. Узкий проход по центру городища на раскопанной площади не превышает 1—2 м, а между продольными стенами домов 1 и 3 — не менее 50 см. Дома 2 и 4, вероятно, построены раньше: очаг дома 4 срыт, а на очаге дома 1 сохранилась куча золы; столбы и части стен домов 1 и 3 возвышались на поверхности, когда участок превратился в свалку.

Преемственность между «юхновскими» домами IV—III вв. до н. э. и «почепскими» I—II вв. н. э. видна по всей сумме признаков. Однако первые примитивнее: закладки неровные, стыки сделаны грубо, столбики тонкие и неглубоко забитые, нет такой четкой системы парных связей, сохи тонкие. В почепское время кладка стен четче и прочнее, внутреннее пространство более развито и свободно, четко деление на спальню, центральную часть с очагом и проходные холодные сени с хозяйственными ямами под полом (судя по ним, в домах был настил). Новшеством явилось появление полуземлянок, занесенных, вероятно, с юга.

Наличие в почепской культуре длинных домов иногда оспаривается. Теперь такой дом найден и на Десне (Гасома) с керамикой почепского типа на полу. В Почепе на Судости почему-то не сохранились следы столбовых стен (мы вместе с Ф. М. Заверняевым безуспешно пытались их найти на его раскопах VII и VIII на фоне светлого песка). Возможно, столбы выдергивали в древности или ставили на лежни, не зарывая в землю? Но зато там есть «примосты» с ямами, огнища, скопления ям в сенях и при входе в жилое помещение (как в синьковских домах 7 и 23). По аналогии с лучше сохранившимися домами Сивькова в Почепе по этим деталям можно обрисовать обычные восемнадцатиметровые дома¹⁹: 1) на раскопах VII (яма 5, очаг 7) и VIII (ямы 3—5 и еще две северо-восточнее их, согласно полевому отчету); 2) на раскопе VIII (ямы 1, 2 — две сохи, очаг 6, ямы 12—14, 19, 20 и, возможно, угловой столб сеней южнее ямы 19); 3) на раскопе VIII (ямы 19, 20 и соседние без номеров; очаг остался за краем раскопа?); 4) на раскопе IX (ямы 20—22, 4, 3, очаг 5 и несущие наружные столбы севернее ямы 24 и юго-западнее ямы 3; столб от узкой части дома юго-восточнее ямы 3); 5) на раскопах VIII (очаг 17, яма 18) и IX (ямы 18А, 18Б, 19 и две между ними, а также столб сеней между 18 и 28) — возможно, часть дома и сеней. «Примосты» других домов: ямы 1—1, 10—IX, 8—IX, 1—X, возмож-

но—1—XIII и 3—XIII. Еще аргумент: скопления углубленных оснований «примостов» отстоят друг от друга не менее чем на 23—27 м, то есть на длину дома и проход перед ним. Как и Синьковское селище, Почепское четко делится на две зоны: центральную с полуземлянками и периферийную, охватывшую ее полукругом, с длинными домами. Одно это доказывает взаимосвязь и одновременность построек. Сочетание тех и других обычно для многих областей Европы. Не различаются и находки, все они — развитого этапа почепской культуры. В Синькове более ранней юхновидной керамики немного, она найдена только в двух обычных «зарубинецких» полуземлянках (4 и 3). Обильной почепской керамикой буквально забиты все углубления в длинных домах, вокруг же культурного слоя фактически нет. В домах 20 и 22 за углестую обшивку низа стен еще при жизни в домах людей закатились через щели типичные «почепские» фибулы второй половины I—II в.²⁰ Они не попали туда с мусором, так как обшивка дома 20 перекрыта здесь наплывом материкового песка, а мусор лежит выше.

Длинные столбовые дома найдены уже на трех поселениях почепской культуры и, по-видимому, будут найдены на всех других при условии вскрытия достаточно больших площадей на периферии поселений. Они являются одной из характерных особенностей почепской культуры на Брянщине. Включение в почепскую культуру сильного юхновского субстрата видно по многим признакам, не только по домостроительству²¹. И верхние слои с посудой I—II этапов почепской культуры (но не развитого этапа!) есть на большинстве городищ юхновской культуры. Однако самый факт присутствия юхновского субстрата не влияет на решение вопроса об этносе носителей почепской культуры. Как роль местных, так и пришлых элементов можно будет четко определить лишь после специальных больших исследований памятников, непосредственно предшествовавших поселениям I—II вв. на большом пространстве от Брянщины до севера Левобережной Украины.

¹ Амброс А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.—СА, 1964, № 1, с. 56—59, рис. 1, I; 3, I; 4, I.

² Там же, рис. 4, I.

³ Амброс А. К. К истории..., с. 58—59, рис. 2, I—6; глазчатая буса из прослойки 2 (диаметр 2 см) второй половины V—IV в. до н. э.; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.—САИ, 1975, вып. П—12, с. 72, рис. 6, Б, табл. 3, 23; 16, 56 (тип 130).

⁴ Амброс А. К. К истории..., с. 65, рис. 3, 2; 5—6; Заверняева Ф. М. Почепское селище.—МИА, 1969, № 160, с. 92, 98, рис. 2 (I, VII), 3 (VII—IX), 4 (X, XIII); *Он же*. Селище в устье р. Гасомы.—В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 128, рис. 1.

⁵ Амброс А. К. К истории..., с. 65, прим. 18.

⁶ Rajewski Z. A. Budowlę grodów kultury łużyckiej na półwyspie jeziora biskupińskie-go. III SZPW. Poznań, 1950, s. 262, 267, 268, rys. 30—32; *Он же*. Opevněné sídlo lidu s lužickou kulturou.—AR. Praha, 1953, r. V, s. 4, s. 496, 497, obr. 231, 243, 244, 247; Żurowski T. Budowlę kultury łużyckiej w Biskupinie (Próba rekonstrukcji). III SZPW. Poznań, 1950, s. 327; Kostrzewski J., Lubicz-Niezabitowski E., Jaroń B. Osada bagienna w Biskupinie. Poznań, 1936, s. 10, tabl. XXII a, LII 20.

⁷ Бламышев Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.—В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 19, 218, 221, 223, 225, 227, 229, 238, рис. 46, 2, 48.

⁸ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.—САИ, 1975, Е1—32, с. 82, 105, рис. 25.

⁹ Аналогия: Rajewski Z. Opevněné sídlo..., obr. 247.

¹⁰ Амброс А. К. К истории..., рис. 7, 13.

- ¹¹ *Gądzikiewicz M., Liana T., Piętko T.* Sprawozdanie z badań osadnictwa łużyckiego w Biskupinie w 1956 r.— *Wiadomości archeologiczne*. Warszawa, 1957, t. XXIV, z. 3, s. 230, рис. 1; *Rajewski Z.* Budowle grodów..., s. 264; *Zasurca П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода — МИА, 1963, № 123, с. 21; *Zurowski T.* Budowle..., s. 351.
- ¹² *Амброс А. К.* К истории..., рис. 5—6.
- ¹³ *Амброс А. К.* К истории..., с. 65—66, прим. 19, рис. 4,2; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 86 («в сторчь»); *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74, с. 209, рис. 115; *Засурца П. И.* Усадьбы..., с. 21.
- ¹⁴ *Грязнов М. П.* Почва и археологические памятники в их взаимосвязи. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 67—70.
- ¹⁵ *Burszta J.* Dawne budownictwo «na sochy» w Wielkopolsce i jego zanik. Kwart PKM, Warszawa, 1957, r. V, nr. 3—4, s. 526, 523—531, 535, ryс. 4—5.
- ¹⁶ *Zurowski T.* Budowle..., s. 322—326, 347, 351, рис. 39, 41; *Burszta J.* Dawne budownictwo..., рис. 5.
- ¹⁷ *Burszta J.* Dawne budownictwo..., рис. 4.
- ¹⁸ Три венца товких бревен между двумя рядами кольев в стенах жилища на Радутинском городище обнаружил В. П. Левенок. См.: *Левенок В. П.* Юхновская культура.— СА, 1963, № 3, с. 91. О закладке бревнышек в пазы (?) см.: *Воеводский М. В.* Городища Верхней Десны.— КСИИМК, 1949, вып. XXIV, с. 69, рис. 16 (удивляет резкое различие закладок 3,5 м и 0,75 м).
- ¹⁹ См. план: *Заверняев Ф. М.* Почепское селище..., рис. 2—4.
- ²⁰ *Амброс А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.—IV в. н. э.— САИ, 1966, вып. Д1—30, табл. 4, 3 (дом 22), типа табл. 4, 5 (дом 20).
- ²¹ *Амброс А. К.* К истории..., с. 59—62, 66, 67, табл. 1 (в таблице падо поднять на одно деление кверху третий — девятый снизу ряды крестиков).

О. Н. БАДЕР

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТА СВЕТИЛ В ПАЛЕОЛИТЕ

Некоторые памятники ритуального характера в палеолите позволяют ставить вопрос о возникновении культа светил уже в то далекое время. Сюда относятся обычай засыпать погребения углем и красной охрой, ориентировка ряда погребений на летний восход, находки ажурных и сплошных, нередко орнаментированных дисков со сквозными отверстиями в центре, распространение числового ритма 7 в искусстве и некоторые другие признаки.

Не так давно подробно проанализированный Б. А. Рыбаковым орнамент энеолитической трипольской керамики показывает значительную роль, которую играли в нем символы солнца и луны как символы времени¹. Возникновение подобных представлений, а, может быть, и особого почитания солнца и луны, без сомнения, относится к гораздо более глубокой древности и должно быть перенесено из древнеземледельческого общества в мир первобытных охотников, о чем достаточно красноречиво говорит искусство палеолита и некоторые излюбленные в нем числовые ритмы. В частности, «графика палеолита проливает новый свет на истоки астральных, космогонических мифов Евразии (включая распространенную мифологическую тему «лунного быка» и «солнечной лошади»)»².

Очень интересные факты в этом плане дали недавние раскопки одной из наиболее северных в Европе палеолитических стоянок, расположенной на берегу р. Клязьмы и ручья Сунгирь близ Владимира, и в особенности открытые там погребения, относящиеся вместе со стоянкой, по С14, ко времени около 25 000 лет назад.

Прежде всего следует остановиться на нескольких найденных на Сунгире дисках, вырезанных из бивней мамонта; два из них были найдены на острия церемониальных копий в погребениях, что уже указывает на их особое значение. Подобные резные диски найдены в культурных слоях стоянок Сунгирь, Костенки I, Александровка, в 7-м горизонте Молодой V, в нижнем горизонте Афонтовой горы II, на Афонтовой горе III, на стоянке у Иркутского госпиталя и Бурети, а также на ряде зарубежных верхнепалеолитических стоянок. Все диски довольно однородны по форме, размерам, толщине и сквозному отверстию в центре, что указывает на одинаковость их назначения. На многих дисках выгравированы фигуры животных: серны, лани, дикой коровы, теленка, северного оленя, мамонта, лапы медведя и даже фигуры человека; их публикации хорошо известны. Однако большая часть дисков несет резной орнамент в виде радиальных лучей, расходящихся от центрального отверстия к окружности, что семантически приближает их к прорезным дискам Сунгирия. Таковы 4 диска из Брюникель, 2 из Ле-Портель, 2 из Ложери-Басс, диски из Истюрц, Лурд, 3 диска из Петерсфельс, из Кржижова и из Афонтовой горы III. Пятый диск из Брюникель содержит в себе оба орнаментальных элемента: и изображение козла, и пересекающие его радиусы-лучи.

По мнению некоторых специалистов, появление орнаментированных дисков в искусстве палеолита совпадает с временем бытования стиля «контур декупе»³; но находки на Сунгире заставляют еще значительно удешевить эту дату.

Вопрос о назначении дисков остается неясным. Многие археологи считают их просто подвесками или пуговицами⁴. Но А. Леруа-Гуран⁵ допускает, что семантика дисков отражает совокупность религиозных традиций. По мнению Э. А. Абрамовой, «широко распространенная форма украшений в виде дисков, иногда орнаментированных радиально расходящимися из центра лучами, свидетельствует, по-видимому, о зачатках сложных космогонических представлений и, вместе с изображениями птиц и змей, о культе стихий природы»⁶. Необходимо согласиться с двумя последними мнениями.

Недавно Анн Сивскинг посвятила палеолитическим дискам специальную работу⁷. Она также полагает, что широкое распространение дисков от Сибири до Западной Европы позволяет считать их выражением каких-то бытовавших тогда идеологических представлений и напоминает, что еще Э. Шьетт рассматривал радиальные линии на дисках как лучи солнца.

Тщательная выделка и декор дисков позволяют считать, что им придавалось особое, важное значение.

Анн Сивскинг считает, что орнаментированные диски первоначально возникли на востоке, в России, где появилась и традиция радиальной орнаментации; отсюда диски якобы проникли на запад, где в единой области Дордони и Пиренеев обогатились натуралистическим декором, в эпоху Мадлен IV достигли вершины своего развития и в свою очередь начали влиять на оформление дисков более восточных территорий.

Нарисованная А. Сивекинг картина культурных влияний не выглядит серьезно обоснованной. Предпочтительнее другая высказанная ею мысль: везде, где получало развитие палеолитическое искусство, появлялись и диски, иллюстрируя широкие контакты между культурами и, может быть, распространение однородных первобытных культов.

А. Леруа-Гуран справедливо сетует, что диски, как правило, находят изолированными от бытовых комплексов в местах, где они были в свое время потеряны, и это очень затрудняет их понимание⁸. Характер дисков с Сунгиря и положение их в погребениях проливают некоторый новый свет на этот вопрос.

По справедливому замечанию Б. А. Фролова, в графике верхнего палеолита преобладают два числа-совокупности: одно связано с 5 и 10 пальцами, другое с исчислением времени — 7 и 14 днями, т. е. половиной месяца⁹. На Сунгире мы уже имели случай отмечать ту же картину¹⁰. Тем более бросается в глаза присутствие здесь еще одного числового ритма.

Один из шести найденных на Сунгире дисков (рис. 1, 1) имеет 8 обозначенных точками радиусов, три — по 8 расходящихся от центрального отверстия радиальных прорезей, один — 4 симметрично расположенных прорези (2). Этот ритм — 4 и 8 — на фоне преобладающего на Сунгире орнаментального числового ритма 5 и 10 (сюда относятся и один диск — рис. 1, 4) невольно обращает на себя внимание, тем более, что он приурочен именно к дискам, скорее всего изображающим круглое светило — солнце или луну. Четыре прорезанных отверстия на круге, видимо, олицетворяли 4 солнца, точнее 4 положения солнца за сутки: восход, полдень, закат и полночь (восток, юг, запад и север), восемь радиусов — 4 солнца и 4 луны или 8 суточных положений солнца. Изображения солнца и луны в виде дисков на Сунгире вполне вероятно, особенно если принять во внимание признаки существования у сунгирцев лунного календаря.

Среди сил природы солнце как благодатная сила, распространяющая свет и тепло, всегда пользовалось у населения севера особым почитанием. В многочисленных мифах солнце чаще изображается в виде женщины, месяц — в виде мужчины; они жили некогда на земле как люди или как полуживотные — тотемы; кстати, все прорезные диски с 4 и 8 радиусами на Сунгире происходят только из погребения девочки. У некоторых племен, где преобладал тотемизм, солнце выступает как один из тотемов.

Изображения солнца в центральной части Северной Евразии известны у современных охотников и рыболовов: у манси¹¹, у угров Темлячевской волости¹² и у ханты¹³. Вообще изображения солнца в этнографии обских угров часты¹⁴. Многочисленны солярные изображения у других народов сибирского Севера¹⁵, в частности, у котов¹⁶, алтайцев¹⁷, тувинцев¹⁸ и др. Солярные знаки у народов Сибири очень сходны с изображениями на днищах неолитических сосудов и «с солярными рисунками, встречающимися у народов Евразии, к таким изображениям относятся концентрические и спиральные круги, круги с радиально пересекающимися линиями, квадратные и многоугольные фигуры»¹⁹.

Таким образом, если у нас и нет убедительных доводов для утверждения о существовании у сунгирцев оформленного культа солнца, то имеются определенные основания говорить о почитании солнца и луны.

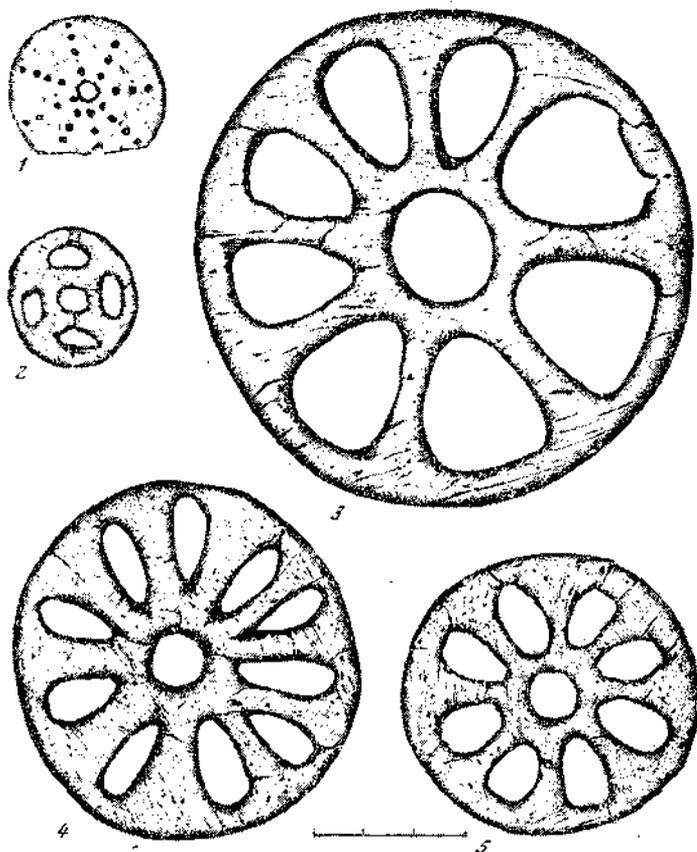

Рис. 1. Диски из бивней мамонта

1 — со стоянки Сунгирь; 2—5 — из погребений на Сунгире

Из шести дисков, найденных на Сунгире, пять найдены в могиле 2, из них четыре в погребении девочки. Они лежали на животе, на груди, на макушке головы и были надеты на церемониальные колья. Из этого вытекает, что они никак не служили пуговицами или застежками, а имели ритуальное назначение, будучи, вероятно, связаны с зарождающимся культом космических светил.

В литературе не раз высказывались мнения о следах солнечного культа еще в мустьерское время (например, красные пятна и симметричные полосы на известной каменной плитке из Ла-Ферраси²⁰, так же как о следах горизонтального членения мира в представлении мустьерского человека. С ним можно связывать четырехконечные крестовидные гравировки в мустьерской пещере Цона на Кавказе²¹, на стоянке Тата в Венгрии²² и в Вилене у Лорраха²³).

Далее, ритм 4 выражен в культуре верхнепалеолитических стоянок Долины Вестопице, близкой по времени стоянке Сунгирь, Приедмост,

Авдеево, Костенки I; тот же ритм Б. А. Рыбаков отмечает в трипольском энеолите, имеется он и в более поздних памятниках. Интересно, что он находит особенно широкое распространение в туземных культурах Америки.

На Сунгире имеются и некоторые факты, указывающие на почитание луны, и, вполне возможно, на существование лунного календаря. В этом отношении важно присутствие среди его памятников числового ритма 7. Он фигурирует в расшивке одежды бусами; так, мужская одежда и у взрослого, и у мальчика была украшена семью поперечными горизонтальными рядами бус. В соединении с целой серией аналогичных ритмов, установленных в произведениях верхнепалеолитического искусства²⁴, ритм 7 оказывается широко распространенным в верхнем палеолите Евразии. Примеры имеются на палеолитических памятниках огромной территории — от восточносибирской Мальты до берегов Атлантического океана. Одним из наиболее разительных примеров является браслет из недалекой Мезинской стоянки, не раз опубликованный, но долго не обращавший на себя внимание под этим углом зрения. Он состоит из пяти составленных вместе узких пластинчатых браслетов; каждый из узких браслетов орнаментирован двумя рядами коротких наклонных нарезок; каждый ряд состоит из четырех групп нарезок одного и того же наклона; всего в браслете 40 таких групп. Если опубликованный развернутый рисунок²⁵ верен во всех деталях, то число косых нарезок в каждой группе равно 14 и лишь иногда 13 и 15; при этом в трех случаях группы из 13 и 15 черточек оказываются смежными в одном ряду и, следовательно, дают в сумме по 28 черточек — опять-таки число, кратное семи. Случайность в числовой ритмичности орнаментальных элементов на этом очень сложном предмете, конечно, исключена; число черточек в каждой группе было заранее предопределено и затем пересчитано мастером²⁶. К тому же ритмичность, кратная семи, наблюдается и на других предметах с той же стоянки²⁷. Числовой ритм 7 фигурирует и на археологических памятниках, занимающих промежуточное место между палеолитом и современностью. В качестве примера приведу своеобразные орнаментированные костяные дощечки или таблички с одним овальным, другим усеченным концом, найденные у кистей правых рук двух погребений Балавовского могильника на Средней Волге, относящегося ко второй четверти II тысячелетия до н. э.²⁸ На маленькой дощечке мы видим пять сквозных отверстий, на большой — семь; с их помощью эти таблички прикреплялись, вероятно, к рукаву. Обе дощечки покрыты с одной стороны орнаментом. На маленькой дощечке имеется семь поперечных линий, на большей — по 14 поперечных петель вдоль каждого края²⁹. Вряд ли эти числа случайны. Они могут свидетельствовать о священном значении числа 7, обозначающем одну из четырех фаз луны. Если это так, то поперечные линии на маленькой дощечке обозначают одну четверть лунного цикла, а 28 петель на большой дощечке — все четыре фазы луны, т. е. полный лунный месяц. При этом с какой бы стороны ни считать (а считать следует с правого столбца, по движению луны), сверху вниз первый день обозначается маленькой петлей, соответствующей нарождающемуся месяцу, затем, по мере роста месяца, петли увеличиваются в размерах до самых крупных 12-й, 13-й и 14-й, затем переходят на ущербную половину и уже снизу вверх постепенно уменьшаются в размерах, так же, как уменьшается и ущербленная луна.

Эти наблюдения дополняются некоторыми аналогичными предметами примерно того же времени, происходящими из Средней Европы и с о-ва Готланд. Так, на табличке с Лайбахского болота, подобно большой балаговской табличке, навесело 14 поперечных линий, а на табличке из Вестербьёре — три поперечных и четыре продольных линии, всего семь³⁰.

В самом деле: число 7 — это число суток, определяющих каждую фазу луны, 14 суток — половину лунного месяца, 28 суток — полный лунный месяц. Числом 7 определяется и количество наблюдаемых на небе звезд (планет), место которых меняется по отношению к другим звездам. Тем же числом определяется и количество звезд в одном из наиболее ярких созвездий — в Большой Медведице. Первобытный человек с его острой наблюдательностью должен был уже очень рано подметить эти явления в обожествляемой им природе, и в первую очередь, конечно, фазы луны, которые легче всего было использовать для счета времени. И нет ничего удивительного, что фазы луны с их сакральным числом 7 были осознаны в позднем палеолите и нашли отражение в произведениях искусства того времени. Следует вспомнить очень высокий уровень позднепалеолитической культуры, в том числе большую сложность ритуальных обрядов и искусства, семантика которого лишь начала изучаться.

Вскоре после выхода первой публикации материала Мальтинской стоянки К. Хентце счел возможным рассматривать большую костяную пряжку из Мальты со спиралью с одной стороны и змеем с другой, как связанную с культом луны, используя при этом в качестве параллелей обширный этнографический материал с территорий Евразии и Америки³¹, а А. Маршак пытался доказать, что нарезки на костяных предметах с Гонцовской палеолитической стоянки (Украина) фиксируют фазы луны на протяжении не менее двух месяцев³².

Затронутый здесь вопрос о возникновении в палеолите культа солнца и луны, а тем более о лунном календаре требует дальнейшего изучения.

¹ Рыбаков В. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, 1965, вып. 1, 2.

² Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, с. 145.

³ Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidentale.— In: Edition d'art Lucien Mozenod. Paris, 1965, p. 59.

⁴ Graziosi Paolo. Kunst der Altsteinzeit. Florenz, 1956.

⁵ Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidentale, p. 60.

⁶ Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР.— САИ, 1962, вып. А4—3, с. 77.

⁷ Stevking Ann. Paleolithic decorated bone discs.— Prehistoric and Roman Studies. British Museum Quarterly, Oxford, 1971, vol. XXXV, 1—4.

⁸ Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidentale, p. 59.

⁹ Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.

¹⁰ Бадер О. Н. О возникновении арифметического счета в палеолите.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 28—35.

¹¹ Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965, с. 38, табл. 19.

¹² Там же, с. 129, табл. 73.

¹³ Там же, с. 137, табл. 83, 6, 7, 10; с. 138, табл. 85, 3, 4; с. 139, табл. 88, 2; с. 141, табл. 89, 4—6; табл. 90; с. 144, табл. 97; с. 145, табл. 98.

¹⁴ Там же, с. 170, карта.

- ¹⁵ *Оглоблин А.* Остяцкие «знамена» XVII века.— Исторический вестник, 1889, т. XXXVIII, с. 147.
- ¹⁶ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX века. М.— Л., 1954, рис. 69, 73, 80, 81, 88, 89, 91.
- ¹⁷ Там же, рис. 86, 87; *Поганин Г.* Очерки Северо-Западной Монголии (результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. по поручению РГО).— Записки РГО. СПб., 1883, вып. IV, табл. IV, рис. 51.
- ¹⁸ *Иванов С. В.* Материалы..., рис. 127.
- ¹⁹ *Магюченко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век), ч. 2. Самусьская культура.— В кн.: Древняя история Сибири. Томск, 1973, вып. 10, с. 93.
- ²⁰ *Столяр А. Д.* О первых этапах изобразительной деятельности в культуре европейского палеолита.— Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1966, вып. XXVII; *Урушадзе Н. Е.* Начальный этап развития изобразительных знаков эпохи мустье.— Маднеруба. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1974, № 2.
- ²¹ *Каландадзе А. Н.* Цопская пещера.— В кн.: Пещеры Грузии, Тбилиси, 1965.
- ²² *Vértés L.* Tata, eine mittelpaläolithische Travertinsiedlung in Ungarn. Budapest, 1964.
- ²³ См.: *Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967.
- ²⁴ *Фролов Б. К.* вопросу о содержании первобытного искусства.— СЭ, 1965, № 2, с. 165; *Он же.* Применение счета в палеолите и вопрос об истоках математики. (На материалах сибирских памятников палеолитического искусства).— Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия обществ. наук, 1965, № 9, вып. 3; *Бадер О. Н.* Математики палеолита.— Вокруг света, 1969, № 10, с. 26; *Он же.* Возникновение арифметического счета в палеолите, с. 28—35.
- ²⁵ *Шовколас И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965, табл. LII.
- ²⁶ *Бадер О. Н.* Возникновение арифметического счета в палеолите, рис. 4; *Фролов Б. А.* К интерпретации мезинского геометрического орнамента.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, рис. 2.
- ²⁷ *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.
- ²⁸ *Бадер О. Н.* Балановский могильник. К истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
- ²⁹ *Бадер О. Н.* О возникновении арифметического счета в палеолите, рис. 1, 2.
- ³⁰ *Бадер О. Н.* О возникновении арифметического счета в палеолите, рис. 2—4.
- ³¹ *Hentze S.* Mytes et symboles Lunaires. Anvera, 1932, p. 84, 85.
- ³² *Marschak A.* Lunar Notation on Upper Paleolithic Remains, vol. 146, Science, 1964, p. 743—745.

А. А. БОБРИНСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНОЛОГИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ГОНЧАРСТВА

Изучение приемов конструирования восточноевропейской керамики давно уже стало предметом живого интереса со стороны этнографов и археологов. Однако долгое время внимание исследователей было обращено главным образом на общие вопросы, связанные с навыками изготовления керамики¹.

Первые конкретные сведения о приемах изготовления восточноевропейской глиняной посуды были введены в науку этнографами. Наиболь-

шая заслуга среди них принадлежит Д. К. Зеленину. Он обобщил описание техники и технологии, имевшиеся в литературных источниках, и попытался дать общую картину состояния этого производства у русских, украинцев и белорусов к началу XX в.² Но наибольшее внимание привлекла его работа, посвященная архаичным приемам конструирования керамики на территории Восточной Европы³. В ней по существу впервые дано квалифицированное описание двух таких приемов — спирального и кольцевого налепов. Оба они, по мнению Д. К. Зеленина, весьма архаичны, их применение можно предполагать и в отдаленном прошлом восточноевропейского гончарства⁴.

Против этого мнения, однако, выступил М. В. Воеводский, изучавший историю гончарной техники и технологии не только по этнографическим, но и археологическим материалам. Он пришел к заключению, что с эпохи неолита и вплоть до позднего средневековья, когда, по его мнению, глиняную посуду стали делать на ножном круге путем вытягивания, в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы и в Западной Сибири применялся только один способ конструирования керамики — спиральный налеп из жгутов или глиняных лент⁵.

Сегодня мы знаем, что это представление М. В. Воеводского было ошибочным. Оно могло сложиться только в силу малой разработанности методики различения обоих способов по керамическим находкам⁶. В действительности же кольцевой налеп наряду со спиральным отмечен в разных районах Восточной Европы не только по этнографическим⁷, но и археологическим материалам⁸.

К настоящему времени уточнена и детализирована методика изучения по керамическим находкам приемов изготовления глиняной посуды, благодаря чему удалось выделить и некоторые другие способы ее конструирования: выдавливание изделий из одного комка глины, различные варианты смешанной технологии (с элементами спирального и кольцевого налепов), наращивание сосудов из отдельных кусочков глины без ясно выраженной системности, которая свойственна и кольцевому, и спиральному налепам из жгутов или глиняных лент.

Этот последний способ особенно важен для понимания общего хода развития навыков конструирования восточноевропейской керамики. В отличие от других способов его можно назвать «лоскутным налепом». Суть его состоит в следующем. Приставив конец продолговатого комка глины, зажатого в руке, к внутренней стороне стенки будущего сосуда, гончар прижимал его и в следующий момент делал быстрое короткое движение на себя, увеличивая при этом давление на глину. В результате прижатый конец жгута (так можно условно определить продолговатый комок глины, служащий исходным материалом для ведения наращивания) уплощался и отрывался от остальной его части. Затем гончар вновь прижимал конец жгута к стенке рядом с примазанным кусочком глины и повторял ту же самую операцию. При этом ладонью другой руки он придерживал стенку сосуда с внешней стороны. Так постепенно происходило наращивание, в процессе которого отдельные кусочки глины не получали строгой ориентации по отношению к основанию. Одни из них могли быть примазаны чуть ли не параллельно основанию, другие — под тем или иным углом, а третьи — почти вертикально. Но в силу специфики самих движений руки (на себя и чуть в сторону) чаще эти глиняные кусочки располагались наклонно по отношению к основанию⁹.

Выявлять применение лоскутного налепа по керамическим находкам позволяют прерывистость самого процесса наращивания и несистемное расположение отдельных кусочков глины.

Повышенный интерес к изучению этого способа обусловлен прежде всего тем, что его можно рассматривать как одно из наиболее ранних явлений в технологии конструирования керамики, происхождение которого теснейшим образом связано с навыками изготовления глиняных сосудов с помощью особых форм-моделей (форм-основ и форм-емкостей¹⁰). По восточноевропейским археологическим материалам лоскутный налеп отмечен главным образом в сочетании с формами-емкостями, а на Кавказе, в Закавказье и в южных районах Средней Азии (Туркмения) — с формами-основами.

Развитие технологии конструирования керамики, по-видимому, не у всех народов прошло через этап использования форм-моделей. Но в истории значительной части восточноевропейского населения этот вид налепа имеет давние традиции. Он оказался господствующим в памятниках трех археологических культур эпохи раннего железа: милоградской, юхновской и днепро-двинской¹¹. Известен лоскутный налеп и по материалам памятников дяковской культуры и культуры штрихованной керамики. Однако в них он выступает главным образом в качестве своеобразной примеси к иным навыкам конструирования: кольцевого налепа в памятниках культуры штрихованной керамики; спиралевидной разновидности лоскутного налепа, спирального, спирально-зонального, кольцевого налепов — в памятниках дяковской культуры.

Выделено два варианта наращивания донных частей сосудов лоскутным налепом: веерообразный и спиралевидный. Различать их, однако, удастся не во всех случаях. При существующем уровне методики не всегда можно учитывать и различия в деталях конструирования стенок лоскутным налепом. Замечено все же, что наряду с посудой, изготовленной описанным выше образом, в поселениях юхновской и милоградской культур имеется керамика с признаками большей системности наращивания стенок. Так, в милоградских памятниках (Нижняя Ольба, Асаревичи и другие) отмечены образцы, сконструированные лоскутным налепом, но само наращивание кусочков глины производилось для создания широких колец или зон, составлявших стенки больших сосудов. В милоградских и особенно в юхновских памятниках частой находкой оказались образцы с явными признаками спиралеобразного наращивания стенок отдельными кусочками глины продолговатой формы. Этот вид лоскутного налепа обладает большей системностью, его целесообразно назвать спиралевидной разновидностью лоскутного налепа в отличие от более архаичной комковатой разновидности, описанной в начале. Присутствие их в памятниках эпохи раннего железа склоняет к предположению, что речь идет о вещественных проявлениях эволюции лоскутного налепа.

На основании изученных материалов I тысячелетия до н. э. — II тысячелетия н. э. можно высказать лишь предварительные соображения относительно хода эволюции лоскутного налепа в восточноевропейском голчарстве.

Наибольшее ускорение процесс перерождения лоскутного налепа получил примерно со второй половины I тысячелетия н. э., когда идеи свободного моделирования глиняной посуды (без помощи форм-моделей) приобрели широкую известность в лесной и лесостепной зонах Восточной

Европы, в частности, у населения бассейна Верхнего и Среднего Днепра (на керамике второй половины I тысячелетия н.э. почти неизвестны следы от форм-смокостей или форм-основ).

По существу все I тысячелетие н.э. было временем перестройки основных принципов конструирования керамики лоскутным налепом, применявшегося различными в культурном и хронологическом отношении группами населения Верхнего и Среднего Поднепровья. В этой перестройке весьма заметную роль сыграли процессы смешения носителей навыков конструирования керамики лоскутным налепом с группами населения, владевших более совершенными приемами ее изготовления (в частности, спиральным и кольцевым налепами). Такие группы были известны в Поднепровье и на Верхней Волге и в эпоху бронзы (например, трипольцы, фатьяновцы), и позже (например, племена зарубинецкой культуры). Судя по наиболее полно изученным материалам лесной зоны Поднепровья и смежных речных систем, примерно с конца I тысячелетия до н.э. здесь наблюдается сосуществование в рамках одних и тех же культурных групп носителей архаичной технологии (с теми или иными элементами лоскутных принципов наращивания) с носителями более совершенных приемов конструирования керамики спиральным или кольцевым налепами. Это прослеживается, например, по материалам позднезарубинецкой культуры первой половины I тысячелетия н.э. (Абидня, Почеп, Синьково и др.), а во второй половине I тысячелетия н.э. — по материалам Огубского городища, городища Супруты и др. Однако еще в конце I тысячелетия н.э. в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы продолжали существовать значительные группы населения с менее смешанным составом технологии конструирования керамики. Например, основная часть керамики местного производства из памятников роменско-боршевской культуры (поселения Горналь Курской обл., Большого и Малого Боршевского городища Воронежской обл. и др.) оказалась изготовленной спиралевидной разновидностью лоскутного налета.

Завершение эволюции лоскутного налета предварительно можно отнести только к началу II тысячелетия н.э. — времени почти полного его исчезновения как самостоятельного принципа конструирования глиняной посуды.

В эпоху развитого средневековья, когда лоскутный налеп в том его виде, в каком он известен был по материалам эпохи раннего железа, стал явным анахронизмом в восточноевропейском гончарстве, следы его бывшего использования все еще проявлялись в деталях технологии местных гончаров. Так, среди круговой керамики X—XI вв. из Старой Ладogi выявлены отдельные образцы сосудов, днища которых наращивались отдельными кусочками глины по спиралевидной кривой. В с. Белгородке (под Киевом) найдены круговые сосуды X—XI вв. с признаками донно-емкостных начинов, поверхности которых обрабатывались сугубо ручными навыками, воспроизводящими давние традиции веерообразного принципа наращивания при лоскутном налепе. Но самое массовое реликтовое явление в средневековой технологии, обязанное своим происхождением лоскутному налепу, сохранилось в деталях наращивания стенок глиняной посуды. Многие средневековые гончары вели его отдельными «порциями» глиняных жгутов. Такими же порциями наращивали стенки сосудов и гончары, применявшие лоскутный налеп. Но, в отличие от них, средневековые мастера не отрывали каждый раз примазанный кусочек глины

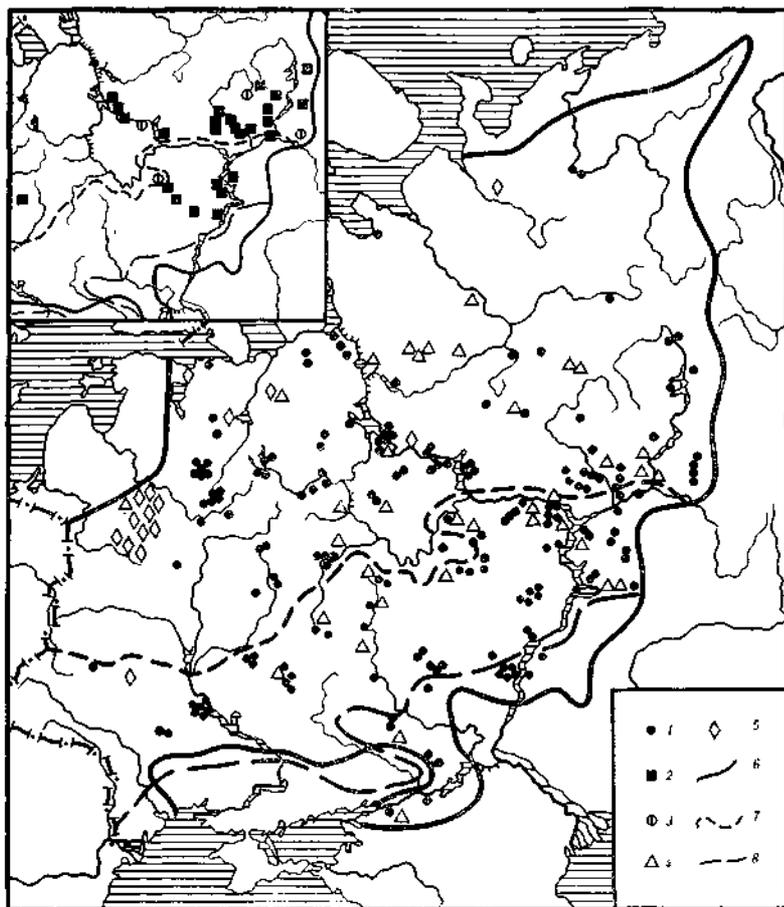

Рис. 1. Распространение на территории Восточной Европы терминологизированных лексем для обозначения различных способов конструирования керамики

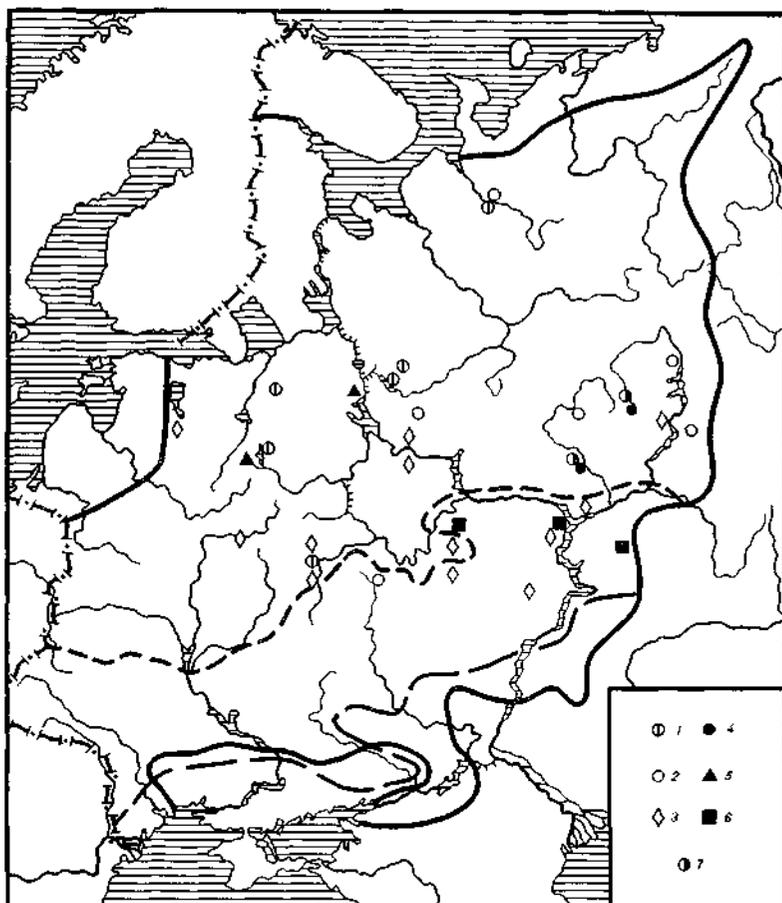
1 — карта-схема распространения некоторых лексем для обозначения неналепочных или смешанных способов конструирования.

Лексемы, характеризующие соответствие между терминологией и технологией: 1 — «вытяг» («вытягивание») для обозначения способа вытягивания керамики из комка глины на гончарном круге; 2 — «вытяжка» для обозначения того же способа; 3 — совместное использование в одном пункте лексем «вытяг» и «вытяжка» для обозначения того же способа.

Лексемы, характеризующие случаи заимствования терминологии: 4 — «вбътяг» («вытягивание») для обозначения способа частичного вытягивания керамики, сочетающегося с элементами налепочной технологии.

Лексемы, характеризующие отставание терминологии от уровня развития технологии: 5 — «точить» для обозначения способа вытягивания керамики из комка глины на гончарном круге; 6 — примерная граница территории Восточной Европы, в пределах которой производи-

от остальной части жгута, а, ослабив давление на него, перемещали руку, сжимавшую жгут, на 1—2 см и вновь примазывали очередной участок. Эти приемы наращивания, восходящие к лоскутному налепу, можно выявить по отпечаткам одной из фаланг указательного пальца на внутренних поверхностях керамики.

лись лексические наблюдения; 7 — примерная граница леса и лесостепи; 8 — примерная граница лесостепи и степи.

II — карта-схема распространения некоторых лексем для обозначения налепных способов конструирования.

Лексемы, характеризующие соответствие между терминологией и налепной технологией: 1 — «вить», «навивать» — для обозначения способа наращивания стенок посуды из жгутов по спирали без применения гончарного круга; 2 — «вертеть», «накрутить» для обозначения того же способа с использованием гончарного круга; 3 — «навод» для обозначения способа наращивания стенок посуды из жгутов по спирали на гончарном круге, но с малым углом подъема стенок после каждого оборота жгута; 4 — «нагоразивать» для обозначения способа наращивания стенок из жгутов или глиняных лент отдельными кольцами.

Лексемы, используемые для обозначения невыясненной налепной технологии: 5 — «навод»; 6 — «наводка», «наводная» (посуда); 7 — «нагоразивать».

Примечательно, что такой же прием сохранился и у современных гончаров, использующих спиральный налеп из жгутов.

Следы лоскутного налепа или его вариантов, характеризующих эволюцию этого способа, прослеживаются не только в деталях технологии, но и в лексике восточноевропейских гончаров¹² (рис. 1–2).

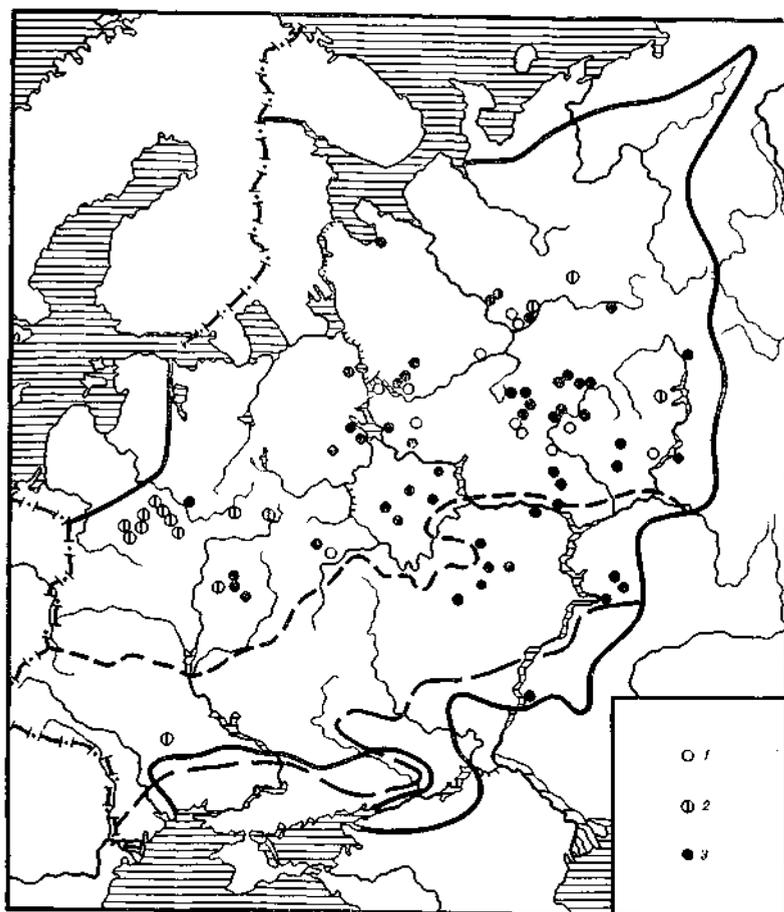
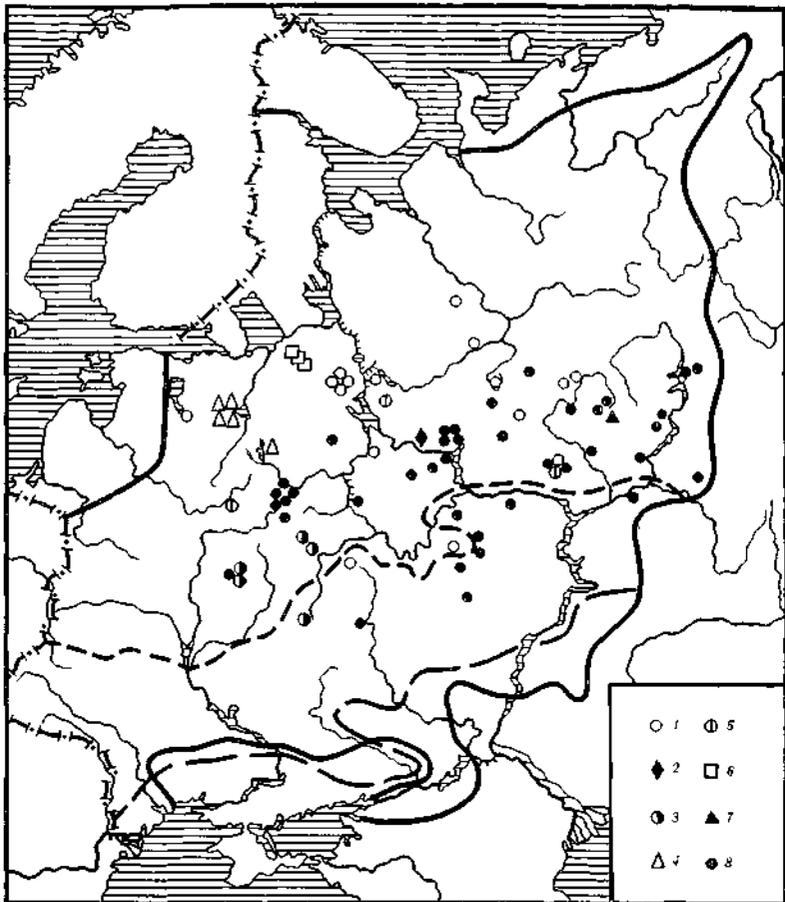

Рис. 2. Распространение на территории Восточной Европы некоторых терминологизированных лексем для обозначения сохранившихся налепочных способов конструирования керамики, но не имеющих с этими способами семантической связи

1 — карта-схема распространения лексики «лепить»: 1 — для обозначения способа наращивания стенок из глиняных жгутов по спирали; 2 — для обозначения способа наращивания стенок из жгутов или глиняных лент отдельными кольцами; 3 — для обозначения невыясненного способа налепочного конструирования.

Ц — карта-схема распространения лексем, используемых для обозначения сохранившихся налепочных способов, но обнаруживающих семантическую связь с поскутными принципами

Изучение терминологизированной лексики в сочетании с данными о технологии конструирования позволило заметить, что по мере развития технологии происходило и совершенствование языковых средств для обозначения разных способов. Это проявлялось, в частности, в более четкой передаче действий, специфичных для отдельных способов. Так, для обозначения наиболее совершенного приема конструирования сосудов — путем их вытягивания из комка глины на гончарном круге — широко использовались лексемы «вытяг» («вытягивание»), «вытяжение» глины, четко передающие суть способа. Но для спирального наращивания жгу-

конструирования стенок керамики: 1 — «налёп» — для обозначения способа наращивания стенок из жгутов по спирали; 2 — «в намазку» (работать) для обозначения того же способа; 3 — «в лепку», «лепком», «с лепу» (работать) для обозначения того же способа; 4 — «мштыть», «намшивать» (стенки горшков) для обозначения того же способа; 5 — «налёп» для обозначения способа наращивания стенок посуды из жгутов или глиняных лент отдельными кольцами; 6 — «парубать» (стенки горшков) для обозначения того же способа; 7 — «налёп» для обозначения и способа наращивания стенок по спирали, и отдельными кольцами; 8 — «налёп», «палепка» для обозначения налёпного способа, особенности которого невыяснены.

тов отмечены уже менее четкие лексемы «вить», «навивать», «навертеть», «накрутить» жгуты. Одна из разновидностей спиральной калепа, характеризующаяся малым углом подъема стенок после каждого оборота жгута, которую и при непосредственном наблюдении можно перепутать с кольцевым способом, обозначается еще менее четким термином «навод» («наводка») жгута. Лишь предположительно отражают черты кольцевого налёпа используемые для его обозначения лексемы «нагораживать», «наставлять» стенки посуды (рис. 2).

Помимо этих лексем, первоначальная терминологизация которых в сфере гончарного производства происходила по мере освоения и распростра-

нения перечисленных выше способов, для каждого из них зафиксированы лексемы, иллюстрирующие или случаи заимствования терминологии из лексики гончаров, владеющих более совершенной технологией, или отставания терминологии от хода развития технологии конструирования керамики. Например, несомненным заимствованием являются случаи обозначения способа частичного вытягивания сосудов, сочетающегося с налепной технологией, лексемой «вытяг» («вытягивание»), которая используется по преимуществу гончарами, целиком вытягивающими посуду из комка глины. В среде последних отмечено использование лексем «точить» или «вытачивать» посуду, передающих действие, связанное не с вытягиванием глины, а с обтачиванием поверхностей деревянным или иным пожом, что явно противоречит уровню технологии, заметно отставая от нее. Группа лексем, характеризующих отставание терминологии в производствах с архаичной технологией, довольно обширна: работать «в намазку», «лепком», «с лепу», «в лепку»; «намшивать» или «мшить» горшки — для обозначения спирального налета; «нарубить» горшки — для обозначения кольцевого налета; «налеп», «налепка», «лепить», «налипать» — для обозначения того и другого способов. Но все они не обнаруживают семантической связи ни с одним из известных сегодня приемов конструирования керамики (см. рис. 2).

Исходя из общей тенденции в развитии терминологии (увеличение ее четкости по мере совершенствования технологии), можно заключить, что первоначальная терминологизация таких лексем произошла в период широкого использования менее совершенных способов конструирования, чем спиральный и кольцевой налета. В свете изложенной выше истории технологии конструирования восточноевропейской керамики допустимо предположить, что это произошло в период бытования лоскутного налета или его вариантов, характеризующих процесс эволюции данного способа.

¹ Еще в конце XIX — начале XX в. В. А. Городцов, обобщая сведения об этой керамике и, в частности, о технологии ее изготовления, не мог указать ни одного конкретного способа ее конструирования. Он отметил лишь самые общие различия в технических средствах выполнения этой работы (*Городцов В. А. Русская доисторическая керамика*. М., 1901, с. 7, 18—21).

² *Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin, 1927.

³ *Zelenin D. K. Примитивная техника гончарства «налесом» (au colombin) в Восточной Европе.*— *Этнография*, 1927, № 1, с. 87—105.

⁴ *Zelenin D. K. Примитивная техника...*, с. 104.

⁵ Эту точку зрения М. В. Воеводский высказывал неоднократно. См.: *Воеводский М. В. К истории гончарной техники народов СССР.*— *Этнография*, 1930, № 4, с. 55—70; *Он же.* О гончарной технике первобытнокоммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР.— *СА*, 1936, т. 1; *Он же.* Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя.— В кн.: *По трассе первой очереди Московского метрополитена*. М., 1936.

⁶ М. В. Воеводский полагал, что о кольцевом способе конструирования можно судить только по образцам, которые, распавшись на отдельные ленты, давали бы возможность проследить полный оборот выпавших лент (*Воеводский М. В. К истории гончарной техники народов СССР*, с. 59—60). По археологическим материалам выявить такие образцы действительно удается редко, что делало сами попытки их разыскания малопродуктивными.

⁷ См., например: *Розов Н.* Народная техника гончарного производства в Тверской губернии.— *Тверской край*, 1926, № 5; *Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.* Бухтарминские старообрядцы.— *Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Серия Казахстан. Л., 1930, вып. 17; *Степанов П. Г.* Гончарство мордвы.— *Зап. науч.*

- исслед. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР— История и археология. Саранск, 1947, № 9; *Hołubowicz W.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Via o-rasi. Toruń, 1950; *Бобринский А. А.* К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области.— СЭ, 1962, № 2; *Маслова Г. С.* Гончарство русского населения Восточной Сибири.— КСИЭ, 1962, вып. XXXVII; *Кигицына Л. С.* Прimitивные формы гончарства Костромской области.— СА, 1964, № 3; *Kudirka J.* Lietavos puodžiai ir puodai. Vilnius, 1973.
- ⁸ См., например: *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги.— СА, 1950, т. XIV; *Хавлюк П. И.* О технологии изготовления раннеславянской керамики.— Гос. Эрмитаж, Археологический сборник. Л.— М., 1965, вып. 7, с. 37—41.
- ⁹ При лоскутном налепе угол наклона отдельных кусочков глины по отношению к основанию колеблется обычно от 60° до 120°, что резко отличает этот способ наращивания от спирального налепа, при котором угол наклона колеблется чаще всего от 15° до 30°.
- ¹⁰ Формы-основы и формы-емкости представляют собой особые приспособления для конструирования керамики путем наращивания глины соответственно с внешней или внутренней стороны такой формы.
- ¹¹ Правда, как наиболее массовое явление в днепро-двинской культуре лоскутный налеп отмечен пока лишь по материалам памятников смоленского течения Днепра.
- ¹² Здесь использованы результаты изучения лишь одной тематической группы лексик, собранной в 422 очагах гончарного производства главным образом путем анкетного опроса населения РСФСР, БССР и УССР в 1958—1963 гг., а также личных обследований автором очагов этого ремесла.

А. З. ВИННИКОВ

ОРНАМЕНТАЦИЯ БОРШЕВСКОЙ КЕРАМИКИ

В археологической литературе прочно утвердилось мнение, что роменско-боршевская керамика специфична прежде всего своей орнаментацией: вдавленными веревочки, намотанной на палочку, образующими различные узоры¹. Эта точка зрения верна лишь в том смысле, что веревочный орнамент встречается в массовом количестве только на роменско-боршевских памятниках. На славянских памятниках смежных районов он представлен единичными экземплярами. Но при этом следует подчеркнуть, что и на боршевской керамике Подонья веревочный орнамент является далеко не единственным способом орнаментации и, более того, даже не преобладающим, хотя количество керамики, орнаментированной веревочным штампом, все же достаточно велико. На Титчихинском городище она составляет 31,5% всей орнаментированной посуды, на Большом Боршевском — 28, на Малом Боршевском — 17,2, на Белогорском — 15,2, на Воргольском и Голышевском городищах соответственно — 19,5 и 22,9%. А между тем количество орнаментированной посуды, встречаемой на боршевских памятниках, достаточно велико (67,5%).

Таким образом, большинство боршевской орнаментированной керамики имеет иные орнаментальные приемы, нежели отпечатки веревочно-

го штампа. И среди них прежде всего следует отметить пальцевые вдавления и пальцевые защипы, весьма распространенным орнаментом являются отпечатки ногтя, вдавления округлой палочкой, прямоугольные, подтреугольные вдавления, гребенчатый штамп, округлые отпечатки полой трубкой (вероятно, костью) и т. д. Причем, если орнаментальная техника довольно стабильна, то композиции орнаментов весьма разнообразны. Особенно это относится к орнаменту веревочкой, намотанной на палочку. Веревоочный орнамент наносился в виде параллельных вертикальных линий или под углом 30—45°, иногда в виде ломаной линии в один или в два ряда, в некоторых случаях вдавления веревочного штампа образуют ромбы, опоясывающие сосуды на плечиках, в нескольких случаях (на ряде памятников) встречен исполненный веревочным штампом орнамент, представляющий сплошную горизонтальную линию с отходящими вверх и вниз вертикальными параллельными отростками.

По расположению орнамента на сосудах мы можем выделить три группы керамики: I — керамика, орнаментированная только по верху венчика, II — керамика, орнаментированная только по тулову, III — посуда, орнаментированная как по тулову, так и по венчику.

Керамика I группы (рис. 1). Среди сосудов, орнаментированных только по верху венчика, встречаются горшки и миски. Почти все орнаментированные сковородки и сырницы имеют орнамент также по верху венчика.

Наиболее широко распространен способ орнаментации верха венчиков сосудов пальцевыми вдавлениями, пальцевыми защипами, вдавлениями, округлой палочкой (см. табл. 1). Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые способы орнаментации на ряде городищ встречаются значительно чаще, чем на других. Наколы гребенчатым штампом по верху венчика, кроме Белогорского городища, неизвестны больше ни на каком другом памятнике. В то же время на этом же памятнике вдавления округлой палочкой составляют всего 4% (см. табл. 1). Остальные виды орнаментации на поселениях распространены в одинаковой степени, при этом необходимо подчеркнуть, что вдавления веревочкой на сосудах, орнаментированных только по верху венчика, встречаются очень редко, в среднем 5,7%, хотя на одних памятниках этот процент выше, на других ниже. Эти различия, на наш взгляд, являются следствием этнографических особенностей населения отдельных памятников и вряд ли отражают какие-либо хронологические и этнические моменты.

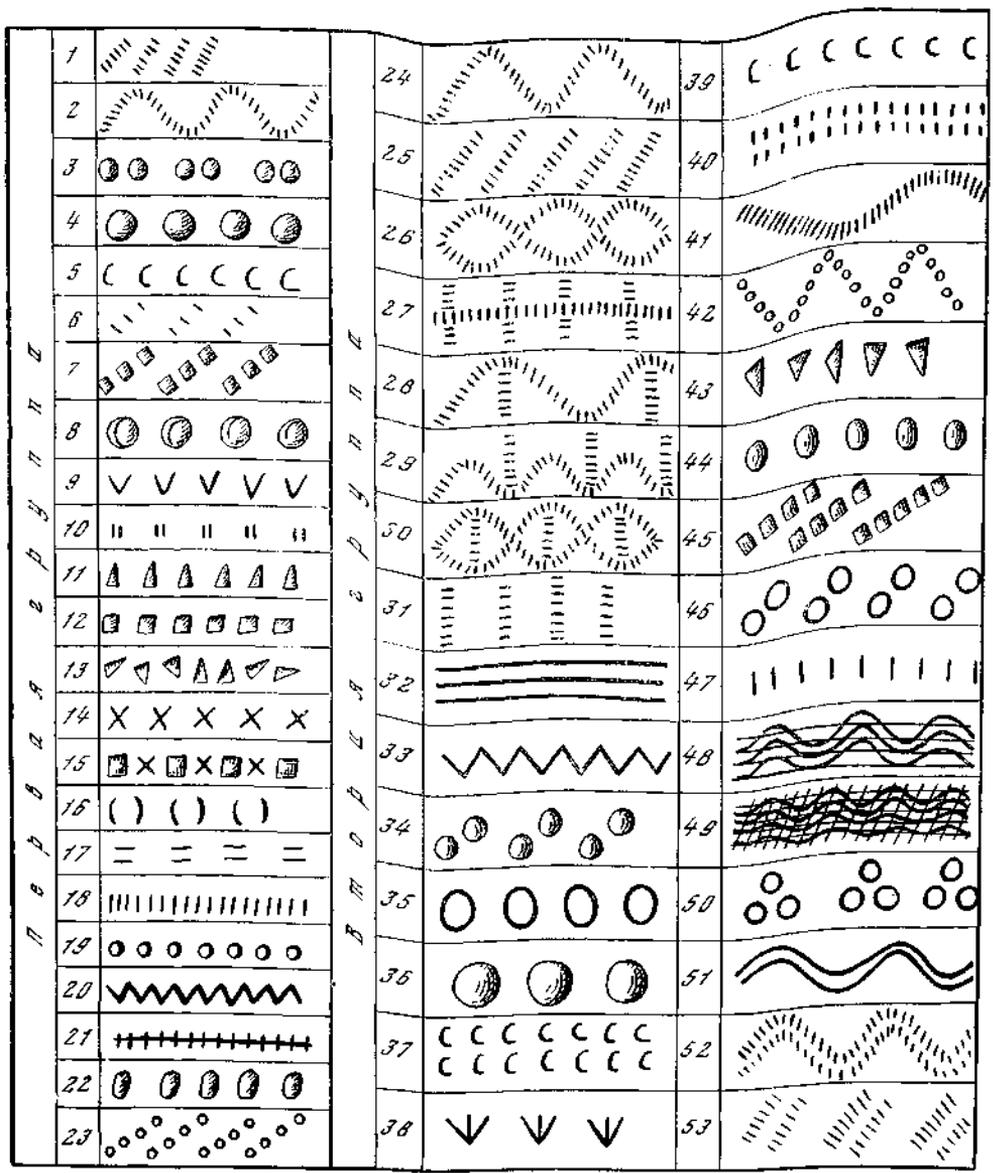
Керамика II группы (рис. 1). К этой группе мы относим посуду, орнаментированную только по тулову. Керамика, орнаментированная только по тулову, составляет в среднем 18,7% всей орнаментированной посуды, хотя эта цифра не на всех поселениях одинакова. На Титчихинском городище эта керамика составляет 18%, на Белогорском 31,5%, на других памятниках эта цифра колеблется от 13,6 до 19,5%. Как видно из табл. 1, основным приемом орнаментации тулова сосудов являются вдавления, выполненные веревочным штампом и образующие различные узоры. Этот орнамент характерен более чем для 50% всей керамики, орнаментированной только по тулову, исключая Белогорское городище, где этот процент значительно ниже. Кроме веревочного орнамента, другие способы орнаментации у этой керамики нельзя считать характерными в одинаковой степени для всех памятников. Например, трубчатые вдавления, хотя и в незначительном количестве, но встречаются и являются

ТАБЛИЦА 1

Распределение типов орнамента керамики на отдельных городищах (в %%)

Способ орнаментации		Титовское городище	М. Боршевское городище	Б. Боршевское городище	Ведогорское городище	Воргольское городище	Архангельское городище
Группа I	Пальцевые вдавления	12	21,8	20,7	13	24	26
	Пальцевые защиты	15	15,4	11	12	19	18
	Ногтевые вдавления	10	19,4	10,6	12	13	10
	Вдавления округлой палочкой	14	17	16	4	13	16
	Вдавления вервочкой	9	4,8	5	2	6	7
	Вдавления острым предметом (ножом)	3	—	5	—	0,5	0,8
	Вдавления гребенчатым штампом	—	—	—	7	—	—
	Прочие	5	1,6	1,7	3	2,5	3,2
Всего		68	80	70	53	78	81
Группа II	Вдавления вервочкой	10	8	13,5	8,2	9	8,4
	Трубчатые вдавления	0,2	3,5	0,5	0,3	4	0,6
	Ногтевые вдавления	2,3	—	0,5	1,5	—	0,5
	Вдавления пальцевые	1	—	0,5	3	1	—
	Вдавления острым предметом (ножом)	1	—	1	3	1	2
	Линейно-волнистый орнамент	1	0,5	1	12	—	0,5
	Прочие	2,5	1,6	2,5	3,5	1	1
Всего		18	13,6	19,5	31,5	16	13
Группа III	<u>Вдавления вервочкой *</u>						
	Вдавления вервочкой	7	3	5	3	2,5	1,5
	<u>Пальцевые вдавления</u>						
	Пальцевые вдавления	0,5	1	0,5	1	—	0,5
	<u>Вдавления ногтя</u>						
	Вдавления ногтевые	0,5	1	—	—	1	0,5
	<u>Вдавления пальцевые</u>						
	Вдавления вервочкой	5	1,4	4,5	2	2	3
	<u>Вдавления ногтевые</u>						
	Вдавления вервочкой	0,5	—	—	—	—	—
	<u>Вдавления пальцевые</u>						
	Линейно-волнистый	—	—	—	4,5	—	—
	<u>Гребенчатый штамп</u>						
	Линейно-волнистый	—	—	—	4	—	—
Прочие	0,5	—	0,5	1	0,5	0,5	
Всего		14	6,4	10,5	15,5	6	6
		100	100	100	100	100	100

* Числитель — по верху венчика; знаменатель — по тулову.

одной из характерных особенностей некоторых типов посуды Малого Боршевского и Воргольского городищ. На других памятниках этот орнамент встречается, но довольно эпизодически. Линейно-волнистый орнамент не характерен для керамики большинства памятников боршевского типа. В ряде случаев он свидетельствует об использовании при лепке сосудов хотя бы самого примитивного гончарного круга. На Белогорском городище этот орнамент характерен для 12% сосудов II группы и является следствием того, что на Белогорском городище вместе со славянами жили довольно длительное время отдельные группы салтово-маяцкого

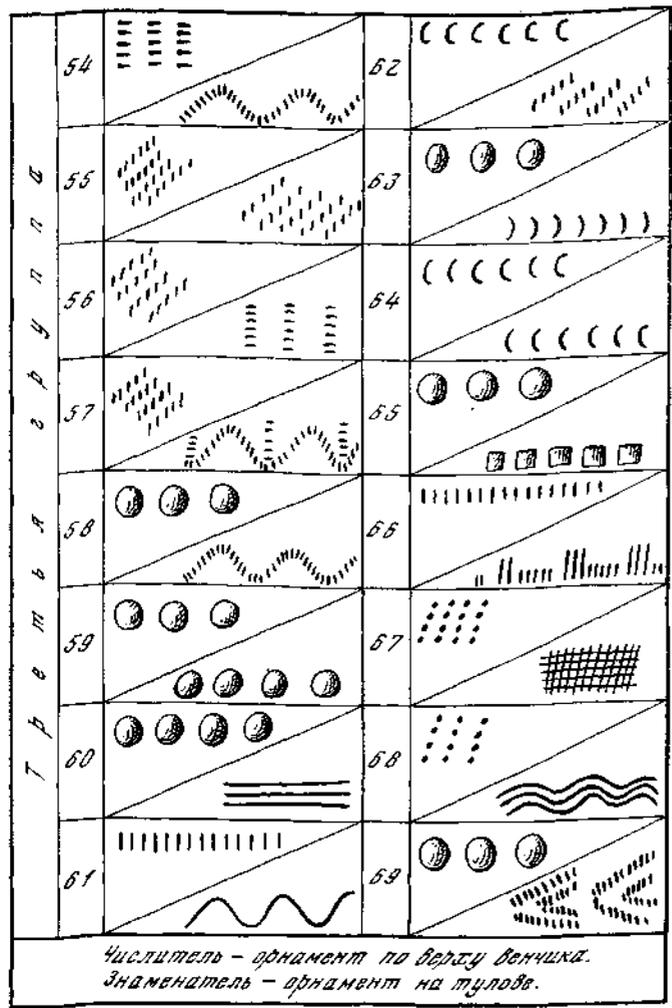

Рис. 1. Типы орнаментов боршевской керамики

населения, которое изготовляло посуду при помощи примитивного гончарного круга и украшало ее линейно-волнистым орнаментом. Для посуды рассматриваемой группы довольно характерным орнаментом являются погтевые вдавления, которые часто встречаются на Тигчихинском городище. Погтевые вдавления являются вторым наиболее характерным орнаментом после веревочного. На Белогорском городище посуда II группы нередко орнаментировалась вдавлениями острого предмета (вероятно, кожом) по плечикам сосудов. Этот орнамент встречается и на других поселениях, но в несколько меньшем количестве (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 2

Распределение приемов ornamentации керамики по слоям на Титчихинском городище (мыс) в %%. (Проценты даны от общего количества ornamentированной керамики, встреченной в слое)

Глубина в см	Способы ornamentации							Прочие	Всего
	Вдавления веревочкой	Пальцевые вдавления	Пальцевые зашпы	Вдавления палочкой	Ногтевые вдавления	Вдавления острым предметом			
0—20	32	31	5	10	12,5	9	0,5	100	
20—40	24	28	6	14,5	15	12	0,5	100	
40—60	5,5	18	16	21	18	20	1,5	100	
60—80	1,5	10	12	18	23	34	1,5	100	
80—100	—	2	—	16	58	24	—	100	

Керамика III группы (рис. 1). К этой группе мы отпосим посуду, ornamentированную и по тулову и по верху венчика. На поселениях боршевского типа эта керамика в среднем составляет около 10% от всей ornamentированной посуды. Здесь мы не наблюдаем никаких новых по сравнению с предыдущими группами способов ornamentации. На сосудах этой группы мы наблюдаем лишь определенные сочетания типов ornamentации. Как видно из табл. 1, ornamentация веревочным штампом как по верху венчика, так и по тулову, а также пальцевые вдавления по верху венчика и веревочным штампом по тулову являются наиболее характерными для этой группы посуды. Другие способы ornamentации встречаются гораздо реже. Несколько специфична в этом отношении посуда рассматриваемой группы Белогорского городища, где встречены горшки, украшенные по верху венчика пальцевыми вдавлениями или наколами гребенчатым штампом и по тулову (чаще всего по всей его поверхности) линейно-волнистым ornamentом. Этот способ ornamentации на Белогорском городище встречается значительно чаще, чем веревочкой, намотанной на палочку, что является, вероятно, следствием влияния салтово-маяцкого населения.

Почти все типы сосудов, встреченные на боршевских памятниках (горшки, миски, сковородки) можно встретить как в первой, так и во второй, и третьей группах. При анализе боршевской керамики с точки зрения ее ornamentации обращает на себя внимание тот факт, что по тулову, как правило, ornamentировалась посуда несколько лучшей выделки и более профилированных форм.

Анализируя ornamentированную посуду боршевских городищ, не трудно заметить, что горшки, имеющие различное назначение, обладают некоторыми особенностями и в ornamentации. Кухонная посуда, т. е. использовавшаяся для приготовления пищи, очень редко имеет ornament по тулову.

На боршевской керамике мы не наблюдаем особых изменений в ornamentации сосудов во времени. Можно лишь отметить, что керамика с веревочным ornamentом почти не встречается в нижних слоях культурного слоя Титчихинского городища, а содержится главным образом в первых двух штыках культурного слоя (табл. 2).

Можно также отметить относительно керамики Титчихинского городища, на котором мы имеем наибольшую раскопанную площадь, что керамика с отдельными приемами орнаментации и орнаментальными композициями сосредоточена на определенных участках поселения. На площади Титчихинского городища удалось наметить 10 таких участков. Эти десять участков, конечно, не охватывая всей раскопанной площади, группируются главным образом вокруг жилищ. Керамика каждого участка обнаруживает какие-то особенности и закономерности в орнаментальной технике и в орнаментальных композициях. Концентрация керамики с определенными способами орнаментации на отдельных участках поселения, на наш взгляд, является отражением каких-то локальных особенностей и традиций в лепке посуды отдельных гончаров.

¹ См.: *Макаренко М.* Орнаментация керамічних виробів в культурі городищ роменського типу.— In: *Niederlův Sbornik, Praha, 1925; Русанова И. П.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории древлян.— *СА, 1958, № 1; Трегьяков П. И.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— *СА, 1969, № 4.*

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

КУЗНЕЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Археологические источники второй половины I тысячелетия н. э. отражают интенсивные процессы развития хозяйства и ремесла на восточнославянских землях. Однако состояние кузнечного дела, занимавшего вместе с железодобычей ключевое положение в тогдашнем производстве, не привлекало особого внимания исследователей. Известно, что наиболее полное представление о состоянии кузнечного ремесла дает совместное рассмотрение ряда явлений: наличия кузниц и следов объема кузнечной продукции, ассортимента и формы кузнечных изделий, обращения железного полуфабриката и, самое важное, технологическое изучение поковок, которое непосредственно отражает уровень знаний и мастерства ремесленника.

В конце 60-х годов некоторый пробел в истории техники славянского кузнечного производства второй половины I тысячелетия н. э. существенно сократился благодаря работам доктора Р. Плейнера (Чехословакия). Им проведено комплексное технологическое изучение 100 кузнечных изделий из раскопок славянских памятников VII—IX вв. на территории

Чехословакии¹ и серии пожей из раскопок раннеславянского поселения Дессау-Мозигкау на территории современной ГДР². В последнее время вышла небольшая статья В. Д. Гопака, где сообщается о технологическом изучении кузнечных изделий с некоторых славянских памятников VII—IX вв. в Среднем Поднепровье³.

В настоящей работе вводятся в научный оборот результаты исследования коллекции кузнечных изделий одной из групп славянских древностей Восточной Европы — днепро-бужских поселений типа Пеньковки. Из раскопок поселений Луг I, Луг II, Макаров Остров около с. Пеньковка Кировоградской обл. изучено 39 предметов⁴; из раскопок поселения у с. Семенки Винницкой обл. — наиболее раннего из поселений этого типа — 12 предметов⁵. Для исследования были отобраны следующие изделия: ножей — 29, серпов — 7, тесел — 4, топоров — 1, наральников — 1, шильев — 2, наконечников ножей — 2, наконечников стрел — 2, бритв — 1, колец — 1, пакетных заготовок — 1. Среди этих изделий 4 серпа, 2 тесла, топор, наральник, 2 наконечника стрел происходят из известногоклада железных изделий, найденных в жилище на поселении Макаров Остров⁶.

В результате комплексного технологического изучения этой коллекции выяснено, что кузнечные изделия из поселений Семенки, Луг I и Луг II отличаются узким ассортиментом и простотой технологических характеристик. Почти все предметы откованы целиком из кричного железа или неоднородной малоуглеродистой стали. Встречаются предметы, которые ковались из металлического лома или отходов кузнечного производства. Иногда микроскопическое исследование пробы обнаруживает пакетный металл, слоистая структура которого отличается упорядоченностью расположения слоев. К такой структуре может привести также использование металлолома при соответствующей кузнечной обработке его. В этой связи интересна находка на поселении Семенки полуфабриката-заготовки, которая представляет собой полосу мягкой стали, свернутую в пятислойный пакет (брусok 8×2×1,5 см)⁷.

Из технологических приемов, улучшавших рабочие качества орудий труда, среди исследованных нами предметов встречается термическая обработка — закалка стальных изделий. Закалке подвергались качественные кузнечные изделия, где твердость рабочей части вызвана технической целесообразностью: ножи, серпы, бритва, ножницы. Исследование нашей коллекции показало, что кузнечные поковки поселений Семенки, Луг I и Луг II не имеют сложных конструктивных схем: ни сварки железа со сталью, ни цементации изделий. Среди предметов, изученных В. Д. Гопаком, обнаружены 2 ножа: один с цементированным лезвием и один со стальным наварным⁸. Как видим, в кузнечной технике раннепеньковских поселений эти технологические приемы использовались редко и не являлись характерными.

Имеющиеся у нас материалы технологического изучения кузнечной продукции из других групп славянских памятников VI—VII вв. (из поселений Корчак — 7 и Теторевка — 1⁹, поселения Ханска II в Молдавии¹⁰, поселения Городок в Хмельницкой области¹¹) приводят к таким наблюдениям. Техника кузнечного производства на раннеславянских поселениях VI—VII вв. имеет одинаковый уровень, используются одинаковый вид сырья и одни и те же технологические операции. Изготовление конструктивно сложных изделий с наварными стальными лезвиями только осваивается: они встречаются в единичных экземплярах. В целом же куз-

нечная техника этого периода представляется упрощенной. Ведь для раннесредневекового времени мастерство и специальные знания кузнецов оцениваются не столько качеством пластической обработки металла, чем в совершенстве владели кузнецы уже в раннем железном веке, сколько активным использованием наварки стальных лезвий на железную основу инструмента, что как раз не является характерным для раннеславянских кузнечных изделий.

В технике кузнечного дела по сравнению с предшествующим периодом никаких существенных изменений не произошло. Изготовление продукции было под силу любому универсальному кузнецу. Это та стадия развития средневекового кузнечного ремесла, когда выполняются самые необходимые работы, обеспечивающие потребности сельской общины. Другая сторона вопроса — это объем кузнечного производства. В результате технологического изучения кузнечной продукции рассмотренных нами поселений не получено данных, которые могли бы свидетельствовать о расширенном производстве или специализации кузнечного ремесла. При обобщенном универсальном характере железообработки на раннеславянских поселениях продуктивность кузницы зависела прежде всего от требований заказчика по изготовлению и починке изделий.

Значительный интерес для характеристики раннесредневекового кузнечного ремесла представляют технологические исследования железных предметов Пастырского городища, где была открыта кузница с полным набором кузнечных инструментов, а также большое количество разнообразных орудий труда¹². Эта работа проведена В. Д. Гонаком¹³; им выяснено, что основная масса изделий откована целиком из железа или стали, а цементация поковок и наварка стальных лезвий встречается в единичных экземплярах. Как видим, общий уровень техники кузнечного производства на Пастырском городище, которое археологи склонны называть «эмбрионом средневекового города»¹⁴, еще не выделяется на фоне других поселений этого времени, хотя объем производимой продукции на этом памятнике мог быть выше.

Что касается железоделательного производства, то, по-видимому, добыча и обработка железа в небольших размерах могла существовать на одних и тех же поселениях. Находки железоплавильных горнов и остатков металлургической деятельности на соседних и одновременных поселениях указывают на такую возможность. Однако можно утверждать, что в третьей четверти I тысячелетия н. э. у восточнославянских племен происходит процесс отделения металлургического производства от кузнечной обработки металла и превращение ее в самостоятельные отрасли ремесла. Характерным примером может служить известный железоделательный центр VII—VIII вв. у с. Гайворон на Южном Буге¹⁵. Существование таких центров говорит о растущем разделении труда, о наличии рабочего коллектива, имеющего профессиональные навыки, о расширении рынка сбыта металлургической продукции. Отделение кузнечного дела от железообработки неизбежно ведет к тому, что все производство, начиная с выплавки, приобретает товарные формы. Свидетельством развития внутренней торговли железом как сырьем на славянских землях в раннее средневековье являются находки заготовок-полуфабрикатов разной формы. Хорошо известны находки товарного полуфабриката железа в виде стержней длиной около 14 см на городище Зимно¹⁶. Проведенное нами микроскопическое исследование этих стержней показало типичную для товарного

полуфабриката структуру кричного железа, плохо обжатого, с большим количеством включений шлака.

Находкам заготовок-полуфабрикатов в виде топоров (Axtbarren) на территории Великоморавского государства посвящены специальные исследования Р. Плейнера¹⁷. Автор подчеркивает, что железо на славянских землях было не только предметом, но и средством торговли, всеобщим эквивалентом стоимости. Определенные виды железного полуфабриката как средства платежа должны, очевидно, представлять определенную весовую массу железа¹⁸.

Итак, у славянских племен Восточной Европы примерно с VII—VIII вв. наблюдается подъем железоделательного производства. При наличии благоприятных обстоятельств (близости и доступности сырья, удачно складывающихся условий сбыта железного полуфабриката) происходит обособление металлургии от кузнечества и появляются небольшие производственные центры, когда несколько семей в общине специализируются на железоплавильном деле. Повышается объем производства, расширяется торговля железом как сырьем вне рамок общинного рынка.

Так как добыча железа и его кузнечная обработка являются двумя сторонами единого производственного процесса, то подъем в области железоплавильного дела неизбежно ведет к тому же в области металлообработки, — к развитию ремесленной техники, к росту квалификации ремесленника, к возрастанию объема продукции. Этот прогресс в кузнечном производстве удалось проследить, в частности, изучая клад кузнечных изделий из поселения Макаров Остров (конец VIII—IX в. по Д. Т. Березовцу). В состав клада входят два топора и два тесла, три наковечника копий, шесть серпов и один наральник, две ручки от деревянных ведер¹⁹. Клад этот вряд ли представляет «комплекс хозяйственных железных изделий, принадлежавших одному хозяйству», как считал автор раскопок²⁰. Судя по условиям находки и составу клада, эти вещи составляли определенное накопление и сохраняемое богатство. В технологическом отношении изделия пеньковского клада демонстрируют заметный технический прогресс. Конструктивно они усложняются: используется поверхностная и сплошная цементация рабочих частей орудий труда и оружия, применяется сварка железа и стали в одном изделии как основа конструкции изделия. На исследованной серии предметов клада не отмечено зависимости технологии с определенной категорией вещей. По-видимому, стабилизируется внешний облик кузнечных изделий, но в технологии их производства, соответственно в рабочем качестве и стоимости поковок, стандартизации еще не происходит. Возможно, что более качественные вещи, изготовленные по сложным технологическим схемам, исполнялись по заказу, а более дешевые поковки предназначались для продажи на рынке. Ограниченность рынка при общинном способе производства не дает возможности для внутриотраслевой специализации ремесла, и кузнец в этих условиях вынужден быть универсальным мастером.

Проведенные технологические исследования кузнечных изделий конца I тысячелетия н. э. показывают, что в технике восточнославянского кузнечного дела появляются такие новые конструктивные решения, как наварка стальных лезвий, которые надолго определяют ее развитие в последующие столетия. Распространение этой техники свидетельствует о наличии квалифицированной работы, оно ведет к увеличению производительности труда.

Такая закономерность в развитии славянской кузнечной техники была отмечена Р. Плейнером, хотя, по мнению исследователя, наварка стальных лезвий укоренилась в кузнечном ремесле Средней Европы ранее, чем на славянских землях Восточной Европы²¹. Р. Плейнер полагает, что техника цементации рабочих частей изделий и наварки стальных лезвий стала господствующей уже в VII—VIII вв. на территории Моравии и Словакии благодаря влиянию высокоразвитых в ремесленном отношении областей бывших дунайских провинций Римской империи, где славяне перенимали различную практику как в кузнечном искусстве, так и в других видах ремесленной деятельности²². Однако общие тенденции поступательного развития металлургии железа, основы для дальнейшего подъема во всех областях экономики в предгосударственную эпоху на славянских землях одинаковы.

- ¹ Pleiner R. Die Technologie des Schmiedes in der Grossmährischen Kultur.— *Slovenská archeológia*. XV—1, 1967 (Bratislava).
- ² Pleiner R. Metallkundliche Untersuchungen des Messerklingen von der frühslawischen Siedlung in Dessau — Mosigkau.— In: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, B. 22, Berlin, 1967.
- ³ Гопак В. Д. Ковальська справа у ранніх слов'ян в Середньому Подніпров'ї.— *Археологія*, 1975, вип. 17.
- ⁴ Березовец Д. М. Поселення уличей на р. Тясмипе.— *МИА*, 1963, № 108.
- ⁵ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— *МИА*, 1963, № 108.
- ⁶ Кроме того, нами учтены данные В. Д. Гопака, который исследовал 17 предметов из пеньковских поселений (см.: Гопак В. Д. Ковальська справа...).
- ⁷ Автор раскопок отнес эту находку в разряд железных поделок. См.: Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения..., с. 340, рис. 13, 4.
- ⁸ Гопак В. Д. Ковальська справа..., с. 19.
- ⁹ Вознесенская Г. А. Металлографические исследования кузнечных изделий из раннеславянских памятников.— *КСИА*, 1967, вып. 140.
- ¹⁰ Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с. 80—83.
- ¹¹ Винокур И. С., Пригодный О. М. Раннеславянское поселение у с. Городок.— В кн.: *Археологические открытия 1968 года*. М., 1969, с. 332—334.
- ¹² Брайчевская А. Т. Кузницы на Пастырском городище.— *КСИА АН УССР*. Киев, 1960, вып. 9.
- ¹³ Гопак В. Д. Ковальська справа...
- ¹⁴ Грегьяков П. П. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.— Л., 1966, с. 245.
- ¹⁵ Бідзля В. І. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— *Археологія*. Київ, 1963, т. XV.
- ¹⁶ Дуліх В. В. Зимнівське городище. Київ, 1972.
- ¹⁷ Pleiner R. Slovanské sekerovité hřívny.— *Slovenská archeológia*, 1961, IX, s. 404—450.
- ¹⁸ Pleiner R. Das Handel mit Eisen im Östlichen Mitteleuropa im 4 bis 9 Jahrhundert.— In: *Early medieval studies*, 1971, b. 3, p. 18.
- ¹⁹ Березовец Д. Т. Поселення уличей..., с. 183—184.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Pleiner R. Die Technologie des Schmiedes..., S. 111.
- ²² Там же, с. 93, 138.

ДВА ВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКА ИЗ КРУШВИЦЫ

Среди памятников, найденных в Крушвице (Быдгошское воеводство) — местности, связанной с легендами о возникновении Польши, центре, который в средневековой Польше играл очень важную роль, заслуживают внимания две находки. Их происхождение можно, мне кажется, отнести к Византии. Это: золотой крестик, а также подвеска в форме дыни.

Первая из них была найдена во время систематических исследований могильника, находящегося при романском костеле, сохранившиеся фундаменты которого датируются XII в. Могила находилась снаружи костела,

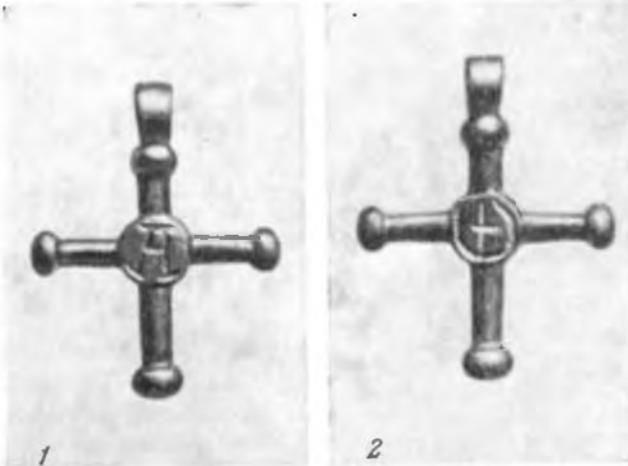

Рис. 1. Лицевая и обратная стороны золотого крестика (1—2); подвеска дынной формы (3). Крушевица

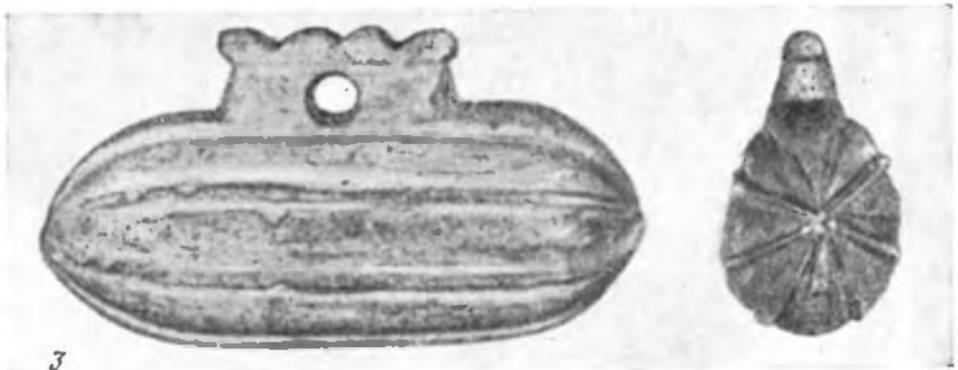

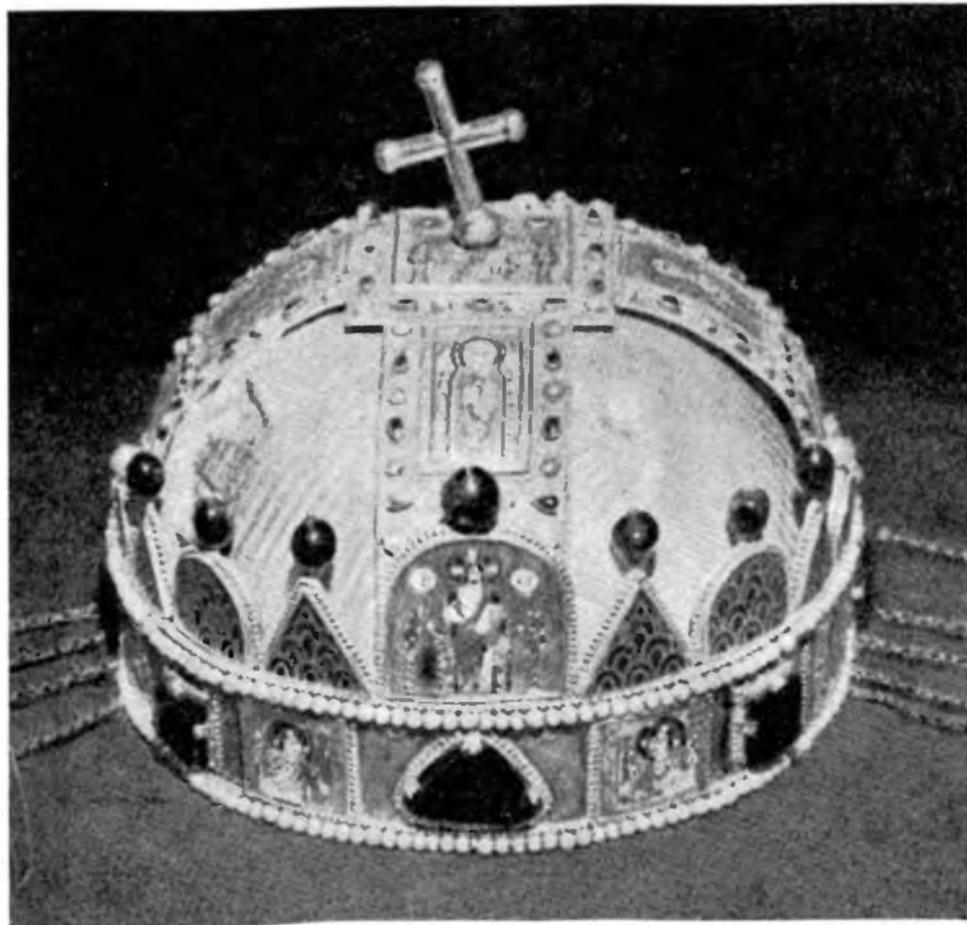
Рис. 2. Корона венгерских королей

у его южной стены, на расстоянии 155 см от нее, а также 55—222 см от портала на восток.

Скелет 53 лежал вытянуто навзничь по оси запад — восток, на глубине 119—132 см, головой на запад. Руки выпрямлены вдоль корпуса тела.

При левой ключице найден золотой равноконечный крестик, размером $17 \times 21,5$ мм, с ушком (наружный диаметр 5 мм, внутренний — 3 мм) (рис. 1, 1). Концы крестика имеют слегка сплюснутые шарики. На круглой поверхности (диаметр 5 мм) в средокрестии, на аверсе вырезана греческая буква А, а на реверсе стилизованная греческая буква О, с чертой в середине в форме креста (рис. 1, 2).

На территории Польши до сих пор не найдено аналогичного креста, следовательно, этот экземпляр является уникальным. Однако нам известны аналогичные экземпляры из других территорий. К близким памятникам следует зачислить крест, находящийся на венгерской короне (рис. 2). Ее нижняя часть была подарена византийским императором Михаилом VII Паррапинаксом Гезе I в 1076 г. Однако верхняя часть была

предслана в одной из итальянских мастерских, работающих под влиянием византийских центров.

Тип описанного здесь креста, кроме иного рода крестов, исполненных в византийских мастерских, нашел свое отражение на Руси. К этой группе памятников принадлежат, между прочим, некоторые крестики, представляющие собой русские импорты, находимые в Латвии¹.

Золотой крестик из Крушвицы можно в общем датировать XII веком. Он найден в могиле, по всей вероятности, не раньше второй половины этого века. Он был уже несколько раз опубликован, однако не были описаны подробные условия, в которых он был найден.

Второй интересной находкой является подвеска в форме дыни (длина 39 мм). Она исполнена, вероятно, из слоновой кости (рис. 1, 3) по образцу сорта дыни (*cucumis melo*), называемой «канталупа» (*var. cantalupa*), на что указывают выступающие на ней ребра. Она была, к сожалению, найдена во вторичном залегании в раскопе при граде. Наиболее близкий к ней экземпляр известен из Коринта. К сожалению, он тоже точно не датирован. Крушвицкий памятник также уникален на территории Польши. Приблизительно его можно датировать XII веком, как и описанный выше крестик.

Оба памятника увеличивают небольшое количество византийских изделий, находимых на территории Польши. Многие из них пришли к нам из Руси или являются русскими подражаниями. Каким путем дошли к нам вышеописанные крушвицкие памятники, не можем пока сказать. Однако нельзя исключить русского посредства, потому что в Крушвице были найдены памятники, указывающие на интенсивные связи этого центра с Русью. Из последних между прочим следует привести свищюную пломбу XII в.

¹ Латвия в древности. Путеводитель по экспозиции Музея истории Латвийской ССР. Первобытнообщинный строй и ранний феодализм на территории Латвийской ССР (VIII тысячелетие до н. э.—XII в. н. э.). Рига, 1967, с. 90.

Л. А. ГОЛУБЕВА

СИМВОЛЫ СОЛНЦА В УКРАШЕНИЯХ ФИННО-УГРОВ

Возникшее в глубокой древности у народов различных континентов почитание неба и небесных светил сопровождалось появлением единообразных знаков — идеограмм. Так, круги, колеса, кресты, спирали уже в бронзовом веке повсеместно служили символами солнца. Эти знаки тысячелетиями сохранялись в народном искусстве, утрачивая со временем религиозный смысл и превращаясь в орнамент. Наиболее отчетливо эти символы выступают в бронзовых украшениях (подвесках, бляхах, височных кольцах), служивших в то же время

амулетами-оберегами. Символику этих украшений на восточнославянских археологических материалах изучали Б. А. Рыбаков¹ и В. П. Даркевич². С. А. Плетнева исследовала «солнечные амулеты» Подонья³. С. В. Иванов выявил солнечную символику в металлических украшениях народов Сибири⁴.

В настоящей статье дается обзор украшений с символами солнца из археологических материалов Прикамья и бассейна Волги VI—XI вв. Я не касаюсь здесь лунарных символов, также чрезвычайно распространенных у финно-угорских народов этого региона.

По технике и стилю украшения образуют две группы. Для Прикамской группы характерен прием отливки в жесткую форму, массивность; для Волго-Вятской и Окской — изготовление в технике плетения или подражание ей, ажурность. Исследуемые украшения в основном происходят из женских погребений; случаи, когда они обнаружены в мужских захоронениях оговариваются особо. Украшения по форме я разделяю на типы, а на основании более детальных признаков — на виды.

Первый тип. Подвески кольцевидные. Состоят из двух видов.

Первый вид. Ободок кольца имитирует жгут; диаметр 3 см, сверху петля (рис. 1, 1).

Второй вид. По кольцу подвески семь или девять полусферических выпуклостей⁵. Диаметр около 4 см (рис. 1, 2).

Подвески первого и второго видов найдены в могильниках Среднего и Верхнего Прикамья VI—VIII вв. и при случайных сборах⁶. Как отмечал еще А. А. Миллер⁷, жгут на кольцевидных подвесках имел магическое значение, олицетворяя собой небесный круг. Аналогичные жгуты кольца видим на арочных коньковых подвесках азелинской культуры. Кольца составляют верхний ярус изображений, над головами ковей; некоторые снабжены полусферическими выпуклостями. В композицию с кошками входят также крестовидные знаки и спирали, что в целом составляет совокупность «элементов неба»⁸.

Аналогичные кольца с полусферическими выпуклостями (3—4) и петель для подвешивания женщины азелинской культуры носили в качестве височных и нагрудных украшений⁹. Сходные известны в VI—VII вв. в Башкирии¹⁰.

Второй тип. Подвески колесовидной формы. Делятся на 13 видов.

Первый вид. Подвески, состоящие из двух колец, соединенных семью лучами-спицами (рис. 1, 7). У некоторых экземпляров концы спиц выступают за внешнее кольцо (рис. 1, 9). Диаметр — 3 см. Характерны для могильников Среднего и Верхнего Прикамья¹¹. Носились главным образом на груди, попарно. Датируются VI—VII вв., хотя встречаются и с вещами VIII — первой половины IX в. Сходные подвески найдены в Салтовском могильнике¹².

Второй вид. Такие же подвески, но с полусферическими выпуклостями на ободках. Диаметр 4,5 см. Явно производны от кольцевидных подвесок первого типа (рис. 1, 3). Найдены в Верхнем Прикамье¹³. Такая же подвеска обнаружена в Башкирии¹⁴. Дата VI—VII вв.

Третий вид. Подвески, состоящие из двух колец, соединенных шестью раздвигавшимися лучами (рис. 1, 8, 10). Внешнее кольцо обрамлено подпрямоугольными выступами. Диаметр 4 и 6 см. Известны главным образом по находкам в Верхнем Прикамье¹⁵. Встречаются обычно в одном экземпляре у пояса. Дата их VI—VIII вв.

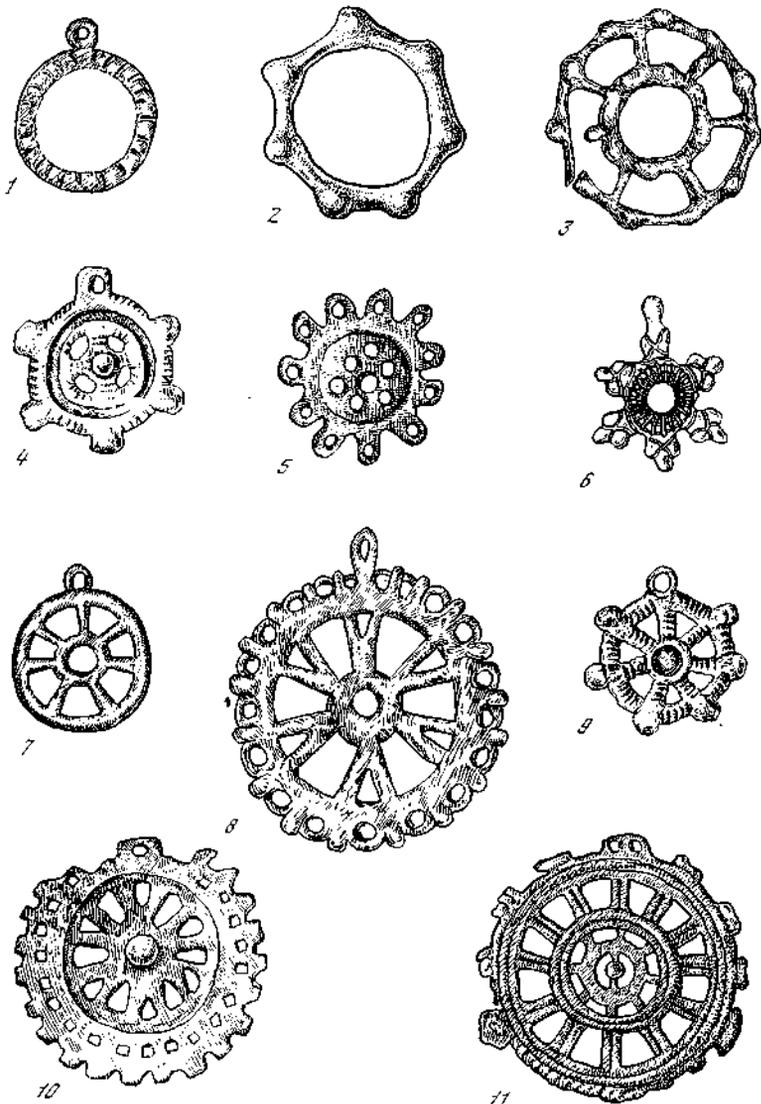

Рис. 1. Символы солнца

1, 2, 7 — Бродовский мо-
гильник;
3 — Харинский могильник;
4, 5, 9, 10 — Деменковский

могильник, погребения
13а, 20, 64;
6 — Урьинский могиль-
ник, погребение 29;

8 — Изынское;
11 — могильник Тюм-Тюм,
погребение 79

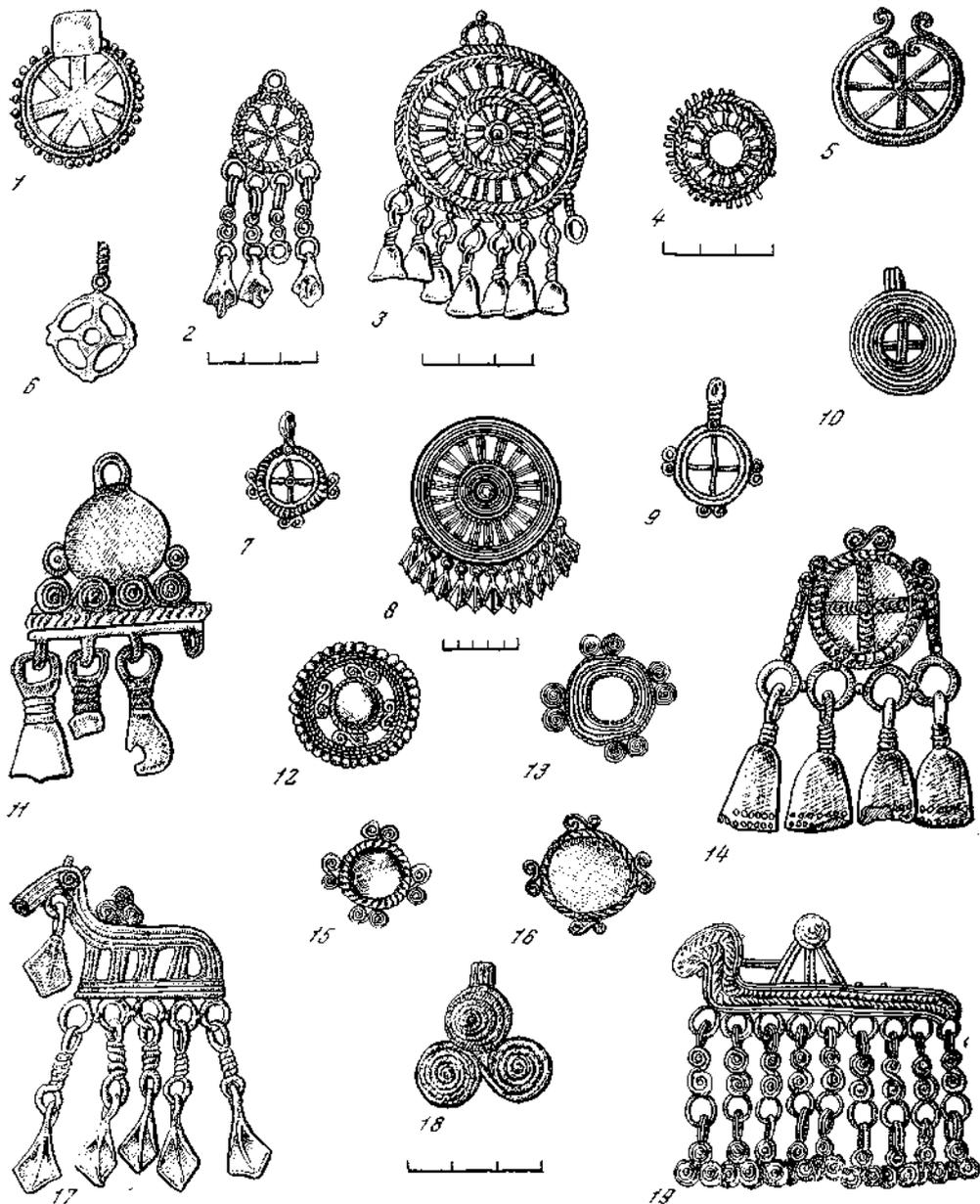

Рис. 2. Символы солнца

- 1 — Троицкое городище;
- 2 — Каневский могильник, погребение 20;
- 3, 4 — Уржумкинский могильник, погребения 7, 10;
- 5 — Мари-Дуговской могильник, погребение 40;
- 6, 17 — Крюково-Кужновский могильник, погребение 551, 564;

- 7, 9 — могильник Тюм-Тюм, погребение 124;
- 8 — Веселовский могильник, погребение 29;
- 10 — Томниковский могильник;
- 11 — Бродовский могильник;
- 12, 13 — Щербинское городище;

- 14 — случайная находка близ Моршанска;
- 15 — Березняковское городище;
- 16 — Кошбеевский могильник (раскопки В. Н. Глазова);
- 18 — Лядинский могильник;
- 19 — Малышевский могильник, погребение 197

Четвертый вид. Подвески, состоящие из двух колец, объединенных шестнадцатью спицами. По внешнему краю — выступы. Диаметр — 3 см (рис. 2, 4).

Пятый вид. Подвески, состоящие из трех колец и большого количества спиц. По периметру — волоты и двойная петля для подвешивания. Диаметр подвесок 4—5,5 см (рис. 1, 11).

Две подвески четвертого и две пятого видов происходят из четырех мужских погребений могильников Уржумкинского и Тюм-Тюм азелинской культуры¹⁶. Они найдены у колен мужчин-воинов. В двух случаях амулеты лежали в специальных меховых чехольчиках, свисающих на ремешках с пояса. В третьем погребении чехол был, видимо, из ткани. Г. А. Аршипов называет поздней датой Уржумкинских погребений VI в., с чем нельзя не согласиться¹⁷.

Шестой вид. Подвески, состоящие также из трех колец. Круглое отверстие по центру заполнено двумя или четырьмя крестообразными спицами. По периметру — волоты; сверху — двойная петля для подвешивания. Снизу, на длинных стержнях петли (6—8) для шумящих подвесок в виде вытянутых уплощенных колокольчиков или ромбовидных пластинок. Диаметр подвесок 5,5—6 см.

Одна из подвесок (рис. 2, 3) была найдена в мужском погребении у колен (Уржумкинский могильник, погребение 7). Остальные восемь являлись женскими украшениями. В погребении 2 могильника в г. Уржуме шесть таких подвесок располагались по три с каждой стороны груди¹⁸.

Седьмой вид. Подвеска в виде колеса с восемью спицами. Внизу петли для шумящих привесок. Диаметр — 3 см. Одна происходит из могильника Тюм-Тюм и входит в круг подвесок-амулетов азелинской культуры. Вторая (рис. 2, 2) найдена в погребении 20 Каневского могильника VIII—IX вв.¹⁹ Стилистически и по технике изготовления она принадлежит к Волго-Окским изделиям. У третьей подвески кольцо, состоящее из двух проволочек, разомкнуто и концы проволочек спирально загнуты. Шумящие привески отсутствуют (рис. 2, 5). Найдена в погребении 40 Мари-Луговского могильника азелинской культуры²⁰.

Восьмой вид. Нагрудная бляха, состоящая из двух колец и центрального диска, соединенных двумя рядами мелких спиц. По периметру — строенные полусферические выступы. Внизу — семь продолговатых петель на длинных стержнях. Шумящие привески — круглые бубенчики. Бляха происходит из погребения 80 Поломского могильника, содержащего инвентарь VI—VIII вв.²¹ Аналогичное украшение из Чердынского уезда имеется в коллекции Малахова из МАЭ.

Девятый вид. Нагрудная пластинчатая бляха, состоящая из кольца и центрального диска, соединенных двадцатью тройными спицами. Диск и кольцо покрыты концентрическим орнаментом. В центре диска — круглое отверстие. Внизу тринадцать петель с привесками в виде гусиных лапок. Диаметр бляхи — 8,3 см (рис. 2, 8). Бляха происходит из погребения 29 Веселовского могильника и датируется XI в.²² Вероятно, она уже не являлась амулетом, но в ее усложненном рисунке четко просматриваются знакомые элементы: круг — символизирующий солнце и лучи — спицы, составляющие вместе с внешним ободком небесное колесо.

Десятый вид. Подвеска в виде колеса с семью спицами. Сверху петли. По периметру напаяна зернь. Диаметр 2,5 см. Выполнена зубильцем по

листовой бронзе (рис. 2, 1). Происходит из Троицкого городища Подмосковья и датируется первой половиной I тысячелетия н. э.²³

Одиннадцатый вид. Подвеска в виде двух колец, объединенных четырьмя спицами. Концы спиц выступают за внешний ободок. Сверху — петля. Отлита в жесткой форме (рис. 2, 6). Найдена в Крюково-Кужновском могильнике мордвы. В. И. Вихляев считает ее заимствованной от алан²⁴.

Двенадцатый вид. Подвеска в виде кольца орнаментированного насечками, в которых можно видеть спицы. С внешней стороны кольца шесть выступов, один из которых переходит в петлю (рис. 1, 6). Найдена в погребении 29 Урьинского могильника VIII—IX вв.²⁵

Тринадцатый вид. Подвеска, изображающая диск с одиннадцатью спицами. В диске семь отверстий. Диаметр 3,5 см. Две таких подвески найдены в Деменковском могильнике²⁶. Сходные подвески с круглым отверстием в центре найдены в погребении 79 могильника Тюм-Тюм и в погребении 13 Концовского могильника в Кировской обл.²⁷

Третий тип. Подвески в виде прямого креста в круге. Делятся на семь видов.

Первый вид. Кольца из сдвоенных гладких или гладкой и крученой проволоки; украшены тремя волютами. Петля массивная. Диаметр 1,6 см (рис. 2, 7, 9). Известны четыре подвески из погребения 124 могильника Тюм-Тюм²⁸.

Второй вид. Подвески такие же, по низу припаяны три колечка. Шумящие привески — ромбовидные. Три подвески найдены в Айшинском могильнике²⁹ и одна — в могильнике Тюм-Тюм. Подвески обоих видов типичны для азелинской культуры и могут датироваться VI в.

Третий вид. Кольцо подвески выполнено в технике подражания филигрании. Крест из сдвоенных проволочек. Диаметр — 2,5 см, сверху — петля для подвешивания (рис. 2, 10). Подвеска найдена в Томниковском могильнике мордвы³⁰.

Четвертый вид. Кольцо подвесок, имитирующее шнур, имеет пять выступов и петлю для подвешивания. Средокрестие выпуклое. Диаметр 3,5 см. Подвески представлены серией находок (более 12) из могильников Верхнего Прикамья: Неволинского, Деменковского, Агафоноповского I, Плесинского, Каневского и др.³¹ Носились на груди или у пояса, часто парой. Датируются VII—VIII вв., но встречаются и в IX в.

Пятый вид. Нагрудные бляхи в виде диска с крестом. Ободок диска и крест имитируют шнур. Снизу четыре петли; шумящие привески в виде высоких уплощенных колокольчиков. Диаметр — 2,5 и 3,5 см. С обратной стороны — петля для подвешивания. Отлита по восковой модели (рис. 2, 14). Два экземпляра происходят из Безводновскогоклада³²; два других — случайная находка близ Моршанска Тамбовской обл.³³ Вероятно, являлись парными нагрудными украшениями. Наличие волют и удлиненные стержни петель сближают моршанские находки с изделиями азелинской и окской культурных областей. Вероятная дата VI—VII вв.

Шестой вид. Бляхи в виде диска, окаймленного шнуром и четырьмя волютами. Диаметр 2 см. Отлиты в жестких формах. Диск на этих бляхах можно рассматривать как небесную сферу, которую обегают спирали — символы солнца. Три бляхи найдены на городищах дяковской культуры: Щербинском (рис. 2, 12, 13)³⁴ и Березняковском (рис. 2, 15)³⁵. Четвертая — в Кошибеевском могильнике (раскопки В. П. Глазова) Дата — VI в. (рис. 2, 16).

Седьмой вид. Подвески, верхняя часть которых представляет композицию из диска и волют, а нижняя — горизонтальную планку с четырьмя петлями и привесками в виде уплощенных колокольчиков (рис. 2, 11). Две таких подвески, составлявшие видимо парное нагрудное украшение, происходят из Бродовского могильника³⁶.

Четвертый тип. Подвеска в виде строченных спиралей. Отлита в жесткой форме. Найдена в Лядинском могильнике³⁷. Подобные спирали составляют рисунки многих украшений мордвы: шумящих привесок³⁸, подтреугольных³⁹ и др.

В ряде погребений VII—VIII вв. Верхнего Прикамья вместе с описанными выше круглыми подвесками — солнечными амулетами — найдены фигурки коней или коньковые подвески. Образ коня, как известно, также связан с солнцем. Очевидно оба типа амулетов гармонично дополняли друг друга. В IX—XI вв. круглые подвески на рассматриваемой территории почти совершенно исчезают. В Верхнем Прикамье их вытесняют новые типы коньковых подвесок, ставших характернейшим этническим украшением предков коми — пермяков⁴⁰. У ряда народов Поволжья — мордвы, муромы, мери — в IX—X вв. появляются новые типы подвесок — коньков⁴¹. Эти украшения восприняли функции солнечных амулетов, о чем свидетельствуют солярные символы в виде тройных спиралей или диска с лучами, которыми украшены многие из них (рис. 2, 17, 19). С конца VIII—IX в. коньковые подвески, коньки-подвески и круглые солярные подвески волго-окских финнов дополняются, как правило, шумящими привесками в виде лапок водоплавающей птицы. Это обстоятельство можно рассматривать как установившуюся связь образа коня не только с солнцем и небом, но и со стихией небесной воды — дождя, от которого зависит плодородие полей. В эпоху все возрастающей роли земледелия конь, как символ добра, плодородия и счастья, играл важную роль в системе земледельческих культов.

¹ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. — СЭ, 1948, № 1; *Он же*. Прикладное искусство и скульптура. — В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М., 1951.

² Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. — СА, 1960, № 4. В работе приведена подробная библиография.

³ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, гл. VII. Амулеты.

⁴ Неспос С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. — Л., 1963.

⁵ Число 7 у народов Прикамья, как и многих других, имело магическое значение.

⁶ Генинг В. Ф. Бродовский могильник. — КСИИМК, 1953, вып. 52, рис. 34, 16; OAK за 1898 г., с. 48, рис. 87; *Aspelin I. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien*. T. II, Helsingfors, № 633; МАЭ, колл. 3551; Эрмитаж, ОРК секция северо-востока, колл. 565.

⁷ Миллер А. А. Элементы неба на вещественных памятниках. — ИГАИМК, 1933, вып. 100.

⁸ *Tallgren A. M. Collection Zaoussoilov an Musee National de Finlanda*, II. Helsingfors, 1919.

⁹ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв.: — ВАНУ, вып. 5, табл. V, 9, 10, рис. 23. Г. А. Архипов считает возможным повысить дату азелинской культуры до VI в., а А. К. Амброс — до VI—VII вв. (См.: Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, 3, с. 106—107), что мне кажется справедливым.

¹⁰ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 7, 12, 14, 16.

¹¹ Генинг В. Ф. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. — ВАНУ, 1964, вып. 6, табл. II, 3, 5; *Aspelin I. R. Antiquites...*, NN 635, 637; *Erdelyi Istvan, Optozl Ester, Gening Wladimir F. Das Grabfeld von Newolino. Ausgrabungen von A. V. Schmidt und der Archäologischen Kama — Expedition.* — Archaeologia Hun-

- garica. Series nowa XLVI (46). Budapest, 1969, Tafel IX, 5; X, 9; XVI без №, LXXXIX, 8.
- ¹² Плетнева С. А. От кочевий к городам, рис. 49, 7.
- ¹³ Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАНУ, 1970, вып. 9. Прил.-докл. табл. 47, 10; *Aspelin I. R. Antiquities...*, N 638.
- ¹⁴ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура..., табл. 16, 7.
- ¹⁵ Генинг В. Ф. Демевковский могильник..., с. 136, табл. II, 8; *Aspelin I. R. Antiquities...*, №№ 636, 639; *Спицын А. А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых.*— МАР, вып. 26, табл. IX, 5.
- ¹⁶ Архипов Г. А. Отчет о работе 1 Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции Института археологии АН СССР летом 1970 г.— Архив ИА АН СССР Р-14168; рис. 42, 7; отчеты С. В. Ошибкиной о раскопках могильника Тюм-Тюм в 1970—1973 гг. в Архиве ИА АН СССР.
- ¹⁷ Выражаю признательность С. В. Ошибкиной и Г. А. Архипову за разрешение опубликовать находки из их раскопок.
- ¹⁸ Н. Н. Арбузова, П. Н. Старостин. Остатки древних погребений в г. Уржуме.— В кн.: Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1971, табл. 1, 2.
- ¹⁹ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе.— ВАНУ, 1970, вып. 9, с. 45, 53, рис. 26, 7.
- ²⁰ Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— Труды Марийской археологич. экспед., т. II. Йошкар-Ола, 1962, табл. XXXIV, 13.
- ²¹ Эрмитаж, ОПК, секция северо-востока, колл. 606, № 673.
- ²² Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 27, 67, табл. 22, 6.
- ²³ Дубынин А. Ф. Троицкое городище. Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970, табл. 18, 9, с. 33.
- ²⁴ Вилляев В. И. Культурные связи сурско-цинцинской мордвы с алаванскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Материалы по археологии и этнографии мордвы. Саранск, 1974, с. 60.
- ²⁵ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Позднеломоватовские могильники..., табл. 21, 3.
- ²⁶ Генинг В. Ф. Демевковский могильник..., табл. II, 4.
- ²⁷ Стефанова Н. И. Отчет об археологических раскопках 1973 г. в Кировской области.— Архив ИА АН СССР, Р— 1 5229.
- ²⁸ Ошибкина С. В. Работы в Вологодской и Кировской областях.— В кн.: Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 31.
- ²⁹ *Tallgren A. M. Collection...*, табл. I, 8, 13.
- ³⁰ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии.— МАР. СПб., 1898, т. 10, табл. XIII, 6.
- ³¹ Генинг В. Ф. Демевковский могильник..., табл. II, 1; *Aspelin I. R. Antiquities...* N 632, 634; ГИМ, III археологический отдел, колл. 35714 № 303; *Erdelyi Istvan, Ojtozi Ester, Gening Wladimir F. Das Gräberfeld...*, Tafel XXX; LXXXIX, 9.
- ³² *Aspelin I. R. Antiquities...*, N 789.
- ³³ ГИМ, III археологический отдел, инв. 78607.
- ³⁴ Дубынин А. Ф. Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, табл. X, II и XX, 10.
- ³⁵ Горюнова Г. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища.— КСИИМК, 1956, вып. 65, рис. 4, 8.
- ³⁶ Эрмитаж. ОПК. Секция северо-востока, колл. 565, №№ 770 и 771.
- ³⁷ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии.— МАР. СПб., 1893, № 20, табл. III, 28.
- ³⁸ Там же, рис. 19.
- ³⁹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы.— МАР. СПб., 1901, № 25, табл. XXIX, 4.
- ⁴⁰ Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья.— ВАНУ, 1970, вып. 9, с. 15—20.
- ⁴¹ Голубева Л. А. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки.— СА, 1976, № 2.

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ ПОСЛЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Среднее Поднепровье, включая Киевскую, Переяславскую и Черниговскую земли, занимало приблизительно четверть всей территории Древней Руси. Между тем на этой территории находилось более половины населенных пунктов, упоминаемых в летописях. При этом подавляющее их большинство впервые упомянуто в летописях в период феодальной раздробленности. По данным М. Н. Тихомирова, за период с IX по середину XIII в. всего упоминается в источниках 209 населенных пунктов, из них 113 находились на Поднепровье. А из поднепровских населенных пунктов, тех, что впервые упомянуты в XII — первой половине XIII в., было 94¹.

В период феодальной раздробленности и в период, непосредственно предшествующий татарскому нашествию, в Среднем Поднепровье развивалось и совершенствовалось земледелие. Это хорошо подтверждают археологические материалы. Из всех днепровских пунктов, где найдены сельскохозяйственные орудия (лемехи, чресла, наральники, серпы, косы), известно в настоящее время свыше ста, более половины из них расположены на территории Среднего Поднепровья. Подавляющее большинство найденных здесь сельскохозяйственных орудий относится к концу XII — первой половине XIII в. Они обнаружены преимущественно на городищах, разрушенных татарами².

То же нужно сказать о ремесле, которое было второй основной отраслью производства.

Б. А. Рыбаков, подводя итоги развития ремесла в Киевской Руси, писал: «Никакого упадка ремесла со второй половины XII века, как это иногда утверждают, мы не наблюдаем ни в Киеве, ни в других местах. Наоборот, культура растет, охватывая новые области и изобретая новые технические приемы»³. То же писал М. К. Каргер относительно киевского ремесла: «Большая часть известных доныне изделий киевского ремесла и особенно мастерских, открытых раскопками, относятся к концу XII — первой половине XIII веков»⁴. Эту мысль мог бы повторить любой археолог, исследовавший другие города и городища в Среднем Поднепровье.

Строительство относится к тем отраслям деятельности, которые особенно чутки к общественной конъюнктуре. Общество развивает строительство только тогда, когда оно на подъеме, когда оно богато и уверено в будущем. В этом отношении показательны данные об архитектурном строительстве. По данным Ю. С. Асеева, на Поднепровье в конце XII — первой половине XIII в. была создана половина архитектурных сооружений из всех, построенных в это время на Руси — 15 из 30. В конце XII в. в Среднем Поднепровье возникает новый архитектурный стиль,

содержащий в себе элементы будущих национальных стилей русской, украинской и белорусской архитектуры. Появившись на Поднепровье, он затем распространяется на другие древнерусские земли⁵.

Период, предшествующий татарскому нашествию, был на Поднепровье временем расцвета литературы и искусства. Факты общеизвестны. Достаточно вспомнить «Слово о полку Игореве», архитектора Милонега, клады художественных драгоценностей, зарытых в период татарского нашествия в Киеве, Чернигове, на Княжей Горе, в Сахновке и других городах и городищах Поднепровья.

Период после татарского нашествия в истории Среднего Поднепровья изучен недостаточно. На XIII в. обрываются летописные сведения о жизни края. Сообщения о нем в других источниках отрывочны и скудны. В археологии долгое время господствовала традиция, согласно которой памятники после татарского нашествия в Среднем Поднепровье не исследовались.

Господствующим в дореволюционной историографии было мнение о полном запустении Среднего Приднепровья после татарского нашествия. И только в XV в. здесь, согласно этому мнению, возобновляется жизнь за счет новой колонизации с севера или запада. Такое мнение высказывали Н. Погодин, Н. Костомаров и другие историки. В. О. Ключевский считал, что запустение Среднего Приднепровья началось еще в XII в. и татары только завершили то, что началось ранее⁶.

С XV в., согласно В. О. Ключевскому, начинается обратное движение на Поднепровье потомков того населения, которое его оставило в XII—XIII вв. С этим процессом он связывает «образование малороссийского племени», как он называет украинский народ⁷. Возвратившиеся на Поднепровье русское население «встретилось» с бродившими здесь остатками старинных кочевников тюрков, берендеев, печенегов и др. и, конечно, смешалось с ними.

В. О. Ключевский не решается утверждать, что в результате этого смешения образовался украинский народ, но и не возражает против такого вывода. Наоборот, автор подводит читателя к такому заключению, не беря за него ответственности.

Как видим, мысль о запустении Поднепровья у В. О. Ключевского должна была объяснить его другую мысль о происхождении украинского народа.

Эта мысль явилась для В. О. Ключевского и обоснованием его известной теории о противоречии хозяйственной деятельности в Древней Руси природе страны: когда население занимало плодородные почвы Поднепровья, оно торговало изделиями ремесленников, и усиленно припало за земледелие, когда перекочевало на тощие почвы Оки и верхней Волги⁸.

Советская историческая наука доказала несостоятельность взглядов В. О. Ключевского и о происхождении украинского народа, и о противоречиях хозяйственной деятельности в Древней Руси природе страны.

Но мнение о запустении Среднего Поднепровья разделяли и некоторые советские историки, например М. Н. Покровский и Б. Д. Греков.

М. Н. Покровский повторял В. О. Ключевского в основных положениях о значении татаро-монгольского нашествия в истории края. Как и В. О. Ключевский, он считал, что оно только активизировало процесс запустения края, начавшийся в XII в. «Две катастрофы,— писал он,—

от которых при желании можно вести новый период русской истории: падение Кисва во второй половине XII в. и завоевание Руси татарами. Первая обусловила перемещение центра исторической цепи на несколько градусов севернее и восточнее, закрепив за исторической Руссией тот характер северной страны с убогой природой, какого она еще не имела в мягком климате на плодородной почве Украины. Вторая закрепила то падение городского права и торжество деревенского, которым на много столетий определилась политическая физиология будущей северной монархии»⁹. М. Н. Покровский признает за татарским нашествием некое положительное значение в истории Руси. Оно содействовало падению Киевской Руси, которую он считал аристократическим городским обществом, и утверждению общества деревенского, демократического.

Б. Д. Греков запустение Среднего Поднепровья относит к еще более раннему времени, ко второй половине XI в. Это явление он связывает с перемещением мировых торговых путей, связующих Европу с Византией и Малой Азией. С открытием более прямого морского пути в результате крестовых походов путь «из варяг в греки» по Днепру утратил, по его мнению, свое значение. «Города по Среднему Поднепровью с перемещением торговых путей стали, — говорит он, — гложуть. Ярче всего это обстоятельство сказалось на большом торговом городе Киеве»¹⁰. Здесь мы опять напомним приведенные выше факторы о расцвете Среднего Поднепровья в XII — первой половине XIII в. Татарское нашествие, по мнению Б. Д. Грекова, только усилило запустение края, начавшееся двести лет назад.

В настоящее время историки не подчеркивают запустение Среднего Поднепровья. Но многими это мнение признается как само собой разумеющееся. В исторических трудах вообще отсутствует повествование об этом крае в период после татарского нашествия. И только в XV в. история Среднего Поднепровья рассматривается вновь.

Несомненно, что главной причиной недостаточного внимания современных историков к Среднему Поднепровью после татарского нашествия является все тот же недостаток исторических источников. Поэтому важны любые сведения уже известных данных, которые могут пролить новый свет на жизнь края в этот период. Еще более важны новые источники, добываемые археологией.

Все имеющиеся исторические источники единодушны в том отношении, что Среднее Поднепровье пострадало от татарского нашествия очень сильно, может быть, в большей мере, чем другие области Руси. Летописи рассказывают об уничтожении татарами многих городов Поднепровья. Страшные руины наблюдал Плато Карпини¹¹, посетивший Поднепровье через шесть лет после татарского нашествия, в 1246 г. И нет основания подозревать его в том, что он сгустил краски. Слои пожарищ составляют обычную картину погрома и разрушения, которую вскрывают археологи при раскопках Киева и многих других древнерусских городов Среднего Поднепровья.

Двумя обстоятельствами можно объяснить особо сильные разрушения Среднего Поднепровья татарами.

Во-первых, это географическое положение Среднего Поднепровья. Оно было расположено на основном пути продвижения татар на запад. Не миновали татары города, села и населения, что находились на этом пути. В планах завоевания татарами отводилась Поднепровью роль тыла,

который они стремились обеспечить таким образом, чтобы исключить возможность всяких враждебных им действий. А террор являлся их испытанным средством для утверждения господства.

Во-вторых,— это политическое значение Среднего Поднепровья. Оно в течение всей истории Киевской Руси являлось экономическим, политическим и культурным центром государства. Такое значение сохраняло Среднее Поднепровье до самого татарского нашествия. В течение всего этого периода Киеву принадлежала роль политического центра всей страны. «Столицей Руси» называет его Плато Карпини¹². И несомненно, что так понимали значение Киева и татары. И чтобы обеспечить себе господство над всей страной, татары стремились прежде всего обеспечить такое господство над центральной ее областью и над ее политическим центром.

Летопись говорит о многих городах, взятых и разрушенных татарами,— «им же нет числа»¹³. Но при всем том татары не могли разрушить все города, даже на основном пути своего продвижения. Да и там, где они разрушали город, не могли уничтожить всего населения. Города оказывали ожесточенное и героическое сопротивление. Не могли татары задерживаться у каждого укрепленного пункта, чтобы его взять и разрушить. Многие населенные пункты они вообще обошли в своем продвижении, что не только вероятно, но и правдиво, если учесть огромные пространства и природные условия края. Леса, овраги, реки, болота укрывали от татарской конницы и населенные пункты, и людей. Татары на Поднепровье уничтожали много материальных и культурных ценностей, в войнах и пожарах погибло много народа, но жизнь продолжалась.

Об исторической преемственности на Поднепровье до и после татарского нашествия говорят данные топонимики. В Киевской, Переяславской и Черниговской землях около половины известных нам по названиям древнерусских населенных пунктов сохранили свои наименования вплоть до сегодняшнего дня: из 113 летописных населенных пунктов 42 отождествляются по названиям с современными городами и селами. Во всех таких городах и селах имеются древнерусские городища, представляющие собой остатки летописных поселений. Но имеется много и таких древнерусских городищ, которые являются остатками неизвестных нам по летописям населенных пунктов. Например, по Днепру на правом его берегу от Киева до Роси находится 14 древнерусских городищ, из них названия восьми известны по летописи и сохранились в современной топонимике, остальным шести не находим соответствий в данных летописи и топонимике. По Суле от ее верховьев до устья находятся 18 древнерусских городищ, из них к первым относятся семь, ко вторым — 11.

Это не означает, что все городища, древнерусские названия которых мы не можем установить, потеряли их из-за гибели находившихся на них поселений и жителей во время татарского нашествия. Летописи, как известно, упоминают не все населенные пункты, существовавшие в Древней Руси. И может быть, что некоторые из них, не упомянутые в летописях, назывались так же, как называются современные села и урочища, где находятся их городища и селища.

До недавнего времени археологическая наука недостаточно уделяла внимание памятникам послемонгольского времени. Но среди тех древнерусских городищ и селищ, которые исследовались, можно выделить три

типа поселений: разрушенные татарским погромом, на которых погибли жители и жизнь не возобновилась; разрушенные татарами, жители которых уцелели и жизнь на них возобновилась; уцелевшие от татарского погрома.

Разрушенные татарами и навсегда погибшие древнерусские поселения на Среднем Поднепровье не исследовались. Но они хорошо известны в других местностях Руси, например на Волыни. Классическим примером таких поселений являются Райковецкое¹⁴, Колодяжницкое¹⁵ и Городищенское¹⁶ городища.

К поселениям, которые были разрушены татарами, но жители которых уцелели, относятся летописные Воинь в устье Сулы¹⁷, Чучин¹⁸ и Иван¹⁹ на Днестре, городище у хут. Половецкого на Роси²⁰.

Воинь дважды подвергался разрушениям: в конце XII в. половцами и в 1240 г. татарами. Раскопки обнаружили два слоя пожарниц, что остались от этих разрушений. Слой, оставшийся от татарского погрома, содержал особо сильные разрушения. Были сожжены все жилые и хозяйственные постройки и оборонительные сооружения. Но людских костяков в пожарницах не обнаружено. Не много в пожарнице обнаружено металлических и других хозяйственных бытовых предметов. Видимо, жители Воиня успели спастись, ушли из города и забрали с собой ценный скарб. Они возвратились, когда миновала опасность. Часть их поселилась на городище, о чем свидетельствуют следы жилищ на пепелище, другая часть обосновалась возле городища, положив основу с. Воинцы. В названии села сохранилось в измененном виде имя летописного города. Позже городище совсем опустело. На нем жители села устроили кладбище.

Подобная судьба постигла летописный Чучин. В начале XII в. он был взят половцами, о чем сообщает летопись, в 1240 г. — взят и разрушен татарами, о чем свидетельствуют результаты археологических раскопок. Пожар уничтожил все постройки. Но в слое пожарница костяков людей не оказалось. Во многих сгоревших жилищах не оказалось и обычных хозяйственных и бытовых вещей. Жители Чучина спаслись, уйдя из города и забрав с собою ценные вещи, которые могли унести. Позже они на городище не возвратились. Возможно, что они основали поселение вблизи городища, о чем можно судить по названию села Чучинка, перешедшего от городища Чучина.

Картина татарского погрома, в результате которого были сожжены все постройки, обнаружена раскопками летописного Ивана в Ржищеве. Но в слое пожарница здесь также не обнаружено людских костяков. Сохранившееся название горы — Иван, где находится городище, позволяет думать, что жители города спаслись во время погрома.

На городище у хут. Половецкого на Роси в слое пожарница, образовавшегося от сгоревших построек, также не найдено людских костяков. Спасшиеся жители поселились частью на городище, где найдены позднесредневековые предметы, частью возле городища. Современное поселение называется хутор Половецкий. Возможно, что это название отражает процессы оседания половцев на землю накануне или после татарского нашествия.

К уцелевшим от татарского погрома относится ряд поселений на Днестре: селище у с. Комаровки²¹, городище и селище у с. Григоровки²² Переяслав-Хмельницкого района и селище между Григоровкой и с. Буцак²³ Каневского района.

Комаровское селище расположено на берегу рукава Васильков, что на несколько километров врезается в пойму Днепра на левой его стороне. Площадь поселения имеет около 8 га. Днепровская пойма здесь изрезана великим множеством озер и болот, проток и рукавов. Она покрыта лесом и кустарником. На возвышенных местах имеются свободные от лесной растительности площадки, удобные для обработки. Большой массив такой площади примыкает к селищу с восточной стороны. Селище так укрыто естественными заграждениями, что добраться до него, не зная путей, невозможно и в настоящее время.

Культурный слой селища содержал предметы эпохи Киевской Руси и послемонгольского времени. На нем раскопками обнаружены жилища и хозяйственные помещения, составляющие отдельные домохозяйства. Судя по их концентрации, всего здесь было домохозяйств XIII—XIV вв. около 50. Помещения были наземные, срубные и столбовой конструкции. Жилища имели площадь 10—15 кв. м, хозяйственные помещения — 6—7 кв. м. Печи в жилищах строились из камней и глины на деревянных подставках. Под печами возле жилищ обнаружены хозяйственные ямы для хранения инвентаря и припасов. Следов пожара не обнаружено. Поселение было оставлено жителями где-то в XIV—XV вв.

О характере хозяйства у жителей селища свидетельствуют находки земледельческих орудий (части плуга, серпа), кости домашних и диких животных, железные предметы. Железо добывалось на месте из болотных руд, богатые залежи которых находятся у самого поселения. Раскопана домница, обнаружены скопления железных плаков, найдены железные крицы. Среди остатков посуды имеются образцы, характерные для керамики XII—XIII вв., и фрагменты более примитивных и толстостенных горшков с отогнутыми утолщенными венчиками, имеющими валик с внутренней стороны. Эта более примитивная керамика относится к послемонгольскому периоду.

Домохозяйства на Комаровском поселении располагались одно от другого на 30—50 м. Никакой системы в их расположении не прослеживается. Возле жилых и хозяйственных построек находились свободные площади земли, которые использовались под огороды и сады. Интересно отметить, что обнаружено большое количество ям вдалеке от помещений, которые являются, видимо, следами древонасаждений. Это село по планировке и внешнему облику подобно современному украинскому селу с его разбросанными дворами, садками и огородами, окружавшими дворы.

Григоровское поселение — городище и селище — находится на южной окраине с. Григоровки, на правой стороне Днепра. Берег Днепра здесь изрезан густой сетью широких балок и оврагов, поросших лесом и кустарниками, со сложными ответвлениями и переплетениями. На наклонной в сторону Днепра возвышенности, ограниченной со всех сторон трудно проходимыми балками и оврагами, и расположено поселение. Его площадь составляет около 7 га. В северной его части над глубоким оврагом находится городище, площадью около 3000 кв. м, окруженное с трех сторон валом и рвом.

Основной культурный слой на поселении относится к эпохе Киевской Руси. Но на нем встречается немного черепков VII—VIII вв. так называемого леньковского типа и значительное количество грубых толстостенных кружальных черепков послемонгольского времени. Судя по результатам предварительных раскопок, поселение в эпоху Киевской Руси

и послемонгольского времени было занято редкими постройками. Следов пожара и насильственного разрушения не прослежено.

В подобных топографических условиях расположено поселение, что находится на правом берегу Днепра между Григоровкой и Бучаком. Разведочные работы на этом поселении обнаружили культурный слой VII—VIII вв., эпохи Киевской Руси и послемонгольского времени.

Поселения у Комаровки, Григоровки и Бучака находятся недалеко одно от другого, хотя и расположены на противоположных берегах Днепра. Они представляют как бы особый район древнерусских поселений с особыми топографическими условиями, сохранившими их от татарского погрома.

Большинство древнерусских городищ и селищ на Поднепровье представляют собой запустевшие поселения. И принято считать, что они запустели от татарского погрома. В этом сказалось, видимо, господствующее представление историков о судьбах края после татарского нашествия. Но наличие поселений с культурным слоем XIV—XV вв. свидетельствует, что не все ныне пустые древнерусские поселения запустели в результате татарского нашествия. В этой связи следует вспомнить, что и там, куда татарские полчища не добрались, жизнь на большинстве древнерусских поселений прекращается в XIV—XV вв. Это отнесется, например, к северо-западным районам Руси. Имелись, видно, и какие-то иные обстоятельства, которые принуждали население уже после татарского нашествия оставлять насиженные места. К сожалению, этой темы историки и археологи еще не касались. И обстоятельства эти остаются невыясненными.

¹ Тихомирова М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 12—42.

² Довженко В. И. Землеробство древней Руси. Київ, 1964, с. 254—260.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 521.

⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 238.

⁵ Асеев Ю. С. Зодчество Приднепровской Руси конца XII—первой половины XIII веков. Автореф. докт. дис. М., 1971.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения, т. 1. М., 1956, с. 282—284.

⁷ Ключевский В. О. Сочинения, т. 1, с. 284—286.

⁸ Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. М., 1962, с. 13.

⁹ Покровский М. Н. История России с древнейших времен, т. 1. М., 1933, с. 120.

¹⁰ Греко Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 500.

¹¹ Карпини Иоанн де Плано. История монголов. СПб., 1911, с. 25.

¹² Там же, с. 45.

¹³ Ипатьевская летопись. СПб., 1874, с. 523.

¹⁴ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.

¹⁵ Юра Р. А. Древний Колодижик.— АП, 1962, т. XII.

¹⁶ Каргер М. К. Древний город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии, с. 39—41. М., 1965.

¹⁷ Довженко В. И., Гончаров В., Юра Р. Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.

¹⁸ Довженко В. И. Літописний Чучин.— Археологія, 1964, т. 16.

¹⁹ Гончаров В. К. Древньоруське городище Іван-гора.— Археологія, 1964, т. 16.

²⁰ Довженко В., Кучера М. Отчет о работах древнерусской экспедиции на Руси в 1955 г.— Архив ИА АН УССР.

²¹ Довженко В., Кубишев А. Отчет о раскопках древнерусского селища у с. Комаровки Перемышляно-Хмельницкого района.— Архив ИА АН УССР.

²² Работы древнерусской Каневской экспедиции. Архив ИА АН УССР, 1971 г.

²³ Там же.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

Научная деятельность академика Б. А. Рыбакова, охватывающая прежде всего проблемы истории, экономики и культуры домонгольской Руси, имеет вследствие своей тщательной методической разработанности и интересных заключений, построенных на широкой теоретической основе, огромное значение для изучения древней славянской истории, в том числе и древнего государства чешского и словацкого народов — Великой Моравии¹. В этой статье хотелось бы обратить внимание на некоторые общие археологические проблемы Древней Руси и Великоморавского государства. Необходимо подчеркнуть, что изучение этих проблем встречается с определенными затруднениями, которые вытекают прежде всего из того факта, что Великая Моравия уже в начале X в. перестает существовать, в то время когда Киевская Русь еще сравнительно длительное время продолжает развиваться. Не совпадает и время формирования обоих государственных образований. В то время как Великая Моравия представляет собой крупный политический организм — уже в эпоху правления Святополка (последняя четверть IX в.), Киевская Русь достигает этого уровня только во время правления Святослава (вторая половина X в.)². В отличие от археологического облика Великой Моравии Киевская Русь IX в. (по не более позднему времени) является значительно более раздробленной и неясной, что обусловлено, между прочим, существенной разницей в территориальном размере этих государств. В то время как материальная культура Великой Моравии представляется очень выразительной, лишь незначительно дифференцированной³ и относительно прочно датированной, в Древней Руси IX в. она распадается на несколько археологических культур и групп, датированных по большей части только в рамках VIII—X вв.⁴ Тем не менее существует ряд проблем, которые могут быть решены совместно.

Важным является уже тот факт, что обе древние государственные формации предков современных русских, украинцев и белорусов — Киевская Русь — и предков чехов и словаков — Великая Моравия — возникли в IX в. В обоих случаях даты возникновения этих государств, приводимые на основе письменных источников, неточны, так как отражают только конкретное изолированное событие, в то время как создание государства является длительным процессом, в котором само начало возникновения часто остается неуловимым. Условное совпадение начала образования обоих государств на рубеже VIII—IX вв. является достоверным⁵, а накапливающаяся археологическая открытая этот факт все более подтверждает. На их основе удалось опровергнуть буржуазную теорию о роли норманнов при основании Древнерусского государства, постепенно опровергается и тенденциозная гипотеза в отношении среднеевропейских славян о якобы освободительной роли франков, разбивших Аварский каганат.

Уже до IX в., когда складывались предпосылки для возникновения обоих славянских государств, можно проследить ряд общих черт и проблем, решаемых археологическим путем. Б. А. Рыбаков, основываясь на остроумной интерпретации письменных памятников, относит существование объединения племен под названием Русь с центром в Поросье и с главным городом Родень к VI—VII вв.⁶ Кроме русов, в него, как считает Б. А. Рыбаков, входили северяне, а возможно, поляне и уличи; к этому объединению относит он и группу находок, принимавшихся раньше за антские. Великой Моравии в VII в. также предшествовало племенное объединение Само. Хронологически совпадает с ним группа находок из славяно-аварских могильников, которая обозначается как горизонт Чадъявица-Мартыновка и содержит украшения, идентичные с так называемыми древностями русов, появляющимися пока в редких случаях и в более древних культурных слоях великоморавских городищ⁷.

Несмотря на достоверность письменных упоминаний о народе рос VI в., собственные названия отдельных племен являются спорными, так как племенные названия и территории XII в. (по Нестору) или X в. (по Константину Багрянородному) могли не соответствовать исторической обстановке VI—VII вв., как это показывают последние попытки определить племенные территории на основе особенностей погребального ритуала. Археологические исследования показали, что летописные племена являются собственно поздними племенными конфедерациями — княжествами, территориально сложившимися из ряда более древних и мелких племен⁸. Точно так же ничего не известно о названиях и ареалах племен державы Само и эпохи, непосредственно предшествующей возникновению Великой Моравии, о пережитках племенной организации во время ее существования. Попытки различить их археологическим путем оказались пока безрезультатными из-за недостатка сравнительного материала⁹, а их определение на основе географических данных не находит пока убедительного археологического подтверждения¹⁰. Только будущие археологические исследования как в Центральной, так и в Восточной Европе смогут более конкретно наметить ареалы отдельных древних племенных территорий.

В развитии государственности интересно то, что как у восточных, так и у средневропейских славян VI—VII вв. можно наблюдать некоторый подъем в рамках гипотетического союза русов и письменно засвидетельствованной конфедерации Само, которые в VIII в. сменились племенными княжениями, названными в статьях В. Д. Королюка более древним этапом или типологически более примитивной стадией на пути к государству¹¹. Бросается в глаза также существование двух больших образований перед возникновением Киевской Руси и Великой Моравии, в первом случае Куяба и Славия, кроме спорной Артании, в другом случае — княжества моравское (Моймира) и нитранское (Прибины).

Заслуживает особого внимания группа украшений IX—X вв., орнаментированных чеканными и гравированными растительными и фигурными мотивами на пуансированном фоне, представленная, например, серебряными оковками турьих рогов из Черной Могилы в Чернигове и оковкой рукоятки меча из дружинной могилы близ Золотых Ворот в Киеве¹². Такую технику и орнаментальные мотивы можно проследить и на некоторых поясных бляхах и наконечниках из Микульчиц, Бржецлава-Поганска, Старого Места, Желепек¹³, и особенно на типичных ве-

ликоморавских украшениях — гомбиках, находки которых сосредоточиваются в области трех крупных южноморавских центров и далее в Средней Чехии и Юго-Западной Словакии¹⁴. Несомненно, что обе группы находок этого стиля, как древнерусские, так и моравско-чешские, возникли на основе одинаковых импульсов причерноморского и иранского происхождения, которые нашли себе применение в орнаментации золотых сосудов их клата в Сан Николауль-Маре, датировка которого колеблется между VIII—XI вв.¹⁵, и древневенгерских оковках сумок и эфесов сабель X в.¹⁶ При изучении русских и моравских украшений IX—X вв. можно исходить из ряда общих элементов (связь нитранских и волинских серег, моравских и гнездовских лунниц, начала моравских и русских эмалей и др.)¹⁷.

В связи с украшениями, которые являются продуктом высокоспециализированной ремесленной деятельности, надо подчеркнуть, что великоморавское ремесло осталось пока не обработанным по сравнению с древнерусским, которым занимался Б. А. Рыбаков¹⁸. За исключением частичной обработки ремесленной продукции, происходящей из отдельных местонахождений, кратких упоминаний или более основательных оценок специализированных ремесленных отраслей¹⁹. У нас нет труда, который можно бы было сравнить с цитированной монографией Б. А. Рыбакова. Между тем каждые раскопки дают для этой темы новый материал, который может быть использован для изучения общественно-экономической проблематики не только Древней Руси и Великой Моравии, но и в более широких рамках.

Другую область общих вопросов предоставляет исследование городищ, где проявляются прогрессивные формы ремесленной продукции. Для Руси IX—X вв. летописи приводят названия более чем 20 городов, а Географ Баварский (источник первой половины IX в.) насчитывает в Моравии 41 городище (*civitas*). С одной стороны, эти данные, естественно, не отвечают фактическому числу городищ (особенно на Руси), но с другой — городища могли иметь разнообразные функции — укрепленные земледельческие поселения, усадьбы и замки, зародыши городских образований, и ряд их вариантов, отличающихся друг от друга военными, административными, земледельческо-скотоводческими, торговыми, культурными, ремесленными и другими элементами. Только археологические исследования могут внести вклад в более конкретную характеристику этих объектов. Очевидно, только на некоторых великоморавских городищах произошла выразительная концентрация ремесла и торговли и только они пошли довольно далеко по пути к средневековому городу. В Великой Моравии развитие ранних городов осложнялось концентрацией правящих слоев на городищах и ремесло развивалось скорее в рамках их хозяйственных дворов, чем на свободной городской основе²⁰. Думается, что именно поэтому с падением Великой Моравии прервалась и эволюция наших ранних городов. Впрочем, и вопрос о русских городах IX в. требует дальнейшего систематического изучения. Теоретически существование начальных городских образований на Руси уже в IX в. не вызывает сомнений; к их числу принадлежат не только самые древние, но и самые значительные русские города — центры древних славянских областей²¹. С их территории известны отдельные находки и комплексы IX в., к ним примыкают дружные могильники. Однако, по утверждению Д. А. Авдусина, ни в одном из них нет культурных слоев

IX в., что обосновывается небольшими размерами городского ядра²². М. Н. Тихомиров считал, что территория русских городов IX—X вв. в основном вмещалась в пределы небольших детинцев; новую стадию в их развитии представляло собой возникновение посадов, которые начали появляться не раньше, чем в конце X в.²³ При великоморавских же городищах IX в. существовали как большие детинцы, так и обширные посады — предградья.

На основании исследований городищ можно получить много сведений о раннефеодальном характере обоих славянских государств. О раннефеодальном характере Великой Моравии, о существовании которого высказался Б. А. Рыбаков, свидетельствуют новые данные, приобретенные в результате раскопок богатых усадеб на Поганске близ Бржецлава и в Дуцове²⁴. Б. А. Рыбаков высказывает предположение о существовании таких усадеб-дворов на Руси уже в VIII—IX вв. и считает их центрами боярских и княжеских вотчин²⁵. Появление богатых усадеб, кроме открытых могильников, показывающих сильную имущественную дифференциацию захороненных, и богатых могил дружинников с мечами, топорами, щорами и другим оружием и снаряжением, их жен с золотыми и серебряными украшениями, является выразительным свидетельством раннефеодальных элементов в общественной структуре обеих государственных формаций.

Нельзя не обратить внимание еще на одну область — религиозные верования, изучение которых раскрывает ряд общих черт и закономерностей. Б. А. Рыбаков отверг теорию двоеверия у раннесредневековых славян и показал, что нет существенной разницы между христианством и древним славянским язычеством как религиозным мировоззрением; отличия являются вторичными и возникли из-за наслоения различной идеологии на первоначальные эклектические христианские воззрения в условиях рабовладельческого и феодального строя. Он обратил внимание на то, что разные элементы славянского язычества возникли в разных хронологических и общественно-экономических условиях²⁶ и дожили до средневековья, когда слились с христианскими представлениями²⁷. Продемонстрировав это на примере многих стран, он тем самым создал методическую основу для сравнения материальных проявлений славянского язычества на всей славянской территории. Пережитки язычества сохранились в форме мелких амулетов, в орнаментации разных предметов и в остатках культовых мест. В качестве примера можно сказать, что именно сравнение остатков языческих жертвенников на территории Руси (славянских и дославянских) позволило интерпретировать некоторые объекты в Великой Моравии как культовые места. Это касается не только замечательного столбового объекта из Бржецлава-Поганско и объекта с глиняными фигурками из Микульчиц²⁸, но и других жертвенников, соединенных с кострищами, находящихся недалеко от могильников в Садах и в Микульчицах²⁹.

Перечисление общих проблем археологии Древней Руси и Великой Моравии можно было бы расширить, особенно, если бы мы перешли к некоторым деталям и специальным вопросам. Однако уже из сказанного следует, что область сотрудничества между советскими и чехословацкими археологами-славистами, в установлении которого Б. А. Рыбаков имеет большие заслуги, довольно обширна и сулит многообещающие результаты.

- ⁴ Б. А. Рыбаков живо интересовался раскопками памятников времени Великой Моравии, несколько раз их посетил, а на многих симпозиумах активно участвовал в обсуждении великоморавской проблематики (см., например: *Рыбаков Б. А.* К археологическим проблемам Великоморавского государства.— In: *Das Grossmährische Reich*. Praha, 1966, S. 49, 50).
- ⁵ *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы.— В кн.: *Становление раннефеодальных славянских государств*. Киев, 1972, с. 224—225.
- ⁶ *Poulik J.* Byla velkomoravská hmotná kultura jednotná? — *Almanach Velká Morava*. Brno, 1965, s. 73—76; *Turek R.* Oblasti šíření velkomoravské kultury.— Там же, с. 70—72.
- ⁷ Ромеенско-борщевская культура Днепровского Левобережья, памятники с керамикой типа Лука Райковецкая на Правобережье, северная лесная область длинных курганов и сопок (*Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, Л., 1968, № 152).
- ⁸ *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века.— ВИ, 1962, № 4, с. 34—57; *Он же.* История СССР, т. 1. М., 1966, с. 477.
- ⁹ *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, XVII, с. 23—104; *Он же.* История СССР, т. 1, с. 347—350.
- ¹⁰ *Benda K.* Mittelalterlicher Schmuck. Praha, 1966, S. 10, 11; *Dostál B.* Věclav-Pohansko IV. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975, s. 224, 225.
- ¹¹ *Трегьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— СА, 1937, IV, с. 33—51; *Он же.* Археологические памятники древнерусских племен.— Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 85, серия ист. наук, вып. 13, с. 258—285; *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э.— СА, 1956, XXV, с. 138, 170; *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян.— СА, 1961, № 3, с. 56—75; *Ляпушкин И. И.* Славяне..., с. 118—124.
- ¹² *Poulik J.* Staroslovanská Morava. Praha, 1948, s. 113—115, obr. 34; *Он же.* Jižní Morava, země dávných Slovanů. Brno, 1948—1950, s. 67, 58; *Он же.* Výsledky zýzkumu na velkomoravském hradišti Valy u Mikulčic.— PA, 1957, 48, s. 344—346, 351; *Dostál B.* Velkomoravská hradíště a pohřebiště a otázka moravských kmenů.— SbČSSA, 1961, 1, s. 15—20.
- ¹³ *Chaloupcký V.* Staré Slovensko. Bratislava, 1923, s. 183—185; *Turek R.* Územní předpoklady vzniku moravských údělných knížectví.— SPFFBU E, 1971, 16, s. 151—170.
- ¹⁴ *Королюк В. Д.* Основные проблемы..., с. 55—56, 207—228.
- ¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, XI, с. 46—51, рис. 18—20; *Он же.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 225—226, рис. 45.
- ¹⁶ *Poulik J.* Mikulčice — sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975, tab. 3; 47, 1a; 48, 4; 49, 1a; *Kalousek F.* Břeclav-Pohansko I. Velkomoravské pohřebiště u kostela. Brno, 1971, obr. 13, tab. 42, 1; *Hrubý V.* Staré Město, velkomoravské pohřebiště Na valách. Praha, 1955, obr. 37, tab. 28; *Benda K.* Mittelalterlicher Schmuck, Tab. 18—23, 38—40, 51—54; 59—60.
- ¹⁷ *Klanica Z.* Velkomoravský gombik.— AR, 1970, 22, s. 421—446; *Dostál B.* Das Vordringen der grossmährischen materiellen Kultur in die Nachbarländer.— In: *Magna Moravia*. Praha, 1965, s. 391—393, k. 6.
- ¹⁸ *Hampel J.* Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, T. III. Braunschweig, 1905. Taf. 288—319; *László G.* Notes sur le trésor de Nagyszentmiklós.— AA ASH, 1957, p. 186—198; *Benda K.* Le trésor des vases d'or de Nagyszentmiklós sous une lumière nouvelle.— *Byzantinoslavica*, 1960, 21, s. 282—287.
- ¹⁹ *Dienes I.* Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972, S. 69—80, obr. 23, Tab. 1—13.
- ²⁰ *Dostál B.* Das Vordringen...; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 64—65.
- ²¹ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.
- ²² *Hrubý V.* Staré Město — velkomoravský Velehrad, s. 254—337; *Klanica Z.* Velkomoravské řemeslo. Liberec, 1972; *Bialeková D.* Stav remesnej výroby na Slovensku, v. 9.—11. stor.— In: *O počiatkoch slovenských dejin*. Bratislava, 1965, s. 81—83; *Pleiner R.* Základy slovenské železářského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958.
- ²³ *Herrmann J.* Od Hradčian po Vinetu. Martin, 1973, str. 126—134.
- ²⁴ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 9—32. Выделение укрепленных поселений VI—VII вв. с находками, свидетельствующими о присутствии высших слоев общества и ремесленников, пока что дискуссионно (*Толочко П. П.* О времени

- возникновения Киева. — В кн.: Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 82—85).
- ²² *Авдусин Д. А.* Материальная культура Древней Руси. — ВМ, 1972, № 7, с. 106.
- ²³ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 44.
- ²⁴ *Dostál V.* Břeclav — Pohansko IV. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975; *Ruttkay A.* Ducové — velkomoravský dvorec a včasnostredoveké pohrabisko. Nitra, 1975.
- ²⁵ *Рыбаков Б. А.* Феодальный замок XI — XII вв. — В кн.: История СССР, т. 1, с. 522—525.
- ²⁶ *Рыбаков Б. А.* Задачи изучения славянского языческого мировоззрения. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., 1966, с. 369—380; см. также: История СССР, т. 1, с. 500—511.
- ²⁷ *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян. — СА, 1962, № 4, с. 66—89; *Он же.* Космогония и мифология земледельцев энеолита. — СА, 1965, № 1, с. 24—47; № 2, с. 13—33; *Он же.* Русалии и бог Симаргл-Переплут. — СА, 1967, № 2, с. 91—116; *Он же.* Славянский весенний праздник. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 254—257; *Он же.* Языческая символика русских украшений XII в. — В кн.: Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, с. 64—73.
- ²⁸ *Dostál V.* Slovanské kultovní místo na Pohansku u Břeclavi. — VVM, 1968, 20, s. 3—25; *Novotný V.* Hromadný nález hliněných votivní symbolu ze slovanského knížecího hradu v Mikulčicích. — PA, 1966, 57/2, s. 649—688.
- ²⁹ *Marešová K.* Sídliště pod metropolitní výšinou. Uherské Hradiště — Sady, středisko velkomoravské kultury a moci. Brno, 1975, s. 28. О жертвеннике в Микульчицах сведения даны по устной информации Э. Клавницы.

М. М. КОБЫЛИНА

ЗОЛОТОЙ СТАТЕР ЛИСИМАХА ИЗ ФАНАГОРИИ

В 1974 г. в центральной части городища Фанагории на нижнем плато, в слое III в. н. э., поврежденном ямами выборки камня, была найдена золотая монета. При ближайшем рассмотрении монета оказалась статером македонского царя Лисимаха: на аверсе — голова царя, на реверсе — надпись, построенная двумя вертикальными столбиками ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ, между ними — фигура сидящей вооруженной Афины, на ее голове коринфский шлем, к креслу прислонен большой щит с головой горголы, у левого плеча — копье, на правой руке — Ника, протягивающая Афине победный венок.

Такой тип монеты ввел Лисимах в 301 г., как только принял титул базилевса¹ (рис. 1—4).

Фанагорийский статер — прекрасной сохранности и очень тонкой работы (рис. 1, 2). Его размеры: 19 мм×20,5 мм, вес 8,19 г. Голова царя выполнена в более высоком рельефе на слегка выпуклом фоне и помещена не в центре монеты, а ближе к краю, отчего усиливается впечатление ее пластичности и создается иллюзия воздушного пространства перед ней. Рельеф реверса очень низкий и выполнен на слегка вогнутом

фоне. Перед нами миниатюра в стиле эллинистического искусства, приближающаяся по тонкости исполнения к резным камням и геммам.

А. Н. Зограф, знаток античных монет, видевший в монете и произведение искусства, считал монетное дело своеобразной отраслью прикладного искусства, связанной с резными камнями и печатями, но имеющей также соприкосновение с вазошисью и даже с рельефом архитектурных декораций; одними пластическими средствами мастера монеты достигают формальной законченности, впечатления устойчивости и равновесия².

На реверсе статера не сразу можно рассмотреть (даже при увеличении) на троне Афины монограмму ВУ. Буква В на троне Афины, означающая, что монета чеканила в Византии, доявляется на монетах с начала II в. до н. э.³

Ниже основания трона виден трезубец, по сторонам его рукоятки — два дельфина, один над ним, другой под ним; эта деталь также свидетельствует, что монета чеканилась в Византии⁴. Надпись исполнена четко, крупными буквами, концы букв завершаются шариками — деталь, свидетельствующая о поздней дате, — не ранее II в. до н. э.⁵

Между плечом Афины и Никой большая буква N — марка монетного двора, возможно, пачальная буква имени чиновника, ответственного за выпуск монеты, или же первая буква месяца выпуска монеты⁶. Этот знак встречается редко. Е. М. Придик перечисляет среди множества статеров Ападольского клада только три статера Александра Великого со знаком N на реверсе перед Никой⁷ и только одну монету Лисимаха с буквой N на троне Афины⁸. Ф. Мюллер указывает знак N на одной монете, связанной с городом Сестом⁹.

Рассмотрим изображение головы на аверсе статера. Она повторяет общий тип головы Александра Великого в диадеме, обожествленного, как бог Аммон, с рогами барана, но и отличается от нее. Первые портреты Александра Великого на этих монетах идеализированы¹⁰. Более реалистически, с индивидуальными чертами они впервые переданы на монетах Лисимаха¹¹. На этих монетах повторяются одли и те же черты лица Александра Великого: мягкий вытянутый овал лица, высокий, вмпного уходящий назад лоб, над которым буйно поднимаются волосы, глубоко посаженные глаза, довольно длинный нос, узкий, с округлым кончиком, но не сильно выступающий, большой энергичный подбородок. Таковы изображения, например, на монетах Тарса, Сидона, Вавилоца¹², а также Тирь¹³ и др.

Для портретов Александра Великого характерен образ, исполненный силы и достоинства, с вдохновенным лицом, с пламенным взглядом. Эти черты повторяются и на сохранившихся портретах Александра Великого в скульптуре — как оригиналах, так и римских копиях¹⁴.

Уже Ф. Мюллер считал, что паряду с портретами Александра Великого среди многочисленных чеканок монет Лисимаха, особенно в Лисимахии и в Эфесе, где имело место преклонение перед диадохами, мог быть чеканен и портрет Лисимаха. Он приводит как пример тетрадрахму Лисимаха из Эфеса и объясняет, что Лисимах представлен с рогами Аммона как наследник Александра Великого и как потомок Диониса, к которому он возводил свое происхождение¹⁵.

На фанагорийской монете видим такую же голову с пышной шевелюрой, стаянутой диадемой, завитками волос на висках, щеке и на шее, таковой же рог Аммона, как на портретах Александра Великого, но совер-

Рис. 1. Золотой статер из Фанагории. Гипсовый слепок

Рис. 2. Золотой статер из Фанагории. Гипсовый слепок. Аверс и реверс (увеличен в 3 раза).

шенно другой профиль лица. Пропорции лица довольно коротки, выпуклая нижняя часть лба нависает над большим сильно выдающимся носом с широким округлым кончиком и расширенными ноздрями, глаза большие, глубоко посажены, над глазом широкая надбровная часть, затемняющая глаз, ниже веко припухшее. Отчетливо выявлены крупные толстые губы и небольшой подбородок, маленькое расстояние между носом и верхней губой.

Портрет царя на фанагорийском статере близок по типу лица к портрету Лисимаха на медной монете, чеканенной в Лисимахии¹⁶. Здесь Лисимах изображен с диадемой на голове, на оборотной стороне монеты — прыгающий лев¹⁷.

Близкое изображение Лисимаха видим на статере Британского музея, чеканенном в Византии¹⁸.

По аналогии с изображениями царя на некоторых монетах Лисимаха была определена, как портрет Лисимаха, мраморная голова царя во Фрибурге¹⁹. Личность Лисимаха, прошедшего всю жизнь в походах, прославленного война и вместе с тем жестокого, способного на большие злодеяния человека²⁰, ярко отражена в грубых чертах лица этой головы (рис. 4).

Обращаемся к оборотной стороне фанагорийского статера. Стилистические аналогии, как и следовало ожидать, находим на статерах II в. до н. э. с монограммой ВУ. Афина на этих статерах сильно отличается

Рис. 3. Медная монета, чеканенная в Лисимахии с портретом царя Лисимаха, III в. до н. э.

Рис. 4. Мраморная голова Лисимаха во Фрибурге

→
Рис. 5. Серебряная тетрадрахма с маркой чеканки Эфеса. Реверс. III в. до н. э. (1) (Британский музей); золотой статер Лисимаха византийской чеканки. Реверс. II в. до н. э. (2) (Британский музей)

от изображений этой богини на монетах Лисимаха III в. до н. э., чеканенных при жизни Лисимаха. Например, на тетрадрахме Лисимаха с маркой чеканки Эфеса в Британском музее²¹ Афина сидит свободно, слегка откинувшись назад; тонкий хитон и гиматий, обвивающий ноги, правдиво передают мягкое и подвижное тело богини, левая рука ее локтем опирается на щит с головой льва²², Ника слетает с протянутой руки Афины, чтобы увенчать имя Лисимаха.

На золотом статере Лисимаха того же времени²³ Афина имеет меньше деталей, но выполнена в том же стиле.

На фанагорийском статере фигура Афины более вытянутая, она сидит прямо, точно одеревенелая, плечи развернуты почти в фас, тогда как голова видна в профиль, ноги также в профиль, тело тонкое, угловатое, левая рука очень массивная, правая, протянутая вперед, наоборот, тонкая и более короткая, чем левая; щит огромный, на нем в высоком рельефе изображена голова горгоны. В передаче копья есть тоже нарушения правдивости — нижняя часть копья врезается в грудь Афины, верхняя видна за ее плечом. Ника на руке Афины обращена к богине, в руке она держит венок, чтобы увенчать Афины.

Так же исполнена Афина на других монетах II в. до н. э. с монограммой ВУ на троне Афины. Наиболее близок к ним золотой статер Британского музея, где Ника представлена в венке, лицо ее обращено к Афине²⁴. Но исполнение здесь много хуже, чем на фанагорийском статере: фигура Афины втиснута между вертикальными надписями, трезубец лежит криво, дельфины превратились в ленты. Фанагорийский статер, вероятно, чеканен раньше, в самом начале II в. до н. э.

По определению А. Н. Зографа, выпуклая поверхность лицевой стороны и вогнутая оборотной характерны для монет конца III в. до н. э.²⁵ Фанагорийская монета и по своему легкому весу и по стилю Афины не может быть датирована ранее начала II в. до н. э. Очевидно, перед нами один из вариантов чеканки по модели талантливого мастера.

Как уже упоминалось выше, статеры Лисимаха оставались распространенной торговой монетой и после смерти Лисимаха²⁶. Они были найдены в Западном и Северном Причерноморье и на Кавказе²⁷. В 1895 г. близ села Анадола Измайловского у. Бессарабской губ. был открыт клад золотых статеров Александра Великого, Филиппа III, Димитрия Полиоркета и Селевка I Никатора; среди них было 250 статеров Лисимаха, 133 варианта и 117 дублетов²⁸.

Два золотых статера Лисимаха происходят из Тиры, один из них византийской чеканки, был найден в каменоломле в Аккермане²⁹, другой — в Аккерманской гавани (эта монета была похищена из ОАМ)³⁰.

Несколько золотых статеров Лисимаха, хранящихся в ОАМ, происходят из Ольвии. Самая ранняя из них, чеканенная еще при жизни Лисимаха, имеет на лицевой стороне изображение головы Александра Великого в диадеме и с рогами Аммона, на оборотной — Афины Nikeфоры между двумя надписями³¹. Другая монета II в. до н. э. чеканена в Одессе³². Третья ольвийская монета чеканена в Томи в конце II—I в. до н. э.³³ и четвертая ольвийская монета, приобретенная у парутинских крестьян, чеканена в Каллатисе в конце II—I в. до н. э.³⁴

Золотой статер Лисимаха II в. до н. э. был обнаружен в могиле в кургане на территории хутора Артюхова вместе с золотым статером Персида³⁵.

В 1908 г. в Туапсе, на Кавказе, был найден клад, содержащий более 90 золотых статеров Лисимаха, чеканенных в Византии. Эти монеты были чеканены одной парой штемпелей и зарыты еще совсем новыми³⁶.

По сообщению директора Музея Копхиды в Потти В. М. Гоголошвили, золотой статер Лисимаха был найден в селе Ака в Мингрелии Мих-Акатасевского р-на Грузинской ССР³⁷.

Новым свидетельством торговых связей городов Таманского полуострова с Византией является находка статера Лисимаха в Фанагории³⁸.

¹ *Head. Historia Numorum. A manual of greek numismatics.* Oxford, 1914, 23. Отмечено три периода правления Лисимаха: первый с 323 по 311 г. — от смерти Александра Великого до молодого Александра, сына Роксаны, когда Лисимах был регентом Фракии; второй — от смерти Александра, сына Роксаны, до приятия Лисимахом титула царя и третий — от 306 до 281 г., время царствования Лисимаха.

² *Зограф А. Н. Античные монеты.* — МИА, 1951, № 16, с. 61. См. также: *Regling Kurt. Die antike Münze, als Kunstwerk.* Berlin, 1924, S. 106.

³ *Зограф А. Н. Монеты Тиры.* М., 1957, с. 28, прим. 36; *Müller F. Die Münzen des Thracischen Königs Lysimachus.* Kopenhagen, 1858, S. 27.

⁴ *Зограф А. Н. Античные монеты,* с. 102.

⁵ *Müller F. Die Münzen...*, S. 17.

⁶ *Зограф А. Н. Античные монеты,* с. 87—88.

⁷ *Прудик Е. М. Ападолийский клад золотых статеров 1895 г.* — ИАК, 1902, вып. 3, с. 68, табл. II, № 122, 448, 449.

⁸ *Прудик Е. М. Ападолийский клад...*, с. 81, табл. XI, № 24.

⁹ *Müller F. Die Münzen...*, S. 50, Taf. IV, N 92.

¹⁰ *Imhoof Blüner F. Porträtköpfe auf antiken Münzen — hellenistischen und hellenisierten Völker.* Leipzig, 1885, S. 14, T. II, 2.

- ¹¹ *Imhoof Blüner F. Porträtköpfe...*, Taf. I, II, 3.
- ¹² *British Museum. Guide*, p. 95, pl. 53, 1.
- ¹³ *Зограф А. Н. Монеты Тире*, с. 28, табл. II; *Gebauer K. Alexanderbildnisse und Alexanderotypus.*— *Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.* 1938/1939, Bd. 63/64.
- ¹⁴ *Gebauer K. Alexanderbildnisse...*, Taf. 6, 1—4; Taf. 7, 4; 9, 1, 2; Taf. 15.
- ¹⁵ *Müller F. Die Münzen...*, Taf. II, 14.
- ¹⁶ *Brendel O. Ein Bildnis des Königs Lysimachus von Thracien.*— *Die Antike*, 1928, Bd. 4, S. 317, tabl. 2.
- ¹⁷ Изображение льва на монетах Лисимахии, возможно, связано с прославлением необыкновенной физической силы Лисимаха в случаях, когда он спасся без посторонней помощи от напавшего на него льва (*Brendel O. Ein Bildnis...* S. 318; *Kurti Rufi O. Alexandri Regis Macedoniae Liber*, VIII, 11, P. I, 8, 5).
- ¹⁸ *British Museum. Guide*, pl. 53, 3.
- ¹⁹ *Brendel. Ein Bildnis...*, S. 316, 317, Taf. 28—30; *Alscher L. Griechische Plastik*, 1956, III, Fig. 53.
- ²⁰ *Драйвер Т. История эллинизма*, т. II. История диадохов. М., 1893, с. 270, 330, 363—365.
- ²¹ *British Museum. Guide*, p. 58, pl. 28, N 19.
- ²² *British Museum. Guide*, p. 58, pl. 28, N 18.
- ²³ Голова и передняя часть льва были или персональным символом Лисимаха или символом города Лисимахия (*Müller F. Die Münzen...*, S. 48).
- ²⁴ *British Museum. Guide*, p. 95, tab. VI, 3.
- ²⁵ *Зограф А. Н. Монеты Тире*, с. 28.
- ²⁶ *Зограф А. Н. Монеты Тире*, с. 27.
- ²⁷ *Гейс Эдир Шенерт. Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материале монетных находок (VI—I вв. до н. э.).*— *ВДИ*, 1974, № 2, с. 25 и сл.
- ²⁸ *Придик Е. М. Ападолский клад...*, с. 58—92.
- ²⁹ *Сальников А. Г. Золотые монеты Лисимаха в собрании Одесского археологического музея.*— *СА*, 1960, № 4, с. 172, рис. 6.
- ³⁰ *Сальников А. Г. Золотые монеты...*, с. 143.
- ³¹ *Сальников А. Г. Золотые монеты...*, рис. 1, 2.
- ³² *Сальников А. Г. Золотые монеты...*, рис. 1, 4.
- ³³ *Сальников А. Г. Золотые монеты...*, с. 172, рис. 1, 7.
- ³⁴ *Сальников А. Г. Золотые монеты...*, рис. 1, 8.
- ³⁵ *ОАК за 1878—1879 гг.*, с. XLVII; *Атлас 1880 г.*, табл. II, 4 и 5; *Зограф А. Н. Античные монеты*, с. 182; *Шелов Д. Б. Монетное дело Босфора VI—II вв. до н. э. М.*, 1956, с. 187—188; *Макимова М. И. О дате Артюховского кургана.*— *СА*, 1960, № 3, с. 46 и сл.
- ³⁶ *Зограф А. Н. Античные золотые монеты Кавказа.*— *ИГАИМК*, 1935, т. II, с. 180; *Zograph N. The Thoarse Hoard.*— *NCV*, 1925, с. 47.
- ³⁷ *Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе.*— *Труды Отделения нумизматики. Гос. Эрмитаж. Л.*, 1945, т. I, с. 31.
- ³⁸ Сатеры типа сатеров Лисимаха не только чеканились долго после его смерти и являлись распространенной торговой монетой, но и вызвали подражания. Им подражали правители Босфора — на монетах Спартокидов тип оборотной стороны — Афина, сидящая между вертикально построенными надписями, а на лицевой стороне — голова босфорского царя. Чеканка спартокидовских сатеров происходила на монетном дворе Паптикапея. На реверсе почти всех сатеров под креслом Афины помещены обозначения монетного двора Паптикапея — монограмма из букв Π и Α (*Зограф А. Н. Античные золотые монеты...*, с. 184—185, табл. XLII, 21—25; *Шелов Д. Б. Монетное дело Босфора VII—II вв. до н. э.*, с. 189, табл. IX, 104, 107, 108).

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ У с. НУШФАЛЭУ И СОМЕШЕНИ (Северо-Западная Румыния)

У с. Нушфалэу (у. Салаж) имеется могильник, который состоит из курганов различной величины. Курганы диаметром от 5 до 15 м имеют высоту 1—2 м; семь курганов диаметром 20—35 м имеют высоту 5—8 м. Самый большой курган диаметром 37 м достигает в высоту 18 м. Из 43 курганов в 1878—1880 и в 1958 гг. были исследованы десять¹.

Все исследованные курганы этого могильника содержат по несколько погребений, совершенных по обряду трупосожжения. Для могильника характерны курганы с деревянными сооружениями в виде ящиков или срубов. Погребения сопровождаются специально разбитыми сосудами (у которых, видимо, из-за определенного обряда часто отсутствует горло), остатками деревянных ведер (железные обручи и ручки), ножами и другими предметами личного пользования (литая бляшка со стилизованным грифоном, литая пластинка для прикрепления пряжки к поясу и т. д.).

В курганах 1 и 2 меньшего размера (раскопки 1958 г.) рядом с деревянным сооружением имеются следы огня, которым очищалось место захоронения. В курганах большего размера деревянное сооружение с дощатым полом (сруб или ящик) сгорело. Его остатки сохранились лишь в виде угля или обугленных досок и бревен.

В кургане 3 (1958 г.) поверх обожженных костей, остатков предметов и разбитых сосудов лежали куски обожженной глины со следами соломы и нища. На 1 м выше пола деревянной конструкции находилась другая углистая прослойка с остатками человеческих костей. Во всех трех курганах останки покойных и найденные предметы лежали на ткани (ковре?), положенной на пол деревянных сооружений. Во всех курганах (независимо от их величины) деревянные сооружения были окружены специально принесенной желтой или серой глиной, смешанной с древесной. В одном кургане обожженное деревянное сооружение, человеческие кости и сопровождающий их инвентарь были покрыты плитой из песчаника. Другой курган содержал шесть погребений в урнах, остатки деревянных ведер, а в центре — конские кости, около которых лежали стреля, два серпа, три пожа и несколько неопределимых железных предметов.

Было много дискуссий относительно датировки могильника у с. Нушфалэу и этнической принадлежности погребенных в нем. Мы относим этот могильник (по литым украшениям и по керамике) к концу VIII и

началу IX в. и приписываем его западным славянам, вошедшим в соприкосновение с аварами².

Другой курганный могильник в последнее время раскапывался в Соменши, близ г. Клуж. Раскопано семь курганов диаметром от 14 до 20 м, высотой 0,5—1 м³. Под курганами обычно находились прямоугольные или квадратные ямы. Их размеры: 1,8×1,4 м; 1,8×1,8; 3,2×1,5 м; глубина 0,3—0,5 м. Ямы были покрыты деревянными досками в виде площадок, которые по углам поддерживались столбами. В курганах 4 и 5 были заметны следы ограды из деревянных столбов, которая окружала ямы с деревянным настилом. После сожжения, которое производилось где-то на стороне, человеческие кости вместе с инвентарем, разбитыми по обряду сосудами и другими предметами клались в урны или собирались в кучки, а иногда и просто насыпались на деревянную площадку, которая, сгнивая, провалилась в яму.

В кургане 1 под деревянной площадкой яма отсутствовала, вероятно, из-за непосредственной близости к болоту. Этот курган содержал четыре погребения в урнах и два в виде кучек. В одной из последних были найдены серебряный поясной набор позднеаварского типа, серьги и кольцо. На площадке лежали остатки двух деревянных ведер. В насыпи кургана на глубине 0,3 м находился круг из обожженных камней. Диаметр его 1,5 м. На глубине 0,75 м находились два целых и один разбитый сосуд. На глубине 0,9 м стояла урна (вторичное погребение) и рядом с ней — разбитый горшок. В северо-западной части кургана, на древнем горизонте находилась челюсть свиньи (?).

Вне пределов кургана 5 с восточной стороны был обнаружен очаг, по всей вероятности, одновременный с курганом. Очевидно, на нем во время тризны готовилась пища.

М. Макря, который копал Соменшенский могильник, считал, что оставившая могильник группа славян проникла с востока, а не с запада⁴.

Целый ряд данных о курганных могильниках с трупосожжениями, опубликованных в последнее время, позволяет уточнить происхождение населения, оставившего после себя могильники у с. Соменши и Нушфалэу. Четырехугольные деревянные сооружения известны на территории Чехии (курган 1 у с. Надслав, окр. Ичин; курганы XV и XX у с. Правовске Скалы, окр. Ичин), в восточной Хорватии⁵.

Деревянные срубы имеются на территории Польши в курганах 1, 7, 10 у с. Корнатка (пов. Мисливице), в кургане А у с. Дахов (пов. Лубацов) и в кургане 30 близ Бяловежи⁶. Подобные деревянные конструкции имеются и на Правобережье Днепра, в областях расселения дулебов и древлян, в одном из курганов могильника у с. Головно⁷, в курганах у д. Речица около Бреста, в курганах 32 и 61 в урочище «Грубск» и в трех курганах у с. Нежилович⁸. Деревянные конструкции имеются и в некоторых курганах с трупосожжениями VIII—X вв. Левобережья Днепра⁹. Во всех упомянутых курганах Поднепровья, восточной и южной Польши и восточной Чехии деревянные сооружения сожжены, как и в больших курганах у с. Нушфалэу.

Деревянные конструкции и погребальный обряд, зафиксированные в курганах у с. Нушфалэу, имеют большое сходство с курганами из Боршего и других могильников Левобережья Днепра. Курганы из с. Соменши (ямы, покрытые деревянными площадками, на которых лежат погребения и сопровождающие их предметы и т. д.) пока не находят точ-

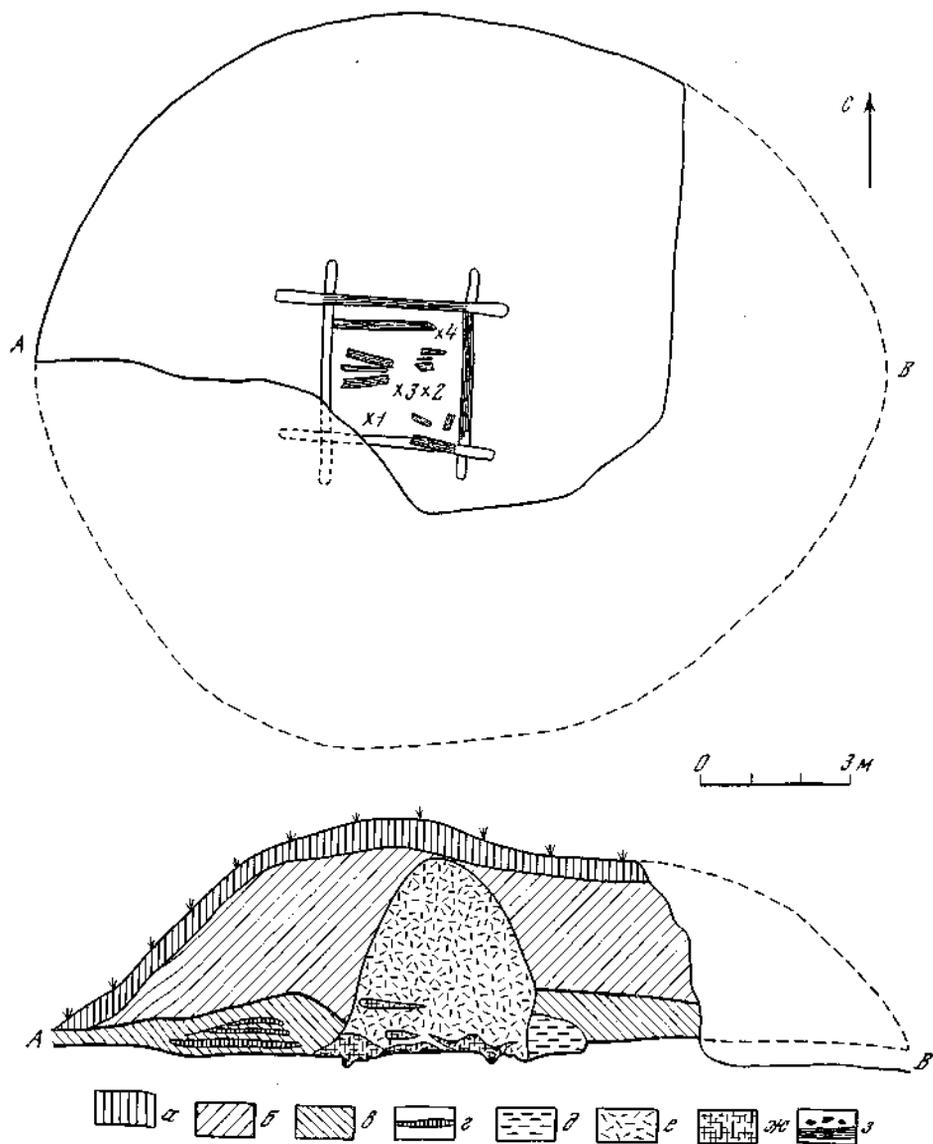

Рис. 1. Нушфалэу (у. Сэлаж). План и профиль кургана 3

<p>а — гумус;
 б — насыль кургана;
 в — специально перенесенная желтая глина, положенная в виде валика, который окружает деревянную дощину;</p> | <p>г — серая глина;
 д — желтая глина, смешанная с известковыми сгущениями;
 е — рыхлая серая земля;
 ж — слой сожжения, состоящий из золы, кусков угля и обожженной глины;</p> | <p>з — остатки обугленных досок и бревен дощины.
 1, 2 — железные ножи;
 3 — поясная бляшка;
 4 — обугленные остатки ткани или ковра</p> |
|---|---|--|

ных аналогий. Но ограда из деревянных столбов в курганах № 4 и 5 подобна найденной в боршевских курганах¹⁰. Этот факт указывает на то, что происхождение этого ритуала надо искать на востоке, в области вятичей и северян. Идея окружать деревянный сруб нашла отражение и в курганах нушфалэуского могильника. Только там это сделано с помощью специально принесенной глины.

Приведенные выше данные позволяют предполагать, что какая-то часть племен вятичей, северян, полян, древлян и дулебов переселилась к западу через южную Польшу до Среднего Дуная и Чехии. Эта часть славянских племен присоединилась ко второй группе авар в 679—680 гг. и, очевидно, оказалась в подчинении у них. В новых условиях материаль-

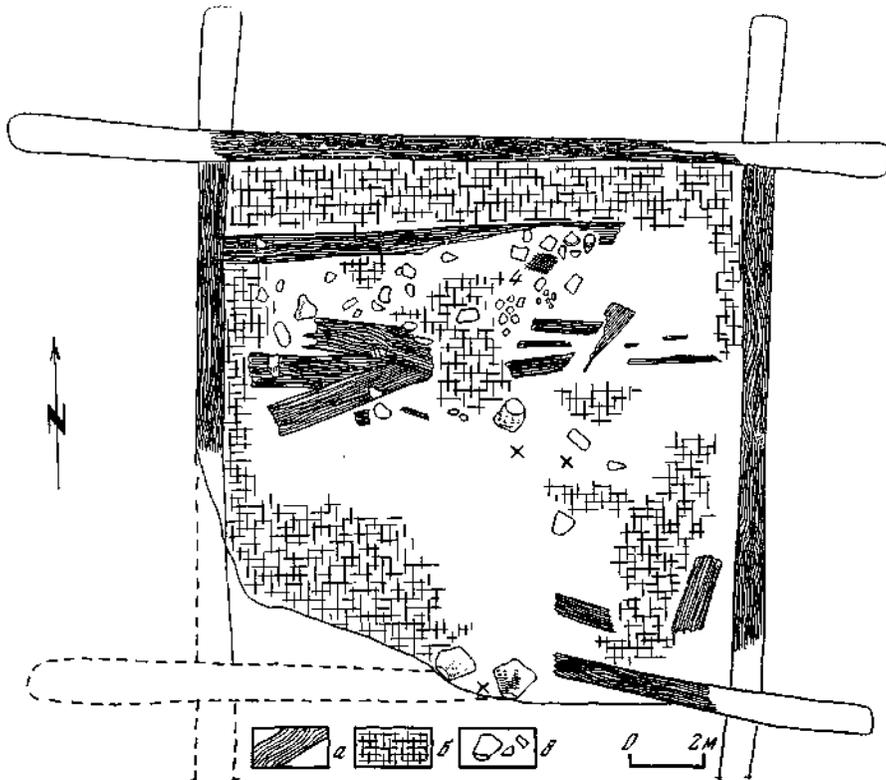

Рис. 2. Нушфалэу (у. Сэлэж)

а — обгоревшее дерево; б — слой сжигания; в — камни

ная культура авар сильно изменилась, но старые погребальные обычаи они сохранили. На новой территории эти славяне восприняли гончарную керамику, украшенную линейно-волнистым орнаментом так называемого дунайского типа¹¹, литые изделия, особенно поясные наборы с грифонами и с растительным орнаментом позднеаварского типа и др.¹²

Эта группа славян, которая выделяется своим особым погребальным обрядом (по происхождению группа в Нушфалэу связана с северянами, древлянами и дулебами, а в Сомешени — также с северянами и поляна-

ми), появилась в северо-западных районах Румынии к концу VIII и в начале IX в., по всей вероятности, в результате победы франков над аварами в 795—796 гг.¹³

Находка горшка древнерумынского типа в одном из курганов Соменени указывает на то, что эта группа славян соприкасалась с местным древнерумынским населением¹⁴. За короткое время славяне были ассимилированы. На это указывает тот факт, что в первые десятилетия IX в. курганные могильники северо-западной Румынии исчезают.

¹ Подробное описание различных курганов см.: *Hampel J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. II. Braunschweig, 1905, S. 124—127; Bd. III, S. 101—102; Комша Мария. Курганный могильник с трупосожжением в Нушфалау.— Дакья, 1959, III, с. 525—534.*

² *Комша Мария. Курганный могильник...*, с. 533—534; *Макря М. Славянский могильник в Соменени.— Дакья, 1958, II, с. 368—369.*

³ *Макря М. Славянский могильник...*, с. 351—370; *Он же. Santierul archeologic Someşeni-Cluj.— Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti, 1959, t. VI, p. 515—532.*

⁴ *Макря М. Славянский могильник...*, с. 366.

⁵ *Turek Rudolf. Mohyly českých Charvatů.— Slavia Antiqua (Poznań), 1956, s. 115, tab. 10; s. 116; 112—124.*

К этому можно добавить еще остатки деревянных конструкций из кургана IV у с. Пльовиде (Без. Блатна), кургана VII у с. Хлоховики (Без. Ронусани), кургана III у с. Вшехлани (Без. Табор) из области чешских дубебов (см.: *Turek Rudolf. Славянские курганы в южной Чехии. Прага 1958, с. 14, 30, 39, 44, 45 и 50; Он же. Die frühmittelalterliche Stämmegebiete in Böhmen. Praha, 1957, S. 41—45.*

⁶ *Zoll-Adamikova Helenan. Czworokątne konstrukcje drewniane w kurhanach ciałopalnych z Kognatki, pow. Mýslenice.— Acta Archaeologica Carpatica, X, 1—2. Kra ków, 1968, s. 141—155; Она же. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski, I. Warszawa, 1973, s. 74,—75; 118—135.*

⁷ *Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья.— САИ, 1961, вып. Е1—57, с. 10—11.*

⁸ *Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян.— СА, 1958, № 4, с. 37.*

⁹ *Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, II, с. 22—23; Он же. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. По следам древних культур.— В кн.: Древняя Русь. М., 1953, с. 84; Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1949, VIII, с. 79—91; Лавров Н. Ф. Религия и церковь.— В кн.: История культуры Древней Руси. II. М.— Л., 1951, с. 73 и рис. 14, 3, с. 74; Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 321.*

¹⁰ *Масла М. Santierul archeologic Someşeni-Cluj, p. 520. Подобная ограда из деревянных столбов имеется в курганах у с. Боршева (см.: Лавров Н. Ф. Религия и церковь, с. 74, рис. 14, 3; Монгайт А. Л. Археология в СССР, с. 322). Подобные курганы упоминает И. И. Ляпушкин: Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны.— КСИИМК, 1959, № 74, с. 83—86.*

¹¹ Керамика так называемого дунайского типа возникла в непосредственном контакте с римской, а позже — с ранневизантийской цивилизацией. См.: *Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 338; Миятев Кръсто. Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана. София, 1948, с. 18 и сл. и франц. резюме, с. 74—75; Eisner Jan. Rukovět slovanské archéologie. Praha, 1966, p. 153, 154; Комша М. L'influence romaine provinciale sur la civilisation slave à l'époque de la formation des états.— Romanoslavica (Bucureşti), 1968, XVI, p. 447—460.*

¹² *Макря М. Славянский могильник...*, с. 358—361, рис. 7, 8 и 10.

¹³ *Комша Мария. Новые сведения о расселении славян на территории РНР.— Romanoslavica (Bucureşti), 1963, IX, p. 523.*

¹⁴ *Comşa M. Sur l'origine et l'évolution de la civilisation de la population romane et ensuite proto-romaine aux VI-e—X-e siècles sur le territoire de la Roumanie.— Dacia, (Bucarest), 1968, XII, p. 365.*

Д. А. КРАЙНОВ

КРЕМНЕВЫЕ И КОСТЯНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ СТОЯНОК ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР при раскопках неолитических стоянок в Ивановской, Ярославской и Калининской областях были обнаружены разнообразные кремневые и костяные фигурки, изображающие людей, животных, птиц, рыб и другие сюжеты. Эти предметы первобытного искусства представляют значительный интерес не только для выяснения социально-экономических условий жизни древних племен, но и для воссоздания этногенетических процессов, передвижений племен и их взаимосвязей. Они приоткрывают завесу в решении вопросов духовной культуры, верований древних времен, дают представление о богатом внутреннем мире первобытного человека.

Кремневые скульптуры немногочисленны, но разнообразны. Среди них имеются антропоморфные, зооморфные, солярные и другие неразгаданные (непонятные) фигуры.

I. «Антропоморфные» скульптуры выделены нами условно, поскольку подобные фигуры были отнесены С. Н. Замятинным к этой категории¹. Они найдены в четырех экземплярах в стоянках Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш VIII и Уницкой. Все они сделаны на кремневых отщепах разного цвета. Наиболее выразительной является фигура из стоянки Сахтыш I. Ее длина 4,3 см, а наибольшая ширина туловища 1,8 см. Руки и ноги показаны хорошо обозначенными выступами. Шея выражена слабо и почти сливается с головой, имеющей прямой срез.

Точно такая же фигура найдена и в стоянке Сахтыш II. Обе они имеют близкие аналогии в волосовских стоянках: Волосово, Ибердус, Уница² и в какой-то степени напоминают скульптуры из стоянок Пирс, Алексеевское и Холмоновича³. Мне представляется, что упомянутые нами фигуры и их аналогии скорее напоминают изображение медведя, стоящего на задних лапах. Культ этого животного прослеживается на всех поселениях волосовского типа. Около погребений волосовцев в стоянках Сахтыш I, Сахтыш II и Сахтыш VIII найдены черепа медведей⁴, обнаружены они и в жилищах указанных стоянок. Наличие медвежьего культа доказывают и частые находки клыков медведей, служивших амулетами.

Третья, так называемая «антропоморфная» фигурка из стоянки Сахтыш VIII также сделана на отщепе. Длина ее 3,4—3,5 см, а ширина по концам 2,1—3 см. «Ноги» и «руки» выполнены в той же манере, что и у первых двух фигурок, но здесь вместо головы какое-то «лунарное» изображение. Возможно, это также фигура медведя, связанная с особой символикой, а может быть, это изображение шкуры медведя.

Четвертая фигурка из Уницкой стоянки⁵ близка первым двум по исполнению туловища, ног и рук, но голова изображена в виде треугольника. Очевидно, и эту фигуру надо также отнести к изображениям медведя.

Судя по сходности этих фигурок со скульптурами из других стоянок, можно говорить о принадлежности их к родственным племенам.

II. Скульптуры животных найдены в стоянках Сахтыш I, Стрелка I и Ронское I, приуроченных к волосовским слоям. Если «антропоморфные» фигурки были выполнены во фронтальном положении, то фигуры животных, за исключением одной, сделаны в профиль. Несмотря на некоторую схематичность, в каждой из них можно узнать, какое животное изображено.

В стиле «антропоморфных» фигур сделана скульптура животного, напоминающая черепаху (рис. 1, I). Общая длина ее 5,1 см, ширина туловища 1,9 см. Длина задних ног 0,7—0,8 см, а передних — 0,5 см. Голова небольшая, вытянутая. Остальные фигуры сделаны в профиль. Наиболее реалистической из них является фигура лося. Шея и голова характерны для лося и хорошо выражены. Ноги показаны выступами. Длина фигуры 5 см, наибольшая ширина 1,5 см.

Не меньший интерес представляет и фигура «зубра». Голова, рога и хвост изображены схематично и отработаны частичной ретушью. На спине хорошо виден горб, характерный для зубров. Длина фигуры 6 см, наибольшая ширина 3 см. Кости зубров найдены в стоянке Сахтыш I, так что их существование в это время реально.

Менее понятной представляется хорошо сделанная скульптура животного (собака, медведь или барсук — определить трудно). Со спины она ретуширована сплошь, а с брюшка только по краям. Длина 5,5 см, а наибольшая ширина 1,4 см. Художник подчеркнул спокойное состояние животного и большой живот, указывающий на беременность.

Следует упомянуть и о фигурке медведя на плоском отщепе белого цвета. Обработана она двусторонней ретушью по краям. Особенно хорошо и тщательно выполнена голова и шея. Ноги и хвост показаны короткими выступами. Длина фигурки 5,1 см, длина головы и шеи 1,7 см, а ширина от 1,8 до 2,4 см⁶.

Несколько особняком стоит скульптура кабана на тонкой, слегка изогнутой пластинке коричневого цвета из стоянки Ронское I. Края обработаны и со спины, и с брюшка прекрасной зубчатой техникой. Голова с длинным носом выражена хорошо. Уши, ноги и хвост показаны треугольными выступами. Длина 4,5 см, наибольшая ширина 1,4 см⁷. Первая скульптура найдена в жилище стоянки Сахтыш I, а остальные, кроме фигурки кабана, — в волосовском жилище стоянки Стрелка I. Найдены и другие фигурные кремни, напоминающие изображения животных или незаконченные фигуры. Все они, за исключением фигурки кабана, сделаны на отщепах разного цвета.

III. Кремневые изображения птиц встречаются реже, чем животных. Среди них есть скульптуры, не вызывающие сомнений в отнесении их к изображениям птиц, но наряду с ними есть скульптуры, похожие на птицу, но которые можно трактовать по-разному. Часть их выполнена в реалистическом стиле в профиль, а часть — фронтально. Все они сделаны на отщепах кремня разного цвета с двусторонней обработкой. Наиболее характерной является скульптура утки. Ноги и крылья выполнены

КРЕМНЕВЫЕ И КОСТЯНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ СТОЯНОК ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Рис. 1. Кремневые и костяные скульптуры стоянки Сахтыш I

1, 3 — животные;
2 — антропоморфная
фигура;

4 — рыба;
5 — голова птицы;
6 — гравировка на кости

в виде двух острых «горбов» — друг против друга. Возможно, выемки между «горбами» служили для привязывания. Длина ее 6,5 см, наибольшая ширина 2,1 см.

Менее выразительной является фигура водоплавающей птицы на небольшом кремневом отщепе. Длина фигуры 3,5 см⁸.

Наряду с водоплавающими птицами есть и изображение на кремневом отщепе глухарки или тетерки. Края фигуры тщательно обработаны ретушью с двух сторон. Длина от края клюва до конца хвоста — 3,6 см, ширина — 1,7 см⁹.

Особый интерес представляет скульптура фронтального изображения хищной птицы (ястреба, совы) в полете. Фигура выполнена в реалистическом стиле, хорошо выражены мощные изогнутые крылья, короткая голова без шеи и широкий хвост. Размах крыльев 5,2 см, длина от края хвоста до края головы 2,9 см. Аналогий этой фигуры нет. Несколько напоминает ее фигура со стоянки Волосово¹⁰, которую С. Н. Замятнин трактует как символическое изображение лунарно-солярного знака.

В стоянке Сахтыш I найдена и вторая фигура летящей хищной птицы. Длина ее 3 см, размах крыльев 3,5 см. Длина хвоста 1,5 см¹¹. Иной является скульптура, по моему мнению, также изображающая летящую птицу. Изображены два крыла и хвост, на конце которого сделана круговая выемка для привязывания. Головы нет, но крылья изогнуты. Они обработаны прекрасной ретушью. Длина размаха крыльев 5,5 см, ширина крыльев от 0,6 до 0,9 см.

Обломки таких же скульптур найдены еще в четырех экземплярах в стоянке Сахтыш I (3 штуки) и Уницкой I. Некоторые из них напоминают двойные крючки, крылья, рога и пр. Все они имеют короткие или длинные стержни с круговой выемкой на конце для привязывания.

Что это — реальные изображения крючков, якорьков, птиц и пр. или символические фигуры, относимые С. Н. Замятниным к лунарно-солярному культу?¹² Я скорее склоняюсь к их трактовке как изображения птиц.

IV. Кроме перечисленных антропоморфных и зооморфных скульптур, в стоянках Сахтыш I, Сахтыш VIII, Стрелка I и Ронское I встречены и другие фигуры, расшифровка которых затруднительна. Из них следует упомянуть кремневую скульптуру бобра или рыбы (длина 4,8 см). В изображении хорошо выражены голова, шея и хвост¹³.

Также не совсем понятной является кремневая фигура в виде многозубчатого наконечника стрелы, найденная в стоянке Сахтыш II. Она в какой-то мере напоминает неопределенные фигуры из стоянки Волосово¹⁴.

В указанных стоянках часты находки лунниц с тщательной двусторонней обработкой. Эти лунницы близки к серповидным волосовским пожам.

Наконец, следует упомянуть о кремневых подвесках в виде клыков хищных животных с выемкой на конце для привязывания или в виде кружков со сверлиной в центре и т. д.

Все рассмотренные нами кремневые фигуры отличаются единообразием техники обработки, за исключением фигурки кабана из стоянки Ронское I. Они стандартны. Скульптуры представляют основных промысловых животных, на которых охотился человек. Это — медведь, лось, кабан, зубр, выдра, бобр, водоплавающие птицы, боровая дичь и пр. Не

меньший интерес представляют и костяные скульптуры, найденные в тех же стоянках.

Костяные скульптуры также разнообразны, как и кремневые. Изображения людей носят незаконченный, схематический характер, а скульптуры животных, птиц и рыб резко отличаются своей реалистичностью. Очевидно, первобытный художник изображал тех зверей, птиц и рыб, которых прекрасно знал. Все эти скульптуры свидетельствуют о высоком художественном мастерстве и наблюдательности. В них подчеркнуты самые характерные особенности изображаемых существ. Их семантика трудна, мы только можем предположить, что они служили амулетами или иными сакральными атрибутами при выполнении тех или иных культовых обрядов. Все они имеют или отверстия или выемки на концах для подвешивания и ношения их на поясе.

Рассмотрим их в том же порядке, что и кремневые.

I. Антропоморфные скульптуры женщины найдены в четырех экземплярах в волосовских жилищах на стоянках Сахтыш I и Стрелка I. По сравнению с другими скульптурами они отличаются своей незаконченностью, но у всех четырех художник подчеркнул грудь и живот.

В первой фигурке, сделанной из округлой кости, хорошо видны выпуклости груди и живота. Длина ее 5,4 см.

Вторая скульптура женщины более схематична и трудно определима, хотя две выпуклости в верхней части, очевидно, изображали женскую грудь. Длина фигурки 5,7 см.

Третья скульптура представляет собой заготовку женской фигуры из округлой кости. Она изображена во фронтальном положении. В ней также подчеркиваются грудь и живот. Длина 5,5 см (рис. 1, 2).

Все указанные фигурки найдены в волосовском жилище стоянки Сахтыш I.

Четвертая женская фигурка из округлой кости близка к третьей. На ней видны зарубки в области головы и туловища. Длина ее 7,1 см. Найдена она в жилище стоянки Стрелка I¹⁵.

Следует указать, что костяные антропоморфные фигуры очень редко встречаются в волосовских стоянках, а кремневые чаще. Кроме того, в последних трудно определить пол. Описанные же нами костяные фигуры относятся к женским изображениям с явно подчеркнутыми женскими признаками. Не исключено, что эти фигурки имели такое же магическое значение, как и фигурки трипольские и более древние палеолитические. Кроме того, их присутствие в жилищах свидетельствует о высоком положении волосовской женщины, ведавшей сложным домашним хозяйством (производство глиняной посуды, готовка пицци и пр.).

II. Скульптуры животных также найдены в небольшом количестве в волосовском жилище стоянки Сахтыш I. Все они представляют собой прекрасные законченные художественные произведения, выполненные в реалистическом стиле и в профильном и фронтальном положениях.

Особое положение занимает большая скульптура головы лося, выполненной в профиль из рога. Художник не закончил свое произведение, но тем не менее сумел подчеркнуть все характерные особенности лосиной головы, дал ее в правильных пропорциях. Длина головы от ушей и до конца 13,3 см. Скульптуры лося встречены и в других волосовских стоянках в Окско-Клязьминском междуречье¹⁶. Близкие изображения лося — роговые и костяные — найдены во многих стоянках Прибалти-

ки, относящихся к тому же времени и к родственной культуре¹⁷. Лось — излюбленная фигура в искусстве неолитических и более поздних охотников¹⁸. Он — один из главных объектов их охоты и, вероятно, существовал особый культ лося. О культе лося или лосихи, связанном с небесным слодом в представлениях первобытных охотников подробно написано Б. А. Рыбаковым¹⁹.

Не меньший интерес представляет и скульптура выдры, сделанная в объемном стиле из уплощенной кости (рис. 1, 3). К сожалению, хвост ее обломан и не был найден. Длина фигуры без хвоста 8 см, а наибольшая ширина 2,1 см. Фигурка выполнена в реалистическом стиле. Особенно хорошо сделана головка и глаза, высверленные в виде округлых ямок. Вместо ног сделаны выступы с отверстиями для нашивки или подвешивания скульптуры. На спине, между выступами ног, прочерчены в одну линию три ромба. Эти ромбы, безусловно, указывают на какое-то культовое назначение фигурки, связанное или с солярным культом или с магическим обрядом размножения зверя, а, возможно, и с рыбной ловлей. Пока можно указать только одну аналогию — фигурку выдры (бобра) из столики Валма в Эстонии²⁰, но она не орнаментирована, хотя на других скульптурах (изображающих змей, птиц, рыб и др.) орнаменты встречаются часто.

Несколько загадочной является скульптура, по-видимому, пушного зверька (куницы). Она объемна, выполнена из кости довольно тщательно. Отмечены все основные детали тела, но несколько схематично. Хвост зверька изображен зубчатым. Возможно, художник хотел подчеркнуть этим пушистость хвоста. Длина фигурки 7,4 см, а наибольшая ширина 1,1 см. Куница у волосовцев имела особое промысловое значение, о чем свидетельствуют прежде всего высокий процент костяных остатков куницы (до 80% в стоянке Стрелка I), затем наличие большого количества челюстей и зубов куницы в ожерельях и, наконец, находка «святилища» (из дерева и камней) — ритуального места около волосовского жилища на стоянке Сахтыш I. Здесь, в особой ямке с углями, было захоронено около 30 черепов и челюстей куницы²¹.

Наряду с реалистическими скульптурами животных в стоянке Сахтыш I была найдена и схематическая фигурка животного с птицеобразной головой и длинным хвостом, загнутым на конце. Сделана она из костяной пластины. Ноги изображены небольшими отростками. Для подвешивания или нашивания фигурки на одежду прорезаны отверстия — одно на спине и пять на животе.

III. Скульптуры рыб встречены только в двух экземплярах на стоянке Сахтыш I.

Одна из них представляет собой фигуру сома. Глаза выполнены большими ямчатыми высверликами. Рот оформлен двумя глубокими надрезами с брюшка. Хвост едва намечен. Длина 9 см, наибольшая ширина 2,5 см (рис. 1, 4).

Сом имел большое промысловое значение в рыболовческом хозяйстве обитателей поселения Сахтыш I, о чем свидетельствует значительное количество костей этой рыбы в кухонных остатках. Вторая скульптура изображает осетра или стерлядь. Глаза выполнены так же, как и у первой скульптуры. Жабры и плавники показаны выступами. На хвосте два отверстия для привязывания²². Очевидно, осетры и стерляди играли не меньшую роль в хозяйстве волосовцев. Кости этих рыб найдены в сто-

янках Сахтыш I и Стрелка I. Изображения осетров обнаружены на сосуде из стоянки Сахтыш I²⁵. Скульптуры рыб часто встречаются в Прибалтийских стоянках того же времени и связываются исследователями с магическими обрядами промыслового значения²⁴.

IV. Костяные скульптуры птиц представляют наиболее многочисленную группу изображений. В них можно узнать гусей, уток, гагар, тетерок и других птиц, но основная масса этих скульптур относится к водоплавающим птицам, главным образом гусям и уткам. Эти виды были основными промысловыми птицами. Кости их также попадают на стоянках (рис. 1, 5).

Скульптуры гусей выполнены в одинаковой реалистической манере на округлых костях. Это в основном — округлые головы гусей с длинной или короткой шеей. Размеры их различны: 9; 7,5; 4,7; 4,7 и 4,5 см. Глаза у всех изображены в одной манере — в виде округлых ямок (выемок). На концах шен (стержня) сделаны или отверстия или круговые выемки для подвешивания фигурок. На всех стоянках (Сахтыш I, VIII, Стрелка I, Ивановское VII и др.) эти фигуры выполнены в одном стиле, указывающем на установившиеся канонические традиции. Почти все они найдены в волосовских жилищах и только одна скульптура была обнаружена в погребении волосовца около жилища на стоянке Сахтыш I²⁵. Фигурка гуся из стоянки Ивановское VII Ярославской обл. сделана на конце очень длинного костяного стержня²⁶.

В такой же точно манере выполнены и фигурки гусей на Окских стоянках того же времени²⁷. Это сходство, безусловно, свидетельствует о родстве окских и верхневолжских волосовских племен.

Почти в таком же количестве встречены и скульптуры уток. Они сделаны из уплощенных костяных пластинок. Четыре скульптуры представляют собой профильные фигурки плывущих уток. Длина их различна: 8,3; 7,9; 7,3 и 7,1 см. Ширина от 1,2 до 2 см. У двух из них изображены небольшие, слегка приподнятые крылья, а у двух их не видно. Для подвешивания фигурок имеются или отверстия в разных местах, или выемки. Подобные скульптуры найдены на стоянках Прибалтики²⁸. В этих изображениях И. Лозе видит предметы культа, связанные с представлениями об уходе души в загробный мир²⁹.

Вместе с такими фигурками в стоянке Сахтыш I найдена прекрасная подвеска, изображающая голову и шею утки. Художник подчеркнул зигзагообразной парезкой начало клюва, что характерно для утки. Глаза выполнены в той же манере и ямками подчеркнуты ноздри. На конце носа просверлено отверстие для подвешивания. Длина фигурки 7,2 см, ширина шеи 1,2 см, головы 1,5 см. Близкой аналогией этой головки является скульптура из стоянки Волосово Владимирской обл.³⁰

В стоянке Сахтыш I найдена скульптура и третьей водоплавающей птицы (чайки или гагары), также выполненной в профиль. У начала хвоста отверстие для привязывания и ноги в виде небольших отростков. Кроме указанных скульптур, найдены и заготовки фигур водоплавающих птиц (гусей, уток) из костей и клыков кабана.

Особняком стоит фигура птицы на пластинчатой кости. Она изображена в профиль с наклоненной головой. Хвост и ноги птицы обозначены обрубленными выступами. По спине от головы до хвоста сделаны зубчики. Вверху у спины два отверстия вместе, а снизу два отверстия по краям живота, очевидно, для подвешивания. Клюв, хвост, ноги и спина этой

скульптуры, служили штампом для нанесения орнамента. Не исключено, что этот своеобразный штамп служил для нанесения особых узоров, например изображений уток, которые также встречаются на сосудах волосовского времени в стоянке Сахтыш I³¹.

С водоплавающими птицами встречены и скульптуры боровой дичи (тетерки). Эти фигуры также представлены в профиль.

Наряду со скульптурными изображениями на указанных стоянках найдены и другие предметы искусства, к которым относятся костяные, каменные и янтарные украшения и костяные предметы с орнаментом. Среди последних имеются обломки костяных предметов, орнаментированных сложным ромбическим и елочным узорами. Некоторые из них были покрыты красной краской и имели, очевидно, культовое назначение. Все эти предметы свидетельствуют о художественном вкусе и высокой культуре первобытных обитателей волосовских стоянок (рис. 1, 6).

Нельзя обойти молчанием и находку на стоянке Сахтыш I флейты из большой округлой птичьей кости с семью игровыми отверстиями. Подобные музыкальные инструменты были найдены и на окских стоянках³².

Рассмотренные нами кремневые и костяные скульптуры представляют собой произведения искусства, отражающие не только мастерство первобытных художников в обработке кремня и кости, но и их мировоззрение и представления об окружающем мире.

О назначении кремневых и костяных скульптур существуют разные мнения, но большинство считают их ритуальными предметами и видят в них отражение культа предков, тотемизма, солярного культа. Очевидно, магические действия, связанные с этими скульптурами, должны были, согласно мировоззрению древних обитателей стоянок, способствовать их благосостоянию. Кстати, основная масса фигурок связана с главными промысловыми животными и птицами.

По мнению С. Н. Замятнина, кремневые скульптуры имели такое же значение, как и петроглифы, и занимали одно из центральных мест при исполнении обрядов в дни календарных празднеств³³. Может быть, и так, но вряд ли можно согласиться с С. Н. Замятниным в том, что камень в это время утратил свое значение в производстве и только в изготовлении предметов культа он еще продолжает широко использоваться.

Сейчас, пожалуй, ни у одного исследователя не возникает сомнений в отнесении кремневых и костяных скульптур, находимых в стоянках Волго-Окского междуречья, к волосовской культуре. Нельзя согласиться с С. Н. Замятниным³⁴ и А. А. Формозовым³⁵, связывавшими кремневые скульптуры с культурой племен с ямочно-гребенчатой керамикой. С. Н. Замятнин в своей статье, посвященной анализу кремневых фигурок, дал карту их распространения³⁶. Если сопоставить ее с картой памятников волосовской культуры, то они совпадут, а редкие находки кремневых фигурок в Прибалтике, Карелии и Беломорье могут свидетельствовать или о заимствованиях или об одновременности и родственности племен, оставивших эти фигурки.

О тесных связях волосовских племен с родственными прибалтийскими племенами свидетельствуют многие факты. Во-первых, находки балтийских янтарных украшений в волосовских погребениях и поселениях (Майданская, Сахтыш I, II, VIII, Языково I, Иловец, Модлона, Кончан-

ское и др.). И. А. Лозе указывает, что янтарные украшения из погребенных стоянки Сахтыш VIII³⁷ были импортированы из Лубанской низменности³⁸. Во-вторых, в прибалтийских стоянках (Латвия, Эстония) и Волго-Окском междуречье наблюдается общая закономерность в смене неолитических культур. Стоянки с так называемой пористой керамикой близки волосовским. В-третьих, в Прибалтике также обнаружены погребения, близкие волосовским³⁹. Наконец, костяные прибалтийские скульптуры и орнаментированные костяные и деревянные изделия и по стилю и по содержанию близки волосовским. Некоторые вещи идентичны. Вряд ли это можно объяснить только связями.

Что касается Волго-Камья, то кремневые скульптуры и янтарь встречаются здесь только в волосовских стоянках, а дальше к Уралу их нет. С. Н. Замятин указывает, что основная масса находок обнаружена по течению Волги — от верховья до Казани.

В. А. Городцов первым усмотрел связь кремневых скульптур с выделенной им волосовской культурой. Он отнес их ко времени распространения первых металлических изделий, и не имея еще достаточных данных, правильно очертил границы их распространения⁴⁰.

В свете новых открытий в области изучения неолита Верхнего Поволжья может быть более правильно решена и волосовская проблема.

Вновь открытая верхневолжская ранне-неолитическая культура⁴¹ с гребенчато-накольчатой керамикой прослеживается от верховьев Верхней Волги до Волго-Камья. Ареал памятников этой культуры, датируемой по С¹⁴ с середины V до начала III тысячелетия до н. э., совпадает с распространением памятников волосовской культуры.

К концу III тысячелетия до н. э. волосовские племена достигли высокого уровня в своем развитии. Прекрасные по форме и технике производства кремневые и каменные орудия, разнообразные костяные изделия, сложные орнаменты посуды, наличие погребений с установившимися погребальными обрядами, всевозможные украшения и предметы искусства в виде кремневых и костяных скульптур и орнаментированных костяных предметов и многие другие данные свидетельствуют о высоком культурном уровне волосовцев и сложной духовной культуре.

¹ Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, 1948, X, с. 103, рис. 2, 7, 13, 14, 21, 24, 25.

² Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 103, рис. 2, 7, 14; с. 104, рис. 3, 7.

³ Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 103, рис. 2, 13, 21, 25.

⁴ Гадзьяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, 1965, вып. 100, с. 38; Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 51.

⁵ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Раскопки Уницкой стоянки. Архив ИА АН СССР. Р — I, 2522, № по описи 856.

⁶ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1969 г. Стрелка I. Архив ИА АН СССР, Р — I, 4008, № по описи 2246.

⁷ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1969 г. Раскопки стоянки Ропское I. Архив ИА АН СССР, Р — I, 4008, № по описи 1516.

⁸ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1969 г. Раскопки стоянки Стрелка I. Архив ИА АН СССР, Р — I, 4008, № по описи 654.

⁹ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р — I, 4008, № по описи 3200.

- ¹⁰ *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 109, рис. 6, 17.
- ¹¹ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1966 г. Раскопки стоянки Сахтыш I. Архив ИА АН СССР, Р — 1, 3385, № по описи 729.
- ¹² *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 109, рис. 6, 8, 9, 11, 12.
- ¹³ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции 1966 г. Раскопки стоянки Ронское I. Архив ИА АН СССР, Р — I, 3385, № по описи 713.
- ¹⁴ *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 111, рис. 7, 4, 5.
- ¹⁵ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1967 г. Раскопки стоянки Стрелка I. Архив ИА АН СССР, Р — I, 3567, № по описи 609.
- ¹⁶ *Гадзляцкая О. С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II.— КСИА, 1966, вып. 106; *Цветкова И. К.* Раскопки на Черной Горе.— В кн.: АО 1963 года. М., 1969, с. 47.
- ¹⁷ *Лозе И.* Отражение древнейших верований и традиций в искусстве каменного века восточной Прибалтики.— In: *Archeologija un Etnografija*, IX. Riga, 1970, s. 20, f. 6, 1—4, 16—19.
- ¹⁸ *Студзницкая С. В.* Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969, с. 39—63; *Чернецов В. И.* Наскальные изображения Урала.— САИ, 1971, В4—12, с. 99—102.
- ¹⁹ *Рыбаков Б. А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства.— Декоративное искусство СССР, 1975, № 1.
- ²⁰ *Лозе И. А.* Отражение древнейших верований..., с. 2, рис. 6, 9.
- ²¹ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1974 г. Раскопки Сахтышских стоянок. Архив ИА АН СССР, Р — I, 5992.
- ²² *Крайнов Д. А., Гадзляцкая О. С.* Археологические исследования в Верхнем Поволжье.— В кн.: АО 1966 г. М., 1967, с. 23, рис. 1. В надписи к рисунку вкралась ошибка. Эта скульптура найдена на стоянке Сахтыш I, а не на стоянке Ронское III.
- ²³ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1970 г. Архив ИА АН СССР, Р — I, 4551.
- ²⁴ *Лозе И. А.* Отражение древнейших верований..., с. 22, рис. 7, 7, 8 и с. 28.
- ²⁵ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1964 г. Раскопки стоянки Сахтыш I. Архив ИА АН СССР, Р — I, 2918.
- ²⁶ *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1972 г. Стоянка на Ивановском торфянике. Архив ИА АН СССР, Р — I, 4801.
- ²⁷ *Цветкова И. К.* Украшения и скульптуры из неолитического поселения Черная Гора. Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969, с. 33, рис. 4; *Она же.* Племена рязанской культуры.— В кн.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970, с. 148, рис. 26.
- ²⁸ *Лозе И. А.* Отражение древнейших верований..., с. 16, рис. 4, 1, 2, 3.
- ²⁹ *Лозе И. А.* Отражение древнейших верований..., с. 28.
- ³⁰ *Форжозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, с. 103, рис. 20, 5.
- ³¹ *Китигина Л. С.* Находка изображения уток на стоянке Сахтыш I.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 88—89, рис. 1.
- ³² *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры..., с. 116, рис. 22, 23.
- ³³ *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры...
- ³⁴ *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 99.
- ³⁵ *Форжозов А. А.* Этнокультурные области..., с. 103.
- ³⁶ *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры..., с. 89, рис. 1.
- ³⁷ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности (Сборник статей памяти Е. И. Крунова). М., 1973, с. 52, рис. 4.
- ³⁸ *Лозе И. А.* Новый центр обработки яштары эпохи неолита в Восточной Прибалтике.— СА, 1969, № 3, с. 124—134.
- ³⁹ *Явлиц Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайги. Таллин, 1959, с. 101.
- ⁴⁰ *Городцов В. А.* Археология, т. I. Каменный период. М.— Л., 1925, с. 362—364; *Он же.* Папфиловская лалеометаллическая стоянка.— Труды Владимирского музея, II. Владимир, 1926, с. 17.
- ⁴¹ *Крайнов Д. А., Хогинский Н. А.* Верхневолжская рапенеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.

О ТОПОГРАФИИ КЛАДОВ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ IX В. В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Письменные арабо-персидские источники IX—X вв. п. э. сообщают ценные сведения о торговых связях Древней Руси, Хазарии и Волжской Болгарии со Средней Азией, Закавказьем и другими областями Арабского халифата. Письменные источники содержат интересные сведения о караванной торговле, о торговых путях и товарах, которые вывозились из различных областей Восточной Европы в IX—X вв. Но о многих вопросах, касающихся торговли Руси с Востоком, в первую очередь о внутренней межплеменной торговле, о торговых связях с западнославянскими областями, с Прибалтикой и Скандинавией, о караванных и водных путях в Восточной Европе можно судить только на основании изучения археологического и нумизматического материала.

С начала XIX в. в историко-нумизматической литературе обсуждается вопрос о причинах и начальной дате притока куфических монет в Восточную Европу и Прибалтику. Историки XIX—XX вв. высказали различные мнения о времени и путях ввоза арабских монет и товаров с Востока. В русской исторической литературе прочно утвердилось мнение о важном значении Итиля как крупного транзитного центра в начале Хазарского торгового пути, по которому арабские дирхемы проникали в Восточную Европу¹.

В интересном историко-нумизматическом исследовании В. Л. Янина, опубликованном в 1956 г., это бесспорное положение было поставлено под сомнение, хотя карта распространения дирхема в начальный период, составленная автором этой книги по материалам Р. Р. Фасмера, не подкрепляет его критические замечания в адрес В. О. Ключевского, П. Г. Любомирова, Ю. В. Готье, Б. А. Романова, Н. П. Бауера, П. И. Лященко и других историков и нумизматов². По существу В. Л. Янин поставил перед собой цель доказать, что ни хазары, ни норманны не участвовали в международной транзитной торговле в Восточной Европе. Приток куфических монет, по мнению В. Л. Янина, начинается в 80—90-е годы VIII в.³ Массовый приток дирхемов был связан с тем, что «экономика восточного славянства к этому моменту испытывала сильнейшую потребность в металлических знаках обращения»⁴.

Основные положения В. Л. Янина о начальной дате и путях проникновения куфических монет, о характере денежного обращения в Восточной Европе в VIII—IX вв. были подвергнуты обоснованной критике в работах А. А. Быкова, И. И. Ляпушкина, А. Л. Монгайта, В. М. Потина, П. Ф. Котляра, В. Н. Рябцевича и автора настоящей статьи⁵.

Внимательное изучение топографии кладов куфических монет в Восточной Европе убедительно показывает, что в международной и межплеменной торговле принимали участие не только восточные славяне, но и их соседи — аланы, болгары, хазары, венгры, финно-угорские племена Прикамья и Верхнего Поволжья, народы Прибалтики и Скандинавии. Составленная нами ранее карта кладов куфических монет, обнаружен-

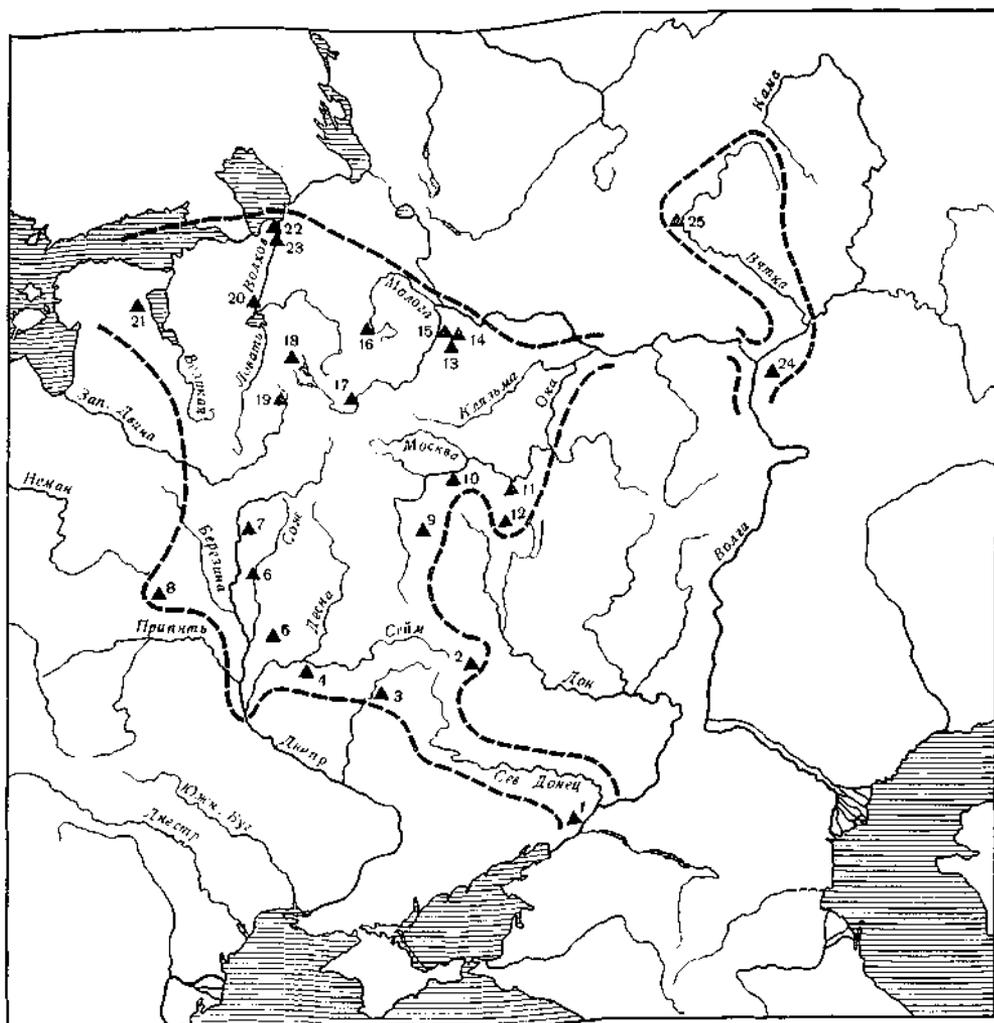

Рис. 1. Клады куфических монет в Восточной Европе (по В. Л. Янину):

1 — Криваянская;	10 — Баснач;	18 — Демянск;
2 — Завалишино;	11 — Борки;	19 — Набатово;
3 — Нижняя Сыроватка;	12 — Скопнянский у.;	20 — Вылеги;
4 — Новые Мливы;	13 — Дебольц;	21 — Тарту;
5 — Яриловичи;	14 — Угодичи;	22 — Старая Ладога;
6 — Косаляки;	15 — Углич;	23 — Княчино;
7 — Могилев;	16 — Загородье;	24 — Олмед;
8 — Минская губ.;	17 — Семенов Городок;	25 — Лелеки
9 — Папотково;		

ных в Восточной Европе, позволила уточнить ареал обращения дирхема в начальный период по классификации Р. Р. Фасмера и подтвердить высказанные рядом историков и нумизматов положения о важном значении южного хазарского пути (рис. 1) ².

В настоящее время удалось зарегистрировать 37 кладов куфических монет, которые можно с большей или меньшей достоверностью отнести к начальному периоду обращения дирхеми (до 833 г.).

1. Светлоград* (быв. Петровское), 804/5 г.
2. Кривянская станица, 805/6 г.
3. Правобережное Цимлянское городище*, 799/800 г. (или 802 г.)
4. Завалишино, 809/10 г.
5. Нижняя Сыроватка, 812/13 г.
6. Новотроицкое городище*, 818/19 г.
7. Новые Млины (быв. Паристовский хутор), 787/88 г. (?)
8. Яриловичи, 820/21 г.
9. Нижние Повоселки 811/12 г.
10. Косляки (Литвиновичи) 923/24 г.
11. Кислая*, первая треть IX в.
12. Витебский район, 822/23 г.
13. Могилев, 814/15 г.
14. Минская губ., 815/16 г.
15. Адтониенберг*, 823/24 г. (?)
16. Лапотково, 816/17 г.
17. Кремлевское, 812/13 г.
18. Баскач, 807/8 г.
19. Хитровка*, 810/11 г.
20. Борки, 817/18 г.
21. Скопинский у., 818/19 г. (?)
22. Сарское городище (Деболы), 1854 г. — 820-е годы.
23. Сарское городище (Деболы)*, 1930 г. — 814/15 г.
24. Угодичи, 812/13 г.
25. Углич, 829/30 г.
26. Загородье, 831/32 г.
27. Семенов Городок, 810/11 г. (?)
28. Демянск, 824/25 г.
29. Набатово, 815/16 г. (?)
30. Вылеги, 807/8 г. (?)
31. Тарту, 809/10 г. (?)
32. Унгены*, 792/93 г. (?)
33. Калининград*, 745/46 г. (?)
34. Старая Ладога, 786 г.
35. Княжино, 808/9 г.
36. Элмед, 820/21 г.
37. Лелеки, 803/4 г. (?)

К этому списку можно добавить клады этого же периода, обнаруженные в областях, прилегающих к Балтийскому морю на о. Готланд, в ГДР и Польше:

1. Гаммарс (о. Форё, Готланд), 802 г.
2. Окнес (Готланд), 812/13 г.
3. Гейде (Готланд), 824/25 г.
4. Гемморс (Готланд), 833 г.
5. Пендлин (ГДР), 798/99 г. (?)
6. Евров (ГДР), 802 г.
7. Преров-Дарсс (ГДР), 803 г.
8. Ругард (о. Рюген, ГДР), 815/16 г.
9. Нойбранденбург (ГДР), 818/19 г.
10. Кретомино (Польша), 808/9 г.
11. Заальфельд (Польша), 811/12 г.
12. Стегна (Польша), 811/12 г.
13. Шёнвизе (Польша), 813/14 г.
14. Гжибово (Польша), 815/16 г.
15. Браниево (Польша), 816/17 г.
16. Мокаймы-Сойки (Польша), 817/18 г.
17. Пинков (Польша), 824/25 г.

Как уже сказано выше, изучение топографии кладов начального периода показывает, что основным торговым путем в первой трети IX в. был путь из Закавказья в Хазарский каганат. Именно этим путем монеты африкальской чеканки, характерные для куфических кладов первого периода, проникали в Восточную Европу. Из Хазарии благодаря транзитной и межплеменной торговле дирхемы попадали на Среднюю Волгу и в Прикамье, в верховья Дона, на Оку и на Верхнюю Волгу, в бассейны Ловати и Волхова. Из Старой Ладоги, Пскова и Новгорода дирхемы вывозились в Прибалтику, на Готланд и на южное побережье Балтийского моря, в западнославянские земли⁷.

С нижнего Дона куфические монеты распространялись в области левых притоков Днепра, на Сейм и Десну, в Посожье и Верхнее Поднепровье. Граница распространения кладов и единичных находок куфиче-

ских монет первого периода, по классификации Р. Р. Фасмера, проходит по территории Восточной Европы, по линии Калининград — Минск — Могилев — Киев — Канев — Харьков — Ростов-на-Дону — Ставрополь — Орджоникидзе — Махачкала (см. рис. 1). Отметим, что единичные находки ранних куфических монет обнаружены в Крыму (Херсонес, Планерское) и на Северном Кавказе (Адлер).

Ареал куфических монет в Восточной Европе в начальный период еще на охватывал всех восточнославянских земель. Клады с дирхемами не найдены на Среднем Днепре, в Побужье и Поднестровье, т. е. на территории расселения полян, древлян, вольнян, белых хорватов, уличей и тиверцев. Почти не встречаются клады первого периода обращения и на землях западных славян (за исключением Померании и Мекленбурга) ⁸.

Трудно согласиться с мнением В. Л. Янина о начальной дате проникновения куфических монет в Восточную Европу. Все клады, которые по дате младшей монеты относятся к VIII в. (Новые Млины, 787/88 г.; Унгены, 792/93 г.; Калининград, 745/46 г.; Старая Ладога 786 г.; Пенцлин, 798/99 г.), сохранились не целиком, и нет уверенности, что в их составе не было более поздних монет.

Клад куфических дирхемов из Старой Ладоги, состоящий из 28 целых монет и 3 обломков, также не внушает полного доверия, так как наиболее ранние клады дирхемов на территории Хазарского каганата (Светлоград, Кривянская, Правобережное Цимлянское городище и др.) относятся к рубежу и самому началу IX в. ⁹

Древнейшим кладом куфических монет в Восточной Европе мы должны признать небольшой клад из Правобережного Цимлянского городища, обнаруженный при археологических раскопках С. А. Плетневой в 1958 г. В составе клада найдено шесть целых монет и 42 обломка; в нем представлены монеты сасанидского, арабо-сасанидского, табаристанского, омейядского, аббасидского и идрисидского чекана, что, по словам А. А. Быкова, «характерно для самых ранних кладов куфических монет Восточной Европы» ¹⁰. Один обломок в составе клада принадлежит к монетам хазарской чеканки. Младшая монета в составе этого клада относится к 799/80 г. или 802 г., но часть обломков А. А. Быкову не удалось точно определить ¹¹.

Клады второго периода обращения дирхема в Восточной Европе (833—900 г.) зарегистрированы в следующих местах.

1. Орджоникидзевская станица *, 867 г.	13. Ростовец, 863/64 г.
2. Херсонес, 870 г.	14. Гритчино, 860/61 г.
3. Новая Лазаревка, 893 г.	15. Супруты *, 866 г.
4. Вешенская станица, IX в. (?)	16. Хитровка, 872/73 г.
5. Полтава, 882/83 г.	17. Железница, 877/78 г.
6. Погребное, 875/76 г.	18. Борки, 967 г.
7. Моисеево, 869 г.	19. Борки, 875 г.
8. Бобыли, 875/76 г.	20. Кунаково *, 851/52 г.
9. Девица, 837/38 г.	21. Москва, 865 г. (?)
10. Протасово, 841/42 г.	22. Большое Тимерево *, 865 г.
11. Мишлево, 868/69 г.	23. Палкино, 863/64 г.
114 12. Остроги, 870 г.	24. Потерпелцы, 865/66 г.
	25. Кузнецкое, 869/70 г.

26. Горопец *, 867 г.	36. Соболево, 862/63 г.
27. Шумилово, 870/71 г.	37. Витебская губерния, 866 г.
28. Новгород, 864 г.	38. Поречье *, 853/54 г.
29. Старая Ладога, 846/47 г.	39. Добрино *, 841/42 г.
30. Пейпус, 862 г.	40. Симоны *, 845/46 г.
31. Лифляндская губерния
871/72 г.	41. Лучесы, 862/63 г. (?)
32. Гробиняс Ильги, 852/53 г.	42. Псковский уезд, IX в. (?)
33. Лябагу Сарайи *, 863/64 г.	43. Ягошурь, 843 г.
34. Кохтель, 838 г.	44. Лесогурт *, 841/42 г.
35. Ахремцы, 852/53 г.	45. Вятка, 835 г.

В Западной Европе клады второго периода зарегистрированы в следующих местах:

1. о. Рюген (ГДР), 842 г.	11. Геклинг (Швеция), 867 г.
2. Эльмелунд (о. Мёне, Дания),
846 г.	12. Туне (Готланд), 867 г.
3. Селдер Киркебю (о. Фальстер,
Дания), 846 г.	13. Карнице (Польша), 867 г.
4. Голштиния (ФРГ), 849 г.	14. Дрогичин (Польша), 869/70 г.
или 893/94 г.
5. Весбю (Швеция), 850 г.	15. Ларсарве (Готланд), 871/72 г.
6. Свенскенс (Готланд), 856 г.	16. Чехов (Польша), 882/83 г.
7. Пиннов (ГДР), 862/63 г.	17. Сойвиде (Готланд), 883/84 г.
8. Бирков (ГДР), 862/63 г.	18. Рома (Готланд), 890/91 г.
9. Рантрум (Голштиния, ФРГ),
863/64 г.	19. Бунге (Готланд), 893/94 г.
10. Сёдра Герделёза (Швеция),
863/64 г.	20. Гвяздово (Польша), IX в. (?)
	21. Рамзау (Польша), IX в.
	22. Эскедаль (Швеция), IX в.

Сопоставляя находки кладов куфических монет IX в. в Западной и Восточной Европе, получаем следующие результаты (см. таблицу).

Клады дирхемов IX в.	I период (800 — 833 гг.)		II период (833 — 900 гг.)	
	число кладов	в %	число кладов	в %
Восточная Европа	37	68,5	45	67,2
Западная Европа	17	31,5	22	32,8
Итого:	54	100	67	100

Сравнивая количество и топографию кладов куфических монет в Западной и Восточной Европе, мы должны принимать во внимание следующие моменты.

1. Восточный ареал куфических кладов значительно превышает по площади западный ареал;

2. I период охватывает по времени первую треть IX в., а II период — вторую и третью треть IX в., т. е. вдвое больше первого периода. Сопоставление кладов по периодам в абсолютных цифрах свидетельствует о некотором ослаблении притока куфических монет на протяжении второго

периода. На один год в начальный период приходится 1,6 клада, а во второй период — только 1 клад. Процентное соотношение числа куфических кладов в Западной и Восточной Европе остается без существенных изменений на всем протяжении IX в.

Интересные материалы для характеристики денежного обращения дает сопоставление ареалов куфических кладов I и II периодов. Сравнительная карта обращения дирхема в первом и втором периодах, В. Л. Янин писал, что ареал монетного обращения в Восточной Европе во втором периоде «значительно сокращается за счет выпадения из него области расселения радимичей и известной части кривичской области (Смоленщина, Брящина, белорусское течение Днепра)»¹². С тезисом В. Л. Янина о значительном сокращении ареала кладов куфических монет согласиться трудно. Действительно, несколько уменьшается количество кладов в южной части Восточной Европы, но появляются клады в Крыму и в междуречье Днепра и Южного Буга (Новая Лазаревка). Временно выпадает из сферы обращения куфических монет область радимичей, но резко увеличивается количество кладов в бассейнах Оки и Западной Двины, что справедливо было отмечено В. Л. Яниным¹³.

Итак, ареалы кладов первого и второго периодов в общих чертах совпадают, но менее четко прослеживается южный хазарский путь поступления дирхема по Волге, Дону и Северскому Донцу. Очень четко по кладам можно проследить путь из Волжской Болгарии по Волге, Оке и Сейму в Среднее Поднепровье. Как известно, связи Волжской Болгарии с Русью осуществлялись не только водными путями, но и караванным путем из Болгара в Киев, о котором сообщает арабский автор X в. Ал-Истахри и который документировался паходками костей верблюда в Болгаре, Киеве и Вышгороде — на концах этого караванного пути, а также на промежуточных станциях — на Большом Боршевском городище и на городище Титчиха в Верхнем Подонье¹⁴. Кости верблюда известны на некоторых салтово-маяцких поселениях — у хут. Карнаухово и на Правобережном Цмлянском городище, где был найден древнейший восточноевропейский клад куфических монет¹⁵.

Новые находки кладов дирхемов в Прикамье (Лесогурт), в Верхнем Поволжье (Большое Тимерево), на Ловати (Торопец), в Северной Белоруссии (Поречье, Добрино, Симоны), в Прибалтике (Либгау Сарайи) и на Верхней Оке (Супруты) позволяют уточнить ареал обращения дирхемов в Восточной Европе во втором периоде. Как и в первом периоде, полностью отсутствуют клады куфических монет на Правобережье Днепра, за исключением одного клада в бассейне р. Ингульда (Новая Лазаревка). По всей вероятности, клады дирхемов в бассейне Западного Буга (Дрогичин) и в окрестностях Люблина (Чехов) можно связывать с проникновением куфических монет из Верхнего Поднепровья и северной Белоруссии в бассейн Западного Буга. Таким образом, нет никаких оснований говорить о существенных изменениях ареала дирхема во втором периоде (833—900 гг.). В общих чертах намеченные по кладовым и единичным находкам ареалы совпадают, различаясь лишь в некоторых деталях. Нет оснований также полностью отрицать определенное значение транзитной торговли по крупным рекам Восточной Европы в IX—X вв.

- ¹ *Ключевский В. О.* Болгарская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 19—20; *Любимов П. Г.* Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв.— Уч. зап. Саратовского ун-та, т. I, вып. 3, 1923, с. 5 и сл.; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1952, с. 96; *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М., 1930, с. 233 и сл.; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган в Поволжье в IX—X вв. М., 1962, с. 167; *Фасмер Р. Р.* Завалининский клад куфических монет VIII—IX вв.— Изв. ГАИМК, 1931, т. VII, вып. 2; *Романов Б. А.* Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948.
- ² *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 79 и сл.; *Он же.* Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси.— Вопросы истории, 1955, № 8, с. 135—142; *Он же.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья.— История СССР, 1973, № 3, с. 67 и сл.
- ³ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья..., с. 81 и сл.
- ⁴ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 87.
- ⁵ *Быков А. А.* Девицкий клад куфических монет.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967, с. 66—69; *Он же.* О хазарском чекане VIII—IX вв.— Труды Государственного Эрмитажа, 1971, т. XII, с. 26 и сл.; *Он же.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.— В кн.: Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы, вып. III. М., 1974, с. 26—71; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.).— МИА, 1968, № 152, с. 149 и сл.; *Монгайт А. Л.* Рецензия на книгу В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период». М., 1956.— Вопросы истории, 1958, № 3, с. 183—188; *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.).— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., с. 64—80; *Kotlar N. F.* Obrót arabskich dirhemów na terytorium Ukrainy.— Wiadomości Numizmatyczne, 1970, z. 1 (51); *Kotlar M. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971, с. 15 и сл.; *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика, т. V. М., 1965, с. 121—160.
- ⁶ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 118 и сл., карта на с. 132.
- ⁷ Клады куфических монет, отмеченные звездочкой, не учтены в книге В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья...»
- ⁸ *Kwiatkiewicz Fr.* Drogi paruwu srebra arabskiego na południowe wybrzeża Bałtyku i przynależność etniczną jego nosicieli.— Wiadomości Numizmatyczne, 1968, XII, z. 2(44), S. 65—83.
- ⁹ *Kiersnowski R.* Pieniądz kruszcowy w Polsce wczesnośredniowiecznej. Warszawa, 1960, S. 98.
- ¹⁰ *Кропоткин В. В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 72 и сл. Клад куфических монет из Гаммарса (о. Форё, Готланд) следует датировать не 783 г., как считали А. К. Марков и В. Л. Янин, а 802 г. См.: *Марков А.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1908, с. 62.
- ¹¹ *Быков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.— В кн.: Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы, вып. III. М., 1974, с. 57—58.
- ¹² *Быков А. А.* О хазарском чекане VIII—IX вв., с. 33, прим. 27.
- ¹³ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 102, рис. 17.
- ¹⁴ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 103.
- ¹⁵ *Ал-Истахри.* Ал-Масалик ва-л-мамалик. Каир, 1961, с. 226—227 («от Булгара до Куйябы — около 20 переходов»); *Рыбаков Б. А.* Путь из Булгара в Киев.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 189 и сл.; *Кропоткин В. В.* Караванные пути в Восточной Европе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 226—230.
- ¹⁶ *Кропоткин В. В.* Караванные пути в Восточной Европе, с. 228 и сл., рис. 1; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, № 142, 1967, с. 147.

ВОРОТЫНСК

На живописных просторах юго-западной окраины с. Воротынск, в петле, образуемой р. Выссой, расположено городище¹. Мощные высокие валы и глубокие рвы, окружающие площадку поселения с запада, юга и востока, его крутые, почти отвесные склоны, в древности подступавшие, очевидно, к самой воде, делали этот небольшой феодальный городок в Земле вятичей почти неприступной крепостью² (рис. 1). На страницах летописи Воротынск впервые появляется под 1155 г.: Святослав Ольгович, желая наказать своего племянника Святослава Всеволодовича, «занеже бе его отступилъ», отнимает у него города Карачев и Воротынск³.

По-видимому, в середине XII в. Воротынск был довольно развитым городком, если за обладание им возникали княжеские распри. И не случайно отнимает его у своего племянника Святослава Всеволодовича (исторический портрет которого так интересно и талантливо был воссоздан Б. А. Рыбаковым)⁴ хитроумный и воинственный Святослав Ольгович, связавший свою судьбу и с другими «вятическими» городками⁵.

А спустя столетие, с середины XIII в., Воротынск становится наследственным владением потомков Черниговского князя Михаила Всеволодовича, погибшего в Орде в 1246 г.⁶ Родоначальником династии Воротынских был князь Федор Юрьевич, правнук Михаила Черниговского⁷.

После 1155 г., на протяжении почти трех столетий, письменные источники не уделяют внимания Воротынску, и только с конца XV в., когда Москва и Московское княжество повели активную борьбу за образование единого Российского государства, Воротынск и воротынские князья снова появляются на страницах летописей. Наиболее подробны о них сведения Никоповской летописи. Так, под 1481 г. в ней сообщается, что именно у Воротынска остановился хан Ахмат в надежде на помощь Казимира, а не дождавшись ее обратился в бегство⁸.

Воротынское княжество впервые упоминается как вассал Литвы в 1427 г.⁹, а в конце XV в. (1490 г.) воротынские князья Дмитрий Федорович и Иван Михайлович Перемышльские¹⁰ со своими вотчинами перешли на службу к московскому великому князю Ивану III¹¹. С этого времени и до конца XVI в. почти ни одно крупное событие в истории Московской Руси не обходится без участия воротынских князей. Особенно прославился своими ратными подвигами против Литвы, а затем и крымских ханов Иван Михайлович Воротынский¹². Из Никоповской летописи мы узнаем, что для отражения новой татарской рати в 1507 г., подступавшей к верховским княжествам (Белевскому, Одосвскому и Козельскому), Василий III приказал выступить к Белеву вместе с другими восводами и Ивану Михайловичу Воротынскому¹³.

Так же как и ряд других «раннемосковских» городов, например Руза¹⁴, Верея¹⁵ и Звенигород¹⁶, Воротынск к этому времени был надежно укреплен¹⁷, и, как говорит летопись, в нем находились воево-

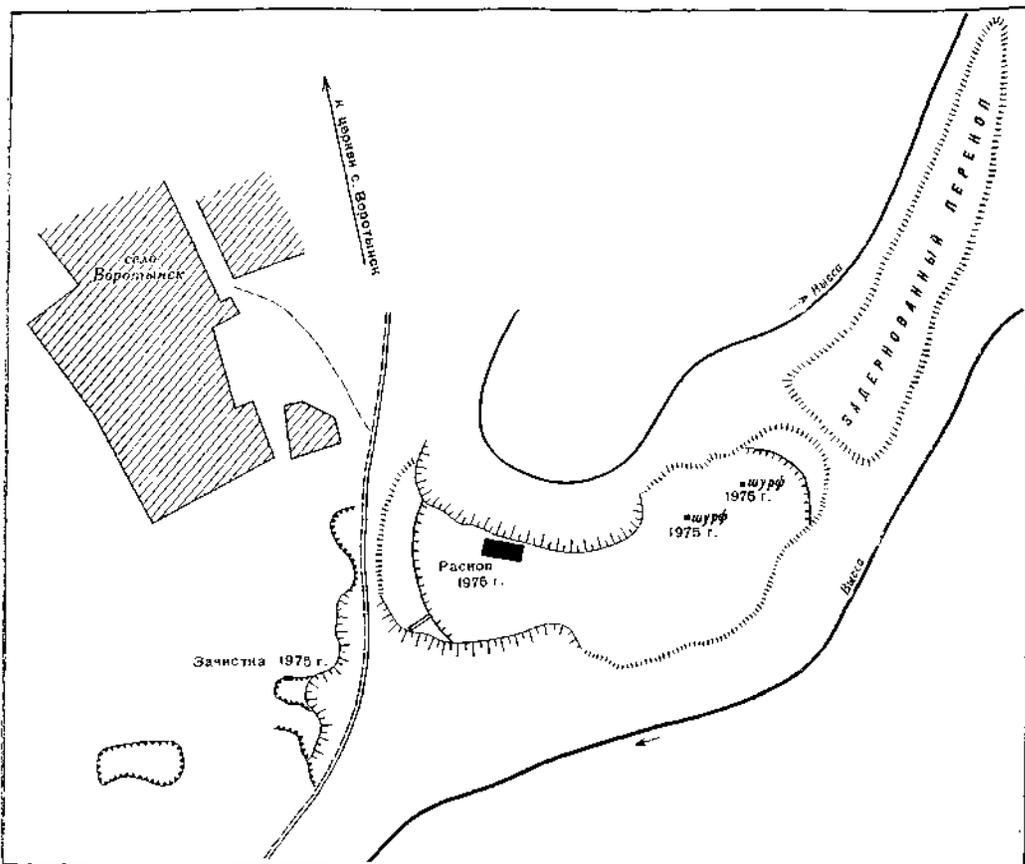

Рис. 1. План городища Воротынск

ды великого князя: когда «приде к ним весть, что татарове многие люди имава на Украине много полону и прочь пошли»¹⁸. В мае 1512 г. сыновья крымского хана Менгли-Гирея снова неожиданно напали на Белев, Одоев, Воротынск и Алексин¹⁹.

В своем интереснейшем исследовании «Русские карты Московии XV — начала XVI в.» Б. А. Рыбаков отводит особое место «Карте Московии или карте княжеств 1526 г.», где Воротынское княжество изображено непомерно большим, «полностью заслонившим собой десятки подобных верховских княжеств». На этом основании Б. А. Рыбаков высказывает предположение, что эта карта составлялась не без участия князя И. М. Воротынского²⁰.

Умный и ловкий политик, талантливый воевода, И. М. Воротынский, несмотря на свои боевые заслуги, не раз подвергался опале, а в 1534 г. был сослан на Белоозеро, где и умер в 1535 г.²¹

Мы не случайно уделили внимание некоторым событиям бурной и тревожной эпохи «собрания» Московской Руси, участниками которых прямо или косвенно были воротынские князья и Воротынск.

В 1975 г. Верхнеокская экспедиция ИА АН СССР проводила археологические раскопки на Вортыньском городище и разведки в ближайших к нему окрестностях²².

Как можно было убедиться, именно в то время — в XV и начале XVI в. в Вортыньске и окружающих его многочисленных сельских поселениях жизнь развивалась особенно интенсивно²³.

Может быть, культурный слой домонгольского времени отсутствовал на вскрытой нами площади раскопа (в северо-западной части детинца) именно потому, что он был уничтожен в более позднее время. При исследовании Вортыньского городища четко выявились только два разновременных культурных напластования — IV—VII вв. н. э.²⁴ и XIV — начала XVI в.

Древнее поселение, по-видимому, занимало значительно меньшую территорию, чем русский город, не имело земляной насыпи и было ограничено от плато двумя (а, может быть, и тремя) рядами глубоких (до 3 м) рвов, часть которых и была вскрыта в раскопе.

Во время строительства земляных укреплений, вероятно в XIV в., эти древние рвы были засыпаны материковым грунтом (глиной, песком), и выравненная таким образом площадка древнего поселения была использована для построек. Глубокий ров, выкопанный за валом городища, отделил его мыс от плато, на котором расположился большой городской посад.

К сожалению, дерево совершенно не сохраняется в культурном слое Вортыньска, и поэтому остатки жилищ можно уловить по развалам каменных печей, скоплениям бытовых предметов и обломков керамики.

Небольшая раскопанная площадь (168 м²) лишает нас возможности говорить о планировке поселения в целом, однако можно предположить, что открытая в северо-западной части детинца постройка принадлежала ремесленнику. Изба, поставленная параллельно склону городища на специальной подсыпке из суглинка²⁵ и деревянных столбах-стульях, имела приблизительные размеры 6×6 м. Следями сгоревшего пола была тонкая угольная прослойка, вход в избу располагался с юга, где к срубу был пристроен небольшой тамбур типа сеней²⁶. Уровень пола жилища залегает на глубине всего 30 см от современной поверхности. Печь-камня, от которой сохранился большой развал обгоревших камней, лежавших на черном углистом слое, располагалась в северо-восточном углу дома против входа.

Здесь же были скопления обломков белоглиняных горшков со следами нагара. Местами площадь постройки была перекрыта слоем светлого песка, являвшегося, возможно, остатками потолочной подсыпки, применявшейся для утепления дома²⁷.

Вблизи от северо-восточного угла постройки (в том же горизонте культурного слоя) расположено глинобитное, округлое в плане сооружение (с диаметром около 0,90 м), опущенное в неглубокую яму. Возможно, это остатки кузнечного горна. Около сооружения найден обломок глиняного толстостенного сопла (диаметром 32 мм), а в заполнении ямы, примыкавшей к горну, — железный навесной замок типа Е (XV—XVI вв.). Детали замка были соединены медной пайкой (рис. 2, 1). Иногда поверхность замков полностью покрывалась тонким слоем меди. Такие замки найдены, например, при раскопках П. Н. Третьякова на городище

Техника медной пайки и покрытия слоем меди железных изделий была хорошо известна в Древней Руси³⁰ и, по-видимому, воротынские ремесленники ею в совершенстве владели.

С жилищем связано довольно много бытовых находок: железные замки, ключи, пробои, ножи, шарнирные ножницы, наконечник стрелы, обломок косы-горбуши, бронзовая серьга в виде вопросительного знака, красноглиняная игрушка-лошадка, покрытая белым ангобом и красной росписью. На некоторых предметах остановимся подробнее.

Найденные в постройке два железных ключа по новгородской типологии можно отнести к типу Д — они должны были открывать замки, имевшие лабиринтообразную ключевую скважину; часть навесного замка, обнаруженного здесь же, принадлежала скорее типу Е, который датируется XV — началом XVI в. (рис. 2, 2). Еще один такой же замок был найден здесь при раскопках Г. П. Гроздилова (рис. 4, 6). Ключи этих замков, как известно, имели форму, аналогичную ключам типа Д³¹ (рис. 2, 3—6). Ключи-лабиринты и замки типа Е найдены во многих русских городах в слое XV в., например, в Великом Устюге³² и Белозере³³ (рис. 4, 11).

Железные шарнирные ножницы со сплошным округлым кольцом на ручках также напоминают новгородские экземпляры, появившиеся там с XIV в.³⁴ (рис. 3, 10). Кстати, упомянем и другой экземпляр шарнирных ножниц, найденных в восточной части городища (з. шурфе) с загнутыми концами ручек (рис. 3, 8); в Новгороде такого типа ножницы характерны для XIII в.³⁵ Однако в Москве они продолжают изготавливаться в XVI и даже в XVII в.³⁶

Наконечник стрелы, обнаруженный в постройке, относится к ромбовидным гнездовского типа (по классификации А. Ф. Медведева, длина наконечника 80 мм, длина пера 52 мм, ширина пера 26 мм)³⁷. Подобные нашему наконечники на Руси особенно широко употреблялись в XII—XIV вв. Они известны, например, в Старой Рязани³⁸, на Княжей Горе³⁹, на Райковецком городище⁴⁰ (рис. 4, 8).

Для определения времени существования этой постройки могут служить и еще две находки: медная серьга в виде вопросительного знака и глиняная расписная игрушка-лошадка. В нашем раскопе было найдено всего три медных серьги; на конце одной из них сохранилась синяя стеклянная бусинка (рис. 4, 4). Интересно, что все три серьги разных размеров (диаметры их равны 15, 20 и 23 мм)⁴¹ (рис. 4, 3—5).

Бронзовые или серебряные серьги в виде вопросительного знака широко известны на памятниках XIV—XV вв. на территории Руси, Среднего Поволжья и Кавказа. Семь экземпляров таких серег найдено в Новгороде, в слоях, датированных от конца XIII до XV в.⁴² Находили такие серьги и в культурном слое Москвы XV—XVI вв.⁴³ Совсем недавно две серьги, близкие по форме воротынским, были найдены в с. Коломенском при случайных раскопках у церкви Вознесения 1532 г.⁴⁴ Серьги в виде вопросительного знака известны из курганов XIV—XV вв. быв. Петербургской губ. (раскопки Л. К. Ивановского)⁴⁵. В кавказских погребальных памятниках их находят с монетами XIV в.⁴⁶

Красноглиняная игрушка-лошадка, покрытая белым ангобом и расписанная красной краской (длина лошади 7,5 см; рис. 3, 9), является по-видимому, импортом из Москвы. Такие игрушки изготавливались в Яузской гончарной слободе; находки их многочисленны и при раскопках

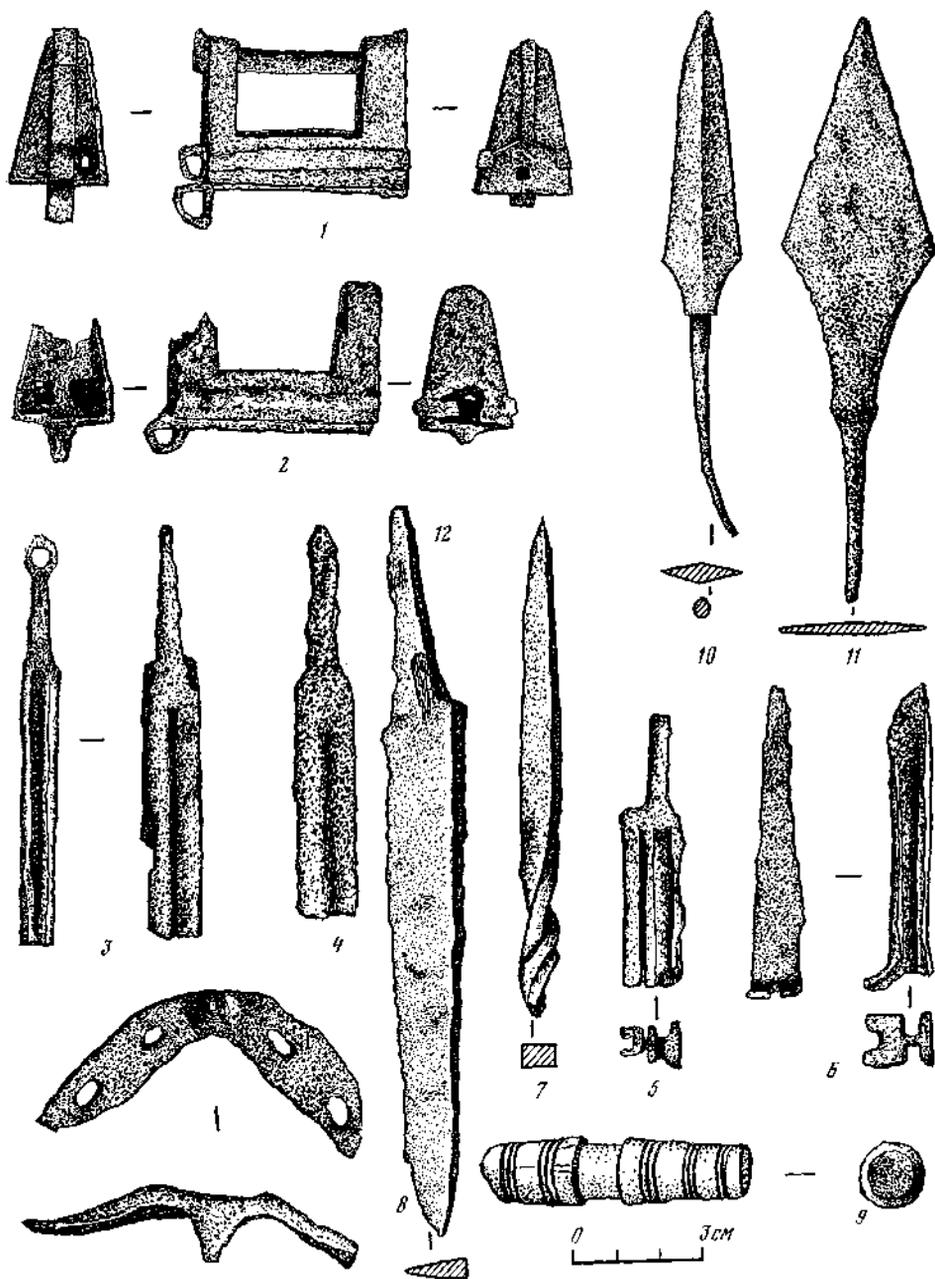

Рис. 2. Вещи из культурного слоя

1, 2 — замки;	8 — подкова конская;
3—6 — ключи;	9 — пуговица;
7 — сверло;	10—11 — наконечники стрел;

12 — нож (1—8, 10—12 — железо; 9 — кость)

па территории самого города в Зарядье, Кремле и в других районах. Появляются ангобированные игрушки с конца XIV в. Данный тип лошадок (без седла и всадника) характерен для XV—XVI вв.⁴⁷ Обломок такой же игрушки-конька, покрытого белым ангобом, найден и при раскопках в соседней Верее, в слое XV—XVI вв.⁴⁸ В Воротынске, за пределами постройки, обнаружен обломок еще одной глиняной игрушки-башмачка, покрытого белым ангобом, без росписи (рис. 4, 14).

Из других поделок, обнаруженных в постройке, упомянем костяную застежку-пуговицу, орнаментированную поясками из трех параллельных линий (рис. 2, 9). Застежки такого типа были широко распространены и имеют длительную историю существования; они известны уже в слоях XII—XIII вв., например в Белоозере⁴⁹ и Старой Рязани⁵⁰, и, как можно видеть на примере Воротынска, доживают до XVI в.

Итак, рассмотревшая нами постройка на основании найденных в ней вещей может быть датирована концом XV — началом XVI в. К этому же или несколько более раннему времени относятся и многие другие предметы, найденные около жилища и в другой части раскопа. Это замки и ключи типа Д, Е, наконечники стрел — граненые, бронебойные, килевидные ромбического сечения (рис. 4, 7, 10) (XIV в.⁵¹), ромбовидный с упором и расширением в нижней трети длины пера⁵² (рис. 2, 10), а также ромбический крупный наконечник⁵³ (рис. 2, 11). По мнению А. Ф. Медведева, последние были занесены на Русь во время монгольского нашествия в первой половине XIII в., просуществовали до начала XV в. и применялись для стрельбы по коням противника⁵⁴. И только один двушпильный наконечник стрелы с черешком квадратного сечения по новгородской хронологии может быть отнесен к XII в.⁵⁵ Возможно, что подобные наконечники употреблялись и в более позднее время (рис. 4, 9). Найден здесь и обломок кинжала⁵⁶ (раскопки Г. П. Гроздилова; рис. 3, 7).

Среди бытовых предметов, найденных в раскопе, упомянем ножи двух типов: широколезвийные тонкие с накладной рукояткой (рис. 3, 11) и черешковые (рис. 2, 12); овальное кресало — тип, бытовавший в Новгороде в XIV—XVI вв.⁵⁷ (рис. 3, 4); из орудий труда — спиральное сверло (рис. 2, 7), обломок серпа и косы-горбуши (рис. 3, 1, 2), из снаряжения коня и всадника — конскую подковку с шипом и четырьмя отверстиями для плоских гвоздей (XV—XVI вв.⁵⁸) (рис. 2, 8) и подковку для сапога (рис. 4, 13), обломок шпоры (рис. 4, 12)⁵⁹ и обломок конской скребницы (рис. 3, 3).

Заслуживают упоминания еще две находки: серебряная сферическая пуголка в виде бубенчика, прорези которого заменяют три напаянных шарика зерн⁶⁰ (рис. 4, 2), и обломок бронзового четырехконечного наперсного креста (нижний конец) с изображением трех святых (рис. 4, 1). Подобные наперсные кресты с изображением «праздников» и распятия, характерные для XVI в., изготовлялись в большом количестве в различных ремесленных центрах, чаще всего при монастырях⁶¹. Наиболее близкой аналогией нашему экземпляру являются наперсные кресты, опубликованные А. С. Уваровым⁶² и В. И. Ханенко⁶³.

Итак, все рассмотренные предметы довольно четко датируют верхний слой Воротынска XIV—XV и началом XVI в. К этому же времени относится и самый массовый материал — керамика: подавляющее большинство найденных здесь фрагментов принадлежит гончарным

Рис. 3. Вещи из культурного слоя

1 — коса;	5—6 — замки;	9 — игрушка;
2 — сери;	7 — обломов вишжала;	11 — нож (I—8, II — желе-
3 — скреблица конская;	8, 10 — ножницы;	зо; 9 — глина)

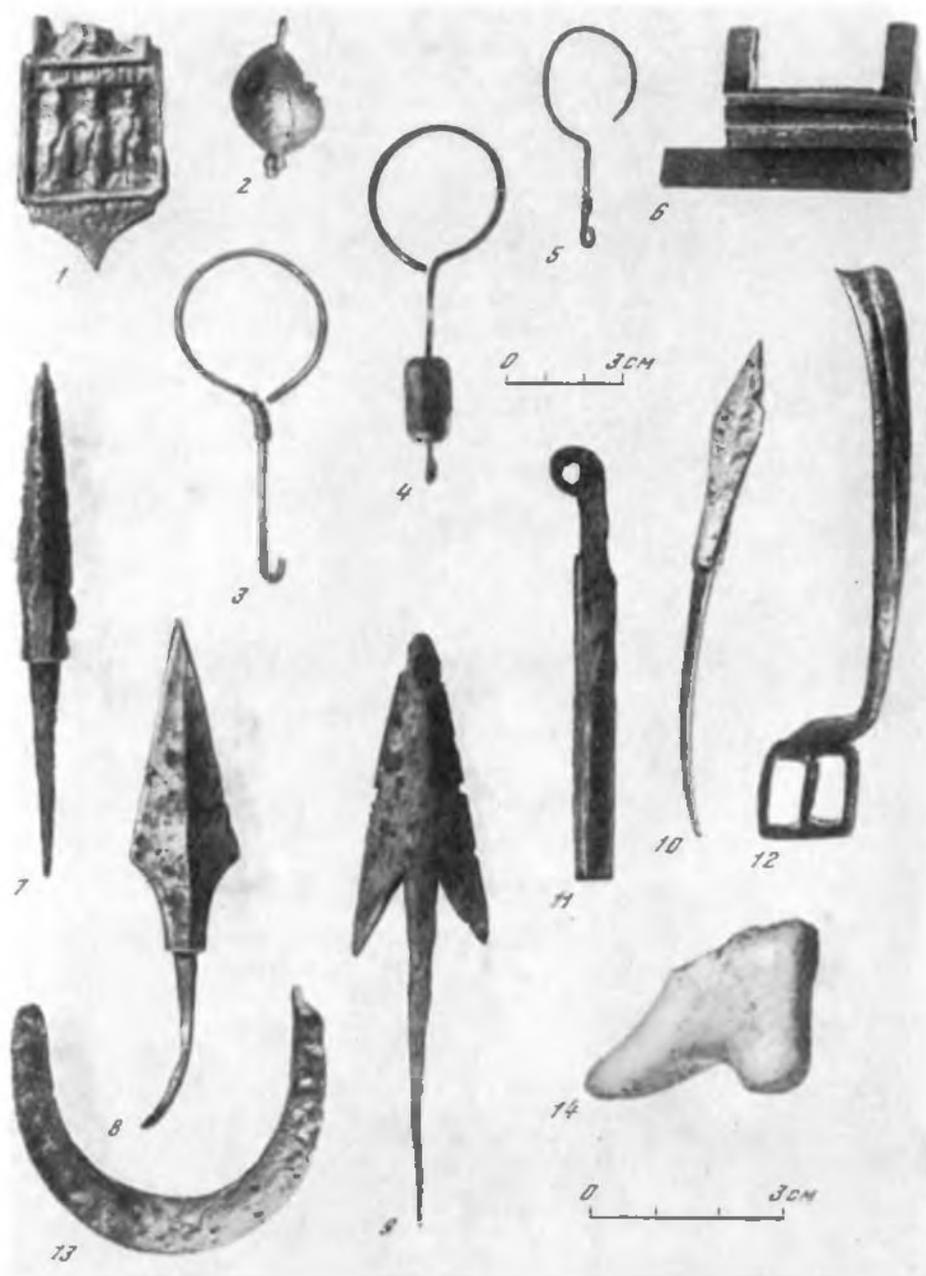

Рис. 4. Вещи из культурного слоя

1 — обломок креста наперс-	6 — замок;	13 — подкова;
ного;	7 — 10 — наконечники	14 — игрушка (1, 3—5 —
2 — пуговица;	стрел;	бронза; 2 — серебро;
3 — 5 — серьги;	11 — ключ;	6—13 — железо; 14 —
	12 — обломок шноры;	глина)

белоглиняным горшкам, значительно меньше — красноглиняной и краснолощеной посуды, еще меньше — обломков чернолощенных сосудов (горлышки и ручки кувшинов).

Возникает вопрос: где же был летописный Воротынский XII в.? Небольшие масштабы работ 1975 г. не позволяют нам пока ответить на этот вопрос. Выше мы высказывали предположение, что культурный слой домонгольского времени мог быть уничтожен и, возможно, при дальнейших исследованиях он обнаружится в какой-нибудь части Воротынского детинца⁶⁴. Однако в литературе высказывалось и другое предположение: не существовал ли известный по летописи Воротынский где-нибудь в другом месте, например, на городище Спас-Городок на Оке, где домонгольский слой был вскрыт при раскопках? А в XIV в., в связи с возросшим военным значением города как пограничного пункта между Литвой и Русью, укрепленное поселение было перенесено на новое место⁶⁵.

Только широкие, планомерные раскопки Воротынского детинца и его посада смогут пролить новый свет на решение этой интересной и важной проблемы возникновения древнерусского Воротынска.

¹ О местонахождении Воротынска и Воротынского княжества сообщает в своей Хоррографии Сигизмунд Герберштейн (1526 г.), впервые поместивший этот маленький русский городок на свою карту: «Княжество Воротынское носит одно и то же имя с городом и крепостью, расположенной в трех милях выше Калуги, недалеко от берега Оки». (*Герберштейн С. Записки о московитских делах*. СПб., 1908, с. 108; *Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974, с. 84*).

² *Раппопорт П. А. Укрепления раннемосковских городищ*. — КСИИМК, 1958, вып. 71, с. 16; *Он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.* — МИА, 1961, № 105, с. 124; *Никольская Т. Н. О летописных городах в Земле вятичей*. — КСИА, 1972, вып. 129, с. 12.

³ ПСРЛ, т. II, стб. 479. По этому поводу А. Н. Насонов замечает: «В 50-х годах XII в. видим Карачев и Воротынский в одном владении со Сновском, со Сновской тысячью в составе Новгород-Северского княжества» (*Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства*. М., 1951, с. 65).

⁴ *Рыбаков Б. А. Князь Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194 г.). Опыт исторической характеристики*. — МИА, 1949, № 11, с. 93.

⁵ *Никольская Т. Н. О летописных городах*, с. 12; *Она же. К исторической географии Земли вятчей*. — СА, 1972, № 4, с. 158.

⁶ *Сонцов Д. Справочная книга для занимающихся удельным периодом русской истории 1015—1238 гг. М., 1869, с. 21. Об этой эпохе М. К. Любавский писал: «...Такое же умножение княжеств видим в XIII—XIV вв. на верхней Оке и Угре, в глухом лесистом и болотистом краю вятичей. До татар мы встречаем здесь одно только Козельское княжество. В татарскую эпоху здесь возникают княжества Новосильское, из которого выделяются Одоевское, Воротынское и Белевское...» (*Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра*. Л., 1929, с. 8—9).*

⁷ *Долгорукий П. Российская родословная книга*, ч. I. СПб., 1854, № 38; *Лобанов-Ростовский А. Е. Русская родословная книга*, т. I. СПб., 1895, с. 118; *Курбский А. М. История о великом князе Московском*. СПб., 1913, стб. 130; *Рыбаков Б. А. Русские карты Московии...*, с. 99.

⁸ ПСРЛ, т. XII, с. 201.

⁹ *Рыбаков Б. А. Русские карты Московии...*, с. 99.

¹⁰ Расположенный южнее Воротынска и выше по Оке Перемышль входил, очевидно, во владения воротынских князей. Дорога от Калуги до Перемышля упоминается в «Книге Большому Чертежу»: «...от Калуги до Перемышля 30 верст... от Перемышля 12 верст до Воротынска». (*Книга Большому Чертежу*. М.—Л., 1950, с. 56).

¹¹ ПСРЛ, т. XII, с. 221.

¹² Сигизмунд Герберштейн отзывался о нем с явным уважением и симпатией: «Иван Воротынский муж воинственный и отличавшийся опытностью во многих делах,

- под его предводительством государь Василий часто одерживал над врагами славянские победы». (*Герберштейн С. Записки о московитских делах*, с. 148).
- ¹³ ПСРЛ, т. XIII, с. 5.
 - ¹⁴ *Голубева Л. А. Раскопки в г. Рузе.*— Археологический сборник. М., 1953, вып. XXII, с. 143.
 - ¹⁵ *Голубева Л. А. Раскопки в Верейском кремле.*— МИА, 1949, № 12, с. 134.
 - ¹⁶ *Рыбаков В. А. Раскопки в Звенигороде (1943—1945).*— МИА, 1949, № 12, с. 130.
 - ¹⁷ Исследование оборонительных сооружений Вортынска, проводившееся в 1955 г., позволило заключить, что в своем окончательном виде они были построены в XIV в. Укрепления Вортынска состояли из высокой земляной насыпи, внутри которой (примыкая к ее лицевому склону) была наклонно поставлена бревенчатая стена в виде решетчатого каркаса. (*Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества...*, с. 124, 125, рис. 103).
 - ¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, с. 5.
 - ¹⁹ ПСРЛ, т. XIII, с. 15.
 - ²⁰ *Рыбаков В. А. Русские карты Московии...*, с. 101.
 - ²¹ Однако похоронен был И. М. Вортынский не в Белоозере, а в Троице-Сергиевом монастыре. См.: *Николаева Т. В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника.*— СА, 1957, № 1, с. 251.
 - ²² Работы проводились совместно с Калужским областным Управлением культуры, Краеведческим музеем и Гос. Пединститутом. В экспедиции принимали участие: Т. В. Равдина, А. Б. Варепов, архитектор Ю. А. Иванов, топограф Л. Е. Ермакова, С. З. Чернов, студенты и преподаватели МГУ и Калужского Пединститута.
 - ²³ Подтверждением сказанного является и тот факт, что на Вортынском поселении пока не найдено ни одного обломка стеклянных браслетов, хотя на соседнем городище у с. Спас и Городок на Оке (раскопки П. Н. Третьякова) и на других городских поселениях домонгольского времени рассматриваемой территории (Сергеевск, Слободка) они многочисленны. Нет здесь и домонгольской керамики.
 - ²⁴ Нижний горизонт культурного слоя принадлежал населению, оставившему здесь, как и на многих других верхнеокских городищах, культуру мощинского типа. В восточной части раскопа были вскрыты остатки постройки с каменным очагом и множеством обломков лепных сосудов.
 - ²⁵ Строительство жилых или хозяйственных построек на специальных подсыпках известно главным образом в северных городах, например в Белоозере (*Голубева Л. А. Белоозерская экспедиция 1957 года.*— КСИИМК, 1960, вып. 79).
 - ²⁶ Возможно, что вортынские жилые постройки имели в основных чертах ту же планировку, что и жилища XVI в., открытые в Москве, в Зарядье при раскопках А. Ф. Дубынина. (*Рабинович М. Г. О древней Москве*. М., 1964, с. 221, рис. 98, 1).
 - ²⁷ Также потолочные засыпки были открыты, например, при раскопках В. А. Рыбакова в Любече. (*Рыбаков В. А. Любеч— феодальный двор Мономаха и Ольговичей.*— КСИА, 1964, вып. 99, с. 22).
 - ²⁸ Гос. Эрмитаж, ОИПН, опись хранения 25/125.
 - ²⁹ *Колчин В. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.*— МИА, 1953, № 32, с. 158. Расположение горна (сыродутного) вблизи от жилого дома ремесленника (кричника и ювелира) известно, например, по раскопкам в Москве в Зарядье (слой XIV—XV вв.). *Рабинович М. Г. О древней Москве*, с. 201, рис. 88.
 - ³⁰ *Колчин В. А. Черная металлургия...*, с. 158.
 - ³¹ *Колчин В. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.*— МИА, 1959, № 65, рис. 68, 3, 6.
 - ³² *Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге.*— КСИА, 1963, вып. 96, с. 79, рис. 25, 17.
 - ³³ *Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере. X—XIII вв.* М., 1973, с. 110.
 - ³⁴ *Колчин В. А. Железообрабатывающее ремесло...*, с. 60—62, рис. 47, 6.
 - ³⁵ *Колчин В. А. Железообрабатывающее ремесло...*, рис. 47, 1—5.
 - ³⁶ *Рабинович М. Г. О древней Москве*, с. 94, рис. 36, 8.
 - ³⁷ *Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел VIII—XIV вв.*— САИ, 1968, Е1—36, с. 85, тип. 41, вид 2, табл. 13, 29.
 - ³⁸ *Монгайт А. Л. Старая Рязань.*— МИА, 1955, № 49, рис. 143, 9, 11.
 - ³⁹ *Шендрик Н. И. Наконечники стрел з Княжої Гори.*— Праці Київського державного Історичного музею, 1958, вип. 1, табл. I, 8, 18; II, 1, 2, 9, 10.
 - ⁴⁰ *Гончаров В. К. Райковецкое городище.* Киев, 1950, табл. XIII, 14.
 - ⁴¹ Не подтверждают ли наши находки вывод В. А. Рыбакова о возрастных отличиях в женских украшениях, сделанный им в свое время на основании погребального

- инвентаря Черниговских курганов XI в. Этнографический материал также является яркой иллюстрацией этого наблюдения. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11, с. 20, 21, рис. 4.
- ⁴² Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65, с. 226, рис. 1, 11, 12.
- ⁴³ Дубынин А. Ф. Московская экспедиция. Альбом рисунков, рис. 6, Архив ИА, Р-1, № 1061.
- ⁴⁴ По любезному сообщению А. Б. Варепова. Коломенский музей.
- ⁴⁵ Спицын А. А. С.-Петербургские курганы в раскопках Ивановского.— МАР. СПб., 1896, № 20, табл. 1, 3, 4, 8, 9; табл. XII, 7, 8.
- ⁴⁶ Маркович В. И. Исследования памятников средневековья в высокогорной Чечне.— КСИА, 1962, вып. 90, с. 45; рис. 10, 16; Кузнецов В. А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.).— КСИА, 1963, вып. 96, с. 86, 87, рис. 26, 12, 13. Кавказские серьги отличаются некоторым своеобразием: на конце они имеют не одну бусину, а несколько, образующих «виноградную гроздь».
- ⁴⁷ Розенфельд Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— САИ, 1968, вып. Е1—39, с. 27, табл. 7, 19, 24, 26; табл. 8, 2, 8, 16; Фехнер М. В. Глиняные игрушки московских гончаров.— МИА, 1949, № 12, с. 52, 54, рис. 2.
- ⁴⁸ Голубева Л. А. Раскопки в Вере́йском кремле, с. 137, рис. 2, 2.
- ⁴⁹ Голубева Л. А. Вещи и славяне на Белом озере..., с. 107, рис. 38, 15.
- ⁵⁰ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 44—45, рис. 24, 9.
- ⁵¹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, табл. 13, 54.
- ⁵² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., табл. 26, 8, 10.
- ⁵³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., табл. 30, 45.
- ⁵⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., с. 69, тип 49.
- ⁵⁵ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, табл. 13, 12.
- ⁵⁶ Гос. Эрмитаж. ОИПК, опись хранения 1552/38.
- ⁵⁷ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 104, рис. 84, 10, 11.
- ⁵⁸ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, с. 190, рис. 23, 9—10; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 111, рис. 96, 17, 18.
- ⁵⁹ Гос. Эрмитаж. ОИПК, опись хранения 1552/37, 41.
- ⁶⁰ Аналогии данной находке нам удалось найти в средневековом поселении Болгарии Враца. (Георгиева Соня, Димитр Бучински. Старото Златарство във Враца. София, 1959, с. 135, табл. XXX, рис. 7—10).
- ⁶¹ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, с. 79.
- ⁶² Каталог собрания древностей А. С. Уварова. Отдел VII—XI. М., 1908, с. 173.
- ⁶³ Ханенко В. И. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, вып. I, табл. XI, № 127.
- ⁶⁴ Так, например, при исследовании Перемышля Московского, возникновение которого относят к 1152 г., домонгольский слой на некоторых раскопах также отсутствовал. (Рабинович М. Г. Отчет о раскопках Перемышля Московского в 1955 г. Архив ИА, р-1, № 1092).
- ⁶⁵ Раппопорт П. А. Укрепления раннемосковских городищ.— КСИИМК, 1958, вып. 71, с. 16.

Сосуды VI в. из поселений около с. Корчак Житомирской обл.

Сосуды VI—VII вв. из поселений около сел Корчак и Гульск Житомирской обл.

Дощечка для писания
по воску (цера). Новгород.
Середина XIII в.

Азбука, вырезанная на доске
можжевательника.
Новгород. XIII в.

Берестяная книжка. Новгород. XIII в.

Берестяная грамота № 366. Официальный акт
взыскания по бессудной грамоте. Новгород. XIV в.

Костяная пластина с изображением дракона.
Новгород. Первая половина XIV в.

Старорязанский клад, найденный в 1966 г.
Вторая половина XII — первая треть XIII в.

→

Серебряный колт (1) и серебряный браслет (2)
из клада, найденного в Старой Рязани в 1970 г.
Вторая половина XII — первая треть XIII в.

Навершия из дерева в виде человеческой личины.
Новгород

1 — конец XIII в.; 2 — вторая половина X в.

М. Г. РАБИНОВИЧ

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В РУССКОМ ФЕОДАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Известное положение о том, что возникновение и развитие феодальных городов есть результат отделения ремесла от сельского хозяйства, давно уже признано и является, можно сказать, общим местом всех работ, посвященных этой проблеме. Все исследователи средневековых городов признают, что основными занятиями горожан в эпоху феодализма были ремесла и торговля.

Социальное развитие средневекового поселения, его принадлежность к городским или сельским справедливо определяют по тому, насколько высок в нем процент «непашенных» жителей, занимающихся промыслами, ремеслами, торговлей.

При всем разнообразии путей происхождения городов можно констатировать, что постепенно город становится центром местного рынка, большого или малого, постоянного или кратковременного. В этот период он снабжает окрестное население продукцией своих ремесленников и привозными товарами и сам в значительной мере питается за счет округи, получая продовольствие и сырье.

Торговое и ремесленное значение города выражается в его планировке, а именно в размере предградья или посада и торгового.

Вместе с тем для правильного понимания процесса возникновения и развития феодального города во всей его сложности необходимо учитывать, что горожанам отнюдь не были чужды также занятия сельскохозяйственные — скотоводство и земледелие. Роль этих занятий в жизни города не была одинакова как на различных этапах его развития, так и в городах разных типов. В общих чертах можно сказать, что занятия сельским хозяйством играли тем большую роль, чем менее развит был город. Они имели большое значение на раннем этапе развития городов и сохранялись в городах средних и малых не только в феодальную, но и в капиталистическую эпоху.

Неодинакова была также роль различных сельскохозяйственных отраслей. Скотоводство, огородничество и садоводство оставались важнейшими подсобными занятиями и в период капитализма для средних слоев горожан. В русском феодальном городе едва ли не каждый «двор» имел свой огород и сад, которые (по справедливому замечанию московского посла в Риме в начале XVI в.) служили «как для пользования овощами, так и для удовольствия»¹. Благодаря этим садам и огородам русские города и казались иностранцам гораздо большими, чем такие же по размерам города Западной Европы.

Жители больших и малых городов держали домашний скот, так что каждый город имел немалое стадо. Он был окружен обычно более или менее обширной зоной земли, где можно было это стадо пасти. Законодательство позднефеодальной эпохи неоднократно подтверждало права

горожан на такие земли — «выгон» или «животинный выпуск»². Впрочем, в некоторых городах скот разводили на продажу (иногда специализированную)³.

Но необходимо подчеркнуть, что в жизни русских феодальных городов в течение длительного времени играло немалую роль также хлебопашество, которое принято считать специфически деревенской формой сельского хозяйства. Письменные источники содержат указания на «нивы» и «пожни» горожан. В составе городской усадьбы встречались иногда не только амбары или ямы для хранения зерна, но и снопусильни — овины, места для молотбы — токи, что свидетельствует о занятиях горожан разведением зерновых культур.

Первое упоминание нив, возделываемых горожанами, находим еще в «Повести временных лет» под 946 г.⁴ Аналогичные явления наблюдались и в западноевропейских городах. Так, исследователь английских городов Я. А. Левицкий пишет, что в X—XIII вв. эти города имели, как правило, пахотные земли, возделываемые горожанами, хотя участки не достигали больших размеров и земледелие не было основным занятием горожан⁵.

На занятия горожан хлебопашеством указывают многочисленные находки в культурном слое городов X—XV вв. частей пахотных орудий — железных сошников, полиц, чресел, лемехов. Характерно, что примерно половина мест, в которых найдены части почвообрабатывающих орудий, — это города⁶. Если же учесть число находок, то окажется, что города даже превосходят сельские местности. Сюда следует прибавить также находки орудий уборки урожая — кос и, что особенно важно, серпов, которые встречаются в культурном слое русских городов довольно часто. Среди них есть также экземпляры, которые, по-видимому, никогда не были в употреблении, т. е. они были сделаны для продажи, возможно, в деревню⁷. Но много также орудий сильно изношенных, поломанных, которыми горожане, несомненно, пользовались сами.

О принадлежащей рядовому горожанину пожне говорит, по мнению А. В. Арциховского, новгородская берестяная грамота № 53 XIV в. Впрочем, это положение оспаривается исследователями, считающими владельцем пожни феодала⁸. Число примеров подобных упоминаний можно было бы увеличить, но в данной статье не ставится задача дать полную сводку упоминаний пахотных земель, находившихся во владении горожан. Укажем лишь на то, что и в более поздние времена — в XVI—XVII вв. источники отмечают занятия горожан хлебопашеством, иногда даже в ущерб основным их делам.

Воеводы малых и средних (преимущественно окраинных) городов неоднократно жаловались правительству, что стрельцы, пушкари, воротники и иные служилые люди не хотят жить «в городе», т. е. в крепости, где им надлежало быть наготове на случай вражеского нападения, а выселяются на неукрепленный посад, откуда ближе и удобнее выезжать на пашню. В свою очередь служилые люди подавали челобитные государю, прося разрешения жить вне острога, воле угодий и пашен, а также сохранения «избенок наших на гумнах»⁹. Дело в том, что правительство не проводило в этом отношении определенной линии. Нередко оно жаловало те или иные группы горожан, а иногда и все городское общество более или менее значительными массивами пахотной земли, а в дальнейшем иногда разрешало воеводам сносить мешающие обороне

строения и возвращать служилых людей обратно в «город», а служилым людям образовывать вне города особую слободу¹⁰.

Случаи пожалования городам удобной для обработки земли имели место и в XVIII в. Известно, например, что после неудачного Прутского похода, когда пришлось отдать Турции Азов и Таганрог, жители этих городов (ранее переведенные гуда из Казани и Подмосковья) были поселены в Воронежскую губ., основав здесь город Павловск. Им был отведен значительный массив хорошей земли, что обусловило в дальнейшем важную особенность развития этого города, где огромную роль играло высокотоварное земледелие (в особенности — огородничество и бахчеводство), продукция которого сбывалась во всей средней России¹¹.

В середине и второй половине XVIII в. сельскохозяйственные занятия горожан, кажется, имели серьезное значение лишь в малых городах. Во всяком случае, жители Петербурга и Москвы вовсе не занимались хлебопашеством. Но можно думать, что в какой-то форме оно бытовало в большинстве средних и мелких городов. На эту мысль наводят пункты Городового положения, упоминающие в составе городских земель не только сады, луга и пастьбы, но также и поля¹². Городские пахотные земли существовали и в первой половине XIX в., но в большинстве случаев они сдавались городом в аренду окрестным крестьянам.

На глубокую древность занятий хлебопашеством и на то относительно большое значение, какое ему придавалось, указывает длительное сохранение в городах аграрных обрядов, которое трудно отнести исключительно за счет влияния окрестного сельского населения. Б. А. Рыбаковым отмечено широкое бытование в городах, вплоть до XVIII в., так называемых русальских обрядов, имевших своей задачей обеспечение плодородия почвы¹³. Можно заметить, что, кроме указанного Б. А. Рыбаковым праздника Ярилы в Воронеже, подобные празднества сохранялись в XIX в. во многих городах, например, в Галиче Костромской губ. и в Калуге, где название «ярилки» перешло на все пасхальное гулянье в целом¹⁴.

Вообще аграрные обряды богато представлены в быту русских городов XIX в., и надо думать, что в древности они занимали значительное место. Изучая обряды различных народов мира, имеющие целью вызывание дождя и повышение плодородия почвы. Д. Фрэзер отмечал, что в таких обрядах население нередко заставляет принимать участие и представителей официальной церкви. «В некоторых областях России, — писал он, — по полю катают самого священника; это делается женщинами, которые ревностно катают батюшку, не взирая на грязь и царапины, получаемые им. Если пастырь духовный вздумал отказаться от этого обряда или сопротивляться ему, то прихожане начинают роптать: «Батюшка, Вы, значит, не хотите нам добра. Вы, значит не хотите, чтобы мы имели хлеб, хоть Вы и хотите есть этот хлеб»¹⁵.

Д. Фрэзер, по-видимому, имел в виду обряды сельские. Но в нашем распоряжении имеются интересные данные о бытовании того же самого обряда и в городах. В 1848 г. корреспондент Географического общества писал из г. Медыни, что здесь в праздник вознесенья после молебна в соборной церкви устраивался крестный ход «на рожь», на принадлежащие городу пахотные земли, где городские власти приготавливали уже накрытый скатертью стол с «хлебом-солью». Снова служили молебен (на этот раз — с водосвятием), после чего духовенство начинало снимать

облачение, в котором молилось. Но едва дьяконы успевали снять свои ризы, как на них буквально набрасывались женщины и начинали катать их по пашне, «чтобы снопы были так же высоки и тяжелы, как дьяконы»¹⁶.

В середине XIX в. в городах существовало еще много аграрных образцов, на которых мы не имеем возможности остановиться.

Итак, для населения русских феодальных городов сельскохозяйственные занятия, хотя и оставались подсобными, имели важное значение. Речь идет не только о скотоводстве, садоводстве и огородничестве, но и о хлебопашестве. В небольших городах оно бытовало в течение всего феодального периода и в известной мере перешло даже в период капитализма. Однако роль сельскохозяйственных занятий, и в особенности хлебопашества, была тем менее, чем более развита была собственно городская жизнь. В крупных, процветающих городах оно стало исчезать еще в период позднего средневековья. Если же город по какой-либо причине хирел, роль хлебопашества в нем возрастала. Анализ писцовых книг позволяет определить поселения, которые недавно стали сельскими, а прежде были городскими. В этих книгах указывается, сколько их жители сеют ржи, косят сена и т. п.¹⁷

Таким образом, признавая, что соотношение промышленных, торговых и земледельческих занятий жителей — существенный признак, позволяющий определить характер поселения, важный показатель развития города, не следует все же представлять дело так, будто одна группа занятий совершенно исключает другую. Для того чтобы понять жизнь горожан во всем ее многообразии, нужно изучать как их промышленные и торговые занятия, так и занятия земледельческие.

¹ Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого государя Московского к папе Клименту VII. — В кн.: *Герберштейн С.* Записки... СПб., 1908, с. 263.

² См., например: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., гл. XIX, ст. 10. Памятники русского права. М., 1957, вып. VI, с. 309.

³ Например, в Дмитрове специально разводили верховых лошадей. См.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 133—134.

⁴ Повесть временных лет, ч. I. М., 1950, с. 42.

⁵ *Левицкий Я. А.* Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.—Л., 1960, с. 167, 217—218.

⁶ *Левашова В. П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XII вв.— Труды ГИМ. М., 1956, вып. 32, с. 31—34.

⁷ *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964, с. 270.

⁸ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, с. 56—57; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты, как исторический источник. М., 1969, с. 133.

⁹ См., например: Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, № 210, с. 237—240.

¹⁰ Акты Московского государства, т. I, № 135, с. 158; т. III. СПб., 1904, № 519, с. 442; Сборник московского архива Министерства юстиции. М., 1913, вып. VI, с. 295—296.

¹¹ Архив Географического общества СССР, разряд IX, оп. 1, № 36, 18.

¹² Городовое положение 1785 г. СПб., 1817, с. 2.

¹³ *Рыбаков В. А.* Русалии и бог Симаргл — Переплут.— СА, 1967, № 2, с. 102—112.

¹⁴ *Моллер О. К.* Сведения о городе Галиче. Костромская старина, т. III. Кострома, 1894, 54—58; Материалы городского отряда Русской экспедиции (под руководством Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой). Калуга. Архив Института этнографии, ф. 1, д. 110а, лл. 8, 18 и др.

¹⁵ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1928, вып. 1, с. 164.

¹⁶ Архив Географического общества СССР, разряд XV, оп. 1, № 29, л. 29.

¹⁷ Книги Можайские пустым церковным землям Якова Данилова сына Львова 7161 (1653) г.— Дионисий. Можайские акты. СПб., 1892, с. 204.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛИТЫЕ ПЕРСТНИ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМ ОРНАМЕНТОМ

Среди огромного количества древнерусских перстней выделяются бронзовые толстопластинчатые перстни с литым орнаментом из трех — пяти колец, в каждом из которых помещен элемент орнамента (рис. 1). Наибольшая ширина перстня 9 мм, длина в развертке 60—65 мм. Этот тип перстней впервые был выделен в 1959 г. М. В. Житомирской и назван ячейковым в дипломной работе «Орнаментированные перстни и браслеты вятичей». Ею же была замечена на шести перстнях эмаль в углублениях орнамента, из чего сделал справедливый вывод, что все перстни этого типа были с эмалью.

К 1975 г. известно 58 пунктов находок перстней в Московской обл. и два бесспорных перстня с геометрическим орнаментом (рис. 2). Большинство находок их сделано в бассейне верхней Клязьмы и ее притоках — Уче и Воре, а также в бассейне средней Москвы реки. Небольшое количество находок относится к более южным местам — бассейну средней Оки.

Все публикуемые перстни найдены только в погребениях, в отличие от других типов перстней, встречаемых и в культурных слоях поселений¹. Литейные формы для изготовления этого типа перстней не найдены.

Особенностью этого типа литых перстней является небольшая территория их находок, а главное — стилистическая, технологическая и морфологическая одинаковость перстней. Это свойство предполагает узкую синхронность литых перстней с геометрическим орнаментом.

Учтено 133 экз. перстней этого типа:

в 30 пунктах	— по одному перстню
в 13 »	— по два перстня
в 7 »	— по три »
в 4 »	— по четыре »
в 2 »	— по пять перстней
в 2 »	— по шесть »
в 1 пункте	— по восемь »
в 1 »	— по десять »

Каждый такой перстень украшен одним или двумя орнаментальными элементами (рис. 3). 127 экземпляров разделились на $2\frac{1}{4}$ разновидности по сочетаниям 12 орнаментальных элементов (на рис. 1 показано количество перстней каждой разновидности).

Попытки картографирования разновидностей перстней особых результатов не дали, разве что первая разновидность (самая многочисленная) не зафиксирована южнее р. Рожай, правого притока Пахры (см. рис. 2). 133

Т. В. РАВДИНА

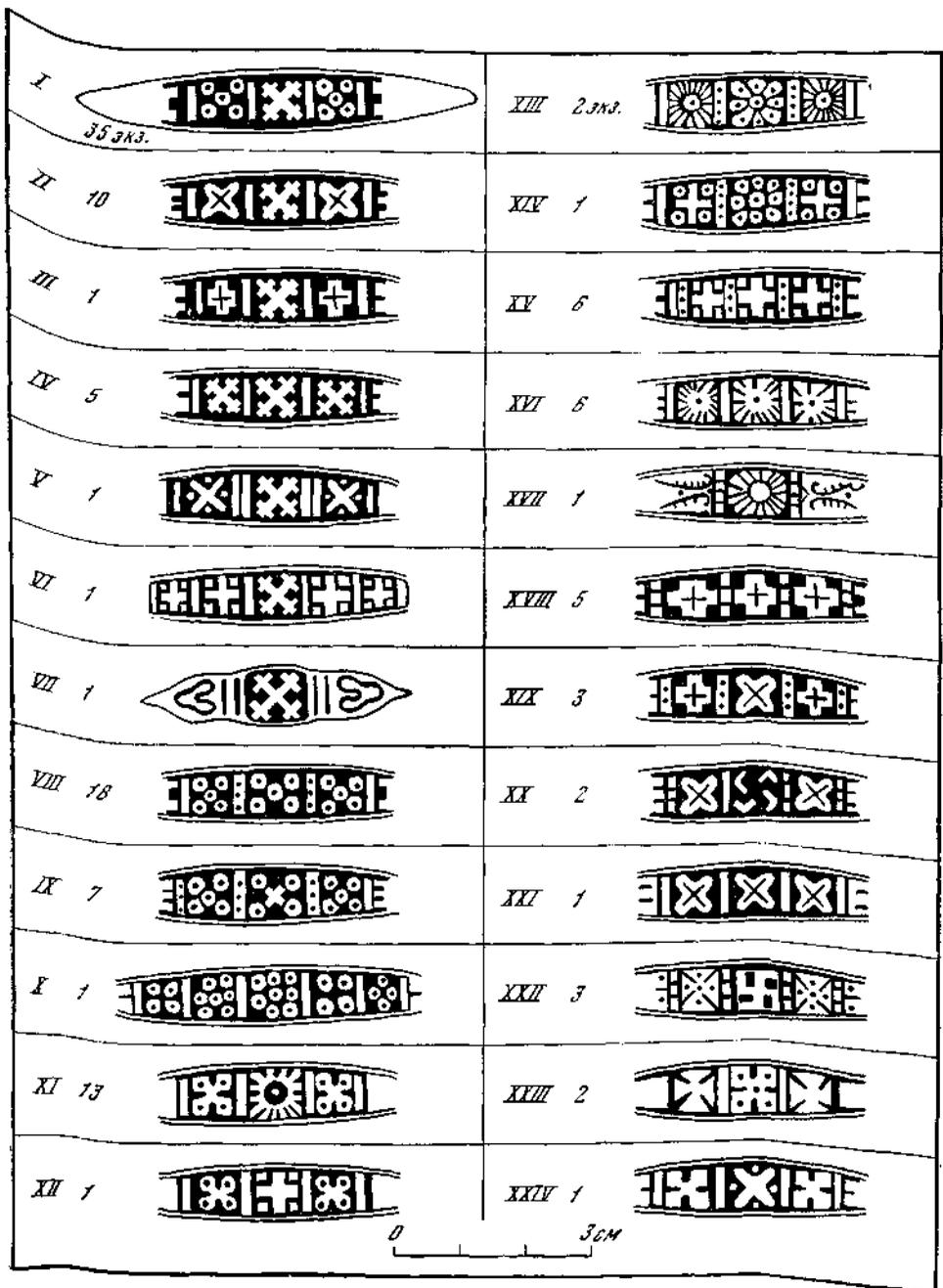

Рис. 1. Литые пластинчатые перстни с геометрическим орнаментом

Корреляция 24 видов перстней друг с другом (т. е. встречаемость их в одном могильнике) показывает, что почти все они так или иначе сочетаются друг с другом небольшое число раз, кроме разновидностей VII, XII, XXI (рис. 1). В одном из погребений в Юдино, на Клязьме (№ 13 на карте), найдено десять перстней шести разновидностей, (I, II, VIII, XI, XVI, XVIII), что еще раз свидетельствует об узкой связности разных видов перстней с геометрическим трехчастным орнаментом.

Корреляция 11 элементов орнамента (рис. 3) этих перстней показывает, что нет такого элемента, который прямо или посредством сочетавшегося с ним элемента не связывал бы все публикуемые перстни в единый орнаментальный тип. Орнаментальные элементы 3, 5, 9, 10, 11 бывают только в сочетании с другими элементами.

На 14 экземплярах перстней замечены остатки эмали: красного цвета (8 экз. из пунктов 15, 17, 19, 28, 44, 47), зеленого (2 экз. из пунктов 5 и 35) и потерявшей цвет (4 экз., из пунктов 1 и 40).

82 набора вещей из 60 пунктов находок публикуемых перстней происходят: 60 — из могильников с семилопастными височными кольцами и 22 — из могильников без семилопастных колец.

Для датировки литых перстней с трех-пятичастным геометрическим орнаментом нужно произвести корреляцию их с древнерусскими вещами, датировка большинства которых более или менее определена в работах археологов.

Из 82 наборов украшений, в которых зафиксированы наши перстни, только 57 можно считать точными закрытыми комплексами, а 25 наборов не могут быть использованы для корреляции: два не содержат ничего, кроме перстня, 23 набора погребальных украшений или являются смесью вещей из нескольких погребений или сомнительны как комплексы.

Из 57 верных комплексов с перстнями публикуемого типа 16 комплексов (40 перстней) происходят из могильников без семилопастных височных колец, а 41 комплекс (51 перстень) — из могильников с семилопастными кольцами. Как видим, в комплексах без семилопастных височных колец насыщенность интересующими нас перстнями меньше.

Вот конкретная корреляция описываемых перстней с древнерусскими вещами из 57 закрытых комплексов.

1. С височными кольцами: с семилопастными встречается 27 раз, браслетообразными проволочными не завязанными — 12 раз, перстневидными — 11 раз, по одному разу с трехбусинными и пятибусинными гладкими, с трехбусинным зерненым. 2. С браслетами: витыми петлистоконечными — 28 раз, плетеными — три раза, пластинчатыми загнутоконечными — 17 раз, пластинчатым тупоконечным — один раз, дрововыми — три раза. 3. С шейными гривнами: полужгутовыми пластинчатоконечными — девять раз, с дрововыми — пять раз (в том числе четыре раза с железными). 4. С бубенчиками шарообразными однопрорезными — семь раз. 5. С бусами: сердоликовыми и хрустальными в одном ожерелье — 25 раз, только с сердоликовыми бипирамидальными — шесть раз, только с хрустальными шарообразными — один раз; стеклянными рыбовидными — четыре раза, стеклянными золочеными — пять раз, прочими стеклянными — 16 раз, с биллоновыми — четыре раза (два с полусферическими, два с бипирамидальными). 6. С перстнями: решетчатыми — 19 раз, витыми и плетеными — восемь раз, рубчатыми — 29 раз, гладкими — восемь раз, тонкопластинчатыми (орнамент гравированный или

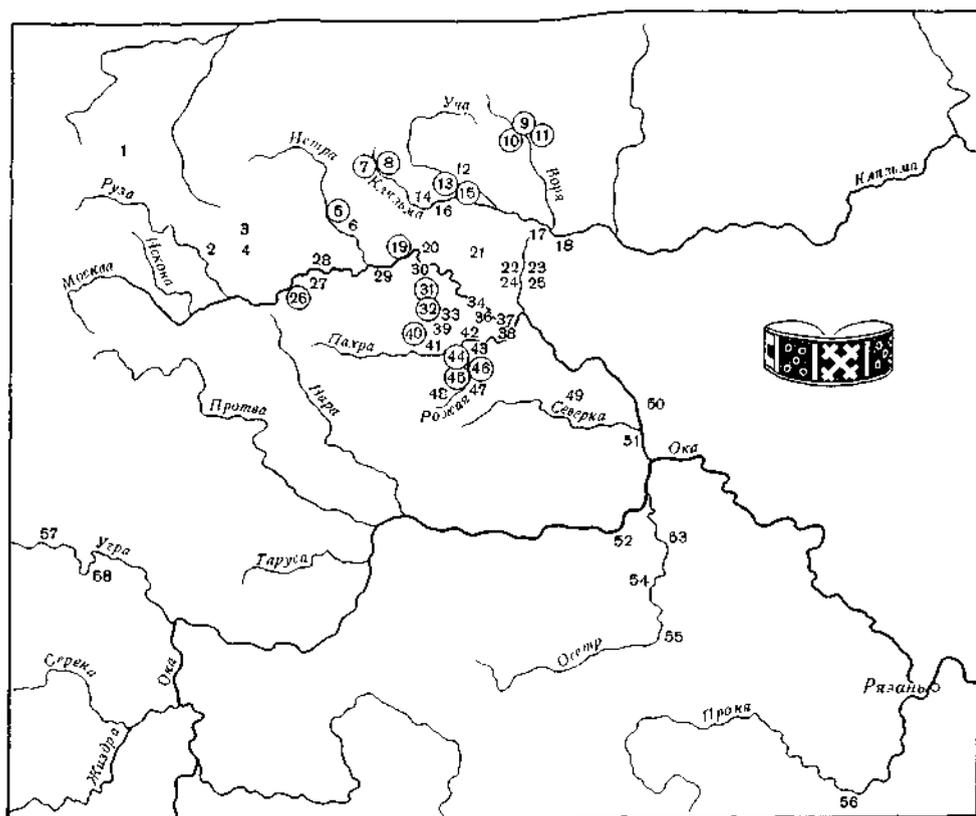

Рис. 2. Карта-схема находок перстней с геометрическим трехчастным орнаментом

1 — Жела (без семилопастных колец);	14 — Пирогово-Звягино (без семилопастных, 2 экз.);	26 — Волково (6 экз. в пяти погребениях);
2 — Захряпнино;	15 — Звездочка (без семилопастных, 8 экз. в двух погребениях);	27 — биостанция МГУ (2 экз. в двух погребениях);
3 — Семешково (без семилопастных);	16 — Каргашино (без семилопастных, 4 экз. в двух погребениях);	28 — Веркогрязь (4 экз.);
4 — Шейково (без семилопастных; 2 экз. в двух погребениях);	17 — Анисково (2 экз., комплексы известны);	29 — Одинцово (5 экз. в трех погребениях);
5 — Истра (без семилопастных, 3 экз.);	18 — Обухово;	30 — Фили (3 экз.);
6 — Сениково (без семилопастных, 2 экз.);	19 — Черцево (2 экз. в двух погребениях);	31 — Матвеевская;
7 — Поваровка (без семилопастных, 3 экз.);	20 — Спас-Тушино (5 экз. в пяти комплексах);	32 — Коньково;
8 — Льялово;	21 — Яуза (без семилопастных);	33 — Котляково (3 экз., число комплексов неизвестно);
9 — Михайловская (без семилопастных, 2 экз. в двух погребениях);	22 — Акатово, без семилопастных;	34 — Царицынский парк;
10 — Путилово (без семилопастных, 2 экз. в двух погребениях);	23 — Балашиха (без семилопастных, 2 экз.);	35 — Орешково-Царицынское;
11 — Муромцево (3 экз.);	24 — Косино;	36 — сельцо Царицыно из раскопок И. Е. Забелина;
12 — Кузнецовка (без семилопастных, 2 экз.);	25 — Салтыковка (3 экз. в двух погребениях);	37 — Борисово-Братеево (4 экз., число комплексов неизвестно);
13 — Юдино (без семилопастных, 10 экз.);		38 — Беседы (вероятно, перстень с геометрическим трехчастным

чеканный) — 18 раз, толстопластинчатыми литыми — 17, щитковыми — три раза; всего в 57 комплексах с 91 перстнем публикуемого типа найдено 173 перстня других типов. 7. С привесками: монетовидными гладкими — три раза, монетовидными прорезными — один раз, лунницами — два раза, шумящими — два раза, по одному разу с раковинной-каури и биллоновой трефовидной. 8. С крестиками и образками — два раза.

Литые пластинчатые перстни с геометрическим трехчастным орнаментом датируются следующим образом. Они относятся ко времени после

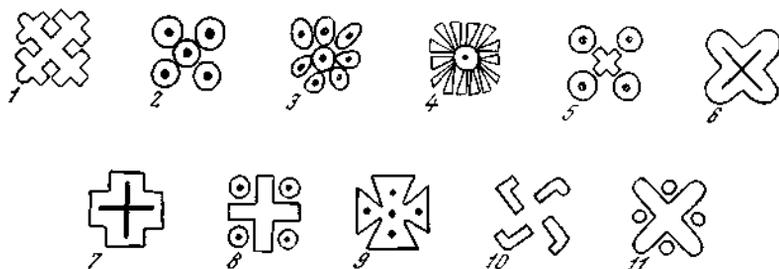

Рис. 3. Элементы орнамента на перстнях с геометрическим трехчастным орнаментом (1—11)

XI в., так как ни с монетами X—XI вв., ни с вещами монетного времени ни разу не встречены. Не было этих перстней и в первой половине XII в., так как с ними не встречены такие вещи, которые возникли в конце монетного времени, но существовали и позже: бубенчики группевидные с прорезью крестом; браслетообразные височные кольца с аккуратно завязанными концами; ножи, сделанные в технике трехслойной сварки.

Найденные в пяти комплексах единичные экземпляры стеклянных золоченых бус представляют собой псевдозолоченые бусы (в четырех комплексах форма их не бочковидная, а в виде узкого раструба), бытовавшие на Руси в XII—XIII вв.² в отличие от истинно золоченых бус XI — начала XII в. Публикуемые перстни не встречены вместе с ранними формами семилопастных колец, появившихся в начале XII в.³ В самом раннем могильнике из региона распространения перстней с геометрическим орнаментом — в Черемушкинском (все курганы этого могильника раскопаны) — такие перстни не найдены.

Украшения, встреченные вместе с публикуемыми перстнями, бытовали в XII в., а в основном во второй половине века.

орнаментом попал в беседский комплекс по ошибке, уже в музее;	42 — Горки;	50 — Логост Пяти Крестов (2 экз.);
39 — Березино;	43 — Новелеская;	51 — Никульское;
40 — Потапово (6 экз., количество комплексов неизвестно);	44 — Покров (3 экз. в двух погребениях);	52 — Смедово;
41 — Алхимово (2 экз., количество комплексов один или два);	45 — Битягово (2 экз. в двух погребениях);	53 — Рассохино;
	46 — Ушмары;	54 — Дятлово;
	47 — Серафимо-Знаменский скит;	55 — Осово;
	48 — Ивино;	56 — Маклаково;
	49 — Авдотьино-Тихвинское;	57 — Мокрая;
		58 — Павлищево-Степаповское

Но вместе с интересующими нас перстнями не встречены и самые поздние формы древнерусских украшений конца XII — начала XIII в.: ажурные семилопастные и трехлопастные кольца, серебряные квадрифолийные перстни, трехбусинные ажурные и филигранные кольца, в изобилии найденные вкладах предмонгольского времени.

Исходя из всех этих данных, временем существования литых пластинчатых перстней с трехчастным геометрическим орнаментом можно считать начало третьей четверти XII в.

¹ По сообщению М. В. Седовой (1975 г.) в культурном слое Новгорода найдено два похожих перстня. Однако их орнамент не имеет полных аналогий с московорецко-окскими перстнями.

² Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 85 и 87.

³ Равдина Т. В. Хронология «вятических» древностей. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 8.

И. П. РУСАНОВА

О РАННЕЙ ДАТЕ ПАМЯТНИКОВ ПРАЖСКОГО ТИПА

В начале второй половины I тысячелетия н. э. памятники пражского типа занимали земли от Днестра на востоке до Эльбы на западе и от побережья Балтийского моря и Припяти на севере до Дуная на юге (рис. 1). На этой огромной территории обнаруживается удивительное единство материальной культуры, которое проявляется в распространении небольших открытых поселений, жилищ-полуземлянок, урновых бескурганых трупосожжений, однотипных лешных сосудов, бытовых предметов — железных ножей и глиняных пряслиц, а также в малом количестве украшений.

Наблюдаемые локальные различия, во-первых, вызваны, разновременностью памятников в отдельных частях их ареала, а во-вторых, связаны с традициями местных, более ранних культур и с влияниями соседних территорий. Так, на территории северо-западной Украины можно отметить традиции балтских культур, а в западных областях Украины ощущается влияние более ранних культур — черняховской и культуры карпатских курганов. В пражских комплексах на территории Чехословакии прослеживаются традиции местных культур эпохи переселения народов и более позднее влияние авар. Германское влияние заметно в материалах междуречья Одры и Эльбы, а памятники на территории Румынии — в большей своей части смешанные, что отвечает исторической обстановке в это время на Нижнем Дунае.

138 При изучении памятников пражского типа наиболее сложным является определение их хронологии и выявление синхронных комплексов.

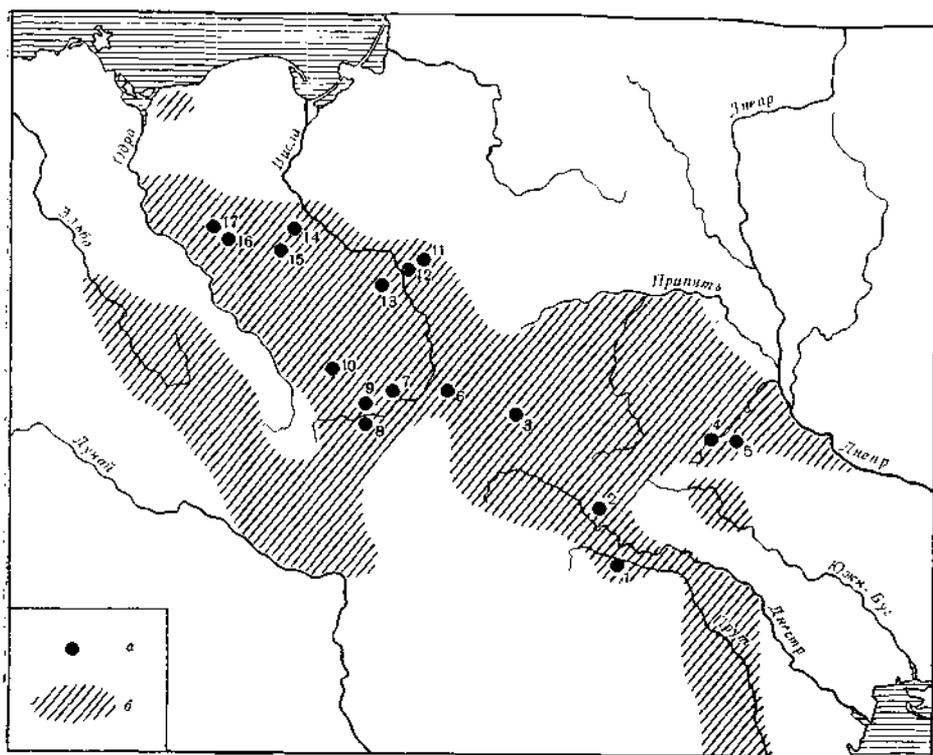

Рис. 1. Распространение памятников пражского типа в VI в. (б)

а — наиболее ранние памятники:	5 — Тетерева;	11 — Тухлин;
1 — Кодын;	6 — Мацькувка;	12 — Непорент;
2 — Зеленый Гай;	7 — Злотники;	13 — Мендзыборув;
3 — Рипнев II;	8 — Пуховице;	14 — Новины;
4 — Корчак;	9 — Новая Гута — Могила;	15 — Полановице;
	10 — Семония-Колония;	16 — Боровый Млын;
		17 — Пшево

Датировка этих памятников обычно бывает основана на находках редких датирующих вещей — фибул, пряжек, костяных гребней, шпор, кресал. Но все эти вещи имеют относительно широкие хронологические рамки — в пределах двух—трех столетий, поэтому общепринятая дата памятников — VI—VII вв. Часто для датировок привлекают керамику римского времени, найденную на славянских поселениях. Однако поселения с такой керамикой оказываются многослойными, а значит, смешение находок в слоях вполне естественно и не может служить доказательством раннего (начиная с V в.) существования славянских поселений (Бакота, Устье¹, Глубокое² — на Украине, Косцелиски, Хоруля и др. — в Польше³, Залехов — в Чехословакии⁴).

Обычно материалы этих поселений рассматривались суммарно, без учета их стратиграфического залегания и инвентаря из закрытых комплексов — заполнения ям и жилищ-полуземлянок. Датированный таким образом материал поселений в дальнейшем привлекался как основа для

определения времени бытования других памятников. В результате этого одним и тем же временем датировались разновременные поселения и поселения с длительным периодом обитания.

Определение сравнительно узкой даты памятников с точностью, по крайней мере, до одного столетия имеет первостепенное значение. Во-первых, такое хронологическое членение находок позволило бы выделить наиболее ранние памятники и установить синхронность материалов. Во-вторых, при этом удалось бы выявить первоначальную территорию, занятую памятниками пражского типа, и проследить процесс постепенного распространения культуры и освоения новых земель. В-третьих, можно было бы решить, насколько велика общность синхронных памятников в удаленных друг от друга областях. Дело в том, что уже в VII в. намечаются локальные линии развития культуры, и суммарное рассмотрение материалов VI—VII вв. приводит к неправильному выводу о том, что памятники разных частей славянского ареала существенно отличались друг от друга. Так, в польской археологической литературе распространено представление, что керамика VI—VII вв. была разнородной по форме и наряду с лепной использовалась посуда, подправленная на гончарном круге, который существовал, по мнению польских исследователей, на протяжении всего I тысячелетия н. э.

Единственным массовым материалом на памятниках пражского типа является керамика. Ее подробная типология, основанная на форме и пропорциях тулова сосудов, профилировке шейки и венчиков, характере теста и орнаментации, позволяет сопоставлять материалы разных поселений и, что гораздо важнее, из разных жилых комплексов. Корреляция выделенных видов и вариантов посуды между собой и с датированными вещами при строгом учете стратиграфической последовательности комплексов позволяет наметить определенные хронологические изменения в ее формах: со временем увеличивается профилированность сосудов, уменьшаются их высота, удлиняется шейка и усиливается отгиб венчика. На поздних вариантах керамики появляется орнамент в виде вдавленных по венчику и перовой волны по тулову, изменяется состав теста. На основе этих изменений можно составить хронологическую шкалу керамики. При этом очень важно отметить, что отдельные виды и варианты посуды существуют длительное время и сами по себе не имеют датировочного значения. Ранние варианты сосудов какое-то время сосуществуют с более поздними и лишь постепенно вытесняются ими. Поэтому при определении хронологии комплексов наиболее существенно сочетание видов и вариантов керамики.

Последовательность развития посуды установлена по материалам стратиграфически расчленимых памятников — городища и поселения Хотомель, поселения Гульск, Подриже, Тетеревка⁵, Кодын⁶. Разновременные напластования на городище и перекрывающие друг друга жилища на поселениях дают разный керамический материал. Развитие посуды подтверждается датированными вещами — находками фибул на поселении Кодын, пальчатой фибулы в Демьянове, браслета, пряжки, накопечников стрел и копий, семилучевого кольца в Хотомеле, перстней в Шумске и Григоровке, браслета в Буках, а также радиоуглеродными и геомагнитными анализами материалов из Подриже и Городка⁷.

140 Хронологическая шкала, основанная на стратиграфических данных, на типологическом развитии керамики, на корреляции ее с датированными

вещами, позволяет датировать памятники и отдельные комплексы с точностью до ста лет, а в некоторых случаях с указанием на начало, середину или конец века.

До последнего времени самые ранние памятники пражского типа могли быть отнесены ко времени раньше VII в., т. е. к VI в. Открытия 1974 и 1975 гг. на Буковиле, где на поселении Кодын Глубокского р-на Черновицкой обл. были найдены две двухчастные железные фибулы IV—V вв.⁸, дают возможность углубить дату пражских памятников до V в. На поселении Кодын нет отложений первой половины I тысячелетия н. э. и случайности в находках или перемешанности слоев быть не могло. Здесь исследовано 30 жилищ-полуземлянок с печами-каменками, относящихся к трем хронологическим периодам второй половины I тысячелетия. Жилища часто перекрываются одно другим, и их керамический материал хорошо укладывается в хронологическую шкалу, которая позволяет датировать самый поздний период на поселении VIII в.

К наиболее раннему периоду относятся восемь жилищ, содержащих только слабопрофилированную посуду пражского типа и отдельные обломки гончарных сосудов культуры карпатских курганов. На полу одного из этих жилищ (№ 10) была найдена фибула. Вторая фибула того же типа, но с перевитой дужкой лежала на древней дневной поверхности рядом с жилищем 21, в котором также найдены наиболее ранние варианты пражской керамики.

Вполне возможно, что развитие посуды пражского типа шло неодинаковыми темпами в разных частях ее ареала. Однако существующие материалы свидетельствуют о синхронности развития в начальный период распространения пражских древностей. Так, на территории Чехословакии, где в комплексах с пражской керамикой не найдено узко датированных вещей, ранними памятниками считаются поселения в Бжезпо⁹ и Беховицах¹⁰, на которых вместе со славянской посудой найдена керамика позднего периода эпохи переселения народов и которые в связи с этим датируются временем около 568 г. (время ухода лангобардов в Италию). Посуда ранних комплексов на этих поселениях хорошо укладывается в хронологическую шкалу керамики, созданную нами, и относится также к середине VI в.

На территории средней и юго-восточной Польши выделяются памятники, содержащие только лепную керамику пражского типа (Дзедзице, Новины, Пщеве, Бахуж, Хачки, Полановице, Злотники, Ярантово, Котово, Крытово, Пуховице, Мендзыборув, Непоронт, Тухлин, Семония-Колония и др.). Многие поселения и городища Польши существовали длительное время, и на них лишь с трудом выделяются слои или заполнения ям с находками пражской посуды. Вышележащие слои содержат уже более развитые формы посуды и датируются VII в. Стратиграфически разделенный материал из поселений Люблин — Чвартек¹¹, Новая Гута — Могила¹², Радзеве Куявский¹³, Шелиги¹⁴ хорошо соответствует общей хронологической шкале керамики.

Правильность хронологического членения материалов подтверждается и историческими свидетельствами. На территории ГДР, в междуречье Одры и Эльбы пребывание славян зафиксировано хроникой Фредегара в VII в. Известные здесь памятники с пражской посудой по хронологической шкале могут быть отнесены ко времени не раньше, чем конец

VI—VII в. По многочисленным данным византийских историков, славяне уже в VI в. заселяли земли по левому берегу Дуная, откуда они совершали набег на территорию империи¹⁵. Здесь, на территории современной Румынии, известны поселения, которые по керамическому материалу относятся к VI в., и, кроме того, могут быть еще дифференцированы на славянские (пражские) и антские (пеньковские). Южнее Дуная постоянное расселение славян началось лишь в VII в., как сообщают письменные источники¹⁶. Действительно, на территории Болгарии нет славянских памятников с пражской посудой раньше VII в.¹⁷

Синхронность развития в ранний период (до VII в.) позволяет сопоставить ранние материалы из жилищ поселения Кодын с другими пражскими памятниками и таким образом попытаться выделить древности V или рубежа V—VI вв. Ранние варианты пражской посуды, аналогичные керамике Кодына, найдены в нескольких жилищах на поселениях Корчак VII и IX, которые раньше в целом были датированы VI в. Такой же материал есть в жилищах на поселении Тетеревка, в жилище 3 поселения Зеленый Гай, в жилищах 15 и 28 поселения Рипнев II¹⁸, на поселении Новая Гута — Могила, Боровый Млын, Пшево¹⁹, Пуховице²⁰, Полановице²¹, Новины²², Мацькувка²³, Злотники, Мендзыборув²⁴, Непорент²⁵, Тухлин²⁶, Семония-Колония²⁷. Эти ранние памятники сосредоточены на территории средней и юго-восточной Польши, в бассейне Вислы и Одры, известны на Западном Буге, верховьях Днестра и Прута, а также проникают к востоку в бассейн Днепра (рис. 1).

В бассейнах Вислы и Одры прототипы наиболее ранним сосудам пражского типа можно найти среди керамики пшеворской культуры первой половины I тысячелетия. По-видимому, в этом районе и началось сложение культуры пражского типа, которая, начиная с V в. и в VI в., значительно расширила свою территорию.

¹ *Винокур И. С.* Поселение у с. Бакота на Днестре.— АО 1971 г. М., 1972, с. 365; *Винокур И. С., Приходнюк О. М., Смиленко А. Т.* Исследование славянских памятников в Устье на Среднем Днестре.— АИ на Украине в 1968 г. Киев, 1971, с. 220.

² *Вакуленко Л. В.* Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 249—251.

³ *Hasegawa J.* Chronologia i rozprzestrzenienie ceramiki typu praskiego w Europie Środkowej. Łódź, 1975, s. 33—34.

⁴ *Hrubý V.* Sídliště z pozdní doby římské ve Zlechově.— AR. Praha, 1967, XIX, s. 643—656.

⁵ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днестром и Западным Бугом. М., 1973, с. 17—22.

⁶ *Тимощук В. А., Русанова И. П.* Раскопки славянского поселения Кодын.— АО 1974 г. М., 1975, с. 362—363.

⁷ *Винокур И. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смолрич.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 241.

⁸ *Godłowski K.* Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej.— In: Rocznik Białostocki, t. XII. Warszawa, 1974, s. 90—91.

⁹ *Pleinerová I.* Zur relativen Chronologie der Keramik von prager Typus aus Grund der Siedlungsgrabung Březno bei Louny.— AR. Praha, 1968, XX—5.

¹⁰ *Veňcl S.* Časné slovanské osídlení v Běhovicích o. Praha — Vychod.— Památky archeologické, 1973, LXIV, s. 340—385.

¹¹ *Hoszyk-Siwkova S.* Sprawozdanie z badań Lublina, przedlokacyjnego w latach 1967—1969.— Sprawozdania archeologiczne (Warszawa), 1974, t. XXVI, s. 100—105.

- ¹² *Hachulska-Ledwos R.* Wczesnośredniowieczna osada w Nowej Hucie-Mogile.— *Materiały archeologiczne Nowej Huty* (Kraków), 1971, III.
- ¹³ *Gabalówna L., Nowakowski A.* Wczesnośredniowieczna osada na stanowisku 5 w Radziejowie.— *Prace i materiały muzeum w Łodzi. Seria archeologiczna*, 1964, N 11 (Łódź), s. 233.
- ¹⁴ *Szymański W.* Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.
- ¹⁵ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950, с. 156, 298, 369.
- ¹⁶ *История Византии*, т. I. М., 1967, с. 350—351.
- ¹⁷ *Възгарова Ж.* Славянски и славяно-български селища в Болгарските земи, VI—XI вв. София, 1965, рис. 3—4, 5; *Она же.* Паметници Болгарии конца VI—XI вв. и их етническа принадлежност.— *СА*, 1968, № 3, с. 148—156.
- ¹⁸ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, рис. 50, 3, 6, 8; *Он же.* Раннеславянские памятники на Западном Буге.— *Slovenská archeologia*. XIII—2. Bratislava, 1965, с. 319—370.
- ¹⁹ *Dąbrowski E.* S'owiańska chata z VI wieku.— *In: Rocznik Lubuski*, t. III. Zielona Góra, 1962, tab. 1—25.
- ²⁰ *Gedl M.* Archeologiczne badania poszukiwawcze na terenie miasta Krakowa w 1960 roku.— *Sprawozdania archeologiczne*, XVI. Warszawa, 1964, tab. 3.
- ²¹ *Cofta-Broniewska A., Springer E., Tymieniecka K.* Wyniki prac terenowych w 1960 roku w Kruszwicy.— *Sprawozdania archeologiczne*, XIV, Warszawa, 1960, tab. 9.
- ²² *Hensel W., Hilczek-Kurnatowska Z.* Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnohistorycznej, t. IV. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, tabl. 128.
- ²³ *Kolendo J.* Wyniki prac wykopaliskowych na terenie osady z okresu rzymskiego w Maćkówe, pow. Przeworsk.— *In: Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za rok 1965*. Rzeszów, 1966, tab. 5, 6.
- ²⁴ *Bernat W.* Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejsc. Międzyborów, pow. Grodzisk Mazowiecki.— *WA*, XXII, 1. Warszawa, 1955, s. 81—82.
- ²⁵ *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczny grob ciałopalny we wsi Nieporę, pow. Wołomin.— *WA*, XXIV, 4. Warszawa, 1957, s. 382.
- ²⁶ *Okuliczowa L.* Naczynia wczesnośredniowieczne ręcznie lepione z Tuchlina, pow. Wyszkiwo.— *WA*, XXVII, 1. Warszawa, 1961, s. 122—123.
- ²⁷ *Krauss A.* Cmentarzysko rzymskie i osada odkryte w miejscowości Siemonia — Kolonia Podmłynie, pow. Będzin.— *WA*, XXII, 1. Warszawa, 1955, tab. 2, 3.

В. В. СЕДОВ

ГОРОДИЩА СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

В пределах Смоленской земли, как она обрисовывается на основе историко-археологических материалов первой половины XII в.¹, известно свыше сотни городищ с напластованиями древнерусского времени (рис. 1). В лесной зоне Восточной Европы Смоленщина принадлежит к регионам наибольшей концентрации древнерусских городищ. На более обширных пространствах Новгородской и Ростово-Суздальской земель укрепленные поселения встречены в значительно меньшем числе, в Рязанской земле городищ со слоями X—XVI вв. зарегистрировано 62, а на территории Черной Руси — только 17. Наличие большого числа городищ в Смоленской земле отражает как своеобразие истории поселений этого региона Древней Руси, так и специфику его феодального землевладения.

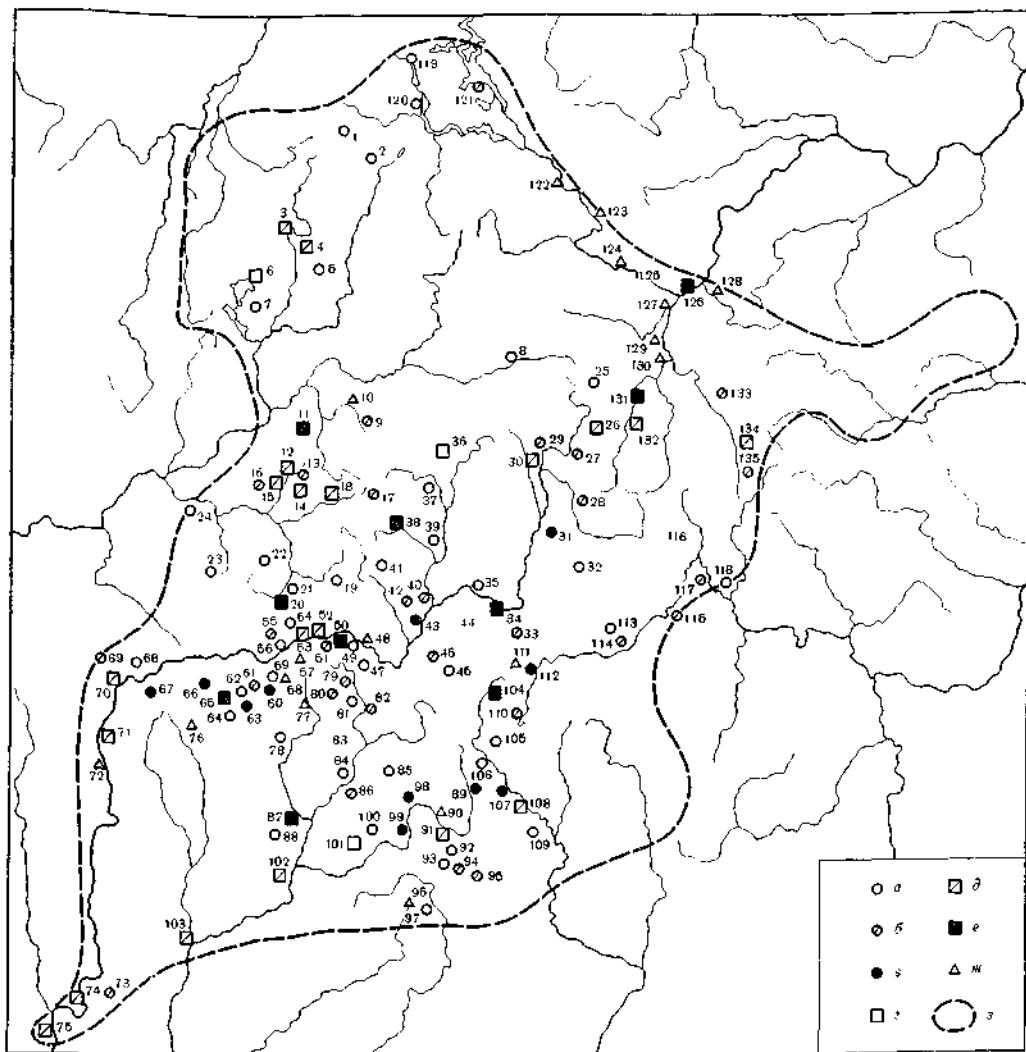

Рис. 1. Укрепленные поселения Смоленской земли

а — городища площадью до 1000 м ² ;	3 — Торонец;	20 — Монастырище;
б — площадью 1000—2000 м ² ;	4 — Сельское;	21 — Каспля;
в — 2000—3000 м ² ;	5 — Курбаты;	22 — Жичицы;
г — 3000—4000 м ² ;	6 — Жижец;	23 — Витрин;
д — 4000—8000 м ² ;	7 — Прилуки;	24 — Кошевичи;
е — свыше 8000 м ² ;	8 — Вояршина;	25 — Михалево;
ж — городища с древнерусским слоем, еще не получившие характеристики;	9 — Велесто;	26 — Дульдово;
з — границы Смоленской земли около середины XII в.	10 — Горы;	27 — Нахимовское;
1 — Песчаха;	11 — Бакланово;	28 — Тупичино;
2 — Вдовец;	12 — Сороковище;	29 — Николо-Нсмоценьский;
	13 — Бубыли;	30 — Большеево;
	14 — Ключ;	31 — Городище на Дыме;
	15 — Заборье;	32 — Никола;
	16 — Горватка;	33 — Мугышило;
	17 — Николо-Берновичи;	34 — Дорогобуж;
	18 — Вержавск;	35 — Неквасино;
	19 — Абрамково;	

Основную массу смоленских городищ составляют небольшие поселения площадью до 1—1,5 тыс. м². Устраивались они на мысах, останцах или изолированных холмах и с наиболее доступной для противника стороны защищались земляным валом и рвом. Таким образом, все они принадлежат к типу простейших укрепленных поселений. Значительное количество последних возникло на более древних городищах раннего железного века. Очевидно, они оказались очень удобными местами для устройства древнерусских городищ, новое население использовало древние укрепления, обновив и усилив их. Единичные городища окружены кольцеобразными валами, однако все они имеют культурные отложения более раннего времени. Древнерусское население использовало здесь эти более ранние сооружения. Собственно древнерусские круглые или полукруглые городища малых размеров на Смоленщине неизвестны.

Первые раскопанные исследования одного из малых средневековых городищ Смоленской земли, расположенного в верховьях р. Сож, у д. Ковшары, производились с 1910 г. И. Ф. Барцевским, и Н. К. Рерхом и продолжались в 1925 г. А. Н. Лявданским². В конце 50-х годов автор статьи полностью раскопал два подобных городища — Церковище и Бородинское, расположенных в средней части Смоленщины, на притоках Днепра — Наготи и Волости. Первое городище удалось идентифицировать с Воищиной, упомянутой в Новгородской Первой летописи под

36 — Девятая;	70 — Орша (Рша);	103 — Славгород (Пропос-
шеск);
37 — Вотрин;	71 — Коныс;	104 — Ельня;
38 — Еськово;	72 — Старый Шклов;	105 — Никифоровское;
39 — Харипо;	73 — Юдичи;	106 — Троинова Слобода;
40 — Буяново;	74 — Вишни;	107 — Карановичи;
41 — Стрелатово;	75 — Лучин;	108 — Осовин;
42 — Богатырево;	76 — Шавяево;	109 — Паши;
43 — Радчино;	77 — Василев;	110 — Уварово;
44 — Шульгино;	78 — Тригубово;	111 — Клемятина;
45 — Бородино;	79 — Обедрово;	112 — Прихабы;
46 — Воротино;	80 — Лахтево;	113 — Самбурово;
47 — Воищина;	81 — Ковшаров;	114 — Городище на Дobre;
48 — Прображенское;	82 — Колычево;	115 — Делски;
49 — Раченка;	83 — Петрополье;	116 — Козловцы;
50 — Смоленск;	84 — Хиславичи;	117 — Федотково;
51 — Верхне-Исенная;	85 — Рудия;	118 — Ильянская;
52 — Гнездо;	86 — Горолок;	119 — Стеж;
53 — Ольшанское;	87 — Мстиславль;	120 — Вселук;
54 — Ерши-Ладыкицы;	88 — Мазолево;	121 — Кличен;
55 — Волярово;	89 — Кастыри;	122 — Горошин;
56 — Красная Горка;	90 — Васьково;	123 — Осечен;
57 — Тихановщина;	91 — Рославль (Рости-
славль);	124 — Сюнка;
58 — Даниловка;	92 — Логовиново;	125 — Ржев (Ржевка);
59 — Горбачи;	93 — Юрьево;	126 — Зубцов;
60 — Жерновка;	94 — Слепцово;	127 — Фоминское;
61 — Смилово;	95 — Епинево;	128 — Погорелое городище;
62 — Волохово-Доброс;	96 — Беседка;	129 — Хлепень, Стелаль-
ково;
63 — Буяново;	97 — Люботовка;	131 — Гривы;
64 — Городище на Лупе;	98 — Дербуж;	132 — Липицы;
65 — Красн;	99 — Погорелово;	133 — Карманово;
66 — Миряичи;	100 — Заселье;	134 — Будаево;
67 — Карбановичи;	101 — Погуляевка;	135 — Никольское
68 — Германов;	102 — Кричев;	
69 — Черкасово;		

1258³. В те же годы П. Н. Третьяков произвел небольшие исследования на Кольчевском городище⁴.

На основе этих работ установлено, что небольшие городища со средневековыми отложениями были укрепленными феодальными усадьбами — своеобразными замками землевладельцев, господствовавших над окрестным сельским населением.

Помимо земляных валов, устраиваемых с наиболее уязвимых сторон, эти поселения имели по периметру довольно мощные бревенчатые стены. На городище Воищине у входа стояла деревянная башня. Дворы замков были сравнительно невелики по площади и могли вмещать шесть — десять построек жилого и хозяйственного назначения. Среди десяти построек, открытых на поселении Воищине, одна, самая крупная, занимавшая срединное положение, принадлежала феодалу — владельцу замка, в остальных жили подвластные ему холопы и ремесленники.

Тесная связь населения этих городищ с сельским хозяйством позволяет отнести их к поселениям сельского типа.

Картография миниатюрных средневековых городищ показывает, что они получили распространение преимущественно в средней части Смоленской земли. Немало таких поселений в юго-восточной части Смоленщины — в бассейнах рек Остер, Десна и Угра. В северных районах Смоленской земли городища-замки единичны.

Интересно сопоставить географию этих владельческих поселений с распределением дани, шедшей в пользу смоленской епископии, согласно уставной грамоте Ростислава Мстиславича⁵.

Историки Смоленской земли не раз обращали внимание на крайне неравномерное распределение дани на ее территории. Основная часть дани поступала из северных волостей Смоленской земли, в то время как дань с населения центральных и южных областей составляла пацтожную часть княжеских и церковных поборов. Картограмма распределения смоленской дани эпохи Ростислава Мстиславича свидетельствует, что наиболее платежеспособными были те области Смоленской земли, где городища — феодальные замки были малочисленны или отсутствовали вовсе. В тех же районах Смоленщины, где наблюдается концентрация городищ-замков, находятся только небольшие и малоплатежные волости.

Неравномерность распределения дани, собираемой смоленскими князьями около середины XII в., обусловлена как историческими традициями, так и своеобразием феодальных отношений в северных и южных районах Смоленской земли. Наиболее платежеспособные северные области Смоленщины являются старыми кривичскими землями, освоение которых началось еще в середине I тысячелетия н. э. Очевидно, регламентация княжеских сборов и погостно-волостная система здесь установились рано и были закреплены уставной грамотой Ростислава Мстиславича.

В срединной и южной частях Смоленщины значительные участки земли были розданы в собственность феодалов, которые жили на городищах-замках. Очевидно, сбор дани осуществлялся здесь землевладельцами, а их налоги в пользу смоленских князей не были определены уставной грамотой. Здесь среди частновладельческих земель имелись и отдельные участки непосредственного княжеского подчинения. Они и составляли небольшие волости, платившие в пользу смоленской епископии по нескольку гривен.

В числе небольших городищ находятся некоторые волостные центры. Таковы Каспля, Пацын, Витрия, Жидчицы, Вотрин, Мирятичи. Остальные центры волостей, упомянутые в грамоте Ростислава Мстиславича, очевидно, представляли собой неукрепленные поселения. По внешнему виду и размерам городища — волостные центры не отличаются от городищ — феодальных замков. Можно отметить только, что первые в отличие от вторых обычно не содержат мощных культурных напластований⁶. Если феодальные усадьбы представляли собой плотно застроенные и обжитые укрепленные пункты, то городища — центры волостей, по-видимому, не использовались постоянно в качестве поселений. Это были пункты сбора дани, здесь вершился суд, объявлялись княжеские распоряжения и т. п.

К числу укрепленных пунктов сельского типа, по-видимому, условно нужно относить городища площадью до 3 тыс. м². Более крупные по размерам городища (свыше 4000 м²), очевидно, нужно относить к поселениям городского типа. Упоминания некоторых смоленских городов в письменных источниках делают такое разграничение весьма надежным.

В следующей таблице собраны данные по величине смоленских городов, известных по письменным источникам⁷.

Смоленск	площадь	детища — около 40 000 м ² околоного города — свыше 4 000 000
Мстиславль	общая площадь	— свыше 10 000
Ельня	» »	свыше 10 000
Красн	» »	свыше 10 000
Дорогобуж	» »	около 10 000
Торопец	» »	свыше 5 000
Ростиславль	» »	свыше 5 000
Вержавск	» »	около 5 000
Копыс	» »	около 5 000
Кричев	» »	около 5 000
Рша	» »	около 4 000
Жижец	» »	около 3 000

Следующие крупные городища поэтому можно причислить к поселениям городского типа.

Городище Монастырище на восточном берегу Касплянского озера при впадении в него р. Удры (близ д. Пилочки), принадлежащее к типу круглых и имеющее размеры 168×148 м² (площадь около 19 000 м²)⁸.

Городище у д. Гравы на берегу Вазузы размером 165×102 м (около 15 000 м²)⁹.

Городище близ д. Бакланово на берегу небольшой речки, впадающей в Баклановское озеро. Размеры поселения 200×85 м (площадь — около 9000 м²)¹⁰.

Городище на берегу р. Язменки (приток Царевича) в 2,5 км северо-восточнее д. Еськово. Его размеры 150×75 м, площадь — свыше 8000 м²¹¹.

Городище близ р. Водобекл между деревнями Дульцево и Борцево размерами 140×70 м, защищенное по периметру валом высотой 2 м. Площадь поселения — не менее 8000 м²¹².

Городище Сороковище размерами 122×88 м (около 8000 м^2) недалеко от д. Никасицы¹³.

Городище в верховьях Днепра в с. Большее, принадлежащее к типу круглых. Площадь поселения $7-8$ тыс. м^2 ¹⁴.

Округлое городище размерами 86×84 м (свыше 5000 м^2) на берегу р. Олешки близ д. Будаево¹⁵.

Городище при д. Ключ на берегу р. Половья размерами 135×60 м (около 5000 м^2)¹⁶.

Городище Осовик, состоящее из детинца площадью около 800 м^2 и окольного города площадью 7000 м^2 ¹⁷.

Круглое городище размерами 94×75 м (около 5000 м^2) на берегу р. Вазузы в д. Липиды¹⁸.

Городище при оз. Сельском в бассейне р. Торопы площадью свыше 4000 м^2 ¹⁹.

Все эти памятники содержат культурные напластования домонгольского периода. Очевидно, в XII—XIII вв. это были города среднего размера, равные таким поселениям, как Ростиславль, Кричев, Дорогобуж или Ельня²⁰. По-видимому, позднее, в связи с литовским разорением Смоленской земли, они пришли в запустение и затерялись. Впрочем, названия некоторых из них, вероятно, со временем удастся установить.

В уставной грамоте Ростислава Мстиславича имеется приписка, в которой приведен перечень размеров «погородня», т. е. поборов с городов, здесь же перечисленных. Названы Мстиславль, Крупль, Верхавск, Копыс, Падия, Лучия, Ростиславль, Ельня, Изяславль, Торонец, Жижец и Дорогобуж.

Местоположение Изяславля до сих пор не обнаружено. П. В. Голубовский поместил этот город в районе д. Сеславль в южной Смоленщине²¹. В 3 км северо-западнее этой деревни (между деревнями Долгое и Новоселки) есть городище. Однако, как теперь установлено, оно имеет очень небольшие размеры (20×18 м) и вряд ли является остатками древнерусского города. Скорей всего нужно отказаться от локализации Изяславля в окрестностях Сеславля и искать его среди укрепленных поселений городского типа. Среди последних должен находиться и Крупль. Некоторые из других городищ — памятников городского типа, видимо, можно будет отождествить с городами, названными в «Списке русских городов» рубежа XIV—XV вв.²²

¹ Седов В. В. Смоленская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 240—259.

² Ляданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. — Науч. изв. Смоленского гос. ун-та, т. 3. Смоленск, 1926, вып. 3, с. 225—251.

³ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, с. 51—125.

⁴ Третьяков И. Н. Средневековые замки Смоленщины. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 237—242.

⁵ Седов В. В. Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в. — РСИА, 1962, вып. 90, с. 12—23, рис. 3.

⁶ Исключением является городище Каспля, содержащее значительные отложения древнерусского времени.

⁷ Краткая характеристика их приведена в работе: Седов В. В. Смоленская земля, с. 243—254.

⁸ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край в памятниках и источниках. Смоленск, 1949, с. 119, 120. В Смоленском краеведческом музее имеется вещь и керамическая коллекция с этого памятника.

- ⁹ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 134.
¹⁰ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 132.
¹¹ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 119, 120. В Смоленском краеведческом музее имеются вещевая и керамическая коллекция с этого памятника (Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 101).
¹² Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 133.
¹³ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 104.
¹⁴ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 135.
¹⁵ Лявданский А. Н. Некоторые данные..., с. 276.
¹⁶ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 104.
¹⁷ Павлова К. В., Раппопорт П. А. Городище Осовик.— В кн.: Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 72, 73.
¹⁸ Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край..., с. 134.
¹⁹ Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, № 76, с. 314. К этой же группе городищ принадлежат, по-видимому, Олышанское и Гнездовское.
²⁰ Среди смоленских городищ имеются также немногочисленные, площадью в 3000—4000 м², занимающие промежуточное положение между поселениями сельского типа и городами.
²¹ Пацн, упоминаемый в грамоте Ростислава, судя по археологическим данным, не был городом. Однако он платил «погородие». Скорей всего городские сборы брались не с самого волостного центра, а с города, расположенного в пределах Пацнской волости. Таким городом могло быть только поселение, располагавшееся на городище Осовик.
²² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, с. 475—477.

М. В. СЕДОВА

«ИМИТАЦИОННЫЕ» УКРАШЕНИЯ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

В своей работе «Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбаков впервые обратил внимание на одну категорию находок — каменные литейные формочки, названные им «имитационными»¹. В эту группу он объединил формочки для изготовления дешевых подражаний изделиям княжеско-боярского убора, хорошо известным по кладам предмонгольского периода. Это формы для отливок колтов, трехбусиных височных колец, створчатых браслетов-наручей и др.

Время появления этих форм Б. А. Рыбаков отнес к концу XII — началу XIII в., справедливо связав их с переломом в истории ремесла, с переходом ювелиров от работы на индивидуальный заказ к работе на рынок. В то же время Б. А. Рыбаков отметил загадочное и парадоксальное явление: при большом количестве орудий производства ювелиров (т. е. литейных форм) почти полностью отсутствовала литая продукция, полученная при их помощи.

Г. Ф. Корзухина, посвятившая этим предметам специальное исследование², собрала находки 73 литейных форм из различных пунктов Древней Руси. Основная масса их (59) происходила из Киева, отчего они и

получили свое название — формы «киевского» типа. Кроме Киева, она указала на находки «имитационных» форм в Галиче, Вышгороде, Княжей Горе, Райках, Гродно, Чернигове, Увече, Митяеве Московской обл. и Новгороде. При этом изделий, отлитых в «имитационных» формах, Г. Ф. Корзухиной известно было со всей территории Древней Руси не более десятка.

Ответ на такое загадочное несовпадение количества форм и отливок из них Г. Ф. Корзухина находила в хрупкости материала, из которого изготавливались изделия, — свинца. Вторая причина, по ее мнению, связана с вопросом о времени появления имитационных форм. Таким временем она считала узкую дату — начало XIII в. (до 1240 г.), когда в результате татаро-монгольского завоевания прекратили существование многие виды ремесел. Раскопки послевоенных лет во многих древнерусских городах значительно пополнили количество изделий, отлитых в имитационных формах. Были найдены подобные изделия в Серенске, Белоозере, Бресте, Минске, Полоцке, Пинске, Гродно и др.³ Однако наибольшее число изделий, отлитых в имитационных формах в подражание дорогим предметам со сканью, чернью и эмалью, обнаружено в результате многолетних раскопок в Новгороде.

Технологию литья полых изделий в имитационных формах «навыплеск» подробно исследовала Н. В. Рындина⁴. Из новгородских находок ею изучены колты, трехбусинные и многобусинные височные кольца и металлические бусы. На основании стратиграфии этих предметов начальная дата литья «навыплеск» отнесена ею к 70—80-м годам XII в.

В настоящее время, за 25 лет работы Новгородской экспедиции, накопился значительный материал, позволяющий вновь обратиться к изделиям, отлитым в имитационных формах. Набор их очень стабилен и полностью повторяет набор украшений, находимых вкладах XII—XIII вв.⁵ Это колты, трехбусинные височные кольца, створчатые браслеты-наручи, медальоны от нагрудных украшений-барм и бусы, перемещающие их. Находка древнейшего колта, отлитого в имитационной форме, относится к 70—80-м годам XII в. (17—23—124)⁶. Он изготовлен из оловянисто-свинцового сплава, имеет круглую форму, диаметр 3,4 см. Колт — полый внутри, обе стороны его украшены узором в виде ромбов, окруженных линиями ложной зерни, по краю — ряд крупных шариков, имитирующих жемчужную обнизь (рис. 1, б).

Колт этот не имеет прямых аналогий среди драгоценных изделий, известных в древнерусскихкладах. Поразительное сходство с ним представляет лишь каменная двусторонняя литейная форма, происходящая из Галича⁷. На одной стороне ее помещено изображение, аналогичное описываемому новгородскому колту, на оборотной — ложе для отливок колтов с фигурами двух птиц около крина, также близкое по композиции подобному новгородскому колту (см. ниже). Находка эта заставляет предположить прямые контакты между ремесленниками Новгорода и Галича. Три звездчатых шестилучевых колта найдены в слоях конца XII — начала XIV в. Один из них (16/17—21—1250) отлит из бронзы и покрыт серебряным сплавом (рис. 1, з). Каждый луч его разделен на восемь граней нитью ложной скани. Фрагмент второго колта с подобной орнаментацией изготовлен из оловянисто-свинцового сплава и обнаружен в слое первой половины XIII в. (14—18—1520). Колты отлиты в подражание серебряным изделиям, спаянным из тончайших пластинок

Рис. 1. Колты (1—6, 8); браслеты (7, 9)

и украшенным настоящей сканью. Такие колты известны из клада на Княжей Горе, время зарытия которого Г. Ф. Корзухина датирует 70-ми годами XII в.— до 1240 г.⁸, и из Болгар⁹. Аналогичный имитационный оловянный колт был обнаружен в Гродно в слоях конца XII в.¹⁰

Третий звездчатый колт, также шестилучевой, несколько отличается от двух предыдущих своей формой. Он отлит из оловянисто-свинцового сплава в подражание колтам, спаянным из полых цилиндров с шариками на концах и украшенным сплошным узором тысяч зерен металла (рис. 1, 1). Таким, например, сделан золотой колт, найденный в Киеве в 1876 г. на усадьбе Лескова вблизи Десятинной церкви¹¹. Форма для отливки очень близких по размеру и орнаментации колтов обнаружена в литейной мастерской на Фроловой Горе в Киеве¹². Найден колт в слое начала XIV в. (10—18—769).

Три очень близкие по форме, размерам и орнаментации колта, отлитые из оловянисто-свинцового сплава, найдены в слое начала 80-х годов XIII в. (15—22—143; 14/15—9—1752; 12—18—1118), см. рис. 1, 5. Они имеют округлую форму, по краю проходит зигзагообразная ажурная кайма, на обеих сторонах центрального щитка помещено очень схематическое изображение птицы. Птица повернута вправо, у нее расправленные крылья и пышный в виде завитка хвост. Изображения очень нечетки и ремесленны. Формочка для отливок аналогичных по стилю колтов с ажурной каймой найдена в Киеве, около Десятинной церкви¹³. Еще один колт (рис. 1, 4) с ажурной каймой в виде ряда арочек, подчеркнутых ложной зернью, относится, видимо, к рубежу XII—XIII вв. Он отлит из биллона, в центре щитка помещена фигура птицы, окруженная рядом треугольников. Колт этот своими очертаниями напоминает серебряные черненые колты с ажурной каймой из киевского клада у Михайловского монастыря¹⁴. Изображение птицы аналогично фигуре, помещенной на золотом с чернью колте из Киева¹⁵.

Еще один колт многолучевой, полукруглый, с плохо различимым изображением в центре, отлитый из оловянисто-свинцового сплава (рис. 1, 2), найден вне стратиграфии и точно датирован быть не может. Формой своей подражает золотым многолучевым колтам с эмалью из Киева, Княжей Горы и Чернигова¹⁶.

Имитацией золотых колтов является и отлитый из бронзы округлый колт, на лицевой стороне которого красной выемчатой эмалью изображено древо жизни (рис. 3, 5). Найден колт в слое начала XIII в. (15—20—1292). Изображение древа напоминает подобный сюжет на золотом колте из Чернигова¹⁷. Сам же колт аналогичен бронзовому с эмалью колту из Княжей Горы¹⁸.

К первой половине XIII в. (яр. 14) относится колт округлой формы с двусторонним изображением двух птиц, головами обращенных к древу жизни (рис. 1, 8). По краю его расположен ряд шариков, имитирующих жемчужную обнизь. Этот колт изготовлен в подражание золотым колтам с жемчужной обнизью, в частности, колту с черневым изображением двух птиц из Киева¹⁹. Близкой аналогией является также имитационный плоский медный колт из Поросья²⁰ и литейная форма из Галича²¹.

Таким образом, в Новгороде найдено 11 имитационных колтов (семь экземпляров изготовлены из оловянисто-свинцового сплава, два — из бронзы и два из биллона). Появились они, судя по новгородской хропо-

логии, в 70-х годах XII в. и просуществовали до начала XIV в. За исключением самого древнего, своеобразно орнаментированного колта с ромбическим узором (рис. 1, б), все остальные повторяют формой и изображениями предметы кладов, в основном киевских.

Все трехбусиновые височные кольца, отлитые из оловянисто-свинцового сплава в имитационных формах «навышпеск», найдены в слое XIII в. (15—23—742; 14—21—150; 12/13—20—1416). Орнаментация бусин их подражает сканно-зерновым серебряным украшениям²². Браслеты-наручи найдены в количестве 19 экз. Они состоят из двух пластичатых створок, соединенных между собой шарнирами. Все они литые, десять экземпляров отлиты из оловянисто-свинцового сплава, семь — из биллопа и два — из бронзы. Древнейший браслет-наруч обнаружен так же, как и колт, в слое 70-х годов XII в. (17—19—1080). Лицевая сторона его покрыта рельефным узором, изображающим двух птиц с повернутыми друг к другу головами, сидящих около древа жизни (рис. 2, 7). Древо стилизовано в виде четырехременной плетенки, заканчивающейся растительными завитками. Такая сложная растительная орнаментация очень напоминает «ковровую» резьбу владими́ро-суздальской архитектуры²³. Серебряный с чернью браслет с аналогичной композицией известен и из клада во Владимире²⁴.

Такая же композиция из двух птиц с повернутыми к крину головами изображена и на другом новгородском браслете (16—16—1933). Изготовлен он из сплава олова со свинцом, рисунок более схематичен и прост, чем на предыдущем браслете (рис. 2, б). Наиболее близкая аналогия этому браслету имеется в изображении двух птиц на серебряном черпечном браслете из Киева²⁵.

Наибольший интерес представляют две створки одного браслета конца XII в. (рис. 2, 9). На них помещены в профиль фигуры фантастических существ с человеческими головами в коронах, обращенные друг к другу. Туловища их изображены в виде сложной плетенки, заканчивающейся узлом. Изображения эти по стилю близки новгородским книжным орнаментам XII—XIII вв., например, заставке со звериным узором и плетеным рукописного нотного Кондакаря XII в.²⁶ Однако наибольшее сходство с новгородскими браслетами как по сюжету и манере изображения, так и по размерам представляют две каменные литейные формы из Киева²⁷. На одной из них вырезаны фигуры двух сиринов около древа жизни, изображенного в виде сложного плетеного узла, на другой помещена та же композиция, но вместо сиринов вырезаны собаковидные драконы. Киевские формочки происходят из мастерской «МАКОСИМА», погибшего под развалинами Десятинной церкви в 1240 г.

Стилистическая близость описываемых новгородских браслетов и киевских форм заставляет предположить тесные контакты между ремесленниками Новгорода и Киева. Недавние находки имитационных литейных форм в Серенске, на одной из которых есть подпись, видимо, того же киевского ювелира «МАКОСИМА»²⁸, также свидетельствуют о таких контактах, о быстром распространении по всей территории Древней Руси художественных веяний и технических навыков, возникших в Киеве.

Редкий, не имеющий прямых аналогий сюжет изображен на створке браслета, найденного случайно на Рюриковом городище близ Новгорода. На нем помещены фигуры двух противостоящих зверей, скорей всего лани и какого-то хищника (рис. 2, 8).

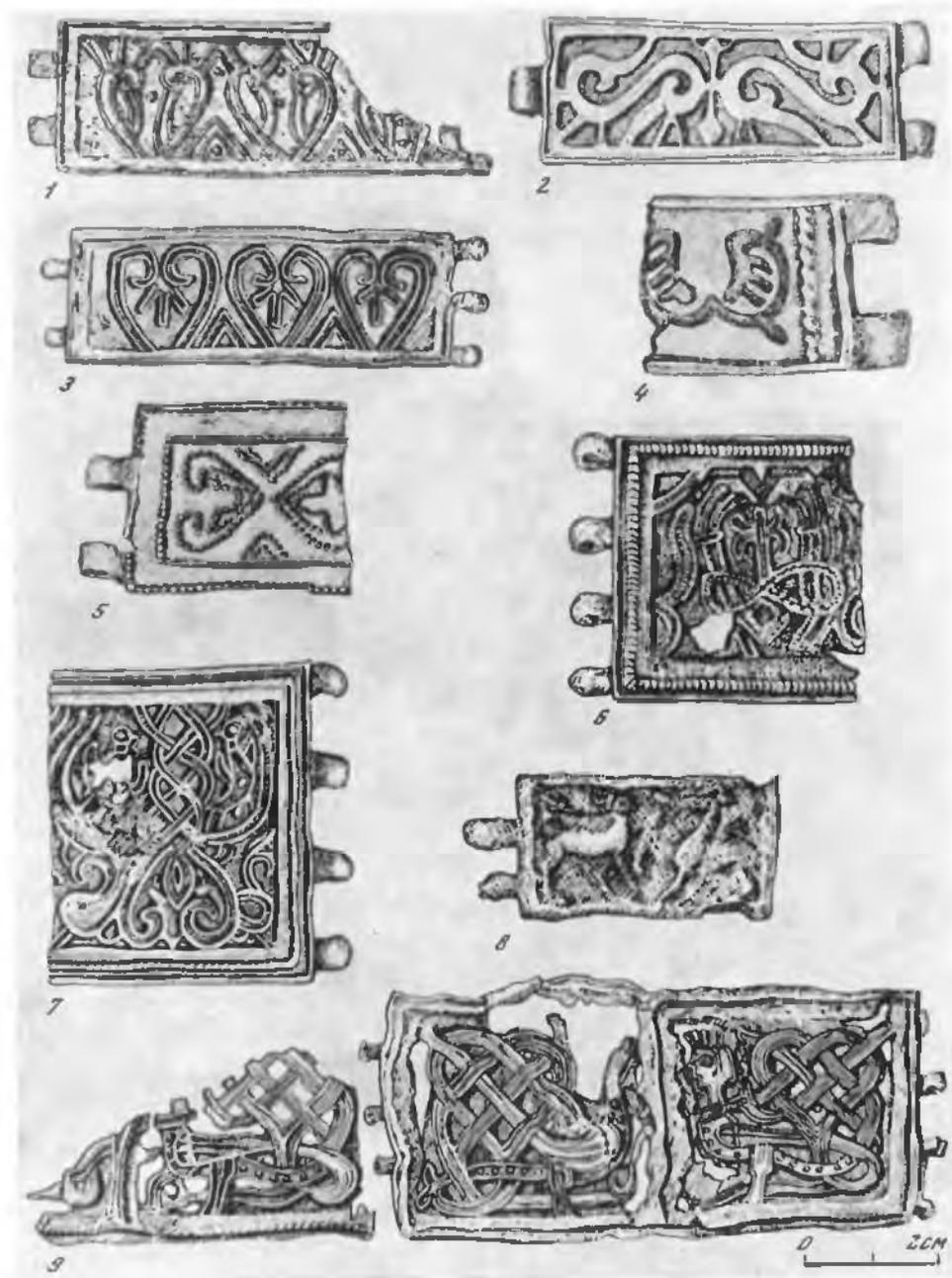

Рис. 2. Створчатые браслеты-наручи (1—9)

Рис. 3. Медальоны барм (1—3); бусина (4); колт (5); браслеты-наручи (6—10)

Значительную группу среди повгородских наручей составляют браслеты с растительной орнаментацией. Так, в слое конца XII в. найден обломок браслета с изображением двух растительных побегов (16—17—961), см. рис. 2, 4. В том же слое обнаружены створки двух разных браслетов с очень схожим узором в виде сердцевидных завитков с заполнением из пальметок (16—20—294; 16—13—654), см. рис. 2, 1, 3. В слое второй половины XIII в. найден фрагмент браслета (12/13—12—1922), орнамент которого состоит из двух сердцевидных завитков, обращенных друг к другу, и двух треугольников, разделяющих их (рис. 2, 5). К этому же времени относится браслет с орнаментом в виде двух S-видных завитков, заканчивающихся растительными побеггами (Н—73, 10—44). Узор браслета подражает изображениям на нижней части створки серебряного черного браслета из коллекции ГИМ²⁹ (рис. 2, 2). Аналогичный узор помещен на имитационном оловянном браслете из Гродно³⁰. Такой же S-видный узор, но ажурный расположен на створках еще одного браслета-паруча (Н—48), см. рис. 1, 9. Этот ажурный браслет создан в подражание таким, например, как золотой паруч из клада Старой Рязани 1822 г.³¹ Еще два ажурных браслета-паруча орнаментированы: один — рядами арочек, обращенных друг к другу (Н—73, 27—38), см. рис. 3, 6, а другой — шпеленкой (Н—72, 25—25), см. рис. 3, 9.

Геометрический орнамент помещен на пяти браслетах. Среди них наибольший интерес представляет целый биллоновый браслет, найденный в слое рубежа XII—XIII вв. (15/16—20—1272), см. рис. 1, 7. Створки его покрыты узором, имитирующим зернь. Узор состоит из четырех рядов треугольников, обращенных вершинами друг к другу, промежутки между этими рядами занят ромбовидной насечкой. Браслет своеобразен по рисунку. Непосредственных аналогий в изделиях из кладов, выполненных настоящей зернью, не имеет, видимо, создан фантазией повгородского ювелира.

Началом XIII в. датируются три биллоновые браслета (15—19—249; 15—22—11356; Ил—62, 12—13). Створка первого из них (рис. 3, 7) орнаментирована четырьмя полукружиями, расположенными вокруг полушария в центре. Узор выполнен ложной зернью и несколько напоминает рисунок свинцового имитационного браслета из Киева³². Створка второго (рис. 3, 10) также подражает скапой «веревочке» и пирамидкам зерни. Третий браслет (рис. 3, 8) по бортику орнаментирован крестом, а в середине — ромбовидной насечкой. Два фрагмента оловянисто-свинцовых браслетов-паручей обнаружены в слоях начала XIV в. (8—7—516; Тр—74, 6—112). Один из них вообще не орнаментирован, другой покрыт неизобразительным узором, подражающим зерни. Видимо, к XIV в. традиция пышно орнаментированных браслетов-паручей уже начала изживать себя.

Медальоны от барм встречены в Новгороде всего три раза, все они отлиты в жестких литых формах. Наиболее древним является биллоновый медальон из слоя середины XII в. (П—72, 25—56). На лицевой стороне помещено изображение шестиконечного процветшего креста на треугольном основании (рис. 3, 2). По краю медальона проходит двойной бортик, имитирующий сканую нить, и поперечные черточки, составляющие крестообразную композицию. Близкие по сюжету изображения встречаются довольно часто на серебряных чернеших бармах различных кладов,

время зарытия которых относится к 70-м годам XII в. и до 1240 г. Так, например, изображения процветшего креста помещены на бармах из клада у с. Сельцы Новгородской губ. 1892 г., из Спасо-Болгарского клада 1888 г., Старо-Рязанского клада 1868 г.³³ и клада Чернигова³⁴.

Два серебряных медальона обнаружены в слое XIV в. (40 яр. — 660; 6—5—578). Первый из них (рис. 3, 1) датируется самым началом XIV в. (1299—1313 гг.). В центре медальона помещена фигура птицы с хищными когтистыми лапами. Птица повернута влево, у нее распрямленные крылья и пышный хвост. Вся фигура выполнена выпуклыми точками в подражание зерни. По краю медальона проходят две пяти ложной скани, между ними помещены восемь выпуклых полушариков, окруженных зернью. Другой медальон (рис. 3, 2) крупнее по размеру, на лицевой стороне его помещена также фигура птицы, повернутой влево. Изображение выполнено ложной зернью. На голове у птицы — хохолок или корона, крылья распрямлены, сзади нее помещено очень схематичное древо жизни. Оба медальона очень живописны. Барм с изображениями птиц, выполненных в технике скани и зерни, в кладах домонгольской Руси не известно. Однако изображения птиц у священного дерева являются довольно распространенным сюжетом в памятниках монументального и прикладного искусства домонгольской поры. Подражают ранним изделиям и такие детали декорировки новгородских барм, как полушария в обгизи зерни, идущие по краю первого медальона и имитирующие драгоценные камни, а также крестообразное членение бордюра на втором медальоне. В целом создается впечатление, что традиции домонгольского прикладного искусства продолжали существовать в Новгороде в XIV в., творчески переосмысливаясь мастерами-ремесленниками.

Рассмотренный выше материал показывает, что в Новгороде в 70-х годах XII в. появляется новый комплекс украшений, составляющий единый стилетический убор. В этот убор входят трехбусинные височные кольца, разнообразные виды колтов, орнаментированные браслеты-наручи, бармы. Своими формами и декорировкой они напоминают дорогостоящие эмалевые, чернелые, сканно-зерненные украшения княжеско-боярской знати, однако выполнены они более простой техникой литья, в частности литья «навыплек». Почти полное отсутствие кладов XII—XIII вв. в Новгороде и его округе не позволяло до сих пор судить с достаточным основанием о бытовании в новгородской среде предметов высокого ювелирного искусства, столь хорошо известных по кладам южнорусских земель. Находки «имитационных» изделий восполняют этот пробел, позволяют считать, что прикладное искусство Новгорода шло теми же путями, что и в других городах Руси, и особенно в Киеве. Наибольшее число параллелей новгородских «имитационных» украшений находим в кладах Киева.

Изобретенные киевскими ювелирами «имитационные» формы очень скоро получают широкое распространение во многих древнерусских городах, в том числе и в Новгороде. Однако здесь наблюдается обратная Киеву картина: за все годы раскопок обнаружено всего четыре «имитационные» формы³⁵ (в слоях второй половины XIII в., середины XIV в.) и свыше 30 отливок. Большинство изделий, отлитых в «имитационных» формах, изготовлено из сплава олова и свинца. Видимо, хрупкостью этого материала, плохо переносящего температурные колебания и почти не сохраняющегося на тех памятниках, где нет органики, и мож-

Но объяснить малое количество известных «имитационных» изделий в других древнерусских городах.

Если первые «имитационные» изделия бытовали и были даже утрачены в 70-х годах XII в., то оригиналы, по образцу которых они были созданы, должны были появиться и получить распространение несколько раньше, т. е. в середине XII в. Видимо, к 50-м годам этого века и следует относить сложение единого эмалевого, а затем и черневого убора знати.

В ремесленных изделиях новгородских мастеров нет точных копий предметов из кладов. Новгородские мастера творчески перерабатывали копируемые образцы, компоновали различные орнаментальные приемы, создавая своеобразные украшения.

Как известно, Новгород не подвергся татаро-монгольскому разрушению, поэтому ремесленные традиции не прерывались здесь на протяжении всего XIII и даже начала XIV в. Именно этим своеобразием и объясняется существование «имитационных» изделий в течение столетия после прекращения производства их в южнорусских землях.

Стратиграфическое распределение изделий на Неревском раскопе

Предмет	Век	XII в.			XIII в.					XIV в.				
	ярус	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5
Колты		xx	—	xx	xxx	—	x	—	x	—	—	—	—	—
Браслеты-наручи		x	xxxx	xxx	—	—	x	—	—	—	x	—	—	—
Бармы		—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	x	—
Литейные формы		—	—	—	—	—	x	x	—	—	x	—	—	—

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 270—278.

² Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, 1950, вып. XIV, с. 217—234.

³ Никольская Т. Н. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1963, с. 129—131, рис. 2—3; Голубева Л. А. Белозерская экспедиция 1957 г.— КСИИМК, 1960, вып. 79, с. 39; Штыхов Г. В. Оживают седые столетия. Минск, 1974; Он же. Древний Полоцк. Минск, 1975, рис. 34, 2, 4—6; Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974, рис. 30, 12; Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41, рис. 32.

⁴ Рындина Н. В. О древнерусском литье «навывшеск».— СА, 1962, № 2, с. 91—98.

⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады... М.—Л., 1954.

⁶ Цифры обозначают по порядку ярус, пласт и квадрат находки.

⁷ Настерняк Л. Старий Галич.— В кн.: Археологічно-історичні досліді у 1850—1943 р. Краків—Львів, 1944, рис. 60, 3.

⁸ Корзухина Г. Ф. Русские клады..., табл. XLIX, I.

⁹ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897, рис. 134.

¹⁰ Воронин Н. Н. Древнее Гродно, с. 69, рис. 32.

¹¹ Толстой И. И. Русские клады..., т. 1. СПб., 1896, табл. XV, 6, 17.

¹² Гушин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, рис. 2.

¹³ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры..., рис. 3, I.

¹⁴ Корзухина Г. Ф. Русские клады..., табл. XI, I; табл. XLIV, 3—4.

- ¹⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады..., табл. XXXV, 4.
¹⁶ Макарова Т. Н. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975, табл. 5.
¹⁷ Макарова Т. Н. Перегородчатые эмали..., табл. 4, 3.
¹⁸ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры..., с. 226, рис. 3, 2.
¹⁹ Корзухина Г. Ф. Русские клады..., табл. XXXV, 3.
²⁰ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры..., с. 223, рис. 1, 3.
²¹ Пастернак И. Старый Галич..., рис. 60, 3.
²² Рындина Н. В. О древнерусском литье «павыллеск», рис. 4.
²³ Вагнер Г. К. Декоративное искусство в архитектуре Руси X—XIII вв. М., 1964, табл. 26.
²⁴ Гуцин А. С. Памятники..., табл. XX, 4.
²⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, рис. 59.
²⁶ Гуцин А. С. Памятники..., рис. 10.
²⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М., 1958, табл. 1.
²⁸ См. статью А. А. Медынцевой в этом же сборнике.
²⁹ Гуцин А. С. Памятники..., с. 21.
³⁰ Воронин Н. Н. Древнее Гродно, с. 69, рис. 32.
³¹ Кондаков Н. И. Русские клады. СПб., 1896, табл. XVI, 3.
³² Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры..., с. 223, рис. 1, 7.
³³ Гуцин А. С. Памятники..., табл. XXXIV, 11, 14; табл. XXXIII, 6, табл. XXVII, 10, 13, 15.
³⁴ Корзухина Г. Ф. Русские клады..., табл. VII, 7.
³⁵ Рындина Н. В. Технология производства повгородских ювелиров X—XV вв.— МИА, 1963, № 117, с. 267—268.

А. Т. СМИЛЕНКО

К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ПЕНЬКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Первые исследователи памятников пеньковского типа Южного Поднепровья и близких им памятников Южного Буга связывали их со славянскими племенами (Д. Т. Березовец, В. Н. Даниленко, А. В. Бодянский, П. И. Хавлюк) ¹. К славянам относили пеньковские памятники П. Н. Третьяков, В. В. Седов, Э. А. Симонович ². Другие авторы выражали сомнение в славянском происхождении пеньковских памятников, в частности ранних (И. И. Ляпушкин). Наиболее категорически выступил против славянского происхождения пеньковской культуры М. И. Артамонов, связывая ее с кочевыми племенами болгаров-кутригуров ³. Взаимоотношениям и тесным контактам пеньковских племен с их восточными соседями посвящена статья С. А. Плетневой ⁴.

Территориальное расположение памятников пеньковского типа на юго-восточном славянском пограничье уже само по себе предполагает наличие в них элементов и славянской, и кочевнической культур. Ниже предлагается сводка целых лепных сосудов (исключая миниатюрные) пеньковских памятников Южного Поднепровья и их типологический анализ, который дает материал для изучения истоков культуры пеньковских памятников и славяно-кочевнических контактов. Родственные пеньковским материалы Пастырского городища, поселений Южного Буга

и Левобережья Среднего Днепра привлекаются нами при перечислении аналогий рассматриваемым сосудам.

В количественном отношении на большинстве поселений пеньковско-го типа, кроме Пастырского городища, бывшим ремесленным центром, лепные сосуды значительно преобладают над гончарными. Учитывая и фрагментарный материал, на ранних пеньковских памятниках лепные сосуды составляли около 98%, на поздних — около 77%. Сосуды, изготовленные от руки, большей частью грубые, толстостенные, с крупными примесями шмота и дресвы в глине, с бугристой поверхностью бурого цвета, иногда прилощенной. В основу предложенной классификации положена форма сосуда. Наиболее многочисленной группой являются горшки, которые представляют несколько типов.

Пражский тип представлен одним сосудом, происходящим из могильника у с. Большая Андрусовка (рис. 1, 1)⁵. На Южном Буге сосуды, близкие к пражскому типу, встречаются чаще⁶, что является одной из черт, отличающих побужские памятники от днепровских.

Биконический тип очень характерен для пеньковских памятников. В Южном Поднепровье известно 15 целых сосудов этого типа (с. Пенюковка — урочища Луг I, Луг II, Стецовка, Большая Андрусовка, Волосское; рис. 1, 2)⁷. Один сосуд известен в материалах Пастырского городища⁸. Сосуды этого типа имеют прямой или отогнутый венчик. Биконическую форму представляют как кухонные горшки, так и горшки-корчаги больших размеров, обычно украшенные палевным валиком под венчиком. Горшки биконической формы менее характерны для других территорий, однако они распространены довольно широко. В соседних областях они известны на Киевщине, Южном Буге, Прикарпатье, Волыни, на Левобережье Днепра⁹. П. Н. Третьяков полагает, что биконические сосуды имеют северное происхождение, так как эта форма распространена в позднезарубинецких памятниках Верхнего Поднепровья. Вместе с тем эта же форма сосудов известна и среди лепной керамики черняховских памятников¹⁰, что позволяет предполагать ее местное происхождение.

Близок по форме к биконическим цилиндроконический сосуд, найденный в могильнике у с. Большая Андрусовка (рис. 1, 3)¹¹. Сосуды такой формы, распространенные в Верхнем Поднепровье¹², вероятно, имеют северное происхождение.

Слабо профилированный сосуд, близкий к тюльпановидным, происходит из поселения в урочище Луг II (рис. 1, 4)¹³. Эта форма встречается также в области Южного Буга, Волыни, Левобережья Днепра¹⁴. Широкое распространение сосудов этой формы в Верхнем Поднепровье позволяет предполагать ее северное происхождение.

К конусовидному типу мы причисляем сосуды с широким горлом и узким дном (рис. 1, 5). Обычно они имеют высокие, более или менее округлые плечики и отогнутый венчик. Иногда край венчика украшен пальцевыми вмятинами, а туловище волнистыми линиями. Всего известно семь сосудов (урочища Луг I, Макаров Остров, Большая Андрусовка, Пастырское)¹⁵. Конусовидная форма является характерной чертой восточнославянской керамики. Конусовидные сосуды известны на Киевщине, Южном Буге, Поднепровье, Прикарпатье, Волыни, Левобережье Днепра в романской культуре¹⁶.

160 Вариантом этого типа является конусовидный сосуд небольшой высоты (урочище Луг, рис. 1, 6)¹⁷, аналогии которому есть в материалах

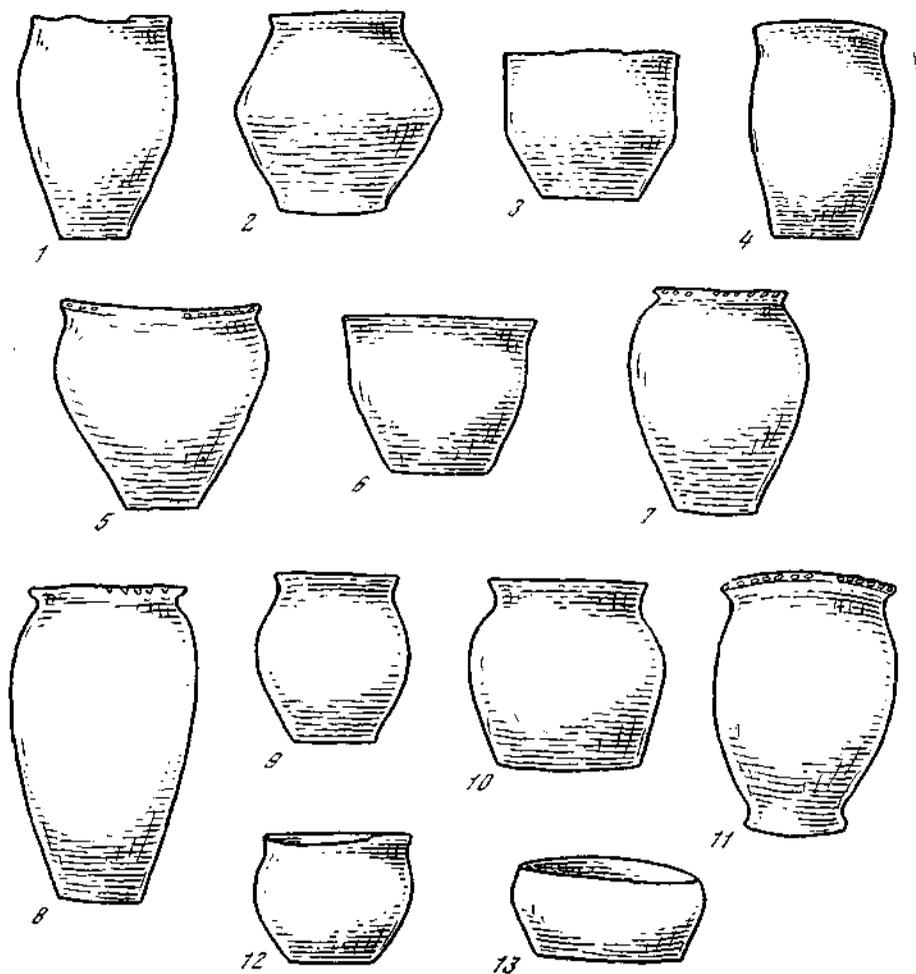

Рис. 1. Типы лепных сосудов пеньковских памятников Южного Поднiproвья

1 — правлений (Большая Андрусовка);	6 — низкий конусовидный (урочище Луг I). Варианты округлобочкового типа;	10 — приземистый широкодонный (Пастырское);
2 — бичопический (Волосское);	7 — яйцевидный (урочище Луг I);	11 — с высоким, сильно отогнутым венчиком и профилированным дном (Старая Пгреня). Мискообразные сосуды;
3 — цилиндроконический (Большая Андрусовка);	8 — удлиненный (урочище Макаров Остров);	12 — Стецовка;
4 — тюльпановидный (урочище Луг II);	9 — приземистый (Стецовка);	13 — урочище Макаров Остров

Подесенья¹⁸. Возможно, форма последнего сосуда северного происхождения.

Характерен для пеньковских памятников округлобокий тип горшка, имеющий пять вариантов:

1. Яйцевидные горшки, наиболее расширенные в верхней части, с отогнутым венчиком, иногда украшенные бороздками или волнистыми линиями, а по краю венчика — пальцевыми вмятинами (рис. 1, 7). Происходят из поселений в урочищах Луг I, Луг II, Макаров Остров, могильника у с. Большая Андрусовка (всего шесть экземпляров)¹⁹. Этот вариант округлобоких горшков имеет прототипы в лепной черняховской керамике²⁰. Известны аналогии яйцевидным горшкам в славянских древностях VI—IX вв. Южного Буга, Волыни, Левобережья Днепра, Прикарпатья²¹.

2. Приземистые сосуды, наиболее расширенные в средней части, с вертикальным или наклонным наружу венчиком (рис. 1, 9). Происходят из поселений в урочищах Макаров Остров и у с. Стецовка (четыре экземпляра)²², с Пастырского городища²³. Один из них, значительных размеров, очевидно, использовался как сосуд-хранилище. Приземистые горшки, как и яйцевидные, имеют прототипы в лепной черняховской керамике²⁴ и аналогии в славянских памятниках на Южном Буге, Волыни, Киевщине²⁵.

3. Приземистые широкодонные горшки с вертикальным или наклонным наружу венчиком. На поселениях в урочище Луг II и в с. Стецовка найдено по одному сосуду²⁶, на Пастырском городище — два сосуда (рис. 1, 10)²⁷. Форма сосудов характерна для так называемых славяно-аварских могильников Среднего Подунавья²⁸.

4. Удлиненные сосуды с отогнутым венчиком, украшенным пальцевыми вмятинами (рис. 1, 8), известны в материалах поселения в урочище Макаров Остров и могильника в с. Большая Андрусовка (по одному сосуду)²⁹. Они имеют форму, характерную для пеньковских памятников и близких им памятников Южного Буга. В частности, удлиненный округлобокий горшок, украшенный пальцевыми вмятинами по краю венчика, а также бороздками, ямками и крестом по плечикам сосуда, найден на поселении Коржовка³⁰. Удлиненные горшки данного варианта несколько напоминают сосуды корчакского типа³¹. Вместе с тем сосуд из Коржовки близок по форме венчика и придонной части к горшкам описанного ниже варианта.

5. Горшки с сильно отогнутым венчиком и профилированным дном (рис. 1, 11). Известны два горшка данного варианта, украшенные пальцевыми вмятинами по краю венчика в материалах поселения в с. Старая Игрянь в Надпорожье³². Эта форма сосудов близка форме сарматских горшков³³, впоследствии она продолжает существовать в салтовской керамике³⁴.

Кроме кухонных горшков и горшков-хранилищ, пеньковской лепной керамике были свойственны и другие формы, представленные в значительно меньшем количестве. В материалах поселений в с. Стецовка, урочище Макаров Остров и могильника у с. Большая Андрусовка известно по одному мискообразному сосуду³⁵. Сосуд из Стецовки округлобокий, с отогнутым венчиком (рис. 1, 12), имеет аналогии в славянских памятниках Волыни и Левобережья Днепра³⁶. Мискообразные сосуды из урочищ Макаров Остров (рис. 1, 13) и Большой Андрусовки биконической формы продолжают, как уже упоминалось, древнюю местную традицию.

Во фрагментарном керамическом материале встречаются части сковородок (до 2%), дисков-крышек (до 0,89%), единичные обломки блюд-жаровен, находящих аналогии в славянских древностях.

Подведем итоги анализу керамических форм пеньковских памятников Южного Поднепровья. Из общего количества 52 описанных целых сосудов почти половина (23) имеет формы, характерные для соседних славянских областей: горшки конусовидные, округлобокие — яйцевидные и приземистые, горшок пражского типа, округлобокая миска. Сосуды биконической формы (17 сосудов) также встречаются в славянских памятниках за пределами Южного Поднепровья. Были распространены в этой области и удивленные округлобокие горшки.

Три сосуда — цилиндроконический, тюльпановидный, низкий конусовидный, можно думать, отражают северные связи племен Южного Поднепровья. Шесть других сосудов — приземистые широкодонные горшки и округлобокие с высоким, сильно отогнутым венчиком — указывают на их восточные контакты. Следует также отметить, что формы большинства сосудов (33) имеют древние местные традиции: биконические горшки и миски и некоторые типы округлобокых горшков — в черняховской керамике, округлобокие горшки с высокими, сильно отогнутыми венчиками — в сарматской.

Анализ керамических форм пеньковских памятников может быть учтен в освещении таких вопросов, как происхождение культуры Южного Поднепровья VI—VIII вв. и выяснения ее северных и восточных связей.

- ¹ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, 1963, № 108, с. 145—146; *Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра.— КСИА АН УССР (Киев), 1955, вып. 4, с. 29; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семешки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— МИА, 1963, № 108, с. 349—350.
- ² *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, с. 254—284; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163, с. 60—73; *Сымонович Э. А.* О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья.— СА, 1966, № 3, с. 44—51.
- ³ *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья.— Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1970, вып. 15, с. 23—29.
- ⁴ *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.— В кн.: Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арцаховского. М., 1972.
- ⁵ *Березовец Д. Т.* Могиляники уличей у долині р. Тясмину.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. Київ, 1969, с. 69, рис. 3, 2.
- ⁶ *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семешки и Самчинцы..., с. 324, 328, рис. 5, 1; 9, 1.
- ⁷ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей..., с. 160—199, рис. 8, 9, 16, 24, 26; *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э.— МИА, 1963, № 108, с. 222, рис. 5, 3; *Березовец Д. Т.* Могиляники уличей..., с. 69, рис. 3, 7, 8.
- ⁸ Археологія УРСР, т. III. Київ, с. 105, рис. 23, 1.
- ⁹ *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Є. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Подніпров'ї.— Археологія, (Київ), 1975, № 15, с. 95, рис. 3, 7, 8; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семешки и Самчинцы..., с. 329, 340, рис. 8, 5, 8; *Вакуленко Л. В.* Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 64, рис. 5, 3; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 64, рис. 5, 3.
- ¹⁰ *Сымонович Э. А.* О связях лесных..., с. 47, рис. 3, 66, 67, 77 и др.

- ¹¹ *Березовець Д. Т.* Могильники уличів..., с. 69, рис. 3, 5.
- ¹² *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I на Гомельщине.— МИА, 1963, № 108, с. 126, рис. 17, 23.
- ¹³ *Березовець Д. Т.* Поселения уличей..., с. 178, рис. 16, 4.
- ¹⁴ *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы..., с. 334, рис. 9, 6; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— В кн.: Археология СССР.— САИ, 1973, вып. Е1-25, с. 11, табл. 20, 10, 11; *Архитектурная Л. В.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне.— МИА, 1963, № 108, с. 92, рис. 3, 8.
- ¹⁵ *Березовець Д. Т.* Поселения уличей..., с. 161—180, рис. 9, 4; 16, 3, 5; *Линка Н. В., Шовкопляс А. М.* Раннеславянское поселение на р. Тясминне.— МИА, 1963, № 108, с. 240—241, рис. 2, 3; 4, 12; *Петровська Є. О., Телегін Д. Я.* Ранньослов'янський могильник на р. Тясміні.— В кн.: Археологія, т. XVIII. Київ, 1965, с. 178, рис. 1, 1; фонды ИА АН УССР.
- ¹⁶ *Мезенцева Г. Г.* Капівське поселення полян. Київ, 1965, с. 73, рис. 36, 37; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы..., с. 346, рис. 9, 2; *Винокур И. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смолчир.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 233, рис. 3, 4; *Вакуленко Л. В.* Раннеславянское поселение у с. Глубокого..., с. 248, рис. 3, 24; *Русанова И. П.* Славянские древности..., с. 11, табл. 19, 20, 21, 23; *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 40—41, рис. 15—17; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74, с. 38, рис. 18, 2, 20—23.
- ¹⁷ *Березовець Д. Т.* Поселения уличей..., с. 161, рис. 9, 6.
- ¹⁸ *Трегьяков П. Н.* Древности..., с. 64, рис. 5, 4; 10, 5.
- ¹⁹ *Березовець Д. Т.* Поселения уличей..., с. 161, 180; рис. 9, 1; 16, 2; *Линка Н. В., Шовкопляс А. М.* Раннеславянское поселение..., с. 241, рис. 4, 1; *Березовець Д. Т.* Могильники уличів..., с. 62, рис. 3, 1.
- ²⁰ *Сымонович Э. А.* О связях лесных..., с. 47, рис. 3, 69, 79, 80, 82; *Кравченко Н. М.* Косановский могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 105, табл. VI, 10, 17.
- ²¹ *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 202, рис. 12, 3, 6; *Баран В. Д.* Ранні слов'яни..., с. 37, рис. 13, 5; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое, с. 32, рис. 18, 1; 20, 1.
- ²² *Линка Н. В., Шовкопляс А. М.* Раннеславянское поселение..., с. 239, рис. 2, 10; *Петров В. П.* Стецовка..., с. 222, рис. 5, 2; 7, 11; 8, 2.
- ²³ Фонды ИА АН УССР, № 744, 785, 2357, 2866/1955 г.
- ²⁴ *Сымонович Э. А.* О связях лесных..., с. 47, рис. 3, 68, 70, 82, 85.
- ²⁵ *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 190, рис. 5, 4; *Баран В. Д.* Ранні слов'яни..., с. 37, рис. 13, 2; *Мезенцева Г. Г.* Капівське поселення полян, с. 38, рис. 38, 2.
- ²⁶ *Березовець Д. Т.* Поселения уличей..., с. 182, рис. 16, 6; *Петров В. П.* Стецовка..., с. 216, рис. 6, 1.
- ²⁷ *Брайчевський М. Ю.* Нові розкопки на Пастирському городищі.— АП (Київ), 1955, т. V, с. 74, рис. 5, 3; фонды ИА АН УССР, № 1056.
- ²⁸ *Eisner J.* Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952, s. 147, tabl. 63, 3; *Kraskovska L.* Slovansko-avarské pohrebisko pri Záhorskej Bystrici. Bratislava, 1972, s. 39—40, tabl. 41, 4, 5, 7.
- ²⁹ *Линка Н. В., Шовкопляс А. М.* Раннеславянское поселение..., с. 241, рис. 4, 2; *Петровська Є. О., Телегін Д. Я.* Ранньослов'янський могильник..., с. 178, рис. 1, 4.
- ³⁰ *Хавлюк П. И.* Славянские поселения VIII—начала IX в. на Южном Буге.— В кн.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962, вып. 4, с. 118, рис. 7, 2.
- ³¹ *Русанова И. П.* Славянские древности..., с. 11, табл. 24, 7.
- ³² Археологія УРСР, т. III. Київ, 1975, с. 109, рис. 25, 3, 5.
- ³³ *Махно С. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яниці.— АП (Київ), 1962, т. IX, с. 36, рис. 22, 9.
- ³⁴ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142, с. 104, рис. 25, 1—3.
- ³⁵ *Петров В. П.* Стецовка..., с. 222, рис. 5, 1; *Линка Н. В., Шовкопляс А. М.* Раннеславянское поселение..., с. 239, рис. 4, 10; *Березовець Д. Т.* Могильники уличів..., с. 69, рис. 3, 6.
- ³⁶ *Русанова И. П.* Славянские древности..., с. 11, табл. 20, 1, 4; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое, с. 39, рис. 24, 2, 3, 5.

Г. П. СМЕРНОВА

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛОЯ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА НОВГОРОДА

Новгород впервые упоминается в летописи под 862 г. в связи с легендой о призвании варягов¹. Однако до последнего времени летописные данные о времени возникновения города не подтверждались археологическими исследованиями. Неревский раскоп был заложен в одном из самых древних районов города. Этим раскопом вскрыта огромная территория (10 тыс. м²) с остатками многочисленных построек и деревянных мостовых трех улиц — Великой, Холопьев и Козьмодемьянской. Самые ранние строительные ярусы этих улиц по дендрохронологии были датированы только серединой X в. (953 г.). Этой датировке, казалось бы, не противоречил и тот огромный вещевой материал, который был найден на раскопе. Таким образом, разрыв между сведениями письменных источников и археологическими данными составлял почти столетие.

Между тем среди керамического материала нижнего слоя Неревского раскопа (26—28 строительные ярусы и нижележащие напластования) встречаются ранние формы гончарной посуды, а также обломки лепных сосудов, которые на многих славянских памятниках относятся к более раннему времени, чем середина X в. Ранняя гончарная посуда составляет около 20% всей керамики этого слоя, лепной значительно меньше. Здесь было найдено 194 обломка весчиков от разных лепных сосудов и пять целых горшков². Количество ранней гончарной и лепной керамики сравнительно невелико, но она имеет большое значение для выяснения вопроса о времени заселения этого района Новгорода.

К ранним формам лепной посуды относятся слабо профилированные сосуды с наибольшим диаметром в середине сосуда. Они имеют прямую горловину и заостренный, слегка отогнутый край венчика (тип I)³. На одном из фрагментов сосуда этой формы имеется орнамент из двух небрежно прочерченных горизонтальных линий, а также двойных и тройных косых коротких линий, образующих узор в виде углов⁴ (рис. 1, 7). Аналогичная по форме керамика имеется среди материала из горизонтов Е₂, Е₁ Старой Ладogi⁵.

Наиболее многочисленная группа лепной посуды представлена на Неревском раскопе ребристыми сосудами двух типов (II, III).

Тип II составляют довольно высокие горшки с конусовидным туловом, переходящим в высокую выгнутую верхнюю часть через резко подчеркнутое ребро (рис. 1, 2, 3).

Другая форма ребристой посуды (тип III) отличается от II типа своими пропорциями. Это более широкие и низкие горшки, у которых верхняя часть тулова менее высокая, чем у II типа (рис. 1, 4). Орнамент у ребристой посуды встречается крайне редко. Как правило, он состоит

Рис. 1. Типы лепной посуды

1 — тип I; 2, 3 — тип II; 4 — тип III

из круглых ямок, пахсенных плоской палочкой, пальцевых отпечатков или волнистой линии.

Теперь рассмотрим, где же встречаются аналогичные формы лепной ребристой посуды и каким временем они датируются. Близкая по форме II и III типам керамика имеется на Средней Мсте в сопках⁶ и на селище Золотое Колено⁷; на поселении у р. Прость, в окрестностях Новгород⁸, и на селище Новые Дубовики, которое находится в нижнем течении р. Волхов⁹. Подобные формы посуды встречаются также среди керамического материала Пскова¹⁰ и горизонтов E₂, E₁ Старой Ладоги¹¹, а также и в близлежащем к ней могильнике Плакуи¹².

В. В. Седов определяет хронологические границы сопкок VII—IX вв.¹³ Горизонты E₂ и E₁ городища Старой Ладоги Г. Ф. Корзухина датировала VIII—IX вв.¹⁴ Исследователь поселения на р. Прость С. Н. Орлов определяет начало его заселения VIII—IX вв. по керамике, аналогичной старолadoжской лепной посуде¹⁵. Е. П. Носов, детально анализируя всецовой материал из селища Новые Дубовики и привлекая широкие аналогии,

датирует его слой IX в., хотя здесь найдены вещи и более раннего времени, в том числе арабский дирхем середины VIII в.¹⁶

Кроме памятников северо-западных областей СССР, аналогичная керамика довольно широко представлена в Северной Польше (пизкий горизонт Волина¹⁷, Колобжег¹⁸ и др.), а также в междуречье Эльбы и Одера¹⁹. В небольшом количестве имеется она и среди керамики группы Менкендорф в Мекленбурге²⁰. На всех перечисленных памятниках аналогичная керамика встречается в слоях, которые датируются второй половиной VIII и IX в.

Поряду с ребристой посудой на Перевском раскопе были найдены обломки слабо профилированных горшков, которые по типологии новгородской лепной керамики отнесены к VI типу. Последний встречается также в новгородских сопках²¹, в курганах на Мсте²², на Рюриковом городище²³, а также среди лепной керамики древнего слоя Изборска²⁴ (рис. 1, 4).

Как уже было сказано, помимо лепной, на Перевском раскопе была обнаружена ранняя гончарная керамика, которая составляет около 20% всей керамики 26—28 строительных ярусов, а также слоя, лежащего ниже. Она представлена горшками двух типов (IV и IX). Сосуды IV типа — это высокие горшки, у которых тулово имеет конусовидную форму. Наибольший диаметр его расположен в верхней трети высоты сосуда, шейка четко выражена, плечико округлое, венчик отогнут. Высота горшка больше диаметра венчика посуды. Орнамент состоит из многорядной волны, перемежающейся с поясками горизонтальных линий (рис. 2, 1)²⁵. Другая форма (тип IX) — это более низкие сосуды со слабо профилированным туловом, которое имеет скорее яйцевидную форму. Наибольший диаметр расположен выше середины сосуда, шейка слабо выражена, венчик короткий, прямой или слегка отогнут. Очень характерен для этой формы сосудов орнамент, состоящий из многорядной волны, покрывающей всю поверхность горшка, или волнистой линии, перемежающейся с линейным узором. Во втором случае он расположен в верхней части сосуда (рис. 2, 2, 3, 4, 5).

Высокие горшки, аналогичные IV типу новгородской керамики, широко распространены на всей огромной территории, занятой в средневековье славянами. Однако наиболее характерны они для южных памятников. Такая керамика представлена в поздних комплексах некоторых ранне-славянских поселений Правобережья Днепра: Тетеревке (жилища 6, 7, 8), Шумске, Хотомеле (верхний горизонт)²⁶, в Плеснеске²⁷ и в поздних слоях Луки Райковецкой²⁸. Известна она на поселениях и в могильниках южной Польши²⁹, Моравии³⁰, а также в междуречье Эльбы и Одера³¹.

Подобная форма гончарной посуды появляется не везде одновременно. Так, если на юге Польше и в Моравии наиболее ранние ее находки относятся к VII в., то в северных районах Эльбо-Одерского бассейна, а также на территории Украины она появляется, по-видимому, не ранее IX в.

Слабо профилированные сосуды с узором из многорядной волны — наиболее характерны для северных славянских памятников. Обнаружены они в пизнем горизонте Волина³², который датируется концом VIII — второй половиной IX в.³³ Аналогичная керамика обнаружена также в Колобжеге, Кенджиге и на других памятниках, расположенных в районе

Рис. 2. Образцы раннегончарной посуды
1 — тип IV; 2—5 — тип IX по новгородской типологии

Щецина. В. Лосинский — исследователь этих поселений — по их стратиграфии и вещевому материалу устанавливает хронологические границы тех слоев, где была обнаружена такая керамика, рубежом VIII—IX — второй половиной IX в.³⁴ Дальше на запад, по побережью Балтийского моря, близкие аналогии имеются среди гончарной посуды группы Фельдбергер в Мекленбурге. Там она представлена в укрепленных поселениях Суков, Нойбранденбург и Ротемиле³⁵, в слоях конца VIII — второй половины IX в.

Таким образом, все рассмотренные в данной статье формы лепной и ранней гончарной посуды, найденные на Неревском раскопе, на многих славянских памятниках датируются более ранним временем, чем в Новгород, а именно VIII—IX вв., тогда как новгородская керамика совершенно аналогичных форм могла по стратиграфии Неревского раскопа датироваться только серединой X в.

Чем же можно объяснить такое расхождение в датировке рассмотренных нами памятников в нижнем слое Неревского раскопа? По-видимому, здесь оказалась большое влияние та точность датировки слоя, которая была получена по методу дендрохронологии. На основании этого метода весь древнейший слой раскопа многими исследователями стал связываться хронологически с 28-м строительным ярусом мостовой Великой улицы, датированным 953 г. Но еще при раскопках было замечено, что на некоторых участках лаги древнейшей мостовой лежали на довольно значительном по толщине слое. Для того чтобы выявить этот слой, были сопоставлены уровни залегания лаг самых древних мостовых и материка. При этом оказалось, что почти на всей площади Неревского раскопа имеются напластования, отложившиеся до сооружения самых ранних мостовых Великой и Козьмодемьянской улиц, которые по дендрохронологии датируются 953 г. Однако мощность таких напластований не везде одинакова. Так, непосредственно под 28 мостовой Великой улицы в южном ее конце (раскоп XXV) толщина этого слоя 27 см, на перекрестке с Козьмодемьянской улицей (раскоп XVI) — около 40 см, севернее его, на VII раскопе, — 30 см, а в северо-восточном углу Неревского раскопа (раскоп X) — около 50 см. На Козьмодемьянской улице толщина этого слоя колеблется в пределах от 14 до 37 см. Особенно заметно мощность доярусного слоя увеличивается к востоку от Великой улицы. В восточных квадратах XVII и XVIII раскопов толщина его достигает 63—98 см, а на раскопах XIX и XX — 73—86 см.

Совершенно очевидно, что этот древнейший слой Неревского раскопа мог отложиться лишь за многие годы и десятилетия до сооружения самой ранней деревянной мостовой, которая на некоторых участках перережала уже существовавшие здесь усадьбы³⁶.

При распределении наиболее древних форм гончарной и лепной посуды на плане раскопа оказалось, что наибольшее ее количество сосредоточено именно там, где имеются наиболее мощные доярусные напластования.

Выводы, сделанные на основе изучения керамики и стратиграфии нижнего слоя, в какой-то мере подтверждаются вещевым материалом. Обычными находками этого слоя были односторонние костяные гребни³⁷, стеклянные бусы-лимонки, пронизки, рубленный желтый бисер³⁸, ромбовидные накопечники стрел³⁹, скандинавские привески и другие предметы. К сожалению, большая часть вещей, обнаруженная в доярусном слое,

имеет широкие хронологические рамки — от VIII до XI в. Все это не противоречит датировке нижнего слоя Неревского раскопа более ранним временем, чем середина X в. Наличие на этом раскопе древнейшего доярусного слоя, характер его папастования, керамические аналогии с широкой территории, запятой восточными и западными славянами, дают возможность датировать возникновение здесь древнейшего городского поселения не позднее начала X, а всего вероятнее, — конца IX в.

Первоначальное поселение находилось ближе к Волхову. Оно не имело регулярной застройки и состояло из отдельных больших усадеб, между которыми, как справедливо отмечал П. И. Засурцев, оставались еще не застроенные участки: огороды, сады и пустыри⁴⁰.

Вот по этим-то древним усадбам, существовавшим к середине X в. не одно десятилетие, была проложена самая древняя деревянная мостовая Великой улицы, сооружение которой относится к 953 г.

¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 18.

² При статистическом подсчете учитывались только венчики от разных сосудов, стенок и днищ лепных горшков; найдено более 350 обломков.

³ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, № 146. Номера типов соответствуют общей типологии новгородской керамики.

⁴ Аналогичный по форме и орнаменту обломок сосуда имеется среди материала из Старой Лядоги. Гос. Эрмитаж, ОПК, секция северо-запада, раскопки Н. И. Репникова в 1910 г.

⁵ Станкевич Я. В. Керамика древнего культурного слоя Старой Лядоги.— СА, 1954, XV, с. 221, рис. 1.

⁶ Седов В. В. Новгородские сопки.— САИ, 1970, вып. Е1-8, табл. XIII, 1, 2.

⁷ Раскопки Е. Н. Носова в 1975 г.

⁸ Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода.— СА, 1972, № 2, рис. 3.

⁹ Носов Е. Н. Отчет о работе старолядожского отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г.— Архив Института археологии АН СССР, Р1/4862а, рис. 26; 31, 4.

¹⁰ Коллекция Гос. Эрмитажа. ОПК, секция северо-запада. Пск. 46, р 1, кв. 8, пл. 547.

¹¹ Станкевич Я. В. Керамика древнего культурного..., рис. 6, 4—6.

¹² Гос. Эрмитаж, ОПК, секция северо-запада. Нов., 52, № 121.

¹³ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 27.

¹⁴ Корзунина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Лядоге.— СА, 1961, № 3, с. 76—84.

¹⁵ Орлов С. Н. Славянское поселение...

¹⁶ Носов Е. Н. Отчет о работе старолядожского отряда... в 1972 г.

¹⁷ Wilde K. A. Die Bedeutung der Grabung Wollin 1934.— In: Methodische grabungen für die Erforschung der Wikinger und Slawen Siedlung — Wollin — Stettin, 1939.

¹⁸ Losiński W. Początki Wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsety (VII—XI ww.). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, tabl. 27, a, b, e, f; tabl. 29, f, g; s. 84, 86.

¹⁹ Knorr H. Die slawische Keramik zwischen Elba und Oder. Berlin, 1937, Tabl. 12, a, b; 13, b, d, f; 16, b, d.

²⁰ Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956, Abb. 8 — e, 10 — k.

²¹ Седов В. В. Новгородские сопки, табл. XIII, 4, 5, 6.

²² Раскопки курганов у д. Любытино на Мсти.

²³ Орлов С. Н. Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом.— КСИА, 1973, вып. 135, рис. 23, 3, 4.

²⁴ Седов В. В. Отчет о раскопках в Изборске в 1971 г.— Архив Института археологии АН СССР, р-1, 4487, рис. 13.

²⁵ Тип IV по типологии новгородской гончарной керамики.

²⁶ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, 1973, вып. Е1-25, с. 19—20, табл. VII; с. 81, табл. 29, 1—5, 9, II.

²⁷ Кучера М. П. Древний Плісеськ.— АП УРСР. Київ, 1962, рис. 19, I.

- ²⁸ Гончаров В. К. Лука Райковецкая.— МИА, 1963, № 108, с. 295, 300—301.
- ²⁹ Dabrowska E. Wielkie grody dorzecza Górnej Wisły. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, tabl. 2.
- ³⁰ Klanica Z. Predvčlkomoravské pohřebiste v Dolních Dunajovicích. Praha, 1972; Hrubý V. Staré Město. Velkomoravský Velehrad. Praha, 1965.
- ³¹ Knorr H. Die slavische Keramik zwischen Elba und Oder. Berlin, 1937.
- ³² Wilde K. A. Die Bedeutung..., Taf. III; Biatecka F. Ceramika ze stanowiska wykopaliskowego 4. w Wolinie.— In: Materia y Zachodnio-Pomorskie, t. VII. Szczecin, 1961, taf. III, 9; taf. VII, 4; Losiński W. Początki..., t. 7, a — 1, tabl. 18, j, k, e.
- ³³ Biatecka F. Ceramika..., s. 293—294.
- ³⁴ Losiński W. Początki..., s. 89.
- ³⁵ Schuidt E. Die slawische..., Taf. IV, I, 2, 4—6.
- ³⁶ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 123, с. 86.
- ³⁷ Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребней Старой Ладogi. Л., 1968.
- ³⁸ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi.— АС Гос. Эрмитажа, 10. Л., 1968.
- ³⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел.— САИ, 1966, вып. Е1-36, табл. 12, 15, 27, 32, 35.
- ⁴⁰ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 86.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

СЕМИЛУЧЕВЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА

При выделении восточнославянских племен по археологическим признакам А. А. Спидын определил характерные для каждого племени украшения, в том числе и височные кольца¹. Семилучевые височные кольца были распространены на территории радимичей — в Посожье и Верхнем Поднепровье. Изготавливались они из серебра, чаще из биллона или бронзы и носились на ремешке у висков по несколько экземпляров с обеих сторон.

Б. А. Рыбаков отметил неоднородность семилучевых колец и разделил их на три основных вида: «классические» височные кольца радимичей — с гладким щитком; височные кольца с дужкой по щитку и височные кольца так называемого «деснинского» вида².

Классификация семилучевых височных колец нашла свое отражение в работах Н. Г. Недошивиной и В. П. Левашевой³.

Раскопками последних лет открыты новые места находок как ранних семилучевых височных колец, так и поздних (XI—XII вв.) на территории радимичей и за ее пределами.

В настоящее время все известные семилучевые височные кольца можно разделить на следующие виды:

1. Височные кольца с гладким щитком — «классические» (рис. 2, 1).
2. Височные кольца с дужкой на щитке и преимущественно с пятью зубчиками по верхнему краю щитка (рис. 2, 2).
3. Височные кольца с лучами в виде трилистника и с орнаментированным щитком — «деснинский» вид (рис. 2, 7).

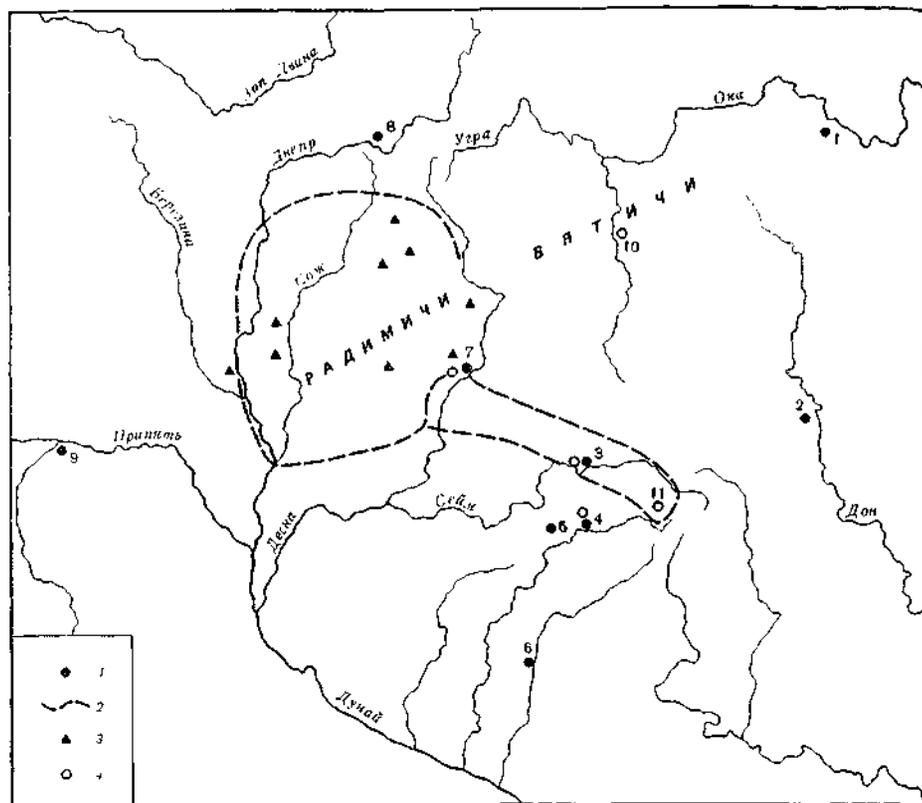

Рис. 1. Карта распространения семилучевых височных колец VIII—XII вв.

1 — височные кольца VIII—X вв.;	наментированным щитком (типа Супруты, Гочево).	5 — Новотроицкое;
2 — граница радимичей по Б. А. Рыбакову;	1 — Зарайск;	6 — Полтава;
3 — височные кольца «Деснинского типа»;	2 — Титчича;	7 — Трубчевск;
4 — височные кольца с ор-	3 — Воробьевка;	8 — Гнездово;
	4 — Горпаль;	9 — Хотомель;
		10 — Супруты;
		11 — Гочево

4. Височные кольца с острыми лучами, гладким щитком и острыми зубчиками (рис. 2, 4).

5. Височные кольца с орнаментированным щитком и лучами и с зубчиками, заканчивающимися каплей (рис. 2, 5).

Отдельно следует упомянуть височное кольцо из раскопок П. М. Еременко (Влазовичи, 25) с щитком орнаментированным щитком и лучами (рис. 2, 3).

Височные кольца первого вида, наиболее распространенные у радимичей, встречены, примерно, в 50 курганных группах: Антоновка, Батуровка, Белогощь, Бердыж, Ботвиновка, Веточка IV, V, Влазовичи, Гадилевичи, Гетманская Буда, Голубовка, Гомель, Горки, Демьянки, Жгунь, Займище, Каменка, Карховка, Козаричи, Курганье, Людново, Лукавица, Мптьковка, Новая Новицкая, Новый Кривск, Обидовичи, Однополье, Пиль-

ня, Поповка, Попова (Красная) Гора, Проскурни, Радуга, Смяличи, Студеная Гута, Терюх, Туровичи, Холевичи, Христовая, Чечерск, Шапчицы, Юдичи. За пределами территории радимичей они были найдены в Нежилевичах⁴, Борковском могильнике⁵ и в Латвии⁶. Число в погребениях их различно — от одного до восьми. Ранние кольца были найдены вместе с серебряными Владимиром (Обидовичи, Митьковка) и арабскими монетами-привесками пачала и середины X в., но в погребениях, совершенных по обряду труположения (Антоновка, Демьянки, Жгунь, Козаричи, Однополье), поздние — с керамикой XII в. (Демьянки). Таким образом, время их бытования ограничено XI (возможно, конец X в.)—XII вв.

Второй вид — с дужкой на щитке найден в значительно меньшем количестве, примерно в десяти курганных группах (Антоновка, Новый Кривск, Обидовичи, Однополье, Попова Гора, Проскурни, Сукромля, Туровичи, Шапчицы, Юдичи).

Обычно они встречаются в единичных экземплярах в сочетании с височными кольцами первого вида. Количество последних значительно больше (3—5). Исключением является курган 1 у д. Проскурни, в котором было два простых кольца и четыре с дужкой. За пределами территории радимичей они были обнаружены в Сумской обл.⁷ и в Жовтине (Шолтавской обл.)⁸. Время их бытования то же, что и первого вида, — XI—XII вв. Ранние из них также найдены с монетами X в.

Третий вид — «деснинский» известен по находкам в курганных группах: Дербуж, Каменка, Кузьмичи, Новый Кривск, Попова Гора, Сукромля, Шапчицы, на Десне (Трубчевск-Вщж). За пределами территории радимичей — в Саркеле, Пеклино Брянской обл., Борковском могильнике Рязанской обл., в с. Сельцо Смоленской обл.⁹ Височные кольца этого вида, так же как и второго, обычно встречаются в погребениях в единичном экземпляре и в сочетании с классическими радимичскими височными кольцами. Исключением является курган 2 у д. Дербуж, где найдено четыре таких кольца. Техника их изготовления значительно тоньше и лучше, материалом служило обычно только серебро. Датируются они также XI—XII вв., но в ранних погребениях с монетами X в. и вещами начала XI в. их нет.

Некоторые исследователи высказали предположение, что семилучевые кольца третьего вида являются переходными от семилучевых к семилопастным. Такому выводу отчасти способствовало мнение о том, что большинство из них было найдено на Десне, на границе радимичей и вятичей, отчего и сам вид получил свое название «деснинский». Новые раскопки позволили установить, что ареал их значительно шире, они разбросаны почти по всей радимичской земле (рис. 1, 3). Однако близость их вятичским кольцам несомненна. По-видимому, речь может идти скорее не о происхождении одного вида от другого, а об их общем прототипе. В пользу этого предположения говорит и их дата — XI—XII вв., т. е. они одновременно и радимичским и вятичским.

Височное кольцо с острыми лучами пока что найдено в единственном экземпляре в кургане у д. Шапчицы¹⁰.

Височные кольца с орнаментированным щитком и лучами распространены за пределами радимичской территории: Кветунь Брянской обл., Гочево Курской обл., с. Кубаево Владимирской обл., с. Супруты Тульской обл., Пекунувский могильник Ярославской обл.¹¹ Датируются они тем же

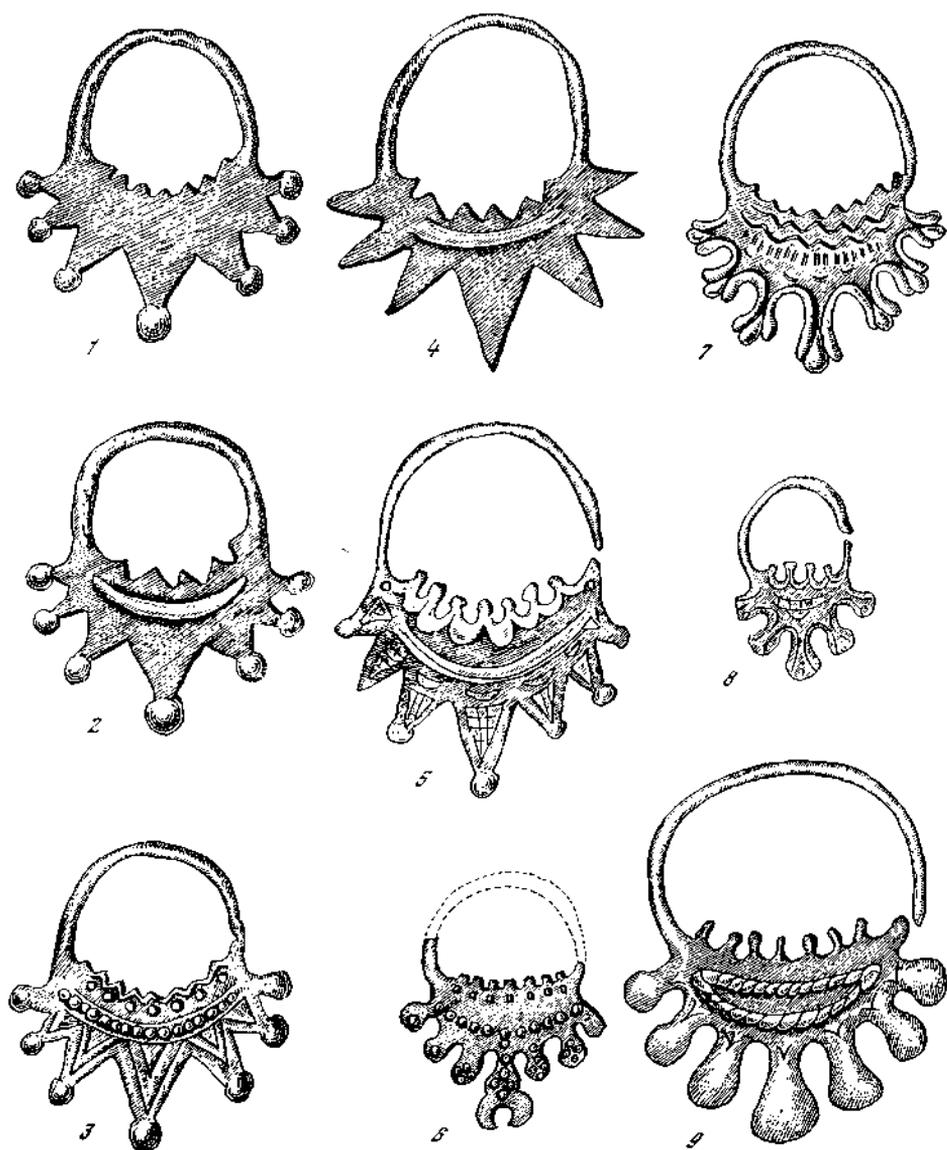

Рис. 2. Семилучевые височные кольца XI—XII вв. (1—9)

временем, что и радимичские, — XI—XII вв. Некоторые исследователи относят их также к радимичским, но на территории радимичей подобные височные кольца пока не были встречены ни разу.

Отдельно следует упомянуть височное кольцо очень архаичной формы со следами ложной зерни на щитке и с центральным лучом, оканчивающимся небольшой лунничкой, найденной в Смоленской обл. и датированной также XI—XII вв.¹² (рис. 2, 6).

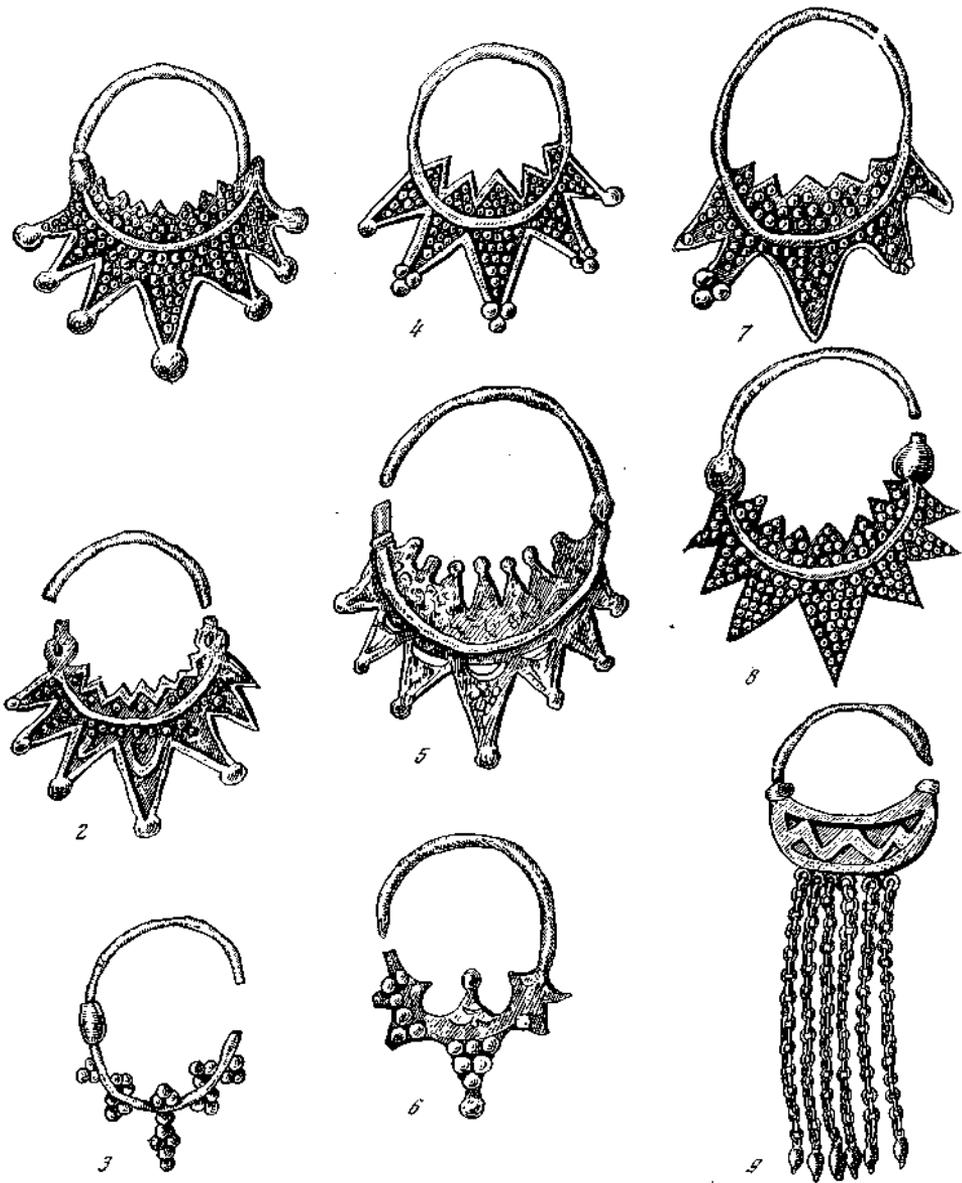

Рис. 3. Семилучевые височные кольца VIII—X вв. (1—9)

Распространение всех данных видов семилучевых височных колец падает на XI—XII вв. В XI—начале XII в. появляются и семилопастные кольца у вятичей (рис. 2, 8, 9).

Вопрос о происхождении семилучевых височных колец, их необычайная близость к семилопастным височным кольцам вятичей, как бы подтверждающая легенду о родстве этих двух племен (приход двух братьев Радима и Вятко со своими родами на Сож и на Оку), издавна привлекал 175

внимание исследователей. Один из них, Н. П. Кондаков, связывал семилучевые височные кольца с колтами¹³. Однако эта точка зрения нашла обоснованное возражение со стороны А. В. Арциховского¹⁴. В. И. Сизов высказал предположение об их арабском происхождении, основываясь главным образом на близости орнамента некоторых височных колец вятичей с вещами арабского мира¹⁵. Работы А. В. Арциховского и позднее Т. В. Равдиной позволили установить, что семилопастные височные кольца с арабским орнаментом на лопастях и на щитке для самих вятичей не характерны и найдены в единичных экземплярах только в курганах XII—XIII вв. Ранние семилопастные височные кольца арабского орнамента не имеют¹⁶.

Для решения вопроса о происхождении и семилучевых и семилопастных височных колец Б. А. Рыбаков обратился к их ранним прототипам. Он указал на необычайную близость этих колец с кольцами Зарайского и Полтавского кладов¹⁷.

В настоящее время известны новые места находок семи- и пятилучевых височных колец на ранних славянских памятниках: городище Хотомель Брестской обл., Новотроицкое Сумской обл., Горналь и Воробьевка Курской обл., Гнездово Смоленской обл., Титчиха Воронежской обл. и Трубачевск Брянской обл.¹⁸

Датируются эти височные кольца IX—X вв. Примерно этим же временем (IX в.) датировал Б. А. Рыбаков лучевые височные кольца из Зарайского и Полтавского кладов¹⁹.

Ранние височные кольца, как и более поздние, можно разделить на несколько видов. Общим для всех видов будет материал — серебро, наличие ложной зерни на щитке, лучах и зубчиках и резко выраженная дужка, идущая по всему щитку. Следует также отметить, что наряду с семилучевыми височными кольцами здесь были найдены и пятилучевые.

1. Семилучевые височные кольца с семью зубчиками по краю щитка и лучами, оканчивающимися «каплей». На концах щитка у основания дужки имеются утолщения цилиндрической или круглой формы (Зарайский, Полтавский клад, Хотомель — рис. 3, 1, 2).

2. Семилучевые височные кольца с острыми лучами, ярко выраженной дужкой, отделенной от щитка утолщением круглой формы. Щиток как бы отсутствует. Создается впечатление, что к двум сторонам дужки прикреплены лучи (Гнездово, Новотроицкое городище, Титчиха; рис. 3, 8).

3. Семилучевые височные кольца, аналогичные первому виду, но с зубчиками, имеющими на концах каплевидные утолщения. На щитке орнамент в виде выпуклых полуокружностей, которые как бы отделяют щиток от лучей. Дужка почти незаметно переходит в щиток (Горналь, Кветунь; рис. 3, 5).

4. Пятилучевое височное кольцо с пятью зубчиками по верхнему краю щитка. Лучи оканчиваются тремя шариками в виде пирамидки. Дужка плавно переходит в щиток (Зарайский клад, Титчиха; рис. 3, 4, 7).

5. Пятилучевое височное кольцо с тремя зубчиками. И лучи и зубчики сделаны в виде пирамидок из ложной зерни (Новотроицкое городище; рис. 3, 6).

Сопоставление ранних семилучевых височных колец и поздних позволяет сделать некоторые выводы.

1. Семилучевые височные кольца первого вида из Хотомеля и Зарайского глада ближе всего по форме стоят к классическим радимичским височным кольцам. Исчезла только ложная зернь, требующая более сложной техники, ухудшилось качество материала — вместе с серебром стали применять биллон и бронзу, зато резко возросло количество. Они стали массовым видом украшений радимичей.

2. Семилучевые кольца первого вида и, возможно, пятилучевые послужили также и прототипом для радимичских височных колец с дужкой. По форме лучей они близки первому виду, а по количеству зубчиков (преимущественно пять) — пятилучевым.

3. Пятилучевое височное кольцо с тремя шариками на концах лучей скорее всего послужило прототипом для височных колец «деспинского» типа (на их близость указывал и Б. А. Рыбаков), а также и для семиплостных височных колец вятичей.

4. Семилучевые височные кольца с орнаментированным щитком (типа Горналь) находят прямые аналогии в поздних семилучевых височных кольцах, распространенных в Подесенье (Кветуль), в Посеймье (Гочеве) и на Верхней Оке (Супруты).

5. Височное кольцо с острым лучом (Новотроицкое, Гнездово, Титчиха) в поздних материалах представлено единичными находками (Шапчицы, Бельск).

Височное кольцо из Новотроицкого городища с тремя зубчиками из зерни не находит аналогий в поздних славянских материалах, по представляет особый интерес, так как является как бы связующим звеном с более ранними височными кольцами, найденными на территории Чехословакии и Югославии с керамикой пражского вида VI—IX вв. (рис. 3, 8).

По-видимому, с аваро-славянскими древностями связано и появление лучевых височных колец у восточных славян. Подтверждением этой гипотезы отчасти является и височное кольцо с лунничкой на конце центрального луча. Как известно, Б. А. Рыбаков связывал его происхождение с височным кольцом в виде лунницы и ряда спускающихся по нижнему краю ее пепочек. Такие украшения широко известны на юго-западе славянского мира, особенно в период расцвета Великоморавского государства (рис. 3, 9).

Картографирование ранних видов лучевых височных колец показало, что они наиболее распространены в Левобережье Днепра: Посеймье, Посулье, на Средней Десне, в верховьях Оки и Дона. Здесь они найдены с керамикой роменского и боршевского типов²⁰. С раннеславянской керамикой они обнаружены и в Хотомеле и в Гнездове. Это дает возможность предположить, что лучевые кольца IX—X вв. так же, как и поздние, являлись украшениями славянских племен.

В XI—XII вв. широкое распространение получили семилучевые височные кольца радимичей и семиплостные вятичей, а также височные кольца типа Кветуль (с орнаментированным щитком и лучами). Все они распространены в Левобережье Днепра, на территории трех летописных племен: радимичей, вятичей и северян, о близости которых говорил летописец: «А радимичи, вятичи и север один обычай имяху»²¹.

Правда, у северян в XI в. бытовали и другие височные кольца — s-видные. Они распространены по всей территории, но преимущественно в южной части северянского ареала²². Сопоставление обоих видов показало, что границей между ними является р. Псел. К югу от него (бас-

сейны Сулы, Псла и Ворсклы) преобладают z-видные височные кольца, к северу (среднее течение Десны, верховья Оки и Сейма) — семилучевые с орнаментированным щитком. Возможно, что последние являются украшением также северян (какой-то части этого огромного союза племен), находящихся в тесном контакте с радимичами и вятичами.

- ¹ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, 1899, август.
- ² *Рыбаков Б. А.* Радзімічы.— В кн.: Працы сэкцыі археалогіі, т. III. Мепск, 1932.
- ³ *Недошивина И. Г.* К вопросу о связях радимичей и вятичей.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37; *Левашева В. П.* Височные кольца.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
- ⁴ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- ⁵ *Милонов Н. П., Фролов В. П.* Новые данные о вятичах и радимичах.— Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, т. 36. Рязань, 1966.
- ⁶ *Музуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли, т. XXXII. Рига, 1965, рис. 4. К этому же виду, по-видимому, относится височное кольцо из славянского погребения Крюковско-Кужновского могильника Тамбовской обл. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, т. XXXV, рис. 8.
- ⁷ Раскопки И. С. Абрамова. ГЭ, 836/34—39.
- ⁸ *Петров В. П.* Слов'янська писемність за археологічними пам'ятками.— В кн.: Пятнадцатилетие похождения и розвитку слов'янської писемності. Київ, 1963.
- ⁹ *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62; *Милонов Н. П., Фролов В. П.* Новые данные...; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 109; *Левашева В. П.* Височные кольца.
- ¹⁰ Раскопки автора 1968 г.
- ¹¹ *Надин В. А.* Раскопки цветувских курганов.— АО, 1969, с. 71—73; *Саломасов Д. Я.* Дневник раскопок в окрестностях Гочева. М., 1915; *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК (СПб.), 1905, 15, рис. 126; Раскопки С. А. Изюмовой в Тульской обл. Раскопки К. И. Комарова в Ярославской обл.
- ¹² *Сизов В. И.* О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа.— АИЗ, 1895, № 6.
- ¹³ *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1896, с. 198.
- ¹⁴ *Арицховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
- ¹⁵ *Сизов В. И.* О происхождении..., 1895.
- ¹⁶ *Арицховский А. В.* Царицынские курганы.— МИА, 1947, № 8; *Равдина Т. В.* Типология и хронология лопастных височных колец.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.
- ¹⁷ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 108—109.
- ¹⁸ *Кузаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, 1961, вып. Е1—57; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74; *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965. Раскопки автора, 1970 г.; *Надин В. А.* Раскопки...; *Шаринский С. С.* Разведки в Курской области.— АО, 1968.
- ¹⁹ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 108—110.
- ²⁰ За исключением кладов.
- ²¹ ПСРЛ, т. I. М., 1950.
- ²² Основной район их распространения — Посулье (Рождественское, Белгородка-Николаевка, Мирополь, Сумы, Броварки и Гочево). Кроме того, спиральные височные кольца были встречены и в левобережной части территории полян: Глинск, Лохвицы, Леплява — в могильниках со смешанным характером погребений.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДАТИРОВКОЙ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Как всякое большое историческое явление черняховская культура должна рассматриваться в эволюции ее во времени. Материалы для такого подхода получены главным образом в годы, следовавшие после Великой Отечественной войны. В результате больших работ были добыты более или менее хорошо датированные материалы, зафиксированы так называемые «закрытые комплексы» поселений и могильников. Их удалось сравнить между собою, так же как и наборы важных для хронологии вещей. Плодотворным оказался метод сопоставления материалов двух или нескольких близлежащих, но отличающихся по времени памятников. Такой метод был нами применен при раскопках двух нижнеднепровских поселений возле сел Грушевка и Кут, а затем продолжен во время раскопок среднеднепровских селищ у сел Ломоватое, Лески и Червона Слобода¹. Сравнение показало различия некоторых из этих памятников по особенностям сооружений, по соотношениям групп керамики, по количеству амфорной тары и по другим материалам. Было высказано предположение, объясняющее эти явления эволюцией памятников во времени.

К настоящему времени существенно пополнилось число широко изученных черняховских памятников. На основе находок с разных памятников бассейна Днепра нами была составлена хронологическая таблица (рис. 1), включающая как датирующие находки (слева), так и лепную и гончарную керамику с присущими определенным периодам орнаментами. В основу таблицы легло сравнение комплексов погребальных обрядов, материал поселений и датировка отдельных вещей с черняховских памятников. Здесь приводятся лишь итоги сделанных наблюдений, без детальных мотивировок хронологического членения материалов.

Остановимся на попытке привлечения новых видов датирующих находок, которые доселе в таких целях не использовались. Однако, несмотря на масштабность раскопок памятников культуры полей погребений черняховского типа, определения их точной хронологии обычно затруднено ограниченностью датирующих материалов. К тому же, как показал К. Годловский, для позднеантичной эпохи и начала великих миграций одинаковые вещи нередко по-разному датируются в разных районах Европы². Достаточно вспомнить примеры с позднеантичным стеклом, сохранявшемся в Скандинавских странах до VI—VII вв. н. э. (Э. Страуме). В подобной ситуации создание незыблемой так называемой «системы» хронологии для всех земель Восточной и Центральной Европы представляется нонсенсом. От появления черняховских древностей в доготский период или после прихода на юг восточных германцев зависит вся германофильская концепция об этнической принадлежности черняховской культуры и создании ее северными по происхождению народами³.

По моему мнению, в настоящее время преждевременно настаивать на узких и псевдожных датировках черняховской культуры, предназначенных для обоснования восточногерманской принадлежности черняховских древностей, которую предлагают некоторые исследователи⁴. Пока представляется возможным наметить следующие широкие периоды существования черняховских памятников — II—III, III—IV, IV—V вв. н. э., приводимые на хронологической таблице (рис. 1).

Автором делается попытка обосновать или, по крайней мере, привлечь внимание к датировкам тех черняховских глиняных кубков, которые явно воспроизводят хорошо датированные стеклянные сосуды (рис. 2).

К древнейшей группе черняховских стеклянных сосудов относятся полусферические кубки, украшенные шлифованными округлыми плоскостями, иногда разделенными спаренными параллельными врезанными линиями (могильник у овчарни совхоза Приднепровского, Фрупзовка). Близкие стеклянные сосуды имеются в мастерских Крыма и Танаиса, где они относятся ко второй половине II—III в. н. э.⁵ На черняховских памятниках в разных областях известно множество глиняных полусферических кубков с воспроизведением шлифованной орнаментации округлыми плоскостями. Среди них могут быть названы фрагментированный сосуд из Никольского и целая форма из Компанийцев и Ново-Александровки⁶.

Использование для датировок полусферических глиняных кубков имеет свои трудности. Не всегда представляется возможным выяснить, какого типа был объект подражания. Кроме подражания ранним полусферическим кубкам, возможно воспроизведение в глине более поздних, но одинаковых по форме сосудов. Поздние стеклянные кубки такого рода отличаются украшениями из напаянных «глазок» синего цвета. Пример такого стеклянного сосуда дает могила в Журавке Ольшанской, относящаяся ко времени не ранее конца III—IV в. н. э. В Компанийцах известен глиняный сосуд с шишечками, бесспорно повторяющий орнаментацию подобных стеклянных кубков (рис. 3, I).

Известны обломки глиняных черняховских сосудов, по-видимому, подражающих ранним стеклянным сосудам типа *Rippenschalen* (Лохвица, Лука Врублсвецкая). В Черняхове один из стеклянных кубков украшали вертикальные ребра, подобные же украшения покрывали кубок из Переяслав-Хмельницкого черняховского могильника.

Имеются глиняные сосуды, следующие формам «стаканообразных» или полуовальных в профиле стеклянных кубков (например, в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского, в Кантемировке, случайная находка в Клепачах и др.). Стеклянные сосуды подобной формы из Вилы-Ярузской, Гнатков, Журавки Ольшанской, Компанийцев и из Николаевки покрывались более или менее хорошо выполненными шлифованными округло-овальными плоскостями. Известные им подражания в глине не совсем точно следуют принятой для стекла системе орнаментации.

В Поднепровье нет подражаний в глине наиболее поздней серии черняховских стеклянных сосудов, каковыми являются литые толстостенные почти непрозрачные сосуды, покрытые овальными или ромбическими плоскостями (Деревянное под Обуховым, Журавка Ольшанская, Ранжевое), или удлиненным копическим более топкостенным и прозрачным сосудам, обычно скромно украшенным двумя-тремя параллельными горизонтальными врезанными линиями (Данилова Балка, Будешты, овчарня

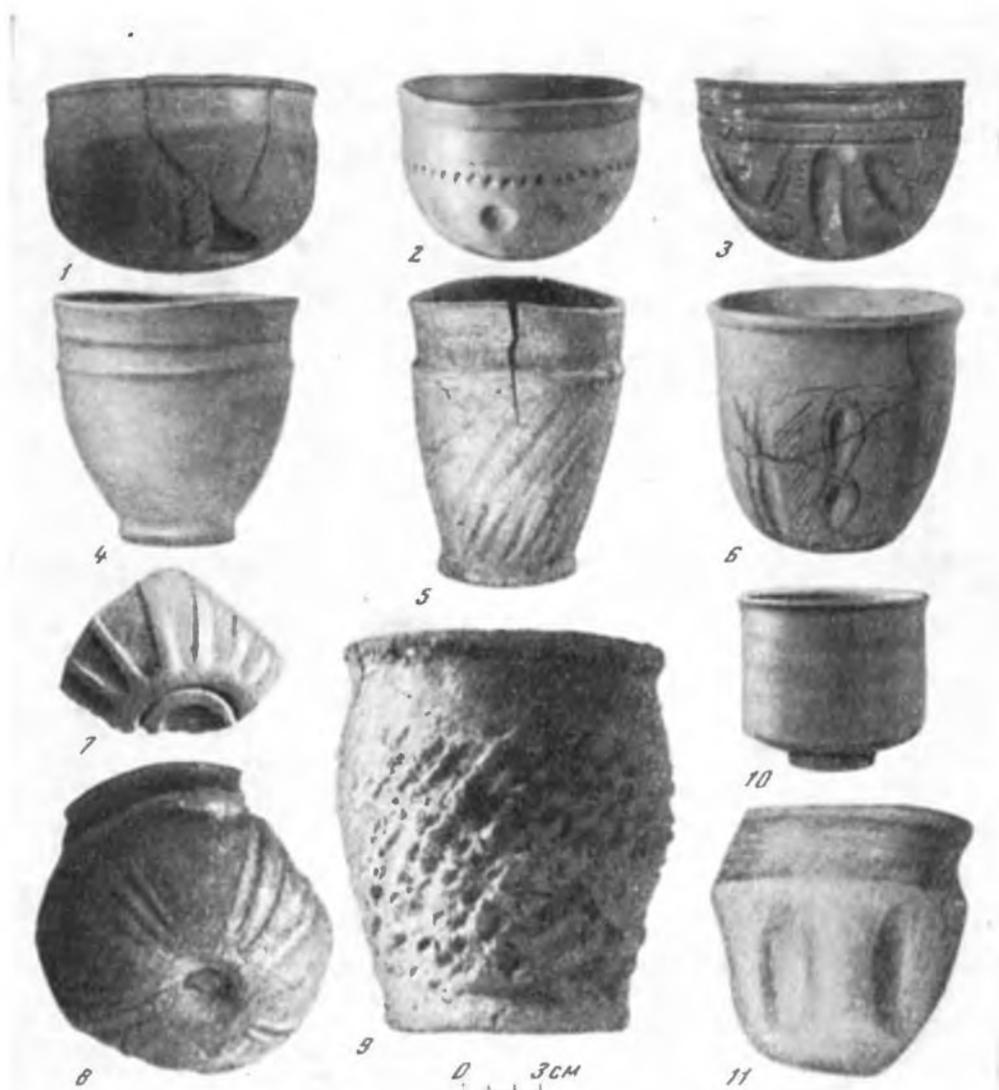

Рис. 2. Подражания в глине некоторым стеклянным кубкам, встречающимся на черняховских памятниках и памятниках типа Дитиничи-Брест-Тришин

1 — Ново-Александровка;	6 — Овчарня совхоза Приднeпровского;	9 — случайная находка воле с. Раковца Чесновского;
2 — Компанийцы;	7 — Лохвица;	10 — Переяслав-Хмельницкий;
3 — Журавка Ольшанская;	8 — Среднее Поднeпровье (из фондов Белоцерковского музея);	11 — Рипнев II
4 — Будешты;		
5 — Брест-Тришин;		

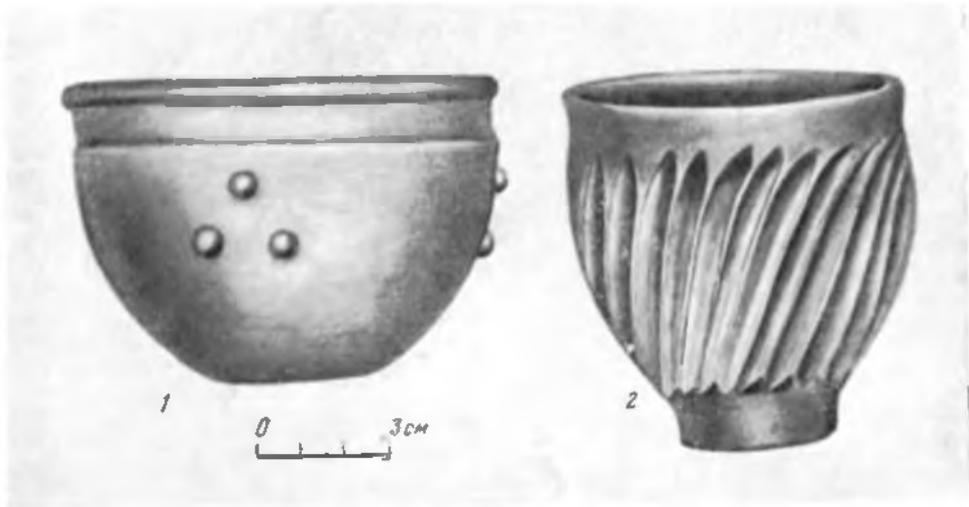

Рис. 3. Подражания в глине стеклянным кубкам

1 — Комланийцы; 2 — Дитиничи

совхоза Приднепровского, Ранжевое). Возможно, с этими стеклянными сосудами можно сопоставить некоторые находки глиняных кубков в Западной Европе на памятниках великого переселения народов⁸.

Нам не известны причины отсутствия близких глиняных форм на востоке Европы. Общей ли упадок гончарства в начале эпохи переселения народов или, может быть, исчезновение из обихода стеклянных кубков, которые перестали поступать на север, заставили население прибегнуть к сосудам для питья из других материалов (например, о существовании кубков из рогов животных дают основания судить каменные изваяния типа Ставчанского идола на западочерняховских поселениях)⁹.

Новые данные о стеклянных кубках и подражаний им получены в результате раскопок придунайского могильника Фурмановка. Там в погребении «вождя» был обнаружен кубок зеленоватого стекла конической формы, со сплошным вертикальным рифлением. Кубок установлен на небольшом поддоне. Эту находку можно сопоставить с глиняной формой для отливки стеклянных кубков из Комарова¹⁰. Сходные кубки из глины с вертикально рифленной поверхностью происходят из могильников Дитиничи¹¹ и Брест-Тришин¹². В какой-то мере сопоставим со стеклянными сосудами и глиняный кубок из окрестностей Раковецкого могильника, рис. 2, 9.

Представляет интерес еще одна серия глиняных подражаний стеклянным сосудам. Это стаканообразные кубки с глубокими вертикальными вмятинами. Известные нам находки с территории, занятой культурой полей погребений, происходят из западных областей (Романово Село, Рипнев II)¹³. Стеклянные сосуды подобного рода есть среди пантикапейского стекла. Они восходят к III в. н. э.¹⁴ Аналогичные стеклянные и глиняные сосуды в Малопольше (Иголомья), в Силезии, Падонии и далее на запад представлены широко¹⁵. По наблюдениям

Р. Ямки, время их бытования в южной Польше — конец III и IV в. н. э. Происходят они из римских провинций¹⁶. К. Годловский относит аналогичную паходку из Опатова тоже к позднеримскому периоду¹⁷.

На основании вышесказанного мы включили ряд форм глиняных подражаний стеклянным сосудам в хронологическую таблицу поднепровских материалов. Приобретут ли эти находки самостоятельное датирующее значение — покажет будущее.

Основываясь на более достоверных датирующих находках, мы пришли к следующим наблюдениям над хронологическим членением черняховских материалов.

Хронологическую характеристику черняховских изделий Поднепровья, условно относимых к II—III вв. н. э. (ранний период), следует начать с лепной керамики, которая составляет на некоторых поселениях до 50% всей найденной посуды. Уже в этот период встречаются горшки с пологими и крутыми плечиками. Многие из них толстостенные. В качестве специфических, возможно, локальных форм могут быть названы сосуды с краем в виде раструба или с почти вертикально поставленным краем. Довольно часто встречаются сосуды, вылепленные от руки, близкие по форме как скифским или сарматским, так и западным по происхождению яйцевидным горшкам, имеющим прототипы еще в лужицкой культуре. Поверхность их бывает нередко преднамеренно ошершавленной.

Миски открытого типа и биконические встречены на черняховских памятниках самого раннего облика. Среди первых характерны полусферические, а среди биконических встречаются миски, подобные зарубицким. Большие светло-серые гончарные миски с горизонтальным уплощенным сверху краем, по-видимому, следуют типам провинциально-римской посуды. Есть воспроизведения посуды, напоминающей пшеворскую, — округлобкие миски на выделенном поддоне. Известны также миски с уступом на перегибе тулова, подражающие красноглиняной керамике римского времени северопричерноморских античных центров.

Миски-вазы на раннем этапе обнаруживают поразительно много общих черт с пшеворскими сосудами, также снабженными тремя X-образными выступами-ушками. Встречаются отдельные сосуды, близкие оксывской посуде. Однако заслуживает внимание мнение А. Т. Смиленко о том, что сходные с оксывскими керамическими образцами формы распространяются преимущественно на памятниках поздних этапов развития черняховской культуры¹⁸. Так что отнесение такого рода заимствований в раннюю группу может быть только условным.

Кувшины на памятниках II—III вв. н. э. бывают одноручными и двуручными. Часто первые из них имеют округлобкое тулово. Встречаются кружки, напоминающие зарубицкие.

О кубках и подражаниях в глине стеклянным полусферическим сосудам было сказано выше.

Таким образом, ранний этап развития черняховской культуры, кроме изобилия лепной посуды на многих памятниках, характеризуется значительным числом подражаний сосудам, господствовавшим у ранее жившего в лесостепи и степи населения или распространенным у окружающих народов. Привнесение гончарного круга из областей, тяготевших в культурном отношении к провинциально-римской античности, обусловило появление новых сосудов или отдельных специфических деталей на них.

Формы сосудов перерабатывались в соответствии с местными традициями и вкусами.

Этап расцвета черняховской культуры в III—IV вв. н. э. хорошо датирован. В керамике его характеризуют разнообразие горшков с фигурными профилями везчиков и появление сосудов-хранилищ. Типичен высокий процент сделанной на круге посуды, нередко усложненных форм. В особенности это характерно, по наблюдениям Е. В. Махно, для района развитого черняховского ремесла, расположенного в густо заселенных областях Среднего Поднепровья¹⁹. Однако распространение специфических гончарных сосудов этого времени не ограничивается только данным районом, о чем говорят находки на Нижнем Днепре и в Причерноморье. Преобладают миски биконической формы с разнообразными украшениями. Они сделаны с использованием всего ассортимента присмов, разработанных местными гончарами. Показательной является дополнительная профилировка грани тулова сосуда.

Миски-вазы в этот период весьма разнообразны и снабжены фигурными ушками. Многообразны кувшины и кружки, как правило, имеющие биконическое тулово. Среди мисок-ваз и кувшинов попадаются высокохудожественные образцы. Подчас сложная семантика нанесенных узоров свидетельствует о развитых культово-идеологических представлениях, выработанных местными гончарами²⁰. Подражательность еще продолжает чувствоваться в восприятии провинциально-римских форм посуды. В то же время рассмотрение керамики дает основания судить об ассимиляции позднекифского и сарматского населения, отчетливо прослеживаемого на таких южных памятниках, как Николаевка-Казацкое, Берислав, Усть-Камбанка, Коблево и др.

В IV—V вв. н. э. наблюдается возврат к некоторым типам традиционной лепной посуды, вызванный скорее всего нарушением культурно-экономического режима в начальный этап великого переселения народов. Продолжается развитие некоторых типов горшков, которые затем в непереработанном или трансформированном виде переходят в эпоху раннего средневековья, находят продолжение в памятниках Пеньковка-Пастерское (бомбовидные, биконические и яйцевидные горшки, вылепленные от руки). Огрубление посуды и нарушение пропорций, прослеживаемое в нарочито приземистых или удлинненно-вытянутых сосудах, также характерно для этого этапа развития культуры. По-видимому, предназначенное ошершавливание посуды исчезает в конце рассматриваемого периода. Миски и кувшины становятся нередко манерными по своему стилю. Декор их иногда уже не подчеркивает, а как бы расчленяет форму. Изоцирность в форме сосудов на поздних этапах существования культуры идет наряду с огрублением массовой столовой посуды, нередко представленной лепными горшками домашней выделки. В «княжеских» погребениях попадала лепная и местная гончарная посуда, но более тщательно выделанная и орнаментированная, как, например, найденная в могиле 5, у овчарни совхоза Приднепровского²¹.

Материалы заключительных десятилетий позднего этапа вряд ли следует называть уже собственно черняховскими. Время перехода к раннеславянским древностям весьма своеобразно. Изысканные формы гончарной черняховской керамики в большей своей части исчезают и не всю керамику этого периода возможно вывести из предшествующих форм IV—V вв. н. э.

Приводимая попытка наметить хронологическую шкалу черняховских материалов призвана подытожить не только наши наблюдения, но и других авторов, изучающих процесс эволюции культуры. Какие бы ни потребовались поправки к составленной хронологической таблице черняховских памятников бассейна Днепра, по ней удастся проследить развитие культуры во времени, смелу вещевого и керамического комплекса на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени первой половины I тысячелетия н. э. Наряду с эпохой расцвета культуры полей погребений в III—IV вв. н. э. представляется оправданным выделение раннего этапа культуры и конца IV — начала V в. н. э. Во всех ли областях культуры, в центральных и периферийных, развитие шло по намечаемому нами пути, покажет будущее.

- ¹ *Сымонович Э. А.* Раннеславянские поселения у сс. Грушевка и Кут Апостоловского района Днепропетровской области (тезисы доклада).— КСИА АН УССР (Киев), 1953, вып. 2, с. 20; *Он же.* Поселения культуры полей погребений в районе города Николая.— МИА, 1964, № 139, с. 62—76; *Он же.* К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений.— СА, 1958, № 1, с. 248—252; *Он же.* Порівняльпе вивчення пам'яток черняхівської культури в районі м. Черкас.— В кн.: Археологія, т. XXII. Київ, 1969, с. 137—148.
- ² *Godlowski K.* The chronology of the late roman and early migration periods in Central Europe. Kraków, 1970, s. 111—112.
- ³ *Вернер И.* К происхождению и распространению антов и склавинов.— СА, 1972, № 4, с. 102—115.
- ⁴ *Шукин М. Б.* О трех датировках черняховской культуры.— КСИА, 1967, вып. 121, с. 8—13.
- ⁵ *Висотська Т. М.* Про виробництво скла в пізнюантичному Криму.— В кн.: Археологія, т. XVI. Київ, 1964, с. 15, рис. 9; *Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М.* Стеклоделные Танаиса.— СА, 1966, № 2, с. 100, рис. 3.
- ⁶ *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116, с. 301—302, рис. 18, 2; 19, 3; *Брайчевская А. Т.* Черняховские памятники Надпорожья.— МИА, 1960, № 82, с. 188, табл. III, 1—4; *Махно Е. В.* Раскопки на Компаніевском могильнике.— В кн.: Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 160—163; *Махно Е. В.* Типы та планування Компанієвського могильника.— В кн.: Середні віки на Україні. Київ, 1971, вып. 1, с. 87—95.
- ⁷ *Петрова В. П.* Черняховский могильник.— МИА, 1964, № 116, с. 99, рис. 9, 2; *Гончарова В. К.* Могильник культуры полей погребений у г. Переяслав-Хмельницького.— КСИА АН УССР (Киев), 1955, вып. 4, с. 38, рис. а. На прорисовке кубка эта деталь орнаментации почему-то опущена и ребристость сосуда не показана (Археологія, т. XI. Київ, 1957, с. 136). Ср., например, находку из Лохвицы (МИА, 1960, № 82, с. 97, табл. 1, 5) и из Пантуканея (МИА, 1962, № 103, с. 218, рис. 5, 5), где приведены находки VI—II вв. до н. э.
- ⁸ *Hensel W.* Polska stroytyna. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk, 1973, s. 448, tabl. 374; 9; *Mitrea B., Preda C.* Necropole din secolul al IV lea in Muntenia. Bucuresti, 1966, tabl. 35, 1; 264, a; *Pfützenreiter F.* Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld.— Altschlesien, Bd. 7. Breslau, 1937, s. 40—44.
- ⁹ *Винокур И. С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972, с. 111, рис. 36, 1.
- ¹⁰ *Смішко М. Ю.* Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області.— МДАПВ, 1964, вип. 3, с. 74, табл. I, 12, 13.
- ¹¹ *Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області.— МДАПВ, 1961, вип. 3, с. 94, рис. 4, 3.
- ¹² *Kucharenko I.* Le problème de la civilisation «Cotho Gépide» en Polesie et en Volhynie.— Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1967, 5, s. 24, tabl. 2, 2.
- ¹³ *Баран В. Д.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга.— МИА, 1964, № 116, с. 224, рис. 8, 7; *Сеняк-Нубовичева Н.* Probný wykopaliska w powiecie Zbarazskim.— In: Wiadomości archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936, s. 65; tabl. 12; МИА, 1941, № 6, с. 260, рис. 7, 3.

- ¹⁴ *Сорокина В. П.* Стекло из раскопок Пантикапел, 1945—1959.— МИА, 1962, № 103, с. 224, 226, рис. 9, 11.
- ¹⁵ *Gajewski L.* Produkcja pracowni garncarskich w Igo'omi.— In: *Archeologia Polski*, t. III, z. 1. Warszawa — Wroc'aw, 1959, s. 143, tabl. X, 53, 54; *Schulz W.* Ein germanischer Bestatungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953, s. 25, tabl. 45.
- ¹⁶ *Jamka R.* Ceramica siwa w świetle zespolow grobowych odkrytych na obszarze Polski środkowej, zachodniej i południowo-zachodniej.— In: *Wiadomości Archeologiczne*, t. XVI. Warszawa, 1948, s. 202, tabl. XXIX, 7.
- ¹⁷ *Godłowski K.* Badania wykopaliskowe na cmentarzysku w Opatowie.— *Sprawozdania Archeologiczne*, XVII. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1965, s. 161, 163, tabl. 3, b.
- ¹⁸ *Смилленко Л. Т.* К хронологии гончарной керамики черняховского типа.— КСИА, 1970, вып. 121, с. 76—81.
- ¹⁹ *Мазно Є. В.* Знову про локальні варіанти черняхівської культури.— В кн.: *Археологія*, т. XXIV. Київ, 1970, с. 56—57.
- ²⁰ *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян.— СА, 1962, № 4, с. 66—89; *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116, с. 340—345; *Винокур І. С.* Деякі язичницькі символи в орнаментатії пам'яток черняхівської культури.— В кн.: *Археологія*, т. XXIII. Київ, 1970, с. 108—119.
- ²¹ *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, 1955, XXIV, с. 296, 303, рис. 11, 1—11.

Б. А. ТИМОЩУК

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VI—VII ВВ. В СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЕ

В последние годы на территории Северной Буковины (правобережье Среднего Днестра, бассейны верховьев Прута и Серета) открыто свыше 200 памятников второй половины I тысячелетия н. э. Среди них выделяется группа поселений, относящихся к культуре пражского типа. Эти поселения пока еще не вошли ни в одну сводку памятников этой культуры¹. Открытие этих поселений в Северной Буковине расширяет ареал культуры пражского типа в южном направлении и позволяет связать основной массив ее памятников, занимающий территорию между Днестром и Эльбой, с аналогичной группой древностей, известных по Серету и на левобережье Нижнего Дуная.

В настоящее время на территории Северной Буковины известно 47 поселений культуры пражского типа (рис. 1). На трех из них проводились стационарные исследования, в 19 пунктах — лишь пробные раскопки. Остальные памятники представлены только подъемным материалом, и их культурная принадлежность установлена предварительным образом.

Поселения пражского типа в пределах Северной Буковины размещаются неравномерно. Наиболее плотно они выступают в Попрутье, возле г. Черновцы. Это в значительной степени объясняется тем, что эта территория лучше обследована. Поселения чаще встречаются в холмистых

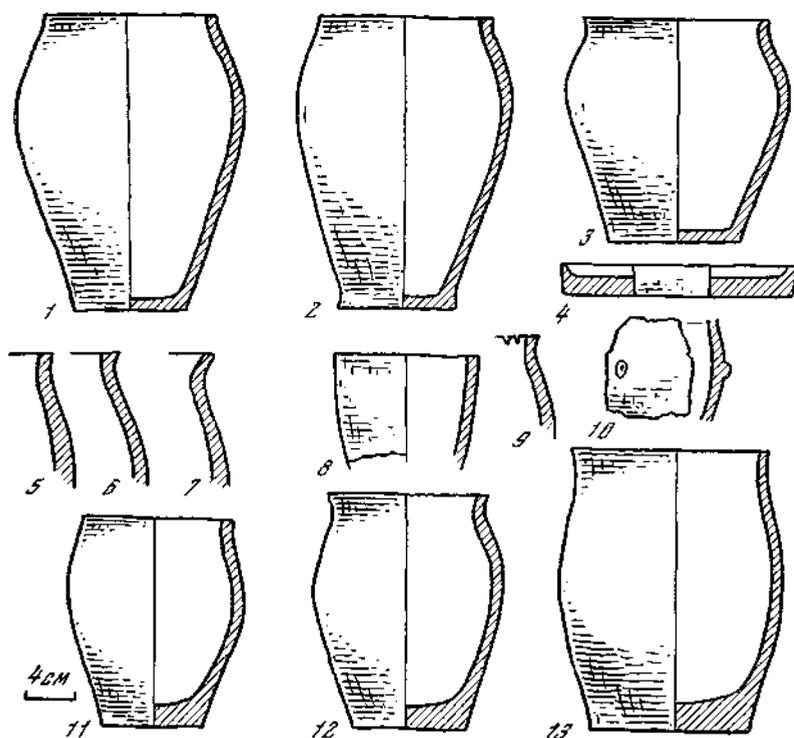

Рис. 1. Керамика пражского типа

1—3 — Колмы; 4—8 — Коровня II; 9, 10, 13 — Задубровка I; 11—12 — Каменка

и лесных областях; в открытой местности их значительно меньше или нет совсем. Поселения располагаются, как правило, на южных или восточных склонах первых надпойменных террас рек, рядом с родниками питьевой воды, в окружении удобных для земледелия и выпаса скота земель, под защитой лесов, болот, оврагов и холмов. Все поселения очень небольшие и обычно занимают площадь 150×50 м или 200×50 м. Лишь изредка они простираются вдоль рек на протяжении 300 м (Задубровка I). Топографическое положение поселений и их размеры типичны для раннеславянских селищ на других территориях².

На поселениях Северной Буковины раскопано около 40 жилищ. Все они оказались прямоугольными, приближающимися к квадрату постройки. Длина их стен не превышает 5,2 м и не бывает меньше 2,2 м. Нижняя часть жилищ всегда опущена в материк на глубину от 0,3 до 1 м. Деревянные стены их имели столбовую конструкцию, о чем свидетельствуют столбовые ямы, сохранившиеся на дне котлованов по периметру их стен. Наиболее полное представление о конструкции стен получены при раскопках жилища 31 на поселении Гореча II в Черновцах.

Жилище 31 представляет собой котлован размерами $4,4 \times 4$ м и глубиной 0,7 м от древней поверхности. Вдоль его материковых стен (в углах и посередине) обнаружено восемь столбовых ям диаметром 20—

40 см и глубиной 20—30 см. Между столбовыми ямами на глиняном полу хорошо сохранились канавки — отпечатки нижнего бревна деревянной стены. В канавках найдено много сгоревшего дерева. Соотношение столбовых ям и канавок убедительно свидетельствует о том, что стены жилища складывались из горизонтально положенных бревен, закрепленных в пазах вертикальных столбов-стояков. Подобная конструкция деревянных стен прослежена у большинства раскопанных полуземлянок. Она позволяла сооружать стены любой высоты, независимо от глубины котлована. Учитывая то, что на поселениях пражского типа котлованы для жилищ бывают очень мелкими, есть все основания считать, что большая часть деревянных стен жилищ возвышалась над землей. Собственно, это были деревянные постройки, у которых только нижняя часть находилась в земле.

Крыша у домов была деревянно-земляной. Ее остатками является слой глины толщиной до 30 см, часто смешанный с углем, лежащий в заполнении котлованов. Принимая во внимание тот факт, что во многих полуземлянках столбовые ямы находятся посредине более узких стен, есть основания полагать, что в большинстве случаев крыша была двускатной. В центре она поддерживалась коньком, а по краям — столбами, расположенными по периметру стен.

Встречаются землянки и без столбовых ям. Например, на поселении Коды раскопана полуземлянка 21 (размеры ее $2,3 \times 2$ м), в которой не было столбовых ям, но вдоль материковых стен лежали обугленные бревна — остатки сгоревших деревянных стен. Их нельзя принять за остатки сруба, так как хорошо сохранившаяся печь-каменка, расположенная в северо-восточном углу помещения, плотно примыкала к материковым стенкам, не оставляя места для бревен. Вполне можно согласиться с П. А. Раппопортом, который заметил, что «отсутствие столбовых ям еще не предопределяет наличие срубной конструкции»³. Деревянные стены столбовой конструкции, столбы которой не закапывались в землю, хорошо известны по этнографическим материалам⁴.

Во всех раскопанных на Буковине жилищах обнаружены печи-каменки. Они, как правило, расположены в северных (северо-западном или северо-восточном) углах дома и всегда имеют прямоугольную форму (длина их не превышает 2,2 м). В большинстве случаев их боковые стенки складывались без связующего раствора из каменных плит, поставленных на ребро, а пространство между ними забрасывалось каменным бутом. Подом печей чаще всего служила материковая глина, подмазанная жидким глиняным раствором. Встречаются поды главным образом в жилищах наиболее раннего времени, выложенные из каменных плиток, обмазанных сверху глиной. Они так же, как и глиняные поды всегда находятся на уровне пола жилища.

Все полуземляночные жилища на Буковине оказались однокамерными. В некоторых из них (например, на поселении Гореча II) прослежены вырезанные в материковых стенках входы в виде коридорчикова-тамбуров. Ширина их около 1 м, пол наклонно понижался к жилому помещению. Входы почти всегда расположены напротив устья печи, в противоположной от нее стене. Но большинство жилищ не имело входов-пристроек, и в помещения входили прямо с улицы.

На поселении Коды исследована хозяйственная постройка. Она находилась на окраине поселения и в отличие от жилищ с бревенчаты-

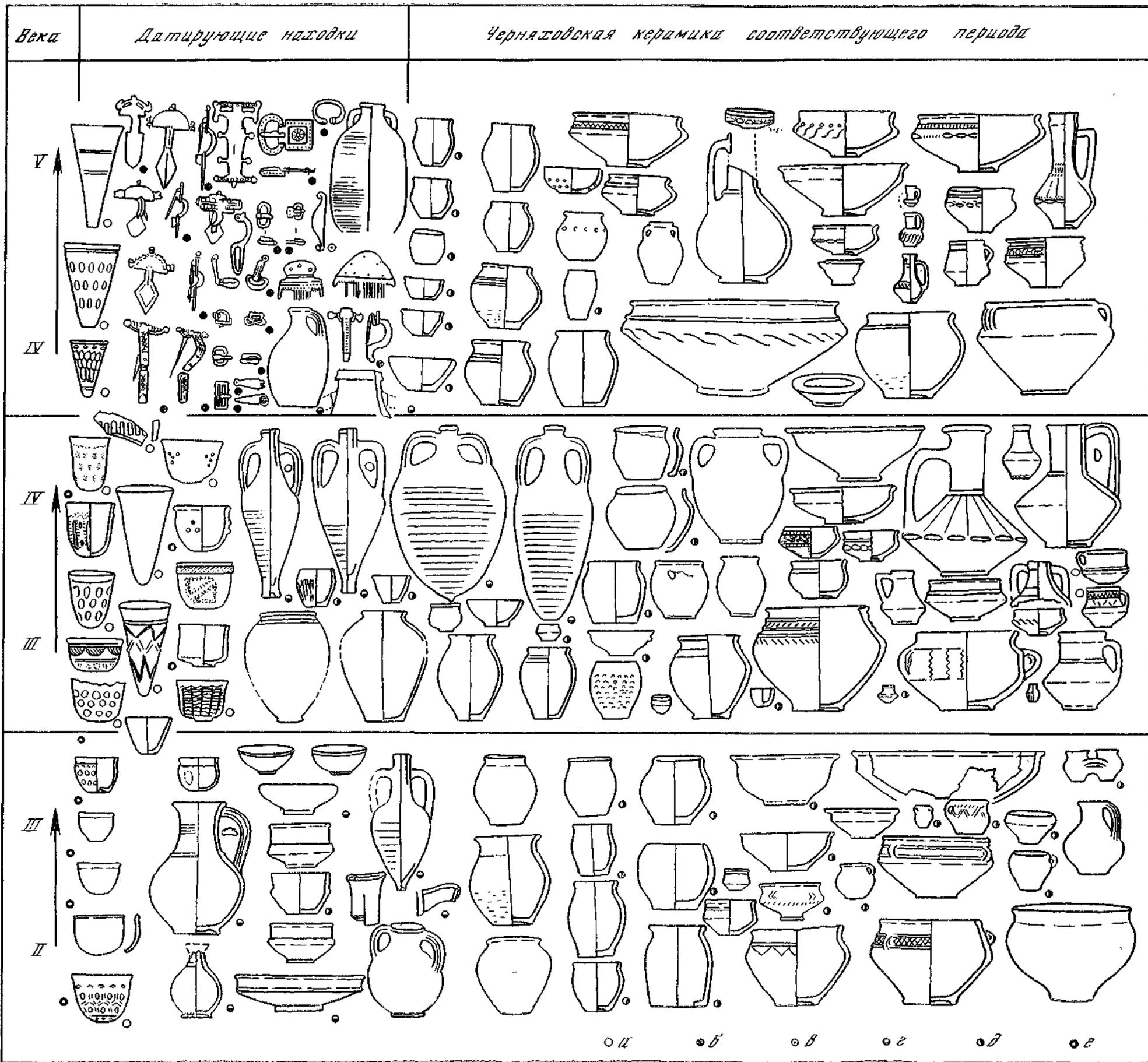

Рис. 1. Хронологическая таблица материалов черняховской культуры Поднепровья и областей Причерноморья

а — стекло; г — античная посуда из е — глиняные подражанья
 б — цветные металлы; глины; стеклянным кубкам
 в — черные металлы; д — лепная посуда;

ми стенами имела стены из столбов, пространство между которыми было заполнено сплетением из прутьев, обмазанных глиной. Основание постройки было опущено в материк, но в помещении не было печи, а у северной стены выкопана яма-погреб (глубиной 0,5 и диаметром 0,6 м). Рядом с этой постройкой раскопана мастерская ремесленника. Это было наземное строение с глинобитными стенами на каркасе из плетня. В его центре находился прямоугольный очаг с глиняным хорошо обожженным подом, а возле него глубокая яма (глубина 0,8, диаметр 1,2 м), служившая, по-видимому, рабочим местом ремесленника. В яму вел вход в виде ступеньки. В мастерской найдены железные шлаки, обломки железной миски, обожженные челюсти коровы и черепки лепных горшков.

Характер славянских поселений, установленный по материалам раскопок на Буковине, типичен для поселений культуры пражского типа⁵. Во всем ее ареале распространены прямоугольные жилища-полуземлянки со столбовой конструкцией стен и печами-каменками в одном из углов дома. Хозяйственные постройки часто занимают определенный участок на окраине поселков. Но наиболее веско принадлежность поселений Буковины к культуре пражского типа обосновывается анализом керамического материала.

Обломки лепной посуды составляют наиболее массовый материал на поселениях и в большинстве случаев являются единственными находками в жилищах. Среди лепной посуды встречаются горшки, сковородки, конические миски, жаровни и миниатюрные сосуды. Ведущей формой всех керамических комплексов служат лепные горшки. Целые сосуды найдены на поселениях Кодын, Гореча II, Каменка и Задубровка I. Это высокие сосуды с конусовидным расширяющимся в верхней части туловом и округлыми плечиками. Их венчики короткие прямые или слегка отогнутые наружу, верхний край их часто горизонтально срезан, иногда утолщен. Горшки изготовлены из глины со значительными примесями шамота и дресвы, поверхность их бугристая, часто ангобированная. Большинство сосудов не орнаментировано. Лишь на отдельных экземплярах встречен орнамент в виде косых насечек по срезу венчика, налепных бугорков на плечиках или валика на шейке сосуда, нерегулярных зигзагоподобных или волнистых врезанных линий. В одном случае орнамент нанесен колесиком.

Лепные горшки из поселений Северной Буковины по своей профилировке, основным пропорциям и орнаментации относятся к сосудам пражского типа, широко известным на землях восточных, западных и южных славян. Для культуры пражского типа характерен весь керамический комплекс этих поселений и другие бытовые предметы, здесь найденные. Это главным образом глиняные биконические пряслица, некоторые из которых обточены на круге, и короткие железные ножи.

Датировка поселений Северной Буковины основана на находках двух фибул, на керамических аналогиях с посудой пражского типа, относящейся к VI—VII вв., и на стратиграфических данных. На многих поселениях, особенно четко на поселениях Кодын, ранние слои с посудой пражского типа перекрываются отложениями VIII—IX вв., содержащими уже более развитую керамику типа Луки Райковецкой. Одна из фибул найдена на поселении Неполоковцы. Это нижний щиток бронзовой пальчатой фибулы, имеющий ромбическую форму и выступающие с обеих

сторон прямоугольные «пальцы». К оборотной стороне щитка прикреплен пластичатый иглодержатель. Фибула может быть датирована VII в. Вторая фибула обнаружена на поселении Кодын на полу жилища 10 под завалом от его деревянно-земляной кровли. Фибула — железная, двухчастная, большого размера (длина 6,5 см). Позднеримские фибулы этого типа относятся к IV—V вв., а наиболее поздние их экземпляры не выходят за рамки первой половины VI в.⁶

О раннем времени появления намятников пражского типа в Северной Буковине свидетельствуют обломки гончарной керамики провинциально-римского типа, найденные на многих ранних поселениях. Наиболее убедительны материалы поселения Кодын, на территории которого нет слоя предшествующей по времени культуры карпатских курганов, но в заполнении ранних жилищ встречены обломки гончарной посуды, типичной для этой культуры. Так, в жилище 10 вместе с позднеримской фибулой найдено 38 обломков горшков пражского типа и 10 обломков гончарной посуды культуры карпатских курганов.

В небольшом количестве обломки гончарных сосудов провинциально-римского типа обнаружены и в других ранних жилищах поселения Кодын, а также на поселениях Камелка, Гореча II и Глубокое⁷. Такие же находки зафиксированы в наиболее ранних жилищах нескольких славянских поселений на Среднем Днестре (Зеленый Гай⁸, Лука Врублевцевка⁹, Ращов II¹⁰, Устье¹¹ и др.). Они убедительно свидетельствуют о том, что славянское население, оставившее памятники пражского типа, в ранний период, по традиции, пользовалось, хотя и в небольшом количестве, гончарной керамикой провинциально-римского типа. На позднейших поселениях культуры пражского типа эта гончарная посуда уже не встречается.

Таким образом, поселения Северной Буковины по всем своим особенностям — топографии, размерам, типам жилищ и хозяйственных построек, керамике и другим бытовым предметам, несомненно, принадлежат к славянским древностям пражского типа. Появление этой культуры в Северной Буковине можно отнести ко второй половине V в. Ее дальнейшее развитие привело к образованию славянской культуры конца I тысячелетия, влившейся в культуру Киевской Руси.

¹ Кузаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднестровья.— In: *Slavia antiqua*, VII. Warszawa — Poznań, 1960, s. 111—124; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дніпром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 14; Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днестром и Западным Бугом.— САИ, 1973, вып. Е1—25, с. 55 и др.

² Баран В. Д. Ранні слов'яни..., с. 13—16; Русанова И. П. Славянские древности..., с. 8, 9.

³ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— САИ, 1975, вып. Е1—32, с. 119.

⁴ Самойлович В. П. Українське народне житло. Київ, 1972, с. 14.

⁵ Bieliková D. Nové včasnოსlovanské nalezky z juho-západného Slovenska.— SZA, 1962, X; Krüger B. Dessau — Mosigkau. Berlin, 1967.

⁶ Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej.— In: *Rocznik Bia'ostocki*, XII. Warszawa, 1974, s. 72, tabl. VII, 8.

⁷ Вакуленко Л. В. Раннеславянское поселение у с. Глубокое в Прикарпатье.— В кн.: *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Л., 1974, с. 249—250.

⁸ Баран В. Д. Ранньослов'янське поселення у с. Зелений Гай на Дністрі.— В кн.: *Середні віки на Україні*. Київ, 1974, с. 128.

⁹ *Тиханова М. А.* Раннеславянское поселение в Луке Врублевской.— КСИА, 1972, № 125, с. 7—12.

¹⁰ *Баран В. Д., Казак Д. Н., Мазомедов Б. В., Некрасова А. Н.* Раскопки славянских поселений в с. Рашков.— АО, 1974, 1975, с. 258.

¹¹ *Приходнюк О. М.* Слов'янське населення Середнього Подністров'я напередодні утворення Київської Русі.— Український історичний журнал, 1972, № 2, с. 75.

ИОАХИМ ХЕРРМАН

ПОЛАБСКИЕ И ИЛЬМЕНСКИЕ СЛАВЯНЕ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БАЛТИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Значение торговых и культурных связей между племенами и народами, жившими по берегам Балтийского моря в раннем средневековье, постепенно возрастало. Эти связи через Балтийское море, без сомнения, возникли при участии групп разного этнического происхождения. Но до сих пор, отчасти из-за влияния норманистических взглядов, недостаточно разработано, когда и при каких условиях эти связи развивались, кто их распространял и был их носителем.

Отдельные находки из области расселения полабских славян в значительной степени освещают характер экономических и культурно-исторических отношений этих славян, живших на юго-западном берегу Балтийского моря, с племенами восточного берега и лежащих далее к востоку земель. Западнее Одера славяне достигли Балтийского моря около 550 г. Славяне же, жившие на Волхове и Ладожском оз., включились в торговые сношения по Балтийскому морю несколько позднее — в VIII—IX вв.

Некоторые исследователи выдвигают тезис о тесных связях между славянскими группами на нижнем Оudere, Ладожском оз. и Новгороде¹. Этот тезис основан в известной мере на археологическом базисе — на аналогиях керамики в обеих областях². Эти аналогии иногда связывают с переселением прибалтийских славянских групп в область ильменских славян³. По моему мнению, при современном состоянии обработки материалов еще нельзя окончательно решать этот вопрос. Однако постановка вопроса о связях между северо-западными и северо-восточными племенами, жившими по берегам Балтийского моря, и о характере этих связей, без сомнения, правомочна.

Базой для осуществления связей по Балтийскому морю явилось возникновение в VIII—IX вв. морских торговых портов в Стариград-Ольденбурге и Рерике — в области проживания ободритов, на Рюгене у Арконы и Ральсвеке, у велетов в Менцилине, у поморян в Колобжеге, позднее в Камене, Волине, Щецине. Одновременно строится Старая Ладога на границе ильменских славян и финно-угров⁴. В конце IX или начале X в. 191

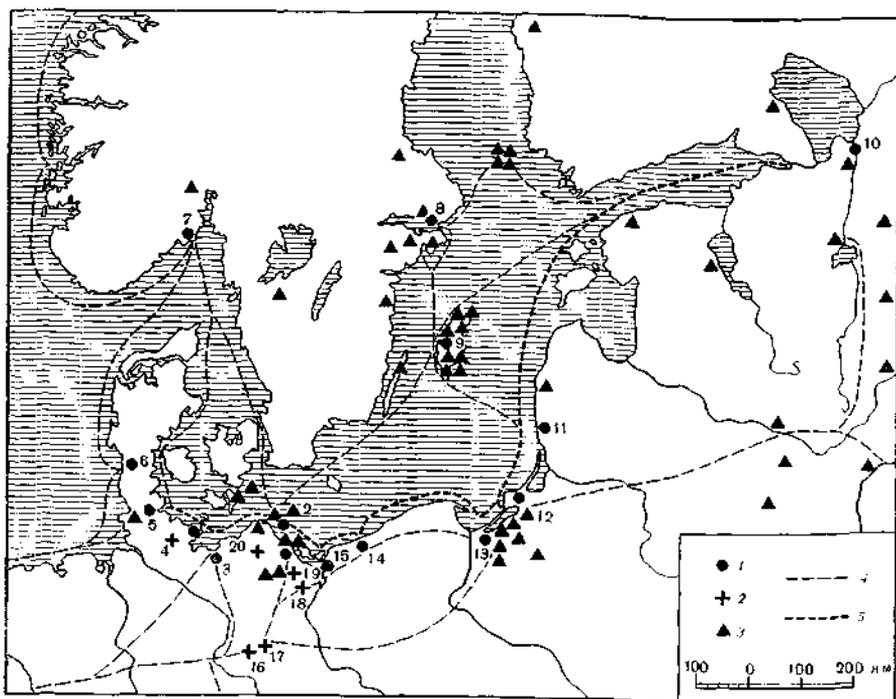

Рис. 1. Южный морской путь в первой половине IX в.

1 — морские порты;	4 — открытые направления южных морских дорог;	7 — Скирингсаль;
2 — находки финского или балтийского происхождения;	5 — другие торговые дороги.	8 — Халмо-Бирка;
3 — арабские денежные влады первой половины и середины IX в.;	1 — Стариград-Ольденбург;	9 — Повинен;
	5 — Хайтхабу;	10 — Старая Ладога;
	6 — Рибе;	11 — Лиепая;
		12 — Самлянд;
		13 — Трисо;
		14 — Колобжег;
		15 — Волин

возникает Новгород. Старая Ладога и Новгород были как бы воротами, через которые проходила торговая дорога с берегов Балтийского моря на Волгу и затем в развитые Средне- и Переднеазиатские арабские области. С XI в. роль перегрузочного порта в торговле между Востоком и Западом принимает датский город Хайтхабу (Haithabu)⁵. Возможно, что ободритский Рерик принимал большое участие в торговле между франкской империей и народами, живущими по берегам Балтийского моря⁶.

О характере и направлениях балтийской торговли в ранний период существуют различные мнения. Ян Жак в своей большой работе о скандинавском импорте в западнославянские страны показывает, что в период VIII—IX вв. посредниками в торговых сношениях были, кроме фризов, также и голландцы⁷. Встречается точка зрения, основанная на материалах из Старой Ладоги, что фризы уже в ранний период достигали Старой Ладоги⁸. Новые находки дают основание расширить представление об активности балтийских связей в IX в.

Этому способствует примечательная находка в Ральсвеке на Рюгене. С 1973 г. ведутся систематические раскопки в этом известном своими богатыми находками морском порту и на могильнике⁹. В 1974 г. в районе жилых и хозяйственных кварталов был найден клад под полом одного из домов. Клад содержал около 2000 арабских монет и их обломков, общим весом 2800 г. Монеты чеканены в Багдаде, Табаристане, Самарканде. Только единицы среди них связаны с западноарабскими странами. Относятся монеты к 227 г. по Хиджре, т. е. к 849 г.

В клад входят отдельные серебряные украшения, например, часть серебряного спирального браслета, концы которого имеют застежку. Браслет спиральный, так называемого пермского, или глазовского типа. Браслеты этого типа были распространены в районах современных городов — Кирова, Глазова и Перми начиная с IX в.¹⁰ С X в. часть этих серебряных браслетов в качестве лома попадает в страны Балтийского моря¹¹.

Клад из Ральсвека изменяет наши представления о балтийских связях в IX в. во многих направлениях.

1. Находка в доме на поселении, которое существовало в течение двух-трех периодов заселения, должна свидетельствовать о том, что владелец клада в Ральсвеке был местным жителем. Дом связан с хозяйственным комплексом, и клад освещает его хозяйственную жизнь и не может быть случайным пиратским богатством.

2. Состав клада очень однороден. Он должен был попасть в Ральсвек около середины IX в. Нет указаний, что он шел через Готланд или другой скандинавский пункт.

3. Из состава клада следует, что он связан с Волжским торговым путем. Это подтверждает находка спирального браслета пермского типа.

В целом можно считать, что в середине IX в. мореплаватель, который жил в Ральсвеке на Рюгене, имел прямые связи с Волжским торговым путем или, по крайней мере, со Старой Ладогой. Лодки, на которых могли везти такие богатства, известны из Ральсвека¹². Керамика, господствующая в это время в Ральсвеке, относится к так называемому фрезендорфскому типу. Аналогичный материал известен в Старой Ладоге¹³.

Ральсвек на Рюгене был морским портом на южном берегу Балтийского моря, который в первой половине и середине IX в. поддерживал прямые сношения с областью Ладого. Менцлин у Анклама на нижней Пеене также мог служить портом велетов, участвовавших в балтийской торговле. Недалеко от Менцлина, у Шверинсбурга, найден также серебряный браслет пермского типа (рис. 2, 2).

Менцлин был пунктом, через который шел торговый путь, начинающийся в Магдебурге и через Хавель достигавший Балтийского моря. Этот путь уже в VII в. связывал Балтийское море через Тюрингию с алеманской областью и Рейном. По этому пути скапливались ранние арабские монетные клады и находки из финно-угорских и балтийских областей. Древнейшей находкой является балтийская перекладчатая фибула из славянского погребения с керамикой пражского типа из Прютцке у Бранденбурга¹⁴. В Трительвиц¹⁵ и у Вердер¹⁶, находящиеся на этом пути, найдены браслеты куршского и ливского происхождения (рис. 2, 4). Бронзовые и железные кованые фибулы балтийско-финского происхождения из славянских городищ и поселений в Ральсвеке¹⁷, Дренсе¹⁸ и Вардер в Хольштейне¹⁹ так же, как и остатки бронзовых колокольчиков из

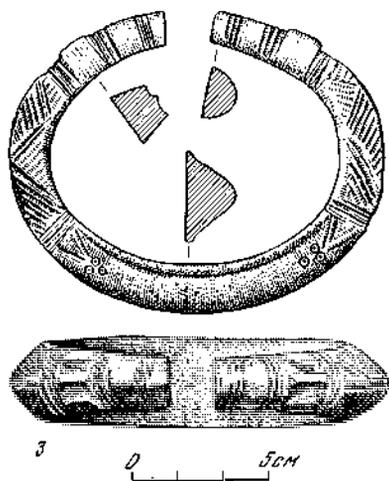
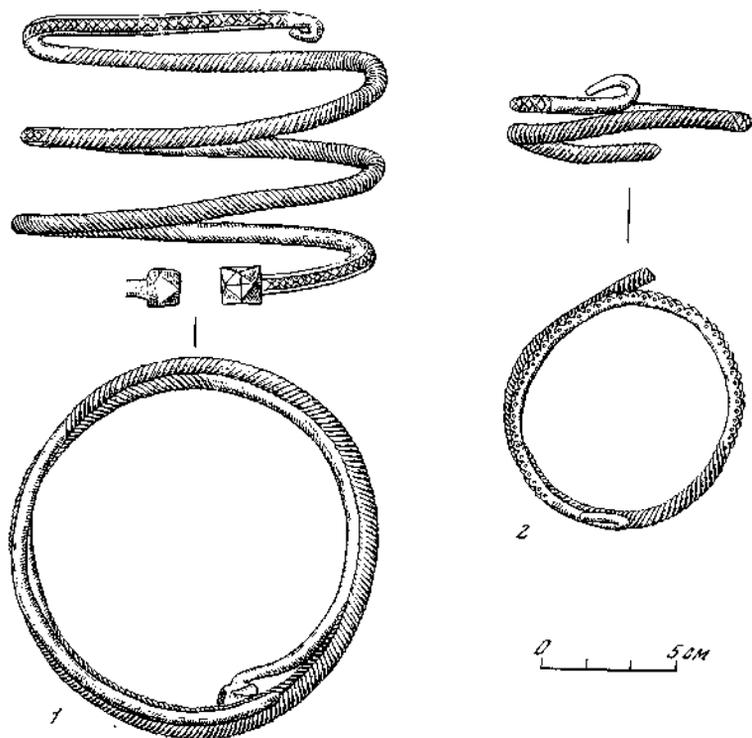

Рис. 2. Спиральные браслеты

- 1 — из Ральсбек-Рюген;
- 2 — из Шверинцбург, окр. Анклам. Лепочные браслеты со звериными головками;
- 3 — Трительвиц у Демин;

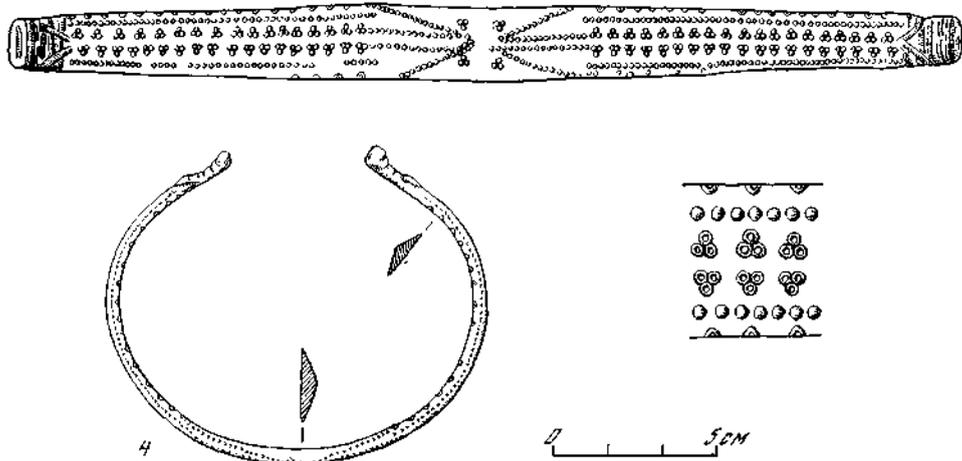

Рис. 2. Спиральные браслеты

4 — окрестности Вердер в Хавеле

Ральсвека и средней области Хавель, указывают на прямые связи восточных областей с южным берегом Балтийского моря.

Большое число арабских серебряных кладов на южном берегу Балтийского моря относится ко времени около 850 г., тогда как в скандинавских странах арабские серебряные сокровища (клады) встречаются лишь после середины IX в.²⁰ В находке начала IX в. на южном берегу в Преров-Дарс наряду с 65 арабскими найдены две каролингские монеты, среди них денар Карла Великого времени около 800 г. Чеканная монета Карла Лысого (840—875 гг.) лежала в культурном слое IX в. в Камен Поморском²¹.

Распространение отдельных археологических находок IX в., а также обстоятельства их нахождения указывают на непосредственные регулярные морские связи южного берега Балтийского моря, который был населен полабскими славянами, поморянами со Старой Ладogi (рис. 1).

Значение находок в Ральсвеке и Менцлине состоит в том, что они показывают прямое и активное участие жителей этих полабских славянских морских портов в сношениях Запада с Востоком уже в IX в.

¹ В различных работах, см.: *Vilimbachov V. B.* Die Ostseeslaven in Nordwesten der Rus'. — In: *Létopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volkskunde. Reihe B. Bautzen, 1973, Nr. 20, H. 2, S. 212—227.*

² *Седов В. В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвinya. М., 1970, с. 71.

³ *Vilimbachov V. B.* Die Ostseeslaven..., S. 227, *Седов В. В.* Славяне..., с. 72.

⁴ Дискуссия о хронологии Старой Ладogi, см.: *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. — В кн.: *Скандинавский сборник. Таллин, 1971, XVI, с. 123.*

⁵ *Jankuhn H.* Naithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1972, S. 102 ff.

⁶ Этот вопрос до сих пор не выяснен. См.: *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968, S. 19 f. По сообщению франкских анналов, на Рерик напал Готтрик — датский король — и живших там торговых людей отправил в Хайтхабу.

- ⁷ *Zak J.* «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodnios'owiańskich od IX do XI wieku. Poznań, 1967. В 890—970 гг. действия поморавских торговцев были ограничены «дорогой Бирка-Волин или Бирка-Колобжег», а ободричских торговцев — «дорогой Вагрисн-Хедебу».
- ⁸ *Корзухина Г. Ф.* О некоторых ошибочных положениях..., с. 123; *Davidan V. I.* Contacts between Staraja Ladoga and Scandinavia.— «Varangian Problems», Scando Slavica, Suppl. 1, Copenhagen, 1970, S. 89 ff.
- ⁹ Ausgrabungen und Funde, 1976, S. 159 (J. Herrmann) und S. 160 (D. Warnke).
- ¹⁰ *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28, с. 124; *Zak J.* «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodnios owiańskich od IX do XI wieku. Poznań, 1967, s. 283.
- ¹¹ *Zak J.* «Importy» skandynawskie..., s. 283.
- ¹² Три лодки IX—X вв. описаны, см.: *Herfert P.* Frühmittelalterliche Bootsfunde in Ralswiek auf Rügen.— Ausgrabungen und Funde, 1968, 13, H. 4, S. 211—222.
- ¹³ *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладогы.— СА, 1951, XV, с. 241, рис. 5.
- ¹⁴ *Unverzagt W., Herrmann J.* Das slawische Brandgräberfeld von Prützke.— Ausgrabungen und Funde, 3, 1958, H. 3, S. 107 ff.
- ¹⁵ *Schoknecht U.* Ein osteuropäischer Bronzering aus Trittelwitz, Kr. Demmin.— Ausgrabungen und Funde, 13, 1968, H. 4, S. 225 f.
- ¹⁶ Находка хранится в Центральном институте древней истории и археологии АН ГДР в Берлине (Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie der AdW der DDR in Berlin).
- ¹⁷ *Herfert P.* Frühmittelalterliche Bootsfunde., S. 220, Abb.
- ¹⁸ *Schoknecht U.* Bodendenkmalpflege in Mecklenburg.— Jahrbuch für brandenburgische Landesgeschichte. Berlin, 1974, S. 288, Abb. S. 276.
- ¹⁹ *Gebers W.* Ausgrabungen in der Siedlungskammer Bosau.— Archäologisches Korrespondenzblatt. Berlin, 1974, H. 4, Taf. 99/14.
- ²⁰ *Malmer B.* Mynt och människor. Uddevalla, 1968, S. 17 ff.
- ²¹ *Herrmann J.* Siedlung...; *Kiersnowska T.* Monnaies Carolingiennes sur les terres slaves.— In: Wiadomości Numizmatyczne, V. Warszawa, 1961, s. 90—98; *Völckers H. H.* Karolingische Münzen der Frühzeit 751—800. Göttingen, 1955.

Н. С. ШЕЛЯПИНА

МЕЧ ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

В 1975 г. в Московском Кремле во время земляных работ на Ивановской площади был найден меч — редкое изделие западноевропейского средневекового оружейного ремесла. Меч паходился в заполнении рва, являвшегося восточным оборонительным рубежом московской крепости середины XII в. Полностью сохранились покрытые рыхлыми окислами синего цвета массивный клиновидный стержень рукояти и верхняя часть полосы двулезвийного (обоюдоострого) клинка. Длина сохранившейся части полосы меча 68,5 см, ширина 4 см, толщина лезвия 0,3 см, вес 445 г, т. е. первоначально вес был около 1 кг. Поскольку меч предназначался главным образом для рубящего удара, то он должен был иметь закругленный конец острия. Доны, идущие вдоль клинка, занимают одну треть лезвия. Свидетельством участия этого боевого оружия в сражениях служат многочисленные зазубрины режущей части клинка. Лезвия неоднократно точили. Стержень рукояти был сломан и носил следы чпки (кузнечная сварка).

По классификации мечей второй половины XI—XIII вв. вновь найденный экземпляр принадлежит к типу II и представляет собой клинок, имевший трехчастное бронзовое либо железное полое навершие и несколько изогнутое трубчатое перекрестие с расширяющимися концами¹. На кремлевской находке эти детали не сохранились. Не исключено, что оправу клинок мог получить вне стен мастерской, где он был сделан.

Меч имеет подписное двустороннее клеймо, что уточняет его хронологическое определение и позволяет считать эту находку новым редким памятником «клинковой эпитафии»². Надписи на лезвии, выполненные латинскими буквами, расположены вдоль дола и занимают треть верха полосы (рис. 1, 1—3). На одной стороне меча читается CICELINME FECIT (Цицелин (?) меня сделал). На другой надпись представляла собой традиционный девиз: INNOMINEDO (M) INI (во имя божье). Инициальная и вторая буквы в слове CICELIN сохранились частично. Буква I в начале надписи IN NOMINE DOMINI не читается, буква M в слове DOMINI пропущена. Обе надписи обрамлены так называемыми «костыльными» крестами — тамгообразным гербовым знаком, имевшим, видимо, магическое значение. Существует гипотеза, согласно которой костыльные кресты являются полужычскими, полухристианскими символами, соединявшими в себе крест и молоток — эмблему бога-громовика Тора. Принято считать, что этот знак общеевропейский, он встречается, например, на монетах каролингского времени.

Поскольку две первые буквы имени мастера реконструируются не полностью, возможно несколько его вариантов. А. Н. Кирпичников по аналогии с опубликованными ранее начертаниями на подобных клинках предполагает возможным связывать московский меч с мастером Цицелином. По мнению доцента кафедры древних языков исторического факультета МГУ Д. А. Дрбоглава, состояние надписи требует дальнейших изысканий специалистов-палеографов. Не исключено также, что первые буквы имени мастера должны читаться как ET. С целью восстановления утраченных на лезвии частей надписи оно было подвергнуто аналитическому исследованию во ВНИИ МВД СССР. По заключению группы специалистов, имя на клинке меча должно читаться как CICELINMEFECIT.

Надписи на мече выполнены инкрустацией железной проволокой в сталистую основу клинка. Местами в канавках для букв сохранились следы крепкой кузнечной окалины, свидетельствующей о том, что надпись нанесена способом горячей инкрустации. Подобная техника, восходящая к традициям каролингских оружейников, известна во франкских мастерских с X до середины XIII в. и позднее, по-видимому, не применялась³.

В конце I — начале II тысячелетия среднее течение Рейна было главным центром производства рассматриваемого вида оружия. Мастерская (либо мастерские) Цицелина находилась где-то в Рейнской области и, как полагают, являлась преемницей «клинковых фабрик» IX—X вв. От рейнских центров мечеделия торговые караваны скорее всего двигались на Восток по Балтийскому морю и по «Пути из варяг в греки»⁴.

Мечи с аналогичной найденной производственной маркой датируются XII в., а точнее — между 1130—1170 гг. При рассмотрении типологии кремлевского клинка важно отметить следующие особенности: дол меча равен по ширине трети лезвий, что характеризует клинки конца X—XII вв., в то время как на лезвиях XII—XIII вв. он превращается в узкий желобок. Московский меч сравнительно легок, что не характерно

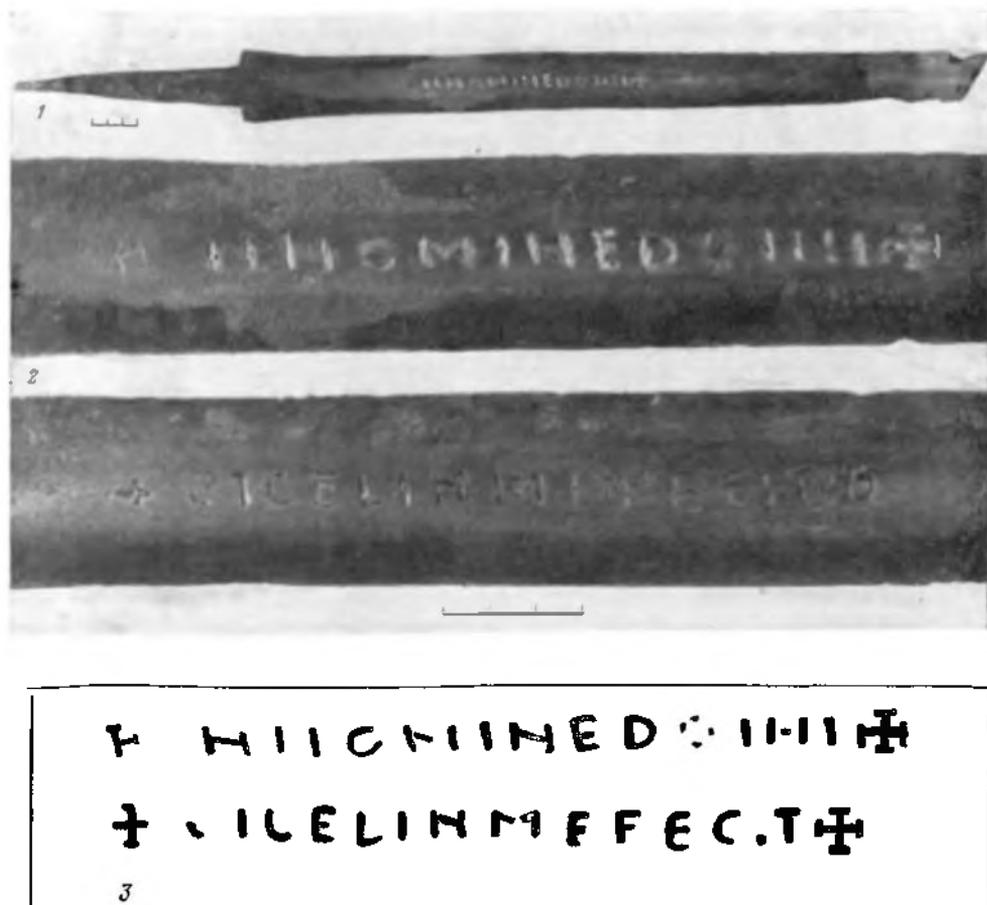

Рис. 1. Меч из раскопок в Московском Кремле

1 — общий вид меча; 2 — верхняя часть меча с надписью (лицевая и обратная стороны); 3 — прорись надписей на мече

для этого вида оружия, датированного концом XII—XIII вв. Примерно в середине XII в. имена мастеров-оружейников начинают исчезать и появляются длинные «повествовательные» надписи. И, наконец, клеймо на кремлевском клинке расположено в верхней трети лезвия, тогда как в XII—XIII вв. чаще всего надпись занимает половину полосы и больше.

Металл клинка и технология его изготовления исследованы зав. лабораторией естественнонаучных методов ИА АН СССР Б. А. Колчиным. Металлографический анализ показал, что меч цельностальной (сталь пакетная, сварочная; пакет шестислойный, все слои стальные). Техника сварки и качество стали очень высокие. На микрофотографии хорошо различимы белые полосы чистых сварочных швов. Шлаковых включений в них почти нет. Клинок находится в термически обработанном состоянии. Структура режущих лезвий — мартенсит и мартенсит с трооститом.

Характерна очень высокая твердость термически обработанной стали. Микротвердость достигает значения 724 ед.

Московский меч — одиннадцатый известный в Европе из этой серии находок. В Англии, Германии, Финляндии зафиксированы девять мечей с аналогичной маркировкой⁵. На территории СССР — это четвертая находка, включая два латвийских экземпляра из погребений бескурганного куршского могильника Пасселья (быв. Курляндская губ.) из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1897 г.⁶ Третий меч происходит из Киевской обл. (с. Стайки). Это случайная находка, опубликованная Б. И. и В. Н. Хапченко без указания объекта исследования. Меч хранится в Киевском Историческом музее⁷ (рис. 2).

Как известно, основное оружие ближнего боя средневековья — меч — являлся воспой эмблемой, представляя вместе с тем своеобразный символ феодального строя. Это единственное оружие раннего средневековья, удостоившееся чести иметь подписное клеймо. Известны случаи, когда мечам давали собственные имена, в их рукоятках могли храниться священные реликвии, подобные тем, которые находились в навершии легендарного меча Роланда. Отношение к мечу как к чему-то одушевленному отражалось в тексте надписей на нем, подобных словосочетанию «меня сделал Цицелин», и в обряде «убийства» меча, который должен был умереть со смертью его владельца. Часто в раннесредневековых погребальных памятниках, например Гнездово 12, находят разрубленные либо согнутые клинки.

В былинах и летописях, в обширном иконографическом материале меч выступал как олицетворение воинской доблести и государственный атрибут, воплощавший власть князя. В течение всего домонгольского периода меч, оставаясь редким и дорогостоящим оружием, сохранял свое значение предмета вооружения высшей феодальной знати, считался символом мужества и чести.

По сравнению с обширной коллекцией клинков IX—X вв. материал XI—XII столетий представлен значительно меньшим числом находок. Это явление легко объяснить тем, что распространение христианства привело к постепенному исчезновению оружия из погребального инвентаря. По этой причине каждый новый памятник из серии находок XII в. представляет совершенно исключительный интерес, позволяет полнее выявить широкие международные связи средневекового мира и дает материалы для изучения импорта романского оружия в Северо-Восточную Русь. Находка меча в культурном слое древней Москвы — самая восточная в Европе — свидетельство правомочности вывода о том, что удельная Русь по оснащению общеевропейскими типами клинков не уступала главным европейским странам⁸.

Новый образец именованного лезвия обнаружен в хорошо датированном археологическом комплексе, стратиграфическое определение которого полностью соответствует дате меча. Совпадение дат мечей с хронологическими рамками бытования других вещей в пределах одного комплекса — явление достаточно распространенное, что было отмечено еще Г. Ф. Корзухиной в ее исследовании, посвященном истории древнерусского оружия⁹.

Как было упомянуто, кремлевский клинок найден в заполнении рва шириной около 38 м, глубиной около 9 м, проходившего в восточной части современной Ивановской площади Кремля. Впервые ров-«овраг»

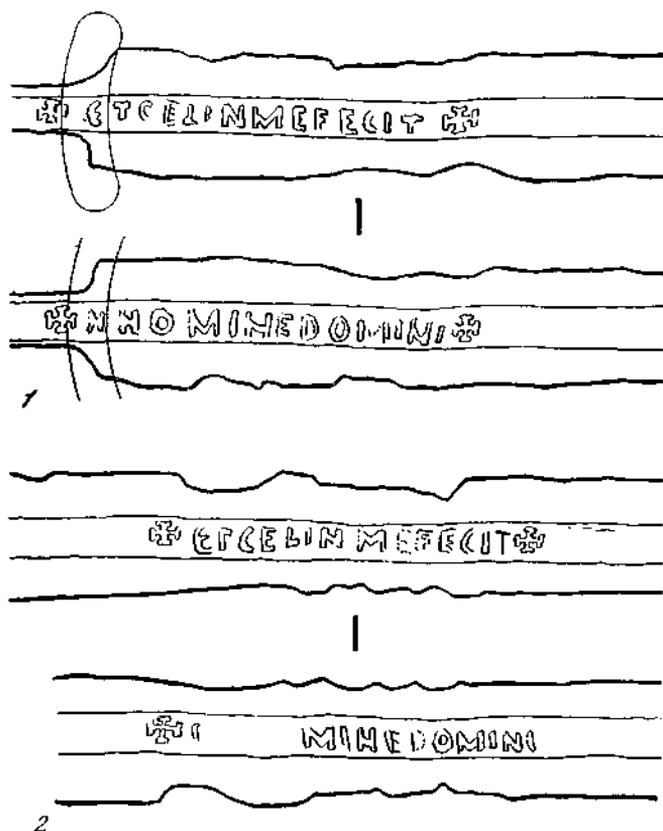

Рис. 2. Надписи на мечех XII в.
1—2 — Лесельн;

глубиной от 6 до 9 м был обнаружен Н. А. Шохиним в 1874 г. во время строительных работ примерно на той же территории¹⁰.

Буровые скважины, прозондировавшие описываемый участок работ в 1974 г., выявили мощную линзу «торфа», очертания которой характерны для рва со скругленным дном. Ров имеет симметричный профиль. Уклон его плавно расширяющихся стенок к горизонту равен 30—45°, что характерно для рвов древнерусских крепостей XI—XII вв.¹¹ Глубокая промоина естественного происхождения, заполнявшаяся грунтовыми водами, видимо, выполняла функции фортификационного сооружения еще в дославянское время, защищая с наиболее уязвимой, «приступной», восточной стороны поселения холме дьякова типа¹². В период, предшествующий строительству на кремлевском холме деревянной крепости середины XII в., здесь же должен был проходить восточный оборонительный рубеж окольного города¹³. Его стены, как известно, строились обычно с учетом всех наличных естественных рубежей — оврагов, ручьев, склопов. Такова же система обороны Києва, Переяславля, Рязани, Владимира, Суздаля и многих других крупных древнерусских городов.

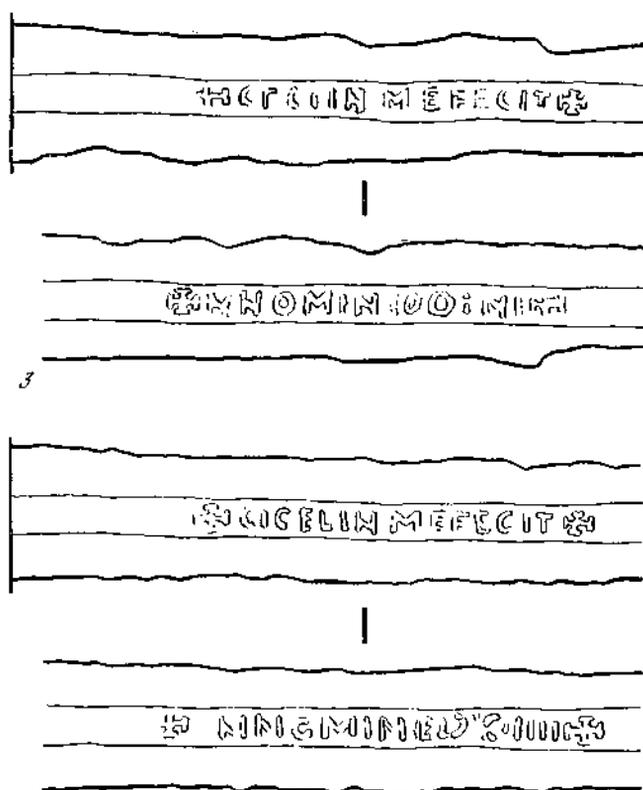

Рис. 2. (окончание)

3 — Стайки; 4 — Московский Кремль

Меч был найден на семиметровой глубине в линзе жирного вязкого гумированного грунта, представлявшего собой типичный жилой слой поселения XII—XIII вв. Этот горизонт подстилала толща запесоченной слабо гумированной супеси, затянувшей дно рва. Грунтовые отложения горизонта II, в которых найден клинок, датирует обычная городская «курганная» серая керамика и обломки крученных стекляных браслетов. Здесь же найден медный разливной черпачок с характерным для домонгольской металлической посуды чекапным швом. Это первый образец такой разновидности изделий из культурного слоя Кремля, не считая бронзовой чаши XII в., найденной в прошлом веке при строительстве Большого Кремлевского дворца.

Как показали раскопки, в конце XIII—XIV в. площадь, занятая рвом, была спланирована и застроена. В верхних горизонтах его заполнения были обнаружены основания дренажных колодцев, остатки срубов и частокола. Следов восточной линии обороны крепостей 1339 г. и 60-х годов XIV в. здесь обнаружено не было, что подтверждает правильность высказанного нами ранее предположения о границах этих укреплений.

Решая сложный вопрос о характере раннего московского поселения, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: по мере удаления от городских районов количество находок мечей резко уменьшается. В курганных древностях XI—XIII вв. мечи встречаются в виде редкого исключения¹⁴. Среди 5877 захоронений, раскопанных в Ленинградской обл. Л. К. Ивановским, клинки были лишь в 13 курганах. В Гнездове на 800 курганов приходится всего 19 мечей. Из рассматриваемой серии предметов вооружения, следовательно, лишь позначительное количество найдено в погребениях, остальные обнаружены, как и московский меч, вблизи городских центров, в разгромленных Батием южнорусских городах, на главных речных и сухопутных магистралях, больших переправах, на дорогах войны.

Меч из Кремля, видимо, был потерян на переправе через ров на подступах к московской крепости, в наиболее угрожаемой части ее восточного оборонительного рубежа. Клинок мог затонуть во рву в том его участке, где ров пересекала трасса древней дороги, шедшей на Владимир. В XII в. между Москвой и Владимиром уже существовала сухопутная дорога. В 1176 г. во время княжеской усобицы Михалко Юрьевич шел с полком из Москвы к Владимиру, а Ярополк тем же путем двигался к Москве, и две рати «божим промыслом минустаня в лесех»¹⁵. Эта дорога вела внутрь города в направлении современных Спасских ворот. Впоследствии здесь проходила одна из древнейших магистралей Москвы — Варварка, или Варьская улица, впервые упомянутая Владимирским летописцем под 1434 г.

Связывать кремлевский меч с известным по летописи военным эпизодом XII в. можно лишь гипотетически. Не исключено, что он мог попасть в культурный слой Москвы в 1177 г., когда ее слег Глеб Рязанский¹⁶. Клинок, возможно, принадлежал легковооруженному всаднику русской военной дружины.

Новые поступления кремлевского археологического собрания имеют исключительно важное значение и для решений проблемы исторической и социальной топографии ранней Москвы. Меч из раскопок в Кремле экспонируется в Государственной Оружейной палате.

¹ Кирпичников А. П. Древнерусское оружие.— САИ, 1966, Е1—36, с. 53—54, табл. XXII, 2.

² Мы глубоко признательны А. Н. Кирпичникову за атрибуцию меча из раскопок в Московском Кремле. Им была произведена протравка клинка реактивом Гейна (10—12% водный раствор $\text{CuCl}_2 \cdot \text{NH}_4\text{Cl}$) и выявлено подписное клеймо.

³ Кирпичников А. П. Древнерусское оружие, с. 53.

⁴ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути.— В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период. I. Материальная культура. М.— Л., 1951, с. 317.

⁵ Bruhn-Hoffmeyer A. Middelalderens tvealggede svaerd, T. II. Kobenhavn, 1954, p. 20—22; Oakeshott R. E. The archeology of weapons. London, 1960, p. 203—214; Antevins A. Damascelie un ierakstu zobenī Latvija.— Parhēnikas vesturī PSR, VI. Rīga, 1964, p. 76—77. О финских мечах А. Н. Кирпичникову сообщил И. Лепшахо в письме от 16 мая 1957 г. Дата мечей с надписью SICELINMEFFECIT, по И. Лепшахо, — около 1150 г., по А. Брун-Готмейер, — около 1200 г., по Е. Оуксхоту, — 1130—1170 гг.

⁶ Гос. Эрмитаж, № 8901/1087; 1066.

⁷ Киевский Исторический музей, № 3286, с. 69148. См. также: Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. 1, 1а. Каталог Киевского Исторического музея (рукописный).

⁸ Кирпичников А. Н. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв.— В кн.: Скандинавский сборник, XI. Таллин, 1966, с. 292.

- ⁹ Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI в.— СА, 1950, XIII, с. 65.
- ¹⁰ Шохин Н. А. Исторический очерк Малого Николаевского дворца в Московском Кремле. М., 1894, с. 18, 19.
- ¹¹ Раппопорт И. А. Древние русские крепости. М., 1965, с. 32.
- ¹² Шелляпина Н. С. Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля.— СА, 1973, № 1, с. 259—260.
- ¹³ Ранее трасса восточной стены крепости XII—начала XIII в. восстанавливалась предположительно по косвенным данным. В основу реконструкции был положен тезис о том, что до разгрома Москвы татарами в первой трети XIII в. поселок не простирался севернее юго-восточного угла современного здания Арсенала. (Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964, с. 25, рис. 11). Как было установлено раскопками последних лет, поселение XII—XIII вв. занимало всю верхнюю надпойменную террасу кремлевской возвышенности.
- ¹⁴ Анучин Д. Н. О некоторых формах древнейших русских мечей.— Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. 1. Одесса, 1886, с. 242.
- ¹⁵ Царственный летописец. Лаптевский том, л. 324 об. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей.
- ¹⁶ ПСРЛ, т. I, с. 162; т. VII, с. 93.

С. С. ШИРИНСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ И В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ

IX век в истории древнейших государств западных, южных и восточных славян — яркое время, отмеченное бурными событиями политической и культурной жизни. Несомненно, важной частью этих событий для Великоморавской державы, Древнеболгарского государства и Руси явилось принятие христианства. Отражая борьбу церковных кругов Рима и Константинополя, Византии и франкских государей за преобладающее влияние в землях славян, акт принятия христианства по византийскому образцу в условиях 60-х годов IX в. объективно способствовал росту политического влияния молодых славянских государств, их независимости и историко-культурному развитию.

Совпадение по времени, важное политическое и культурное значение этого периода в истории государств славянского мира с позиций средневекового историка отмечено еще русской летописью¹. Археологически же синхронность указанных событий открывает перспективу поиска их следов, очевидно, нашедших свое параллельное отражение в землях названных регионов, в первую очередь в характере и деталях погребальной обрядности. Сравнение возможных общих черт ритуала погребения в различных районах позволит соответственно глубже осветить имеющиеся археологические материалы, а также реальную обстановку распространения в землях славян христианства, форм и методов осуществления этого процесса.

Как убедительно показано Б. А. Рыбаковым, основное требование христианских миссионеров к изменению погребального ритуала новообращенных христиан заключалось в отказе «для спасения души» от языческого обряда кремации². Действительно, в землях восточных славян именно в IX—X вв., преимущественно в Среднем Поднепровье, в районе древнейших центров Руси — Киева и Чернигова — среди основной массы славянских языческих погребений, совершенных по обряду трупосожжения, появляется некоторое число захоронений — трупоположений.

Часть этих погребений, содержащих трупоположения, ориентированные головой на север, юг, восток, и захоронения сидя³ не находят себе аналогии в славянском мире. Сходство они обнаруживают с балтскими и финно-угорскими погребениями Восточной Европы⁴, а также с некоторыми одновременными могилами Скандинавии⁵. В Среднем Поднепровье такие захоронения встречены в небольшом числе в Киеве и на кладбище дружинного лагеря у с. Шестовицы. По-видимому, оставлены они членами семей воинов различной этнической принадлежности, находившихся на службе в дружине киевских князей.

Большинство известных к настоящему времени трупоположений исследуемого периода в Среднем Поднепровье составляют погребения, где тело покойного было помещено в могильную яму головой на запад. Именно эти захоронения по характеру и деталям погребальной обрядности имеют прямые аналогии в массово изученных к настоящему времени соответствующих памятниках на древней территории Великой Моравии.

Сотни раннехристианских погребений IX—X вв., известных по раскопкам в Старом Месте, Микульчицах, Поганьско, Скалице, Старом Коуржиче⁶ и многих других местах на территории Чехии, Моравии и Словакии, образуют идентичные серии ориентированным на запад древнейшим трупоположениям Среднего Поднепровья. И здесь и там тела могли помещаться в выложенные деревом могильные ямы, сложность и размеры конструкций которых определялась только степенью знатности и богатства погребаемых в них людей. И в Поморавье и на Руси для погребений знати в эту эпоху характерно наличие пышного погребального инвентаря, предметов, подчеркивающих рыцарскую принадлежность погребенных, а иногда и убитых женщин и рабов⁷. И там и здесь как пережиток языческих трупосожжений в ранних могилах с трупоположением в могильной яме или над ней встречаются следы ритуальных, очистительных костров и отдельные кости животных — остатки стравы. Подтверждают сходство трупоположений с западной ориентировкой и находки в некоторых подобных погребениях на Руси и Великой Моравии крестов-тельников, крестов-накладок⁸, а в одной из таких могил, исследованной у с. Шестовицы Д. И. Блифельдом, — печатки с изображением Христа, привешанной на одно кольцо с языческим амулетом таранной косточкой бобра.

Сопоставление раннехристианских погребений Среднего Поднепровья и Поморавья позволяет выявить дополнительные подробности к характеристике христианской погребальной обрядности, получившей в исследуемый период распространение в Киеве. При раскопках древнейшего киевского кладбища в районе Десятиной церкви прослежено несколько случаев, когда отдельные ранние трупоположения, заключенные в глубоких, вырытых в материке ямах, перекрывали или нарушали такие же, только еще более древние захоронения⁹. Подобные явления свидетельствуют, что обычная и хорошо известная на Руси (как в этот период, так и в после-

дующее время) курганная насыпь в данном случае над названными погребениями отсутствовала. Сами же могилы на уровне древней поверхности отмечались каким-то пным способом.

С одной стороны, надмогильные сооружения указанных погребений, по-видимому, точно фиксировали на поверхности их положение, так как позволяли новые захоронения совершать точно в предшествующие могильные ямы. С другой стороны, несомненно, что уже через сравнительно короткий промежуток времени следы подобных надгробных сооружений стирались. В результате этого и происходили неоднократные нарушения одних могил другими¹⁰. Объяснить подобную ситуацию позволяют наблюдения, полученные В. Грубым при раскопках раннехристианского кладбища в Старом Месте. Благоприятные условия позволили здесь установить, что могилы на поверхности отмечались небольшой (высотой до 80 см) подпрямоугольной в плане насыпью, которая по площади лишь незначительно превышала размеры ямы.

Таким образом, мы получаем свидетельство, что на территории Киева не позднее середины X в. функционировало кладбище какой-то общины, предельно точно в условиях своего времени соблюдавшее требования христианской религии.

Приведенные сопоставления еще раз подтверждают справедливость вывода Б. А. Рыбакова, что большинство появившихся в IX—X вв. в Среднем Поднепровье труположений являются результатом распространения на Руси христианства¹¹. В свете вышеизложенного раннехристианские погребения Среднего Поднепровья представляются не исключительным, не изолированным событием в развитии погребальной обрядности у славян. Борясь в первую очередь с языческим обрядом кремации умерших, на такие «мелкие» грехи «молодых» христиан, как убийство невольниц и рабов при похоронах знатных лиц или широко практикующееся погребение «спасенных» язычников с их оружием, украшениями и предметами быта, духовенство было вынуждено долгое время смотреть сквозь пальцы. На Волях погребения воинов-христиан с убитыми рабынями встречаются еще в начале XI в., а обычай хоронить знатных лиц с оружием или украшениями сохраняется на Руси веками, даже в церквях¹².

¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М., 1963, с. 246—247.

² Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства.— В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 821.

³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 142, 151—152, 154, 167—168, 182—185, 191—194, 206—208; Блауфельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв.—СА, 1954, XX, с. 154—155; Arne T. J. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine.— Acta Archaeologica, Bd. III, Kopenhagen, 1931.

⁴ Седов В. В. Следы восточобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси.—СА, 1961, № 2; Фелгнер М. В. Темиревский могильник. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 15.

⁵ Arne T. J. Skandinavische..., S. 299—300; Arðman H. Birka.— Die Gräber, t. I, Uppsala, 1943, N 581, 599, 632, 644, 792, 959, 1090, 1132.

⁶ Hrubý V. Staré Město. Praha, 1955; Poulik J. Velkomoravské hradiště Mikulčice. Gottwaldov, 1959; On же. Dvě velkomoravské rotundy v Mikulčicích. Praha, 1963; Budinský-Krička V. Slovanské mohýly v Skalce. Bratislava, 1959; Solle M. Stara Kouřim. Praha, 1966; Chropovský B. Slovensko na úsvite dejích. Bratislava, 1970; Kalousek F. Břeclav-Pohansko. Brno, 1971.

- ⁷ Подлинной копией наиболее пышным срубным захоронениям Среднего Поднепровья являются известные погребения Колына и Железок. См.: *Schranil J. Několik příspěvků k rozbíraní Kulturních proudů v zemích českých v X—XII st.*— In: *Niederlun sborník*. Praha, 1925.
- ⁸ *Каргер М. К.* Древний Киев, т. XVI, XXVIII, XXIX.
- ⁹ *Каргер М. К.* Древний Киев, с. 144—145.
- ¹⁰ *Каргер М. К.* Древний Киев, рис. 24.
- ¹¹ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь, с. 816—827.
- ¹² *Рагич О.* Древнеруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, с. 26—27; *Древности*, т. X. М., 1895, с. 28; *Каргер М. К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви.— *КСИИМК*, 1940, IV, с. 18—20; *Он же.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде.— *СА*, 1946, VIII, с. 202—211.

Ю. Л. ШАПОВА

О ДРЕВНЕРУССКОМ СТЕКЛОВАРЕНИИ

Первые приметы производства стекла в Древней Руси становятся очевидными в самом конце X в. К первой четверти XI в. относятся изделия, изготовленные древнерусскими мастерами в соответствии с оригинальной технологией. Надежное и разностороннее обоснование этого тезиса произведено некоторыми авторами¹. Этот тезис принят нами в качестве отправного момента.

Производство стекла в древности было организованным процессом. Оно распадается на два этапа: изготовление стеклянной массы и выработки изделий из нее. Варка стекла — заключительный процесс первого этапа, которому предшествует не только подготовка сырья, но и возведение специальных печей, изготовление специальных горшков и инструментария. Производство стекла было вписано, таким образом, в сложную систему древнего производства как отдельная его отрасль.

Стеклоделию, как и всякой другой производственной деятельностью, обучали. Обучение составляло сложный курс, касавшийся правил возведения и эксплуатации печей, выбора топлива и сырья, а также и самой рецептуры стекловарения. В химическом составе древнего стекла были различия, систематичность которых отражает правила, которые, очевидно, существовали в древности. В древнем стекловарении прослеживаются своего рода «школы». Приметы некоторых «школ» нам удалось уловить². Это «школы в стекловарении» древнего Египта и Месопотамии, провинциально-римская и римская столичная, сирийская, византийская. Связь этих «школ» между собой хорошо представляется приводимая таблица (рис. 1; каждая точка на таблице соответствует одному химическому анализу).

По ординате на этой таблице отложено процентное содержание щелочных земель, по абсциссе — отношение суммы щелочей к сумме щелочных земель (в готовом стекле). По нашему мнению, это отношение может

соответствовать правилу соединения легкоплавких фракций стекловарной шихты³, иными словами, характеризовать рецептурную порму, которой следовал мастер в ставших известными нам конкретных случаях. Распределение же точек на полигоне позволяет видеть в каждом отдельном скоплении некое отражение правил, известных в практике древнего стекловарения.

Коль скоро существование древнерусской школы в стеклоделии («школа в стеклоделии» — термин более широкий, чем «школа в стекловарении», он включает в себя технологию производства, номенклатуру изделий, их художественный стиль) — реальный факт, коль скоро связь древнерусского стеклоделия с византийским имеет признаки и доказательства, представленные в словесной форме, то найти место древнерусского стекловарения на приведенном полигоне представляется задачей существенной и разрешимой.

В Древней Руси изготавливали два типа стекол: бесцелочное свинцово-кремнеземное и щелочное калиево-свинцово-кремнеземное, в отличие от византийских (и всех других стекол, происходящих из указанных выше областей), которые принадлежат к типу стекол, называемых в литературе предмета античными: сода (или зола) — известь — песок.

Отысканию места древнерусских стекол на полигоне (рис. 1) предшествует ряд счетных операций.

Оксид свинца и песок вводятся в шихту в чистом виде и целиком переходят в стекломассу.

Корреляция весовых долей состава некоторым образом упорядочивает их различия, несмотря на малое число наблюдений. Однако толковать их сложно. Более простым для комментария оказался вариант, в котором состав свинцово-кремнеземных стекол выражен не в весовых долях, а в долях объема⁴. Один объем окиси свинца в 3,7 раза тяжелее песка. (Грамм-молекула PbO — это 223,21 г/м, грамм-молекула SiO_2 — это 60,09 г/м. $223,21 : 60,09 = 3,7$).

На горизонтальной оси отмечены объемные отношения окиси свинца и песка (рис. 2). Эти отношения подчиняются некоторым правилам. Очень плотно располагаются отношения в пределах 0,46—0,56; 0,87—0,93; 1,08—1,17.

Допустим, что каждое скопление точек выявляет какую-то норму. Рассчитаем среднюю величину и двойное стандартное отклонение. Для первого скопления — это $\bar{x} = 0,525$ (в пределах 0,42—0,62); для второго скопления $\bar{x} = 0,89$ (пределы колебаний 0,75—1,07); для третьего $\bar{x} = 1,13$ (пределы 1—1,26). Между крайними пределами первого и второго скоплений находится группа стекол, объединенная методом исключения. Для нее $\bar{x} = 0,72$ (0,50—0,94). Необходимо, следовательно, ввести дополнительное условие, с помощью которого можно было бы разграничивать область паложений. Выразим отношения объемных долей состава в виде целых величин.

Стекла, составляющие первое скопление, подчиняются правилу, согласно которому на каждый объем окиси свинца берутся два объема песка. По расчету в эти пределы входит и норма 0,61, но стекло составлено по норме 2 : 3 и строго не должно включаться в эту группу, хотя, бесспорно, очень близко к ней.

Стекла, составляющие второе и третье скопления, пределы которых частично накладывались друг на друга, подчиняются другому правилу, 207

Ю. Л. ЩАПОВА

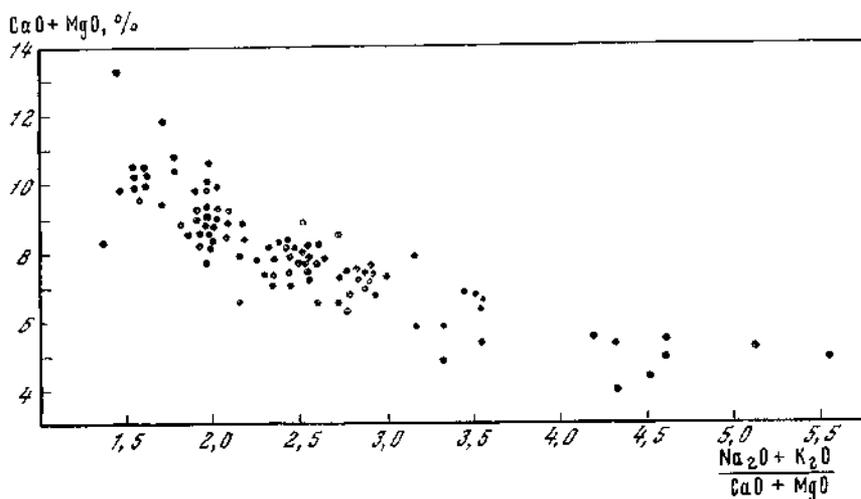

Рис. 1.

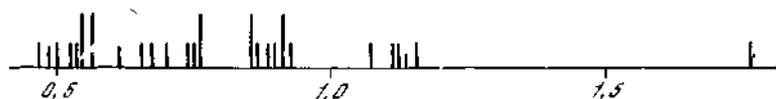

Рис. 2.

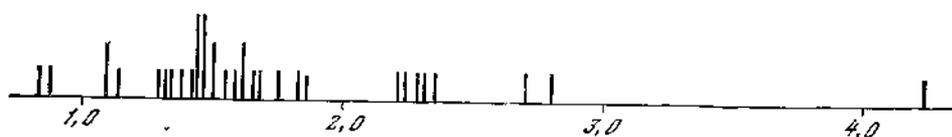

Рис. 3.

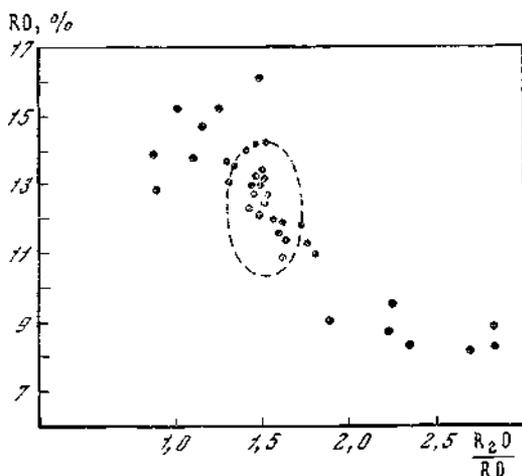

Рис. 1. Количественная характеристика древних стекол

Рис. 2. Нормы соединения стеклообразующих компонентов в свинцово-кремнеземных стеклах

Рис. 3. Нормы соединения легкоплавких фракций в калиево-свинцово-кремнеземных стеклах

Рис. 4. Связь количественных характеристик стекол древнерусских и византийских

согласно которому на каждый объем окиси свинца берется один объем окиси свинца.

Стекла, объединенные методом исключения, подчиняются разным правилам: 2 : 3, 3 : 4, 4 : 5. Именно это разнообразие и составляет их общую черту.

Принимая во внимание соотношения, взятые в целых величинах, совокупность имеющихся данных можно разделить на следующие группы, соответствующие возможным нормам соединения основных стеклообразующих в стеклах рассматриваемого типа: 2 : 1, 1 : 1, 1 : 2, 2 : 3, 3 : 4, 4 : 5. Большая часть стекол подчиняется наиболее простому правилу: 1 : 1 и 1 : 2.

Полагая, что эти нормы расхода сырья находились в естественной и логичной связи, можно было бы простейшее решение, норму 1 : 1, считать первоначальным.

По своей технологической природе это стекло не только легкоплавко, оно обладает огромным резервом, поскольку используется не вся стеклообразующая сила окиси свинца, а только часть ее. Путь освоения этого резерва — увеличение объема вводимого в шихту песка. Простейшее решение проблемы — сразу удвоить количество песка — оказалось, как мы видим, и самым популярным. Вместе с ним существовали решения и более сложные — 2 : 3, 3 : 4, 4 : 5. Возможно этот ряд и продолжить, предположив существование норм 5 : 6, 6 : 7, 7 : 8, 8 : 9, 9 : 10, последняя совсем рядом с исходной 1 : 1. По сравнению с первым рядом, где реализован принцип удвоения и раздвоения, эти решения кажутся более острожными.

Второй тип древнерусских стекол — стекла калиево-свинцово-кремнеземные. Это более сложная система, в ее образовании принимают участие щелочи, окись свинца и песок, т. е. окислы групп R_2O , RO и SiO_2 .

Песок во всех рассматриваемых стеклах постоянно составляет примерно половину всего состава, взятого в весовых единицах. Никаким измельчениям эта часть шихты не подвергается⁵. В качестве щелочного сырья для калиево-свинцово-кремнеземных стекол в Древней Руси использовался поташ, который содержит в своем составе K_2CO_3 с небольшой примесью Na_2CO_3 ⁶. Окись калия и окись натрия, зарегистрированные аналитически в готовом стекле, нужно перевести в карбонаты, т. е. в тот вид, в котором они содержатся в поташе и который берется в свою очередь для составления шихты. Основой пересчета служат реакции, записанные в следующем виде: $K_2CO_3 = K_2O + CO_2$, $Na_2CO_3 = Na_2O + CO_2$. Решив простейшее уравнение, мы пойдем правила пересчета окисей калия и натрия готового стекла на щелочное сырье шихты.

Третья составная часть шихты — окись свинца. Выше мы показали, что весовые характеристики древнерусских стекол недостаточно выразительны. Опираясь на опыт обработки свинцово-кремнеземных стекол, рассмотрим состав этой части калиево-свинцово-кремнеземных стекол в долях объема.

Один объем окиси свинца в 1,6 раза тяжелее одного объема поташа. Низкие содержания Na_2CO_3 позволяют, на наш взгляд, ограничиться расчетом на K_2CO_3 , по общее содержание щелочей нужно учитывать по их сумме. Последовательный расчет рецептурной нормы ведется по следующей формуле: $1,6 (K_2CO_3 + Na_2CO_3) : PbO$. Полученные результаты расчетов могут быть представлены графически (рис. 3).

Наиболее плотно, как мы видим, данные сосредоточены вокруг соотношения 1 : 1,5. Допустим, что это свидетельствует о существовании нормы, когда на один объем окиси свинца берется 1,5 объема поташа. Для этого скопления (данные взяты в наиболее тесных пределах 1,42—1,53) $\bar{x} = 1,46$ (предельные значения 1,26—1,66); небольшие группы сосредоточены вокруг соотношений, равных 1, 2, и по одному разу зарегистрированы соотношения около 3 и 4 (2,8 и 4,2).

Оцепить найденные соотношения можно, приложив к ним систему счета в Древней Руси⁷. Эта система признавала удвоение и раздвоение в виде самостоятельных математических операций. Тогда ряд 2 : 1, 1 : 1, 1 : 2 для свинцово-кремнеземных стекол, ряд 1, 2, 4 и ряд 1, 5 и 3 для стекол калиево-свинцово-кремнеземных можно было бы толковать как пример использования этой системы в практике древнерусского стекловарения.

Полагая, что приводимые соотношения отражают правила соединения легкоплавких фракций шихты, окиси свинца и поташа, нельзя не признать, что простейшее правило соединения частей 1 : 1 более принято в стеклах свинцово-кремнеземных, чем в стеклах калиево-свинцово-кремнеземных, где распространено более сложное, — 1 : 1,5. Однако и в этом случае удвоенная норма от простейшего соотношения известна шире, чем удвоенная от 1 : 1,5.

Примененная в этих случаях система счета подводит к предположению об авторах-изобретателях этих изменений: только древнерусским мастерам могло принадлежать авторство этих изменений.

Проблема связи древнерусского стекловарения с традициями мирового (по тем масштабам) стеклоделия имеет положительное решение а priori, и необходимо лишь найти способ, с помощью которого можно было бы выяснить саму форму связи.

Если идти от существа состава древнерусских калиево-свинцово-кремнеземных и других древних стекол, формула которых взята в наиболее общем виде: $R_2O \cdot RO \cdot SiO_2$, то принципиальных различий мы не заметим. Если признавать, что соотношение щелочей и окиси свинца характеризуют норму соединения легкоплавких фракций шихты, то можно найти полные аналоги норм среди стекол разного происхождения: норма соединения частей в древнерусских стеклах и норма соединения легких фракций в стеклах византийских, исторически наиболее близких древнерусским, одинакова. Различны лишь количества окислов группы RO.

Сравним удельный вес окиси свинца и окиси свинца, которые составляют эту группу. Окись свинца в 2,2 раза тяжелее извести ($PbO : CaCO_3 = 223,21 : 100 = 2,2$). Эта величина по существу есть коэффициент, который нужно учитывать, сравнивая в долях объема содержания окиси свинца и извести. Путем такого пересчета можно переходить к сравнению рецептурных норм древнерусских и византийских стекол, приняв во внимание доли объема, а не веса.

Коррелируем вновь найденные величины и нормы соединения легкоплавких фракций. Результаты корреляции представляет полигон (рис. 4). Как мы видим, область древнерусских стекол, соответствующих норме 1,5, точно вписывается в область соответствующих стекол византийских.

Прямая связь между византийским и древнерусским стекловарением существует, можно сказать, на уровне теоретическом. От византийцев за-

имствована основная технологическая идея, самый общий принцип изготовления стекла из тройной шихты. Что касается технической разработки идеи, то авторство древнерусских стеклоделов вряд ли можно подвергать сомнению.

Наблюдения над составами древнерусских стекол, сделанные нами в ходе рассмотрения количественных анализов, не могут быть интерпретированы в плане историческом по той причине, что самих наблюдений очень немного. Существенную помощь в этом плане можно получить, прибавив массовые результаты качественного спектрального анализа с приблизительной оценкой содержания элементов в пробе.

Свинцово-кремнеземное стекло употреблялось для изготовления мозаик и украшений (посуду из него не выдували). Смальта, употребленная в мозаиках Софии Киевской, — сложная по своему составу, однако свинцово-кремнеземная изготовлена по норме 1 : 1. Так же сварено стекло и для древнейшего мозаичного убора Софии Новгородской, но полы 1142 г. сделаны из другой смальты, сваренной по норме 1 : 2; по этой же норме варили смальту, вернее, часть ее в мастерской Киево-Печерской лавры. Мозаика для Дмитровского золотоверхого монастыря изготовлена по разным правилам — 1 : 1 и 2 : 3; так же была сварена смальта из мозаик Благовещенского собора в Чернигове. Полоцкие мозаики сварены по смешанным нормам (2 : 3; 3 : 4).

Как ни мало примеров, однако нельзя не заметить, что изменения в рецептурных нормах, по которым варят стекло для смальт, становятся заметными в конце XI в. Вполне вероятно, что осторожный переход к более экономному расходованию сырья с течением времени становится более очевидным, а начало этого процесса можно относить к середине XI в. (мозаики Софии Полоцкой).

Изменения, происходившие со свинцово-кремнеземным стеклом, использовавшимся для изготовления украшений, не упорядочиваются строго хронологически. По некоторым приметам, однако, можно допустить, что они были похожими на те, которые претерпевало стекло мозаик в смальте. Косвенным свидетельством реальности процесса является с течением времени сокращение норм расхода сырья. Объем производства самой стеклянной массы, украшений из нее увеличивался. Другим косвенным свидетельством можно считать и расширение сферы применения стекла — в архитектуре, быте, при изготовлении поливной керамики. Что касается производства стеклянных браслетов, то оно бытовало на базе разных рецептурных норм: 1 : 1, 1 : 2, 2 : 3 и т. д. Сейчас трудно говорить о каких-либо закономерностях, можно лишь отметить, что в Полоцке примерно равные объемы браслетов изготавливались по норме 1 : 1 и другим, более экономным⁸, в Новгороде варили преимущественно многосвинцовое стекло, предпочтение многосвинцовому стеклу отдавали в Смоленске и во Вщиже⁹.

Что касается изделий из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, то большая часть их изготовлена по основной норме 2 : 3. Однако достаточно много браслетов и посуды, изготовленных из стекла более рациональной рецептуры. Например, треть стеклянных браслетов, найденных во Вщиже, около половины новгородских, небольшое число смоленских, московских, новгородских (список можно продолжать) изготовлены из стекла рецептурной нормы 1 : 2. Нельзя не отметить, что в Новгороде такие браслеты появляются лишь в конце XII в.

Процессы, затрагивающие разные области древнерусского стекловарения, в общем сходны по своему характеру и совершаются в одном направлении. Что касается темпов развития, то в настоящее время они могут быть лишь намечены, столь же приблизительны наши представления и о хронологии совершаемых процессов.

Однако очевидно уже и сейчас, что первые изменения в стекловарении приходится на середину XI в., следующие становятся очевидными лишь во второй половине XII в. В стеклоделии эти изменения нашли свое выражение в расширении сети мастерских. На начальных этапах производство стекла было сосредоточено в Киеве. В других городах, например в Полоцке, оно было создано для конкретной цели — для изготовления мозаик Софии (середина XI в.) и просуществовало недолго. Затем со второй половины XII в. стеклоделие в Полоцке существует уже в новом варианте: в полоцких мастерских делают украшения, браслеты и бусы, ограниченных, правда, форм и расцветок.

Мастерские по изготовлению украшений, но с более широким, чем в Полоцке, ассортиментом появляются в Новгороде также во второй половине XII в.¹⁰ Процесс расширения производственной сети развивался на протяжении всего последующего времени: в конце XII в. в Новгороде появляется вторая волна стеклоделов, примерно в это же время возникает стеклоделие в Старой Рязани¹¹, начинают делать бусы на некоторых городищах по Оке. Эти изменения совпадают по времени не только с изменениями в развитии ремесла, но и древнерусской экономике в целом¹². Несмотря на всю справедливость последнего тезиса, он может быть предложен лишь в общей форме и подлежит уточнению и конкретизации.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 398 и сл.; Безбородов М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956; *Он же*. Химия и технология древних средневековых стекол. Минск, 1969; Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

² Шапова Ю. Л. Из истории древнейшей технологии стекла.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 134—155; *Она же*. О химическом составе древнего стекла.— СА, 1977, № 3.

³ Шихта — это смесь основных стеклообразующих: щелочей, щелочных земель и песка, составленная по заданным нормам, принятым рецептам.

⁴ Все расчеты произведены по опубликованным результатам: Безбородов М. А. Химия и технология..., Приложение, ан. 641—680.

⁵ Безбородов М. А. Химия и технология..., Приложение, ан. 685—734.

⁶ Безбородов М. А. Химия и технология..., Приложение, ан. 685—734.

⁷ Симонов Р. А. О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси.— СА, 1975, № 3, с. 85—87.

⁸ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 115.

⁹ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 132—133, 139.

¹⁰ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 113—118, 124—127.

¹¹ Шапова Ю. Л. Ук. соч., с. 129, 155—157; *Она же*. Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966—1968 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 79—81.

¹² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 65; Рындина Н. В. Технология новгородских ювелиров.— МИА, 1963, № 117.

ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПОЛЬШЕ

Археологические исследования на раннесредневековом могильнике в Лютомерске, в настоящее время небольшом местечке, расположенном на левом берегу р. Нэр (приток р. Варты), в 17 км на запад от г. Лодзь, почти в самой середине этнической территории раннесредневековой Польши, а также земель, находящихся под управлением первых Пястов, велись под моим руководством, а потом самостоятельно моими учениками и сотрудниками в 1949—1955 гг. Могильник был исследован полностью¹. О Лютомерске нет никаких заметок в исторических источниках на протяжении первых трех столетий существования польского государства. Первое сообщение о Лютомерске появляется в конце XIII в., когда эта местность получает городской закон, что косвенно говорит о какой-то выдающейся ее роли уже в гораздо более раннее время. Про Лэнчицу, Серада и Спицимеж, совсем недалеко расположенных, но важных городах средней Польши, мы узнаем гораздо раньше из польских, а также иностранных источников. Известны также названия, по крайней мере от первой половины XII в., нескольких десятков деревень, расположенных вокруг этих городов и по соседству с Лютомерском. Удивительно то, что открытый здесь могильник по сравнению с могильниками из других районов Польши содержит гораздо большее число погребений, отличающихся редким в этих местах способом захоронения.

На могильнике было захоронено около 150 покойников. Методически исследовано 133 погребения. Расположен он в долине р. Нэр. Ориентировка большей части погребения восток-запад, и только небольшое число людей бедных или средней зажиточности захоронено (преимущественно в последний период существования кладбища) с небольшим отклонением к северо-западу или к юго-западу. Подавляющее большинство — это захоронения с труположением, 12 захоронений — с трупосожжением, одно — смешанного обряда: с труположением и трупосожжением.

Мужчин хоронили (там, где можно было проследить), как правило, головой на восток, женщин — головой на запад. Детских захоронений очень мало.

Над прямоугольными могильными ямами с закругленными углами поднимались, вероятно, первоначально прямоугольные низкие земляные насыпи, какие мы наблюдаем на современных кладбищах. Для круглых в плане курганных насыпей, по-видимому, не было места по причине большой частоты могил.

Анализ размещения раннесредневековых могил показал, что главной его осью была кладбищенская дорога шириной около 8 м, проходившая с запада на восток и оканчивавшаяся тупиком. Возможно, на конце юго-западного гребня высокого полуострова был некогда какой-то культовый объект, следы которого не сохранились. По моему мнению, мужские мо-

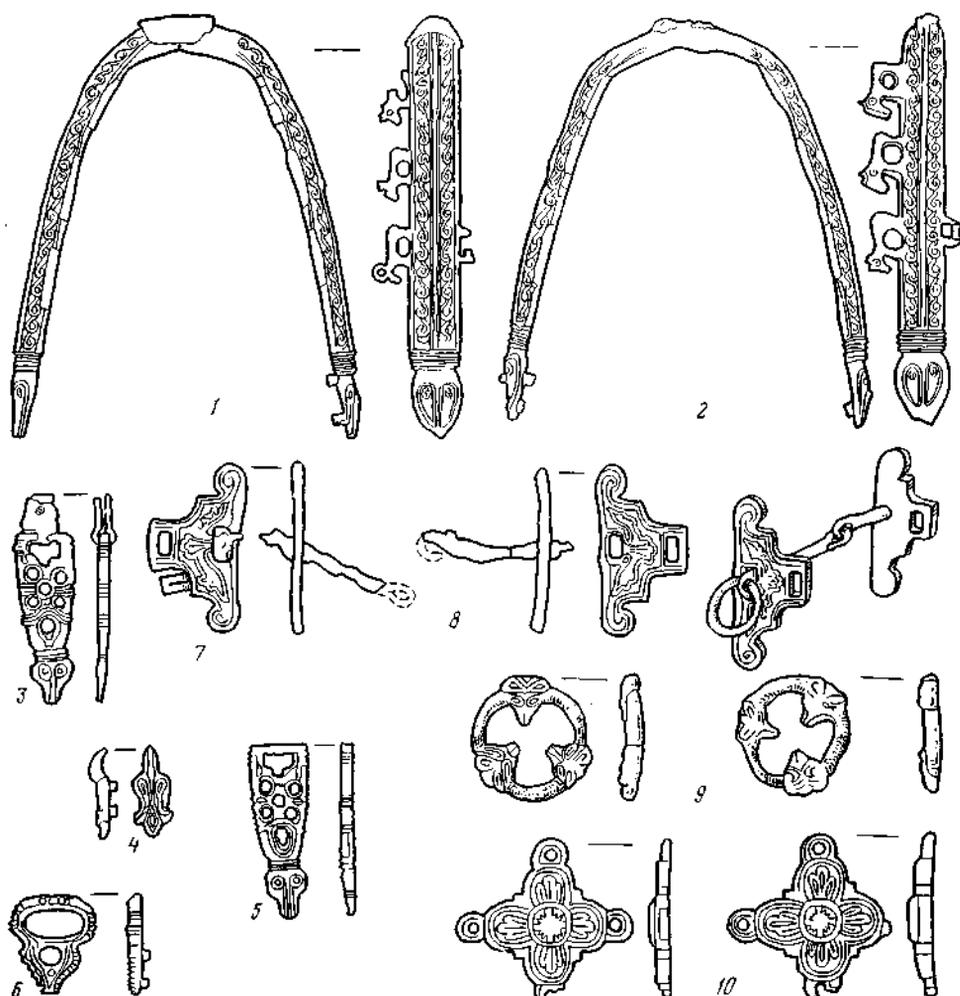

Рис. 1. Вещи из могильника в Лютомерске

- 1, 2 — бронзовая оковка ремней и бронзовая пряжка из могилы 10;
 3—6 — бронзовая оковка 7, 8 — железные удила с усами из могилы 10;
 9 — бронзовая оковка узды с головками медведей из могилы 5;
 10 — бронзовая оковка узды

гилы, особенно богатые, прилегающие непосредственно к этой дороге с юга и севера, надо считать первыми на этом кладбище.

Анализ могильного инвентаря позволяет весьма точно определить время лютомерского кладбища. Большинство древностей, хронологию которых можно определять, относятся ко времени между последним десятилетием X в. и 40-ми годами XI в. Некоторые данные, кажется, говорят, что первые захоронения самых выдающихся и богатых покойников с инвентарем восточного происхождения появились вдоль центральной дороги клад-

бища главным образом около 1000 г., а последние — в 20-х годах или самое позднее в 30-х годах XI в. Немного позже, в 40—60-х годах, захоронено на этом кладбище еще несколько умерших, преимущественно женщин.

Много примет свидетельствует о резком общественном и этническом расчленении захороненных в Лютомерском могильнике. Могилы людей (преимущественно мужчин), самых богатых и значительных, выделялись большими размерами могильных ям, надмогильными кладками булыжников, покрывавших захоронение. В захоронениях мужчин встречается лошадиная упряжь или шпоры, ведра и мечи. В женских могилах часто падаются серебряные украшения, гривны, филигранные бусы, стеклянные, сердоликовые, горного хрусталя и янтаря.

Могилы людей менее богатых и более скромного общественного положения отличались тем, что в них не было лошадиной упряжи и шпор, а также исключительно редко встречались импортные вещи, а в захоронениях женщины здесь появляются украшения из бронзы. Ямы могил были чаще всего средней величины или даже малые, каменные кладки над мужскими могилами редки, а над женскими вообще отсутствовали. В большинстве случаев могилы этой категории людей паходились за рядом могил самых богатых, занимая преимущественно второй или более дальние ряды. Самые бедные люди хоронились в могилах малой или средней величины, расположенных преимущественно на окраинах кладбища. Иногда в них находили ведра.

Возможно, три категории могил можно считать отражением трех групп, из которых состояло общество, живущее в начале XI в. в Лютомерске или в его округе. Первая группа, играющая главную роль, — это всадники («milites»), представители феодального класса «средней величины», а также люди, связанные с ними. Захоронения последних занимают на кладбище «второй план». Быть может, что всех людей этой группы объединяла родовая связь в том понимании, которое существовало здесь в XI в.

Вторая группа — пешие воины, вооруженные боевыми топорами и щитами и как исключение мечами или луками со стрелами. Люди эти состояли на службе у феодалов — это как бы местные дружинники.

Третью группу составляли люди самые бедные, по-видимому, зависимые крестьяне и прислуга.

Большинство умерших, похороненных на могильнике в Лютомерске (все женщины и большинство мужчин), безусловно, местные жители — поляки. Об этом говорит похоронный обряд и находки в погребениях. Однако интересно, что большинство богатых погребений мужчин имеют, очевидно, особенности, не свойственные польскому обряду захоронений, — обычай класть в могилу конскую упряжь и копьё; довольно частое (чаще, чем где-либо в Польше) применение здесь обряда трупосожжения (сожженные кости умерших рассыпаны по всей длине могильной ямы); рядовое расположение больших могильных ям, обложенных камнями, и наличие в таких могилах импортных предметов. Часть могил воинов в южной части Лютомерского могильника была снабжена только копьём, что отличает их от могил пеших польских воинов, вооруженных не только копьём, но также боевыми топорами. По моему мнению, здесь, на юг от центральной дороги кладбища, хоронили богатых всадников, т. е. чужих феодалов, а кроме того, и обыкновенных зависимых от них воинов.

Комплекс признаков, отличающих эти чужие, не польские захоронения, связан непосредственно с Русью, а именно с погребениями и обрядом трупосожжения, свойственными варяжско-русским могильникам (обширные погребальные ямы и каменная обкладка, во многих случаях наличие лошадиной упряжи).

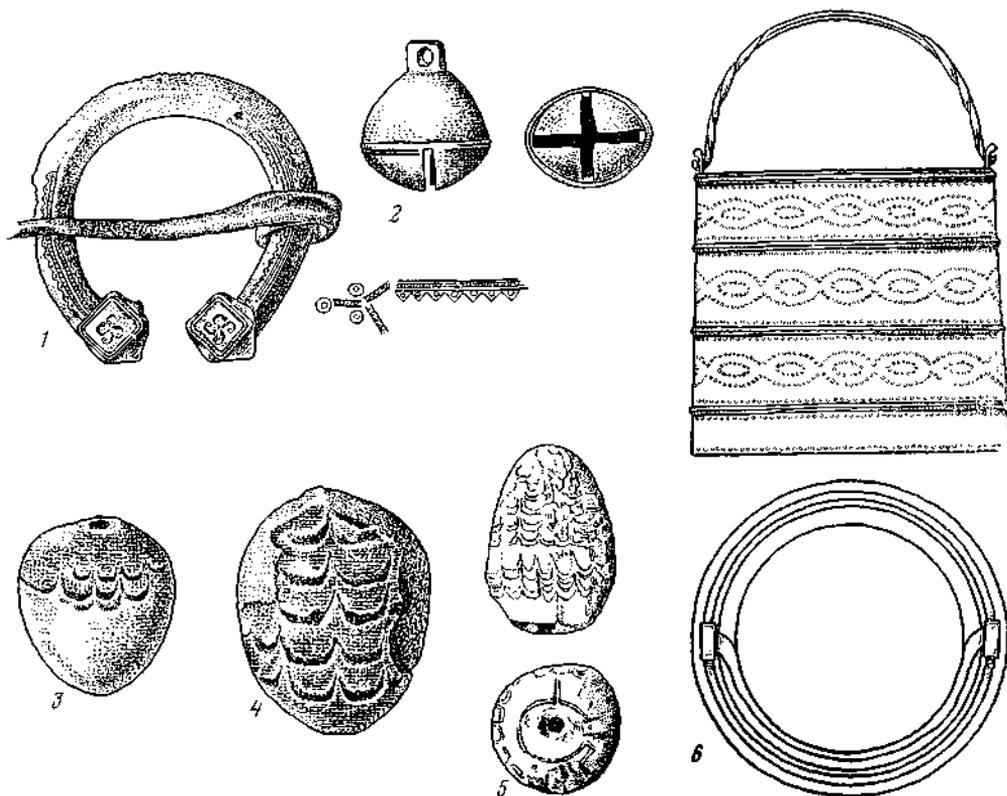

Рис. 2. Вещи из могильника в Лютомерске

- 1 — застежка (санста) из бронзы из могилы 9; 2 — бронзовый колокольчик из могилы 21 1/4; 3—5 — киевские писанки; 6 — схематическая реконструкция деревянного ведерка

Рассматривая древности, связанные с варяго-русскими захоронениями, отметим среди них следующие: бронзовую украшенную оковку высокого лука седла, остатки кожаных частей седел, может быть подушек, заполненных перьями; остатки попоны (чепрака), украшенной шерстяной материей, сделанной в технике, близкой к гобеленам или килимам (кагаман) малоазиатского происхождения; железные стремена с выгнутой пяткой; железные полукруглые пряжки от поясов; удила из двух частей с усами, сделанные из бронзы в восточноевропейском стиле (рис. 1, 7, 8) в виде железного прута, скрученного винтообразно с шариками на концах; бронзовая оковка уздечек с головками медведей

(рис. 1, 9); бронзовая и железная оковки узды в форме украшенных крестов (рис. 1, 10); бронзовая украшенная застежка (сакста) балтийского типа (рис. 2, 1); возможно, бронзовый колокольчик (рис. 2, 2); киевская писанка-яйцо из белой глины с узорной глазурью (рис. 2, 3, 4, 5); погремушка; железные наконечники копий с инкрустацией серебром скалдилавского происхождения; вероятно, нож с длинным лезвием и деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой; двулезвийный нож (похожий на малый меч или *mizerykordia*), имеющий аналогию в Гнезде под Смоленском, и, наконец, малые деревянные ведра с железными обручами, дужкой и ушками или ручкой из железных колец, обитые полосками жести, орнаментированной чеканными шипечками (рис. 2, 6). Следует еще добавить украшенную обивку, сделанную из бронзы уральского типа, профилированные бронзовые пряжки, а также ажурные наколечники ремней.

Все перечисленные вещи как из области ритуальных обычаев, так и материальной культуры связаны преимущественно с Русью, главным образом с Киевской, а через нее — с культурой народов, проживающих в причерноморских и приуральских степях, а также со средой русско-скандинавской и русско-восточнобалтийской. Можно привести еще несколько самых отдаленных аналогий к некоторым древностям с Лютомерска, например: распределители к ремням с орнаментом из медвежьих голов, подобные найденным в с. Спасское Каминского у. Томской губ. над р. Омия (между верхним течением Оби и Иртыша²), а также в с. Кыловска и в районе Перми над верхней Камой³.

Встает вопрос, как объяснить, что в начале XI в. появились элементы старорусской культуры в самом центре польского государства первых Пястов, вдали от ее главных политических, хозяйственных и культурных центров? В литературе высказывалось предположение, что во времена Болеслава Храброго, в годы военных столкновений (1013, 1018 или 1019), небольшая группа влиятельных политических эмигрантов (изгоев) из Киевской Руси совместно с группой воинов пашла убежище в средней Польше и была здесь посажена «на покорм», возможно, специально подальше от границ государства. Эти русские по происхождению люди, наверное, частично христианизированные, в какой-то степени русифицированные варяги, но сохранявшие еще свои скандинавские обычаи, были здесь наемниками на службе у польского короля; возможно, они были даже паделопы землей. Здесь они жили на польских желцинах, роднились с местными вельможами и свободными воинами, со временем начали приспособливаться к местным обычаям, пока совсем не ассимилировались.

Ход развития этого процесса можно отчетливо проследить по материалу Лютомерского могильника. Следует заметить, что кладбище это имеет исключительный характер на польской земле.

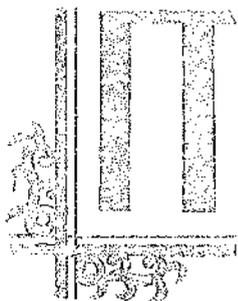
- ¹ *Jażdźewski K.* Cmentarzyska wczesnośredniowieczne w Lutomiersku pod Łodzią w świetle badań z r. 1948.— *Materiały wczesnośredniowieczne*, t. I. Warszawa, 1951, s. 91—191; *On же.* Sprawozdanie z badań archeologicznych na cmentarzysku wczesnośredniowiecznym w Lutomiersku w pow. łaskim (woj. łódzkie) w r. 1950.— *Materiały wczesnośredniowieczne*, t. II, 1952, s. 257—264.
- ² *Чугунов Н. С.* Отчет о раскопках в 1896 году в Каминском уезде Томской губернии.— В кн.: Отчет императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898, с. 219—220, рис. 618, а-622 и с. 100—101. Альбом рисунков в Отчетах императорской Археологической комиссии за 1882—1898 годы, с. 305.
- ³ *Aspelin J. R.* Antiquites du nord finno-ougrien, II. L'âge du fer antiquites permiennes, s. 135, tabl. 569, 574. Отчет императорской Археологической комиссии за 1896 год, с. 95, рис. 36а; с. 129, рис. 455, а — д.

ИСТОРИЯ

- М. Е. Бычкова Генеалогия в «Истории о великом князе московском»
А. М. Курбского
- И. Б. Греков К характеристике политики галицко-звенигородского князя
Юрия Дмитриевича в 20-е годы XV в.
- А. В. Куза «Повесть о князе Ярославе и о мужах новгородских»
- А. Г. Кузьмин Славянское древнейшее письмо — «черты» и «резы»
- В. А. Кучкин Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в.
- Л. Л. Муравьева Заметки о заключительной части «Свода 1305 г.»
- А. Л. Хорошкевич О некоторых категориях московских ремесленников XIV—
XV вв.
- С. О. Шмидт К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного
- А. А. Юшко О некоторых волостях и волостных центрах Московской зем-
ли XIV в.
- В. Л. Янин О дате Новгородской Синодальной кормчей

М. Е. БЫЧКОВА

ГЕНЕАЛОГИЯ В «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ» А. М. КУРБСКОГО

представление о том, что генеалогические знания были необходимы феодалу в повседневной жизни для установления степени родства с различными лицами, для продвижения по службе, для занятия той или иной должности, наконец, при местнических спорах, стало само собой разумеющимся. В то же время мы располагаем единичными источниками, в которых эти сведения могли отразиться. Как правило, в нашем распоряжении находятся делопроизводственные документы — родословные книги и росписи, местнические дела и др., отражающие официальное представление о родстве лиц, и в которых

индивидуальные или семейные записи изъяты при обработке документов в учреждении.

Одним из немногих исключений является «История о великом князе московском» Андрей Михайловича Курбского¹. Генеалогические записи Курбского — сведения о происхождении той или иной семьи, о родственных связях между отдельными семьями и лицами, упоминания родословных легенд — немногочисленны и отрывочны. Это понятно — он не писал специального генеалогического исследования. В упоминаниях автора скорее надо видеть те знания, которыми он привык оперировать, которые были необходимы ему в служебной деятельности. Поэтому именно такие сведения могут раскрыть для нас, какие знания по генеалогии были необходимы в XVI в., что было источником этих знаний; кроме того, эти записи позволяют еще раз заглянуть в духовный мир русского феодала.

Естественно, Курбский лучше всего знал родословие ярославских князей, к которым он сам принадлежал. Если в «Истории» упоминается деятель из этого рода, Курбский всегда отмчал его происхождение. К роду ярославских князей он относит Кубенских, Курбских, Аленкиных, Львовых, Прозоровых, Ушатых, Шаховских², он специально оговаривает происхождение Аленкиных и Львовых от ярославского князя Федора Романовича³. Курбский неоднократно подчеркивает, что ярославские князья ведут начало от смоленских, а через них — от Владимира Мономаха⁴. Такое же происхождение ярославских князей — от смоленских,

а через них от киевских — было закреплено всеми редакциями родословных книг, начиная с 40-х годов XVI в.⁵

Кроме ярославских, Курбский указывает происхождение и других княжеских фамилий, но здесь он иногда путает родопочальников. Он пишет: «Княжата суздальские влекомы от роду великого Владимира, и была на них власть старшая Руская между всеми княжата, более дву сот лет... от него же (Андрея Ярославича.— М. Б.), памятались, и великие княжата тверские изыдоша, яко лутче о сем знаменует в летописной книге русской»⁶. Но по родословным книгам XVI в. великие князья Твери ведут родословие от брата Андрея Ярославича — Ярослава Ярославича.

Курбский пишет о происхождении князей Оболенских, Воротыньских и Одоевских от Михаила Черниговского⁷, но нигде не указывает их непосредственного родства, а подчеркивает лишь родство Оболенских и Торопских князей⁸, а также Воротыньских и Одоевских⁹.

Далее Курбский знает, что князья Овчинины, Серебряные, Курлятевы — это ветви Оболенских князей, Дорогобужские и Микулинские — Тверских великих князей, Тулуповы — Стародубских, Горбатые — Суздальских князей¹⁰. Из всех названных в «Истории» князей не указано лишь родство Михаила Решина¹¹ и фактически Семена Ряполовского¹².

Большое внимание уделяет Курбский генеалогии потомков литовских князей, выехавших на службу в Москву, и здесь достаточно ярко проявляется тенденциозность его «Истории». Курбский подчеркивает, что родство с литовскими князьями возвеличивает русские княжеские и боярские фамилии. Самых литовских князей, перешедших на русскую службу, Курбский выводит непосредственно от короля Ягайла или Патрикея, причем, когда речь идет об опричных казнях, генеалогические справки Курбского звучат так, будто убиты ближайшние родственники польских королей. «Убиша мужа пресильнаго, зело храброго стратига и великородного, иже был с роду княжат литовских, единоколенен королеви польскому Ягайлу, имнем князь Иван Бельский»¹³. «Михаил Морозов, с сыном Иоанном... и со женою его Евдокиєю, яже была дщерь князя Дмитрея Бельскаго, ближнего сродника Ягайла короля»¹⁴.

Близкое родство с Ягайлом в этих записях явно натянуто; Бельские действительно ведут свой род от той же ветви князей литовских, что и Ягайло, но ко второй половине XVI в. их родство стало отдаленным. Знает Курбский и происхождение Васьяна Патрикеева со стороны отца от литовских князей, а по материнской линии от московских великих князей¹⁵. Возможно, что на эти генеалогические записи повлияло положение Курбского, находившегося на службе в Литве в момент написания «Истории».

Значительные расхождения у Курбского с родословными и другими официальными документами в изложении легенд о происхождении боярских родов. Он называет, так же как и родословцы, выехавшим «из Немец» (у Курбского — «княжат Решских») Воронцовых, Морозовых, Колычевых и Шереметевых. Но в изложении самих легенд у Курбского видны противоречия записям родословных. Про Колычевых и Шереметевых он сообщает: «Бо прародитель их муж светлый и знаменитый, от Немецкие земли выехал, ему же имя было Михаил; глаголют его быти от роду княжат Решских»¹⁶, тогда как родословцы называют их родоначальником выехавшего «из Немец» Андрея Кобылу.

От Михаила вели свой род Морозовы, про которых Курбский сообщает еще более фантастические сведения: «Яже еще вышли из Немец,

вкупе с Рюриком, прародителем русских княжат, семь мужей храбрых и благородных. Той-то был Мисса Морозов едип из них»¹⁷. Родословная легенда Морозовых XVI в. говорит о шести мужах храбрых, сражавшихся с Александром Ярославичем в Невской битве, среди которых был и родоначальник Морозовых — Миша.

В интерпретации Курбским этой родословной легенды хочется отметить один момент: идея о выезде родоначальников знати вместе с родоначальником княжеской династии еще в XV в. проводилась в великокняжеских родословных легендах, созданных в Литве. В русской генеалогии XVI в. она отсутствовала. Поэтому появление таких записей в «Истории» можно объяснить не только тем, что у Курбского не было пужных материалов, что он мог забыть какие-то детали генеалогии далеких ему семей, но и тем, что эта интерпретация делала его произведение более понятным для читателей в Литве и Польше.

В то же время Курбский знает происхождение Ховриных и Тютиных от «грецкаго роду», как и записано во всех родословцах¹⁸, знает, что Хабаровы происходят из старомосковского рода Добрыньских («роду старожитного, яже нарицались Добрыньские») ¹⁹, а Сидоровы перешли на службу в Москву из Рязани («от роду великих сплгкитов резаанских») ²⁰. Он пишет о происхождении дяков Цыплятевых от Белозерских князей, что соответствует легенде этого рода, бытовавшей уже в середине века ²¹.

Курбский знает, что Пушкины и Челяднины происходят из одного рода, хотя в его время это уже были разные фамилии, но ничего не говорит о их родоначальнике ²². А родоначальника Квашниных — «Ивала Родноновича, нареченного Квашни», он называет и знает, что Разладины также ведут начало от этого рода ²³. В середине XVI в. родословная легенда Квашниных была популярна, она попала не только в родословные книги, но и в летописи, причем большое место в ней отводилось деятельности Родиона Нестеровича при московском великокняжеском дворе ²⁴.

В то же время у Курбского отсутствуют сведения о происхождении тех дворянских родов, чьи родословные легенды в середине XVI в. не были зафиксированы. Курбский не знал о легенде Полевых, выводящей их род от смоленских князей, и говорит о Германе Полеве: «светла рода человек, яже Полевы нарицаются та шляхта по отчине» ²⁵.

Часто называя Алексея Адашева, Курбский нигде не говорит о его происхождении, хотя даже при неоднократном упоминании какого-либо представителя княжеской фамилии он всегда свидетельствует, из какого рода происходит этот человек. Курбский хорошо знает биографию Адашева и то, что он был женат на сестре Федора, знает Алексея и Андрея Сатиных и то, что его брат Данило Адашев женат на дочери Петра Турова и что сыну Данила — Торху, когда он был убит опричниками, исполнилось 12 лет. Знает Курбский и то, что Иван Шишкин, погибший в опричнину, был родственником Адашева ²⁶. Все это — знания современника, не занесенные в родословные книги, но в родословных не записано происхождение Адашевых, нет росписей Шишкиных и Туровых. Игнатий Вещнякова, чей род не попал в родословцы, Курбский определяет как ложничего, «мужа воистину храброго и нарочитого» ²⁷.

Курбский различает происхождение из княжеского рода и фамилию, образовавшуюся из прозвища в конце XV—XVI в. Текстологически это различие определяется словом «глаголемый», которое он пишет перед прозвищем. «Княжа Пронское Василии, глаголемаго Рыбина» ²⁸, «Петр

Оболенский, глаголемый Серебряный»²⁹, «Федор, единочадный сын князя Иоанна, глаголемаго Овчицы, с роду княжат Торуских и Оболенских»³⁰. Но если Курбский упоминает фамилию, сложившуюся к XVI в. и происходящую чаще всего от названия вотчины, он указывает лишь род, к которому она принадлежит («Иоанн Дорогобужский, с роду великих княжат тверских», Иван Кубенский, «а был роду княжат смоленских и ярославских»³¹ и т. п.). Особенно ярко это видно из упоминания все тех же ярославских княжат:

Таков небольшой, но довольно яркий круг генеалогических записей Андрея Курбского. Они дают представление о генеалогических знаниях русского боярства XVI в. О хорошей генеалогической подготовке Курбского свидетельствует то, что все эти записи, очевидно, делались в Литве по памяти. Трудно предположить, что при столь поспешном бегстве Курбский вывез с собой какие-то специальные материалы. Круг его знаний ограничивается теми сведениями, которые мы находим в редакциях родословных книг 40-х годов XVI в. и в летописных родословных вставках, также восходящих к первой половине XVI в.³²

Наиболее близки к родословным росписям XVI в. записи по истории княжеских семей. В то же время какие-то известия Курбского не имеют аналогий в русских родословных памятниках того времени, а близки скорее к литовским. Фактически расхождения у Курбского с родословными легендами московского боярства можно объяснить и тем, что у него не было в Литве необходимого материала, и тем, что в то время этим легендам не придавали большого значения. Это может быть подтверждено также отсутствием известий о родоначальниках Адашевых, Вепнякова, Шишкина и других лиц. Известия о происхождении родоначальника иногда интерпретируется в духе представлений, более близких генеалогическим понятиям Литвы, а иногда (как в сведениях о родстве с великими князьями литовскими) преувеличены, чтобы еще более оттенить неблагоприятность поступков Ивана Грозного.

¹ Курбский А. М. История о великом князе московском.— В кп.: Русская историческая библиотека, т. 31. СПб., 1914, с. 161—354.

² Курбский А. М. История..., стб. 163, 164, 167, 283—285, 307.

³ Курбский А. М. История..., стб. 283, 307.

⁴ «Княжа ярославские, влекомые от роду княжати смоленского, святого Федора Ростиславича, внука великого Владимира Мономаха» (Курбский А. М. История..., стб. 283). О тенденциозности подбора сведений о ярославских князьях говорит запись воевод, участвовавших во взятии Казани: «Пронский Юрей п княжа Федор Львов, с роду княжат ярославских» (Курбский А. М. История..., стб. 181). Курбский не указывает, что Пронские, игравшие в середине XVI в. более значительную роль, чем Львовы, происходят от великих князей рязанских, хотя прекрасно это знает (ср. стб. 285).

⁵ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 80, 151—153.

⁶ Курбский А. М. История..., стб. 281.

⁷ Оболенские «по роду влекомы от великого Владимира, от пленицы великого князя Михаила Черниговского, яже убиен от безбожного Батя» (Курбский А. М. История..., стб. 281). «Бо и те княжата Воротыцкие и Одоевские от роду мученика князя Михаила Черниговского, закланного от внешнего врага церковного, Батя безбожного» (Курбский А. М. История..., стб. 290).

⁸ Курбский А. М. История..., стб. 168.

⁹ «Михаил Воротынский и Микита, княжа Одоевский, сродный его» (Курбский А. М. История..., стб. 286). Впервые эти фамилии были записаны в одной главе как

- потомки Михаила Черниговского в «Государеве родословце 1555 г.» См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги..., с. 39, 61—62.
- ¹⁰ *Курбский А. М.* История..., стб. 294, 189, 280, 281, 319.
- ¹¹ *Курбский А. М.* История..., стб. 278.
- ¹² «Князя Симеона же, глаголемаго Ряполовского, мужа zelo пресильнаго и разумнаго, влекомаго от роду великого Владимире» (*Курбский А. М.* История..., стб. 272).
- ¹³ *Курбский А. М.* История..., стб. 166—167.
- ¹⁴ *Курбский А. М.* История..., стб. 309.
- ¹⁵ *Курбский А. М.* История..., стб. 163.
- ¹⁶ *Курбский А. М.* История..., стб. 299.
- ¹⁷ *Курбский А. М.* История..., стб. 299.
- ¹⁸ *Курбский А. М.* История..., стб. 281, 297.
- ¹⁹ *Курбский А. М.* История..., стб. 297. Легенда Добрыньских и подробное родословие семей этого рода было оформлено в 40-е годы XVI в. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги..., с. 21, 30—32.
- ²⁰ *Курбский А. М.* История..., стб. 305.
- ²¹ «Муж Цыплетев, нареченный Неудача, с роду княжат Белоозерских» (*Курбский А. М.* История..., стб. 319). См.: *Копанев А. И.* История землевладения Белоозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1954, с. 24—32.
- ²² *Курбский А. М.* История..., стб. 302.
- ²³ *Курбский А. М.* История..., стб. 301—302.
- ²⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 263—265.
- ²⁵ *Курбский А. М.* История..., стб. 318. Полевые подали роспись, выводящую их от смолевских великих князей, в 1649 г., в родословных книгах XVI в. их происхождение не указано.
- ²⁶ *Курбский А. М.* История..., стб. 278.
- ²⁷ *Курбский А. М.* История..., стб. 237.
- ²⁸ *Курбский А. М.* История..., стб. 285.
- ²⁹ *Курбский А. М.* История..., стб. 280.
- ³⁰ *Курбский А. М.* История..., стб. 167—168.
- ³¹ *Курбский А. М.* История..., стб. 167.
- ³² *Пасоное А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 355—357.

И. Б. ГРЕКОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛИТИКИ ГАЛИЦКО-ЗВЕНИГОРОДСКОГО КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА В 20-е ГОДЫ XV В.

Осуществленные академиком Б. А. Рыбаковым в 1942—1945 гг. археологические раскопки в Звенигороде подтвердили предположение о том, что строительство оборонительных валов «на Городке», а также сооружение здесь Успенского собора следует связывать с деятельностью одного из сыновей Дмитрия Донского — знаменитого князя Юрия.

Результаты указанных исследований Б. А. Рыбакова свидетельствуют о том, что деятельность князя Юрия в Звенигороде выходила за рамки обычной «карьеры» русского удельного князя той поры и по сути дела

представляла собой хорошо продуманную и умело организованную подготовку к политическим акциям весьма широкого (относительно «удельного») масштаба. В частности, это была подготовка к тому «скачку», который попытался совершить князь в 1425 г. и который он совершил в начале 30-х годов XV в., став реальным обладателем Великого Владимирского княжения, а вместе с тем и одним из активнейших участников политической борьбы, развернувшейся тогда в Восточной Европе¹.

Настоящая статья ставит своей целью проследить политическую линию князя Юрия Дмитриевича в 20-е годы XV в., т. е. в период, непосредственно предшествовавший «скачку», проследить ее в тесной связи с общим ритмом международных отношений того времени, выявить стратегию и тактику, определить ее сущность и характер.

Политический курс галицко-звенигородского князя зависел не только от его субъективных устремлений, от тех или иных его «исторических» прав, но и от сформировавшейся в те годы международной обстановки, от сложившейся расстановки сил в системе княжеств, а также от состояния отношений между восточноевропейскими государствами и улусами Ордынской державы.

Интересующий нас этап политической карьеры князя Юрия, во-первых, совпал с большими успехами Витовта на пути реализации его варианта «общерусской программы», интенсивным сотрудничеством этого князя с митрополитом Фотием, а также с московским правящим домом², а во-вторых, оказался синхронным тем важным сдвигам в соотношении сил между Ордынской державой и восточноевропейскими странами, которые во многом изменили сам характер «сосуществования» этих государственных систем.

Так, если на протяжении XIV и начала XV в. ордынские правители, опираясь на почти постоянное преобладание в Орде центростремительных сил над центробежными, осуществляли традиционную «великодержавную» политику в Восточной Европе, сдерживая при этом процессы феодальной концентрации русских земель, искусственно сохраняя равновесие между ведущими восточноевропейскими государствами, то в 20-е годы XV в. ордынские ханы уже не могли проводить прежний политический курс в данной части европейского континента. В результате этого не только наметился окончательный распад Ордынской державы на ряд самостоятельных улусов, но и радикальным образом изменилась сама ордынская политика в Восточной Европе. Вынужденные ослабить свой контроль над процессами консолидации русских земель, над политической жизнью восточноевропейских государств правители ордынских улусов теперь должны были все чаще вступать с ними в равноправные отношения или даже становиться их вассалами, например, таких преуспевших князей, как Витовт.

Эта доминировавшая тогда тенденция международной жизни Восточной Европы не исключала редких случаев политического «возрождения» отдельных ханов, позволивших себе осуществлять восточноевропейскую политику в традициях бывшего ордынского «великодержавия» (политику, нацеленную на выравнивание сил между ведущими государствами данной части Европы, на недопущение чрезмерного усиления одного из этих государств и т. д.).

Весьма характерно, что в 1421 г. преемником Едигея в ордынских улусах оказался хан, выдвинутый самим Витовтом. Это был Улуг Мухам-

мед, дальний родственник Тохтамыша³. Хотя формально Улуг Мухаммед «царствовал» в Орде довольно длительное время (с 1421 по 1437 г.), тем не менее его реальная власть, особенно в первые годы правления, была довольно ограниченной и малоустойчивой. Дело в том, что, несмотря на пребывание Улуг Мухаммеда в одном из улусов Орды, тогда же, в начале 20-х годов, на территории между Волгой и Доном появился хан Борака, выходец из Средней Азии, из левого крыла Ордынской державы (он был сыном хана Кажурчака, известного противника Тохтамыша, и внуком хана Уруса — антагониста Мамаю) ⁴. Почти одновременно где-то на Волге стал действовать еще один выходец из Ордынского «левого крыла» — хан Худайдат, выступавший как против Борака (1422 г.), так и против Улуг Мухаммеда (1424 г.) ⁵. Уход из «правого крыла» «Улуса Джучи» хана Борака и хана Худайдата не избавил Улуг Мухаммеда от новых соперников: ими стали в 1426—1428 гг. в Крыму хан Девлет Берды ⁶, а позднее Хаджи-Гирей ⁷.

Не удивительно, что в ордынских улусах, по утверждению одного арабского автора, «смуты сделались постоянными, и дела расстроились окончательно» ⁸, хотя в ходе этой смуты, по его словам, все же часто «перевес... одерживал Мухаммед». Побывавший на территории Крымского улуса в 1421 г. английский дипломат Гильберт-де-Ланноа писал, что «между жителями этой Татарии (Крымом) и Татарии великого хана, императора Орды, возник вопрос, важнейший в мире для татар, касательно того, кого сделать императором, потому что каждый хотел своего и вследствие этого все находились в волнении» ⁹. Данная характеристика оказалась не только фиксацией сложившегося тогда реального положения в улусах Ордынской державы, но и своего рода прогнозом на ближайшее будущее.

Изучая политическую жизнь Ордынской державы этих лет, мы убеждаемся в том, что борьба между различными ханами в Орде не только не затухала, но продолжала обостряться, оказывая определенное воздействие и на ритм политической жизни всей восточноевропейской территории.

И действительно, торжество центробежных сил над центростремительными в ордынских улусах создавало новые условия для политического развития стран Восточной Европы; оно затрудняло сохранение равновесия между ведущими государствами Восточной Европы и вместе с тем благоприятствовало формированию обширных политических объединений в данном регионе, в частности, содействовало установлению тесного союза между Великим княжеством Литовским и Московским правящим домом, а иногда помогало и регулированию в нужном им направлении взаимоотношений между великими княжениями и удельными князьями.

Только учитывая все эти новые тенденции международной жизни Восточной Европы указанного времени, можно приступать к анализу политической деятельности князя Юрия Дмитриевича на Звенигородской земле в 20-е годы XV в., к выявлению той роли, которую ему суждено было сыграть в качестве одного из политических противовесов могущественной по тем временам коалиции Витовта и московского великого князя Василия.

Хорошо известно, что, хотя князь Юрий и получил в 1389 г. по завещанию Дмитрия Донского, кроме Звенигорода и Галича, какие-то на-

дежды на обладание всем великим княжением¹⁰, тем не менее он долгое время не заявлял о своих правах; более того, на протяжении более чем двадцатилетнего периода он верно служил Московскому правящему дому, выполняя различные его поручения военно-политического характера (походы на новгородские волости 1392 и 1417 гг., на Среднюю Волгу в 1395 г., 1399, 1414 гг.)¹¹.

Первые признаки ухудшения отношений князя Юрия с Московским правящим домом, а также его союзником Витовтом появились в 1423—1424 гг., когда московский великий князь Василий вместе с митрополитом Фотием и князем Витовтом при определении будущей судьбы московского престола сочли возможным игнорировать существование галицко-звенигородского князя. В духовных грамотах Василия I 1423 и 1424 гг. был прямо назван наследник московского престола — сын Василия Дмитриевича малолетний Василий. В них были упомянуты в качестве опекунов наследника князь Витовт и митрополит Фотий, перечислены все оставшиеся в живых сыновья Дмитрия Донского (Андрей, Петр, Константин), но был совсем забыт звенигородско-галицкий князь Юрий Дмитриевич, хотя это явно шло вразрез с завещанием Дмитрия Донского 1389 г. Такое игнорирование князя Юрия было неслучайным. Оно свидетельствовало о том, что уже тогда звенигородский князь в глазах великого князя Московского, его союзника Витовта, а также митрополита Фотия становился противником, пока еще скрытым, но уже достаточно влиятельным и опасным.

Сам факт возникших в те годы острых политических противоречий между Москвой и Звенигородом говорил не только об оформлении у князя Юрия субъективных устремлений в сторону «великого княжения», но и о появлении объективных условий для их реализации, а также о том, что уже в это время за спиной звенигородского удельного князя (а возможно, и других, близких ему удельных князей) стояли какие-то международные силы, готовые с его помощью начать борьбу за ослабление коалиции Витовта и московского князя и за восстановление традиционного равновесия между ведущими государствами Восточной Европы.

Этими силами, видимо, были те или иные улусы Ордынской державы, правителям которых удавалось на короткое время воскресить «великодержавный» курс Ордынского царства. Среди ханов, действовавших тогда в данном регионе, наиболее вероятной личностью такого масштаба мог быть Улуг Мухаммед, сначала пользовавшийся прямой поддержкой самого Витовта, а позднее вставший на путь самостоятельной политической деятельности.

Источники сохранили, например, сведения об одной такой самостоятельной акции Улуг Мухаммеда, осуществленной, видимо, в 1424 г., но связанной, правда, не с галицко-звенигородским князем Юрием, а с возможным его тогдашним союзником — суздальско-нижегородским князем Даниилом Борисовичем¹².

Речь идет о предоставлении Улуг Мухаммедом в 1424 г. ярлыка на нижегородское княжение «великому князю» Даниилу Борисовичу¹³, т. е. о попытке противопоставления Суздальско-Нижегородского княжества как Московскому правящему дому, так и его тогдашнему союзнику Витовту.

Но если об антимосковской позиции галицко-звенигородского князя в 1424 г. мы можем только догадываться (на основании игнорирования

его духовными грамотами Василия I 1423 и 1424 гг., а также допущения его политических контактов с нижегородскими князьями, уже вставшими на путь явного обособления от Москвы и Витовта), то антимосковская, а вместе с тем «проордынская» платформа князя Юрия в 1425 г. стала очевидной, получила почти документальное подтверждение.

Став после передачи московского престола малолетнему Василию II (27 февраля 1425 г.) явным противником Московского правящего дома и вместе с тем Витовта, князь Юрий уже не скрывал по существу своих контактов с улусами Орды и, в частности, с одним из усилившихся тогда ордынских правителей — Улуг Мухаммедом. Несмотря на весьма сложные перипетии политической карьеры этого хана в 1424—1426 гг., тогдашнее его положение в ордынском мире, в частности на волжских территориях, становилось все более прочным, а политическая роль в жизни Крымского и Волжского улусов все более самостоятельной и заметной.

Это усиление влияния Улуг Мухаммеда в ордынских улусах, видимо, сказалось и на сложных событиях политической жизни Северо-Восточной Руси 1425 г. Не исключено, что Улуг Мухаммед начал оказывать политическую поддержку князю Юрию еще в 1424 г., когда этот хан выдал ярлык на «великое княжение» нижегородскому князю Даниилу Борисовичу. Сведения же о контактах этого ордынского правителя с галицко-звенигородским князем в 1425 г., особенно после появления на московском престоле малолетнего Василия II, внука Витовта, представляются нам вполне реальными.

Прежде всего об этом свидетельствовала развернувшаяся в 1425 г. активная политическая борьба галицко-звенигородского князя против правительства малолетнего Василия II, в ходе которой на стороне московского князя выступали его дядья — Андрей, Петр и Константин, дед Витовт и «духовный отец» — митрополит Фотий, а на стороне князя Юрия, видимо, ордынские силы. Во всяком случае, когда галицкий князь узнал о том, что «на него идет князь великий съ всеми силами и съ братьею его», то он стал поспешно отступать сначала к Нижнему Новгороду, который был недавно передан Улуг Мухаммедом суздальско-нижегородскому князю Даниилу Борисовичу, а затем двинулся дальше на юго-восток, за р. Суру, т. е. в том самом «ордынском» направлении, в котором регулярно ходили князья Борисовичи, известные своими традиционными симпатиями к Орде¹⁴.

Другим обстоятельством, свидетельствовавшим о наличии каких-то политических контактов галицкого князя с Ордой, было, по нашему мнению, слишком нервное поведение митрополита Фотия в первые дни после смерти московского князя Василия Дмитриевича. Прекрасно понимая, что галицкий князь имел право на московский престол (хотя бы в силу завещания Дмитрия Донского), а вместе с тем и надежду на поддержку определенных международных сил, митрополит Фотий сразу после смерти Василия I направил в Звенигород специального гонца с предложением князю Юрию Дмитриевичу срочно прибыть в Москву. Совершенно очевидно, что данное приглашение было продиктовано желанием не допустить совместных политических акций галицко-звенигородского князя и «ордынского царя», стремлением во что бы то ни стало нейтрализовать князя Юрия, заманув его в Москву в качестве участника назначенной церемонии.

Показательными в данной ситуации были не только решительный отказ звенигородского князя от поездки в Москву, а также факт его отступления в сторону Волжской Орды, но и готовность пойти на временное примирение с малолетним Василием II лишь только при условии вынесения вопроса о дальнейшей судьбе великокняжеского престола на арбитраж «ордынского царя». Как известно, спорившие стороны во второй половине 1425 г. «доконча миръ на томъ, что князю Юрью не искати княжения великого собою, но царем: которого царь пожалуетъ тѣмъ будетъ князь великий Владимирский и Новгороду Великому и всей Руси»¹⁵.

Понятно, что принять подобные условия примирения могли такие государственные деятели, которые в равной мере были связаны с «ордынским царем» в прошлом, оказались в равном положении «просителей» перед царем в настоящем и ждали от него равных «милостей» в ближайшем будущем. Если Витовт и находившиеся под его влиянием Фотий и князь Василий строили свои дальнейшие политические планы на использовании «старой дружбы» с Улуг Мухаммедом (только случайно поколебленной в середине 1425 г.), то галицко-звенигородский князь Юрий исходил из возможности развивать возникшую совсем недавно дружбу с тем же Улуг Мухаммедом или связанными с ним теперь другими правителями волжских улусов.

Совершенно очевидно, что принятие спорившими сторонами такого условия примирения фиксировало не только наступившее тогда усиление ордынского царя во всем «улусе Джучи», но и тенденцию восстановления равновесия между феодальными силами Восточной Европы (а это означало вместе с тем и тенденцию воскрешения ордынской власти над всей восточноевропейской территорией).

Однако последующий ход событий показал, что указанные тенденции международной жизни Восточной Европы не получили дальнейшего развития.

Центробежные силы в Ордынской державе действовали настолько активно¹⁶, а процессы формирования мощного восточноевропейского государства, возглавленного Витовтом, были настолько интенсивными¹⁷, что намеченная примирением 1425 г. программа оказалась не осуществленной. Более того, потеряв надежду на помощь Улуг Мухаммеда, занятого в 1426—1428 гг. напряженной борьбой с Девлет Берды¹⁸, и наблюдая за быстро растущей мощью литовско-московский коалиции, галицко-звенигородский князь оказался вынужденным в марте 1428 г. пойти на резкую перемену своей политики, в частности, на оформление известной докончальной грамоты¹⁹, которая явилась не только аннулированием договора 1425 г. об ордынском арбитраже, но и формальным признанием его вассальной зависимости от великого князя Московского, а следовательно, в какой-то мере и от главы Великого княжества Литовского и Русского — Витовта.

Кроме традиционных для такого рода «докончаний» по поводу верного служения «молодшего князя» великому князю Московскому (в данном случае «молодшего» по положению, а не по возрасту), рассматриваемый документ содержал утверждения, которые раскрывали в какой-то мере отношения этих князей к Ордынской державе. Анализируя эту грамоту, мы обнаруживаем в ней как явные следы сотрудничества Юрия Дмитриевича с Ордой, так и все признаки настойчивых попыток правительства Василия — Фотия парализовать данное сотрудничество. Столь

важные симптомы политической жизни Северо-Восточной Руси мы обнаруживаем в тех положениях грамоты 1428 г., которые трактуют об обычной для того времени практике сбора «даней и ямы» в пользу ордынских правителей; правда, эти положения вносят в сложившуюся практику некоторые коррективы.

Если обычно сборы средств для уплаты ордынского выхода раскладывались на всех князей, пропорционально размерам их земельных владений, то в данном случае великий князь Василий, стремясь, видимо, заинтересовать Юрия в разрыве отношений с Ордой, освободил галицкого князя на четыре года от обязанности вносить соответствующие платежи с его звенигородских областей. В докончании 1428 г. московский князь, кроме того, заверял Юрия Дмитриевича в том, что упомянутые «дани и ямы» будут всегда оставаться в его личном распоряжении, если удастся разорвать отношения с Ордой вообще: «а перемонит богь Орду, не ему давати татаром о тебе имати дань и ямь съ своее отчины собе» (ДДГ, № 24, с. 64).

Данное положение докончания 1428 г. представляется нам весьма важным и симптоматичным. В этом документе московский князь не только в завуалированной форме констатировал наличие политических контактов Юрия с Улуг Мухаммедом, не только пытался парализовать это сотрудничество предоставлением временных льгот галицкому князю, но и наметил определенную программу будущих мероприятий в данной области, связав улучшение финансового положения удельных князей, с одной стороны, с подчинением их великокняжескому престолу, а с другой — с перспективой освобождения от власти Орды Северо-Восточной Руси в целом²⁰.

Характерно, что сам князь Юрий в своей докончальной грамоте Василию принял предложение московского князя и в отношении возможного перехода этих средств в его распоряжение в случае полного разрыва с Ордой. Тем самым Юрий Дмитриевич в сущности встал на путь полного расторжения отношений с «ордынским царем», которые, несомненно, существовали после договора 1425 г. об ордынском арбитраже.

Разумеется, эта решительная перемена политического курса князя Юрия не осталась незамеченной правителем Волжского улуса. В сущности Улуг Мухаммед стал реагировать на эти перемены уже весной 1428 г., тем более, что этому способствовали и важные события в политической жизни самой Орды, в частности, тогдашний уход с политической арены главного его противника — крымского хана Девлет Берды²¹.

Стремясь упрочить свои пошатнувшиеся позиции в Северо-Восточной Руси, Улуг Мухаммед уже в мае 1428 г. вернулся к старой практике противопоставления нижегородского княжества московско-литовской коалиции, усиленной теперь сотрудничеством с галицким князем Юрием. Именно в мае 1428 г. была, видимо, составлена та жалованная грамота, в приписке к которой утверждалось, что «великий князь Даниил Борисович вышел на свою отчину от Махмета царя в другой ряд»²².

За этой политической акцией, направленной против Московского правящего дома, последовали и военные мероприятия, осуществлявшиеся уже непосредственно на территориях галицкого князя Юрия. С сентября 1428 г. до января 1429 г. под ударом татарских войск Улуг Мухаммеда находились земли в районе Галича и Костромы. Операции такого рода осуществлялись и позднее — в 1429 и 1430 гг., когда московское прави-

тельство должно было организовывать контрнаступление против войск Улуг Мухаммеда²², защищая при этом Галицкие и Костромские земли, а вместе с тем и зависимость князя Юрия от Московского правящего дома. Такой порядок вещей сохранялся до тех пор, пока функционировал литовско-московский союз, пока жив был Витовт и действовала его программа создания обширного «Королевства Литвы и Руси», в полной мере независимого от Польши. Крах этих планов, а затем и смерть самого Витовта привели к разрушению литовско-московского союза, к сложению новой расстановки сил в Восточной Европе.

В этих условиях галицко-звенигородский князь Юрий и приступил к реализации давно задуманных планов в отношении великокняжеского престола²⁴, рассчитывая при этом не только на поддержку ордынских улусов, в том числе и крымского²⁵, но и на содействие своего «побратима» литовско-русского князя Свидригайло, оказавшегося тогда обладателем Виленского стола. Став на путь реального осуществления этих планов, князь Юрий раскрыл тем самым все свои давние политические цели, подтвердил вместе с тем, что вся его деятельность на Звенигородской земле, в том числе и строительная, была лишь подготовкой к решающему этапу его политической карьеры, связанному с попыткой утвердить себя в качестве действительного главы всей северо-восточной Руси.

¹ Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). — МИА, 1949, № 12, с. 125—133; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, с. 93—161; *Он же*. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 751—758; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. II. М., 1962, с. 290—366.

² Две духовные грамоты Василия I (1423—1424 гг.) юридически оформляли опеку Витовта над наследником московского престола кн. Василием II, а также над его матерью — Софией Витовтовной (см.: ДДГ, № 21, № 22; Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» Василия I. — В кн.: К 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 141—145).

³ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 195—196, 233.

⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 151—153; с. 165.

⁵ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 165.

⁶ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 233—235.

⁷ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 233.

⁸ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, с. 533.

⁹ Путешествия Гильберта-де-Ланшоа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 гг. — Университетские известия (Киев), 1873, № 10.

¹⁰ ДДГ, № 12, с. 33—37.

¹¹ ПСРЛ, т. XVIII, с. 166—170.

¹² Политическое сотрудничество князя Юрия с нижегородским княжеством стало явным в 1425 г., когда под напором войск Василия I галицкий князь стал отступать к Средней Волге, к Нижнему Новгороду и р. Суре (ПСРЛ, т. XVIII, с. 167, прим. 30). В 1424 г. это сотрудничество могло уже существовать, но, разумеется, в замаскированных формах.

¹³ Этот факт устанавливается на основании приписки к жалованной грамоте князя Даниила следующего содержания: «А дапа грамота мая в 8 того лета, коли князь великий Даниил Борисович вошел на свою отчину от Махмета царя в другой ряд» (см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1. М.—Л., 1948, с. 89; Духовные и договорные грамоты. М., 1951, с. 54). Обоснование выдачи Улуг Мухаммедом ярлыка нижегородскому князю в 1424 г. См.: Греков И. Б. К вопросу о датировке..., с. 141—145.

¹⁴ Эжземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, с. 255.

¹⁵ ПСРЛ, т. XVIII, с. 168.

¹⁶ В июне 1425 г. в Орде появился снова хан Борах, вытеснивший Улуг Мухаммеда ненадолго в Крым, в 1426 г. Улуг Мухаммед вернулся на Волгу, став правителем Астрахани и Булгара, тем не менее он не смог форсировать распространение своей власти на всю Орду из-за противодействия появившегося в Крыму (не без поддержки Витовта) хана Девлет Берды (с весны 1426 г. по весну 1428 г.). Усиление власти Улуг Мухаммеда наметилось лишь с весны 1428 г. и продолжалось до начала 30-х годов.

¹⁷ В 1426—1427 гг. Витовт подчинил себе Псков не без согласования с самим Улуг Мухаммедом (см.: ПСРЛ, т. XVIII, с. 168), летом 1427 г. заключил серию договоров с князьями южной и юго-восточной Руси, включая князей Смоленских, Тверских, Рязанских, Пронских и др. (ДДГ, № 23, Код. Витовта, с. 774, 778—780, 788; Барбашев А. Витовт последние 20 лет..., с. 198; Черепнин П. В. Образование..., с. 750), осенью 1428 г. распространил свое влияние и на Великий Новгород (ПСРЛ, т. XVIII, с. 168; Длугош, IV, с. 335—336). Эта политика Витовта получила отражение и в сфере идеологии, в частности, в таком памятнике, как «Похвала Витовту», в котором подчеркивалось, что «Витовт... много лет соужи держакца великое княжени Литовское и Русское и ипая великие княжениа, спроста рещи вся русская земля». «Тогда биху крепко слоужаху ему Велиции князи, великий князь Московский, великий князь Тферьской, великий князь Рязанский, Великий Новгород, Великий Псков и спроста рещи весь Роусьцкий язык» (ПСРЛ, т. XVII, с. 67, 417).

¹⁸ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 233—235.

¹⁹ ДДГ, № 24, с. 62.

²⁰ Показательно, что данное положение договора 1428 г. получило дальнейшее развитие в dokonчаниях князя Юрия с Василием в 1434 г. (ДДГ, с. 88), а также князя Дмитрия Юрьевича с Василием в 1436 г. (ДДГ, с. 90).

²¹ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 233.

²² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, с. 89.

²³ ПСРЛ, т. XVIII, с. 170, 171.

²⁴ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства. М., 1960, с. 751—763.

²⁵ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 236.

А. В. КУЗА

«ПОВЕСТЬ О КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ И О МУЖАХ НОВГОРОДСКИХ»

Название, вынесенное в заглавие статьи,— условно. Так предложил именовать комплекс известий летописи о бурных событиях на Руси в 1014—1017 гг. Б. А. Рыбаков¹. По мнению исследователя, они некогда составляли «особое и целостное произведение», вышедшее из-под пера новгородца в начале XI в.² Объем и содержание памятника Б. А. Рыбаков раскрыл по тексту Новгородского свода XI в., реконструированному А. А. Шахматовым³.

Действительно, начиная с сообщения о нарушении Ярославом государственных повинностей в Новгороде и кончая записью о его утверждении в Киеве, рассказ летописца отличается единством стиля и логической стройностью. Вместе с тем, принимая выводы Б. А. Рыбакова, следует иметь в виду, что предполагаемая «Повесть» неизвестна в самостоятель-

ных списках и уже в древности была включена в летопись. Причем и в гипотетическом Новгородском своде А. А. Шахматова, и в реально существующих летописях ее текст разбит на погодные статьи, осложнен редакторской правкой, различными перестановками и добавлениями. Поэтому попытка восстановить вероятный оригинал одного из древнейших произведений русской литературы представляет значительный интерес.

Для целей данной работы научные реконструкции исчезнувших летописей А. А. Шахматова служить первоисточником по вполне понятным причинам не могут⁴. В поисках старших вариантов изучаемого повествования естественно обратиться к памятникам, претерпевшим наименьшие изменения. Систематическое сравнение особенностей изложения интересующих нас событий во всех летописях показывает, что оно сохранилось в двух основных редакциях. Одна из них представлена лучшими списками «Повести временных лет», а другая — Комиссионным и сходными с ним списками Новгородской первой летописи младшего извода. Последняя, как известно, в части до 90-х годов XI в. передает текст свода более древнего, чем Повесть временных лет⁵. Отсюда и некоторые сообщения Новгородской летописи, в том числе за указанные годы, выглядят первичными⁶. Поэтому ее текст с учетом имеющихся разночтений и наблюдений А. А. Шахматова будет опорным в дальнейшем исследовании.

Первым фрагментом «Повести о князе Ярославе» с утраченным началом Б. А. Рыбаков считает статью 6522 г.⁷ От слов: «Ярославу же суцу в Новѣгородѣ» и до слов: «...но разболѣся» ее текст почти полностью идентичен во всех летописях. Лишь во фразе «...и тако даяху вѣси князи новгородстни» Повесть временных лет исправляет «князья» на «посадники»⁸. Это, конечно, объясняется позднейшими представлениями о выдающейся роли посадников в управлении Новгородом⁹. Отрывок заканчивается сообщением о сборах Владимира в поход на строптивого сына, прерванных неожиданной болезнью киевского князя.

Новая погодная статья 6523 г. рассказывает о смерти Владимира, вкняжении в Киеве Святополка и убийстве им братьев. Однако ее начало текстуально близко как предшествующему предложению, так и второй фразе следующей статьи 6524 г.¹⁰ Двойное повторение того, что уже было сказано выше и будет сказано ниже, настораживает. Складывается впечатление о вспомогательном характере этой конструкции, соединившей разнородные тексты.

Внимательное изучение сообщений Новгородской летописи убеждает в справедливости сделанного предположения. Описание волнений в Новгороде, датированное 1016 г., сливается в последовательный и связный рассказ с повествованием, начатым статьей 6522 г. Ее заключительные строки и первые предложения статьи 6524 г. органически дополняют друг друга и читаются вместе, как один непрерывный текст (см. сн. 10). Теперь его разделяет «Сказание о Борисе и Глебе» с примыкающими известиями¹¹.

В части после «Сказания» тексты Новгородской первой летописи и Повести временных лет близки между собой вплоть до изложения подробностей битвы у Любеча¹². Правда, все случившееся перед приходом Ярослава с войском под Киев Повесть относит к 6523 (1015) г. Такое распределение материала соответствует внешней логике событий: конф-

ликт между Ярославом и новгородцами произошел вскоре после смерти Владимира, т. е. в том же году. Новгородская летопись рассказывает об этом уже под следующим, 1016 г. Но ее текст лишен противоречий и неясностей, свойственных тем же разделам ПВЛ¹³.

Лишь самое начало статьи 6524 (1016) г. в НПЛ вызывает недоумение. Краткое сообщение «Бысть съца у Любца, и одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа в Ляхы» предшествует подробному описанию той же (?) битвы¹⁴. В получившемся анахронизме виноват, по мнению А. А. Шахматова, новгородский летописец XII в.¹⁵ Имевшийся в его распоряжении дефектный экземпляр Киевского Начального свода как раз прерывался на этих страницах, и ему пришлось обратиться к местной летописи.

Путаница возникла при согласовании данных двух источников. Появилась краткая запись о Любечской битве, а окончание пространного известия о ней извлечено из новгородского памятника, так как оно находит параллели лишь в летописании Новгорода. Здесь также говорится о битве Ярослава со Святополком, но с другими подробностями¹⁶.

Если до насмешливых слов киевского воеводы включительно первичность текста Новгородской летописи теперь вполне очевидна, то окончание статьи 6524 г. ввиду его резкого расхождения со сведениями Повести временных лет требует объяснения. Необходимо установить: чтение какой из летописей отражает старший вариант рассказа о битве у Любеча¹⁷. По-видимому, ближе первоисточнику оказывается сообщение ПВЛ¹⁸. Автор протографа Новгородской первой летописи, не сумев примирить противоречивые показания своих предшественников, слил воедино два разных рассказа¹⁹. Действительно, насмешка воеводы Святополка в Повести вызывает ответную реакцию оскорбленных новгородцев. Они решают утром начать битву, а струсивших — казнить. Переправившись на другой берег Днепра, воины Ярослава в готовности биться до конца отталкивают ладьи прочь. Сражение разгорается. Озеро мешает печенегам оказать помощь Святополку, дружина которого под натиском новгородцев отступает на ломающийся лед.

Обилие невыдуманных деталей, отсутствие литературных штампов, хорошая осведомленность об обстановке в станах противников и ходе битвы свидетельствуют, что автор — непосредственный участник или современник событий. В Новгородской летописи с началом описания битвы слит такой же обстоятельный рассказ о предшествовавших ей волнениях в Новгороде и сборах Ярослава с новгородцами в поход. И там и тут главными героями являются новгородские мужи. Благодаря их решительной и всесторонней поддержке Ярослав вопреки «своему безумию» оказался в Киеве.

Изложенные выше наблюдения позволяют объединить тексты Новгородской первой летописи от слов «Ярославу же суцу в Новѣгородѣ» — до слов «хотяше бо поити на Ярослава, сына своего, но разболѣся» в статье 6522 г. и от слов «В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много» до слов «а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хормовъ рубить» в статье 6524 г. и далее с текстом Повести временных лет до слов «Святополкъ же бѣжа въ Ляхы». Перед нами стилистически однородное повествование с общим сюжетным стержнем, действующими лицами и ярко выраженными новгородскими симпатиями (см. приложение). Но в нем нет начала и конца.

Фраза «Ярославъ же съде Кыевъ на столъ отъни и дѣдни», завершающая в Повести временных лет описание Любечской битвы, выглядит измененной²⁰. Нигде ранее в Начальном своде не употреблялось это выражение. Оно ведет нас к концу XI в., когда в 1097 г. на Любечском съезде русских князей понятие «отчины и дедины» было юридически оформлено и закреплено.

Более убедительно звучит концовка в рассказе Новгородской летописи о тех же событиях: «а Ярославъ иде къ Кыеву, съде на столъ отца своего Володимира; и нача вои свои дѣлити, старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривенъ, а повгородцемъ по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по сеи грамотѣ, ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите»²¹. За этими словами помещен текст «Древнейшей Правды», но в сочетании с «Правдой Ярославичей».

Однако сообщение о вознаграждении новгородцев и выдаче им законодательного акта отсутствует в Повести временных лет, в Софийской первой летописи оно помещено под 1019 г., вслед за известием об Альтской битве, а в Новгородской первой летописи слито с иным описанием битвы у Любеча, хотя и датировано 1016 г.

Не является ли цитированная запись творчеством новгородца XII в., отстаивавшего для родного города принцип «вольности в князьях»? Косвенно ее большую древность подтверждает прочно обоснованное в отечественной историографии мнение о непосредственной связи «Древнейшей Правды» с восстанием в Новгороде 1015—1016 гг. и договором Ярослава с новгородцами²².

Оставшиеся сомнения рассеиваются рядом соображений. Повесть временных лет сообщает, что после поражения на Буге Ярослав с четырьмя мужьями бежал в Новгород и новгородцы, желая продолжать борьбу со Святополком, «начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ боярь по 18 гривенъ; и приведоша Варягы и вѣдаша имъ скоть»²³. Взаимозависимость и сопряженность данного известия и рассказа о вознаграждении новгородцев Ярославом не требуют особых доказательств²⁴. Просто Повесть, а вероятно, и Начальный свод опустили обидное для киевлян и опасное для великокняжеской власти второе сообщение, заменив его нейтральным: «Ярославъ же пришедь съде в Кыев, оутерь пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ»²⁵.

С помощью остроумных аргументов А. А. Шахматов показал, что весь эпизод со сбором средств в Новгороде для приглашения наемников-варягов стоит сейчас в летописи не на своем месте²⁶. В предположительно восстановленном новгородском первоисточнике XI в. он читался сразу после заявления новгородцев в 1016 г. Ярославу: «а мы, княже, по тобѣ идемъ»²⁷.

Убедительную реконструкцию подкрепляет еще одно наблюдение. Деньги брали у новгородских мужей, старост и бояр, соответственно по 4 куны, 10 гривен (5 гривен в Радзивилловской летописи) и 18 гривен (80 гривен в Ипатьевской и Хлебниковской). Вознаграждение получили: старосты — по 10 гривен, смерды — по 1 гривне, все новгородцы — по 10 гривен. В этом списке дополнительно появились смерды, но отсутствуют бояре или их скрывает термин «все новгородцы». И в том и в другом случае странным кажется, что бояре, заплатившие больше всех (по 18

или даже 80 гривен), не получили ничего или только 10 гривен. Ведь вознаграждение прочих новгородцев в 125 раз превышало их взнос!

В тот момент, когда летопись рассказывает о денежных сборах в Новгороде, своих бояр у Ярослава не было. Он сам-четверт прискакал в город, а его приближенных захватил в плен Болеслав. Значит, деньги берут у бояр новгородских, даже не окупивших после победы своих затрат. Факт невероятный.

Если же интересующий нас отрывок читался там, где его поместил А. А. Шахматов, все становится на свои места. Наибольший взнос платят бояре Ярослава, разделяющие с князем ответственность за избиение новгородцев. Как и чем вознаградил их в Киеве Ярослав, автора-новгородца не интересовало. Ему важно было подчеркнуть значимость трофеев его сограждан.

Теперь удалось восстановить почти весь текст «Повести о князе Ярославе и о мужах новгородских». Неясен только вопрос о ее начале. Существует логическая связь между статьей 6522 г.: «Ярославу же сушу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю...» и статьей 6496 г.: «И посади Вышеслава в Новѣгородѣ,... Умеръшю же старѣшему Вышеславу в Новѣгородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ»²⁸. Но это сообщение подверглось столь многократному редактированию, что трудно представить его в первоначальном виде. Вероятно, с рассказа о распределении столов между старшими сыновьями Владимира и появлении в Новгороде Ярослава началась исследуемая «Повесть».

Перед нами единовременное литературное произведение, написанное живым, образным языком. Отсутствие каких бы то ни было клерикальных черт свидетельствует о его светском характере. Особые симпатии автора к Новгороду и новгородцам прямо указывают на место создания «Повести». Насыщенная реальными подробностями, она не могла появиться спустя много лет после изложенных в ней событий. Причина, побудившая кого-то из новгородцев взяться за перо, — «Правда», выданная Ярославом Новгороду. Задача «Повести» — сохранить навечно и письменно закрепить память об этом выдающемся, с точки зрения новгородцев, акте. Возможно, она предваряла сборник юридических документов, куда, помимо «Древнейшей Правды», вносились постепенно и другие уставы. Вот почему, когда в один из летописных сводов решили включить текст Ярославовой грамоты, туда попали и «Правда Ярославичей», и «Покоя вирный», и «Устав мостникам».

«Повесть» легла в основу местного, новгородского летописания, наполнила сведениями несколько погодных статей, а на формирование друтих оказала прямое влияние. Такими представляются сейчас содержание и историческая судьба «Повести о князе Ярославе и о мужах новгородских», впервые открытой Б. А. Рыбаковым.

«ПОВЕСТЬ О КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ И О МУЖАХ НОВГОРОДСКИХ»

(Володимиръ же просвѣщен самъ и сынове его съ нимъ... И посади Вышеслава Новѣгородъ; умѣръшю же Вышеславу, посадиша Ярослава Новѣгородъ...)

Ярославу же суцу в Новѣгородѣ и урокомъ дающу Киеву двѣ тысящи гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси князи новгородстии, а Ярославъ сего не даяше Киеву отцу своему. И рече Володимиръ: «требите путь и мосты мостите»; хотишеть бо поити на Ярослава, сына своего; но разболѣся. В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насилне дѣяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: «сего мы насилья не можемъ смотрити»; и собрашася в нощь, исьѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; Ярославъ же в ту нощь на Ракомъ бяше. И се слышавъ, Ярославъ разгѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, песьѣче, иже бяху Варягы ты сѣклѣ; а друзии бѣжаша изъ града. И в ту же пощѣ ис Киева приде ему вѣсть: «отець ти умерлъ, а братья ти избѣна». И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к нимъ: «любимая моя и честная дружина, юже вы изъсѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не толѣрво ми ихъ златомъ окупити». И тако рече имъ: «братие, отець мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хоцю на него поити; потягнете по мнѣ». И рѣша ему новгородци: «а мы, княже, по тобѣ идемъ». Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 кунны, а отъ старостъ по 10 гривнѣ, а отъ бояръ по 18 гривнѣ; и приведоша Варягы и вѣдаша имъ скотъ. И собра вои 4000; Варягъ бяшесть тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь. Святополкъ же то слышавъ и, собра бещисла множество вои, и изиде противу его къ Любцю, и сѣде ту на полѣ со множествомъ вои. Ярославъ же пришед, ста на березѣ на Днѣпрѣ; стояша ту 3 мѣсяци, не смѣюще ся состудити. И воевода Святополчъ, именемъ Волчинъ Хвостъ, ѣзда подлѣ рѣку, укаряти нача новгородци: «почто приидосте с хромчьемъ тѣмъ, а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить». Се слышавъше новгородци рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть съ нами, сами потынемъ». Бе уже въ заморозъ, и стояше Святополкъ межю двѣма озеромъ и всю нощѣ пилъ бѣ съ дружиною своею. Ярославъ же заутра, испльчивъ дружину свою, противу свѣту перевезесея. И высѣдъше не брегъ, отъринуша лодий отъ брега; и поидоша противу собѣ и съступишася на мѣсть. Бысть сѣча зъла, и не бѣ лъзѣ озеромъ Печепѣгомъ помагати, и притиснуша Святопѣлка съ дружиною къ озеру, и вступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати нача Ярославъ. Видѣвъ же Святопѣлкъ побѣже, и одолѣ Ярославъ. Святопѣлкъ же бѣжа въ ляхы, а Ярославъ иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира; и нача вои свои дѣлитъ, старостамъ по 10 гривнѣ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривнѣ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по се грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такожѣ держите».

- ¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 201, 202, 206.
- ² Там же, с. 201.
- ³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 616—620.
- ⁴ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 158.
- ⁵ Шахматов А. А. О начальном Киевском своде. М., 1897, с. 40—52; *Он же*. Разыскания..., с. 1—13, 291.
- ⁶ См., например: *Лихачев Д. С.* Комментарии. Повесть временных лет (далее — ПВЛ), ч. II. М.—Л., 1950, с. 361.
- ⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 201; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М., 1950, с. 168.
- ⁸ ПВЛ, ч. I, с. 89.
- ⁹ Ср.: Шахматов А. А. Разыскания..., с. 497.
- ¹⁰ Ср.: НПЛ, с. 168, 174;

6522 (1014) г.

6523 (1015) г.

6524 (1016) г.

«И рече Володимиръ: «требите путь и мосты мостителю», хотяше бо поити на Ярослав, сына своего; но разбодься».

«Хотящо ити на Ярослава Володимеру, Ярославъ же посла за море, приведе Варягы бояся отца своего,... Володимеру же разбодьшися».

«...В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати».

- ¹¹ Аналогичная компоновка текста в Повести временных лет ведет нас к ее общему с Новгородской первой летописью источнику — Начальному своду конца XI в., объединившему, как думал А. А. Шахматов, сведения Киевской и Новгородской летописей.
- ¹² ПВЛ, ч. I, с. 95, 96.
- ¹³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 177, 178, 499, 500.
- ¹⁴ НПЛ, с. 174, 175.
- ¹⁵ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 191—194; 504—507.
- ¹⁶ НПЛ, с. 15, 175.
- ¹⁷ По-иному подошел к решению этого вопроса М. Х. Алешковский (Повесть временных лет. М., 1971, с. 99, 100). Статью 6524 г. Софийской первой летописи, несколько искусственно объединившую оба рассказа о Любечской битве, он принял за целостное повествование. Однако серьезные внутренние противоречия «совмещенного» текста никак не объяснены автором. Согласно Софийской летописи выходит, что воины Ярослава приготовились к бою — «исполчились» под утро, переправились на восточный берег Днепра на восходе солнца — «противу свету» и сразу вступили в битву «той ночью». Но «та» ночь уже прошла, а новая — еще не наступила. Здесь летописцу или редактору не удалось удовлетворительно согласовать сведения двух разных источников.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 202, прим. 21.
- ¹⁹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 191—194.
- ²⁰ ПСРЛ, т. I, с. 62; т. II, стб. 130.
- ²¹ НПЛ, с. 175, 176.
- ²² Подробнее см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 131—139.
- ²³ ПСРЛ, т. I, с. 62; т. II, стб. 131.
- ²⁴ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 501, 502.
- ²⁵ ПСРЛ, т. I, с. 63; т. II, стб. 133.
- ²⁶ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 501—503.
- ²⁷ НПЛ, с. 175.
- ²⁸ НПЛ, с. 159, 168; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 157—159, 496—499.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВНЕЙШЕЕ ПИСЬМО — «ЧЕРТЫ» И «РЕЗЫ»

В «Сказании о письменах» Черноризца Храбра сообщается, что «преже убо Словене не имеху книгъ, но чрътами и резами чьтеху и гатааху, погани суще; кръстивше же ся, римскими и гръчьскими писмены нуждаахуся (писати) словенску речь безъ устроеина»¹. В литературе указывалось на высокую достоверность сочинения Храбра и его прекрасную осведомленность². Храбр показывает хорошее знание современной ему и древней письменности. Он, в частности, знает и историю сложения греческого письма, отмечая зависимость его от финикийского. Все это заставляет с большим доверием отнестись и к указанию Храбра на древнейшее письмо, распространенное у славян до крещения.

Хотя Храбр писал, по-видимому, в Болгарии и антигреческая направленность его сочинения питалась соперничеством Болгарии конца IX—начала X в. (Болгарии эпохи Симеона) с самой великой Византией, древняя славянская письменность безраздельно связывалась у него с Моравией. Самые разнообразные источники указывают на то, что ко времени миссии в Моравию Кирилла-Константина и Мефодия здесь уже было распространено христианство. Обращение моравского князя Ростислава (846—870) к византийскому императору Михаилу с просьбой прислать «учителей» объяснялось разноречием в толковании священных книг. «Не разумеем бо,— сообщает, согласно одному варианту сказания о славянской письменности, Ростислав,— ни Гречьску языку, ни Латыньску; они бы ны инако учать, а они бы и инако»³. В Житии Мефодия уточняется, кто эти «они». «Въ ны вьшъли учителя мнози,— говорится опять-таки от имени Ростислава,— из влахъ и из грекъ и из немць, учаще ны различь»⁴.

Хотя этноним «влах» или «волох» в конечном счете означает кельтов (от кельтского племени вольков) и в самой Моравии долгое время сохранялась этническая группа влахов⁵, в данном случае, видимо, имелись в виду проповедники из Италии или каких-то иных романских областей⁶. Зато указание на «греков» предполагает как раз кельтоязычных проповедников — именно ирландцев. В литературе справедливо указывалось на нелогичность обращения Ростислава к Византии, если бы упоминаемые им проповедники-греки были византийцами. В то же время имеются прямые данные о том, что «греками» нередко именовали ирландских миссионеров⁷. Обычно отмечается, что только ирландские проповедники в Европе знали греческий язык. Кроме того, ирландская церковь отличалась от римской, сближаясь с древней византийской.

Христианство проникло в Ирландию еще в IV в. После разгрома многих христианских центров в Европе и реставрации язычества Ирландия

осталась «священным островом». В течение ряда столетий, будучи предоставлен сам себе, этот остров самостоятельно сохранял и развивал христианские доктрины. С другой стороны, христианство могло здесь достаточно прочно держаться среди языческого окружения лишь благодаря широкой терпимости и к язычеству, и к разным ересям. В итоге нигде не было столько различных еретических сект, сколько в Ирландии⁸.

После падения гуннской державы христианство снова переходит в наступление. Одним из главных очагов миссионерской деятельности становится именно Ирландия. Ирландские монахи в силу определенных условий у себя на родине оказались наиболее подвижными «просветителями», а благодаря широкой терпимости к язычеству и умению «вживаться» в новую среду они достигали и наибольшего эффекта. Достаточно сказать, что всюду они сами переходили на местный язык и вводили богослужение на местном языке⁹.

Ирландские миссионеры основали большое количество монастырей в континентальной Европе от Галлии до восточных пределов Германии. С миссионерскими целями ирландские монахи достигали земель полабских славян, Браденбурга. Имеются указания и на результаты их деятельности в Моравии. Согласно написанной зальцбургским монахом «История обращения баварцев и хорутан», приоритет в крещении моравов принадлежит зальцбургскому епископу¹⁰. Но сама зальцбургская церковь в VIII в. в значительной степени держалась на ирландских эмигрантах. Один из них — Виргилий — провел здесь последние сорок лет своей жизни (ум. в 784 г.). Им был основан Зальцбургский монастырь, он в течение длительного времени осуществлял руководство епархией, и именно с его деятельностью было связано обращение в христианство значительной части славян.

Являясь своеобразным аккумулятором всевозможных ересей, «священный остров» был и их распространителем на территории Европы. В ереси был обвинен и Виргилий: он распространял учение «об антиподах», восходящее еще к пифагорийцам. Та же ересь, согласно Житию Константина, была распространена и в Моравии ко времени прихода туда Кирилла и Мефодия¹¹. Но некоторые ереси Кирилл и Мефодий, по-видимому, либо не могли, либо не хотели искоренять. Это, в частности, относится к арианству.

Вопрос об истоках арианства у славян представляет особый интерес. Дело в том, что полуарианский символ веры приводится в Повести временных лет в рассказе о крещении Владимира, и это само по себе подрывает представление о византийском источнике древнерусского христианства. Связь с западнославянской, видимо, кирилло-мефодиевской традицией выступает в данном случае достаточно отчетливо¹². Уже в «Написании о вере» Константина-философа имеются определенные признаки арианского влияния. Основное отличие арианства — толкование троицы не как «единосущной», а как соединения не вполне равных элементов: отец «старей» сына, сын «подобесущен» отцу¹³. В «Написании» также отмечается «неизменное отчее подобие и образ существа его»¹⁴. Что касается Мефодия, то он прямо обвинялся в арианской ереси¹⁵. Влияние арианства проявлялось и позднее, например в XI в. в области Сазавского монастыря (Чехия)¹⁶.

Арианство, сломенное в IV в., сохранялось у некоторых германских и других варварских народов. Оно могло быть занесено к славянам уже 241

первыми их «просветителями» на рубеже V—VI в., к которым, в частности, относится некий Мартин, сначала аббат Думийского монастыря (у впадения Соны в Рону), а затем — епископ города Бракара в северо-западной Испании¹⁷. В IV в. именно Иллирия и была центром арианства. Но позднее здесь и тем более в Центральной Европе христианство отступило перед варварским нашествием. В готской же Испании арианство долгое время удерживалось как господствующее течение. Лишь в 589 г. католическая церковь утвердила здесь свое господство, причем некоторые традиции арианства (в том числе и отсутствие celibата) сохранились и позднее¹⁸.

Разумеется, никаких связей непосредственно между Моравией и Испанией не было, да и арианство к VIII в. в Испании было уже искоренено. Но самые тесные связи с древнейших времен существовали между Испанией и Ирландией. Эти связи не прерывались даже в эпоху великого переселения народов. Именно с Испанией связано происхождение многих ирландских ересей, в числе которых какое-то место занимало и арианство¹⁹. Можно даже предполагать, что именно в Ирландию должны были бежать от прямого преследования со стороны католической церкви наиболее непримиримые ариане. Ирландия же вплоть до XI в. оказывалась недоступной римской церкви и постоянно предавалась осуждению как «схизматическая» (т. е. раскольничья).

Таким образом, под слоем кирилло-мефодиевской традиции просматривается довольно мощный пласт, связанный с деятельностью ирландских миссионеров. От них была усвоена традиция богослужения на родном языке, от ирландских эмигрантов на славянскую почву перешли и многие ереси, отражавшие попытки рационалистического осмысления некоторых христианских догматов. В этой связи должно быть рассмотрено и свидетельство о дохристианской славянской письменности.

По сообщению римских авторов, кельты несравненно больше поклонялись своим богам, нежели, например, германцы. Жрецы-друиды у кельтов были наиболее почитаемым сословием. И на этом общем фоне особенно выделялось островное жречество. На континенте центром друидизма считалась Британия, а после римского завоевания эта роль перешла Ирландии²⁰. Почти религиозное значение придавалось и заучиванию преданий, носителями которых были певцы-барды. Все это в той или иной степени перешло и в христианство. Как отметил А. В. Исаченко, «у ирландских монахов выработалась своя филологическая техника, основанная на приемах сосредоточенного повторения текста вслух, они увлекались всякого рода тайными языками и тайнописью. Даже отдельные буквы алфавита подвергались мистическому толкованию»²¹. К этому можно добавить только, что все это было унаследовано от язычества²² и находило положительный отклик у язычников или полуязычников.

Склонность к мистическому толкованию отдельных букв алфавита отразилась в известной мере и у Храбра, который, в частности, придавал значение отличию славянского «аз» от греческого «альфа», поскольку первая буква греческого алфавита не была самостоятельной греческой, а зависела от древнееврейского «алефа»²³. У Храбра, однако, это имело только служебное значение в качестве дополнительного обоснования преимуществ славянской письменности перед греческой. Что касается письменности, выполненной «чертами» и «резами», то ее назначение прямо было связано с языческими гаданиями. Иными словами, у этой пись-

менности были примерно те же функции, что и у скандинавского рунического письма.

Указание Храбра на способ начертания древних славянских букв должно быть истолковано прежде всего в том смысле, что эта письменность в принципе отличалась от всех известных в его время европейских алфавитов: латинского, греческого, иврита, северогерманского. На крайнем северо-западе Европы, однако, в качестве тайнописи сохранялось одно древнее письмо, выражавшееся именно «чертами» и «резами». Это — ирландское огамическое письмо, названное так по имени его предполагаемого создателя — Огма.

Огамическое письмо было распространено в Ирландии и в Британии (в частности, у пиктов). Древнейшие огамические надписи относятся к IV—V вв., но нет особых оснований сомневаться в значительно большей древности этого письма²⁴. Из богослужебной литературы это письмо вытесняется в VII—VIII вв., т. е. примерно в то время, когда осуществляется наиболее интенсивная проповедническая деятельность ирландских монахов на континенте. В качестве тайнописи письмо сохраняется еще на протяжении почти тысячелетия²⁵.

Подобно скандинавским рунам, огамические знаки наносились обычно на деревянные палки, а также на каменные надгробные столы и щиты. Каждый знак изображался графически именно «чертами» и «резами», т. е. отрезками, более короткими, чем черты. На камни эти знаки наносились по вертикали снизу вверх. Вертикальная ось как бы представляла строку, на которую ориентировались черты группы знаков, состоявших из параллельных линий двух размеров. Каждый буквенный знак имел от одной до пяти линий, которые располагались либо направо, либо налево от центральной оси, либо пересекали ее. «Черта» по размерам равнялась двум «резам» (рис. 1)²⁶.

Хотя памятники огамического письма фиксируются только на британских островах, география их распространения была, по всей вероятности, шире. Поэтому не вполне ясно, к какому времени может быть отнесено заимствование славянами у кельтов огамического письма: пришло ли оно вместе с ирландским христианством в VI—VIII вв. или его заимствовали еще славянские жрецы у кельтских друидов в период широких славяно-кельтских контактов в Центральной Европе в последние века до нашей и первые века нашей эры.

Не исключено и своеобразное «наложение» традиций более раннего славяно-кельтского контакта, который, по мнению некоторых специалистов, прервался незадолго до прихода ирландских миссионеров или получил иное выражение²⁷.

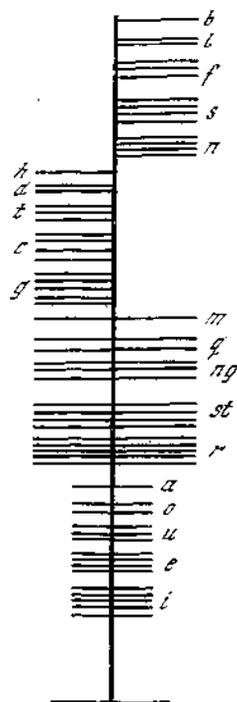

Рис. 1. Ирландский огамический алфавит

- 1 *Давров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, с. 162.
- 2 *Кувс К. М.* Към въпроса за началото на славянската писменност. София, 1960; *Он же.* Отново за годипата, когато е била съставяна славянската азбука.— Исторически преглед. София, 1960; *Он же.* Чернориец Храбър. София, 1967; и др.
- 3 Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897, с. 25.
- 4 Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1974, с. 192.
- 5 Ср. *Simek Et. Posledni keltové na Moravě.* Brno, 1958, s. 509—514.
- 6 Ср.: *Исаченко А. В.* К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 7. М., 1963, с. 60—61 (автор полагает, что «влахы» — это вообще романское население).
- 7 *Штайн М.* Ирландские эмигранты в средние века.— В кн.: Средневековый быт. Л., 1925; *Исаченко А. В.* К вопросу..., с. 61—62.
- 8 Ср.: *Dumville D. N.* Biblical acrostypha and the early irish.— In: Proceedings of the royal irish academy, vol. 73, sect. C, N 8. Dublin, 1973, p. 300.
- 9 *Исаченко А. В.* К вопросу..., с. 50—51. Деятельности ирландских монахов приписывается введение в церковный обиход и древнегерманского языка.
- 10 *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий по документальным источникам, т. I. СПб., 1868, с. 3. «Обращение» — политический памфлет, направленный против деятельности Мефодия,— датируется 871 г. См.: *Исаченко А. В.* К вопросу..., с. 47—48.
- 11 *Исаченко А. В.* К вопросу..., с. 52—55. Знакомство с учением пифагорийцев проявляли еще кельтские друиды, а у некоторых древних авторов допускалась и обратная зависимость.
- 12 Ср.: *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1963, с. 119—123; *Он же.* Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века.— Вопросы истории, 1974, № 10, с. 72—73, и др.
- 13 Ср.: Лаврентьевские летописи, с. 109—110: «Бог отецъ, присно сый пребываетъ во отчествѣ, нероженъ, безначаленъ, пачало и вина всемъ, едипемъ нерожкъсемъ старей сый сыну и духови, от негоже рождается сын пржеке всехъ вскъ... Сын подобенъ отцу, роженемъ точю разньствуя отцу и духу».
- 14 *Давров П. А.* Материалы по истории..., с. 176. Сам Кирилл говорит о своей борьбе с «ариянским неистовством» (там же). Но определенные уступки арианству, видимо, он делал.
- 15 *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий..., с. 81—82 (обвинение в искажении Мефодием «символа веры»), 156—157; *Ягич В.* Глаголическое письмо.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. СПб., 1911, с. 59 (отождествление славянской письменности с арианством); *Халм И.* Сумерки глаголической письменности.— В кн.: Тържествена сесия на 100 годишната славянската писменост. София, 1965, с. 90—91 и др.
- 16 *Воронов А.* Главнейшие источники для святых Кирилла и Мефодия. Киев, 1877, с. 262—263 (отогласки арианства в округе уже после изгнания из монастыря последователей Кирилла и Мефодия).
- 17 *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— Вестник древней истории, 1941, № 1; с. 231; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 211 (комментарий Е. Ч. Скржинской).
- 18 *Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969, с. 228.
- 19 *Dumville D. N.* Biblical acrostypha..., p. 330.
- 20 Ср.: *Широкова Н. С.* Социально-политическая организация друидов и их идеологии. Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 11, 17; *Смирнов А. А.* Древнеирландский эпос.— Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973, с. 558—559; и др.
- 21 *Исаченко А. В.* К вопросу..., с. 49.
- 22 *Широкова Н. С.* Социально-политическая организация..., с. 14—15.
- 23 Мистическое толкование «алефа» характерно для иудаизма, и выпад Храбра против «альфы» является намеком на недостаточное «православие» византийской церкви.
- 24 Это выявляется уже из того, что все буквы имели названия деревьев, а алфавит назывался «береза — вяз — ясень» (ср.: *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 383). Культ деревьев — один из древнейших в кельтском мире (см.: *Филип Ян.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 161—164).
- 25 *Истрин В. А.* Возникновение..., с. 382—383; *Vendries J.* L'écriture ogamique et ses origines.— Choix d'études linguistiques et celtiques. Paris, 1952.
- 26 *Истрин В. А.* Возникновение..., с. 383.
- 27 *Simek Et. Posledni keltové...*, s. 505, 509—511.

СТАРОДУБСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ЕГО УДЕЛЫ ДО КОНЦА XIV В.

Примерно в 110 км от Владимира, вниз по р. Клязьме, на ее правом берегу картографические материалы XVIII—XIX вв. фиксируют село Кляземский Городок¹. Не совсем обычное название сельского поселения объясняется просто: ранее здесь действительно был город. И, если бы удалось взглянуть на составленный в XVI в. Большой Чертеж Русского государства, на месте Кляземского Городка можно было бы увидеть город Стародуб².

То был древний город. Впервые он упоминается в Лаврентьевской летописи и сразу как центр особого княжества. Под 1218 г. там сообщается, что сыновья Всеволода Большое Гнездо выделили своему брату Владимиру «Стародубъ и ину властьцю»³. Но в 1228 г. Владимир умер⁴, и территория Стародубского княжества, по-видимому, воссоединилась с территорией великого княжества Владимирского. Во всяком случае, в 1238 г. Стародубом распоряжался владимирский князь Ярослав Всеволодович. Тогда он отдал Стародубское княжество брату Ивану⁵. Князь Иван Всеволодович явился родоначальником со временем сильно разросшейся ветви князей Стародубских, давшей немало известных деятелей русской истории и среди них такую крупную фигуру, как князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

В XIII в. стародубские князья не играли заметной роли в истории Северо-Восточной Руси. Поэтому сами они и их княжество редко привлекали внимание летописателей. О князе Иване известно только, что в 1245 г. он вместе с братьями — великим князем Ярославом Всеволодовичем и Святославом Суздальским, — а также с племянниками ходил в Орду⁶. На следующий год он в числе других русских князей был отпущен татарами на Русь. «Приѣхаша ис Татаръ в свою отчину», — отметил их приезд летописец⁷. Если термин «отчина» не толковать слишком отвлеченно, то можно думать, что поездка князя Ивана к хану была связана с его утверждением на столе Стародубского княжения. Получая санкцию Орды (зачастую — формальную) на правление в своем княжестве, стародубские князья в то же время должны были подчиняться великому князю Владимирскому и участвовать в мероприятиях общерусского характера. Так, сын Ивана Михаил был участником съезда русских князей, собравшегося по случаю кончины Владимирского князя Василия Ярославича⁸. А в 1281 г. Михаил Стародубский был призван под знамена великого князя Андрея Александровича, предпринявшего поход на Переяславль⁹.

После этого стародубские князья на несколько десятилетий исчезают со страниц летописей и появляются на них уже при описании событий XIV в. XIV столетие было важным периодом в истории Стародубского княжества. К концу века намечилось дробление Стародуба на уделы, обнаружился и общий политический упадок княжества. Происходившие

в нем процессы были связаны с объединительной политикой московских князей. И как бы скудны ни были известия о Стародубе в XIV в., они позволяют наметить те основные черты, которые характеризуют политическое развитие второстепенного княжества в эпоху роста центростремительных тенденций на русском Северо-Востоке.

О преемнике Михаила — его сыне Иване — известно только одно: время его смерти. Он умер в 1315 г. Летописец указал его прозвище — Стародубский¹⁰, что должно свидетельствовать о сохраниении за внуком Ивана Всеволодовича Стародубского княжества. Под 1319 г. тверской летописный источник сообщал, что «приеха па Тѣрь Прохоръ епископъ Ростовскы и Ярославъ Стародубскыи, зовуще князя Александра къ князю Юрию въ любовь»¹¹. Ярослав Стародубский — это стародубский князь Федор-Ярослав¹². В 1319 г. он выполнял важную миссию: от имени великого князя Владимирского Юрия Давидовича Московского предлагал мир его постоянным соперникам — князьям тверского дома. Миссия завершилась успехом. Второй раз имя Федора-Ярослава упоминается в летописи под 1330 г. В том году он был убит в Орде¹³. Сопоставляя убийство Федора с казнями русских князей во времена хапа Узбека, можно прийти к выводу о политической подоплеке этого убийства. В литературе высказано предположение, что Федор был убит вследствие происков Ивана Калиты¹⁴. Но известие 1319 г. противоречит такой догадке. Возможно, стародубский князь пал из-за интриг великого князя Владимирского Александра Васильевича Суздальского, который в конце 20-х — начале 30-х годов XIV в. обладал Владимиром, Суздалем и Нижним Новгородом¹⁵, т. е. пограничными со Стародубским княжеством территориями, и который, по-видимому, был заинтересован в расширении своих владений за счет земель более слабого соседа.

Князю Федору наследовал Дмитрий, по всей вероятности, его старший сын. Летописи относят кончину Дмитрия Федоровича Стародубского к лету 1355 г.¹⁶ Преемник Дмитрия — его брат Иван — сел «на княжение въ Стародубъ» только зимой 1356/57 г.¹⁷ Почему же в течение примерно полутора лет стародубский стол оставался незанятым? Отрывочные известия летописных сводов за последующие годы дают некоторый материал для ответа на поставленный вопрос. Так, летописи отмечают, что во время похода Ольгерда Литовского на Москву в 1368 г. в пределах «области Московьския» литовцами был убит князь Семен Дмитриевич Стародубский, по прозвищу Крапива¹⁸. Очевидно, это сын стародубского князя Дмитрия Федоровича, но он уже не княжит в Стародубе, а служит московскому князю, по всей видимости, будучи наместником одной из московских волостей¹⁹.

Об Иване Стародубском известно, что он поддерживал (возможно, в силу традиции, связывавшей стародубских князей с великими) суздальского князя Дмитрия Константиновича в его борьбе за великое княжение Владимирское с Дмитрием Московским. Поэтому, когда в 1363 г. великокняжеский стол окончательно перешел к московскому князю, Иван был изгнан из Стародуба²⁰. Однако его преемником стал не племянник, сын княжившего в Стародубе Дмитрия Федоровича Семен Крапива, а младший брат Ивана Андрей, который действовал уже в русле политики московского великого князя. Ориентация Ивана Федоровича Стародубского на Суздаль, более поздний факт службы московскому князю сына Дмитрия Стародубского Семена говорят за то, что между летом 1355 г. и зн-

мой 1356/57 г. в Стародубе произошло, по-видимому, столкновение среди членов местной династии за верховную власть в княжестве. В итоге стародубский стол занял Иван Федорович. Тем самым была сохранена территориальная целостность Стародубского княжества.

Стародуб с момента вокняжения в нем Ивана Всеволодовича и вплоть до последней четверти XIV в. управлялся только одним князем. И в этом нельзя не видеть, особенно для периода с середины XIV в., проявления местных центростремительных тенденций. Очевидно, такие тенденции были характерны не только для великих княжеств Северо-Восточной Руси, но и для княжеств малых, игравших второстепенную роль в политической жизни своего времени. Наличие там объединительных устремлений объясняет ту тягу к созданию единого национального государства, которая достаточно четко проявляется на русском Северо-Востоке в XIV в.

Но со смертью Андрея Федоровича Стародубское княжество начинает дробиться на уделы. Свидетельства о его дроблении содержатся в актах конца XIV—XV в., а также в более поздних источниках — родословных книгах. Согласно этим материалам, у князя Андрея Федоровича было четыре сына: Федор Стародубский, Василий Пожарский, Иван Рязполовский и Давыд Палецкий²¹. Прозвища сыновей Андрея Федоровича, полученные ими по центрам их владений, помогают определить примерное местоположение их уделов и вместе с тем очертить ту основную территорию, какую занимало Стародубское княжество в XIV в.

Самым крупным из четырех образовавшихся уделов был собственно Стародубский. Его территория включала земли таких сел, как Алексино, в конце XIV — первой четверти XV в. бывшего центром одноименного стапа²², Ромоданово²³, Осипово²⁴, Троицкое²⁵, Андреевское²⁶, Рождественское (позднее — Коврово)²⁷, вероятно, Татарово и Шустово²⁸.

География перечисленных сел показывает, что Стародубский удел занимал пространство по обоим берегам р. Клязьмы, главным образом по ее правобережью, простираясь примерно от нижнего течения р. Нерехты, правого притока р. Клязьмы, на западе до рек Мстеры и Клязьмы на востоке, где последняя круто поворачивает на юг. Южная граница удела шла по р. Таре, примерно до середины этой реки, где стояло с. Сарыво. На левом берегу р. Клязьмы западная граница удела заходила за нижнее течение р. Уводи, пересекая, видимо, ее правый приток р. Тальшу. Так можно думать на основании двух актов 50—60-х годов XV в. В одном из них содержится указание на Усольцы — владение князя Федора Федоровича Стародубского²⁹. Федор Федорович — старший сын Федора Андреевича Стародубского³⁰. Усольцы по сходству названий следует отождествлять с с. Усолье, стоявшим на правом берегу р. Уводи в ее нижнем течении³¹. Несколько выше этого села в р. Уводь впадает р. Тальша, на которой или близ которой находились владения князей Петра Стародубского — другого сына Ф. А. Стародубского — и Федора Давыдовича и Федора Федоровича Палецких-Пестрых³².

Следовательно, около с. Усолье действительно располагались владения стародубских князей. Тем самым верность идентификации Усолец с Усольем получает дополнительное подкрепление.

Территория трех остальных уделов Стародубского княжества определяется менее четко. Правда, центры владений Ивана Рязполовского и Давыда Палецкого устанавливаются легко. Это стоявшие к северу-востоку от

Стародуба на р. Унгаре, левом притоке р. Тезы, с. Ряполово и расположенное еще дальше на северо-восток, на р. Палежке, широко известное ныне с. Палех³³. Благодаря обнаруженной В. Д. Назаровым мсеновой грамоте князей Даниила Васильевича Пожарского и Дмитрия Ивановича Ряполовского выясняется, что в удел первого ряполовского князя Ивана Андреевича входило Мугреево³⁴. Так называлась территория, протянувшаяся вдоль правого берега р. Лух, несколько выше впадения в р. Лух р. Талицы³⁵. Наметить же границы земель, относившихся к Палецкому уделу, на основании известных ныне источников чрезвычайно трудно.

Что касается центра владений князей Пожарских, то исследователи, указывая на происхождение прозвища этих князей от села Пожар, или Погар³⁶, до сих пор не смогли определить его местонахождение. Оставалась неясной и география удела Пожарских³⁷. Хотя источники XVI в. знают волость Пожар в Стародубе Ряполовском³⁸, волость эта, как и предполагаемое село, до настоящего времени была *terra incognita*. Когда во второй половине XIX — начале XX в. был опубликован ряд грамот князей Пожарских, то выяснилось, что большинство владений представителей этого рода сосредоточивалось в Мугреево³⁹. На этом основании С. Ф. Платонов даже писал о том, что территория по верхнему течению рек Луха и Тезы была «родиной» Пожарских⁴⁰. Однако теперь с обнаружением мсеновой грамоты середины XV в. князей Д. В. Пожарского и Д. И. Ряполовского стало очевидным, что Мугреево было исконной отчиной князей Ряполовских. А первоначальным владением князей Пожарских была волость Пожар. Князь Даниил «променял князю Дмитрею свою отчину Пожар со всем и с тем, што к нему потягло, как было за моим отцем за князем за Васильем за Одреевичем» на Мугреево⁴¹. Следовательно, древний Пожарский удел находился в ином месте, чем Мугреево.

География Пожара выясняется на основании показаний духовной грамоты 1521/22 г. князя И. В. Ромодановского. В документе описываются границы владений этого князя, в том числе и с Пожаром: «А с Пожаром за Де(б)рью и Озерскую рубеж от реки отто Тары по закладницу по Сарыевскую по потесом к Бондаром от Пожара, а от Бондар да к Полтнину починку по потесом ото Осипова и от Пожара; и от Осипова за рубежам к Городищу да к Харетинскому рубежу — левая сторона к Пожару и к Осипову, а правая сторона к Полтнину починку, да к Пазухину Углу, да к Петровскому селу з деревнями и за Дебрюю к деревням»⁴². Из перечисленных географических номенклатур большинство определяется по данным XIX в. Село Сарыево стояло на левом берегу р. Тары, в ее среднем течении. На северо-запад от Сарыева были расположены деревни Дебря и Озерки, стоявшие по соседству по обе стороны оврага Крондровского, впадавшего слева в р. Тару⁴³. В том же северо-западном направлении от деревень Дебри и Озерок находился Кляземский Городок, который в цитированном отрывке, видимо, назван Городищем. Справа от этой линии стояли села Петровское и Харятино, а слева — с. Осипово⁴⁴. Пожар был расположен в той же стороне, что и Осипово. Следовательно, древняя Пожарская волость лежала на юг и юго-запад от столицы княжества Стародуба. Сказанное можно подкрепить еще двумя фактами. Князь Федор Данилович Пожарский до покупки с. Троицкого у князя М. И. Голицевского владел деревней Ивасовской⁴⁵, которая находилась недалеко от названного села⁴⁶, т. е. примерно в том же районе, что и древний Пожар.

По меновной грамоте от 11 марта 1566 г. князь Владимир Андреевич Старицкий получил от царя Ивана IV Стародуб Ряполовский и несколько сел в Стародубе, в том числе «волость Пожар да село Крутое з деревнями и с починки»⁴⁷. С. Крутое по названию следует отождествлять со стоявшим в нижнем течении р. Нерехты позднейшим с. Крутовым⁴⁸. Поскольку волость Пожар упоминается в меновной 1566 г. вместе с с. Крутым, следует полагать, что находились они по соседству, т. е. Пожар был расположен поблизости от нижнего течения рек Нерехты и Тары.

Приведенные данные позволяют указать лишь основной район владений первого пожарского князя. На самом деле их территория была, несомненно, обширнее. Так, сын Василия Даниил имел права на земли, прилегавшие к оз. Смехро, расположенному совсем рядом со Стародубом на другом берегу р. Клязьмы⁴⁹.

Деревенькой около того же озера владел в XV в. сын первого ряполовского князя Семен Хрипун⁵⁰. Источники XVI в. указывают на вотчину князей Тулуповых — с. Воскресенское на р. Шихехте⁵¹. Тулуповы были потомками первого палецкого князя Давида Андреевича⁵². Но с. Воскресенское было расположено гораздо ближе к Стародубу, чем к Палеху. Как же следует объяснять то, что потомки различных удельных стародубских князей имели владения близ местного стольного города? Думается, что при образовании первых уделов в Стародубском княжестве к уделам младших князей добавлялись отдельные села и угодья на территории собственно стародубской округи, древнего стародубского «уезда». Очевидно, феодальное дробление незначительного Стародубского княжества в принципе начиналось так же, как, например, великого княжества Московского. Известно, что Калита придавал к уделам своих наследников отдельные села близ Москвы. Обширная же территория вокруг Москвы была общим достоянием Калитовичей. Подобное феодальное членение земель было связано со стремлением сохранить политическое единство княжеств, сделать удельных князей заинтересованными в сохранении владений, расположенных близ главного центра княжества, и тем самым подчинить их тому князю, который правил в этом центре. Заботой о «единачестве» в политических делах своих сыновей под руководством старшего из них было продиктовано и наделение Андреем Федоровичем Стародубским своего первенца Федора большим по сравнению с остальными уделом. Показательно, что в двух наиболее ранних стародубских актах владения князя Федора Андреевича Стародубского характеризуются как находящиеся в «старѣшиньствѣ», «в старшом пути»⁵³.

При владельческом дроблении территории попытки сохранения ее политического единства чаще всего не венчались успехом. В отношении же Стародубского княжества положение усугублялось, по-видимому, политическим давлением князей московского дома. Когда Дмитрий Московский добился слияния Московского и Владимирского великих княжеств в одно целое, стало ясным, что существование соседнего независимого Стародубского княжества мешает тому широкому объединительному процессу, который сумели возглавить московские князья. Именно в этих условиях происходит сначала владельческое, а затем и политическое обособление центров Стародубского княжества. В итоге владения местных Рюриковичей в XV—XVI вв. мельчают настолько, что сводят положение некогда суверенных князей стародубских к положению вотчинников, служивших князьям московского дома.

- ¹ ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 181; ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13.
- ² Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, с. 4—5, 124 (л. 135).
- ³ ПСРЛ, т. I, 2-е изд. Л., 1926—1928, стб. 442.
- ⁴ Там же, стб. 450.
- ⁵ Там же, стб. 467.
- ⁶ ПСРЛ, т. I, 2-е изд., стб. 471. Ср. соображения А. В. Экземплярского относительно того, что под «братъею» Ярослава Всеволодовича летописного текста должны разуметься Святослав и Иван Всеволодовичи: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной России в татарский период, т. II. СПб., 1891, с. 178, прим. 521.
- ⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 471, под 6754 годом. Здесь Иван Стародубский прямо назван по имени, что подтверждает догадку А. В. Экземплярского о его поездке в Орду в 1245 г. Вместе с тем это прямое упоминание князя Ивана Всеволодовича почтумуто не было учтено названным исследователем в составленном им биографическом очерке о князе Иване.
- ⁸ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 75. Этот же текст читался, по-видимому, и в пергаменной Троицкой летописи.—Ср.: *Присяжков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 333, прим. 4.
- ⁹ ПСРЛ, т. XVIII, с. 78.
- ¹⁰ ПСРЛ, т. XVIII, с. 89. Возможно, запись о смерти Ивана Михайловича Стародубского читалась и в Троицкой летописи: *Присяжков М. Д.* Троицкая летопись, с. 355, прим. 1.
- ¹¹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 40.
- ¹² *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, с. 125, прим. 153. Интересно отметить, что в пергаменном синодике московского Успенского собора в поминальной записи о стародубских князьях, написанной почерком второй половины XV в., первыми стоят имена Федора и Ярослава. ГИМ, Синод, № 667, л. 66. Очевидно, речь должна идти об одном князе с двойным именем, тем более что до Ярослава другого стародубского князя по имени Федор неизвестно.
- ¹³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 45.
- ¹⁴ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья..., т. II, с. 180.
- ¹⁵ ПСРЛ, т. IV, с. 469.
- ¹⁶ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 64.
- ¹⁷ Там же, стб. 64.
- ¹⁸ Там же, стб. 89.
- ¹⁹ Семен был убит «въ области, зовомѣи Хвольхлѣ» — там же. Хвольхла — скорее всего, волость Холход. О ней см.: *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с. 58. Следует полагать, что Семен Крапива был наместником московского князя в Холходе.
- ²⁰ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 243, 327, под 6870 г., где изложены события 1362 и 1363 г. Ср.: ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 2.
- ²¹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 111; Родословная книга.—Временник МОИДР, кн. X. М., 1851, отд. II, с. 64, 248 (далее — Родословная книга). Здесь вторым сыном Андрея Федоровича назван Даниил Пожарский. Однако в одном акте конца XIV — первой четверти XV в. назван князь Даниил Васильевич, который приходился племянником князю Федору Андреевичу Стародубскому: АСВР, т. I, № 5. Следовательно, у князя Андрея был сын Василий Пожарский. Но едва ли его следует считать старшим сыном Андрея Стародубского (ср.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья..., т. II, с. 183; *Савелов Л. М.* Князья Пожарские.— В кн.: Летопись историко-родословного общества в Москве, вып. 2—3. М., 1906, с. 5). Судя по сравнительному значению уделов наследников Андрея, Василий был его вторым сыном. Так полагал еще С. В. Рождественский: *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, с. 172, 176.
- ²² АСВР, т. I, № 4—5, с. 27—28.
- ²³ Младший сын Федора Андреевича Стародубского князь Василий носил прозвище Ромодановского: Родословная книга, с. 64, 248. Очевидно, прозвище Василия было дано ему по его владению — с. Ромоданову. Отсюда можно заключить, что последнее входило в состав удела отца Василия князя Федора.
- ²⁴ Один из внуков князя Федора Андреевича, сын князя Федора Стародубского Петр носил прозвище Осиповского: Родословная книга, с. 64, 249. Прозвище происходило от расположенного к востоку от Коврова с. Осипова. По-видимому, это село относилось к древнему Стародубскому уделу.

- ²⁵ Село Троицкое было родовым (вотчинным) владением князя Михаила Ивановича Голицынского, который приходился внуком Федору Андреевичу Стародубскому: АСВР, т. II, № 451, с. 491 и комментарий к акту. Местоположение с. Троицкого устанавливается на основании раздельной грамоты 1490 г. на это село между князьями Ф. Ф. и В. Ф. Пожарскими, сыновьями князя Ф. Д. Пожарского, купившего с. Троицкое у князя М. И. Голицынского. В раздельной грамоте упоминается «Черневская сторона» половины Троицкого села: ЦГАДА, ф. 1203, кн. 205, л. 255. Это позволяет отождествить с. Троицкое XIV—XV вв. с с. Троицким XIX в., стоявшим примерно в 7 км к югу от г. Коврова. В 2 км к юго-западу от с. Троицкого на картах показана д. Черлева, которая, очевидно, и дала название Черневской половине. См.: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13. За указание раздельной грамоты 1490 г., а также других актов XV—XVI вв. стародубских князей приношу искреннюю благодарность В. Д. Назарову.
- ²⁶ В мековной грамоте, датируемой приблизительно 1440—1470 гг., князей Ф. Д. Пожарского и М. И. Голицынского на с. Троицкое упомянуты соседние владения их брата князя Андрея: АСВР, т. II, № 451. На карте 1812 г. рядом с с. Троицким показана деревня Андреевская: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 19. Скорее всего, деревня получила свое название от князя Андрея. Речь должна идти не об Андрее Даниловиче Пожарском, как ошибочно указано в «Указателе полных имен» ко второму тому АСВР (такого князя просто не было), а об Андрее Федоровиче Кривоборском, троюродном брате Ф. Д. Пожарского и внуке Федора Андреевича Стародубского. То, что владения А. Ф. Кривоборского находились в районе д. Андреевской, подтверждается фактом принадлежности ему села Рождественского — будущего г. Коврова, а также упоминанием в раздельной грамоте 1490 г. сыновей князя Ф. Д. Пожарского Федора и Василия на названное с. Троицкое «рубжежа» князя Василия Коврова. Последний был единственным сыном А. Ф. Кривоборского-Стародубского: ЦГАДА, ф. 1203, кн. 205, л. 255 об.; Родословная книга, с. 65.
- ²⁷ *Савелов Л. М.* Князья Ковровы. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 291.
- ²⁸ Села Татарово и Шустово были вотчинными владениями правнука Федора Андреевича Стародубского — князя Ивана Васильевича Ромодановского. Оба села упоминаются в его духовной грамоте 1521/22 гг.: ЦГИА, ф. 834, оп. 4, № 1517, л. 202 об.—224 об. Судя по духовной, князю И. В. Ромодановскому принадлежала большая территория от р. Мстырь, где стояло с. Татарово, до среднего течения р. Тарь, на левом берегу которой было расположено с. Шустово: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 14, 20. В духовной 1521/22 г. фиксируется также рубеж владений князя И. В. Ромодановского «по закладнице по Сарыевскую». Название последней зависело, очевидно, от с. Сарыева, стоявшего на р. Таре выше с. Шустова: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 20. Так очерчивается часть пределов вотчины князя И. В. Ромодановского. По-видимому, все его земли входили в состав первоначального Стародубского удела.
- ²⁹ АСВР, т. II, № 455, с. 494. В акте указывается, что сын Ф. Ф. Стародубского князь Константин пожаловал братию суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, «дал семь имь варпцию варити сол[н] в своси вотчин[с]оу Солдн». Последние два слова надо читать, по-видимому, слитно и отождествлять «Оусолдн» с позднейшим словом Усольем. «Солпа» же акта № 455 в «Указателе географических названий» ко второму тому АСВР оказалась географически не определенной.
- ³⁰ Родословная книга, с. 64, 248.
- ³¹ ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13.
- ³² АСВР, т. II, № 496, с. 544—545. В комментарии к этому акту неверно определена география перечисленных в нем объектов (там же, с. 571). Речь должна идти не о районе около современного г. Иванова, а о нижнем течении р. Тальши, правого притока р. Уводи. На карте 1812 г. близ среднего течения р. Тальши показана д. Мишкино (ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13), название которой совпадает с именем упоминаемого в акте Михаила Тальшанина.
- ³³ ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13, 7. О принадлежности Палеха князьям Палецким см.: ДЦГ, № 104, с. 435.
- ³⁴ «А аз, князь Дмитрий, променил князю Данилу свою отчину Мугреево и со всем тем, што к нему потягло, чем мене благословил отец мой князь Иван Андреевич...»: ЦГАДА, ф. 1203, кн. 205, л. 394. Мековная не имеет даты. Время ее составления может быть определено приблизительно. В грамоте упоминаются почилки, достав-

- пшнеся князю Дмитрию Иваловичу Риполовскому после его брата Андрея. Речь идет о родном брате Дмитрия князе Андрее Лобане Стародубском, убитом в бою под Белевом 5 декабря 1438 г.: Родословная книга, с. 66, 250; ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 260. Следовательно, меновная грамота была составлена после 5 декабря 1438 г. С другой стороны, она должна была быть написана до марта 1490 г., поскольку, как уже говорилось, в марте 1490 г. была составлена раздельная грамота на вотчинные владения внуков князя Даниила Пожарского — Ф. Ф. и В. Ф. Пожарских. Скорее всего, меновная была оформлена около середины XV в.
- ³⁵ В актах XVI в. в Мугрееве упоминаются с. Дмитриевское, деревни Телпино (Телепино), Шверинога (Шеверина), Чафузово (Чевузово), Олгухово, Павоз. *Савелов Л. М. Князья Пожарские...*, с. 41, 43, 46. Все эти поселения сохранились и в XIX в.: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 14.
- ³⁶ *Экземплярский А. В. Великие и удельные князья...*, т. II, с. 188—189; *Любавский М. К. Образование...*, с. 66—67.
- ³⁷ А. В. Экземплярский, ссылаясь на известное место Лаврентьевской летописи под 1096 г., описывающее битву Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем у Суздаля «перешедъ пожаръ», полагал, что речь идет о будущем владении князей Пожарских — какой-то полосе земли по р. Клязьме: *Экземплярский А. В. Великие и удельные князья...*, т. II, с. 189, прим. 544. Но интерпретация известия 1096 г. А. В. Экземплярским неприемлема, там речь идет собственно о Суздале.
- ³⁸ ДДГ, № 103, с. 423; ср.: *Любавский М. К. Образование...*, с. 67.
- ³⁹ Владимирский сборник. М., 1857, с. 128; Сборник Муханова. СПб., 1866, № 281, с. 560—570; *Савелов Л. М. Князья Пожарские*, приложение.
- ⁴⁰ *Илагонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.* СПб., 1910, с. 508.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 1203, кн. 205, л. 393 об.
- ⁴² ЦГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1517, л. 208.
- ⁴³ ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 20, 19.
- ⁴⁴ Там же, л. 13.
- ⁴⁵ АСВР, т. II, № 451, с. 491.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1203, кн. 205, л. 253 об.
- ⁴⁷ ДДГ, № 103, с. 423.
- ⁴⁸ ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 19.
- ⁴⁹ АСВР, т. I, № 5, с. 28; ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13.
- ⁵⁰ АСВР, т. I, № 188, с. 434.
- ⁵¹ ДДГ, № 104, с. 434; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 870.
- ⁵² Родословная книга, с. 67, 250.
- ⁵³ АСВР, т. I, № 4—5, с. 28.

ЗАМЕТКИ О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ «СВОДА 1305 Г.»

Предметом пристального внимания в историографии русского летописания остается Лаврентьевская летопись¹, отразившая «Свод 1305 г.». Лаврентьевская летопись сохранилась в списке 70-х годов XIV в. и является единственным оригинальным памятником по истории северо-восточной летописной традиции своего времени. Одним из вопросов, вызвавшим дискуссию при его изучении, был вопрос о происхождении «Свода 1305 г.» Речь шла о памятнике, имевшем первостепенное значение для всего последующего развития летописного дела. В литературе обсуждались две разные точки зрения по этому вопросу, связанные в основном с исследованиями А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова.

Заключение А. А. Шахматова² о Лаврентьевской летописи как памятнике общерусского митрополичьего летописания не утвердилось в литературе, а наоборот, подверглось большому сомнению³. Признание получило мнение М. Д. Приселкова, видевшего в памятнике тверской великокняжеский свод⁴. Развитие традиционного владимирского великокняжеского летописания на Северо-Востоке Руси действительно наиболее соответствовало общему уровню общественно-политической жизни ее земель в начале XIV в.

Однако вопрос о происхождении памятника не исчерпывается этой важной, но только одной стороной темы. Заключение А. А. Шахматова по этой теме трактуется гораздо шире и содержит одну плодотворную мысль. Он назвал Лаврентьевскую летопись сводом времени митрополита Петра, а его главным источником — «Великий летописец» (иначе — Владимирский полихрон). Ученый отметил, что предполагаемый им памятник прослеживается не только в Лаврентьевской летописи, но и в Ипатьевской и Новгородской I по Синодальному списку летописях. Тем самым А. А. Шахматов допускал бытование в начале XIV в. еще одного памятника (кроме Лаврентьевской летописи), непосредственно связав с ним формирование новых летописных сводов XIV — начала XV в.

Основное положение в отношении заключительной части «Свода 1305 г.», высказанное М. Д. Приселковым, не согласуется с таким выводом. По его словам, составленный в Твери «Свод 1305 г.» непосредственно продолжил после перерыва великокняжеское летописание, которое велось до 1281 г. в Переяславле. «Последний отдел» памятника отнесен им исключительно к работе тверского сводчика. Отмечая ветхий, с дефектами лаврентьевский экземпляр «Свода 1305 г.», М. Д. Приселков считал, что в Троицкой летописи дошел до нас «исправнейший текст»⁵ тверского памятника. К изучению Лаврентьевской летописи ученый обращался несколько раз, и история ее текста уточнялась⁶. Связанные с

этим изучением наблюдения весьма ценны, по не полны и не лишены противоречий и недосказанности о некоторых текстах. Повторный анализ текстов Лаврентьевской летописи в пределах 1281/1283—1305 гг. позволяет внести определенные коррективы в соответствующие наблюдения М. Д. Приселкова. Известно, что в древней рукописи Лаврентьевской летописи утрачены листы за 1263 до середины 1283 г., 1288 до середины 1294 г.; листы за 1286—1287 гг. являются «пустыми». Поэтому речь фактически идет о статьях 1283—1285, 1294—1305 гг. Правда, М. Д. Приселков, полагая, что текст Троицкой летописи почти тождествен отсутствующим «кускам» Лаврентьевской летописи, привлек для характеристики изучаемого свода, начиная с 1281 г., и материал Симеоновской летописи как отразившей «Свод 1409 г.». Вряд ли это правомерно. Тем более что материал этот использован выборочно и в известной степени тенденциозно.

Прежде всего коснемся непосредственно записей о тверских событиях. Первая летописная запись, открывающая местное тверское летописание, датирована А. Н. Насоновым 1285 г.⁷ С этой даты в «Своде 1305 г.» идет цепочка тверских записей, представляющих 12 известий до 1302 г. Это — культовые записи и семейная хроника, начало которых положено в 90-х годах. К тверским записям «Свода 1305 г.» М. Д. Приселков отнес составленный по припоминаниям материал о местных событиях, читавшийся предположительно в Троицкой летописи под 1287—1291, 1293 гг. Только некоторые из них находят подтверждение в прямых выписках Н. М. Карамзина из Троицкой летописи.

Кроме того, в фонд известий тверского происхождения включено и описание в «Своде 1305 г.» переяславльских событий, например, под 1247, 1301 гг.

Ученый писал, что не видит оснований предполагать для «переяславльских известий» особого источника. К тверской обработке предшествующего «Свода 1281 г.» отнесены и местные известия Лаврентьевской летописи под 1271, 1276, 1282 гг. Однако и на этом фоне тверских текстов ведущий стержень летописного рассказа с 1281 г. относится к другим материалам, которые названы вспомогательными источниками. Среди них перечисляются еще раз переяславльский материал, новгородский, рязанский и ярославский (Летописец Федора Черного) летописцы.

Повесть о борьбе великого князя Дмитрия с братом Андреем, заключенное в утраченных статьях 1281—1283 гг., написано, по мнению М. Д. Приселкова, в Переяславле тем же лицом, что и сам «Свод 1281 г.», и является его продолжением. В состав новгородского источника входят вместе с повгородскими все известия о деятельности великого князя Андрея Александровича, о Владимире и татарских делах в статьях 1293/1294—1296, 1300—1303 гг. При этом замечено, что известия, связанные с событиями во Владимире, записаны новгородским летописцем и использованы тверским сводчиком в 1306 г., как это было сделано до него переяславльским сводчиком в 1283 г. Исследователь отсылает читателя к Новгородской I летописи по Синодальному списку⁸. Несколько записей «Свода 1305 г.» фактически не рассмотрены или оставлены без объяснений. Это касается Повествования о Курском княжении под 1283—1284 гг. и «московских», «коstromских», «переяславльских», «смоленских» и некоторых других известий, которые в основном представляют текст после 1300—1302 гг., т. е. само окончание памятника. Правда, о «москoв-

ских» и «коstromских» известиях высказано предположение, что они могли быть записаны по устной осведомленности сведчика о текущих современных и близких ему событиях.

Дополнительные записи с соответствующим материалом Троицкой летописи с конца XIII в. и до 1305 г. связываются исследователем с последующими годами развития событий и привлечением новых материалов местных летописей; исключение сделано для двух известных Симоновской (Троицкой) летописи за 1305 г.: о смерти великого князя Андрея Городецкого (с полной датой) и о поездке в Орду тверского князя Михаила Ярославича. М. Д. Приселков обратил внимание, что известие о князе Михаиле имеет в тексте ссылку на событие следующего года, после возвращения князя из Орды, т. е. 1306 г., упоминание о нем в «Своде 1305 г.» отсутствует. То, что в «Своде 1305 г.» нет упоминания о смерти князя Андрея, объяснено испорченностью «древнего текста» в конце; его не смог прочесть монах Лаврентий и оставил для этого «последнего известия» памятника пробел перед своим послесловием размером в три с половиной строки. Это — довольно большое допущение; вполне естественно, что послесловие монаха не слито с текстом переписанных им книг.

Кроме того, в Троицкой летописи (согласно прямой выписке Н. М. Карамзина⁹⁾ запись о смерти князя Андрея предшествовала под тем же годом описанию грозы в Костроме (известное Лаврентьевской летописи). Такое допущение было необходимо исследователю для подтверждения своего положения о характере и целях составления «Свода 1305 г.» как заложившего основы великокняжеского летописания в Твери и доведшего изложение материала до смерти предшественника будущего великого князя Михаила Ярославича Тверского. Однако характеристика всей заключительной части «Свода 1305 г.» в целом, предложенная М. Д. Приселковым, не отвечает основному тезису о нем как памятнике великокняжеского владимирского летописания. Думается, что в памятнике такого типа главное место должно занимать описание развития современных и ведущих событий на Северо-Востоке Руси и связанных с ними жизни и действий лиц верховной власти на этих землях. Этому материалу в обзоре известий М. Д. Приселкова в основном отведена вспомогательная роль.

В заключительной части текста Лаврентьевской летописи содержатся 48 записей и Повествование о Курском княжении, из которых 15 отражают события и факты «великокняжеского значения» вплоть до конца, т. е. до 1305 г. Представляется, что все они имеют единое происхождение. Вот эти записи.

1294 г. — о набеге Дюденева рати на Суздальскую Русь против великого князя Дмитрия Александровича и взятии татарами 14 городов.

Это — целый летописный рассказ, где основное внимание сосредоточено на разорении «стольного града, славного Владимира», Суздаля и Переяславля; в нем осуждаются действия князя Андрея с татарами против старшего брата, великого князя Дмитрия, который «тогда был в Переяславле» и бежал в Псков. Рассказ заканчивается описанием обратного пути от Твери к Переяславлю татар и князя Андрея, узнавших о возвращении из Орды князя Михаила Тверского. В Лаврентьевской летописи сохранился сокращенный текст рассказа, начиная с похода Дюдены из Переяславля к Москве.

Нет оснований считать текст о Дюденовой рати тверским по происхождению, где летописец, в частности, пишет о тверском князе в третьем лице: «а князя их Михаила не бяше в земле их». Другое дело, что рассказ, по всей вероятности, отредактирован тверской рукой, как, например, в рассказах:

— об отъезде князя Андрея в Великий Новгород,

— о выходе зимой князя Андрея из Великого Новгорода в Торжок.

1295 г.— о возвращении великого князя Дмитрия в свою отчину мимо Торжка и его «перемани» на броду и отнятии товара князем Андреем.

В Симеоновской летописи в этом известии имеются лишние чтения¹⁰.

— о смерти великого князя Дмитрия близ Волока.

В выписке Н. М. Карамзина¹¹ и Владимирском летописце¹² содержится еще указание о смерти князя на пути «в чернецах и в схиме» и перевозе его тела в Переяславль. Все эти записи представляют одну нить повествования о завершении долголетнего спора двух князей-братьев. В Новгородской I летописи повествование о названных событиях, начиная с рассказа о Дюденовой рати, идет в другой редакции; в ней отсутствует изложение эпизода о «перемани» на броду князя Дмитрия, который успел «перепроводиться через реку». Каждое из этих событий могло быть записано на местах.

1296 г.— о поставлении в ноябре месяце Семена епископом во Владимир.

В Новгородской I летописи нет этого известия.

1297 г.— о приходе великого князя Андрея из Орды и собирании рати на Переяславль, Москву и Тверь, выходе с ратью князей Михаила Тверского и Даниила Московского и стоянии в Юрьеве, а Андрея — во Владимире, заключении мира.

В Симеоновской летописи упомянутое известие является продолжением описания съезда русских князей с участием посла Неврюя во Владимире, состоявшегося после возвращения великого князя Андрея из Орды. Оба события тесно связаны между собой.

В Лаврентьевской летописи упомянут только факт возвращения князя Андрея из татар, а редакция сохранившегося известия — тверская. В заключении записи говорится о передаче князем Иваном Дмитриевичем Переяславльским, ушедшим в Орду, «блюсти отчины своеи и Переяславль» князю Михаилу. Однако сами записи о событиях 1297 г., связанные с борьбой великого князя за Переяславль, очевидно, не тверские. Известно, что борьба за обладание богатым Переяславльским княжеством после смерти Дмитрия с самого начала складывалась в пользу Москвы. По данным Владимирского летописца, право покровительства над Переяславлем было передано князю Даниилу; в «Своде 1497 г.» сообщается о передаче наблюдения над отчиной обоим князьям: «цм приказал свою отчину»¹³ (в 1303 г. по «благословению» князя Ивана Переяславль был передан во владение московского князя Даниила). Но эта версия — более позднего времени. В конце XIII в. в Москве еще не велось летописной работы.

1300 г.— об оставлении из-за татарского насилия митрополитом Максимумом митрополии в Киеве и приходе через Брянск в Суздальскую землю.

В Новгородской I летописи нет этого известия. В Лаврентьевской летописи опущено сведение Симеоновской, что Максим «седе в Володимери».

1301 г. — о съезде русских князей во главе с великим князем Андреем в Дмитрове и заключении между ними мира.

Запись оканчивается фразой «А Михайло с Бваном недокончал межн собою», которая производит впечатление приписки.

1302 г. — о походе великого князя Андрея из Великого Новгорода с новгородцами против немцев и взятии немецкого городка на Неве.

Данное известие также имеет продолжение, в котором говорится о князе Михаиле Тверском, вернувшимся с пути в Новгород после получения сведения о победе над немцами.

В Новгородской I летописи запись о победе над немцами имеет пространную редакцию, в ней указывается на участие во взятии города Венец «низовских полков», «суздальцев», но нет ни слова о тверском князе. В Николаевской летописи говорится о владимирцах и новгородцах¹⁴.

1303 г. — о смерти князя Ивана Дмитриевича в Переяславле.

Это глухое известие «Свода 1305 г.» в Троицкой летописи читалось более подробно с полной датой и в ретроспективной правке московского сводчика¹⁵.

— о вокняжении зимой князя Данила Александровича в Переяславле.

В Троицкой летописи это известие объединено с сообщением о смерти переяславльского князя¹⁶ и имеет московскую версию. В ее тексте нет слов Лаврентьевской летописи: «на зиму».

— о поездке осенью великого князя Андрея в татары.

Новгородская I летопись по Синодальному списку содержит это известие, но без уточнения, что поездка произошла осенью. В Троицкой летописи сообщение о поездке «той же осенью» идет вслед за известием о смерти переяславльского князя и вокняжении в Переяславле князя Данила.

— о смерти сына Андреева Бориса в Костроме с полной датой.

Одно из нерассмотренных «костромских» известий.

1305 г. — о буре в Костроме и сожжении «от пожара» церкви св. Феодора, с полной датой.

Кострома была великокняжеской территорией. Сюда приезжали русские князья на съезды. Здесь, в церкви св. Феодора, в 1266 г. был венчан, а в 1276 г. захоронен костромской и владимирский князь Василий Ярославич¹⁷, в 1283 г. убит боярин князя Андрея — Семен Тониглиевич, в 1293 г. на костромском княжении сел сын великого князя Дмитрия — Иван¹⁸, а спустя 10 лет летопись отметила тут смерть князя Бориса — сына другого великого князя, Андрея.

Материал упомянутых 15 записей Лаврентьевской летописи гораздо богаче, и связанное с ними развитие событий распространено в других памятниках: Новгородской I, Симеоновской (Троицкой), Суздальской по Московско-Академическому списку, Никоновской летописях, Владимирском летописце. В общем это довольно большой комплекс летописных текстов, объединенных одной темой. Укажем, к примеру, записи Троицкой летописи: о браке князя Ивана Переяславльского (1286 г.), о походе великого князя Дмитрия на Тверь (1287 г.), о возвращении великого

князя из Орды вместе с татарским послом и с ярлыками на княжение владимирское и съезде всех русских князей и митрополита Максима в Переяславле (1304 г.)¹⁹. Последние два известия имеют ретроспективную правку московского сводчика. Московская версия события 1287/1288 г. дается в Тверском сборнике²⁰.

Полагаем правомочным высказать следующие предварительные соображения по затронутой теме статьи.

1. Лаврентьевская летопись отражает великокняжеское летописание, но, очевидно, не тверское. Оно посвящено описанию событий времени великих князей Дмитрия и Андрея — сыновей Александра Невского.

2. Более определенно следует говорить, что 1281 г. не является завершающим рубежом летописной работы в Переяславле; она имела продолжение в 80—90-х годах.

3. Само составление великокняжеского свода, известного нам по Лаврентьевской летописи, может быть, следует связывать, как это делал А. А. Шахматов, с Владимиром. Там жил, став в 1294/1295 г. великим князем, Андрей Александрович. Отсюда, наверное, князя Андрея «везше» после смерти в 1305 г. в его удел — Городец²¹. Новгородская I летопись с этого времени почти не упоминает о нем (тогда новгородским князем был его сын — Борис). Во Владимир переехал в 1300 г. из Киева «с клиросом и совсем житием своим» митрополит Максим. Летописи пишут о «стольном» городе с 1294 г. постоянно (Лаврентьевская летопись под 1294, 1296, 1297, 1300 гг.). Переяславль, который оказался с конца XIII в. в центре острого соперничества за политическое первенство на Северо-Востоке Руси, постепенно перешел в новую сферу влияния и вряд ли мог, как прежде, представлять интересы полого великого князя.

4. При составлении рассматриваемого великокняжеского свода был привлечен материал местных летописей других северо-восточных центров, в том числе новгородской, рязанской, смоленской. К руке сводчика надо отнести включение в текст свода Повествования о Курском княжении, рассказывающего о событиях в бывшей области Черниговского княжества за 1287—1288 гг.²² Это — вставка, разрывающая последовательное изложение материала в статьях под 1283—1285 гг., сохранилась и в памятниках, исходящих из «Свода 1305 г.» Poleмический характер рассказа этого Повествования о бедствиях от татарского насилия на земле Курского княжения и «в Руси» созвучен времени появления «Свода 1305 г.» Автор рассказа, объясняя причины «великого зла», писал о «нашей неправде», «мню же и князеи ради, понеже живяху в которе».

Сводчик использовал Летописец князя Федора Ростиславича Черного (5 известий). Его существование подтверждается дополнительным материалом других летописей (2 известия)²³. Федор Черный являлся постоянным союзником в действиях князя Андрея Александровича в 1281, 1293, 1297 гг. Поэтому присутствие материала о нем в «Своде 1305 г.» весьма примечательно. Только «Летописец» имеет, по всей вероятности, не ярославское, а смоленское происхождение. Федор Черный был смоленским в ярославском князем. Смоленск — «отчина» этого князя. В Лаврентьевской летописи имеются еще два смоленских известия, а под 1280 г. — о вокняжении князя Федора в Смоленске (эти известия — в числе не рассмотренных М. Д. Приселковым записей). Материал о князе Федоре Черном находится в этой летописи в сокращенной форме, в ней снят

ного, который читается например в соответствующих записях Симоновской летописи (1297, 1298/99 гг.). В записи, в записи под 1293 г. о вокняжении князя Федора «в Переславле» (в связи Дюдсеновой ратью) на «Ярославль» видна другая рука — редактора «Свода 1305 г.» К указанным местным источникам и тверской летописи следует отнести 5 записей в памятнике о некоторых стихийных бедствиях.

5. Лаврентьевская летопись содержит, несомненно, не весь объем, а только часть материала великокняжеского свода начала XIV в. Об этом свидетельствует плохая сохранность рукописей «ветшних книг» монаха Лаврентия и снятой им самим в 1377 г. копии памятника, с которой работает современный исследователь. В летописях, исходящих из «Свода 1305 г.» дается более полная редакция записей, известных Лаврентьевской летописи. Не случайно, что М. Д. Приселков видел в Троицкой (Симеоновской) летописи «исправнейший» экземпляр «Свода 1305 г.». Великокняжеский свод начала XIV в. известен нам в редакции тверского летописца. А. Н. Насонов писал: «В Лаврентьевской и Симеоновской летописях имеем в составе великокняжеских владимирских сводов местную тверскую летопись, которая открывалась записями не позднее 1285 г. и представляет собой обычную местную летописную работу»²⁴. По мнению этого исследователя, местная тверская летопись была источником великокняжеского владимирского свода 1327 г., составленного тверским сводчиком. Вопрос о «Своде 1305 г.» как тверском памятнике обойден А. Н. Насоновым. Указано только на наличие «излишков» тверского материала в Рогожском летописце, Тверском сборнике в пределах до 1306 г.²⁵

Не исключено, что запись в Лаврентьевской летописи является одним из первоначальных вариантов, своего рода черновой рукописью начатой в Твери работы над великокняжеским памятником начала XIV в., увенчавшейся в конце 20-х годов составлением свода времени великого князя Михаила Ярославича Тверского.

Забвение вывода А. А. Шахматова о составлении «Великого Летописца» в первые десятилетия XIV в., где-то уже после смерти митрополита Максима во Владимире (1307 г.), думается, было преждевременным. Желательно вновь вернуться к этой теме на уровне большого исследования о северо-восточной летописной традиции и определить место всему большому комплексу материала с 80-х годов XIII — начала XIV в.

¹ ПСРЛ, т. I. М., 1962. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Московско-Академическому списку. Воспроизведение текста издания 1926—1928 гг.

² Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 13—15, 18—20; *Он же*. Разыскания о древнейших летописных русских сводах. СПб., 1908, с. 245—248.

³ См., например: Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 260.

⁴ Приселков М. Д. Летописание XIV века.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 36—37.

⁵ Приселков М. Д. Летописание XIV века, с. 38—39.

⁶ Приселков М. Д. Летописец 1305 г.— В кн.: Века, вып. I. Пг., 1924, с. 28—35; *Он же*. Лаврентьевская летопись (история текста).— Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия исторических наук, 1939, № 32, вып. 2, с. 77—142; *Он же*. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 100—110.

⁷ Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества.— Доклады АН СССР. Серия В. Л., 1926, с. 126.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

- ⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, СПб., 1830, прим. 206.
¹⁰ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913 (1294 г.).
¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 172.
¹² ПСРЛ, т. XXX, М., 1965 (1294 г.).
¹³ ПСРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1963 (1296 г.).
¹⁴ ПСРЛ, т. IX—X, СПб., 1962. Воспроизведение текста надписи 1862 и 1885 гг.
¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 188.
¹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 188.
¹⁷ Новгородская I летопись. Комиссионный список.— ПСРЛ, т. XVIII. Симоновская летопись.
¹⁸ ПСРЛ, т. I. Суздальская летопись по Московско-Академическому списку.
¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 168, 169, 191.
²⁰ ПСРЛ, т. XV, М., 1965. Воспроизведение текста издания 1863 г. (1288 г.).
²¹ ПСРЛ, т. IX—X. Никоновская летопись (1299, 1304 гг.).
²² Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.—Л., 1940, с. 74.
²³ ПСРЛ, т. I. Суздальская летопись по Московско-Академическому списку.
²⁴ Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества, с. 126.
²⁵ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.— Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 9, с. 764—767.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ МОСКОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ XIV—XV ВВ.

Одной из наиболее важных тем в изучении русского феодализма является история средневекового ремесла и ремесленников. В послевоенные годы к ней обратились многие советские исследователи (Б. А. Рыбаков¹, М. Н. Тихомиров², А. М. Сахаров³, Л. В. Черепнин⁴, А. А. Зимин⁵ и др.). Благодаря их усилиям нарисована общая картина развития русского ремесла, охарактеризовано социальное положение ремесленников.

Некоторые, по преимуществу частные, вопросы остались предметом дискуссии. К ним принадлежит и толкование двух статей доколчаний (договоров) великих князей московских с серпуховско-боровскими князьями, посвященных положению ремесленников и крестьян в Москве и ее округе.

Вот эти статьи: «А в город послати ми своих наместников, а тебе своего наместника, и не очищать холопов наших и сельчан по отцу моему живот, по князя по великого»⁶, «А кого собе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому, а братью два жеребья, а тебе, брате, треть»⁷.

Трактовка этих статей в предшествующей советской литературе была противоречивой. Впрочем, все исследователи единодушно исходили из предположения, что холопы и сельчане, судьба которых решалась на-

местныками в Москве, паходились там же, т. е. в столице, но им-де там не место, следовательно, речь шла об определении участи беглых.

Далее построения историков разошлись. В. Е. Сыроечковский, настаивая на отличии русских городов средневековья от европейских, утверждал, будто «городской воздух княжеской Москвы не изменял судьбы холопа: князья требовали возврата их»⁸. Эту точку зрения разделил и А. М. Сахаров, полагавший, что статья говорит о возвращении холопов их старым владельцам, а вовсе не об оставлении их в городе⁹.

М. Н. Тихомиров обратил внимание на существенный факт: принадлежность этих статей исключительно докончаниям великих князей московских с потомками младшего сына Ивана Калиты — Андрея. Он же указал и хронологическую границу «очищения» — смерть Ивана Ивановича Красного. Лишь беглые, осевшие в Москве после этой даты, подлежали «очищению» в противоположность тем, которые стали жителями Москвы еще при Иване Красном.

В трактовке термина «очистить» М. Н. Тихомиров избрал второе толкование, предложенное Г. Е. Кочиным: освободить от долговых обязательств, от заклада¹⁰. Что же касается судьбы беглых, изложенной во второй статье, то, по мнению М. Н. Тихомирова, статья говорила «об оставлении в городе с подчинением определенному третьему владельцу»¹¹.

Особую концепцию развил Л. В. Черепнин. В отличие от своих предшественников в холопах и сельчанах он увидел феодально зависимых людей. Термин «очистить» он трактует, как обозначение специального расследования с целью (по аналогии с Псковской судной грамотой, ст. 51, 9) выяснения взаимоотношений и обязательств зависимых крестьян и землевладельцев. Это мнение, распространив его на холопов, позднее поддержал А. А. Зимин, нашедший его убедительным¹².

Княжеская политика исходила, по мнению Л. В. Черепнина, из желания освободиться от части ненужных в хозяйстве наличных холопов, которые после «очистки» могли оставаться в городе. «...Политика московских князей,— пишет он,— вынужденных считаться с требованиями горожан, приводила к тому, что беглые княжеские крестьяне и холопы выходили из чисто владельческой феодальной зависимости и оседали в городе (по крайней мере в Москве), получая на это последующую санкцию со стороны княжеской власти»¹³.

Сроки «очистки» Л. В. Черепнин вслед за М. Н. Тихомировым отнес к времени после смерти Ивана Красного. Проверка лиц, уподнивших в Москву до этого, представляется ему нецелесообразной за давностью времени.

Отличается от предшественников и понимание Л. В. Черепниным второй статьи. Он считает, что огородники и мастера, упоминаемые в этой статье, не принадлежали к княжеским, поскольку-де они противопоставлены холопам и сельчанам первой статьи, характеризующей их определением «паши». Чужие ремесленники, которых князья, и в частности великий князь московский, переводят в разряд своих, по мнению Л. В. Черепнина, «получают личную свободу и станут нести тягло, а повинности, с них взимаемые, князья поделят между собой пропорционально той доле, которая причитается каждому из доходов с города Москвы»¹⁴.

В связи с таким разнообразием мнений представляется полезным специальное рассмотрение вопроса о холопах, сельчанах, огородниках и мастерах докончаний московских и серпуховско-боровских князей.

Первая из рассматриваемых статей появляется в договорной грамоте Дмитрия Ивановича Донского с князем Владимиром Андреевичем в марте 1389 г. Позднее она включена в докончание Василия Дмитриевича с тем же князем 1390 г., однако без заключительных слов: «по отца моего живот, по князя великого»¹⁵. В этой редакции она включена в докончание Василия II с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем 1433 г.¹⁶ Новая редакция принадлежит докончанию тех же князей 1447 г.: «А в городе на Москве послати нам своих наместников, и они очистят наших холопов и селчан»¹⁷ — и последующим договорам 1450—1454 гг., 1451—1456 гг.¹⁸ В конце 50-х годов XV в. треть владений Василия Ярославича перешла в руки Василия Темного, и это спяло необходимость решения вопроса о холопах и сельчанах.

Лишь передача трети наследников Андрея Калиты по завещанию Ивана III угличскому князю Андрею Васильевичу и дмитровскому Юрию Васильевичу оживила интерес к городскому и сельскому населению Москвы. В докончании Андрея Васильевича и Ивана III возродилась формула конца XIV в., согласно которой наместник удельного князя вновь получал право рассмотрения принадлежности холопов и сельчан¹⁹, в чем выразилось усиление удельных князей и их попытка сопротивляться процессам централизации государства.

Хотя треть Андрея Калиты еще раз поступила в раздел между великим и удельным князьями (по духовной Ивана III она была поделена между его младшими сыновьями), вопрос о холопах и сельчанах больше не поднимался.

Приведенные данные показывают, что включение статьи о холопах и сельчанах тесно связано с судьбой трети Андрея Ивановича. Обратимся к духовной Ивана Ивановича Красного, отца Дмитрия Донского и двоюродного брата Владимира Андреевича. Долю этого последнего духовная описывает так: «на Москве в наместничестве треть, и в тамзе, в мытх и в пошлинах городских, что потягло к городу. И что мед оброчныи Василцева стану и что отца моего купленные бортники под вечные варях... то им все на трое»²⁰. Таким образом, помимо холопов, отпущенных Иваном Красным на свободу, он распорядился и наследием отца — Ивана Калиты, очевидно, включавшим холопов («купленные бортники»).

В духовной Калиты содержится более глухое упоминание об этих людях: «А что моих бортников и оброчников купленных, которыми в котором росписи, то того»²¹. Обращает на себя внимание то, что в завещании Калиты определение «купленные» может относиться не только к оброчникам, но и к бортникам.

По-видимому, принадлежность оброчников и бортников Калиты была объектом рассмотрения великокняжеского и удельного наместника на протяжении полутора столетий после смерти самого Калиты. На первый взгляд это представляется маловероятным. Однако формула духовных и договорных грамот князей относительно верности старине, которой якобы руководствовался каждый из князей, не была просто красным словцом. Приверженность старине пронизывала все области средневековой культуры.

Документы сохранили и другой случай розыска холопов, вернее, их потомков в течение столетия. Хорошо известные в литературе В. Новокшенов и его родственники разыскивали своих холопов по документам деда и прадеда²².

Текст статьи и контекст договорной грамоты не дают оснований видеть в холопах и сельчаках беглых. В докончаниях князей есть специальная статья, посвященная вопросу о беглых: «А холопа, робу, должника, поручника, беглеца по исправе выдати»²³.

По тексту статьи неясно, где жили люди, бывшие объектом спора. Вероятно, холопы находились в Москве, а сельчане — в околородных селах, вопросы принадлежности которых регулировались княжескими докончаниями.

Вторая статья о распределении наследия Калиты между князьями — совладельцами Москвы включена в докончание 1390 г.: «А кого себе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому, з братьею два жеребья, а тебе, брате, треть»²⁴. Эта статья в договоре 1447 г. звучала несколько иначе: «А кого, брате, выму себе огородников и мастеров, и мне, великому князю, и моим дегем два жеребья, а тебе, брате, того треть»²⁵. Та же редакция сохранилась и в договоре 1450—1454, 1451—1456 гг.²⁶ Новая формула предполагает, что великокняжеский наместник единолично решал вопрос о принадлежности холопов, что было результатом усиления великокняжеской власти после феодальной войны 30-х годов XV в. Имеет ли она отношение к тем же самым людям, о которых шла речь в первой статье, можно решить лишь с помощью терминологического анализа.

Термин «очистить», по материалам И. И. Срезневского, имеет несколько значений: простить, освободить, выяснить положение, устроить, доказать принадлежность, освободить от залогов, недоимок²⁷. И. И. Срезневский в разбираемой нами статье толкует этот термин как «выяснить положение». Думается, в связи с общим пониманием этой статьи более уместно близкое по значению — «доказать принадлежность».

Холопы и сельчане, принадлежность которых членам великокняжеской семьи доказывалась наместниками, подлежат позднее разделу. Князья выбирают (точный перевод слова «вымемь» или «выму») из общей массы холопов и сельчан своих, которые потом делятся на две части в соответствии с владениями князей — соуправителей в Москве²⁸.

Соответствуют ли «огородники и мастера» «холопам и сельчанам» первой статьи, трудно решить. Очевидно одно: огородники, вопреки мнению Л. В. Черепнина, не строители оград, а земледельцы, поставлявшие овощи на великокняжеский и других князей столы. Только это значение знает словарь И. И. Срезневского²⁹. Огородники наряду со страдниками входили в состав холопов Ивана Юрьевича Патрикеева³⁰. Вероятно, об этих же огородниках-земледельцах писал верейский и белозерский князь Михаил Андреевич в своей духовной, передавая Иваку III «в Москве жеребей и с пошлинами и с огородники», или более подробно — в другом варианте духовной: «и с селы и с деловыми деревнями»³¹. Это перечисление указывает, что огородники были заняты сельским хозяйством, а не строительством. В великокняжеской Москве сады и огороды располагались не только вокруг столицы, но и на посаде.

Мастера, о которых говорится во второй статье, — это, по-видимому, в первую очередь портные. Именно они чаще всего наряду с серебряными мастерами называются этим термином³².

В советской литературе хорошо изучен вопрос о ремесленниках-холопах. Последние занимались всеми видами ремесла, обслуживавшего феодальное хозяйство³³. Поэтому предположение о том, что под назва-

нием «мастеров» могли скрываться «холопы» первой статьи, не представляется невозможным.

Не исключено также, что огородники второй статьи — это сельчане первой. Правда, вопрос о селах, их населении и взаимоотношениях с городом нуждается в дополнительном исследовании.

Итоги рассмотрения двух статей междукняжеских докончаний можно свести к следующему. На протяжении почти полутора веков шел спор между великим князем и князем-третником о владениях потомков холопов и сельчан, унаследованных от Ивана Калиты.

Длительное включение этих пунктов в междукняжеские договоры показывает, что роль холопов в великокняжеском хозяйстве была довольно велика. Не случайно С. Герберштейн писал, что в «Московии... все домашние работы делаются руками рабов»³⁴.

В свете рассмотрения данных княжеских докончаний XIV—XV вв. представляется убедительной и мысль о более важной роли рабства и в предшествующее время, в частности в Древнерусском государстве³⁵, чем это было принято считать раньше.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

² Тихомиров М. П. Древнерусские города. М., 1956; *Он же*. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957; и др.

³ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959.

⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

⁵ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

⁶ ДДГ, № 11, с. 32.

⁷ ДДГ, № 13, с. 39.

⁸ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М., 1935, с. 82—83.

⁹ Сахаров А. М. Города..., с. 218.

¹⁰ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.—Л., 1937, с. 226—227.

¹¹ Тихомиров М. П. Средневековая Москва..., с. 99—100.

¹² Зимин А. А. Холопы на Руси..., с. 349.

¹³ Черепнин Л. В. Образование..., с. 339.

¹⁴ Черепнин Л. В. Образование..., с. 340.

¹⁵ ДДГ, № 13, с. 39.

¹⁶ Там же, № 27, с. 71.

¹⁷ Там же, № 45, с. 131, 133, 134, 137, 140.

¹⁸ Там же, № 56, с. 171, № 58, с. 182, 186.

¹⁹ ДДГ, № 66, с. 216. До 1472 г.

²⁰ Там же, № 4, с. 15. Около 1358 г.

²¹ Там же, № 4, с. 10. Около 1339 г.

²² АСВР, т. III. М., 1963, № 439.

²³ ДДГ, № 24, с. 65, 67.

²⁴ Там же, № 13, с. 39.

²⁵ ДДГ, № 45, с. 131, 133, 134, 137, 140.

²⁶ Там же, № 56, с. 171; № 58, с. 182, 186.

²⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, с. 846.

²⁸ Подробное об этом см.: Тихомиров М. П. Московские третяки, тысяцкие и наместники.— Изв. АН СССР. Серия истории и филос., 1946, № 4, с. 309—320.

²⁹ Срезневский И. И. Материалы..., т. II, с. 606.

³⁰ ДДГ, № 86, с. 346.

³¹ Там же, № 80, с. 301, 306, 308. Около 1486 г.

³² Там же, № 86, с. 345, 347.

³³ Зимин А. А. Холопы на Руси..., с. 300 и далее.

³⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 73.

³⁵ Ср.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

К ИСТОРИИ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСАНИЯ ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Тема статьи — лицевые летописи о казни дьяка Федора Мишурина в 1538 г. Лицевые летописи, посвященные времени Ивана Грозного, хранятся в Синодальном собрании Отдела рукописей Государственного Исторического музея. Это последние части огромного лицевого свода — так называемая Синодальная летопись (или Никоновская с картинками)¹ и Царственная книга². Лицевые летописи, история их создания и редактирования, миниатюры рукописей вызывают в последние десятилетия все больший интерес исследователей³. Листы рукописей с сообщением об «убийстве Федора Мишурина» особенно интересны тем, что это первый лист Синодальной летописи (далее — С) со значительной редакторской правкой, существенно дополняющей первоначальный текст, а также тем, что в Царственной книге (далее — Ц) — и в тексте, и в миниатюре — частично учтены эти изменения.

Дьяк Федор Михайлович Мишурин — один из влиятельнейших правительственных деятелей 1530-х годов⁴. Как особо приближенный дьяк Василия III, в 1533 г. он был в его предсмертной думе, которой тот приказал «о своем сыну великом князе Иване Василиевиче и о устроении земском, како бы правити после его государство»⁵. Именно дьякам Меньшому Путятину и Ф. Мишурину «повеле князь великий писати духовную свою грамоту и завет о управлении царствия»; Мишурину велено было «быти в товарищех» у Путятина⁶.

После кончины Василия III Мишурин проверял и подтверждал имунитетные грамоты. Мишурин подтверждал грамоты уже и прежде — в 1526/27, 1529, 1532 гг., но право массовой проверки и подтверждения их получил в 1534 г. Большинство грамот (около шестидесяти) подтверждено Мишуриним в январе — марте 1534 г., но некоторые — и позднее: в апреле, мае, июле, октябре 1534 г., январе, феврале, мае, июле, октябре 1535 г., июле, ноябре 1536 г., июне 1538 г. Мишурин и подписывал имунитетные грамоты — в сентябре 1531, январе 1534, ноябре 1535, мае 1537, в 1537/38 гг.⁷

В 1534 г. беглецы из Пскова — дьяк «с товарищи» в показаниях литовским властям в числе лиц, которые в Москве «всякие дела справуют», указали шесть дьяков и среди них Ф. Мишурина⁸. Таких дьяков обычно называли «дьяки великие»⁹. Мишурин принимает деятельное участие в переговорах с литовскими послами, встречается (опять вместе с Путятиным) казанского хана Шигалея (Шах-али)¹⁰. К Мишурину прислали известие о мятеже князя Андрея Ивановича Старицкого¹¹. Иван Грозный в первом послании Курбскому (1564 г.) характеризовал Мишурина как «отца нашего да и нашего дьяка ближнего»¹². Мишурин принадлежал к той дьяческой верхушке, которая, отодвинув вельмож, не только

фактически руководила всем делопроизводством правительственного аппарата, но и оказывала заметное воздействие на выработку самого направления правительственной деятельности¹³.

После смерти Елены Глинской (едва ли не насильственной) наступил период «безгосударства». Бежавший за рубеж в конце сентября 1538 г. инженер Петр Фрязин рассказывал: «Промеж бояр великая рознь... в земле русской мятеж и безгосударство»¹⁴. (Характерно, что «безгосударским временем» называли впоследствии последние годы польско-шведской интервенции начала XVII в.¹⁵). В столкновениях боярских группировок, пытавшихся властвовать именем малолетнего государя¹⁶, Мишурина, видимо, занял сторону князей Бельских и других Гедиминовичей (поддержанных потомственными московскими боярами) против знатнейших «принцов крови» Рюриковичей князей Шуйских (поддержанных новгородцами).

Казнь Мишурина — первая публичная смертная казнь за политическую деятельность в период правления Ивана IV — произвела, по-видимому, сильное впечатление на современников. О ней сообщают разные летописи.

Особенно выразительна запись Хронографической летописи: «бояре казнили дьяка Феодора Мишурина, без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»¹⁷.

Об убийстве Ф. Мишурина сообщается на л. 44 С. Текст написан почерком и в манере соседних листов рукописи. Сравнивая текст С с другими летописными текстами, нетрудно убедиться, что он отличается от еще более лаконичных текстов близких к нему списков Никоновской летописи¹⁸ (далее — Н) и совпадающего с ним в данном случае текста Воскресенской летописи¹⁹ (далее — В). Воскресенская летопись, как установила С. А. Левина, была составлена в первой половине 1540-х годов сторонником Шуйских²⁰, не склонным, естественно, особенно распространяться об их «самовольстве»²¹ (слова Летописца начала царства — далее ЛНЦ). С отличается, однако, и от ЛНЦ²², включенного также в Львовскую летопись (далее — Л) и в некоторые списки Никоновской летописи²³, тексты которых, напротив, пространнее, чем С. Соотношение и редакций и списков летописей середины XVI в. изучено еще недостаточно детально²⁴, а реставрация первоначального текста летописей «путем сравнительного изучения всех списков позднейших редакций представляет, как заметил А. Е. Пресняков, значительные трудности, потому что их отличия носят следы тенденциозных переделок, то пропусков, то вставок, на которых отразилась позднейшая партийная борьба, и разобраться в них с полной уверенностью довольно трудно»²⁵. Летописание эпохи Ивана Грозного можно, употребляя выражение Б. А. Рыбакова, назвать «poleмическим летописанием»²⁶.

В основе С был, видимо, Н по списку Оболенского, но летописатель²⁷ внес в текст изменения. В С имеются подробности, не известные по другим спискам официальных летописей: Мишурина «поволеша... ободрати на своем дворе и нага положити на плаху». Однако это дополнение напоминает текст Постниковского летописца, составленного, по мнению М. Н. Тихомирова, дьяком Постником Губинным. Уже высказывалось предположение, что Постниковский летописец (далее — П) (или близкий к нему) был знаком автору приписок к лицевым летописям²⁸. Перед нами, можно думать, дополнительное подтверждение этой гипотезы.

Никоповская
летопись²⁹

В лето 7047. Бысть вражда меж бояр князя Василья да князя Ивана Васильевичев Шуйских со князем с Ъваном с Федоровичем Бельским. И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре убити великого князя дьяка Федора Мишуриша.— Того же месяца преставися князь Василей Васильевич Шуйской.

Постниковский
летописец³⁰

Лета 7047 октября 21 день бояре поймали дьяка Федора Мишуриша на княж Оудреевском дворе, платье с него ободрали до нага, а вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того же часу головы ссекли.

Синодальная
летопись

В лето 7047. Бысть вражда меж бояр князя Василия и князя Ивана Васильевичев Шуйских с князем с Ъваном с Федоровичем Бельским. И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре великаго князя дьяка Федора Мишуриша ободрати на своем дворе и нага положили на плаху и повелеша его убити. Того же месяца преставися князь Василей Васильевич Шуйской. (Закурсиваенное написано кивноварью).

М. Н. Тихомиров, сопоставив известия П с первым посланием царя Курбскому, пришел к выводу, что Иван IV приводит факты, подтверждаемые именно этим летописцем (слухи о том, что в 1547 г. «чародейством Москву попалили», потому что «сердца человеческая вынимали») ³¹. Вероятнее всего, в П почерпнул Иван Грозный и сведения о казни Мишурина, когда вспоминал, что на дворе его погибшего дяди князя Андрея Ивановича стал жить князь В. В. Шуйский, и «на том дворе, сомищем иудейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго Федора Мишурина, изогнав, позоровав, убили» ³². Все это дает основание предполагать, что составитель С пользовался также и П, а возможно, и посланием Ивана Грозного в полной редакции. Более того — он удовлетворился данными именно этого источника (или этих источников), не привлекая дополнительных сведений из ЛНЦ.

Над текстом л. 44 С, как и на других листах рукописи, — большая миниатюра. В XVII в. миниатюры С были раскрашены ³³, и раскраска, возможно, искажает первоначальный замысел художника, во всяком случае, огрубляет рисунок.

Миниатюре л. 44 С свойственны черты, характерные для изобразительного искусства Древней Руси и в достаточной уже мере выявленные учеными. Миниатюры — это не буквальные зарисовки, а условные схемы, авторы которых придерживались определенных представлений об изображении явлений в пространстве ³⁴, и следовали правилам этикета, предопределявшего, что и как должно изображать. В миниатюрах XVI в. отсутствуют привычные нам ныне представления о единстве времени и единстве места — в одной и той же миниатюре изображаются последовательные эпизоды, в совокупности составляющие одно событие, и одно и то же лицо появляется, по определению Ф. И. Буслаева, в различных позах и при различных обстоятельствах ³⁵. В то же время миниатюристы, как выяснил А. В. Арциховский, следуют тексту обычно настолько точно, что даже мелкие детали соответствуют словам летописца. Однако летописный текст оказывается иногда своеобразно истолкованным или дополненным миниатюристом ³⁶. Тенденция иллюстратора, замечает Б. А. Рыбаков, обнаруживается не только в отборе событий, подлежащих изоб-

ражению, или в умолчании о том, что не нравится ему; отношение к событиям и лицам художник может выразить и количеством рисунков, и манерой изображения. «Лицевая рукопись,— пишет Б. А. Рыбаков,— напоминает текст, подчеркнутый редакторской рукой,— одно в нем выпукло выделено и навязано читателю, а другое упрятано в тень»³⁷.

На рисунке л. 44 С трижды изображены городские стены. Это — не просто имеющее эстетическое назначение художественное оформление миниатюры и «самостоятельных» эпизодов. Стены с крепостными зубцами, и особенно башни-стрельницы, в лицевых летописях обозначают город³⁸. Здесь типичное для С изображение Московского Кремля, что подчеркивается еще изображением церкви справа в углу. Художник хотел показать, что действие происходит в пространстве, ограниченном кремлевскими стенами. Любопытно отметить, что Кремль не упомянут в иллюстрируемом тексте — так художник истолковал слова «на своем дворе».

В миниатюре воспроизведено несколько последовательных действий. Наверху справа — две группы бородатых людей. Четко видны не только лица, но и головы — знак того, что участников событий было много. Быть может, разделение на группы, впереди которых жестикулирующие люди, обозначает сторонников Шуйских и Бельских, сцены «вражды меж бояр»? Скорее, однако, можно предположить, что это — момент отдачи распоряжения о расправе с Мишуриным («и в тои их брани повелеша Шуйские и иные бояре»), так как у стоящих впереди групп (а только их фигуры нарисованы достаточно ясно) различаются одежды — слева и чуть выше человек в боярской одежде. У всех, как и обычно на миниатюрах, — русские шапки с косыми отверстиями³⁹.

Слева — непосредственное продолжение действия. Мишурина раздевают («повелеша... ободрати»). У одного из участников расправы в руках его кафтан. Много людей с достаточно хорошо прорисованными фигурами и лицами. Наиболее активны люди в корзно (в том числе и безбородый): один держит одежду дьяка, другой (слева) схватил его за руку. В расправе участвуют не только бояре, но и те, кто исполнял повеление Шуйских, т. е. и люди молодые или стоявшие на более низкой социальной ступени, которых можно и даже должно было изображать безбородыми⁴⁰. Сам дьяк — уже обнаженный — с бородой. Он был человеком не только высокого служебного ранга, но и по тем временам уже явно немолодым.

Стена с тремя башнями (одна — воротная) отделяет эту сцену от другой. Опять показано, что действие продолжается внутри Кремля. Это — сцена казни. Обезглавленный Мишурина лежит, руки вытянуты вдоль тела. На нем только пояс или веревка. Видна деревянная плаха. Показано, что его положили на плаху нагим, — в других миниатюрах С и Ц казнимые обычно в нижней или даже в верхней одежде (ср. сцены торговой казни бояр князя Андрея Ивановича в С или умерщвления князя Юрия Васильевича Глинского в Ц).

Исполнитель казни бородат, одет в корзно. Секиру он держит обеими руками. Так же держат секиру и палачи в сцене казни сторонников Василия Ивановича (будущего Василия III) в 1498 г., изображенной на л. 552 Шумиловского тома Лицевого свода⁴¹. Впереди и сзади трупа — две группы людей: слева — в корзно, один из троих ясно нарисованных людей — без бороды; справа — в иной, простонародной одежде. Возмож-

но, что так противопоставались бояре — инициаторы и исполнители казни — другим ее участникам и зрителям. Определить значение жестов человека, стоящего впереди каждой группы нелегко: для этого понадобилось бы сравнить миниатюру со многими другими, установить характерные черты манеры именно данного художника, привычные для него условные жесты. А пока такая работа не проделана (это тема особого исследования!), можно лишь предположительно признать эти жесты знаками участия в совершаемом событии. Во всяком случае, ни у кого на миниатюре нет жеста печали (рука, прижатая к щеке)⁴², как при изображении казни на л. 552 Шумиловского тома (там подобный жест у Василия и у великой княгини Софьи).

Л. 44 С особенно интересен добавлениями к тексту. Это один из самых насыщенных приписками листов С. Приписки сделаны у верхнего края листа, между верхней строкой текста и миниатюрой, между строками текста и на правом поле листа, под текстом — слева от слова «убити» и на нижнем поле.

В издании летописи⁴³ не отмечена приписка под миниатюрой — три буквы «ноя». Можно предположить, что это первая половина слова «ноябрь», так как оставлено место для написания еще примерно трех букв. В С обычно после года указывается месяц (часто месяц, число и день недели). Более того, перед упоминанием о следующем по времени событии — кончине князя В. В. Шуйского — написано «Того же месяца» (л. 44 об.). Слово на л. 44 осталось, однако, недописанным: возможно, летописатель узнал, что временем расправы с Мишуриным был октябрь. Выяснить он это мог и по П, и по ЛНЦ⁴⁴. При этом в П в отличие от ЛНЦ дата смерти Шуйского — ноябрь⁴⁵ (не подтверждаемая другими источниками)⁴⁶. Не оттуда ли дата «ноя[брь]»?

Приписка у верхнего края листа сохранилась не полностью, частично лист был обрезан при переплетении рукописи; текст этот восстанавливается по Александро-Невской летописи (далее — АН): «Того же месяца апреля [Шуйские и иные бояре поймаша боярина и ко]нющего князя Ивана Овчину и посадиша за сторож [и, идеже си]дел князь Михайло Глинской, и умориша его гладом на 6-й день»⁴⁷ (восстановленные места в скобках). Приписка относится фактически к предыдущему листу, к событиям предшествовавшего года по сентябрьскому стилю — 7046 г. В В и в тех списках Н, к которым близок список С, известие об «поимании» Овчины отсутствует. В ЛНЦ⁴⁸, напротив, встречаем достаточно подробное сообщение об этом и виновниками расправы названы Шуйские. (Неблаговидное поведение Шуйских было, очевидно, причиной невключения этого известия в летописи, основанные на текстах, написанных сторонником Шуйских.) Но только в П указывается на то, что «посадиша» Овчину в ту тюрьму, где сидел ранее М. Л. Глинский, и уморили его, и именно на шестой день. И приведены эти слова в П непосредственно перед сообщением о казни Мишурина⁴⁹ (в отличие от ЛНЦ, где сведения о казни Овчины и казни Мишурина разделены достаточно подробными сообщениями о других событиях апреля — сентября 1538 г.).

Таким образом, находится еще одно подтверждение знакомства летописателя С с П. Это обнаруживается и при изучении приписки на л. 43 С о «преставлении» князя Андрея Ивановича Старецкого. Текст л. 43 С завершает рассказ о «замятне» — «мятеже» и «поимании» дяди Ивана IV. Внизу на л. 43 С приписано: «тут надобе паписати о княже Овдре-

еве преставлении так: а князь Ондре[й в той нуже седел] полгода и преставися и положен бысть в Архангиле на левой стороне в го[ловах у брата своего] у князя у Юрья у Ивашовича». Поставленные в скобки места были обрезаны при переплетении рукописи и восстанавливаются по тексту Ц⁵⁰. В издании С (ПСРЛ, т. XIII) места эти восстановлены не полностью, так как для сличения пользовались только АН, где эта приписка отсутствует. Можно полагать, что в списке, с которого копировали АН (или в самой летописи) не уцелел лист; не случайно слова «да велели их казнити смертноу казнью вешати по Новгородской дороге, не вмсте, и до Новагорода» (т. е. как раз те слова, которые читаем в основном тексте л. 43 С) приписаны, как отмечает публикатор летописи, более мелко, сходным почерком и чернилами⁵¹.

В ЛНЦ о захоронении Старицкого читаем: «а положен во Архангле на Москве, идеже лежат великий князи»⁵². Только в П сообщается о том, что «положиша его в Архангиле и где кладут опальные же князи, по конце брата его князи Юрья»⁵³.

Третья приписка на л. 44 С тоже уцелела не целиком. Часть ее, утраченная при переплетении рукописи, восстанавливается по АН: «великого князя княжатом [и боярским де]тем и дворяном»⁵⁴. Так конкретизируется мысль: кому «повелеша Шуйские и иные бояре» позорно казнить дьяка Мишурина. Это тоже, очевидно, должно было показать, что Шуйские имели возможность (вернее сказать, присвоили себе право) действовать без повеления великого князя.

Приписка в нижней части листа как бы возвращает читателя к первой фразе летописного текста о «вражде меж бояр» Шуйских и Бельских: «а князя Ивана Федоровича Белскаго поимаша и посадиша его за сторожи на его дворе, а боярина Михайла Васильевича Тучкова сослана с Москвы в его село»⁵⁵ (в слове «Москвы» зачеркнуты лишние буквы).

Приписка под миниатюрой — «ноя» сделана более аккуратно, чем другие на том же листе, хотя и схожим почерком (особенно напоминавшим почерк приписки «боярин» на л. 44 об. над словами «преставися» и «князь» — о В. В. Шуйском). Быть может, было два этапа (или, точнее сказать, момента) редакционной работы. Сначала исправлялись ошибки в написании слов (особенно собственных имен) и вносилась формально-фактологическая правка, а затем уже вносились дополнения (и изменения) тенденциозно-политической направленности (причем первоначально в виде черновых записей). Еще А. Е. Пресняковым установлено, что почерк, чернила и сама манера написания дополнительного летописного текста схожи в С и Ц. В интерполяциях много недописанных слов, зачеркиваний, пропуски слов (и даже групп слов), имеются орфографические ошибки (кажущиеся особенно странными при сравнении с многочисленными редакционными поправками, исправляющими орфографию летописца⁵⁶). Характеризуя Царственную книгу, А. Е. Пресняков отмечал, что «приписки как будто сделаны все сразу, а не для отдельных листов: их чернила отпечатались на соседних страницах; автор их имел перед собой все листы и перебирал их»⁵⁷. Это наблюдение можно распространить и на Синодальную летопись.

Похоже на то, что правка делалась под диктовку (в торжественный, несколько замедленный темп повествования врывается разговорная речь)⁵⁸ и по указаниям какого-то властного лица, не склонного ни приспособиться к темпу письма пишущего, ни ожидать, пока высохнут

чернила,— на л. 44 некоторые буквы смазаны, на обороте л. 43 так же, как и на оборотах некоторых других листов С (и особенно Ц), отпечатки правки чернилами на последующих листах. Очень возможно, что этим властным лицом был Иван Грозный. Тенденциозный характер вставок в лицевые летописи и совпадения содержания некоторых из них с содержанием царского послания Курбскому не оставляли у С. В. Бахрушина «сомнения в том, что они были сделаны по распоряжению самого царя»⁵⁹. Д. Н. Альшиц привел, думается, достаточно веские доказательства причастности лично Ивана IV к редактированию лицевых летописей⁶⁰ (и эти соображения поддержаны в специальной литературе⁶¹); нет только серьезных оснований признавать приписки автографами царя.

Правка текста С была учтена составителем Ц и в тексте (на л. 170 и 170 об.), и на миниатюре (л. 170 об.). На л. 170 и 170 об. помещена летописная статья с киноварным заголовком «О вражде бояр великого князя и о убийстве днака Федора Мишиурина».

Сравнивая тексты С и Ц, убеждаемся в том, что текст С несомненно оказал воздействие и на летописателя, и на художника Ц, но был использован ими не полностью. Несомненно и то, что при составлении Ц обращались не только к С. В данном случае явно обнаруживается влияние ЛНЦ. На то, что при составлении Ц обращались к другим летописным памятникам — ЛНЦ, Степенной книге (или общим с ней источникам), указал А. Е. Пресняков в 1893 г.⁶² После научной публикации летописей середины XVI в. в Полном собрании русских летописей эта зависимость Ц от других летописных памятников стала еще более очевидной⁶³. Сравнительное рассмотрение Ц, С и других летописей времени Ивана Грозного важно не только для изучения Ц как памятника официальной публицистики, но и для создания достаточно полного представления о характере и приемах редакторской работы летописателей середины XVI в.

Полностью текст л. 44 С, включая правку, переписан только в АН⁶⁴. В Ц же имеет место соединение текстов (точнее сказать, части текстов) — основного (первоначального) текста С и части его правки и текста ЛНЦ. Следовательно, отредактированный уже текст С не признавался окончательным вариантом при составлении Ц. Убеждает это и в том, что и при редактировании С, и при редактировании Ц имелись для сравнения какие-то другие летописные тексты (или другой летописный текст). Система редактирования лицевых летописей была сложной и многоступенчатой.

Выясняется (что отметил еще А. Е. Пресняков⁶⁵), что в Ц внесена не вся правка л. 44 С. Не попали в Ц вставки о «поимании» Овчины и об опале Бельского и Тучкова. И ошибаются те исследователи, которые полагают, что все вставки С «внесены в основной текст» Ц⁶⁶ и составитель Ц до мелочей учел все поправки редактора С («ни одно это замечание не было пропущено, все приписки внесены в текст»⁶⁷).

Предстоит еще попытаться установить основания для исключения именно данных текстов в Ц. Возможно, что это связано в первом случае с разговорами об особой близости матери царя с Овчиной, сына и племянника которого казнил Иван Грозный⁶⁸. Могло неприятно подействовать и напоминание о жестокой расправе самого Овчины с родственником царя (дядей его матери) князем Глинским (женатым к тому же на двоюродной племяннице Овчины⁶⁹). Глинский, судя по Постниковскому летописцу, был отомщен: Овчину упрятали в ту самую тюрьму, куда он

И тогда и вранн пожелъша шибеннѣ .
 И мнныи бо гире оуничого князя дѣла
 Федора мншорина в бодрати на свое
 дпортѣ оуничого князя князятѣ и бога
 реки дѣтѣ и дпоранѣ . и нага положи
 на плахѣ . и пожелъша его казнити
 смертною казнью . и шелькоша главоу
 его оупиорезгарьского плѣнѣа . в
 иптарѣ . ка . вѣне .

ранее заключил Глинского, и наложили на него «ту же» железную «тигость», которая, по его распоряжению, была прежде на Глинском. Во втором случае невключение вставки легко было бы объяснить особой личной неприязнью к М. В. Тучкову как к родственнику (деду) Курбского и как к человеку, пытавшемуся распоряжаться делами именем малолетнего государя⁷⁰. Но текст Ц дошел не целиком (см. об этом далее), и на утраченном листе могла идти речь и о Тучкове — тем самым подчеркивалось бы, кстате (вопреки Курбскому и в научение ему), что и его, Курбского, родственники оказывались жертвами вражды бояр друг с другом (ими же самими вызванной) и невнимания их к нуждам государя и государства.

В то же время в Ц достаточно широко использован (но также не полностью) текст ЛНЦ, причем не в ранней редакции, а по списку Академическому XIV (или близкому к нему)⁷¹. В списке ЛНЦ ранней редакции⁷² отсутствуют имеющиеся в более поздней редакции рассуждения морализующего характера: «И многие промежь их бяше вражды о корыстех и племянех их, всяк своим печется, а не государьским, не земским», и о «мятежах» и «пестроении» «грех ради наших».

Судить о степени полноты использования в Ц текста ЛНЦ не просто, так как в Ц очевиден пропуск слов из-за утраты листа или листов — сохранился конец фразы со словами: «...князе Юрье о Голицыне о боярстве и о иных боярех...» (л. 172) (это отмечено издателями в т. XIII ПСРЛ)⁷³. В сохранившемся тексте Ц, описывающем убийство Мишурина и боярскую вражду осенью 1538 г., обнаруживаются явные различия с ЛНЦ, текст которого был, видимо, положен в основу этого описания в Ц.

Летописец начала царства⁷⁴

О убийстве Феодора Мишурина

Тоя же оседи по диаволу действу бысть пелюбие межю великаго князя бояр: начаша враждовати князь Василий да князь Иван Шюский да князя на Ивана Федоровича на Бельского, да на князя Юрья на Голицина на Булгакова, да на Ивана на Хабарова, да на великаго князя дьяка на Феодора на Мишурина за то, что князь Иван Бельской съветовал великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юрья Голицина, а Ивана Хабарова околпичим. И многие промежь их бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земьским. А князя Васидла да князя Ивана Шуйских не быше их ту в съвете том, и они же о том начаша вражду велику держати и гнев на Давила митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Феодора на Мишурина. И за тую вражду поймаша князя Ивана Бельского и поса-

Царствецпал книга⁷⁵

Тоя же осени по диаволу действу л. 170
быть вражда между великаго князя бояр: начала враждовати князь Василей да князь Иван Василевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Бельского да на Михаила Василевича Тучкова за то, что князь Иван Бельской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юрия Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова околпичимъ; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промежь их быше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земским. И о сем начаша вражду велику держати и гнев на Давила митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Михаила Тучкова да на дьяка на Федора на Мишюринца. // И в той их браши повеле- л. 170 об.
ша Шуйские и иные бояре великаго князя дьяка Федора Мишюринца ободрати па

диша его па княже Феодоровском дворе Мстиславского за сторожи, а съветников его разослаша по селом, а дьяка Феодора Мишурина казниша смертною казнию, отсекоша главу ему у тюрем, без государьского велеица; и многу мятежу и встроению в те времена быша в христяньской земле, грех ради наших, государю младу сущу, а болре па мзду уклонишася без возбраненна, и многу кровопролития промежь собою въздвигоша, и в неправду суд держаше, и все не о бозе строяше, богу сна попускающе, а врагу действующе. Октомвриа 21, в понеделник.

своём дворе великого князя княжатою и боярским детем и дворяном и нага положили на плаху и повелеша его казнити смертною казнию; и отсекоша главу его у тюрем без государьского велеица октября в 21 день, в неделю.

В первой же фразе относительно нейтральное слово «нелюбие» заменено словом «вражда». В следующей фразе среди имен тех, против кого «начаша враждовати» Шуйские, оставлено только имя И. Ф. Бельского; имена Ю. Голицына-Булгакова, И. Хабарова и Ф. Мишурина опущены, зато добавлено имя М. В. Тучкова, причем он назван трижды (и как советовавший вместе с Бельским царю, и снова как лицо, против которого «держали гнев» Шуйские). Можно полагать, что имя это взято из приписки в С.

Заметна здесь и редакционная правка: Ю. М. Голицын и И. И. Хабаров в ЛНЦ написаны без отчества, в Ц — с отчествами. Изменен и порядок предложений, в ЛНЦ — сначала обличительная сентенция о взаимной вражде бояр и преобладании личных корыстолюбивых интересов над интересами государя и земли, а затем уже о том, что Шуйские не были в «совете»; в Ц — обратный порядок предложений и смысл фразы о Шуйских существенно изменен: «того не восхотеша». В Ц опущены подробности опалы Бельского и его советников, впрочем, вероятно, они-то и оказались перенесенными на следующий лист, где логичнее было писать после казни Мишурина о гибели Бельского и о предшествовавших ей аресте Бельского и ссылке его советников. В описании казни дьяка Мишурина объединены сведения из С, приписки в С и из ЛНЦ (о казни «у тюрем без государьского велеица»). Возможно, что на следующем листе или его обороте была переписана из ЛНЦ и заключительная морализирующая сентенция о мятежах и встроениях, кровопролитиях и т. п. «грех ради наших», так напоминающая сентенции в речах царя Ивана на соборах.

Обращает на себя внимание дата Ц — «октября в 21 день в неделю». В ЛНЦ указано, что 21 октября был понедельник, так это действительно и было в 1538 г., т. е. в 7047 г. по сентябрьскому стилю. В 7046 же году (т. е. в 1537 г.) 21 октября было воскресеньем — «неделю». В Ц не указана начальная дата года (по сентябрьскому стилю), а перед этим составитель увидел описание смерти Елены Глинской в апреле 1538 г., где стояла дата «В лето 7046». И он, вероятно, полумеханически нашел в справочных пособиях (пасхалиях?), какой день недели был 21 октября 1546 г. Тогда это показывает, что у летописателя под руками, кроме нескольких (не менее двух) списков летописи, было еще справочное

пособие по хронологии, столь необходимое для летописной работы (не исключено, впрочем, что ошибка имелась уже в одной из летописей, которые держал перед собой летописатель).

Особо важно отметить, что отнюдь не весь текст Ц, посвященный описанию вражды бояр и преследования Мишурина и других противников Шуйских и выделенный особым киноварным заголовком, сопровождается иллюстрациями в миниатюрах. На л. 170 — сплошной текст, тема миниатюры л. 170 об. — только расправа с дьяком Мишуриным.

Это сравнительно редкое явление для Царственной книги. Там, как правило, текст остается без иллюстраций тогда, когда излагается содержание речей, особенно речей, насыщенных цитатами, например предсмертной речи-обращения Василия III (л. 45, 46, ср. также л. 87 об., 118, 120 об., 124 об., 189 об.—190, 192 об., 202 и др.). Не оставили ли этот текст без иллюстрации так же, как текст о начале опричнины в Сиподальной летописи (тоже выделенный киноварным заголовком), до дополнительного редакторского просмотра⁷⁶ или торопились завершить работу по оформлению летописи?

На л. 170 об. не первое изображение дьяка Мишурина в Ц. Он по крайней мере дважды был изображен в Ц и ранее, на лл. 29 и 29 об., в миниатюрах, иллюстрирующих пространный рассказ о кончине Василия III, причем оба раза вместе с дьяком Путятиним, «в товарищех» которого был при составлении духовной великого князя. На миниатюре л. 29 Ц близ постели умирающего Василия III за столом (точнее даже — у стола) — двое писцов. Василий III — длиннородый, в великокняжеской одежде и в великокняжеской шапке с меховой опушкой; бояре ближние — бородатые, в русских шапках. На заднем плане — слева придворные; справа, в верхнем углу, — Елена Глинская в венце, на коленях ее — грудной младенец Юрий (в княжеской шапке), старший сын — трехлетний Иван — рядом, он в великокняжеской шапке. Близ них мамка, придворные — мужчипа и женщины. Обе эти группы изображены потому, что речь идет в духовной о «завете управления царствия сынову своему и наследнику». Действие происходит в Кремле, традиционно показаны кремлевские стены: и снизу, и сверху. Основная сцена — «постельные хоромы» великого князя. Он окружен боярами слева и справа, но особо выделены дьяки, так как именно о них идет речь в тексте под миниатюрой. Дьяки — бородатые, в русских шапках, но одежда их заметно отличается от боярской. На них кафтаны со шнурами на груди и драгоценной оторочкой по лизу. Любопытно, что в миниатюре л. 29 об., изображающей также дьяков (одного — пишущего, а другого — протягивающего духовную грамоту Василию III), но иллюстрирующей текст, где имена дьяков особо не выделены, дьяки — в корзю. Свитки-столбцы дьяки держат на коленях. Так обычно писали и переписывали набело грамоты в приказах⁷⁷. В руках у обоих дьяков — перья, на столе — чернильницы, возможно, что рядом с чернильницами печать (это напоминает традиционные изображения пишущих евангелистов на иконах и в миниатюрах).

Вероятно, оба дьяка одновременно писали под диктовку (а быть может, и корректировали содержание составляемой грамоты). Государи вообще имели обычай диктовать сразу двум (или более) писцам-дьякам, один из них был «в товарищех». Так, можно полагать, диктовал и царь Иван свое знаменитое первое послание Курбскому, чем и объясняются

заметные разночтения в протографах дошедших до нас полных редакций послания⁷⁸.

По основательному предположению А. Е. Преснякова, повесть «о преставлении» Василия III была написана «под свежим впечатлением только что пережитого» и пространный рассказ этот составлен, очевидно, дьяками-очевидцами и участниками описанных в нем событий⁷⁹. Вообще, вероятно, уже тогда утвердился обычай обязательного подробного письменного фиксирования таких событий, как «преставленис» государей (и соответственно вокняжение новых государей), и авторами описаний были дьяки, связанные с оформлением духовной грамоты. По свежим следам создавалась повесть (или, вернее, «черный список» — черновик ее), которая затем использовалась (сразу или по истечении какого-то времени) при составлении или редактировании официальной летописи (такие «черные списки» могли находиться сначала у автора или редактора, а затем оказывались в архиве). Возможно, и знаменитый рассказ-приписка к Ц о болезни Ивана IV в марте 1553 г., показавшейся его приближенным смертельной, тоже основан на подобного же типа повести, составленной, вероятно, дьяком И. М. Висковатым, который первым «вспомяну государю о духовной»⁸⁰. Как и повесть о преставлении Василия III включили в официальную летопись значительно позднее ее написания, повесть 1553 г. использовали только при редактировании Ц, когда велено было «написать тут: ...о болезни царской»⁸¹, уже в последние годы жизни грозного царя.

Миниатюра л. 170 об. Ц так же, как и миниатюра л. 40 С, показывает, что действие происходит в Кремле. Сверху рисунок ограничен стеной с кровлей. Стены, точнее, условные здания крыши, теремные верха, ворота, — отделяют и части миниатюр, посвященные отдельным эпизодам расправы с Мишуриным. Наверху, в центре Иван IV — безбородый (ему восемь лет), в короне и великокняжеской одежде, с жезлом в руке. По бокам его, справа — бородастые люди (видимо, бояре), слева — безбородые (не рынды ли?). Быть может, изображение юного государя должно было показать, что уже началось его правление (непосредственно перед этим на л. 169 об. текст, сопровождаемый миниатюрой, о кончине матери Ивана IV), но характерно, что Иван IV показан пассивным, без типичного для государя указующего жеста (так изображались государя тогда, когда они не были непосредственными участниками или инициаторами изображаемых событий, например в сценах пожара). В то же время изображение государя могло служить и напоминанием о том, что он лично был свидетелем и «вражды бояр», и «убийства» дьяка Мишурина.

Ниже эпизоды, отраженные уже прежде в миниатюрах л. 40 С. Слева бояре отдают повеление расправиться с Мишуриным. Много голов, ясно вычерчено несколько лиц: один боярин поднял палец правой руки — характерный для миниатюр знак распоряжения. Тем самым подчеркивается, что расправа над дьяком была без «государьского веления». Справа «княжата и боярские дети и дворяне» «обдирают» Мишурина «на дворе» близ жилого здания. Мишурина, как и в С, — с бородой, все остальные — без бород и не в корзно (семь ясно видных фигур и лиц, много голов).

Эти сцены отделены от сцены казни — нижнего яруса миниатюры — стеной, где четко нарисован частокол с замком на воротах справа. 277

Это тюрьма; «в тыну», в заключении, были и жена Андрея — Старицкая с сыном, по описанию П⁸². О том, что казнь Мишурина произошла «у тюрем», записано даже в Пермско-Вологодской летописи, однако составитель ее, быть может недостаточно осведомленный о силе возвысившихся боярских группировок, писал по стандарту, что «князь великий Иван Васильевич всеа Русии» велел (в восемь лет! — С. Ш.) «поймати» и «посадити в крепости» Овчину, а затем и «казнити смертною казнию дьяка своего Федора Мишурина, у тюрем головы съсечи»⁸³. Сам дьяк лежит, полностью обнаженный, руки его согнуты, одна на плахе (плаха шире и короче, чем в миниатюре л. 40 С). Рядом, слева над ним — несколько человек. Все безбороды и одеты не в корзано, как и в сцене раздевания Мишурина. Впереди палач (тоже безбородый) держит в обеих руках секиру (как и на рисунке в С) и готовится нанести удар. Это — мгновение перед казнью. В этой миниатюре соответственно с текстом Ц и особенно с вошедшей в него припиской С о том, что совершал казнь не бояре, более четко показано общественное положение исполнителей боярского «повеления».

*

Так, на примере сравнительного изучения описания одного события (или группы взаимосвязанных событий) октября 1538 г. в лицевых летописях можно наблюдать, как складывалась в полемике летописателей (друг с другом и даже с самим собой) определенная концепция политической истории России XVI столетия. Это убеждает в справедливости замечания Б. А. Рыбакова о том, «что в применении к Древней Руси очень трудно провести грань между источниковедением и историографией, быть может, эта грань для той эпохи и не особенно нужна»⁸⁴. Думается, что это наблюдение можно распространить и на Россию XVI в. — время создания сочинений Ивана Грозного и Курбского и составления Лицевого летописного свода.

¹ Опубликована в ПСРЛ (т. XIII. СПб., 1-я половина 1904; 2-я половина 1906). Воспроизведена фототипически в 1965 г. См.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970, с. 127—128 (№ 749 — С. 962).

² Опубликована в ПСРЛ (т. XIII, 2-я пол.). Фототипическое воспроизведение — в 1965 г. См.: Описание рукописей Синодального собрания..., с. 128—130 (№ 750 — С. 149).

³ Литературу см.: Шмидт С. О. О датировке приписок в лицевом летописном своде. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975; см. также *Скрышников Р. Г.* Загадка древнего автографа. — Вопросы истории, 1977, № 9; работы И. В. Бурукина, С. А. Морозова, В. В. Морозова в кн.: Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. Тезисы докладов. М., 1977 (ротапринтное издание), с. 239—246; работы Б. М. Кюсса, В. В. Морозова, С. А. Морозова в кн.: Тезисы докладов. Конференция по истории средневековой письменности и книги. Ереван, 1977 (ротапринтное издание); статьи В. В. Морозова и С. А. Морозова в кн.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978 (ротапринтное издание).

⁴ О Ф. М. Мишурине см.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 163; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 344—345; *Он же.* Исследования по истории опричнины, М., 1963, с. 220; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — Изв., т. 87. М.,

- 1971, с. 253—254; *Он же*. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 413, 414, 420; *Посов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957; и др.
- ⁵ ПСРЛ, т. XIII, с. 414.
- ⁶ ПСРЛ, т. XIII, с. 412; т. IV, ч. I, вып. VIII. Л., 1929, с. 557.
- ⁷ См.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века.— В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год (далее—АЕ). М., 1958; *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.— В кн.: АЕ за 1966 год. М., 1968.
- ⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II. СПб., 1846, № 179.
- ⁹ См.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961, с. 92, 143, 155.
- ¹⁰ ПСРЛ, т. XII, с. 102; т. XX, с. 434.
- ¹¹ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в.—ИЗ, т. 10, М., 1941, с. 86. Указание А. А. Зимина (Дьяческий аппарат..., с. 254), будто именно Ф. Мишуриин «в начале 1537 г. ездил с ответственной миссией к князю Андрею Старицкому», со ссылкой на ПСРЛ (т. XIII, с. 92), не подтверждается этим летописным текстом. «Убедити» Старицкого послали Путятина (ПСРЛ, т. XIII, с. 92). Очевидно, что А. А. Зимин перепутал имена дьяков, так как в характеристике деятельности Путятина в этой же его работе (с. 263—264) о подобной «миссии» Путятинца не упоминают.
- ¹² Послания Ивана Грозного (далее—ПИГ). М.—Л., 1951, с. 33, 93.
- ¹³ См.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы...; *Шмидт С. О.* О дьячестве в России середины XVI в.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- ¹⁴ Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 140 (с. 203). Дата уточщена И. И. Смирновым (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 80, прим. 9).
- ¹⁵ *Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549).— Труды Московского государственного историко-архивного института, 1954, т. 6, с. 227.
- ¹⁶ Об этом см.: *Соловьев С. В.* История России с древнейших времен, т. III. М., 1960, с. 423 и сл.; *Бахрушин С. М.* Научные труды, т. II. М., 1954, с. 264; *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.—ИЗ, т. 46. М., 1954, с. 278 и сл. (далее—Постниковский летописец); *Смирнов И. И.* Очерки..., с. 80 и сл.; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 249 и сл.
- ¹⁷ *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года.— В кн.: Исторический архив, т. VII. М., 1951, с. 288.
- ¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, с. 98.
- ¹⁹ ПСРЛ, т. VIII, с. 295; т. XIII, с. 98.
- ²⁰ *Левина С. А.* О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века.—ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.
- ²¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XXIX, с. 32.
- ²² О летописце начала царства см.: *Лавров П. Ф.* Заметки о Никоновской летописи.— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXXIV. Л., 1927; *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958, гл. 1, § 1; ПСРЛ, т. XXIX. Предисловие.
- ²³ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XX, с. 448—449; т. XXIX, с. 34.
- ²⁴ Литература указана в составленной Р. П. Дмитриевой книге: Библиография русского летописания. М.—Л., 1962; см. также: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 472 и сл.; *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 282 и сл.
- ²⁵ *Пресвяков А. Е.* Завещание Василия III.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 74.
- ²⁶ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 248.
- ²⁷ Определение А. Е. Пресвякова (Завещание Василия III, с. 75).
- ²⁸ *Шмидт С. О.* Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного.—Советские архивы, 1966, № 2, с. 50; *Он же.* Становление российского самодержавства. М., 1973, с. 27.
- ²⁹ ПСРЛ, т. XIII, с. 98.
- ³⁰ Постниковский летописец, с. 285.
- ³¹ Постниковский летописец, с. 281.
- ³² ПИГ, с. 33, 93.

- ³³ Об этом см.: *Протасьева Т. Н.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962).— В кн.: Летописи и хроники. 1973, М., 1974.
- ³⁴ См.: *Раушенбах В. В.* Пространственные представления в древнерусской живописи. М., 1975.
- ³⁵ *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки, т. II. СПб., 1861, с. 301—303; см. также: *Гуревич А. Я.* Представления о времени в средневековой Европе.— В кн.: История и психология. М., 1971, с. 189.
- ³⁶ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; см. также: *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства, с. 43 и сл.; *Он же.* Первое упоминание об Оружейной палате в миниатюры Царственной книги.— В кн.: Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования, вып. II. М., 1976.
- ³⁷ *Рыбаков В. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 14.
- ³⁸ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 74.
- ³⁹ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 101.
- ⁴⁰ Там же, с. 131—132.
- ⁴¹ Воспроизведена в кн.: *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 309.
- ⁴² О жестах в миниатюрах см.: *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 132; *Подобедова О. И.* Миниатюры..., с. 310—312.
- ⁴³ ПСРЛ, т. XIII, с. 98.
- ⁴⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; см. также т. XX, с. 449; т. XXIX, с. 34.
- ⁴⁵ Постниковский летописец, с. 285.
- ⁴⁶ См.: *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках.— В кн.: АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 50 (прим. 105).
- ⁴⁷ ПСРЛ, т. XXIX, с. 135.
- ⁴⁸ ПСРЛ, т. XXIX, с. 32; см. также: ПСРЛ, т. XIII, с. 123; т. XX, с. 447.
- ⁴⁹ Постниковский летописец, с. 285.
- ⁵⁰ ПСРЛ, т. XIII, с. 431.
- ⁵¹ ПСРЛ, т. XXIX, с. 134.
- ⁵² ПСРЛ, т. XXIX, с. 31; см. также: т. XIII, с. 121; т. XX, с. 445.
- ⁵³ Постниковский летописец, с. 284.
- ⁵⁴ ПСРЛ, т. XXIX, с. 135.
- ⁵⁵ Об опале М. В. Тучкова см.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы..., с. 94; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 220—221; *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский).— В кн.: Исследование по социально-политической истории России.— Труды ЛОИИ, 1971, вып. 12.
- ⁵⁶ См. наблюдения Д. Н. Альшица (*Альшиц Д. Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования.— Труды ГИИ, 1957, Л., вып. I (IV), с. 144).
- ⁵⁷ *Пресняков А. Е.* Царственная книга. Ее состав и происхождение. СПб., 1893, с. 7.
- ⁵⁸ См.: *Шмидт С. О.* О приписках к лицевым летописям времени Ивана Грозного.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
- ⁵⁹ *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. II, с. 333.
- ⁶⁰ *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.— ИЗ, т. 23. М., 1947.
- ⁶¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие..., с. 256; *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 323.
- ⁶² *Пресняков А. Е.* Царственная книга, с. 12 и сл.
- ⁶³ О работе древнерусского книжника см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. М.— Л., 1968, с. 88 и сл.
- ⁶⁴ ПСРЛ, т. XXIX, с. 135.
- ⁶⁵ *Пресняков А. Е.* Царственная книга, с. 17—18.
- ⁶⁶ *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. II, с. 332.
- ⁶⁷ *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки..., с. 252.
- ⁶⁸ См.: *Шмидт С. О.* О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III.— В кн.: Новое в прошлом нашей страны. М., 1967, с. 117—118.
- ⁶⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины, с. 128.
- ⁷⁰ ПИГ, с. 29, 33, 90, 93; *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых, с. 141.
- ⁷¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XX, с. 448—449.
- ⁷² См.: ПСРЛ, т. XXIX, с. 34.
- ⁷³ ПСРЛ, т. XIII, с. 432, прим. 4.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XX, с. 448—449.

⁷⁵ См. также: ПСРЛ, т. XIII, с. 431—432.

⁷⁶ Шмидт С. О. Заметки о Синопдальном списке Лицевого летописного свода.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 300.

⁷⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, с. 84; Staden H. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Hamburg, 1964, S. 17.

⁷⁸ См.: Шмидт С. О. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 320.

⁷⁹ Пресняков А. Е. Завещание Василия III, с. 74.

⁸⁰ ПСРЛ, т. XIII, с. 523.

⁸¹ Там же, с. 522.

⁸² Постшиковский летописец, с. 284.

⁸³ ПСРЛ, т. XXVI, с. 318.

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 346.

А. А. ЮШКО

О НЕКОТОРЫХ ВОЛОСТЯХ И ВОЛОСТНЫХ ЦЕНТРАХ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XIV В.

Немалые возможности в решении вопросов земле-
владения таит в себе верное картографирование географической номен-
клатуры письменных источников.

Для Московской земли важнейшим в ряду таких источников является духовная грамота Ивана Даниловича Калиты. Вопросы ее географии достаточно разработаны в исторической литературе¹. Специально этой теме посвящена работа В. Н. Дебольского (1901 г.), в которой автор, привлекая такие, не используемые ранее материалы, как данные писцовых книг Московского государства XVI в., межевых грамот 1504 г., а также данные топонимики, смог локализовать подавляющее большинство пунктов духовного завещания Калиты. И все же в итоге работ исследователей часть волостей и слобод, поименованных в духовной, осталась не локализованной: Негуча, Нарунижское, Нивна, Галичичи и др. Часть волостей была локализована очень приблизительно: Гвоздна, Ивань-деревня, Суходол и др., по местоположению другой части волостей у исследователей имелись существенные противоречия: Городена², Северьска³.

Между тем вопросы максимально точной локализации пунктов земле-
владения письменных источников оказываются весьма существенными в
решении проблемы складывания феодального землевладения Москов-
ской земли. Имея в перспективе возможность картографирования основ-
ных видов феодального землевладения — великокняжеского, боярского и
монастырского, мы тем самым надеемся получить данные о взаимораспо-
ложении указанных форм землевладения⁴.

В настоящее время круг источников, которые можно привлекать при локализации тех или иных пунктов письменных документов, значительно расширился. Неоценимым источником, широко вводимым в научный оборот, является обширный актовый материал⁵. На возможности археологии в плане решения проблем исторической географии ранее XV в. С. Б. Веселовский указывал еще в 30-е годы⁶. Сейчас, когда учтены все известные в Подмоскowie археологические памятники⁷, привлечение этой категории источников становится правомерным. Конечно, картографированные на территории волостей духовной Калиты археологические памятники не дают каких-либо локальных особенностей в их материальной культуре, по которым можно было бы уточнить волостные границы. Они дают лишь картину освоения территории древнерусским населением в предшествующее или синхронное время. Зато неизмеримо возрастает ценность археологических источников при локализации волостных центров, которые зачастую удастся предварительно наметить по топонимическим данным. Проверить такие заметки можно только с помощью археологических обследований, которым было подвергнуто около 30 пунктов духовного завещания Калиты⁸. Приведем несколько примеров использования археологических данных при решении спорных моментов в локализации некоторых волостей и волостных центров.

Издавна в научной литературе идут споры о местоположении волости Лопасни. Споры эти усугублялись еще и тем обстоятельством, что для XII в. волость Лопасня — один из крайних северо-восточных пунктов Черниговской земли, и точное местоположение волости важно для выяснения территориальных границ княжеств. Некоторые исследователи склонны отождествлять центр волости с современным городом Чеховом (б. Лопасня)⁹. Другие исследователи помещали центр волости на правом берегу р. Оки, против устья р. Лопасни¹⁰.

Постараемся проанализировать сведения источников о местоположении волости и ее центра. Впервые волость Лопасня попадает на страницы летописи в 1176 г., когда сын Святослава Всеволодовича Черниговского — Олег Святославич, проводив жен Михалку и Всеволода Юрьевичей до Владимира, на обратном пути останавливается в своей волости Лопасне¹¹. То есть в XII в. Лопасня — Черниговская волость, местоположение которой неясно. В духовной Калиты она фигурирует уже как волость Московская¹². В 1353 г. Лопасня была отобраана рязанцами, а вместо ее, как явствует из духовной Ивана Ивановича (1358 г.), московские князья получили «на сей стороне Оки» иные отменные «места Рязанские»¹³. Это подчеркнутое указание на московскую сторону Оки косвенно подтверждает, что утерянная князем Иваном волость Лопасня находилась на той, рязанской стороне Оки. Граница между рязанскими и московскими землями издавна шла по Оке. Окончательно этот раздел был закреплен договором великого князя Дмитрия Ивановича с рязанским князем Олегом Ивановичем (1382 г.)¹⁴, согласно которому Лопасня в числе иных пунктов показана «на Рязанской стороне, за Окою»¹⁵.

Этот документ вызвал недоумение многих исследователей тем обстоятельством, что при перечислении пунктов договора перед Лопасней стоит слово «почен». В. А. Кучкин, например, отождествляя это слово с «починком», выводил из этого невозможность локализации Лопасни на правом берегу Оки ввиду того, что «починок» не может быть волостным центром¹⁶. Следует обратить внимание на то, что подобная транскрипция

О НЕКОТОРЫХ ВОЛОСТЯХ И ВОЛОСТНЫХ ЦЕНТРАХ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XIV В.

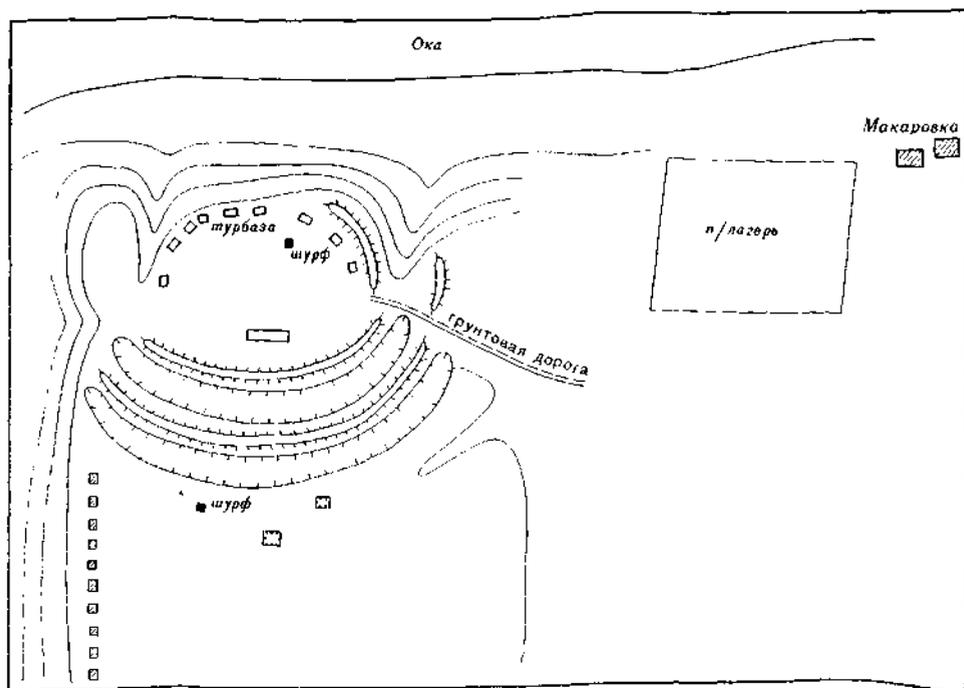

Рис. 1. Городище у д. Макаровка. Схематический план

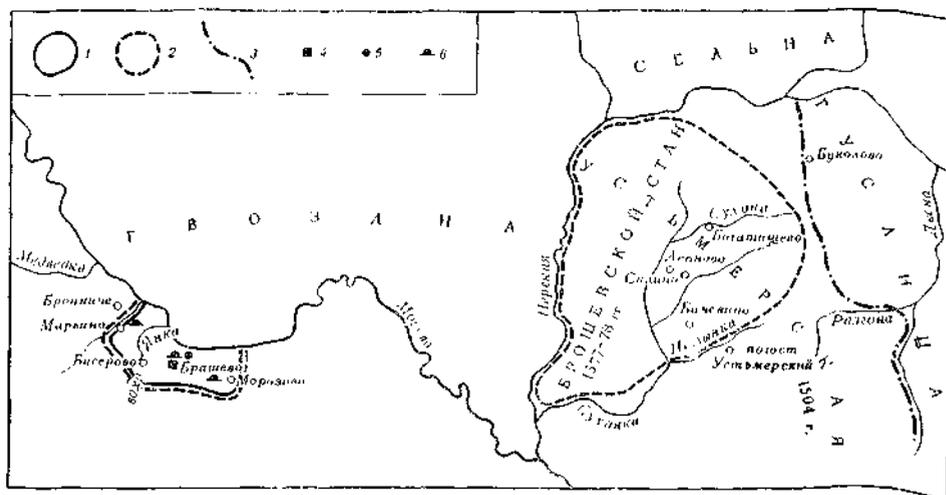

Рис. 2. Местоположение Брошевы (волости и стана) в XIV—XVI вв.

- 1 — территория волости Брошевы по духовной Капеты (около 1339 г.);
- 2 — территория Брошевского стана по писцовым книгам XVI в. (по С. В. Веселовскому);
- 3 — граница Гуслицы и волости Устьмерской по грамоте А. Ф. Наумова (1504 г.);
- 4 — городище;
- 5 — селище;
- 6 — курганный могильник

«почен Лопастна» сохраняется не во всех изданиях договора. В «Древней Российской виблиофике», например, соответствующее место выглядит, как «Почен, Лопастна»¹⁷. Подобную же транскрипцию мы наблюдаем и в тексте договора великого князя Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем (1434 г.)¹⁸. Видимо, в каждом таком случае за исследователем остается его право толкования указанного словосочетания, и мы не имеем никаких оснований полагать, что в договоре Великого князя Дмитрия Ивановича с рязанским князем Олегом Ивановичем (1382 г.) речь идет о починке Лопасне, а не о двух разных пунктах — «Почен» и «Лопастна». Это тем более вероятно, что в актах, когда упоминаются починки безымянные или имеющие названия, употребляется обычно термин «починок», а не «почен»¹⁹. Местоположение Почена, так же как и других пунктов договора (Жадене городище, Жадемль, Дубок и Броднич), предстоит еще выяснить²⁰.

Интересные данные дает также летописный рассказ о походе войск Дмитрия Донского в 1380 г.²¹ Русские полки, двигаясь от Коломны по левобережью Оки, «ста на усть Лопасны». После прибытия из Москвы воеводы Тимофея Васильевича все воинство было переправлено через Оку. Затем воеводу Дмитрий Донской «оставил у Лопасны», а сам двинулся дальше. Здесь важно указание на то, что Тимофей Васильевич был оставлен у Лопасни после того, как войска перешли Оку, т. е. речь идет о населенном пункте Лопасне, расположенном на правом берегу Оки.

Таким образом, анализ письменных свидетельств приводит к выводу о том, что место волостного центра Лопасни — на правом берегу Оки, против устья р. Лопасни. Этот вывод полностью согласуется с археологическими данными. Здесь, вблизи современной д. Макаровка, при впадении р. Стрелицы в Оку находится городище²². Оно имеет с западной стороны три оборонительных вала и рва. Такая мощная система оборонительных сооружений, характерная более для дяковских городищ, чем для древнерусских, могла быть объяснима только исключительно важным стратегическим положением этого пункта. Размер площадки городища — 100×70 м. Проведенная на городище шурфовка дала только древнерусский материал (дяковский отсутствует) начиная с домонгольского времени. Мощность культурного слоя около 0,45 м. Такое городище вполне могло быть укрепленным центром Черниговской волости XII в., выдвинутым далеко на северо-восток от основной территории княжества. В писцовых книгах XVI в. пункт назван уже «Городищем»²³, а в XVII в. на его территории располагался монастырь Николы Чудотворца Четырех Церквей²⁴ (рис. 1).

Расположение волостного центра Лопасни на правом берегу Оки не исключает возможности распространения волости и на левый берег Оки, по нижнему течению р. Лопасни, на что указывал еще М. К. Любавский²⁵.

Существенные изменения в локализации как самой волости, так и ее центра следует внести в отношении другого владения, расположенного в уделе князя Семена, — Брошевы. Территория этой волости была локализована исследователями на основании привлечения данных писцовых книг XVI в. по левому берегу среднего и нижнего течения р. Нерской — левого притока р. Москвы²⁶. Но внимательное прочтение писцовых книг показывает, что Брошевской стан XVI в. частично располагался и по правому берегу Москвы, где указано течение р. Вохрянки²⁷, в верхо-

вьях которой стояло с. Бисерово. Указанное село относилось к Брошевской волости и по акту 1504 г.²⁸ Дальнейшее использование актового материала приводит нас к выводу о том, что Боршевской стан среднего и нижнего течения р. Нерской — это новообразование времени составления писцовых книг. Сохранилась Разъезжая грамота А. Ф. Наумова на земли ряда волостей Владимирского уезда с волостями Коломенского уезда (1504 г.)²⁹.

Для нас особый интерес в этой грамоте представляет описание границ Владимирской волости Гуслицы с соседними Коломенскими волостями. Среди последних совсем отсутствует Брошева, в то время как для времени писцовых книг XVI в. граница с Брошевским станом составляла основную часть западной границы Гуслицкой волости. Согласно грамоте 1504 г., южная граница Гуслицы, отделявшая ее от Коломенской волости Устьмерской, шла по р. Десне («6 верст»), затем поворачивала влево, в р. Рогозну (приток Десны) и шла вверх по ней на протяжении двух верст. Севернее, судя по писцовым книгам XVI в., располагалась территория левобережной части Брошевского стана (деревни Бачевино, Богатищево, Силино и др.)³⁰; по грамоте же 1504 г. продолжалась территория Устьмерской волости, граница с которой шла от Рогозны через с. Бухово (Буколово) к нижнему течению р. Гуслицы до порубежья с Владимирской волостью Сельной³¹ (рис. 2).

Таким образом, в начале XVI в. Брошевской волости на левобережье р. Москвы не было. Вся эта территория от среднего течения р. Нерской на севере до р. Семиславки на юге была занята Устьмерской волостью. Место же древней Брошевы — по правому берегу р. Москвы, в бассейне Вохрянки с включением сохранившегося до нашего времени топонима Боршево (Борщево). Этот пункт известен и в XIV в., когда, повествуя о событиях Куликовской битвы, летописец сообщает о том, что Владимир Андреевич повел полки дорогой на Брошеву³². В XV в. дорога на Коломну шла также через Брошеву³³. Древняя Брошевская дорога хорошо известна: она шла по левому берегу р. Москвы, затем у городища Боровский курган (ниже устья Пахры) пересекала р. Москву, затем уже по правобережью, через Брошеву (отчего дорога и получила свое название) и р. Северку (войска Дмитрия Донского, идущие к Коломне, встретились на Северке) шла к Коломне.

Боршевское городище давно известно в археологической литературе³⁴. Оно расположено на северной окраине с. Боршево, при слиянии двух оврагов. Площадка городища небольшая — 70×50 м. С южной, напольной стороны она ограничена высоким, до 6 м, одинарным валом. Городище имеет культурные напластования дяковского времени, слой домонгольского периода и древнерусского времени. Помимо этого, вблизи погоста Николы на Боршеве, в 1,5 км от р. Москвы имеется курганная группа, насчитывающая 40 насыпей³⁵. Здесь же, на правом берегу р. Москвы, у д. Марьино, известно 2 кургана³⁶. Южнее д. Боршево, по направлению к д. Морозово имеется курганная группа из 8 насыпей. Частичные раскопки ее дали погребения XII в.³⁷ И, наконец, на площадке самого Боршевского городища обнаружен грунтовой могильник XIV—XV вв.³⁸, видимо, кладбище при существовавшей в этот период на городище церкви — неперемогенного атрибута волостного центра. По сведениям И. Л. Черная, севернее городища, по берегу р. Москвы обнаружено большое селище древнерусского времени. Таким образом, террито-

рия волости и ее центра — это район, интенсивно освоенный в предшествующее и синхронное время, и сложение именно в этом районе волостной единицы — зафиксированный итог такого освоения.

При изучении географической номенклатуры духовной Калиты бросается в глаза идентичность названий некоторых сел и волостей: Коломна и с. Коломпинское, Руза и с. Рузское, Перемышль и с. Перемышльское, Лопастна и с. Лопастенское и др. На первый взгляд может показаться, что в каждом таком случае названы волость и ее центр. В действительности указанные села не могут служить центрами соответствующих волостей. Прежде всего они иногда оказываются в значительной удаленности от этих волостей (Коломна и с. Коломпинское — Коломенское) и, что более важно, — попадают нередко в разные уделы (та же Коломна — в уделе князя Семена, с. Коломпинское — в уделе князя Андрея, волость Лопастна — в уделе князя Андрея, а с. Лопастенское — в уделе княгини с меньшими детьми). Надо думать, что созвучие это требует других объяснений³⁹, и пути отыскания волостных центров надо искать прежде всего в привлечении данных археологии.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, гл. IX, прим. 326; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. II, т. 3—4. М., 1960, с. 456, 670—671 (прим.); Барсов Н. П. Географический словарь Русской земли (IX—XIV ввек). М., 1865; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты князей XIV—XV веков как историко-географический источник. — ЗРАО, т. XII, вып. I, II, кн. 5. СПб., 1901, с. 137—171; Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

² Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты..., с. 138; Любавский М. К. Образование..., с. 41.

³ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты..., с. 152; Любавский М. К. Образование..., с. 34.

⁴ Попытка картографирования пунктов великокняжеского и боярского землевладения и совмещения полученных карт была предпринята мпй (См.: Юшко А. А. Историческая география Московской земли XII—XIV веков. Автореф. канд. дис. М., 1974. Архив ИА АН СССР, Р. 2, д. 2129).

⁵ АФЗиХ, т. I, II. М., 1951; АСЭИ, т. I—III. М., 1952; Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.

⁶ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, с. 9.

⁷ Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список археологических памятников Подмосковья. М., 1973.

⁸ Юшко А. А. Отчет о работе в Московской и Смоленской областях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 5077, 5077А.

⁹ Соловьев С. М. История России..., с. 671, прим. 163; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты..., с. 152; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII века. — История СССР, 1969, № 2, с. 78.

¹⁰ Погодин М. П. Древняя Лопастна. — Православное обозрение, 1871 г., март; Троицкий Н. И. Село Городище Каширского у. Тульской губ. Древний город Лопастна и монастырь св. Николая чудотворца четырех церквей. — Труды XI АС, т. II, М., 1902, с. 126; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 227.

¹¹ ПСРЛ, т. I, с. 118.

¹² ДДГ, XIV—XVI вв. М., 1950, с. 7.

¹³ ДДГ, с. 15.

¹⁴ ДДГ, с. 29.

¹⁵ ДДГ, с. 29.

¹⁶ Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля..., с. 74.

¹⁷ Древняя Российская вивлиофика, ч. 1. М., 1788, с. 92; Троицкий Н. И. Село Городище..., с. 3.

- ¹⁸ ДДГ, с. 84.
- ¹⁹ Акты Русского государства..., с. 396.
- ²⁰ В. Н. Дебольским из рязанских мест договора локализован лишь Мстиславль (*Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты...*, с. 162).
- ²¹ ПСРЛ, т. XI, с. 54.
- ²² Впервые на связь этого места с летописной Лопасней было указано М. П. Погодиным (*Троицкий Н. И. Село Городище...*, с. 3). *Юшко А. А. Отчет о работе...*, д. 5077, 5077А.
- ²³ *Троицкий Н. И. Село Городище...*, с. 5.
- ²⁴ Там же, с. 6.
- ²⁵ *Любавский М. К. Образование...*, с. 7.
- ²⁶ *Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты...*, с. 141; *Любавский М. К. Образование...*, с. 4.
- ²⁷ Писцовые книги Московского государства XVI в. Отделение I. СПб., 1872, с. 500.
- ²⁸ АФЗХ, № 113, с. 105.
- ²⁹ АФЗХ, № 217, с. 191—192.
- ³⁰ Писцовые книги..., с. 493—501; *Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты...*, с. 142.
- ³¹ АФЗХ, ч. I, № 217, с. 192.
- ³² ПСРЛ, т. XI, с. 54.
- ³³ ПСРЛ, т. XI, с. 76.
- ³⁴ *Боголюбский С. К. Материалы к археологической карте Московского края.*— МИА, т. 7. М., 1947, с. 178; *Коняшин Г. М. Материалы для археологической карты среднего течения р. Москвы.*— В кн.: Труды Ин-та музееведения, т. I. М., 1940.
- ³⁵ *Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список...*, с. 162.
- ³⁶ Там же, с. 161.
- ³⁷ *Сабурова М. А. Раскопки курганной группы у д. Морозово.*— АО. 1974. М., 1975, с. 162.
- ³⁸ *Крис Х. И., Черная И. Л. Раскопки городища Брошева-Московская.*— АО. 1974. М., 1975, с. 65—66.
- ³⁹ Следует обратить внимание на то, что названия сел, идентичные с волостными, в духовных завещаниях последующих Московских князей пропадают.

В. Л. ЯНИН

О ДАТЕ НОВГОРОДСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОРМЧЕЙ

Вопрос о времени написания одного из важнейших русских письменных памятников XIII в.—Новгородской Синодальной кормчей¹—давно занимает исследователей. Точная дата имеется в записи на первом листе рукописи, но она сохранилась в дефектном виде, с утратой последней цифры (или последних цифр): «В лето $\bar{S}\bar{\Psi}$... написана быша гнигы сия повелением благовернаго князя новгородьскаго Дмитрия, а стяжанием боголюбиваго архиепископа новгородьскаго Климента и положены быша в церкви святыя София на почитание священником и на послушание крестьяном и собе на спасение души...» В настоящее время дефектное место не читается совершенно, однако в прошлом столетии К. Ф. Калайдович и И. И. Срезневский после цифры

Ў еще различали полустертую черту, которую К. Ф. Калайдович считал остатком цифры Ҫ (90) ².

Сомнения в правильности такого прочтения — 6790, т. е. 1282 г. — наиболее четко были сформулированы М. Н. Тихомировым, который указал на противоречие предположенной даты политическим обстоятельствам того времени: «В 1282 году новгородцы были в ссоре с Дмитрием и вели с ним войну» ³. Поэтому М. Н. Тихомиров предпочтительно основывал общую датировку рукописи на сочетании княжеского и епископского имен. Климент был архиепископом в Новгороде с 1276 по 1299 г. Его современник князь Дмитрий Александрович «сидел в Новгороде в 1277—1280 и в 1284—1292 годах... Поэтому надо предполагать, что Кормчая была написана не в 1282 году, а несколько раньше или позднее, вернее же всего, в период между 1277—1280 или 1284—1292 годами» ⁴. В поисках окончательного решения М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что содержащийся в составе Кормчей «Летописец вскоре» оканчивается упоминанием смерти Глеба Ростовского, случившейся в 1278 г., и не содержит даже намека на начавшуюся в 1281 г. распрю между Дмитрием и Андреем Александровичами. Замыкая таким образом возможную дату написания Кормчей между 1278 и 1281 г., исследователь указывает на сообщение Никоновской летописи о том, что в 1280 г. архиепископ Климент «прииде к Кирилу, митрополиту Киевскому и всеа Руси, и благословися у него, тоже иде к великому князю Дмитрию Александровичу внуку Ярославу о мире и любви от новгородцев» ⁵, и называет эту поездку Климента и этот год прямыми связанными с написанием Кормчей: «Кормчая была написана не в 1282, а в 1280 г., тем более, что после буквы Ў в ней достаточно места не для одной, а для двух цифр (например, могло быть § ҪҪҪҪ)» ⁶.

Это мнение было оспорено Я. Н. Щаповым, который к 1280 г. относит предшествующий этап обработки Кормчей русской редакции, создание того ее варианта, который послужил прямым источником Синодальной рукописи, но подвергся в Новгороде основательному редактированию, на что, естественно, требовалось время: «Наше установление этапов создания Кормчей показывает, что Синодальный список был переписан после 1280 г. Напряженные и враждебные отношения между князем Дмитрием и Новгородом в 1281—1283 гг., сопровождавшиеся военными походами новгородцев на Дмитрия и Дмитрия на новгородцев, заставляют отнести время его создания к 1284—1291 гг.» ⁷

Датировка протографа Синодального списка 1280 г. аргументирована исследователем следующим образом. Этот протограф является существенной переработкой 70-главной Кормчей 1273 г., он был составлен не ранее 1278 г., поскольку известие о смерти Глеба Васильковича содержалось уже в нем, а знакомство с обстоятельствами 1280 г. позволяет вслед за Е. Е. Голубинским и М. Н. Тихомировым предполагать, что именно этим годом датируется собор русских иерархов с митрополитом Кириллом во главе, состоявшийся в Переяславле.

Летопись, правда, не говорит о соборе в Переяславле. Он исследователями как бы реконструируется: «В летописи указывается только одно дело, которым занимался Кирилл в Суздальской земле, — суд над местным епископом Игнатием. Однако не это было целью поездки Кирилла; как явствует из летописного текста, он узнал о проступке Игнатия только по прибытии на место». Действительно целью поездки митропо-

лита, по мнению Я. Н. Шапова, было то, что «Кирилл, вероятно, именно тогда продолжил работу по составлению национальной русской кормчей... Как известно из летописи, митрополит Кирилл умер в Переяславле 7 декабря 1280 г., во время пребывания здесь всех собравшихся епископов»⁸.

Итак, исследователями предложены три даты написания Синодальной кормчей: 1280 г. (М. Н. Тихомиров), 1282 г. (К. Ф. Калайдович), 1284—1291 гг. (Я. Н. Шапов). Очевидно, что прав может быть только один из них.

Рассмотрим прежде всего вопрос о предполагаемом Переяславском соборе 1280 г. Самый факт существования такого собора вызывает сильнейшие сомнения. Летопись достаточно ясно трактует цели поездки митрополита: Кирилл «изыде из Киева, по обычаю своему, и прохожаше грады всеа Руси учяше, наказуаше, исправляше»⁹. Если «по обычаю своему», — значит, это была обычная, периодическая поездка по митрополии, «подъезд», вовсе не преследующий такие задачи, которые требовали соборного решения. Кто же из иерархов оказался в Переяславле одновременно с Кириллом? Прежде всего — Климент новгородский, приехавший к митрополичьему благословению, но больше к князю Дмитрию Александровичу «о мире и любви от новгородцев» в связи с начавшимся размирьем. Естественно, что здесь был и местный епископ Игнатий, простиушком которого митрополит специально занимался. Ни о каких других епископах и их совместных действиях далее ничего не говорится вплоть до кончины Кирилла 7 декабря, когда в числе провожавших его гроб во Владимир оказался, кроме названных лиц, еще владимирский епископ Феодор, что также по меньшей мере естественно¹⁰.

Мы, таким образом, не усматриваем в переяславльской встрече никаких признаков собора. Переходя теперь к хронологическому анализу этого рассказа, мы обнаружим еще одно немаловажное, хотя и неожиданное обстоятельство: все события, о которых только что говорилось, относятся отнюдь не к 1280 г.

Разные летописи датируют смерть Кирилла разными годами: 6788¹¹, 6789¹², 6790¹³. Какая из этих дат истинная? Ответ на вопрос дает Никоновская летопись. Она относит смерть Кирилла к 6788 г., традиционно переводимому на наше летосчисление как 1280 г. Однако, если обратиться к событиям предшествующего 6787 г., то привлекает внимание первая же фраза его рассказа, содержащая астрономические даты: «Бысть знамение в луне и погипе вся, и не бысть ея долго, и явнися до зори и о свете не исполнився, месяца февраля в 24 день. Тоя же зимы бысть знамение в солнце»¹⁴.

Солнечное затмение произошло сразу же вслед за лунным, поскольку в следующей фразе летописного сообщения говорится о смерти великого князя Юрия, случившейся 8 марта¹⁵. Расчет по таблицам показывает, что ни в 1279, ни в 1280 г. 24 февраля лунного затмения не было, как не было и солнечного затмения в ближайшие за этой датой дни. Редчайшее сочетание лунного затмения 24 февраля и солнечного 25 или 26 февраля наблюдалось в 1281 г., которому, следовательно, и соответствует 6787 г. Никоновского свода.

Далее в рассказе 6787 г. идет описание летних, затем зимних событий. В начале рассказа 6788 г. говорится о смерти в апреле в понедельник второй недели после пасхи князя Дмитрия Константиновича, что соот-

ветствует 6 апреля 1282 г., затем о действиях Игнатия, о поселке в Суздальскую землю Кирилла, а в конце годового рассказа — о смерти Кирилла, датирующей, таким образом, не 1280, а 1282 г. Если в Никоновской летописи хронологическая сетка сдвинута на два года против истинной, то в Новгородской, где те же события описаны под 6789 г., — на один год. Это расхождение между Новгородской и Никоновской летописями продолжается и далее. Переяславльское взятие описано в Никоновской летописи под 6789 г., а в Новгородской — под 6790 г.; стояние под Дмитровом — в Никоновской — под 6790 г., а в Новгородской — под 6791 г.

Пытаясь установить тот момент, когда в Никоновской летописи началось расхождение с истинными датами, возможно указать только уже рассмотренный подробно 6787 г. В самом деле, под предшествующим 6786 г. сообщается, в частности, о возвращении в Ростов князя Глеба 13 июня, в неделю всех святых, на память Ануфрия Пустыльника¹⁶. Эта календарная дата имеет одну несущественную ошибку: Онуфрий отмечался не 13, а 12 июня. Неделя всех святых — первое воскресенье после троицы. Если троица приходится на 5 июня, то пасха — на 17 апреля, а это соответствует 1278 г. Как видим, здесь нет еще расхождения между летописной и истинной хронологией.

В этой связи, однако, возникает весьма существенный вопрос. Если от описания событий истинного 1278 г. Никоновская летопись переходит непосредственно к описанию событий 1281 г., значит, двухлетняя сумма событий 1279 и 1280 гг. может быть в ней описана только в конце годового рассказа 6786 г. Но именно здесь имеется важное для нас сообщение о смерти Глеба Ростовского 13 декабря¹⁷. Действительно ли ее можно датировать 1278 г.? Контекст не препятствует ее отнесению и к 1279, и к 1280 г. Более того, уже упоминавшийся неоднократно проступок епископа Игнатия состоял в том, что он тело князя Глеба «уже по смерти за девять недель, и изрину его, поругана и бесчестна, из церкви соборныя в полночь, и повеле просто закапати его в земле в княгинине монастыре святого Спаса»¹⁸. Если бы это надругательство совершилось в середине февраля 1279 г., вряд ли возможно понять, как на протяжении трех лет оно оставалось неизвестным митрополиту и только спустя долгий срок обернулось судом над Игнатием. Более логичной в этой связи оказывается датировка кончины Глеба концом 1280 г. Если это так, то и датировать возникновение протографа Синодального списка нужно не ранее 1281 г.

В любом случае предпринимаю М. Н. Тихомировым попытку датировать Синодальный список 1280 г. приходится признать неудачной.

Рассмотрим теперь датировку К. Ф. Калайдовича. Касающиеся ее сомнения, как уже отмечено, выйдутся на противоречиях с политической обстановкой 6790 г. Но, если в Новгородской летописи хронологическая сетка сбита на один год против истинной, значит, обострение борьбы Новгорода с Дмитрием, смущавшее исследователей в этой связи, приходится не на 1282 г., как было принято думать, а на следующий, 1283 г. Как же развивались отношения Дмитрия с Новгородом в истинном 6790, т. е. в 1282 г.? В этом году (по неизвестно, в каком месяце) произошло размирье Новгорода с Дмитрием, и новгородцы отправили в Переяславль Климента «о мире и любви». Успеха в Переяславле Климент не имел, Дмитрий «и не слуша и»¹⁹. После смерти Кирилла, т. е. не ранее второй половины декабря 1282 г., Дмитрий «з братьею своєю поиде к Новгороду

ратью. Новгородцы же послаша к нему с челобитьем, и с молением и з дары архиепископа своего Климентя; он же послушав епископа и дары взя, и возвратися з братьею своею в Володимерь»²⁰, или, как более лаконично сообщает Новгородская летопись, «сътвори мир и отъиде»²¹. Формально, таким образом, на протяжении 6790 г. существуют два небольших периода мирных взаимоотношений Новгорода со своим князем — в начале года (весной) и в конце года (в конце зимы 1283 г.). Однако второй период практически отпадает, поскольку Дмитрий, заключив мир, в Новгороде не был: он дошел до Шелони и с нее вернулся во Владимир²². Протяженность первого периода нам неизвестна, она могла быть минимальной, приближающейся к нулю.

Таким образом, хотя дата К. Ф. Калайдовича возможна, но все же мало вероятна.

Посмотрим теперь, как складывается обстановка в следующий период. В 1283 г. Дмитрий в Новгороде не был. По возвращении с Шелони он вступает в конфликт с Дмитрием Борисовичем Ростовским, разрешившийся мирным торжеством, после чего возвращается во Владимир. С наступлением новой зимы, т. е. в конце 1283 г., Андрей Александрович добивается в Орде ярлыка на великое княжение и вынуждает Дмитрия бежать в Копорье «мимо Новьгорода». Однако новгородцы не пустили его ни в Новгород, ни в Копорье, что произошло 1 января 1284 г. Дмитрий бежал за море, а Андрей был посажен новгородцами на своем столе «в неделю сыропустную» (это соответствует 20 февраля 1284 г.).

Из «заморья» Дмитрий пробирается в Переяславль, куда на него идут новгородские, тверские и московские полки в отсутствие Андрея, отправившегося в Орду. Столкновение кончилось миром, но вернувшийся Андрей вынуждает Дмитрия бежать в Орду. В том же году наступает заморешье между братьями и восстановление прав Дмитрия на великий стол. Этот мир был снова нарушен убийством по повелению Дмитрия Андреева боярина Семена Топильевича и неудачной попыткой Андрея удержаться на новгородском столе. В конце зимы с 1284 на 1285 г. Дмитрий надолго утверждается в Новгороде²³. Новгородская летопись располагает события 1284 г. под 6790—6792 гг., а Никоновская — под 6789—6792 гг., что вызвано швом между нарушенной и истинной хронологическими сетками.

Между тем в том же 1284 г. развивается еще один ряд событий. Из Константинополя в Киев приходит новый русский митрополит Максим, «родом Гречин». После заморевия Дмитрия и Андрея, до убийства Семена Топильевича, он едет в Орду и «того же лета» возвращается в Киев. Под 6792 г. Никоновская летопись (кажется, единственная) содержит следующее сообщение: «Позвани быша епископи вси рускиа в Киев к Максиму митрополиту Киевскому и всеа Руссии»²⁴. Не был ли этот собор иерархов именно тем епископским съездом, который утвердил новую обработку Кормчей, послужившую протографом для синодального списка? Сами поиски такого собора, начатые Я. Н. Щаповым, закономерны. Если предшествующая обработка Кормчей утверждалась собором иерархов в 1273 г., то и новая ее редакция, отличающаяся принципиальными дополнениями, требовала соборного решения. В правильности высказанного предположения нас особенно утверждает сообщение летописей под 6793 г., относящееся к моменту, который непосредственно следовал за вокняжением Дмитрия Александровича в Новгороде в начале 1285 г.:

«Того же лета посвященный Максим, митрополит Киевский и вся Русь, по обычаю своему хожаши по всей земли Русстей, учяше и наказуаше, управляше. Таже прииде в Новгород, и срете его князь велики Дмитрий Александрович с великою честию. Потом же бывшу ему и во Псково, и тамо даша ему велику честь»²⁵. Если в 1284 г. церковный собор утвердил новую кормчую, вполне естественным представится снабжение епархий копиями этой книги, предпринятое митрополитом во время его поездки «по всей земли Русстей» в следующем году. В таком случае датировать Синодальный список нужно 1285—1291 гг., полагая, что после усмотренной К. Ф. Калайдовичем цифры $\dot{\text{C}}$ в записи имелась еще одна цифра.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что работа по совершенствованию Кормчей русской редакции после собора 1273 г. велась практически до смерти митрополита Кирилла, но соборное утверждение новой редакции получила уже при митрополите Максиме в 1284 г., после чего на ее основе во второй половине 80-х годов в Новгороде был создан Синодальный список.

¹ ГИМ, Синодальное собрание, № 132.

² Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, ч. I. М., 1815, с. 26—27; *Срезневский Н. И.* Обзорские древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897, с. 85.

³ *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 82.

⁴ *Тихомиров М. Н.* Исследование..., с. 82.

⁵ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 158.

⁶ *Тихомиров М. Н.* Исследование..., с. 84.

⁷ *Шапов Я. Н.* К истории текста Новгородской Синодальной кормчей.— Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 300.

⁸ *Шапов Я. Н.* К истории..., с. 300.

⁹ ПСРЛ, т. X, с. 157.

¹⁰ ПСРЛ, т. X, с. 157—158.

¹¹ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, с. 174—175; т. X, с. 158; т. XV. СПб., 1863, стб. 405; т. XV. Пг., 1922, стб. 34; т. XXV. М.—Л., 1949, с. 153; т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 61, 221.

¹² НПЛ, с. 324; ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, с. 94; т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 52, 235, 321; т. XXX. М., 1965, с. 96.

¹³ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, с. 227.

¹⁴ ПСРЛ, т. X, с. 156.

¹⁵ Согласно Московскому своду конца XV в. См.: ПСРЛ, т. XXV, с. 152.

¹⁶ ПСРЛ, т. X, с. 155.

¹⁷ ПСРЛ, т. X, с. 156. Дневная дата указана в ПСРЛ, т. XXV, с. 152.

¹⁸ ПСРЛ, т. X, с. 157.

¹⁹ НПЛ, с. 324.

²⁰ ПСРЛ, т. X, с. 158.

²¹ НПЛ, с. 324.

²² Там же.

²³ НПЛ, с. 324—326; ПСРЛ, т. X, с. 158—166.

²⁴ ПСРЛ, т. X, с. 162.

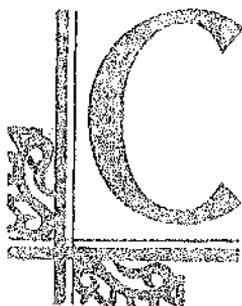
²⁵ ПСРЛ, т. X, с. 166; ср.: НПЛ, с. 326 (под тем же 6793 г.), а также ПСРЛ, т. XXV, с. 156; т. XXVIII, с. 62, 222.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А. В. Арциховский	Берестяная грамота № 526
С. А. Беляев	Корсунские двери новгородского Софийского собора
Д. А. Беленькая	Ангарийский двор в Москве
В. Д. Блаватский	О Змеборце в русской былинне
Г. К. Вагнер	О чертах космологизма в народном искусстве
В. М. Василенко	Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах
Н. Н. Велецкая	Пародная драма старообрядческого Заволжья
Н. Н. Воронин	К архитектурной истории старого Смоленска
В. П. Даркевич,	Старорязанский клад 1974 г.
В. П. Фролов	
А. Н. Кирпичников	Башня посадника Якова в средневековой Кореле
Б. А. Колчин	Гусли древнего Новгорода
Д. С. Лихачев	«Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»
Т. И. Макарова	Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси
А. А. Мединцева	О литейных формочках с подписями Максима
Т. В. Николаева	Рязанская икона с изображениями Царя-кротатора и Царяты с бесом
С. А. Плетнева	Животный мир в русских волшебных сказках
М. Д. Полубояринова	Иконка из Астрахани
П. А. Раппопорт	Зодчие и строители древнего Смоленска
М. А. Сабурова	О времени появления одной из групп корун на Руси
Р. А. Симонов	«Записи» чисел на древнерусском абакe
Г. А. Федоров-Давыдов	Об изображениях на некоторых ростовских монетах конца XIV — начала XV в.
Ф. П. Филин	Погворить праселья
Д. Б. Шелов,	К вопросу о происхождении восточнославянского обряда
Т. Д. Златковская	русалий
Я. Н. Щапов	Свадебная сцена на крышке сундука XVII в.
В. И. Корецкий	Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской»

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 526

читаю целесообразным отдельно издать новгородскую берестяную грамоту № 526. Это запись должников. Подобные записи и раньше встречались на новгородской бересте. Данная запись довольно богата антропонимическими и топонимическими материалами. Есть в ней и любопытные денежные суммы. Ценен этот документ и своей древностью.

Грамота № 526 найдена в Новгороде при раскопках 1975 г. на Троицком раскопе. Этот раскоп находится в Людином (Гончарском) конце, который долго не подвергался исследованиям, т. е. в южной части Софийской стороны. Раскоп вплотную

прилегает к Троицкой церкви, которая была построена в 1165 г., после написания рассматриваемой грамоты.

Грамота найдена 7 июля 1975 г. на глубине 3,28 м, в квадрате 94. Ее дата установлена дендрохронологически, так же как даты других новгородских находок.

За дендрохронологические определения я глубоко благодарен Б. А. Колчину. Грамота № 526 залегала в чистом культурном слое, не тронутым какими-либо поздними перекопами. В ближайшем окружении грамоты найдены следующие предметы, характерные для XI в.: золоченые бочонковидные стеклянные бусы (7 штук), серебряные битрапещиевидные стеклянные бусы (6 штук), аметистовые граненные бусы (2 штуки), лимонovidная стеклянная бусина (одна).

Грамота № 526 найдена вблизи дворового настила, который датирован дендрохронологически. Дата его постройки 1072 г. Условия залегания позволяют отнести грамоту к 80-м годам XI в.

Это — древнейшая новгородская берестяная грамота вообще, во всяком случае, древнейшая из больших и целых.

Подавляющее большинство грамот, поныне известных, найдено на огромном Неревском раскопе. Там было 28 строительных ярусов, которые все датированы дендрохронологически. Методика этого дела издана Б. А. Колчиным¹. Нижние ярусы вовсе не содержали берестяных грамот, а именно 28-й (50-е — 60-е годы X в.), 27-й (70-е — 80-е годы X в.),

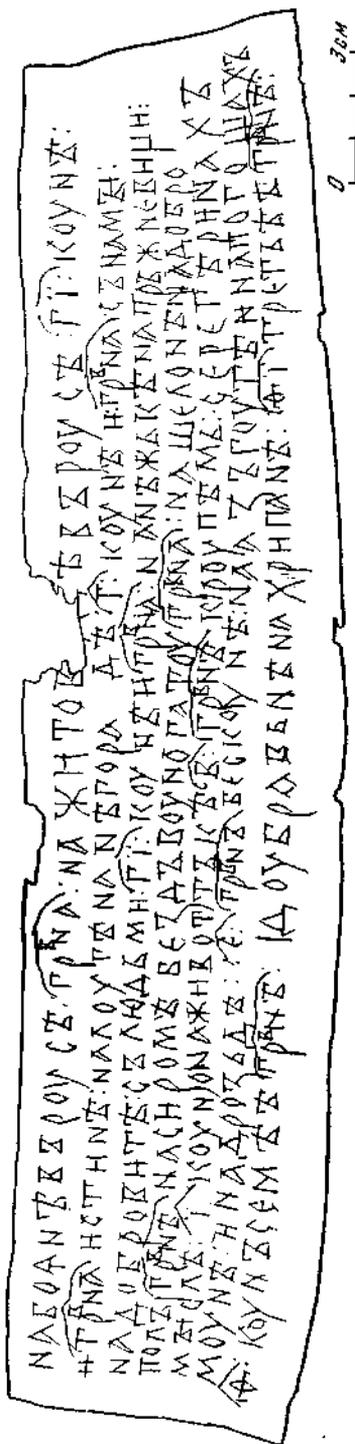

Рис. 1. Новгородская берестяная грамота № 526 (прориси)

26-й (рубеж X—XI в.), 25-й (начало XI в.). Для 24-го яруса (20-е — 50-е годы XI в.), как и в свое время писал, «стратиграфия отчасти спорна. Там были найдены две грамоты (№ 246 и 247), притом непосредственно на мостовой Великой улицы, на 24-м уличном настиле. Но два предыдущих настила были в этом месте проломаны. Осторожность заставляет несколько растянуть датировку этих грамот»². 23-й ярус (50-е — 70-е годы XI в.) дал две грамоты (№ 123 и 181), но обе они совсем отрывочны. В каждой из них читается только одно слово. В обоих случаях это слово «грамота». Наконец, 22-й ярус (70-е — 90-е годы XI в.) дал три грамоты (№ 89, 90 и 245). Это — обрывки, где можно разобрать только отдельные буквы, ни одного слова прочесть нельзя. Вот и все, что мы имели пока для XI в. Зато от XII в. целых грамот дошло много, так же как от XIII, XIV и XV вв.

Длина издаваемой грамоты 330 мм, ширина 71 мм. При транскрипции юс малый заменяю буквой «я», ять — буквой «е», сочетания «оу» — буквой «у». Слово «гривна» в единственном и множественном числах написано под титлами, с выносным «в». Титла раскрываю. Славянские цифры заменяю арабскими.

Текст: «На Бояце въ Русе гривна. На Житобуде въ Русе 13 куне и гривна истине. На Луге на Негораде 3 куне и гривна съ намы. На Добровите съ людьми 13 куне и гривна. На Нежьке на Пръжневици полъгривне. На Сироме без дву ногату гривна. На Шелоне на Добромьсле 10 куну. На Животъке — 2 гривне крупемь. Серегери на Хъмуне и на Дрозде 5 гривнъ бес куне. На Азъгуте на Погощахъ 9 кунъ семес гривне. Дубровьне на Хрипане 19 третъе гривне».

Публикуемую прорись изготовил М. Н. Кислов, так же как прориси всех берестяных грамот.

Для поисков имен мною использованы оба основных именовслова Древ-

ней Руси — Н. М. Тушикова³ и С. Б. Веселовского⁴. Тем не менее большинство имен не удалось найти нигде. По-видимому, они встречены в рассматриваемой грамоте впервые, что связано с ее древностью.

Первым стоит имя Боян. Все знают русского поэта XI в. Бояна (воспевавшего князей XI в.), прославленного в Слове о полку Игореве. У него было, оказывается, в Древней Руси много тезок. Их имена опровергают известную догадку А. Ф. Вельтмана, видевшего в Бояне летописного старца Яна (чтение «бо Ян»), и догадки многих авторов, видевших здесь имя нарицательное и производивших его от глагола «баять» (Боян всегда пишется через «о», а не через «а»). До новгородских раскопок мы знали Бояна, сына болгарского царя Симеона, знали улицу Бояню в Новгороде (названную, конечно, по имени одного из новгородцев), знали и псковича Бояна, упомянутого в качестве послуха (свидетеля) в XIII в. в известной псковской рядной Тешаты⁵. В новгородских берестяных грамотах имя Боян было до сих пор встречено два раза. В грамоте № 509 сказано: «у Бояна възми шесте кунь». В грамоте № 516 сказано: «На Бояне во Дервах 6 кунь». Обе эти грамоты относятся к XII в. Боян в них, вероятно, одно и то же лицо, тем более что сумма долга совпадает, совпадает и место, где он живет: «в Озервах».

Теперь на бересте это имя попало в третий раз. Этот Боян жил в Русе, т. е. в современной Старой Руссе. Летописи много раз называют просто Русу (всегда через одно «с»). Название «Старая Русса» появилось только в XVI в., после основания Новой Руссы.

Историки и краеведы много раз отмечали, что первое летописное упоминание Русы относится к 1167 г. Эта дата была использована и для 800-летнего юбилея города. Под этим годом Новгородская первая летопись говорит: «Святослав приде съ суждалци и съ братома и съ смолянны и съ полоцаны къ Русе». Но город должен был существовать и раньше. В этом уверен виднейший специалист по археологии Старой Руссы А. Ф. Медведев, который пашел там и слой XI в.

Житель Русы, игумен Мартирий, был в 1193 г. назначен на высокий пост архиепископа новгородского. Руса, очевидно, была уже тогда городом большим и едва ли молодым. Теперь наша грамота окончательно подтвердила, что город возник задолго до 1167 г.

Руса упомянута в грамоте дважды. В ней жил тогда не только Боян, но еще Житобуд. Это имя в источниках не встречено. Но в новгородских писцовых книгах XV в. в Деревской пятине есть деревня Житобужь⁶. Это название отыменное. Долг Житобуда составляли «13 куне и гривна истине». Истиной в древнерусских документах называется основной капитал.

Дальше назван Негорад (имя в источниках неизвестное), живший на Луге. Современный город Луга возник в XVIII в. Но топоним Луга в новгородских берестяных грамотах уже встречался, означая, очевидно, местности по р. Луге. Долг Негорада составлял «3 куне и гривна съ намы». Слово «намы» надо признать своеобразным написанием слова «наимы», что, по словарю И. И. Срезневского, означает проценты⁷.

Имя Добровит в других источниках неизвестно. Но у С. Б. Веселовского упомянута в Арзамасе в XVII в. фамилия Добровицкий⁸.

Далее следует: «На Нежьке на Прьжневици». Имя Нежек (тоже через ять и ерь) встречено в одной из берестяных грамот, найденных в Старой Руссе при раскопках А. Ф. Медведева (грамота № 7, XII в.). Отчество

Пръжневиц (Прожневич) заставляет вспомнить деревню Прожнево, упомянутую в новгородских писцовых книгах в Шелонской пятине. Название деревни опять отыменнос.

Имя Сирома (или Сиром) в источниках неизвестно. Но позволительно вспомнить позднейшее слово «сирома» (или «сиромаха»), для которого словарь В. И. Даля дает значения «сирота, бедняк, голыш». Долг этого человека «без дъву ногату гривна», т. е. гривна без двух ногат. Слово «ногата» стоит здесь в двойственном числе. В гривне в XI в. в Новгороде было 20 ногат и 25 кун⁹.

Слова «на Шелоне» означают, очевидно, местности на р. Шелони. Там жил Добромysl (имя в источниках неизвестно).

Имя Животгък (т. е. Животток) заставляет вспомнить деревню Животож, названную в указателе к писцовым книгам. Но здесь в указателе опечатка. В самой писцовой книге это имя читается Житовож.

Долг этого человека «2 гривне крупемь». Слово «крупемь» (через ять), вероятно, означает измельченное серебро. В русских археологических материалах XI в. известны размельченные (дробленые) западноевропейские динарии.

Далее сказано: «Серегери». Здесь местный падеж без предлога, что в источниках встречается. Это древнейшее упоминание известного озера Селигер. В летописи оно (и именно под именем Серегер) впервые упомянуто под 1199 г. (в Новгородской первой), когда там умер, находясь в пути, упомянутый выше новгородский архиепископ Мартирий.

На Серегере поименованы Хъмун (Хомун или Хомуна) и Дрозд. Первое имя в источниках неизвестно, второе встречено¹⁰.

Имя Азогут в русских источниках неизвестно. Этот человек жил «на Погощах». В новгородских писцовых книгах (судя по указателю) известны деревни Погостицы, Погостище, Погостье и т. д. Здесь, судя по контексту, подошел бы Погостский десяток, расположенный в Деревской пятине возле Селигера.

Консультацию по поводу имени Азогут дала скандинавистка Е. А. Мельникова, научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР. Это имя скандинавское. В разной транслитерации оно встречено в древнеисландском, древнедатском и древнешведском языках. Слог «ас» говорит о верховных богах Асах. Слог «гут» — этноним «гот». Имя известно и по руническим надписям. В нашей грамоте одно скандинавское имя встречено среди многих славянских.

В последней строчке привлекают внимание слова «семее» и «третьее». Оба они кончаются на два ятя.

Слово «третьее» встречено в Повести временных лет под 1094 г.: «Се уже третье наведе поганья на землю русьскую»¹¹. Там это значит «в третий раз». «Семее» соответственно должно значить «в седьмой раз». Речь идет о третьем и седьмом взыскании долга.

Слово «Дубровъне» стоит в местном падеже без предлога, что в источниках встречается. В Новгородской первой летописи много раз названо селение Дубровпа близ верховьев Шелони. Здесь по контексту более подошло бы оз. Дубровно в Деревской пятине. Подходящие названия встречаются почти повсюду. Растянутое «о» после «р» немного похоже здесь на «а», но «а» пишется тут совершенно иначе.

Теперь надо сказать, что имя Хрипан в источниках неизвестно. Есть только имя Хрипун (много раз).

Остается коснуться палеографии. Палеографические приметы ясны, и все подтверждают раннюю дату. Петли «в» все треугольны, и обе половины этой буквы равновелики. Это признаки XI—XII вв.¹² Петли «б», ера и еря, а также ятя тоже треугольны. Буква «ж» написана в три взмаха: верхняя дуга, вертикальная мачта и нижняя дуга. Это признак тех же веков¹³. О том же говорит буква «з», сохранившая облик зигзага. Архаична и буква ять, всюду уложившаяся в строке. Это уже признак именно XI, а не XII в.¹⁴

Общая сумма долгов в грамоте № 526—16 гривен без четырех кун, т. е. примерно 2 фунта серебра. В серебре эта сумма невелика, но интересен географический размах деятельности новгородского ростовщика XI в., от Луги и Шелопи на западе до линии Валдай—Крестцы на востоке (оз. Дубровно), от Луги на севере до Селигера на юге. Такой размах особенно интересен для столь раннего времени, ведь перед нами древнейшая берестяная грамота вообще, перед нами середина XI в.

- ¹ Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода. Материалы и исследования по археологии СССР, № 117. М., 1963.
- ² Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 годов). М., 1963, с. 7.
- ³ Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен.— В кн.: Зап. Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества, т. 6. СПб., 1903.
- ⁴ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.
- ⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 317.
- ⁶ Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. Пг., 1915, с. 133.
- ⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. СПб., 1902, с. 288.
- ⁸ Веселовский С. Б. Ономастикон, с. 97.
- ⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 40.
- ¹⁰ Туников Н. М. Словарь..., с. 190; Веселовский С. Б. Ономастикон, с. 100.
- ¹¹ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, с. 148.
- ¹² Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 156; Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1918, с. 102, 104.
- ¹³ Щепкин В. Н. Учебник..., с. 102—104.
- ¹⁴ Щепкин В. Н. Учебник..., с. 100.

КОРСУНСКИЕ ДВЕРИ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА

Корсунские двери принадлежат к группе наиболее интересных памятников прикладного искусства, которыми так славится Софийский собор¹. Но, к сожалению, в силу целого ряда обстоятельств они надолго остались неизученными и до сих пор красота их и значимость среди других подобных сооружений — не раскрыты, хотя легенда связывает появление этих дверей в Новгороде с именем Ярослава Мудрого, который будто бы прислал их в дар на освящение собора.

Одной из причин такого положения является недоразумение, связанное с их названием, возникшее еще в XVII в. и бытующее до сих пор.

По неизвестной причине Корсунскими «вратами» (дверьми) были названы двери, которые находятся на наружной стороне западной стены собора, а настоящие Корсунские двери получили название Сигтунских². Появившись в виде случайного замечания в заметках о Новгороде диакона Павла Алеппского, сопровождавшего в середине XVII в. патриарха антиохийского Макария в его поездке по России, это смешение названий дверей прочно вошло в научную литературу³. А в результате — все усилия исследователей XIX в. были обращены не на исследование этого памятника, а на доказательство того, что Сигтунские (Магдебургские) «врата» никак не могли быть работой корсунских (херсонских) мастеров. Положение еще больше запутал Ф. Аделунг, который в приложении к своей известной работе о Корсунских (Магдебургских) «вратах» «во всеоружии» всех видов источников доказывал их сигтунское происхождение, называя их при этом «шведскими» вратами⁴. Это мнение бытовало в литературе XIX в., хотя уже И. И. Толстой и Н. П. Кондаков указали на это смешение как на недоразумение⁵. В настоящее время в популярной литературе распространено мнение о них, как о византийском изделии XI в., но оно ничем и, насколько известно, пока нигде не обосновано⁶. Особняком стоит мнение Г. Н. Бочарова, который считает их произведением новгородских мастеров XIII в., свою точку зрения практически ничем не аргументируя, вследствие чего ее нельзя принять всерьез.

Во избежание всего того же великого недоразумения напомним, что речь идет о «вратах», ныне установленных в арке Софийского собора, отделяющей придел Рождества богородицы от Мартирьевской паперти.

В своем настоящем виде Корсунские двери имеют дубовую основу, наружная сторона которой покрыта медными пластинами. Насколько можно было установить, толщина пластин всюду одинакова и составляет 0,5 см. Двери состоят из двух равновеликих створок. Насколько древней является дубовая основа и одновременна ли она медному покрытию, в письменных источниках сведений найти не удалось. Однако, учитывая, что деревянная основа дверей по своим размерам значительно больше их

металлической части и что последняя как бы насажена на первую и конструктивно с ней мало связана, можно полагать, что основа относительно новая по сравнению с самими пластинами. Между наружной стороной основы и внутренней стороной обкладки — пустота, иногда достигающая глубины нескольких сантиметров, поскольку поверхность обкладки лежит не в одной плоскости. Высота каждой створки 2,50 м, ширина 0,785 м (без деревянной основы). Ширина обеих створок вместе составляет 1,57 м.

Композиция и устройство обеих створок одинаковы. Каждая из них состоит из трех заглубленных полей (филенок) прямоугольной формы, расположенных одно под другим по вертикали. Филенки обрамлены рамой, состоящей из медных полос, образующих край каждой двери, и отделяющей филенки друг от друга. Ширина полос 15,5 см с отклонением от средней ширины в 1—2 мм. Полосы покрыты резным и гравированным орнаментом, о котором речь пойдет ниже, и украшены восьмилепестковыми рельефными медными розетками-гвоздями. На каждой створке — по 16 таких розеток, расположенных симметрично и на равном расстоянии друг от друга. Розетки выполняют декоративную и конструктивную роль, посредством их медные пластины прикреплены к деревянной основе. В настоящее время это достигнуто с помощью шурупов, но, несомненно, что шурупы эти — новые, а раньше розетки прикреплялись гвоздями с расклепкой их верхнего конца. В середине внутреннего края каждой створки закреплены львиные головы — медные, литые, с медными кольцами-ручками, закрепленными в пасти львов.

Каждая медная рама состоит из 10 отдельных полос — по три с каждой длинной вертикальной стороны и четырех горизонтальных. У них гладкие края, и полосы состыкованы без захода друг на друга.

Разница глубин между плоскостью рамы и пластин филенок около 2 см. Переход от одних к другим имеет сложную профилировку. Поверхность пластин-филенок сама по себе совершенно гладкая. Но к ней прикреплены выполненные из меди процветшие кресты с расширяющимися концами, с двумя горизонтальными перекладинами и двумя кругами под нижней перекладиной, внутреннее пространство которых заполнено стилизованным изображением распустившегося бутона лотоса. У торца каждой перекладины — рельефный кружок с гравированными концентрическими кругами на наружной поверхности. Так же как розетки, на раме дверей эти кружки, кроме декоративной роли, выполняют и конструктивную: через отверстия, имеющиеся в их центре, с помощью шурупов (раньше — расклепок) крест прикреплен к филенкам. Каждый из шести крестов обрамлен рельефной профилированной аркой, опущенной на витые колонки. Колонки помещены вплотную к боковой профилировке, а верхний край арки упирается в верхний край верхней профилировки, ограничивающей филенку.

По своему устройству, системе украшений и стилю Корсунские двери отличаются как от известных царских врат древнерусских храмов, так и от входных дверей. Поэтому прежде всего нужно ответить на вопрос, для какой цели они предназначались.

Конструкция, композиция наружного обрамления и в особенности расположение приспособлений для открывания на их наружной стороне свидетельствуют о том, что так называемые Корсунские врата — наружные входные двери храма. В пользу этого заключения можно привести и еще один аргумент, а именно: наличие на наружной стороне левой створки

Рис. 1. Корсунские двери новгородского Софийского собора

Рис. 1. Корсунские двери (деталь)

у края, который соприкасается с правой створкой, шести отверстий для ключей. Эти отверстия не имеют продолжения в нынешней деревянной основе и никаких замков за ними нет, что подтверждает относительную новизну современной основы. Но расположение замочных скважин с наружной стороны свидетельствует, что двери запирались только снаружи, что естественно для входных дверей в храм.

Этот вывод подтверждают и имеющиеся аналогии, в частности изображение входных дверей на двух памятниках рубежа IV—V вв., наружные двери константинопольской Софии (VI в.) и двери собора Великой лавры на Афоне (начало XI в.).

Двери византийской эпохи и их изображения, сохранившиеся до наших дней, дают основание наметить классификацию и пути развития памятников этого типа. Одну группу с некоторой условностью можно назвать «западной», вторую — «восточной»⁷.

Самым ранним памятником первой группы являются деревянные резные двери церкви св. Сабины в Риме, относимые обычно к 430 г.⁸ К этой же группе относятся многочисленные входные двери X—XIV вв. так называемой итало-византийской группы, которые известны во всех странах Европы, но главным образом они сосредоточены в Италии. К этой же группе принадлежат и настоящие Сигтунские (Магдебургские) двери новгородского Софийского собора⁹.

Характерной чертой дверей этой группы является членение их внешней (наружной) поверхности на мелкие углубленные прямоугольники, которые заполнены или изображениями крестов, что встречается значительно реже, или же изображениями сцен из Ветхого и Нового заветов, которые преобладают. Обычно двери имеют шесть таких гнезд по вертикали и до четырех — по горизонтали. Двери этой группы достаточно хорошо исследованы, и поэтому нет необходимости останавливаться на них подробнее; к тому же к теме данной статьи они имеют косвенное отношение.

Для второй, восточной, собственно византийской группы характерны углубленные поля (филенки) больших размеров — от двух до четырех по вертикали и по одному по горизонтали на каждой створке. На дверях этого типа преобладает изображение крестов. Хотя дверей второй группы сохранилось значительно меньше, чем первой, но они все же есть. В один типологический и хронологический ряд их позволяют объединить отмеченные конструктивные и иконографические особенности. Все известные в настоящее время двери этой группы находятся на памятниках восточной (византийской, православной) ветви христианства.

Самыми ранними дверьми этой группы являются входные двери в храме Гроба Господня (построен Константином Великим), изображенные на двух пластинках слоновой кости, с Женами-мироносицами у гроба, датируемые обычно около 400 г.¹⁰ На обоих памятниках представлены двери точно такой же конструкции, как и Корсунские двери с тремя филенками (полями). На пластинке из Милана филенки украшены изображениями отдельно стоящих фигур (апостолов?). На пластинке из Мюнхена — филенки без всякого украшения.

Вторым по времени памятником являются и ныне находящиеся на своем месте двери экзонартекса константинопольской Софии¹¹. Они датируются VI в. Обе створки поделены на две неравные части — верхнюю и нижнюю; нижняя по высоте больше верхней. Схема этих дверей такая же,

Турий рог из Черной Могилы в Чернигове. X в. (фото М. М. Успенского)

«Покров Богоматери». Деталь южных десней Рождественского собора в Суздале. Первая треть XIII в. (фото М. М. Успенского)

как и остальных: заглубленные поля (филенки), обрамленные рамой. Каждое поле украшено рельефным крестом или канфаром. Для нас особый интерес представляют верхние поля дверей. Здесь изображены кресты с расширяющимися концами, обрамленные такой же аркой, опирающейся на витые колонки, как и на Корсунских дверях. Эта полная аналогия очень важна для дальнейших выводов.

И, наконец, последними по времени являются двери собора Великой Афонской лавры, датируемые началом XI в.¹² Каждая створка состоит из четырех квадратных заглубленных полей (филепок), обрамленных рамой. Два нижних поля заполнены рельефными кругами (розетками), помещенными в квадрат, состоящий из плетешки. В двух верхних полях — процветшие кресты. Рама дверей покрыта сплошным гравированным и резным орнаментом, так что на них нет ни одного пустого, неукрашенного места.

В эту же группу органически входят и Корсунские двери из новгородского Софийского собора. По формальному признаку — количеству филепок на каждой створке — они ближе всего дверям на изображениях Иерусалимского храма, но по конструкции, обивке наружной стороны дверей медными листами, по композиции декора, по стилистическим и иконографическим признакам некоторых элементов украшений Корсунские двери ближе к Константинопольским и Афонским и занимают промежуточное место между ними.

Для дверей константинопольской Софии характерны еще простота устройства, неразработанность схемы, лаконичные формы крестов, отсутствие всяких украшений на раме, незаполненность поверхности филепок. Часть этих особенностей характерна и для Корсунских дверей; у них также, кроме крестов на филенках, ничего нет, такая же строгость пропорций. Важно отметить наличие у Корсунских и Константинопольских дверей одной общей и весьма важной детали, которой больше нет ни на одних дверях ни восточной, ни западной групп, а именно — обрамления крестов в филенках аркой на витых колонках. Такое обрамление характерно для миниатюр рукописей и стенок саркофагов, подобные арки встречаются уже в раннее время¹³. Однако вопрос о том, откуда арки попали на двери, требует специального рассмотрения, что выходит за рамки настоящей работы.

Двери собора Великой Афонской лавры сближает с Корсунскими такая деталь, как наличие орнамента на раме. Но в целом Афонские двери имеют некоторые отличия как от Константинопольских, так и от Новгородских дверей. В частности, на них виден иной подход к украшению наружной поверхности: они сплошь украшены орнаментом. В декоративную схему включены и кресты на двух верхних филенках каждой створки; кресты в этой системе выполняют исключительно декоративную функцию; их смысловое значение исчезло.

И на Константинопольских, и на Корсунских дверях изображению креста, напротив, отведено центральное место. По своим размерам (высота каждого креста на Корсунских дверях 52 см, на Константинопольских — еще больше), по месту, занимаемому в общей композиции дверей, кресты выделены и конструктивно (они накладные и выступают над гладкой поверхностью филепок), и композиционно (кроме них, на филенках нет никаких других изображений, ибо арки с колонками еще более выделяют их значимость). Они выделены и по отношению к конструк-

тивными частям, и по отношению к другим элементам декора, которые выполняют служебную роль. Все это лишь подчеркивает большое смысловое значение размещения крестов на дверях, что является конкретным воплощением значения крестов в византийском искусстве вообще и украшений храма и его деталей в частности¹⁴.

Итак, если рассматривать Корсунские двери под тем же углом зрения решения основных конструктивных вопросов и украшения поверхности, то они обнаруживают значительно большее сходство с дверями константинопольской Софии, чем собора Великой Афонской лавры.

Уже было отмечено, что вся поверхность рамы Корсунских дверей покрыта резным растительным орнаментом. Значительную часть мотивов составляют пальметты, перехваченные у основания, которые, безусловно, развились из стилизации растений, стилизованные бутоны цветка лотоса и т. д. Изображения гравированы или вырезаны на фоне из пуансонных кружков; эта разница между поверхностями — ровной, гладкой, блестящей медной, несколько выступающей, и слегка заглубленным фоном с пуансонными кружками — создает сильный зрительный эффект. Орнамент на Корсунских дверях — богатый и чрезвычайно интересный, и его всесторонний анализ не вмещается в рамки этой статьи. Но нельзя не отметить того, что многие его элементы как по мотивам, так и по технике исполнения имеют прямые аналогии на тех памятниках восточного серебра, которые все исследователи датируют VIII в.¹⁵ Такое сходство не означает, конечно, что Корсунские двери являются изделием среднеазиатских или иранских мастеров; оно, скорее, указывает на те области, откуда византийскими мастерами были заимствованы некоторые орнаментальные мотивы¹⁶.

Учитывая это обстоятельство, а также отмеченную выше близость между Корсунскими и Константинопольскими дверями, можно предположить, что Корсунские были изготовлены византийскими мастерами во второй половине VIII — первой половине IX в. Такой дате не препятствует и форма крестов: *crux florida* появляется уже в IV—V вв. и существует до позднего средневековья¹⁷. Схема нижней процветшей части креста проста и лаконична, еще лишена чистой орнаментальности, что не дает основания отнести крест к позднему времени. «Капельки» у концов креста также имеют точные аналогии на хорошо датированных памятниках VII в.¹⁸

Второй вопрос, который надлежит рассмотреть, — это вопрос о том, где Корсунские двери первоначально помещались. Вряд ли арка Рождественного придела — то место, где они находились сначала.

Как предполагают исследователи, ведущие в настоящее время архитектурную реставрацию в Софийском соборе, эта арка была построена лишь в XVII в., во время строительной деятельности митрополита Корвилья¹⁹. Так что совершенно очевидно, что до этого времени они находились в каком-то другом месте. Но где?

В этой связи уместно вспомнить, что первоначально центральная часть Софии была окружена галереями, которые впоследствии перестраивались, в результате чего занимаемое ими пространство соединилось с основным пространством церкви. Кроме того, в это же время существовали три паперти с северной, южной и западной сторон. Главная паперть, как известно, находилась с запада. И коль скоро выяснено, что Корсунские «врата» по своему устройству — это входные двери, то естественно было

бы предположить, что они первоначально и служили в качестве таковых.

В результате недавних раскопок в Софии были раскрыты проемы, которые в свое время служили такими входами. Ширина западного проема 2,10 м, ширина южного 2,15 м. С учетом еще деревянной основы, которая, конечно, была шире, чем медное наружное покрытие, и ширины дверного косяка, которая для Новгорода равна около 30 см (в Херсонесе — около 20 см), можно сказать, что Корсунские двери вполне соответствовали одному из раскрытых древних проемов. В таком случае обрамление каждой стороны приходилось бы по 26,5 см, что соответствует обычным нормам.

Здесь не место решать вопрос, когда были перестроены галерея, ликвидированы древние паперти и двери, ведущие с папертей в храм. Но важно отметить, что документы конца XVI — начала XVII в. еще знают паперти как обособленные от основной части храма помещения. Имеется в виду «Чиновник новгородского Софийского собора». По мнению их исследователя и издателя А. П. Голубцова, «Чиновник новгородского Софийского собора» был составлен в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в.²⁰ Характер названного памятника таков, что он, являясь руководством к совершению служб, фиксирует только то, что наблюдалось и существовало в Софии на время, когда «Чиновник» составлялся.

Во всех случаях, когда в нем идет речь о папертях, и в частности о Корсунской паперти, всегда из описаний видно, что паперти — нечто отдельное от церкви, не сама церковь²¹. Особенно показательным в этом отношении описание крестного хода в пасхальную ночь. В этом месте упоминаются двери, ведущие из Корсунской паперти в собственно храм²².

Заслуживает внимания то обстоятельство, что на Корсунской паперти похоронены основатели собора — князь Владимир и княжна Анна — и что их могилы находились там в начале XVII в. и перед ними пужно было совершать те или иные службы.

Корсунские «врата» в тексте «Чиновника» упоминаются трижды, и из контекста очевидно, что они находятся на западной паперти²³.

Итак, ничто не препятствует предположить первоначальное размещение подлинных Корсунских дверей у входа в Софию из Корсунской паперти, хотя точного указания источников на это нет. Но, учитывая существующую традицию, этот вариант по сравнению с другими, а именно: возможным нахождением врат на северной или южной папертях, представляется более вероятным. Перемещение дверей на их нынешнее место могло произойти в XVII в., после ликвидации дверного проема из Корсунской паперти в собственно церковь и сооружения арки, отделяющей придел Рождества богородицы от Мартирьевской паперти.

Осталось выяснить возможную причину перенесения названия «Корсунские» с подлинных византийских дверей на «западные Сигтунские»²⁴ и наоборот. Взаимное перенесение названий могло произойти следующим образом. Справедливо это или нет, документально установить пока нельзя, хотя возможность вывоза князем Владимиром изучаемых врат из Корсуна (Херсонеса — Херсона) как один из вариантов попадания из Византии на Русь представляется вероятной, они назывались с самого начала их нахождения в Софийском соборе Корсунскими. За время, пока они находились в дверном проеме в западной паперти, название «Корсунский» перешло и на саму паперть и сохранилось за ней и после того, как эти

двери были перемещены в другое место. А так как после перестановки на новое место они перестали играть роль главных дверей в храм, то их название «Корсунские» постепенно стерлось из народной памяти. Определение «Корсунские» с названия паперти перешло на Сигтунские двери, которые после ликвидации паперти стали главными дверями в собор. Были ли они на этом месте раньше или оказались только после перестройки, в данном случае принципиального значения не имеет, хотя, возможно, что они были здесь как наружные двери западной паперти и тогда, когда Корсунские двери находились в проеме, ведущем из паперти в храм. В описании Павла Алеппского точное местонахождение Сигтунских дверей не указано.

Таково одно из возможных, а пока и единственное объяснение путаницы названий, которая надолго заслонила от пропикновенного взгляда исследователей подлинную красоту, величие и историческую и художественную ценность Корсунских дверей. Надеемся, что дальнейшая углубленная работа над ними, в особенности над богатым и сложным орнаментом, которая будет продолжена и после сдачи в печать этой статьи, поможет еще лучше понять этот сложный, но замечательный и уникальный памятник, который на протяжении многих веков хранит Софийский собор в Новгороде и который имеет большое значение для понимания целого периода в византийском искусстве²⁵.

¹ Основные мысли, изложенные в статье, были высказаны в докладе, прочитанном на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 20 мая 1976 г. Автор приносит глубокую благодарность за высказанные замечания всем участникам заседания, в особенности С. А. Плетневой, Т. В. Николаевой, Г. К. Вагнеру, В. П. Даркевичу и А. К. Амброзу.

Рисунки дверей были воспроизведены в кн.: *Аделунг Ф.* Корсунские врата, М., 1834, рис. IX (Корсунскими в книге названы Сигтунские двери); *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности, вып. V. СПб., 1897, рис. 25 на с. 36. На этих рисунках схема «врат» передана точно, а в отдельных деталях много ошибок. Воспроизведенный на рисунках орнамент не имеет ничего общего с настоящим и никоим образом не передает его сложности, красоту и технику исполнения. Фотографии «врат» воспроизведены в кн.: *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности, вып. VI. СПб., 1899, рис. 132 на с. 113 (деталь); *Уваров А. С.* Двери бронзовые, византийские и русские.— В кн.: *Собрание мсяких трудов*, т. I. М., 1910, табл. II (деталь); *Бочаров Т. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, табл. XXX (левая створка), а также в некоторых путеводителях последнего времени по Софийскому собору.

² *Аделунг Ф.* Корсунские врата, с. 147—161 и прим. к тексту на приведенных страницах; *Метафраст Гр.* Описание новгородского Софийского кафедрального собора. Новгород, 1849, с. 19; *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. СПб., 1858, с. 140—141; *Макарий*, архим. (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. II. М., 1860, с. 275—276; *Толстой М.* Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862, с. 39—40; *Богословский А. В.* Святая София в Великом Новгороде, б. м., б. г., с. 41; Новгородский кафедральный Софийский собор. Новгород, 1886, с. 56—57; *Конкордин А.* Описание новгородского кафедрального Софийского собора. Новгород, 1906, с. 93.

³ *Алеппский Павел.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII в.— В кн.: *Православный палестинский сборник*, вып. 4. М., 1893, с. 70. Здесь «Корсунскими» названы Сигтунские «врата»: о настоящих Корсунских в описании не упоминается.

⁴ *Аделунг Ф.* Корсунские врата, с. 147—161.

⁵ *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности, вып. V, с. 33; ссылку на литературу XIX в. см. в сн. 2.

⁶ Впервые мнение о датировке врат XI—XII вв. было высказано И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым (*Русские древности*, вып. III, с. 33). Они составляют Корсун-

ские «врата» с дверьми из Равенно, Салерно, Амальфи в Италии и поэтому предполагают, «что они могли быть сделаны в Италии, но техническому исполнению резьбы вглубь с ташировкой относится к XI—XII вв.» (с. 33). Приведенные слова — единственно обосновавшие их датировки XI—XII вв. См. также: *Каргер М. К.* Новгород Великий. М. — Л., 1961, с. 116—117. Автор называет врата «памятником византийского художественного ремесла», не указывая более точной даты; *Семенов А. И.* Софийский собор — древнейший исторический памятник Новгорода. Новгород, 1962, с. 26; Корсунские врата отнесены автором к первой половине XI в. без всякой аргументации; *Никигина Ю. И.* Софийский собор. Л., 1974 г. — здесь они датированы XI в. В книге В. Н. Лазарева «Искусство Новгорода», равно как и во втором (новгородском) томе 12-томной «Истории русского искусства», Корсунские «врата» не разбираются.

- ¹ Предлагаемая классификация носит предварительный характер. Дело в том, что, за исключением дверей церкви св. Сабины, все остальные памятники этой группы — поздние и относятся к X—XIV вв. Поэтому нельзя полностью исключить влияние хронологического фактора на композицию дверей. Двери «восточной» группы среди поздних памятников Западной Европы отсутствуют.
- ² *Volbach W. F.* Frühchristliche Kunst. München, 1958, Taf. 103—105.
- ³ *Аделунг Ф.* Корсунские врата, с. 163—184; *Уарос А. С.* Двери..., с. 58—66; *Fraser M. E.* Church Door and the Gates of Paradise: byzantine bronze Doors in Italy. — *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 27. Washington, 1973, p. 147—162.
- ⁴ *Volbach W. F.* Frühchristliche Kunst, Taf. 92, 93. На табл. 92 изображения пластика из Милана, на табл. 93 — из Мюнхена.
- ⁵ *Fraser M. E.* Church Door..., p. 15, 16.
- ⁶ *Fraser M. E.* Church Door..., p. 14.
- ⁷ См. например: *Volbach W. F.* Frühchristliche Kunst, Taf. 174—175. Саркофаг епископа Либерия (ум. в 378 г.).
- ⁸ Украшение входных дверей в храм обеих групп основано на глубокой символике храма. Согласно этой символике храм, само его здание — это небо на земле, рай, а двери в него — вход, путь в этот рай, *via crucis*, которым должен пройти каждый, кто хочет достигнуть райской жизни, повторяя крестный путь Христа. Эта символика основана на тексте Евангелия: «Аз есмь дверь, мною аще кто выйдет, спасется». В соответствии с этой символической разработкой разрабатывалась и программа украшения входных дверей. Подробнее об этом см.: *Fraser M. E.* Church Door..., p. 147, где указана и литература.
- ⁹ *Даркевич В. Л.* и *Черныков В. Ф.* Новое в изучении среднеазиатской терракоты (Афанаевский клад). — *КСИА*, 128. М., 1971, рис. 45, 5—7, с. 108—109; *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971, № 44—45 по классификации автора, с. 33, 48; № 44 — кружка из Стерлитамакского клада; № 45 — ВС — 117 — из Верхне-Березовского починка. В сильно уменьшенном виде эти элементы имеются и на дверях суздальского собора. См.: *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975, с. 100, 104, ил. 76.
- ¹⁰ На страницах этой работы сознательно обойден вопрос об одновременности выполнения самих дверей и орнамента на раме. Его разбор завел бы нас далеко в сторону и не смог бы вписаться в отведенные рамки. А priori принимается их одновременность, хотя лаконичность и строгость композиции филенок несколько контрастируют с орнаментальным богатством полей. Подробно этот вопрос будет разобран в следующей работе автора.
- ¹¹ *Sulzberger M.* Le Symbole de la Croix et les Monogrammes de Jesus chez les prémiérs chrétiens, t. II. Byzantion, 1925, p. 337—448.
- ¹² См., например, Сирийское блюдо из Эрмитажа. *Folbach W. F.* Frühchristliche Kunst, S. 245, VI; *Dood E. C.* Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961, N 45, 46, 51, 54, 55, 68 (610—641).
- ¹³ Все данные, касающиеся результатов новых исследований в храме Софии в Новгороде, сообщены автору статьи руководителем раскопок Г. М. Штендером, благодаря любезному разрешению которого они и используются здесь.
- ¹⁴ *Голубцов А. П.* Чиновник новгородского Софийского собора. М., б. в., с. VII—VIII.
- ¹⁵ Чиновник новгородского Софийского собора, с. 20, 24, 38, 41, 42, 160, 166, 210, 230.
- ¹⁶ «Пришед же святитель в Корсунскую паперть, и поставлюют кресты ключари по чину... И паки восприем святитель кадню, и назнаменает великая врата, затворяющая сущи, кадьяном крестообразно, держа в руке честный крест со свящею... И отверзает двери святитель честным крестом, и входят кресты» (Чиновник..., с. 210—211).

²³ Чпновник..., с. 183, 186, 205.

²⁴ Название «Сигтунские» — новое; его нет ни в одном древнем документе. Его не существовало и в начале XIX в., так как еще Ф. Аделунг употребляет по отношению к византийским вратам определение «шведские» (*Аделунг Ф.* Корсунские врата, с. 147).

²⁵ Очень важным и интересным является вопрос о возможном влиянии Корсунских дверей на другие памятники подобного рода, которые были изготовлены позднее. К сожалению, даже Суздальские двери до конца еще не изучены и не имеют точных обмеров. Больше всего уделено внимание их изобразительной стороне. См.: *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба..., с. 97—142. Сейчас подготовлена публикация Т. В. Николаевой второго памятника — Тверских дверей XIV в. Наверное, настало время подумать о создании свода всех древнерусских дверей.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ

АНГЛИЙСКИЙ ДВОР В МОСКВЕ

Англо-русские торговые отношения, возникшие в середине XVI в., являлись значительным фактором экономической жизни Лопдона и Москвы. Созданная в Англии «Московская» торговая компания получила от русского правительства привилегии, среди которых было право строить свои опорные пункты, торговые дворы в нескольких русских городах: Архангельске, Москве, Вологде, Ярославле, Холмогорах. Московский Английский двор занимал главенствующее положение в коммерческой системе, созданной лопдонскими купцами¹.

Сведения о местоположении, размерах, застройке Двора единичны и разрозненны. Источники исчерпываются в основном двумя группами документов. Во-первых, это — письма англичан о пожаре 1571 г. в Москве; во-вторых, — документы середины XVII в., связанные с передачей Английского Старого двора околичичьему И. А. Милославскому.

Описанию московского Английского двора XVI в., взаимоотношениям населения английской колонии и московского окружения посвящена статья Е. И. Звягинцева «Английский двор в Москве XVI века».

Работы последних десятилетий, археологическое изучение Китай-города, исследование и реставрация памятника архитектуры конца XV—XVII в. палат Английского двора в Китай-городе, а также акты середины XVII в. позволяют полнее представить местоположение, размеры, характер застройки одного из самых больших московских торговых дворов.

Местоположение Двора определено источниками без недостатка в топографических ориентирах: «Английский торговый дом находился в Москве на Варварке за гостинным двором у церкви Максима Исповедника»². По другим сведениям, в непосредственной близости от Английского подворья находился двор боярина Никиты Романова³.

Указанная территория помещается в районе двух церквей: церкви Варвары Великомученицы и церкви Максима Исповедника. Это один из

Рис. 1. Английская Булла (лицевая и оборотная стороны)
Зарядье

самых интересных участков Китай-города. Под 1514 г. в летописном своде 1518 г. читаем: «Да того же лета поставиша церковь кирпичную Варвару святую Василии Бобр з братею своею с Вепрем и с Юшком»⁴. Несколько иначе это сообщение звучит во Владимирском летописце: «...а ставил тую церковь Юрий Урвихвостов да Федор Вепрь»⁵. Сопоставление двух вариантов сообщения дает три имени: Василий Бобр, Федор Вепрь и Юрий Урвихвостов, он же Юшка. Первые два — Василий Бобр и Федор Вепрь — относятся к членам семьи крупных московских купцов-сурожаев Антоновых⁶. Вполне допустимо предположить, что дворы трех упомянутых в летописи московских купцов расположены где-то рядом с ныне существующей церковью Варвары Великомученицы. О том, что эта территория занята именно купеческими усадьбами, говорит сообщение нижегородского летописца под 1366 г. о судьбе купца Тарасия сына Петрова: «И как запустел Новагород от татар и Тарасей гость в те поры из Новагорода съехал жити к Москве а купил себе место, где ныне Варвара святая стоит»⁷. Для нас это сообщение ценно топографической традицией, отраженной в нем. Таким образом, Английский двор издавна помещался на территории, занимаемой купеческими усадьбами. Вместе с тем еще в конце XVI в. местоположение церкви Максима Блаженного, известной с 1486 г., определялось ориентиром: «у Юшкова двора»⁸. Считая владельцем дворового места, доставшегося английским купцам, москвича по имени Юшка⁹, одни исследователи видят за этим именем, исходя из сообщения 1514 г., Юрия Урвихвостова¹⁰, другие считают, что это Юрий Траханиот¹¹.

В актах середины XVII в. о передаче Английского двора И. А. Милославскому есть допрос в Земском Приказе переводчиков Ивана Фомина и других. Среди сведений, сообщаемых переводчикам, читаем: «Да Ондрей же Келдерман сказал, слышал де он от агличан от князя Ивана Ульянова Мерика да от гостя от Фабиана Ульянова Смита, что тот двор

бывал преж того московского гостя прозвище Юшкова, а имяни не упомнит, а после де Юшковых дано то место с полатою аглинским торговым людям»¹².

И еще один документ — Допрос русских торговых людей в 1650 г.: «А которые у них дворы на Москве и в городех есть и те их дворы стоят на государевых землях, а на Москве у Максима Исповедника аглинский двор государево жаловалье даной, а строенье гостя Ивана Бобрищева...»¹³

Таким образом, два документа почти через сто лет после получения англичанами Двора называют его владельцем московского купца Ивана Юшкова сына Бобрищева.

Письменные источники позволяют довольно полно восстановить облик Двора середины XVII в., почти не сообщая ничего о второй половине XVI в. Однако анализ уже упомянутых писем англичан о пожаре 1571 г., проведенный, в частности, Е. Звягинцевым, в сочетании с сообщениями материалов ЦГАДА и с некоторыми косвенными данными позволяет воссоздать детали застройки Двора и в этот начальный период существования «Московской» компании.

В упомянутом уже допросе переводчиков Ивана Фомина и других сказано, что «...дворовое место под Аглинский двор и с палатою пожаловал блаженный памяти царь, государь и великий князь Ивал Васильевич всеа Руси аглинским немцам, а деревянные хоромы аглинские немцы строили сами»¹⁴. По-видимому, то, что оставалось на Дворе из строений предыдущего владельца, требовало ремонта и перестройки, хотя традиции застройки старой московской купеческой усадьбы должны были во многом совпадать с планами организации большого торгового подворья английских купцов. В облике купеческого двора должно было появиться то новое, что отвечало бы характеру нового владельца, в данном случае — тем задачам, которые возлагались «Компанией» на свой двор в Москве.

Московский двор «Компании» являлся самым крупным складом ввозимых англичанами товаров. Предметы английского ввоза: оружие, боевые припасы, в том числе селитра, порох, свинец и сера, сахар, бумага, посуда, медь, плитки свинца для крыш, лондонское сукно, носившее в Москве название «лундыш», бумажные материи. Из России в Англию вывозились в основном сырьевые материалы: воск, сало, кожи, масло, ворвань, меха, лен, пенька, мясо¹⁵.

Значительность Двора по размерам, объему хранимых товаров проступает уже на фоне событий 1571 г. Общемосковское бедствие, нашествие хана Девлет-Гирея, принесло англичанам потери, которые оценивались в 10 тыс. рублей¹⁶.

Источники сохранили сведения о стремлении англичан наладить обработку русского сырья здесь же, в России. Так, среди предложений, привезенных английским послом Елизаром Флетчером, имеется следующее: «... и ослободити на Вычегде двор поставити железо делати и руды железные искати; а дворы им поставити по тем местам, где руду найдут, и лесу б им велели дать верст на семь и на восемь около тех мест, где они учнут дворы и мельницы железные ставити...»¹⁷ В Холмогорах и Вологде имелись специальные дворы для изготовления веревок из пеньки¹⁸. Есть глухое указание, что на самом Московском дворе можно было плавить руду.

Объем товарооборота, стремление обрабатывать сырье на месте — все это создает определенное представление о возможных деталях застройки Двора, и прежде всего о его размерах.

В старых писцовых книгах Земского приказа под 1616 г. написано: «... в Китае-городе на Варварском Кресце у церкви Максима Христа ради Уродивого двор англиский вдоль тридцать сажен поперег двадцать сажен с полусаженью»¹⁹, т. е. около 2,5 тысяч м².

В источниках нет сведений о численном составе английской торговой колонии, по кое-что сообщают косвенные данные. В письме Ричарда Ускомба о пожаре 1571 г. названо около 40 человек, погибших на Английском дворе. Благополучно перенесли пожар 7 упомянутых в письме лиц, которые спаслись в одном из менее пострадавших погребов. По-видимому, спасшихся в этом убежище было не менее 10—20 человек, так как в другом погребе поместилось около 30 человек. В таком случае во время пожара на Английском дворе находилось не менее 50—60 человек. Состав английской колонии был разнообразен. Судя по письму Ускомба, на Подворье размещались представители компании с семьями и слугами²⁰. В другом письме упоминаются спасающиеся от огня в погребах ремесленники и аптекарь²¹. Для исполнения обязанностей аптекаря, постоянно живущего на Английском дворе, меняя друг друга на этом посту, через Архангельск прибывали англичане с семьями и слугами²². Некоторые из них совершили это путешествие не один раз. Так, Яков Остафьев, приехавший в Россию в 1602 г., напоминал, «...что-де он умеет аптекарскому делу, а прежде... при царе и великом князе при Иване Васильевиче всеа Русии жил он на Москве»²³.

Со второй половиной XVI в., по нашему мнению, можно связать следующие сооружения Английского двора, значительного по размерам и по количеству населения.

Московский двор компания получила вместе с каменной палатой, которая со временем была реконструирована. Исследования, проведенные при реставрации палат Английского подворья в 60-х годах XX в., позволили выделить первоначальную конструкцию, датируемую концом XV — началом XVI в. и в основном аналогичную конструкции палаты соседнего так называемого Старого Купецкого двора. Описание последней палаты находим в материалах 1669 г.: «Палата каменная 6 сажен перегорожена на двое ветха... Под тою же полатой погреб... Возле погреба полаты кладовая перегорожена на двое...»²⁴

В документе более раннем, от 1643 г., озаглавленном «Ремонт купецкого двора, что был депежный двор», при описании тех же палат упоминаются заднее крыльцо комнатных сеней, печи в двух палатах и в подклетах²⁵. По мнению реставраторов, в основе палат усадьбы бояр Романовых лежат остатки палаты подобного же типа²⁶.

М. Г. Рабиновичем на юге посада, у церкви Николы Мокрого были вскрыты остатки каменного фундамента палат близкой конструкции со следами каменного крыльца. Сооружение датируется автором работ 30-ми годами XVI — началом XVII в.²⁷

Все упомянутые палаты близки по времени сооружения и лишь несколько различаются размерами.

Специфика застройки купеческой усадьбы безусловно должна была сказаться в наличии нескольких помещений для хранения товаров. Надежными хранилищами являлись каменные подклеты церквей. В Новго-

родской IV летописи под 1390 г. читаем: «Той же зимы, февраля в 8, церковь сторела святыи Дмитрий на Даньславле улицы, в обед, и много церковного запаса и товара у людей погоре в ней»²⁸.

На расстоянии 20—30 м южнее палат Английского двора в XV—XVII вв. размещалась церковь Жен-мироносиц на белокаменном подклете. Площадь подклета около 8 м². Исследование остатков подклета показало, что церковь сооружена в период с конца XV по третью четверть XVI в.²⁹ Возможно, сначала церковь была домовою, а подклет предназначался, в частности, для хранения товаров владельца усадьбы, позже ставшей Английским двором. Среди заполнения подклета были обнаружены фрагменты привозной, рейнской керамики. Судя по документам середины XVII в., под кладовые использовались каменные подклеты палат Двора³⁰. Неясно, о каких погребках говорится в письме 1571 г. Возможно, имеются в виду каменные подклеты палат. Во всяком случае автор письма отмечает их немалые размеры³¹.

В одном из государевых указов по поводу Двора И. А. Милославского (середина XVII в.) упоминается еще один погреб, расположенный на Английском дворе, между палатами и владениями церкви Жен-мироносиц³².

Приведенный перечень кладовых скорее всего не исчерпывает их общего количества на Английском дворе во второй половине XVI в. Безусловно, имелось несколько дубовых погребов, упомянутых среди сооружений Двора середины XVII в.³³

В письме о пожаре 1571 г., на первый взгляд, несколько странно звучит упоминание о ремесленниках среди населения торгового подворья. Однако наличие последних перестанет удивлять, если предположить, что Английский двор, кроме своей специфики, во всем остальном мало отличался от окружающих феодальных усадеб. В частности, вполне можно говорить о наличии кузницы на Английском дворе. Кузница существовала на Старом Государевом дворе на Варварке. Кузница с двумя наковальнями присутствует в перечне сооружений двора Романовых на Никитской улице³⁴. И, наконец, в досмотре строений Нового Английского двора, проведенном в 1662 г., указан «...сарай большой лубяной покрыт дранью, а в нем кузнечные горны»³⁵.

О возможной связи ремесел с торговым Английским двором говорит также стремление англичан обрабатывать сырье на месте и, в частности, упоминание о плавке руды на Московском дворе. Данных для подтверждения этого интересного сообщения нет, однако оно ценно уже тем, что допускает подобную возможность. Правда, трудно предположить, что огненным ремеслом занимались здесь же у Варварки в XVI в. Но вполне возможно, что горны для плавки руды размещались где-то южнее, на берегу Москвы-реки. Может быть, к последнему факту непосредственное отношение имеет упоминание англичан, проживающих и на других дворах здесь же, в Китай-городе³⁶. В свою очередь, может быть, этим объясняется характер некоторых находок на территории других усадеб.

В слое начала XVII в., на соседней с Английским двором усадьбе была найдена английская свинцовая, со следами позолоты, булла, на лицевой стороне которой изображен герб английских королей, на обратной — чертополох, герб Шотландии. В этом же слое усадьбы обнаружена костяная шахматная фигура из колмогорского шахматного набора. Вместе с тем наличие солидной мастерской обработки сырья — не единичное явление

на московском посаде XVI в. Так, на двух участках Зарядья в слое XVI в. были обнаружены две усадьбы мастеров сафьянного дела³⁷.

Присутствие ремесла на Английском дворе выглядит традиционным и при знакомстве с материалами по Новому Английскому двору. Так, в «Досмотре строений Английского двора» от 1662 г. читаем: «... 7 изб, а в них... мастерские чуланы...», или: «...во всех палатах и в погребях и в деревянных избах сундуки и короби и мастерские спасти...»³⁸

При передаче Старого Английского двора И. А. Милославскому в середине XVII в. в оцелке Двора, его строений находим оценку сада, проведенную садовниками. Сад состоял из 21 яблони, 11 груш, 22 вишен³⁹. Безусловно, сад существовал и во второй половине XVI в. и, очевидно, достался англичанам вместе с двором. Упоминание садов на посаде находим в документах уже первой половины XV в. На московском посаде существовали великокняжеские сады⁴⁰, а также сады более мелких феодалов⁴¹. Два сада в конце XVIII в. входили в черту двора бояр Романовых на Варварке.

И, наконец, последняя деталь облика Двора во второй половине XVI в. В материалах по ремонту Купецкого двора (от 1643 г.), т. е. двора, примыкавшего с запада к Английскому двору, находим такие строки: «Да перед воротаы зделать съезд бревенной новой...»⁴². Непосредственное соседство с «Купецким» двором разрешает предположить существование подобного же бревенчатого съезда с крутой Варварки к воротам и Старого Английского двора.

Таким образом, Английское подворье второй половины XVI в. представляло собой довольно большой московский двор с каменными палатами, садом, деревянными строениями, окруженный высоким забором с воротами на улицу Варварку. Среди деревянных сооружений безусловно были так называемые «белые» избы для служащих компании, черные избы для слуг, ремесленников, «мастерские чуланы», кладовые для хранения товаров, кузница, и скорее всего одна или две конюшни.

Облик Английского двора первой половины XVII в. довольно полно восстанавливается по материалам оценки двора (1650 г.) и «Досмотра двора И. А. Милославского» от 1669 г. Так, в «Досмотре...» находим описание каменных палат, где упоминается «... палата казенная большая, в ней печь белая обрасцовая... поварья каменная... крыльцо на 3 входа...»⁴³, а в подклетах — палата кладовая большая, четыре погреба разного размера, чулан. Двери и затворы на окнах палат — железные⁴⁴.

Что касается деревянных строений Двора, то две последовательно проведенные в 1650 г. торговыми людьми лесного ряда оценки перечисляют около полутора десятков сооружений.

Среди них: «... горница на жилом подклете, против сени с верхом... горница поземная, против сени с верхом (под горницей погреб дубовый)... две избы белые, промеж тому сени... да две избенки черные... да конюшня о трех стойлах (над ней сушило) да приворотная избенка... да поварнишка (под избою погреб дубовый...)... две избенки... одна белая, а другая черная... да за полатою конюшнишко о четырех стойлишках с верхом, подле ея навесишко...»⁴⁵

- ¹ *Звягинцев Е.* Английский двор в Москве XVI в.— Исторический журнал, 1941, № 10—11, с. 143.
- ² *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII веках. СПб., 1865, с. 90.
- ³ *Снегирев В.* Знаменский монастырь и палаты бояр Романовых. М., 1861, с. 5.
- ⁴ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 348.
- ⁵ ПСРЛ, т. XXX, с. 141.
- ⁶ АСВР, т. I. М., 1952, с. 630; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 65.
- ⁷ *Насонов А. Н.* Материалы и исследования по истории русского летоисчисления.— В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, с. 247.
- ⁸ *Сергий*, архим. Историческое описание Московского Знаменского монастыря. М., 1866. Приложение, с. 25.
- ⁹ *Гамель И.* Англичане в России..., с. 90; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России, ч. 1. М., 1894, с. 94, Приложение 3.
- ¹⁰ *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 48.
- ¹¹ *Гамель И.* Англичане в России..., с. 254.
- ¹² ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, л. 64—65.
- ¹³ ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, л. 191.
- ¹⁴ ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, л. 64.
- ¹⁵ *Звягинцев Е.* Английский двор..., с. 143.
- ¹⁶ *Звягинцев Е.* Английский двор..., с. 142. Ср.: в 1649 г. англичане оценивали деревянные строения Двора в 500 рублей.
- ¹⁷ Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера.— В кн.: Временник ЧОИДР, кн. 8. М., 1850, с. 11.
- ¹⁸ *Звягинцев Е.* Английский двор..., с. 143.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, л. 68.
- ²⁰ «...во 110 году... пришел из Аглинских земли... Яков Остафьев з женою, из детми, и с людьми; а детей... с ним два сына да три дочери; да людей 5 человек, да девка...» (РХО, т. 38. СПб., 1883, с. 431).
- ²¹ *Звягинцев Е.* Английский двор..., с. 142.
- ²² РХО, т. 38, с. 403, 431.
- ²³ РХО, т. 38, с. 431.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 35, д. 226, л. 5.
- ²⁵ ЦГАДА, фонд Оружейной палаты, д. 36 417, оп. 23, 1643 г.
- ²⁶ Благодарю И. И. Казакевич за предоставленную возможность ознакомиться с результатами исследований.
- ²⁷ *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы.— В кн.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 41—42.
- ²⁸ ПСРЛ, т. IV, с. 98.
- ²⁹ *Дубынин А. Ф.* Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г.— КСИА, 1960, вып. 79, с. 69.
- ³⁰ ЦГАДА, ф. 35, 1669 г., д. 226, л. 1.
- ³¹ *Звягинцев Е.* Английский двор..., с. 142.
- ³² *Дубынин А. Ф.* Археологические раскопки в Зарядье..., с. 74.
- ³³ ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, 1650 г., л. 98.
- ³⁴ *Лушкина В. С.* Двор боярина Никиты Ивановича Романова.— В кн.: Старая Москва, вып. II. М., 1914, с. 7.
- ³⁵ ЦГАДА, ф. 210, д. 962, л. 319.
- ³⁶ Переписная книга г. Москвы 1638 г. М., 1881, с. 6, 14.
- ³⁷ *Крис Х. И.* О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва).— КСИА, 1959, вып. 77, с. 104—108.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 210, д. 962, л. 319.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, л. 87.
- ⁴⁰ ДДГ, с. 74, 177, 199, 354, 434.
- ⁴¹ ДДГ, с. 50, 72, 177.
- ⁴² ЦГАДА, фонд Оружейной палаты, д. 36 417, оп. 23, 1643 г.
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 35, д. 226, 1669 г.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ЦГАДА, ф. 35, д. 173, ч. I, 1649 г.

О ЗМЕЕБОРЦЕ В РУССКОЙ БЫЛИНЕ

Мифы, сложившиеся в определенный исторический период, всегда связаны с теми или иными институтами или воззрениями общества, в котором они возникли.

Древние мифологические представления могут сохраниться в течение долгого времени, если продолжают существовать породившие их институты. Но чаще архаические мифы снова обретали жизнеспособность, получив иное звучание в связи с новыми историческими условиями. Иногда же мифологические образы, не отвечающие новым представлениям, продолжают сохраняться, став одним из средств обогащения поэтического языка, или традиционным приемом, придающим художественному произведению своеобразный колорит.

В пышное время вряд ли можно сомневаться в наличии исторической основы в греческом героическом эпосе фиванского, троянского, дорийского и иных циклов, как бы пышно они ни были расцвечены творческой фантазией аэдов. Во многом это справедливо по отношению к древнеиндийскому эпосу Махабхараты и иранской эпической поэме Шах-наме. Таков же и германский эпос, вылившийся в сказания о Нибелунгах¹, историческую основу которого составляли некоторые отголоски описания гибели королевства Бургундов. Русский былинный эпос Киевского цикла также является отражением исторических событий IX—XII вв.², конечно, творчески преломленным его составителями.

«Слово о полку Игореве» показывает, что в Киевской Руси поэтам, писавшим свои произведения, было доступно богатейшее изустное творчество предшествующих времен, в том числе дохристианского периода. Примерно в таком же объеме оно было доступно и творцам изустных героических поэм Киевского цикла. Значительно труднее сказать, в такой ли мере творцы героических поэм былинного эпоса имели обыкновение обращаться к мифологическим по происхождению образам седой старины. Возможно, что былины, предназначенные для песенного исполнения, отличались от произведений письменности. В самом «Слове о полку Игореве» заметно различие характера повествования от лица автора и «Плача Ярославны», исполненного глубокой скорби. В последнем нет обращений к древним мифологическим существам (как, например, Стрибожкам и Вукам), а вместо них выступают вполне реальные Ветер, Днепр Словутич и Тресветлое Солнце.

Так или иначе, но, пройдя через тысячелетний отбор многих десятков поколений сказителей, былины дошли до нас заключающими мало³ мифологических образов, к тому же утративших свое первоначальное значение.

Одним из ярких архаических образов является герой, борющийся с чудовищным змеем; таковы эллинский Геракл, русские Добрыня и Илья Муромец, а также германский Зигфрид. Мифологический образ

героя Змееборца, восходящий ко времени индоевропейской языковой общности, сохранился в наиболее ранней форме в древнеиндийских представлениях. В Ведах говорится о борьбе могучего бога Индры с чудовищным драконом Вритрой, поглотившим дождевые облака. Победа Индры, поразившего молнией дракона, приводит к освобождению небесной влаги, которая выпадает плодородным дождем ⁴.

Приведем часть гимна в честь Индры:

Я дела восславлю Индры,
Те дела, с которых громовержец начал,
Он сразил дракона и освободил воды...

.....
Как сломанный тростник лежит (дракон),
Через него текут воды, радующие сердца,
Те, которых телом своим Вритра задерживал... ⁵

Этот миф показывает, что гроза, приносящая благотворный дождь, воспринималась в глубокой древности в образе борьбы громоносного бога с чудовищным змеем — похитителем небесных вод. Необходимость ежегодного своевременного орошения полей и пастбищ могла порождать представление о божестве или, вернее, обожествляемом явлении природы, которое каждый год приносит благосостояние.

Индоевропейское обозначение года *ieg* ⁶ лежит в основе имен: славянского Ярило и греческого *Ἦρος*. Первым среди эллинических героев был Геракл; его именами или, точнее, прозвищами были: *Ἄλκατος* или *Ἄλκιος* — сильный, могучий, *Ἠρακλῆς* — «прославленный Герой», точнее, «прославленный обожествленной землей» ⁷. Изначальным же наименованием Геракла вполне возможно было *Ἦρος*; являясь супругом обожествленной земли, он ежегодно вступает с нею в брак в пору благодатных гроз. Таковы были древнейшие протоэллинические представления. В дальнейшем Геракл был оттеснен богом светлого неба — Зевсом ⁸, ставшим супругом Геры, в свою очередь утратившей прежнее значение божественной земли.

Однако древний миф о том, как *Ἦρος* боролся с чудовищным змеем — поглотителем вод, не исчез полностью. Он сохранился в сказании о втором подвиге Геракла, борьбе героя с Лернейской Гидрой — огромным девятиглавым чудовищем, которое похищало скот ⁹. Наименование чудовища *Ἰδრა* ясно указывает на его водяную природу.

В старом скандинавском сказании о Сигурде (предшественнике германского Зигфрида) говорится о борьбе героя с громадным драконом Фафниром. Сигурд убивает чудовище в то время, когда последнее ползет к воде ¹⁰.

Еще большей переработке подвергся изначально миф о громоносном боге Змееборце в русской богатырской былине. Даже наиболее архаичный герой Змееборец былинного эпоса — Михайло Поток ¹¹, по всей видимости, был историческим лицом, жившим во второй половине IX в.

Как известно, Добрыня, брат Малунки — матери князя Владимира Святославича, был незаурядным историческим деятелем Киевской Руси. Однако в одном из былинных подвигов Добрыни несколько отчетливее, чем в сказаниях о других богатырях Киевского цикла, выступают осколки древнего мифа о (боге) Змееборце. Былина о Добрыне и Змее сохранилась

в передачах многих сказителей, среди которых выделяется версия Т. Г. Рябикина, записанная в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом¹². В этой былинке повествуется, как Добрыня стал «в чисто поле поезживать» (ст. 4). В одну из таких поездок Добрыне «похотелось то» «съездити»

Да й ко тым горам ко сорочинским,
 Да й ко тым порам ко змеиным,
⁵⁵ Й оп спустил коня да богатырского,
 Да й поехал по раздольицу чисту полю,
 Еще день за день быдто дождь дождит,
 Да й недели за неделей как река бежит.

Далее повествуется о богатыре:

⁶¹ Приезжал он ко горам да к сорочинским,
 Стад он ездить по раздольицу чисту полю,
 Ов-то ездил целый день с утра до вечера,
 Потоптал он много множество змеенышов.

Наконец, говорится:

А й поехал-то молоденькой Добрыпошка
 От тых славных гор от сорочинских,
⁷⁰ Да й от тых от нор он от змеиных,
 Да й поехал-то Добрыня в стольней Киев град.
 Еще день за день как быдто дождь дождит,
 Да й неделя за неделю как река бежит.

Последние два отрывка (ст. 61—64 и 68—73), на первый взгляд, довольно точно передают древний миф. Богатырь отправляется к порам змеиным в горах (в варианте мифа о громоносном боге змей — похититель влаги скрывается в пещере). Добрыня убивает змеенышей (замевающих змея), после чего выпадает обильный дождь.

Но в действительности основное содержание мифа уже утрачено: в первом отрывке (ст. 53—58), где говорится только о желании богатыря поехать к горам, уже повествуется о продолжительном ливне. Затем во втором отрывке (ст. 61—64) сообщается, что Добрыня «потоптал» змеенышей в «чистом поле» (а не в «горах», как это можно было ожидать, следуя мифу). Только после этого богатырь едет к горам сорочинским и уже вторично идет дождь.

Таким образом, от древнего мифа остается только красочная фабула, ставшая одним из богатырских подвигов.

Как уже отмечалось выше, древний мифологический образ может обрести жизненность, получив в новых условиях иное содержание. Далее в той же былинке говорится о борьбе Добрыни с огнепосным змеинцем Горынищем (ст. 140—167), который, совершенно утратив значение противника громоносного бога, становится олицетворением врагов Руси — степняков. Последующая часть, кратко изложенная Т. Г. Рябикиным, более обстоятельно передана А. Е. Чуковым¹³; в ней говорится о длительном бое Добрыни со «змеей», кончившемся гибелью последней. После победы Добрыня освобождает множество людей, томившихся в плену (ст.

209—252). Несколько выше об этих людях говорится точнее, как о «полохах да русьских» (ст. 102).

Еще больший отход от содержания древнего мифа о Змееборце выступает в былинах о борьбе Ильи Муромца и Соловья-разбойника. В передаче Т. Г. Рябицина эта былина первоначально была записана П. Н. Рыбниковым¹⁴, а затем А. Ф. Гильфердингом¹⁵. Текст П. Н. Рыбникова более краток, чем в записи А. Ф. Гильфердинга, поэтому будем следовать передаче последнего; там о Соловье-разбойнике говорится:

Сиди, Соловей-разбойник, на сырём дубу,

⁴⁰ Сиди, Соловей-разбойник, Одимантьев сын.

А то свищет Соловей да по соловьему,

Ен кричит злодей-разбойник по звериному,

И от него ли-то от посвиту соловьяго,

От него ли-покрику звериного

⁴⁵ То все травушки муравы улетаются,

Все лазуревы цветочки отсыпаются,

Темни лесушки к земли вон преклоняются...

Значительно короче вариант, записанный Киршей Даниловым¹⁶. Но в нем имеются два стиха, отсутствующие в других записях. Укоряющий своего коня Илья говорит:

⁴⁵ Не слышал ты шипу змеинова...

⁴⁷ А зверинова крику туринова?

Сила Соловья-разбойника особенно выступает в варианте былины, переданном Ив. Фёдоровым и записанном А. Ф. Гильфердингом¹⁷, в следующих стихах:

Свиснул-то он по-змеиному,

А ино мать сыра земля продрогнула,

А со кражиков дещики посыпались,

¹⁴⁰ А во речешки вода вся помутилася,

А темны да кесы преклонились...

Вряд ли можно сомневаться в том, что в приведенных стихах заключено поэтическое описание сильного вихря¹⁸, налетевшего на лес во время грозы. Однако далее ничего не говорится о благодатном дожде.

Стихийная мощь Соловья сочетается с обликом злого разбойника, а отчество его — Одимантьев сын — указывает на то, что создатели былины видели в нем не стихийную силу, а враждебного степняка.

Так, в этой былине Илья Муромец, сохранивший некоторые чисто внешние черты древнего бога, борющегося с грозной стихией, приобретает совершенно иное значение — могучего богатыря, освобождающего Русскую землю от враждебных сил.

Хотя у Ильи Муромца сохранились некоторые более архаические черты, которые совершенно отсутствуют у былинного Добрыни, тем не менее древний мотив змееборчества им был утрачен полностью. Напротив, в сказании о Добрыне уцелели осколки древнего мифа, вероятно, потому что они получили новое звучание, отвечающее исторической обстановке, сложившейся в Киевской Руси.

- ¹ Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960; и др.
- ² Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 43—44.
- ³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 45—49; Heusler Andr. Nibelungensage und Nibelungenlied. Dortmund, 1955, S. 12—13, 60.
- ⁴ Oldenberg H. Die Religion des Veda. Stuttgart und Berlin, 1917, S. 133—136; Bhat-tachari Sakumari. The Indian Theogony. Cambridge, 1970, p. 257 f.
- ⁵ По переводу: Серебрянников И. Д. Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971, с. 50.
- ⁶ Гоноров В. Н. К вопросу о древнебалканских связях в области языка и мифологии.— Доклад на III Международном съезде по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4 сентября 1974). М., 1974, с. 14.
- ⁷ О связи эллиптического имени Геа с минойским e-га — земля см.: Георгиева Ва. Словарь Крито-минойских надписей. София, 1955, с. 32; Он же. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 63.
- ⁸ Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, II. Berlin und Leipzig, 1930—1931, S. 446—447.
- ⁹ Apollodorus, Bibliotheca, II, 5, 2.
- ¹⁰ Dahn F. und Dahn T. Walthall. Germanische Götter und Heldensagen. Leipzig, s. a., S. 299—300.
- ¹¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 47—49.
- ¹² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. II. М.—Л., 1938, с. 50 и сл., № 79.
- ¹³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. М., 1909, № 25, с. 153—154, стихи 190—242, № 25 bis; с. 159—160, стихи 146—189; Онежские былины..., т. II, № 148, с. 410—411 (и с. 407).
- ¹⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, № 4, с. 16, стихи 33—38.
- ¹⁵ Онежские былины..., т. II, № 74, с. 13, стихи 39—47. В записи П. Н. Рыбникова отсутствуют 40-й и 44-й стихи.
- ¹⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршию Давыдовым. М.—Л., 1958, с. 240.
- Другие записи былин о борьбе Ильи с Соловьем-разбойником не включают существенных деталей (Астахова А. М. Илья Муромец. М.—Л., 1958, с. 458—461, № 7—10).
- ¹⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. I. М.—Л., 1949, № 56, с. 519, стихи 137—141.
- ¹⁸ О наличии мифологических элементов в былинах об Илье Муромце, несколько преувеличивая их значение, писал А. Н. Афанасьев, усмотревший в этом богатыре бога-Громовника, а в Соловье-разбойнике — сильный вихрь (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 305—308).

Г. К. ВАГНЕР

О ЧЕРТАХ КОСМОЛОГИЗМА В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Термины «космологизм», «космогонизм», «макрокосмизм» нередко применяются в этнографических, искусствоведческих, эстетико-философских, а в последнее время и в семиотических исследованиях. Естественно, употребляются они с весьма различной степенью строгости, что зависит от вкладываемого в термин смысла, от дисциплины, в которой они применяются, а также от исторического уровня или ступени в развитии науки. Если отвлечься от философско-эстети-

ческих и семиотических текстов, где упомянутые термины носят сравнительно строгий характер, то наиболее общим их значением в остальных сферах будет выражение повышенной или предельной отвлеченности, всеобъятности. Например, в искусствоведческих работах понятие космологизма очень часто применяется к произведениям или творчеству художников, отмеченных чертами предельной широты концепции. Говорят: «Образ Пантократора космологичен», или: «Картины Петрова-Водкина космичны» и т. п. Безусловно, какой-то элемент истины здесь есть, но ясно также, что подобное словоупотребление произвольно, поскольку основано скорее на впечатлении, нежели на объективном положении вещей.

Термины «космологичность», «космогоничность» и т. п. применяются в очень широком временном диапазоне, начиная с первобытного искусства и кончая современным. И в этом тоже есть доля истины. Ведь человек, человечество даже в периоды наивысшего развития индивидуализма не перестает осознавать себя частью Вселенной. Дело заключается только в том, является ли это осознание интуитивным или научным. Взаимоотношение того и другого не так просто, как представляется на первый взгляд. История культуры знает разные формы и разные уровни этого взаимоотношения, что немаловажно и для этнографии, и для искусствоведения, не говоря уже о философии. Вероятно, поэтому проблема и судьбы космологического мировоззрения стали предметом семиотики.

Эпоха господства космологизма предшествовала историческому периоду. Разница между этими взглядами на мир в основном сводится к тому, что в «космологическую эпоху», т. е. в эпоху мифологизма, еще не было исторического взгляда на бытие¹. С «концом» этой очень длительной эпохи «начался» исторический взгляд человека на мир и на самого себя. Естественно, что никакой конкретной разделительной черты здесь провести нельзя. Космологическое миропредставление не только как более раннее (своего рода «базовое»), но и как более всеобъемлющее, в известном смысле философское, конечно, не «кончилось», а продолжало сохраняться. Но в какой среде, в какой функции, в каком качестве? Вот вопросы, которые подводят нас к теме настоящей статьи. С этими вопросами связаны многолетние научные интересы Б. А. Рыбакова, почему они и выбраны нами предметом некоторых размышлений.

Поскольку небольшой размер статьи требует максимума уплотненности, выделим три главных вопроса: 1) каковы истоки космологических черт в искусстве вообще? 2) каковы судьбы этих черт в средневековом и народном искусстве? 3) какова роль космологических элементов в современном процессе сближения народного искусства с профессиональным?

По первому вопросу существует громадная мировая литература². Для нашей задачи достаточно воспользоваться главными ее результатами. Они гласят, что становление человека, человеческого общества, человеческого сознания и было не чем иным, как рождением Космоса из Хаоса, имевшего место до «начала» всех начал. Поскольку, однако, человек тогда ничего не мог противопоставить Хаосу, кроме как самого себя, вернее, свой родовой коллектив, то первобытный (в широком смысле) космологизм, естественно, и стал выражением социальной структуры³.

Космологизм включает в себя множество аспектов, из которых для нашей темы важны два: пространственный (организация элементов в пространстве) и антропологический (самоутверждение человека в этом пространстве). Рождение пространственных представлений неминуемо

должно было пройти фазы «пачала», нахождения «мирового центра» и т. д., пока не вылилось в пекне «космологические формулы», лучшим фиксатором которых явилось изобразительное искусство.

Ученые давно обратили внимание на особую распространенность в древнем искусстве центрических, симметричных и ярусных композиций, воплощающих представления людей о макрокосме. «Бинарные композиции, — пишет Е. М. Мелетипский, — прежде всего упорядочивают и концептуализируют данные элементарно-чувственного процесса»⁴. Мы предпочитаем говорить о них как об образах или картинах мира, а не моделях мира, ввиду того что понятие модели предполагает либо образец, либо некую точность, т. е. что-то научно-техническое, а не художественное.

Перечисленные изобразительные формулы не означают, что существовало несколько образов мира, космологические представления, надо полагать, отличались известной «унифицированностью». Но они несомненно трансформировались в зависимости от того или иного аспекта, среди которых наряду с собственно космологическим аспектом имели место аспекты ритуальный и социальный (родовой). Кроме того, надо учитывать, что разные аспекты могли сливаться в одной синтетической схеме, как, например, это наблюдается в орнаменте трипольских сосудов. Здесь трехъярусность образа мира (земля, небо, «верхнее небо») соединена с центризмом (круговой бег солнца) и симметризмом (образы двух Владычиц Мира)⁵.

Эта энеолитическая космология⁶ в дальнейшем углублялась. В курганах бронзового века закрепилось центрическое представление о Вселенной, а в концепции «мирового дерева» детализировалось трехчленное деление на положительное, отрицательное и разделяющий их «центр», причем трехчленная структура приобрела также и горизонтальную направленность, вылившись в симметричное построение⁷. Как отмечал В. Н. Топоров, «поднятие мирового дерева... обозначает установление всех мыслимых связей между частями мироздания и прекращение состояния хаоса»⁸. На этой основе в конце концов стало возможно античное учение о гармоническом Космосе, причем понятие «космос» распространялось и на человека⁹.

Если теперь учесть, что универсальную функцию мирового дерева очень рано стал выполнять образ женщины (Матери-Прародительницы)¹⁰, то мы поймем, почему кратко обрисованная космологическая система оказалась настолько живучей в мировоззрении и искусстве, что отзвуки ее можно видеть и поныне. Для краткости ограничимся только русским материалом.

Понятие космологизма применяется к средневековому искусству очень часто. Большею частью это касается широты и вселенского характера изобразительных циклов, охватывающих землю и небо, Церковь Земную и Церковь Небесную. Но надо учитывать, что все это происходило уже в «историческую эпоху» и космологизм, следовательно, выступал в качестве пережиточного явления. Характерное для «космологической эпохи» внеисторическое (в лучшем случае — циклическое) понимание времени¹¹ постоянно сталкивалось с тенденцией к «исторированию» (выражение Дионисия Фурнографота). В многосюжетных циклах это привело к паразитическому синтезу повествовательности и вечности, а в отдельных антропоморфных изображениях — к такому же синтезу характерности и общечеловечности. Примером первого может служить скульптурная

система Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234), космологическая система которой (как и Збручского идола) была ярко показана Б. А. Рыбаковым¹². Аспект вечности в образах святых лучше всего выражен в персональном жанре¹³. Элементы космологизма в средневековом искусстве, таким образом, вовсе не являются завоеванием нового вероучения. Под видом «христианизированного Космоса» в этом сохранялся цельный, надындивидуальный взгляд на мир, и, поскольку он был надындивидуальным, мы имеем все основания говорить о его народной основе.

Естественно, что этот надындивидуальный взгляд ярче проявлялся там, где космологизм выступал в бессюжетной или полусюжетной форме. Не будем говорить об архитектуре, ее космологическая структура слишком очевидна. Коснемся декоративно-прикладного искусства, близко стоящего к повседневному быту.

О космологической природе декоративно-прикладного искусства очень интересно высказывался еще Г. Земпер. Он считал, что все украшения могут быть разделены на макрокосмические, микрокосмические и направленные. К первым он относил все симметричные, вертикально свешивающиеся украшения¹⁴. С того времени эта теория не разрабатывалась, поскольку в науке о прикладном искусстве безраздельно господствовал эмпиризм. Последний, впрочем, очень силен и сейчас. Тем интереснее в занимающем нас плане наблюдения Б. А. Рыбакова, вернувшего науке о декоративно-прикладном искусстве необходимую теоретичность. Исследования Б. А. Рыбакова показывают, что те или иные стороны древних космологических представлений о порядке мироздания, о разных его ярусах, о добрых и злых силах, о земном и небесном отразились не только в архитектурных произведениях — иерусалимах, хоросах, напрестольных снях и т. п.¹⁵, но и в структуре серебряных браслетов (обручей), в солярно-лунарных подвесках, височных кольцах, городчатых венцах и т. д. Развивая дальше эти наблюдения, можно сказать, что космологическую систему, причем в традиционном трехъярусном виде, представляют даже такие сакральные вещи, как саккос митрополита Алексея. Нижний ярус его декора составляет кайма из стилизованных деревьев с птицами по сторонам, а верхний ярус — небесный деиус.

Если космологизм пронизывал средневековое искусство, в котором разделение на городское и деревенское было довольно ощутимо, то тем крепче он удерживался в народном творчестве XVIII — начала XX в., т. е. в эпоху, когда народное искусство стало противопоставляться профессиональному. Можно смело сказать, что именно по народному искусству и можно судить о сохранении элементов древней семаптической системы в средневековом искусстве.

Для определения специфики народного искусства применяется много разных категорий, но наиболее адекватно ее выражают родовое начало и космологизм.

Родовое начало надо понимать, конечно, вовсе не в смысле той кровнородовой структуры человеческого коллектива, которая некогда определила мифологию, а в смысле надындивидуальности, коллективности самосознания и мировосприятия, особенно ярко выраженных в фольклоре¹⁶. Художественно-изобразительным эквивалентом родового самосознания было видение «мира в целом»¹⁷, что и можно определить как интуитивный космологизм. Родовое начало и космологизм народного искусства и со-

ставляют суть того, что принято называть традиционностью. Таким образом, традиционность народного искусства — это не что-то консервативное, тормозящее. Традиционность — это сохранение того единства человека с природой и миром вообще, которое родилось в сознании вместе с преодолением Хаоса и которое неотъемлемо от человека, а следовательно, и от его творчества.

Космологический компонент русского народного искусства был выявлен В. А. Городцовым¹⁸ и в разных конкретных проявлениях рассмотрен В. С. Вороповым¹⁹, В. М. Васильенко²⁰, особенно же М. А. Пискаревой²¹. Данная тема была предметом постоянного внимания Б. А. Рыбакова, который в последнее время посвятил ей специальную работу.

Б. А. Рыбаков показал, что, например, народная одежда вместе с головным убором отражает «весь макрокосм»²². Он пишет: «Одетая в свой традиционный праздничный наряд, древнерусская княгиня или крестьянка XIX в. из южновеликорусских земель представляла как бы модель вселенной»²³. Такую же космологическую структуру Б. А. Рыбаков усматривает в росписи гуцульских писанок, в новгородской вышивке²⁴, в резьбе нижегородских паличишников, в девичьих подвенечных уборах, в ритуальных свадебных полотенцах и особенно в росписях прялок²⁵. Последние так и называли — космическими²⁶, а стиль их — возвышенно-космологическим²⁷.

Все сказанное о космологизме народного искусства вовсе не означает, что других тем в нем не было. Они были. Но определяющее значение космологизма в том и состоит, что все темы, все сюжеты, все образы и мотивы народного искусства (за исключением, конечно, заведомо декосмологизированных) выступают преломленными через этот поразительный по поэтической цельности взгляд на Мир, словно человек-творец и Мир — это одно и то же. И поскольку такое мировосприятие было действительно жизнеопределяющим, то народное творчество по праву называется «народной философией»²⁸.

Теперь, думается, должно быть ясным, что народное искусство как носитель сокровеннейших представлений об извечном Порядке, Гармонии, Добре и Свете не может раствориться в деталях житейского быта, в узко понятом реализме, в различных влияниях «ученого» городского искусства. Это был бы конец не только народного искусства, но и народного самосознания. Поэтому высказываемые в этом направлении взгляды надо признать ложными. Народное искусство и так называемое профессиональное искусство в нашей стране сближаются. Но сближение это происходит не за счет поглощения народного искусства профессиональным, а за счет расширения целостного взгляда на мир, на природу, на человека.

¹⁸ *Городов В. И.* О космологических источниках раппейсторических описаний.— В кн.: Труды по знаковым системам, т. 6. Тарту, 1973, с. 111.

¹⁹ *Городов В. И.* О космологических источниках..., с. 115.

²⁰ Подробно см.: *Лосев А. Ф.* Аптичная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, с. 7 и сл.

²¹ *Мелетинский Е. М.* Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа.— Вопросы философии, 1970, № 7, с. 170.

²² Подробно см.: *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев эпохи неолита.— Советская археология, 1965, № 1, 2; *Он же.* Макрокосм в микрокосме народного искусства.— Декоративное искусство СССР, 1975, № 1, с. 32—33.

- ⁶ В данном случае космология включает и космогонию.
- ⁷ *Топоров В. И.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 94—95.
- ⁸ Там же, с. 96.
- ⁹ *Досев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, с. 160—161, 621 и сл.
- ¹⁰ *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, 1926, вып. 1. М., с. 20.
- ¹¹ *Гуревич А. Я.* Категория средневековой культуры. М., 1972, с. 29.
- ¹² *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951, с. 459—462.
- ¹³ *Вагнер Г. К.* Проблема жапров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 110 и сл.
- ¹⁴ *Землер Г.* Практическая эстетика. М., 1970, с. 117 и сл.
- ¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971.
- ¹⁶ *Некрасова М. А.* Традиции и проблема индивидуального в народном искусстве.— Декоративное искусство СССР, 1974, № 5, с. 15—16.
- ¹⁷ *Коган Л. А.* Народное миропонимание и история общественной мысли.— Вопросы философии, 1963, № 2, с. 84.
- ¹⁸ *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы..., с. 20 и сл.
- ¹⁹ *Воронов В. С.* Крестьянское искусство. М., 1924, с. 118 и сл.
- ²⁰ *Василенко В. М.* Крестьянская геометрическая резьба XVIII века.— В кн.: Русское искусство XVIII века. М., 1976, с. 148 и сл.
- ²¹ *Некрасова М. А.* Истоки городецкой росписи и ее стиль.— В кн.: Русское искусство XVIII века. М., 1976, с. 167 и сл.
- ²² *Рыбаков Б. А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства, с. 30.
- ²³ Там же, с. 31.
- ²⁴ Там же, с. 31—32.
- ²⁵ *Рыбаков Б. А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства.— Декоративное искусство СССР, 1975, № 3, с. 40 и сл.
- ²⁶ Там же, с. 42.
- ²⁷ Там же, с. 43.
- ²⁸ *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин об устном народном творчестве.— Советская этнография, 1954, № 4, с. 117—131.

В. М. ВАСИЛЕНКО

ОБРАЗ ДРАКОНА-ЗМИЯ В НОВГОРОДСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ КОВШАХ

При археологических раскопках Великого Новгорода были найдены пролежавшие сотни лет деревянные изделия, произведения, выполненные из кости, берестяные грамоты, а также остатки архитектурных и городских уличных сооружений. Перед глазами ученых возник Новгород с его бытом, декоративно-прикладным искусством. Раньше были известны только памятники большого профессионального искусства, теперь раскрылся целый мир простых бытовых вещей, отмеченных печатью подлинной художественности, являвшихся частью новгородской народной культуры.

Одно из первых мест среди находок занимают деревянные вещи: хозяйственная утварь, предметы домашнего обихода, посуда. Ковши новгородцев часто имеют резные рукоятки в виде голов животных, птиц, иногда они украшены причудливыми орнаментами. Все эти вещи отличаются своеобразием. Мастер-резчик всегда чувствовал материал, старался передать о его природной, естественной красоте. Поэтому и сейчас так впечатляюще прекрасны деревянные повгородские изделия, украшенные резьбой, реже — росписью. Большинство пайденных ковшей и их фрагментов при небольших размерах сохраняют монументальный характер благодаря простоте своих форм.

Деревянные изделия Новгорода до сих пор еще исследованы недостаточно, и можно сказать, что изучение их только начинается. Большая заслуга здесь принадлежит археологу Б. А. Колчину. Его усилия по изучению повгородских деревянных изделий нашли отражение в многочисленных публикациях, завершившихся недавно выходом в свет двух выпусков «Новгородских древностей», где второй выпуск в основном посвящен произведениям прикладного искусства¹. Вполне справедливо автор пишет в заключении работы, что «памятников древнерусского бытового искусства до раскопок в Новгороде мы имели очень мало. Теперь и эта частица древнерусской жизни стала достоянием науки. Дерево из раскопок привнесло нам тысячи рядовых предметов быта и труда новгородцев. Мы увидели, как и что новгородцы украшали в своем обычном повседневном быту. Резьба по дереву являлась наиболее доступным и самым массовым народным искусством»².

В нашей статье мы остановимся на одной интересной теме — образе дракона-змия, который вырезан на рукоятках деревянных ковшей, на деревянных фрагментах, похожих на миниатюрные небольшие дощечки для детских кресел, на костяных изделиях. Касаясь ковшей X—XIII вв., Б. А. Колчин отмечает, что «ручка ковша того времени приобретает форму головы и шеи фантастического дракона. Облик его иногда трактовался с таким количеством реалий и атрибутов, что приобретал некоторую «реалистичность» изображаемого чудовища. Иногда же его облик был лаконичен, стилизованное изображение лишь намекало на дракона»³. Мы сразу же должны отметить верность наблюдения Б. А. Колчина. Головы драконов-змиев в ковшах Новгорода действительно отмечены большой живучестью. Поэтому характеристика «реалистичность» показывает ту особенность, которой поражают и сейчас изображения «драконов». Они выполнены так, что за ними чувствуется виденный, во всяком случае, сильно и ярко воображаемый образ дракона. Мастер-резчик, использовал изгибы дерева для создания гибких, подвижных змеиных шей и голов драконов-змиев (мы думаем, что новгородцы называли их змиями так же, как это звучит и в сохранившихся до нашего времени народных сказках о змеях-Горынычах); двумя-тремя скупыми, но выразительными врезками передавал оскал морды, глаза.

Среди изображений «змиев» выделяются выполненные из едва обработанных кусков дерева, где мастер лишь усилил ножом гладкость, придал более точные очертания голове-морде «змия», наметил одним уверенным врезом углубления пасти, нарисовал глаз кружком с ямкой (зрачком) в центре (см. табл. 23, рис. 4; здесь и дальше мы будем указывать таблицы и отдельные изображения по выпуску Б. А. Колчина «Новгородские древности. Резное дерево»). Иногда мастер изображал морду

Рис. 1. Ручки новгородских деревянных ковшей с изображением драконов

змия, даже не намечая глаз: пусть они угадываются самим зрителем (см. табл. 32, рис. 6). В других случаях голова дракона несколько вытянута, имеет странную бороду. Глубоко врезанный и помещенный почти на лоб глаз заставляет змия-дракона «смотреть» вверх, что придает ему еще некоторую активность (см. табл. 25, рис. 2). Иной характер имеет змий на той же таблице (на рис. 1) — он изображен с опущенной, но свирепо оскаленной мордой. Шея перевита (украшена) тремя кольцами, словно гривнами или браслетами. В трактовке изображенной морды, открытой пасти и зубов — предельная простота, лаконизм, и в то же время здесь, как и во всех других «головах» змиев, мягкость, пластичность. Создавая змиев-драконов, новгородец верил в них,

Так же он верил и в таинственного змия, который живет в водах Волхова. Этого змия, возможно жившего, по его попитиям, и в Ильмень-озере, он изображал на своих ковшах. Но о его более конкретном значении мы скажем несколько позже.

Народный мастер X—XIII вв. был по-своему «реалистичен». Деревянные ручки с головами змиев вырисовываются отчетливыми силуэтами. Изображения проникнуты своеобразной и очень сильной экспрессивностью. Художественный скульптурный язык произведения ясен и понятен каждому. Изобразительные средства приобретают особую активность благодаря сжатости, емкости скульптурного образа. Все мелкие детали отброшены, оставлено лишь наиболее характерное. В головах змиев нет ни преувеличения, ни даже фантастичности. Они такими и должны были быть в мире той особой «действительности», из которой извлекала их творческая фантазия новгородского художника.

Другая группа змиев-драконов отработана более профессионально, мастера придавали головам змиев небольшие нюансы, нередко украшали их. Таков дракончик на табл. 23 (рис. 2). Он плавно и мягко изгибает свою шею, которую мастер украсил порезкой — узорной ленточкой. Более нарядно изображен глаз, тщательно вырезаны зубы, «отглажена» поверхность дерева. Сохранившаяся волнообразная структура древесного слоя, дополняет узорность: кажется, что по скульптуре «бегут» легкие поперечные «волны». Голова змия изображена более активной, даже чуть свирепой. В основном же новгородские драконы скорее добродушны, чем злы. Они не устрашают, а больше впечатляют своей наружностью. Свирепы они реже, и эта их свирепость не похожа, скажем, на свирепость их соседей — скандинавских драконов, которые кусают, терзают друг друга, сплетаются клубками, в которых то возникают, то теряются оскаленные, искривленные судорогами злобы головы змиев-драконов. Новгородские скульптуры тихи, спокойны, порой полны созерцательности. Они всегда сохраняют связь с бытовым предметом. Вероятно, тулово ковшика, его округлая емкая «чаша» воспринимались и как сосуд, и как туловище змия: здесь возникало то, что в искусстве называется метафоричностью, способностью в одном образе видеть множественное, но в то же время органично слитое в единое целое.

Завершает серию змий-дракон на табл. 23 (рис. 1) с тщательно отработанной поверхностью. Его голова вытянута, слегка расходится «трубой», чуть уплощена сверху; сам «змий» очень наряден. Морда украшена шестью полосами, точной линией обрисованы пасть, язык. Глаза — тоже на лбу (между прочим, это — несомненная особенность змеиного племени, т. е., изображая своих змиев, новгородец шел от подлинных змей), каждый глаз окружен двухленточной полосой, ленты идут на лоб и располагаются по верхней части шеи. Орнамент — характерное новгородское плетение.

Иногда головы драконов похожи на головы птиц, может быть уток, что еще больше подчеркивает их связь с водной стихией (табл. 23, рис. 3).

Красиво украшен змий-дракон на табл. 23 (рис. 4) ожерельем из «зубчиков». Голова его удивительно добродушна, он не опасен, даже хочется погладить рукой гладкую округлость рукоятки ковшика. Сам ковш, как и большинство, не дошел до нас, но мы можем представить весь сосуд в целом.

Ковши-черпачки с головками змиев-драконов, украшавшие столы новгородцев, вносили в их быт особую поэтичность. Они как бы олицетворяли народные поверья о силах природы, о ее могучих стихиях: солнце, воде, земле. Мы не знаем точно значения змия-дракона, но можем догадываться о том, что оно было положительным, иначе не стали бы держать его в своем доме новгородцы, не стали бы украшать его изображением предметы своего быта — ковши, сосуды для воды, браги и меда.

Это был образ языческого мира, его корни уходили в недра славянской и дославянской культуры. Образ драконовидного, змеевидного существа вырисовывался еще в бронзовых пальчатых фибулах VI в., а также в фибулах антропоморфно-зооморфного типа VII в. Он стал особенно почитаем у новгородских словен, поселившихся на берегах обширного Ильмень-«моря». Здесь возник миф о богатыре Садко, который играл для водяного царя в его палатах, а танцующий царь, вызывающий бурю, мог обращаться в могущественного, клубящего свои кольца змия-дракона. Эту идею уловил Б. А. Рыбаков. В своем исследовании «Языческое мировоззрение русского средневековья»⁴ он пишет, что «на основании новгородских сказаний, былин и топонимических ориентиров древнейшую языческую жизнь у Ильменя и истоков Волхова можно предположительно представить так: древние обитатели, рыболовы почитали какое-то водное божество в виде ящера-крокодила; местом культа его было урочище Перынь, близ которого вплоть до XX в. проплывавшие мимо бросали монеты в Волхов (с. Волотово и церковь Власия). В опозитивированной форме культ водного божества отразился в былинке о Садко, где «поддонный царь» делает богачом полюбившегося ему новгородского гуслара. Культ ящера-дракона хорошо прослежен на новгородском археологическом материале X—XII вв.: ковшах, украшенных головами драконов, гусях, креслах с драконами, корабельных веслах и концах стропил домов с мордами ящеров. Письменные источники тоже знают культ водяного ящера: «... ов реку богыню нарицаеть и зверь, живущь в ней яко бога нарицая, требу творить». И тут же далее Б. А. Рыбаков добавляет, что позднее Перун-бог громовержец «заменял здесь водное божество озера и реки, как вскоре христианская церковь заменила языческое капище».

Изображения змиев-драконов не сразу ушли из быта новгородцев, где они, конечно, были не только украшением, но и своеобразным оберегом: охраняли от зла, способствовали благополучию. У многих народов, селившихся у больших рек и озер и занятых рыболовством, были часты образы змеевидных или рыбоподобных, нередко с человеческими чертами божеств. Воды считались жилищем могущественного змия, ему поклонялись, приносили жертвы, от него ждали помощи. И когда христианство пришло в Новгород и его земли, оно, естественно, не могло сразу устранить почитание этого могущественного водяного божества. Долго еще продолжало, по-видимому, существовать своеобразное «двоеверие», на которое высшие власти, особенно духовенство, смотрели с недовольством, но не могли сразу его победить.

Постепенно, по мере усиления христианства, образ змия-дракона становится отрицательным. Так появился в иконографии Новгорода образ Святого Георгия на коне, поражающего змия-дракона. Змий-дракон стал все больше олицетворять язычество. Затем он широко утвердился уже

как декоративный образ в заставках рукописей, перекликаясь со средневековой «драконоадой». Ее распространенность по тогдашнему европейскому миру лишь была как бы поддержана в Новгороде его глубоко местными поверьями. Благоделительный, поэтический и добрый змий превратился в змия-Горыныча — в страшное чудовище из далеких земель (нередко — восточных), стал символом насилия и бед. Между прочим, его крылатость отражена не в деревянных вещах, а в резьбе по кости — костяных пакладках-медальонах. И это не случайно. Дракон, как и у многих народов, был не только водным божеством, он был связан и с небесными стихиями, с солнцем. Это был «звериный» стиль, нашедший отражение в массовых изделиях; присоединившийся к нему с конца XII в. мир христианских образов стал постепенно вытеснять мир языческих образов. Отступая из «Города» (так часто новгородцы называли свой великий град), языческие образы еще продолжали жить в искусстве деревни. И там, теряя архаический характер, они приобретали новые черты, но сохраняли свою близость с изображениями зверей и птиц, с геометрическими, наиболее древними орнаментами. Образы змиев-драконов ушли из мира деревни, и их можно было встретить, как уже отмечалось, лишь в былинах и сказках, где с ними ведут борьбу герои.

«Переистолкование» образа змия-дракона из благоделительного существа в опасное, враждебное человеку, привело к тому, что этот образ полностью был изгнан из декоративного народного фольклора — резьбы, росписи, вышивки. И, хотя деревня русского Севера еще стойко хранит многие новгородские традиции, она не удержала в своем изобразительном искусстве мотив змия-дракона. В народном декоративно-прикладном искусстве было место лишь для положительных образов. Может быть, повлияло и то, что образ змия-дракона не был однороден: были змии водные, летающие, и у них, вероятно, имелся и несколько другой облик — они были многоголовыми (тогда как змии-драконы Новгорода всегда одноголовые). Если, скажем, па ковше не очень легко удавалось изобразить многоголовое существо, то на резной, например, костяной пластинке такая возможность всегда имелась, но никогда мастером-резчиком (по крайней мере, в дошедших до нас памятниках) не была использована.

Известный исследователь русской сказки В. Я. Пропп писал, что «Змей — прежде всего и всегда — существо многоголовое... Змей — существо летучее. Он летает по воздуху: «Вдруг видят: в версте от них летит змей»⁵. В новгородской резной кости есть костяная пластинка не очень ясного назначения, на которой изображен именно такой летучий, по и могущий, конечно, плавать дракон с крыльями (потом в иконах Георгий всегда поражает крылатого дракона, но... нападающего на него на земле; иногда по легенде он выходит из моря, из водной стихии, где, по видимому, все же протекает главная часть его жизни). Его образ очень прост — он фольклорен. Он ясен в очертаниях, спокоен, и рядом с ним мастер изобразил круг с семью радиальными линиями и около круга — растения, похожие на византийские крины. Почему же около змия-дракона — круг и растения? Этим он и выражает символические силы природы, охраняемые драконом. Но то, что в нем соединяются силы его «летучести» и силы водные, — несомненно. Иногда, может быть, эти силы были раздельны, и драконы могли быть разными по своим функциям и месту обитания. И, конечно, образ Георгия-Победоносца, поражающего в 331

змие-драконое язычество, какими-то корнями уходил в древние сказания, где были драконы водные и огненные. Но все это предмет большого исследования. Новгородский же дракон имел локальные черты.

¹ Количин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968; *Он же*. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971.

² Количин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево, с. 61.

³ Там же, с. 35.

⁴ Рыбников Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья.— Вопросы истории, 1974, № 1, с. 22.

⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 197.

Н. Н. ВЕЛЕЦКАЯ

НАРОДНАЯ ДРАМА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Народный театр — одно из тех явлений культуры, которые, оформившись на ритуальной почве, выходят из ее рамок, став самостоятельным произведением искусства, хотя и не порывают связей с обрядовой традицией.

История народной драмы как высшей формы народного театра остается одним из основных вопросов изучения его. Структура текстов и принципы сценического воплощения хотя в целом и установлены, генезис народной драмы в сущности неясен. Нуждаются в уточнении время окончательного ее оформления, первоначальный состав текстов и источник их, «Царя Максимилиана» в особенности, критерии установления ранних и поздних текстов, соотношение основы и привнесений в процессе трансформации, явления развития и деградации жанра.

Отдавая должное П. Н. Беркову за систематизацию, за положение о несправомности выведения русского народного театра всецело из искусства скоморохов, трудно полностью принять его положение о том, что «настоящий народный театр возникает тогда, когда он обособляется от обряда»¹.

Народная драма — апогей развития «богомерзких и прочих непристойных игр» — сохраняла и древнее название драматизированных ритуально-игровых действий — игрище², и связанность с обрядовой традицией до деградации жанра.

К XX в. ее разыгрывали лишь в редких местностях, отличавшихся устойчивостью древнего культурного наследия. Исследования о народной драме основывались преимущественно на текстах либо впечатлениях от воспроизведения исполнителем главной роли или от представления, механически перенесенного на самодеятельную сцену, что в корне нарушало принципы ее драматургического построения. Именно этим, а также упущением из поля зрения комплекса традиционных норм представления

драмы объясняется положение о невысоком художественном уровне этого жанра русского народного искусства. В действительности же — это захватывающее, увлекательное зрелище. На зрителя оно производит впечатление яркостью, красочностью, выразительнейшей, темпераментной игрой действующих лиц, сочетанием высокого драматизма с искрящимся остроумием, веселой сатирой, подлинно комедийными трюками, строго выдержанным своеобразием характера условности.

Недостаток сведений о постановочно-исполнительских, художественно-оформительских и ритуальных принципах народной драмы в известной мере восполняется данными о народной драме заволжского старообрядчества, вывлеченными мною в 1959—1965 гг.³ Особый научный интерес народной драмы старообрядческого Заволжья состоит в на редкость длительной, устойчивой и активной традиции; там ее разыгрывали до конца 20-х годов XX в., прослеживается эта традиция на протяжении столетия, корни ее, лежащие гораздо глубже, выяснить уже не удастся. Сохранение в памяти драмы в целостном виде на протяжении всей жизни — с ранней юности до глубокой старости — существенно для изучения вопросов устойчивости фольклорной традиции в целом. Воспроизведение драмы представителями разных поколений сделало возможным наглядное изучение исполнительских приемов и всего комплекса ее сценического воплощения. Сопоставление же исполнительской манеры и общего оформления представления у старшего и последних поколений важно для выяснения вопросов традиции и импровизации, соотношения стиля последнего периода жизни жанра с традиционным, процесса деградации жанра.

Важнейшее значение имеют киносъемка и магнитофонная запись «Царя Максимилиана» в том виде, в каком разыгрывалась эта драма в 20-е годы: это единственное подлинное воспроизведение русской народной драмы⁴ дает целостное представление об исчезнувшем жанре русского народного искусства в той мере, в каком кинокопия и звукозапись могут отразить спектакль. И, наконец, представление драмы на клубной эстраде в деревнях Климово и Темта, инспирированное мною по завершении киносъемки ее с целью изучения реакции современного зрителя разных поколений на традиционное искусство, воспроизводящееся в обстановке, не соответствующей традиционной, позволило выявить нарушения художественной структуры фольклорного произведения при механическом перенесении его на самодеятельную сцену. В результате проведенных изысканий стало возможным исследование драмы как явления народного искусства в органическом комплексе текста, приемов актерской игры и сценического оформления действия, взаимодействия артистов и зрителей, а также ритуальных норм этого жанра и места его в святочной обрядности.

Центром средоточия представлений драмы была округа Урень (Костромской губ.; Уренский р-н Горьковской обл. по совр. адм. делению); эпизодические проявления традиции наблюдались в Тонкинском, Балахнинском и Болдинском р-нах. Тексты драм, восстановленные путем последовательно дополняющих друг друга записей при максимальной фиксации приемов игры, костюмов, реквизита, бутафории, позиции актеров в мизансценах и общем действии, по структуре сюжета разделяются на несколько видов: «Царь Максимилиан» (с. Урень, XIX в.; д. Буренино, Темта и др., XX в.), «Шайка разбойников» (с. Урень, д. Темта, Арья, 333

Свищево и др., XX в.), контаминированные варианты «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников» (д. Климово, XIX—XX вв.; д. Б. Карпово, Тулага, Семеновка и др., XX в.); укороченные варианты «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников», объединенные в одно представление (воспринималось как целостное произведение; д. Рогово, Багрица и др., XX в.). Особенно интересен своей традиционностью «Царь Максимилиан» д. Климово⁵. Несмотря на механистичность контаминаций и усеченность эпизодов («Аника и Смерть», например), в основе сюжета остается «Царь Максимилиан»: конфликт Царя и его сына Адольфа, отказывающегося от вероотступничества, составляет стержень основной части драмы, по-видимому, в связи с созвучием старообрядческому мировоззрению. «Шайка разбойников», войдя в состав пьесы, наложила отпечаток на ее общую окраску, особенно на трактовку центральных образов, которые оказались связанными с разбойничьей средой. Процесс деградации жанра проявляется при сопоставлении текстов, разыгрывавшихся в конце XIX — начале XX в., и более поздних: сочетание традиционного содержания с поздним стилем особенно заметно в пропихивании раешного стиля в героические сцены.

«Шайка атамана Черный Ворон», разыгрывавшаяся до первой империалистической войны в Урене, выделяется полнотой, художественной цельностью, насыщенностью песнями и плясками. Неизгладимое впечатление оставляет образ атамана, созданный М. В. Борисовым, — своеобразного «благородного разбойника», привлекательного внутренней силой и внешней красотой. Благодаря редкостному по яркости и разносторонности артистическому дару актер достигает удивительной выразительности в передаче различных оттенков душевного состояния героя посредством мимики, движений, жестов, манеры декламации и пения, позиций в танце, оставаясь при этом в строгих рамках традиционного характера условности.

Драма «Шайка атамана Разина» (д. Темта) особенно интересна ассоциациями с образом Степана Разина: гипотеза о связях с ним «Шайки разбойников»⁶ требует дополнительного обоснования. Драма же «Царь Максимилиан», разыгрывавшаяся в той же деревне, интересна конкретными проявлениями сочетания устойчивого следования традиции с творческой импровизацией исполнителей, взаимовлияниями разных пьес, совмещением старинной редакции и вкрапленных самого позднего стиля.

Драма, разыгрывавшаяся в Рогове, интересна историей постановки; текст заимствован в д. Багрице, приемы же игры, костюмы, общее оформление полностью переняты из темтовского «Царя Максимилиана» (д. Багрица входила в ареал темтовских разъездов). Состояла она из укороченных редакций «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников», разыгрывавшихся двумя составами артистов одна за другой, без перерыва, и поэтому воспринималась зрителями как целостное произведение.

«Царь Максимилиан» д. Буренно примечателен сказочными персонажами, фигурирующими в качестве богатырей (Еруслан Лазаревич и др.).

Контаминированные варианты «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников» разыгрывались в других деревнях (Тулага, Арья, Шалега, Опушкино, Горево, Семеновка и др.); выделить следует своеобразие одной группы 1920-х годов, состоявшей из парней трех деревень: Багрица, Бобылевка и Красулино — явление, свидетельствующее об ослаблении традиционных канонов.

Дольше всего продержался «Черный Ворон» в с. Свищово — до середины 30-х годов. В Тонкинском р-не драматическая традиция проявляется слабее. Точные данные удалось выяснить лишь о «Шайке разбойников» д. Трошково, разыгрывавшейся до начала 30-х годов.

Анализ текстов и сценического воплощения показывает, что в старообрядческом Заволжье преобладали усложненные контаминированные редакции «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников», в драму же «Царь Максимилиан» вклинились разбойничьи мотивы. В темтовском варианте, с «Шайкой разбойников» не контаминированном, в монологе Царя обнаруживается его прошлое — бытность волжским атаманом. Разбойничьи мотивы вошли и в образ царского сына Адольфа. Явственны они в сцене объяснения его с Царем:

...Да, папаша, одумался,
Да опять в разбойническую шайку сувулся!..

Образы главных действующих лиц переосмыслены трактовкой, противоречащей их первоначальному характеру. Царь Максимилиан воспринимается как атаман, севший на царский престол, что видно из выходного монолога:

...Был я в леса, был и здесь,
Был я там и за горам.
А теперь я очутился сам пре Волге атаман!
Что из этого атаману заслужил царя-повелителя...

Разбойничья окраска образа отчетливо выявляется зрительским восприятием. Один из самых уважаемых старцев д. Климово, знаток старообрядческой литературы, накопивший редкостное ее собрание, Е. Е. Ухабов пояснял: «Царь Максимилиан был разбойник, волжский атаман... Откуда взялся царь, что по Волге ездил в простой лодке?.. Чего он в лесах делал? Разбойничал! Или Чуркин, или Разин — который-нибудь из них». В старейшем по времени записи тексте «Царя Максимилиана»⁷ Адольф предстает почтительным сыном, скромным, но стойким в убеждениях, глубоко переживающим конфликт с царем и тяжело страдающим от необходимости выбора между отцом и верой⁸. Появляется он в сопровождении двух пажей с поднятыми вверх саблями, подходя к трону, опускается на колени и обращается к Царю со смиренной почтительностью. Эта мизансцена (Адольф на коленях перед Царем, сидящим на троне) в диалогах Царя и сына сохранялась на всем протяжении драмы. В кульминационный момент конфликта Адольф держится стойко, но почтительно, с грустью и смирением подчиняясь царской воле. На гневные угрозы Царя перед казнью отвечает в прежнем тоне:

Дражайший государь мой, батюшка,
Я верую все по-старому в господа Иисуса Христа,
Который создал небо и землю
И ваших кумирческих богов.

В заволжских драмах Адольф — сильный, резкий, решительный; изображение его ярким, мужественным, смелым проявляется при сопоставлении текста со сценическим воплощением. Адольф появляется вслед за Царем и встает рядом с тронem. На зов Царя подходит и приветствует

его условным героическим жестом⁹, обращаясь к нему громко, резко, отрывисто. В таком стиле проходят и дальнейшие объяснения с Царем, причем условный шаг героических персонажей и условный героический жест подчеркнуто повторяются в решительные моменты действия. В прощальном монологе темтовской драмы Адольф, встав прямо перед тропом, гневно бросает в лицо Царю:

...Прощай и ты, отец-губитель!
Перед тобой я не корюсь!

Кульминационный момент конфликта — сцена окончательного отказа принять новую веру — в климовской драме достигает предельного напряжения. В уста Адольфа вкладывается одна реплика, но резкость тона и сопровождающих ее жестов и движений (потрясает резко вскинутой вверх шапкой, топая ногой об пол) оставляет впечатление несокрушимости духа и непреоборимой силы.

Пересмысление центральных образов наложило печать и на оформленные костюмов. Царская корона, фигурирующая в большинстве других местностей, в Заволжье, за редким исключением, отсутствует. На голове у Царя и Адольфа — фуражки (или подлинные военные головные уборы), как и у других героических персонажей, у Царя лишь кисть у околышка повыше, побольше перо.

Самым распространенным названием артистов было «есаулы» («осаулы»); обычное выражение «ходили есаулы» означает «разыгрывали драму». Название драмы в повседневной речи почти не употреблялось, знали его лишь участники представлений да особые любители из почтенных, как и в старообрядческой среде не редки. Труппу называли «шайка» независимо от пьесы, даже если разыгрывался неконтаминированный «Царь Максимилиан». Разбойничий характер носят и основные песенные вставки. Из «есаульских песен», завершавших представление, большую часть составляли разбойничьи.

Воспоминания об уренском «Царе Максимилиане» середины XIX в., свидетельствующие о старинной его редакции, о старинной рукописной книге, пьеса из которой лежит в основе темтовского «Царя Максимилиана»; буренинский вариант «Царя Максимилиана» конца XIX — начала XX в. на фоне устойчивой традиционности заволжского народного театра в целом приводят к заключению, что первоначально драма в старинной редакции (приближающейся по тексту к опубликованному Н. Н. Випоградовым) имела в Заволжье большее распространение. Образ царя-вероотступника, беспощадного деспота находил в старообрядческой среде тот же естественный отклик, что и образ царя-разбойника.

Положение о генезисе «Шайки разбойников» как инсценировке песни «Вниз по матушке по Волге»¹⁰ находится в противоречии с драматической традицией старообрядческого Заволжья: там нет ни сценического изображения лодки с гребцами, ни названия драмы «Лодка» или «Шлюпка». Все мизансцены героической части действия «Шайки разбойников» строятся аналогично героическим сценам «Царя Максимилиана» с теми же устойчивыми положениями, движениями и жестами. К тому же песня «Вниз по матушке по Волге» не только не составляла стержня сюжета, но и входила не во все варианты.

Анализ заволжской драматической традиции свидетельствует о правомерности положения о «Царе Максимилиане» как основной пьесе русской народной драматургии и связи генезиса ее со старообрядческой средой¹¹. Нуждается в разработке и убедительном обосновании гипотеза В. В. Калаша о связанности народной драмы «Царь Максимилиан» с житием мученика Никиты, сына гонителя христиан Максимилиана¹². Развитие драматизированных мотивов этого жития в старообрядческой среде, отличающейся широкими знаниями христианской литературы и глубоко укоренившейся рукописной традицией ее, представляется вполне вероятным. Положение подтверждается русскими лубочными картинками, в которых имя Максимилиана фигурирует в качестве символа гонителя старой веры¹³.

Особый интерес придает драме старообрядческого Заволжья обусловленность ее ритуальными нормами. Признавая заслуги В. Ю. Кручинской в изучении народного театра, положение о вторичности святочного приурочения народной драмы приходится объяснить неизученностью ритуальных установлений, с которыми было связано ее представление (утраченных в поздний период жизни жанра или не зафиксированных). Вопрос о месте народной драмы в святочной обрядности, как и о соотношении ритуального и игрового элементов в процессе трансформации жанра, требует специального исследования. В заволжской драматической традиции драма выступает в качестве элемента святочной обрядности. Ее ждали нетерпеливо и напряженно как эпицентр игровых действий. Представления происходили со второго дня рождества до крещения¹⁴.

Строгое предписание существовало относительно состава труппы: состояла она из холостых парней. Драму разыгрывали на посиделках. Лишь в Урене и Климове — своеобразных филиалах знаменитой Нижегородской ярмарки — ее представляли и в домах, где останавливались приезжие купцы (живой интерес и щедрое вознаграждение привлекали¹⁵). На посиделках, кроме девушек, размещавшихся стоя на лавках вдоль стен, изба заполнялась крестьянами всех возрастов, полати же — традиционная привилегия детей — занимались ими задолго до начала.

Первым входил Скороход (или Есаул), устойчивой формулой испрашивая разрешения разыграть драму. Вслед за ним входили все действующие лица с Царем (Атаманом) во главе и становились посреди избы вытянутым незамкнутым кругом, начинавшимся от скамейки, означавшей трон. Действо разыгрывалось в круге; по окончанию роли актеры выходили через пространство против «трона» и становились за кругом (например, «казненный» Адольф, «погребенный» стариком, поднимается и уходит). Специально оформленных сценических площадок, декораций и т. п. не было.

Артистам полагалось вознаграждение — угощение вином и яичницей с мясом. Самый состав его — из элементов, наделенных в обрядовой традиции ритуальными функциями, — говорит о связи с ней. Яичницу готовили девушки, вином же одаривали мужчины. Этот момент также облечен в традиционную форму: по окончании драмы артисты качали мужиков на скамейке, означавшей «трон». Ставили ее на пол под устойчивую формулу «златишь, серебришь или водкой угостишь?!». Встававший с лавки ставил на нее бутылку, а случалось, и четверть. Одаривали и деньгами, однако эта форма для Заволжья не характерна и относится преимущественно к приезжим на ярмарку купцам.

После представления в своей деревне драма разыгрывалась в соседних деревнях. Ареал разъездов также определялся сложившейся традицией.

Взаимосвязи драмы со святочной обрядностью явствуют и из крещенского купанья всей труппой в Иордани. Обычай этот соблюдался неукоснительно до начала XX в., отклонения от него допускались в самый поздний период жизни жанра. Стойкость обычая «очищения» в значительной мере объясняется старообрядческой средой. В XX в. юные артисты исполняли его больше в силу традиции, не вникая в ритуальное назначение: они видели в нем достойное завершение святочных игрищ и воспринимали как высшее проявление удалства, духом которого была проникнута драма.

Такие нормы, как допустимость в труппу лишь холостых парней, строгий отбор по возрастным, внешним и артистическим данным, постоянный состав на все текущие святки, неукоснительное соблюдение обычных установлений в период подготовки, начинавшейся за две недели при ежедневных сборах всей труппой на репетиции, проводившиеся под руководством Царя (Атамана), в приготовлении костюмов и т. п., объезде соседних деревень после представления в своей, причем в пределах традиционного ареала, устойчивая формула обращения к собравшимся за разрешением разыграть представление, действие внутри круга, угощение, определенное традицией, без вариаций (ритуальная еда), определенная форма вознаграждения, главенствующее положение в труппе исполнителя главной роли на протяжении всех святок и подготовительного периода, шашки, деревянные по преимуществу, как обязательная принадлежность героических персонажей, а также аналогии с такими архаическими формами святочного ряжения, как «кулашниками», «покойником», заставляют полагать в ритуальных порках драмы рудименты прошлых мужских объединений. Они характерны для народной традиции украинцев, наиболее же явственные аналогии содержатся в македонских русалиях¹⁶.

«Кулашники» (выявленные мною у заволжского старообрядчества и неизвестные по литературе) представляли собой группы парней со «смертью», облаченной в белое, наподобие савана, с деревянной палкой-«кошой» в руках. Они ходили вечерами по деревне и терроризировали прохожих: сильным ударом мешком с соломой и смерзшимся навозом опрокидывали в сугроб (встреч с ними всячески избегали). Оформление «смерти» в драме аналогично традиционному оформлению ее в ряжении «кулашниками» и «покойником». Представление драмы в соседних деревнях также связано с обрядовой традицией. Аналогичны, например, хождения с ряженными на посиделки в соседние деревни на другой день по возобновлении посиделок на Покров¹⁷.

Из проявлений взаимосвязей народной драмы с обрядовой традицией особенно интересно как для истории народного театра, так и для теоретических изысканий в области исторической типологии народной обрядности, форм деградации ритуалов, перехода к детской игре, представление ее мальчишками-подростками. В послереволюционный период, при ослаблении традиционных канонов, в Темте (а также в Рогове и некоторых других местах) мальчишки, воспринявшие драму, организовали представление ее в «маленьких» (т. е. для девочек) посиделках. Это мальчишечье представление проходило параллельно основному и было его точной ко-

пией, начиная с подготовки. Подростки так же ежедневно в определенное время собирались в течение двух недель для разучивания текста и «выходки» (игры) под руководством исполнителя главной роли. Костюмы украшали им девочки-сверстницы (под руководством матерей). Единственным, что их отличало, это — самодельные клюшки для игры в мяч вместо шашек (кетати, близкие по форме). Точное воспроизведение драмы облегчалось тем, что подростки, как, впрочем, и юные артисты, с малолетства присутствовали на ее представлениях, наиболее же интересующиеся ею мальчишки ухитрялись если не присутствовать на репетициях, то каким-либо образом наблюдать их. Перемещение ритуальных драматизированных действий в детскую среду, превращение их в своеобразные формы детского представления и игры встречаются в разных местностях и у разных народов¹⁸. Особенно сходны по характеру трансформации ритуального явления переходы русалий в мальчишескую среду в Гевгелийском округе Македонии. Заволжская форма перехода народной драмы в детскую среду интересна начальной стадией трансформации действия, входящего в обрядовый комплекс: оно остается точным повторением происходящего одновременно святочного действия.

Итак, народная драма органически связана со святочной обрядностью четкими ритуальными установлениями, стойко удерживающимися на протяжении жизни жанра. Редкие, незначительные в сущности отклонения от них в последний период лишь подтверждают общую устойчивость заволжской драматической традиции. В этом и неясность ее для изучения истории русской народной драмы.

¹ Берков П. Н. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953.

² Ср. летоп. «бесовская игрища», «Игрище идольское» и т. п. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893, с. 1021.

³ Заслуга результативной постановки этнографического изучения старообрядческого Заволжья, пачатого Центральным отрядом Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 г. и продолженного Комплексной экспедицией института этнографии АН СССР и Истории искусства Министерства культуры СССР, а также экспедицией кафедры этнографии МГУ, принадлежит Г. П. Спесареву.

⁴ По окончании монтажа и демонстраций с научными и научно-популярными целями фильм сдан в архив Ин-та этнографии АН СССР.

⁵ Ср.: *Берков П. Н.* Ода из старейших записей «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников». — В кн.: Русский фольклор, т. IV. М.—Л., 1959, с. 333—374.

⁶ *Всеволодский-Герингросс В. Н.* Русская народная драма. М., 1959, с. 46—61.

⁷ ИОРЯС, т. X, кн. 2, с. 301—338.

⁸ Аналогичен образ Адольфа и в другом равном варианте драмы; см.: *Искра*, 1868, № 6.

⁹ *Велецкая Н. И.* Драматургические, постановочно-исполнительские принципы русского народного театра. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 6. М., 1969, с. 128—134.

¹⁰ *Кривяцкая В. Ю.* Народная драма «Лодка». — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 262, и сл.

¹¹ *Чичеров В. И.* Русское народное творчество. М., 1959, с. 410.

¹² *Каллаш В. В.* К истории народного театра. Царь Максимилиан. — В кн.: Этнографическое обозрение, кн. XXXIX. М., 1899.

¹³ *Щеголов И.* Народ и театр. СПб., 1911, с. 88.

¹⁴ Следует иметь в виду, что сведения об отклонении от святочного приурочения драмы в других местностях (представления на масленице у донских казаков, отсутствие строгих календарных рамок в Вичуге, Сибири и др.) относятся к позднему периоду жизни жанра.

¹⁵ Явление, свидетельствующее об ослаблении традиционных законов; сведения о нем касаются конца XIX — начала XX в., т. е. также позднего периода жизни жанра.

- ¹⁶ Велецкая Н. Ш. Аграрно-магическая основа и драматизация в традиционных святочных игрищах Македонии.— В кн.: Рефераты XIII Конгресса фольклориста Югославиие. Скопје, 1968, с. 108—118.
- ¹⁷ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, с. 227—230.
- ¹⁸ Сравнительный анализ аналогий см.: Велецкая Н. Ш. О некоторых формах народного театра.— В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, с. 221—224.

Н. Н. ВОРОНИН

К АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ СТАРОГО СМОЛЕНСКА

Рисунок, о котором пойдет речь, известен давно и неоднократно издавался. Это вид центральной части древнего Смоленска — дегипца, или Соборной горы, со стороны Днепра. Издавший его в 1885 г. А. Г. Брикнер сообщает в подписи, что это «вид Смоленска в конце прошлого века. С гравюры того времени Химмеля»¹. В другом сочинении того же автора имя Химмеля при рисунке не упомянуто². Нет его и в специальных именных словарях-справочниках³. В книге de Baue тот же рисунок производит впечатление не гравюры, а репродукции блокной расплывчатой акварели. Здесь указаны адрес рисунка и его дата: «Vue de Smolensk. D'après une gravure de 1810 (Collection de la princesse Ténicheff)»⁴. В целом существенной разницы все три репродукции не имеют, свидетельствуя о передаче ими одного оригинала.

Автор очень вольно отнесся к «портрету» города, не особенно заботясь о документальной точности изображения и верности масштаба зданий. На переднем плане — Днепр и деревянный мост, еще не завершенная разборкой башня Днепровских ворот, по сторонам которой — стены крепости. За воротами — неправдоподобно большая и странная по композиции Благовещенская церковь, построенная в 1774 г. на месте древнего храма Фрола и Лавра. Далее — склон Соборной горы, изображенный излишне пологим и изрезанным поперечными складками. Выше — здания соборного плато. Справа — крупные жилые корпуса Гостиной палаты и коллй уже после их перестройки архитектором М. П. Слепневым в 1795 г. Это — ранняя дата рисунка. Колокольня 1667 г., уже перестроенная в 1767 г., — непомерно огромна и отставлена далеко от собора, тогда как в действительности она стоит почти рядом с его западным углом. Сам огромный собор (1732—1740) миниатюрен, трехглав, каким он никогда не был.

Эти вольности заставляют отнестись с сомнением к существованию очень высокой «крепостной» стены с прямоугольными зубцами. Она выскитя подобно поленой ширме между колокольней и краем холма, резко выпадая из общего живописного строя пейзажа. Стена не имеет никаких

боевых отверстий, т. е. целиком декоративна. Возникает вопрос, не выдумка ли это рисовальщика.

Однако стена идет параллельно северной стене собора по линии существующей ныне соборной ограды, что едва ли случайно. Первый историк города, составивший свою «Историю г. Смоленска...» к приезду в 1780 г. сюда императрицы Екатерины II, свидетельствует, что «вокруг всего архиерейского дому по верху горы — каменная ограда, а внизу — каменная стена», построенная на пожертвования царицы⁵. В позднейшем справочнике также читаем, что «собор (до 1777 г.) и площадь около него, а равно архиерейские палаты обнесены толстыми каменными стенами»⁶. Весьма возможно, что это позднее грандиозное «декоративно-монументальное» сооружение было не завершено; затея епископии, несомненно, стоила больших денег, а стена не вязалась с ансамблем Соборной горы.

Видимо, реальные остатки этой стены были встречены при разведках в детинце 1966 г. Д. А. Авдусица⁷. Разведочный шурф (8×8 м) в 15 м к северу от северной стены бесстолпной церкви XII в., имевший задачей поиски начального культурного слоя детинца, обнаружил на глубине 1,60 м от дневной поверхности фундамент стены шириной по низу 1,95 м и по верху 1,60 м, идущий с юго-запада на северо-восток. От этого сооружения сохранилась только кладка фундамента, поистине циклопическая: его основание выложено на материке на глубине 3,25 м из ряда огромных (до 1,20 м в поперечнике) валунов, пересыпанных мелким булыжником с землей. Выше уложены (уже на белом известковом растворе) менее крупные булыжники (60—80 см в поперечнике), забитые мелким булыжником и (что особенно важно) обломками большемерного кирпича (6,5—7×13×26 см) и битой плиткой размером (4—4,5×20,5—24), плитка — со следами раствора, т. е. происходящая из каких-то находившихся по соседству руин XII в., скорее всего бесстолпного храма. Большемерный кирпич забутовки по своим размерам датируется широко — XVIII веком: он близок материалу соседних Богоявленского собора (1789) и Консистории (1790) (26,8×13×6,8 см). Видимо, к этому же времени относится и сооружение стены.

Можно предположить, что фундамент был выложен для возведения такой же «толстой» и высокой, как на нашем рисунке, стены, которая, следовательно, должна была опоясывать соборный комплекс и с юго-запада, т. е. образовывать замкнутый «оборонительный» пояс⁸. Стена, как сказано, никакого оборонительного значения не имела и, видимо, ее задачей было создавать внушительное «изображение» могущества смоленской епископии. Возможно, что эта расточительная затея и не была осуществлена до конца.

¹ Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым. — Исторический вестник, 1885, сентябрь, с. 452.

² Брикнер А. Г. История Екатерины II, ч. III. СПб., 1885, с. 409.

³ Сообщение заведующей Отделом эстампов ГПБ О. Б. Враской, оказавшей мне помощь в поисках различных «редакций» рисунка.

⁴ *Vue de Baron. Smolensk. Paris, 1912, p. 108.* Подлинного рисунка мы не обнаружили. По словам de Baye, княгиня Тенишева в 1909 г. передала часть своего собрания в Московский Археологический институт с условием временного хранения в Смоленске. В Смоленском областном краеведческом музее этого рисунка нет. Нет его и в Государственном Русском музее, куда часть собрания Тенишевой

- была передана в 1895 г. при основании музея. Рисунок позднее издавался И. И. Орловским (*Орловский И. И. Смоленская стена 1602—1902. Смоленск, 1903, с. 81*) и В. В. Косточкиным (*Косточкин В. В. Старым Смоленским трактом. М., 1972, с. 127*).
- ⁵ *Шушинский И.* История г. Смоленска...— Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 г. Смоленск, 1897, с. 260.
- ⁶ *Цветков С. Н.* Указатель церковных древностей Смоленска. Смоленск, 1912, с. 100.
- ⁷ *Левусин Д. А.* Отчет о раскопках в Смоленске 1966 г.— МОАИА, разр. I, д. 3355, л. 45—47.
- ⁸ Видимо, часть аналогичного фундамента, выложенного на материке из валунов толщиной до 80 см, без раствора, была обнаружена А. Н. Лявданским в шурфе на музейном дворе, к юго-востоку от раскопа 1966 (*Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— В кн.: Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. III, ч. 3. Смоленск, 1926, с. 208, прим. 1).

В. П. ДАРКЕВИЧ, В. П. ФРОЛОВ

СТАРОРЯЗАНСКИЙ КЛАД 1974 Г.

Старорязанской археологической экспедицией найден новый клад женских украшений из серебра. Теперь по числу кладовых комплексов, зарытых при нашествии татар (9), Рязань занимает третье место после Киева и Кпяжей Горы¹.

В мае 1974 г. старший преподаватель Рязанского пединститута, историк и археолог В. П. Фролов со студентами нашел на пашне в прибрежной части Южного городища (севернее раскопа 13) три лучевых колта и несколько колодочек от цепочек-рясен, на которых носили эти замечательные подвески. Дужка одного из колтов оказалась продетой в кольцо треугольной колодочки с обрывком кожаного ремешка. Это дало возможность реконструировать цепочки вместе с колтами. Клад, зарытый на 20—30 см от поверхности, оказался распаханым по площади 16×12 м (основное скопление вещей: 6×6 м). На месте находки был заложен раскоп 17², и в течение полевых сезонов 1974—1976 гг. в результате прирезок и тщательной расчистки культурного слоя собрано большинство уцелевших украшений. Часть клада погибла, от некоторых предметов найдены фрагменты или мелкие обломки, многие вещи получили механические повреждения: вмятины, трещины — или были разломаны на куски. Реставрация клада осуществлена старшим реставратором ГИМ В. П. Даркевич. Большинство украшений восстановлено полностью, некоторые удалось собрать только частично³.

В состав клада входили 3 пары лучевых (звездчатых) колтов, но первоначально их было больше.

1. Колт шестилучевой. Диаметр (расстояние между концами противоположных лучей) 7 см. Сохранность хорошая. Каркасом украшения служит кольцевидный барабан из серебряной пластинки. Сверху к нему припаяна полая лунница из двух разрезанных пополам полушфер. Шесть лучей скреплены проходящей сквозь них проволокой, туго стянутой внут-

ри лунницы. Швы на месте спайки лучей и лунницы с барабаном прикрыты полусферами с плоскими ободками. Полусферы обрамлены тремя кольцами скани. Конусообразный выступ лицевой стороны украшен литым полушариком в центре, четырьмя шариками по сторонам и ромбами из зерни в четырех сканных овалах. Между овалами помещены зерновые треугольники. Плоский ободок декорирован семью обрамленными зерно полушариками и тремя треугольниками зерни. В центре оборотной стороны выгиснен трехлепестковый цветок — крип с двойными сканными контурами, заполненный мелкими проволочными колечками. На концах грушевидных лучей колта — литые полушарики с тремя меньшими шариками в основании. Зернь, сплошь покрывающая лучи, напаяна на мельчайшие проволочные колечки, аккуратно уложенные рядами. Этот прием создавал тонкую игру светотени, облегчая укладку зерни в готовые гнезда, не дававшие шарикам спаиваться между собой. Грани лунницы выделены гладкой проволокой, с лицевой стороны окаймленной зерно. Впаянная в лунницу дужка с расклепанными кошками с одной стороны согнута в петлю, с другой — имеет отверстие. Швы обмотаны сканью и укреплены опилками серебра на обильном припое. Мелкие шарики зерни и обрезки тонкой проволоки напаяны и между лучами колта для их укрепления и достижения плавного перехода от зерни к гладким краям центральных полусфер.

К колту собрана цепочка из 13 тисненых колодочек. Нижняя треугольная колодочка, полая внутри, спаяна из двух пластинок (со следами древней починки — маленькими серебряными заплатками сбоку). Ее лицевая сторона украшена тиснеными рубчиками, обратная — гладкая. Через напаянную петлю продето колечко, на котором висит колт. Остальные двенадцать колодочек — полуцилиндрической формы, длиной 2,4 см. Они изготовлены одинаково: к плоской пластинке припаяна краями наружная — выпуклая, с поперечными перехватами и схематичными звериными личинами на концах. С обеих сторон полуцилиндрика — по два отверстия для соединительных суровых нитей (в некоторых колодочках сохранились их обрывки).

2. Колт на такой же цепочке, парный предыдущему. Сохранность хорошая. Цепочка состоит из 11 колодочек.

3. Колт шестилучевой. Отличается от предыдущих меньшими размерами (диаметр 6 см). Конец одного луча обломан. Цепочка состоит из 11 колодочек. Колодочки — полуцилиндрики длиной 2,2 см — не имеют зооморфных личин. На верхнюю припаяна петля с продетым кольцом для подвешивания к головному убору. На одну из колодочек (рядом с треугольной) в древности поставлена заплатка.

4. Колт, парный предыдущему. Сохранность: смята лунница и центральные полусферы, два луча приклеены при реставрации.

Цепочка из 12 колодочек аналогична колту 3.

5. Колт шестилучевой. Аналогичен колтам 3 и 4, но несколько меньшего размера (диаметр 5,7). Сохранность: отломаны лунница с дужкой, поврежден один луч, обратная сторона сильно затерта.

6. Колт, парный предыдущему. Сохранность: три луча утрачены, повреждены центральные полусферы.

7. От седьмого колта удалось найти только один луч.

Одна колодочка не входит ни в один из комплектов (длина 2,1 см), так как имеет не два, а три отверстия с каждой стороны.

Рис. 1. Старорязанский клад 1974 г. Лучевой колты на цепочке (1):
1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона

Тождественные во всех деталях колты найдены в старорязанских кладах (1950 и 1970 гг.).

8. 23 трехбусинных височных кольца. Диаметр дужки 3,5—4,5 см, диаметр бусин 1,5 см. Каждая бусина, спаянная из двух полусфер, насажена на проволочную дужку. Один конец кольцевидной дужки заканчивается щитком с отверстием или загнут в петлю, другой свернут трубочкой. У двух экземпляров («аграфов») трубочками завершаются оба

Рис. 2. Старорязанский клад 1974 г. Колл на цепочке (2):

1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона

конца дужки. Для закрепления бусин промежутки между ними обвиты сканью. Каждая бусина разбита на три части двойными сканными кольцами с шариком зерна в центре. В двух треугольниках между кольцами припаяно по три проволочных колечка. Отверстия в некоторых из них предотвращали разрушение бусины разогретым воздухом при наивывании узора.

Орнамент внутри кружков на бусинах — двух вариантов.

Рис. 3. Старорязанский клад 1974 г. Лучевой колт на цепочке (3):
1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона; 3 — володочка от цепочки

На 5 экз. он состоит из четырех зерновых треугольников в крестообразной композиции. Такой узор характерен для рязанских трехбусинных колец (клады 1887, 1950 и 1970 гг.)⁴. У 11 экз. от шарика зерни в центре каждого кружка отходят шесть «лучей» из двойной сканной проволоки. Височные кольца с тремя аналогичными бусами встречены в кла-

Рис. 4. Старорязанский клад 1974 г. Лучевой колт на цепочке (4):
1 — лицевая сторона; 2 — луч от колта (№ 7); 3 — оборотная сторона

дах Киева, Киевского, Переяславльского и Черниговского княжеств⁹. В Старой Рязани они известны покладам 1887 и 1967 гг.

От остальных семи колец уцелели только дужки, причем некоторые сломаны. В петле одной из дужек — коррозированная железная застежка.

9. Три крупных биконических бусины. Длина 2,8 см, диаметр 1,8 см. 347

Место спайки двух чеканных гладких полусфер прикрыто валиком из выпуклой полоски серебра. Концы бусины обвиты сканью, вокруг отверстий для нити — проволочные колечки. Средняя часть украшена зерновыми треугольничками (по десять с каждой стороны). Все бусины слегка помяты. Аналогичные бусы найдены в кладях: Владимир, 1837; д. Исады под Суздалем, 1851 г.; с. Кресты б. Тульской губ., 1876 г. Они особенно типичны для Старой Рязани (клады 1868, 1887, 1950 и 1970 гг.)⁶.

10. Десять крупных полых шариков от обниси круглого колта. Каждый шарик, спаянный из двух половинок, имеет по два стверстия для проволоки, на которую был насажен. Других обломков колта обнаружить не удалось.

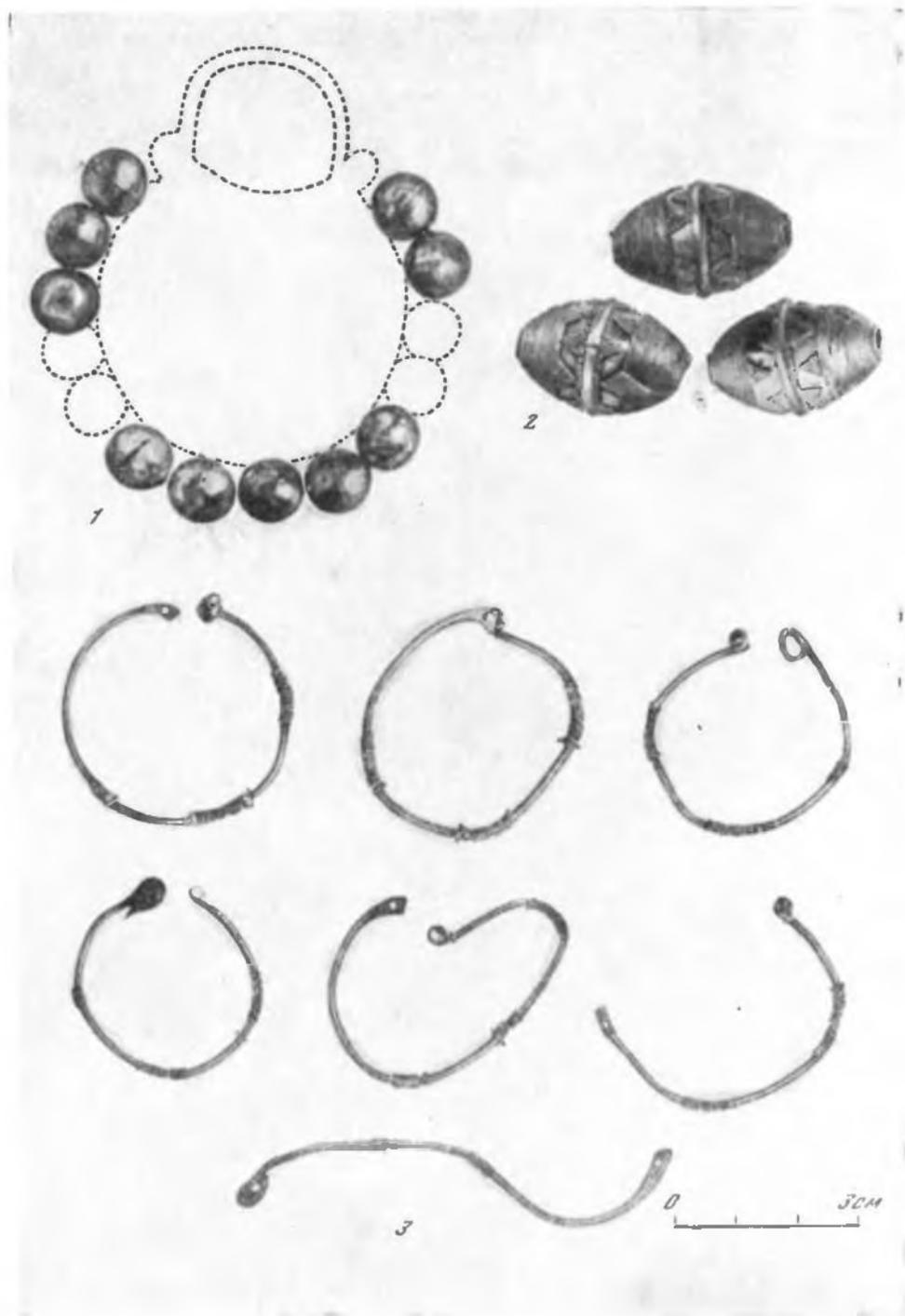
Типы украшений характерны для всех южнорусских княжеств. Особенно часто их встречают в кладах Поросья, Киева, Чернигова, верхней Оки. Однако некоторые специфические детали орнамента украшений находят ближайшие аналогии именно в кладах Старой Рязани, что говорит о местном происхождении вещей. На Старорязанском городище обнаружены матрицы для тиснения колодочек для цепочек⁷, матрица в виде лунницы для изготовления деталей лучевых колтов (?). Усвоив киевскую и черниговскую традиции, мастера Рязани вносили свой вклад в развитие русского ювелирного дела, обогащая орнамент новыми элементами или по-своему комбинируя традиционные мотивы.

Судя по числу колтов и височных колец в клад входило не менее трех комплектов украшений. О количестве вещей, которые надевались одновременно, дает некоторое представление погребение в Чернигове, раскопанное в 1883 г. у алтаря Борисоглебской церкви. Убор похороненной

Рис. 6. Старорязанский клад 1974 г. Трехбусинные височные кольца (1—16)

350 Рис. 7. Старорязанский клад 1974 г. Детали круглого колта (1); детали височных трехбусинных колец (3) и серебряные бусины (2)

Рис. 8. Головной убор. Реконструкция В. П. Фролова

женщины включал два золотых колта, 11 золотых трехбусинных серег и две серебряные цепи с наконечниками в виде звериных голов⁸. Попытку реконструкции праздничного металлического убора женщины княжеско-боярского круга см. на рис. 8. Еще раз документально подтверждено, что колты носили на цепочках из колодочек — рясах. Количество звеньев в каждой цепочке (вместе с треугольной) — 10–12. Возможно, для прочности она прикреплялась к кожаному ремешку. Трехбусинные кольца довольно условно размещены под налобным венчиком-очельем по три у каждого виска. Об их прикреплении к головному убору косвенно свидетельствуют очелья из «аграфов», найденные в ряде кладов⁹. При отсутствии колтов трехбусинные подвески могли располагаться и вертикально — на лентах или кожаных ремешках, обрамлявших лицо.

На предлагаемом рисунке представлена «рогатая кичка» с золототканым очельем — восходящий к глубокой древности парадный головной убор замужних женщин. Его ареал — бассейн среднего и верхнего течения Оки: Мещера, Рязанская, Тульская, Тамбовская, Калужская и Орловская обл., некоторые районы Московской обл.¹⁰ В XII–XIII вв. эти территории входили в состав Рязанского и Черниговского княжеств. Рогатую кичку с «сорокой» до сих пор одевают на свадьбы в деревнях

Михайловского, Захаровского, Скопинского и других районов Рязанской обл. Кичка шилась из крашеной льняной, шерстяной, а иногда и импортной шелковой ткани. Этот архаический узор обычно украшен очельем, вышитым золотными или серебряными нитями. Передко очелье декорировали бусами и бисером.

- ¹ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49, с. 140—153; *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанский клад 1966 г.— СА, 1967, № 2; *Монгайт А. Л.* Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967; *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанские клады 1967 г.— СА, 1972, № 2; *Археология Рязанской земли.* М., 1974, с. 11—12, 28—35; *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из Старой Рязани. М., 1978.
- ² В работе принимали участие студенты исторического факультета Рязанского педагогического института.
- ³ Деформированные серебряные предметы были обожжены пальной лампой, форма их по возможности выправлена. Отсутствующие фрагменты восстанавливались из пластмассы (карбoplastа) с пигментом (алюминиевым порошком) путем заливки жидкого раствора пластмассы внутрь предмета и последующей механической обработкой для придания деталям соответствующей формы. Поскольку металл предметов очень хрупок, то залитая внутрь пластмасса значительно укрепляла предмет. После такой реставрации серебро можно было полировать, что было сделано пастой «MeFix».
- ⁴ Клад хранится в Рязанском областном краеведческом музее.
- ⁵ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, рис. 117, 188; *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из Старой Рязани, табл. X.
- ⁶ *Кондаков Н. П.* Русские кладки. СПб., 1896, табл. IV, 14; XII, 7; *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, табл. XXVIII, 14, 15; *Корзухина Г. Ф.* Русские кладки IX—XIII вв. М.—Л., 1954, табл. XLVIII, 30; I.
- ⁷ *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из Старой Рязани, табл. XV.
- ⁸ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, рис. 103.
- ⁹ *Корзухина Г. Ф.* Русские кладки IX—XIII вв., с. 52.
- ¹⁰ Там же, с. 62.
- ¹¹ *Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в.— В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 229—230.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

БАШНЯ ПОСАДНИКА ЯКОВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕЛЕ

В 1364 г. «в Корельском городке посадник (повгородский.— А. К.) Яков постави костер камеп»¹. Речь идет об укреплении самого северо-западного города Руси, основанного около 1300 г. новгородцами на острове на р. Вуоксе (в средневековье — Узерве) для противодействия ширящейся шведской агрессии в Корельскую землю. Дальнейшие военные столкновения развертывались прямо у стен нового форпоста² и показали, насколько своевременным было укрепление русско-карельского рубежа. В 1360 г. Корелу постиг такой пожар, что

«городчане только душами осташатся»³. В огне погибли деревянные стены, возведённые в 1310 г. При восстановлении островных укреплений в их состав включили и каменную башню. Так Корела украсилась первым каменным сооружением.

Строительство каменного костра в составе периметральных деревоземляных укреплений наследовало западиорусскую фортификационную традицию второй половины XIII в.⁴ Русские одиобашенные крепости являлись ответвлением средневропейской военной фортификации, они стали сооружаться в период выдвижения камнеметов, и особенно арбалетов, как эффективных средств контрштурмующей дальнобойной борьбы. Центральным оборонительным узлом таких укреплений являлись многоярусные боевые башни, которые отличались, во-первых, «высотностью» своего положения (достигали 20—30 м), что позволяло стрельбой оставливать нападающих на дальних подступах к городу или замку, во-вторых, — «верностью» кругового огня, обеспечивавшего поражение противника, даже если он прорвался на территорию крепости. На севере Руси военно-оборонительные сооружения с одной каменной башней в XIV в., кроме Корелы, были построены в Орешке, Острове, возможно, Изборске и знаменовали предстоящий вскоре переход к многобашенным каменным укреплениям. Насколько можно установить, северорусские башни прилегал: к окружающим стенам, располагались поближе к воротам или месту ожидаемого штурма и несли боевую функцию, т. е. не были донжонами средне- и северовропейского образца, представлявшими укрепленное жилище феодала. Впрочем, рассматриваемые сооружения известны настолько плохо, что каждый новооткрытый образец является археологической неожиданностью. Подтвердила это и находка, явившаяся археологической неожиданностью раскопок, проведенных в 1972—1973 гг. в древней Кореле — нынешнем г. Приозерске Ленинградской обл.⁵

Упомянутые раскопки охватили место первоначального городского поселения на острове площадью 80×80 м, ныне вследствие понижения р. Вуоксы обмелевшего и частично слившегося с суши. В конце XV в. этот остров становится детищем города, так как в этот период его дополнили посады, раскинувшиеся на соседнем Спасском острове и прилегающих берегах р. Вуоксы. Ныне место детища занято преимущественно военно-инженерными постройками времен шведской оккупации города в 1580—1597 и 1611—1710 гг. Превратности многовековой истории Корелы — Кексгольма — Кяксалми — Приозерска не могли заслонить его древнерусской основы, представленной, в частности, насыщенным находками культурным слоем XIV в. (достигающим толщины 0,5—1,8 м). Среди обнаруженных раскопками предметов оказались и карельские⁶, позволившие заключить, что в городе в первый век его основания существовали карельская и русская общины. Это подтверждается и летописными известиями. Организация же самого города, строительство укреплений, оборона были обязаны новгородской инициативе. Печать новгородского государства лежит и на эпизоде 1364 г. Само строительство нового костра в Кореле посадником Яковом, во-первых, указывает адрес артели каменщиков, во-вторых, свидетельствует о стремлении градодельцев укрепить наиболее опасную, ближе всего лежащую к «подходу» сторону своего островного пригорода. Именно в этой западной части острова во все времена его средневековой истории находился единственный мост, перекинутый на соседний Спасский остров. В этом же месте и были

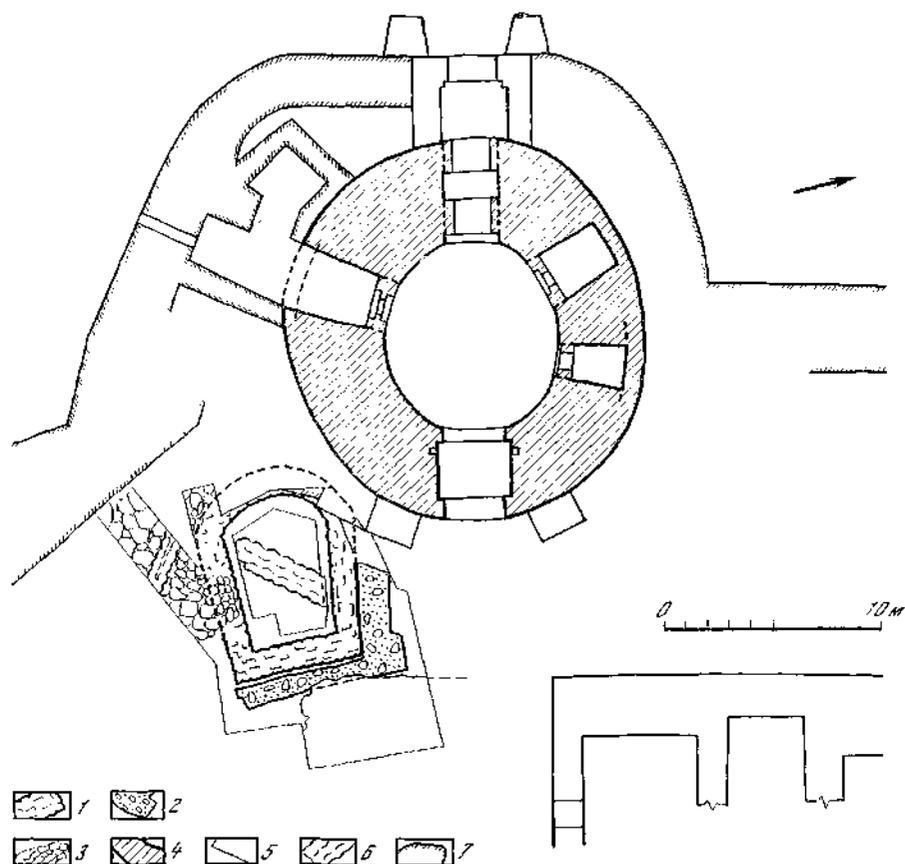

Рис. 1. План башен Корелы-Кексгольма, построенных в 1364 г. и 1582—1585 гг.

1 — кладка 1364 г.;	4 — кладка 1580 г.;	7 — кладка XVII в. с по-
2 — прикладка XV в.;	5 — бетон, 1908 г.;	новлениями XIX—
3 — кладка последней чет-	6 — сухая кладка XVIII —	XX вв.
верти XVI—XVII вв.;	XIX вв.;	

обнаружены остатки башни, некогда занимавшей юго-западный угол крепости.

Нижние части упомянутой башни встречены на глубине 0,5—2,9 м, под насыпью куртины XVII—XVIII вв. и были окружены разного рода наслоениями, которые небесполезно перечислить (рис. 1). К южной стене костра примыкала и частично его перекрывала булыжная кладка, по-видимому, конца XVI—XVII в., часть северной стены перекрывал бетонный фундамент 1908 г. Западная стена здания залегает под упомянутой куртиной XVII—XVIII вв. Подпорная стенка этой же куртины пересекает внутреннее пространство башни. С восточной стороны к основанию костра вплотную подступал фундамент здания шведского арсенала 80-х годов XVI в. Наконец, с восточной и северной сторон башня подверглась утолщению метровыми по толщине прикладками из булыжных

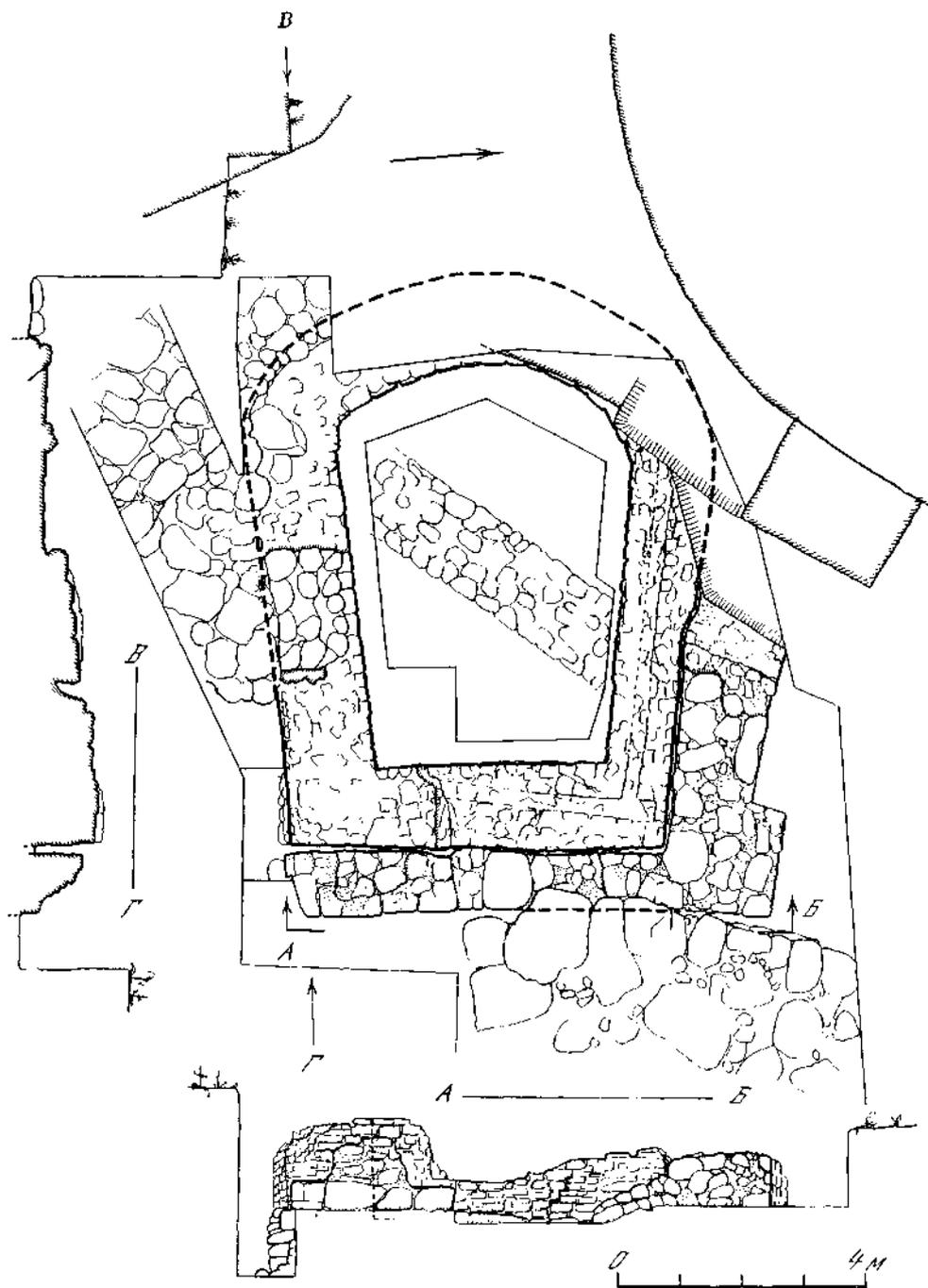

Рис. 2. План нижних частей башни 1364 г. (с окружающими кладками XV и последующих веков)

камней на известковом растворе (их сохранившаяся высота 1,1 м). Наиболее вероятное время прикладки — XV в.

Несмотря на многочисленные перекопы, строительные и ремонтные сооружения, основание обнаруженной постройки полностью уцелело. В плане башня представляет трапецию со скругленной наружной стороной. Размеры сооружения по осям 7,2×9,5 м, внутренняя площадь нижнего яруса 28 м. Стены сложены из подгесанного гранитного камня на известковом растворе с валунной забутовкой; их ширина 1,45 м, наибольшая сохранившаяся высота 1,6 м, наименьшая — 0,8 м. Размеры облицовочных камней не унифицируются — их толщина в среднем 12—20 см, ширина колеблется от 19 до 67 см. Ширина швов 2 см. Следов обмазки или штукатурки не замечено. Стены покоятся на 1,5-метровом по высоте, валунном (поперечник валунов 20—40 см) фундаменте, сложенном насухо. В толще кладки восточной и северной стен башни сохранился долевого канал от деревянной связи толщиной 30 см. Пол башни был земляным, так как никаких вымосток не обнаружено.

В древности башня входила в кольцо деревянных укреплений детинца, очевидно, примыкавших к ней с северной и южной сторон. У южной стевы, на уровне обреза (выступающего на 20 см от плоскости стены) фундамента обнаружены части горелого дерева — возможно, след примыкавших с юга деревянных стен. Судя по планировке, башня не была воротной. Вход в нее не сохранился, но вел, по-видимому, с востока.

Несомненно, что первоначально рассматриваемая постройка имела не менее трех-четырёх ярусов, а ее скругленная наружная сторона была фронтальной. Датировка башни основана на том, что ее фундаменты заложены в культурном слое с находками первой половины XIV в., и на малой толщине ее стен, характерной только для оборонительных преград доогнестрельной поры⁷. Судя по наименованию сооружения костром, что в Новгородской и Псковской землях прилагалось к боевым «столпам»⁸⁻⁹, включенности постройки в линию круговых стен, ее развороту в сторону ближайшего (в ту пору неукрепленного) Спасского острова, обнаруженная башня была боевой.

Трапецевидный план костра для известных русских каменных одиночных квадратных или круглых башен необычен, но соответствует далеким, также доогнестрельным грузинским аналогиям — так называемым «столпам» «с круглой спиной»¹⁰.

Прямоугольные в плане башни XIV—XV вв. со скругленной наружной стороной можно отыскать и среди русских сооружений (например, Воротная — в детинце Ямгорода, Никольская — в Порхове), но они входили в кольцо прилегающих каменных сооружений. Корельский образец, следовательно, уточняет появление русских башен, отличающихся определенной фронтальной направленностью (эта эволюция приведет к полукруглым башням).

Стены башни посадника Якова спустя примерно столетие после ее постройки были утолщены, а в дальнейшем при одной из перестроек городских укреплений (очевидно в XVI в.) были сломаны как мало приспособленные для пушечной обороны. Источники обошли этот факт молчанием, что породило недоразумения. Один из лучших знатоков наследника Корелы — шведского Кексгольма — финский археолог Т. Швидт удивлялся, что после захвата города шведами в 1580 г. они в своих письмах и расходных перечнях не упоминали ни о какой русской баш-

не¹¹. Названный исследователь опубликовал еще до конца не истолкованные архивные сведения о строительстве шведами в дестинце захваченной новгородско-московской Корелы в 1582—1590 гг. одной башни и двух ронделей.

Обычно все эти сооружения рассматривали как башни. Между тем, только слово *topp* означало башню, рондели (*rundell*) же представляли полукруглые, открытые сверху выступы стен, функционально соединенные с прилегающими пряслами. Что касается названной башни, то такая сохранилась к северо-западу от раскопанной нами новгородской постройки 1364 г. Ее фундамент был заложен в 1582 г., а на 1585 г. в шведских строительных росписях было обещано ее окончание¹². Позже этого времени о башне не упоминается, т. е. она действительно была закончена. Строителем башни, скорее всего, был мастер Яков ван Степдел. В 1581—1584 гг. он осуществлял на острове все военно-инженерные работы.

Единственная существующая на территории дестинца круглая (диаметром 16—18 м) двухъярусная башня снабжена огнестрельными печурами (позже перестроенными в глухие камеры¹³) и воротами (возможно, также не первоначальными). Низкая высота башни (8 м), толщина ее стен, равная в 1-м ярусе 4 м, оборудование пушечными и стрелковыми бойницами — это все не оставляет сомнений в принадлежности башни к нерусским военным сооружениям эпохи развитой огнестрельной фортификации. Действительно, именно такие низкие круглые сооружения, расположенные между каменно-земляными куртинами и достигавшие в диаметре 20 м (при толщине стен до 5 м), были типичны для шведских крепостей, строившихся в 1540—1560 гг. Подобные укрепления связывают с саксонскими прототипами и приводят имена их строителей — приезжих немецких «валмейстеров»¹⁴. Судя по упомянутому выше имени кексгольмского фортификатора, он также был иностранцем, укреплявшим в 1570—1580 гг. в принятой в шведском королевстве манере пограничные и захваченные города¹⁵.

В отечественной литературе описанная шведская башня без учета опубликованных Т. Швиндом еще в 1898 г. документов и без сколько-нибудь убедительных доказательств считается постройкой посадника Якова¹⁶. Исследователей подкупал сам вид одлобашенной крепости, изображенной на многочисленных планах XVII—XVIII вв.¹⁷ Раскопки кладут конец этому заблуждению. Настала пора преодолеть укоренившуюся ошибку и вернуть истории русского зодчества подлинное и редкое архитектурное произведение¹⁸.

¹ Летопись Авраамки. ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, с. 90.

² Отмечены в 1322, 1337 и 1348 гг. (Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.—Л., 1950, с. 96 и сл.)

³ НПЛ, с. 22—23 и 367.

⁴ *Раппопорт П. А.* Волыньские башни.— МИА, 1952, № 31, с. 202 и сл.

⁵ Раскопки произведены Приозерским отрядом Ленинградской археологической экспедиции, организованной ЛОИА АН СССР при участии областного отделения Всероссийского общества охраны памятников, Управления культуры Леноблсполкома и исторического факультета Ленингр. гос. ун-та.

⁶ *Кирличников А. Н.* Исследования древней Корелы и Ладужской крепости.— АО, 1973, с. 17—18; *Он же.* Раскопки в Ладужской крепости и в г. Приозерске.— АО, 1974, с. 12—13.

- ⁷ Сходную толщину стен 1,3—1,4 м имели, например, башни XIII в. в Берестье и Столпые (*Гжачев М. А. Военное зодчество Белоруссии XIII—XIV вв. Минск, 1972, с. 10*).
- ⁸⁻⁹ *Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X—XV вв.— МИА, 1964, № 105, с. 145.*
- ¹⁰ *Закарая П. П. Крепостные сооружения Картии. Тбилиси, 1968, с. 52—53, рис. 16.*
- ¹¹ *Schvindt Th. Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun kaupungin rakennus historian aineksia.— Analecta archaeologica Fennica II, 2. Helsingissä, 1898, p. 34.*
- ¹² В росписях работ эта башня именуется круглой, соорудившейся под наблюдением военного распорядителя работ Ларса Торстенсона (*Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 8 i n.*).
- ¹³ Речь идет о бойницах 1-го яруса, бойницы 2-го яруса не сохранились.
- ¹⁴ *Unnerbäck E. Vadstena slott 1545—1554. Stockholm, 1966, p. 179 i n., t. 6; 8, b; 9.*
- ¹⁵ В одном из векселей Яков ван Стендел называет себя мастером Выборга, Нейшлота и Кексгольма (*Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 29—30*). Участвовал он и в строительстве нового замка в Стокгольме (*Silverstolpe C. Historisk Bibliotek, t. 2. Stockholm, 1876, p. 182 i n.*).
- ¹⁶ *Косточкин В. В., Драги А. А. Костер посадника Якова в Кореле.— В кн.: Памятники культуры, вып. 4, М.—Л., 1963, с. 17—18* (шведскую постройку авторы характеризуют как древнерусскую на основании строительного материала ее стен, техники кладки, а также расположения башни в общей системе укреплений детинца Корелы. Все эти признаки носят настолько суммарный характер, что не требуют детального обсуждения).
- ¹⁷ Благодаря администрации Королевского военного архива в Стокгольме за присылку 23 планов Кексгольма 1637—1702 гг. Признателен также финскому историку Эрки Кууйо за присылку литературы и консультации по истории древней Корелы.
- ¹⁸ В качестве единственного достоверного древнерусского здания средневековой Корелы и ее первого каменного сооружения обнаруженное основание башни 1364 г. целесообразно законсервировать в музейных целях.

Б. А. КОЛЧИН

ГУСЛИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

В светской музыке Древней Руси одним из ведущих и наиболее популярных музыкальных инструментов были гусли, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. На гусли играли и любители народной музыки, и музыканты-профессионалы: певцы-рапсоды и скоморохи. Инструментальная музыка и прежде всего «гуслиное художество» сопутствовали многим сторонам жизни русских людей. Гусли звучали на боярских пирах и крестьянских братчинах, в повседневном быту и на торжественных церемониях, на языческих игрищах и скоморошних потехах, на свадьбах и тризнах.

Поэты, прославлявшие подвиги героев и богатырей, исполняя свои произведения, играли на гусли. Поэтический образ такого певца рисует автор «Слова о полку Игореве»: «Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяще пѣснь творити... своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху» (Боян же вещей, если хотел кому

песнь воспеть... свои вещи персты на живые струпы воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали).

Таким же оборотом пользуется автор «Слова Даниила Заточника», начиная свое повествование: «Въструбимъ, яко во златокованные трубы, в разумъ ума свосего... Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслехъ».

Особенно красочно игру на гуслиях рисуют былины. На гуслиях и гудках играют богатыри Добрыня Никитич и Соловей Будимирович, боирин Ставр Годинонович и новгородский гость Садко. Повествуи о виртуозном мастерстве гуслияра Садко, былины рисуют образ древнего музыкапта-чародея, завораживающего игрой стихию и духов, даже царь морской веселится под игру гуслияра.

Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты;
 Поиграй же мне в гуселки яровчаты.
 Как начал играть Садке в гуселки яровчаты,
 Как начал плясать царь морской во синем море.

Светскую музыкальную жизнь Древней Руси показывает и церковная литература. Вплоть до XVII в. русские церковники вели жестокую борьбу с инструментальной музыкой и музыкантами, с их «бесовскими гудебными сосудами». Преследовались не только исполнители, но и те, кто слушает «сатанинские песни».

В «Житии Феодосия» описан случай посещения игуменом Киево-Печерского монастыря князя Святослава Ярославича: «... и се видѣхъ многы играюща прѣд нимъ: овы гуслиныя гласы испущающемъ, другыя же оръганныя гласы поющемъ, и инѣм замарныя псыкы гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемъся, яко же обычаи есть прѣд князьмъ» (Увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни брэнчали на гуслиях, другие гремели в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей).

Автор «Повести временных лет», рассказав о поражении русских войск в войне с половцами в 1068 г., ищет этому многие причины и затем пишет: «Но сими дьяволъ летити и другими правы, всячьскими лестви превабля ны от бога, трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людий много множество на них, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять...» (Но этими и иными способами вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Видим ведь игрища утоптаные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга, являя зрелище бесом задуманного действия, — а церкви стоят пусты...).

Представление об облике древнерусских музыкальных инструментов, и в частности гуслей — многострунного щипкового инструмента, — мы до сих пор имели на основании древнерусских иконографических источников и поздних этнографических материалов. Для XI—XV вв. можно говорить о двух видах гуслей — крыловидных (гуслей звончатых) и шлемовидных (псалтыревидных)¹. В письменных источниках оба вида, как правило, обозначаются одинаково общим словом «гусли». Только один раз в «Слове Даниила Заточника» псалтырь («псалтериум») упоминается вместе со словом «гусли».

Рис. 1. Изображение гуслияра на старорязанском браслете

Довольно часто гуслияры вместе с гуслиями изображались в миниатюрах, иконах и книжной графике, но, к сожалению, инструменты показывались схематично. Весьма красочно они изображены лишь в композициях узорных заглавных букв новгородских и псковских книг XIII—XIV вв.² Во всех этих случаях художники, выполняя заказы церковников, рисовали более «богоугодные» инструменты — многострунные щелевидные гусли. Здесь они подражали канонизированным сюжетам, изображавшим царя Давида, поющего псалмы в сопровождении псалтыриума.

Более правдиво изображали гуслияров и гусли светские художники — ювелиры, украшая, например, двусторчатые пластинчатые браслеты сюжетами русальных празднеств. Музыканты с крыловидными гуслиями реалистично изображены на двух серебряных пластинчатых браслетах конца XII — начала XIII в. из киевского клада 1903 г., найденного в Михайловском монастыре, и из Старорязанского клада 1966 г.³

На браслете из Старорязанского клада техникой тонкой гравировки изображен сидящий гуслияр в шапке с опушкой и в вышитой подпоясанной рубахе, на коленях у него лежат большие пятиструнные крыловидные гусли длиной около 80 см, на которых он играет правой рукой.

По изображению гусяра на этом браслете можно судить и о способе игры на крыловидных гусях в те времена. Гусяр держал инструмент обычно на коленях, окрылком-головкой влево, немного в наклонном положении головкой вверх. Пальцами правой руки около струнодержателя он бряцал одновременно по всем струнам. В это же время пальцами левой руки музыкант, исполняя мелодию, глушил звучание ненужных ему струн.

Впервые увидеть древнерусские гусли мы смогли лишь в последние годы в результате полевых открытий Новгородской археологической экспедиции. На Неревском и других раскопах Новгорода среди многих тысяч древних бытовых предметов были найдены целые гусли и их детали. Всего собрано 11 находок — пять находок представляли собой деревянные корпуса инструментов разной степени сохранности и шесть находок были отдельными деталями гуслей. Все они найдены в слоях XI—XIV вв. В слоях XI в. найден один инструмент, XII в. — один инструмент, XIII в. — один инструмент и в слоях XIV в. найдено целых два инструмента и шесть деталей. Все инструменты или их детали найдены в жилых комплексах⁴.

У шести находок полностью сохранились окрылки — полочки, где располагались колки, поэтому мы можем говорить о количестве струн у этих инструментов. Трое крыловидных гуслей были 4-струнные, один — 5-струнный, еще экземпляр был 6-струнный, и один гусли были 9-струнные. К сожалению, ни разу вместе с гусями не были найдены струны. Струны на гусях могли быть металлические и жильные.

Гусли различались не только количеством струн, но и размерами. Самые большие гусли имели длину 85 см, самые маленькие — 35,5 см. Устройство гуслей видно на рисунках и фото.

Самые древние пятиструнные гусли найдены на Троицком II раскопе в 1975 г. Они найдены во дворе жилой усадьбы, принадлежавшей в XI в. богатому новгородцу. Здесь же, во дворе этого дома, найдена берестяная грамота № 526, перечисляющая должников на довольно крупную сумму: 16 гривен без 4 куп. Среди множества бытовых предметов (стальные кресала, янтарные перстни, бронзовые булавки, столовая посуда и т. п.) найдено ожерелье из амethystовых граненых бус, бусы стеклянные золоченые бочонковидные, бусы стеклянные битрапециодные серебряные и т. п.

Культурный слой, в котором найдены гусли, образовался в 70—80-е годы XI в. Следует заметить, что, говоря здесь и далее о хронологии, мы определяем время, когда данный предмет (в нашем случае — гусли), попал в землю — культурный слой. Следовательно, сами гусли бытовали и были в употреблении в предшествующие годы. Время наших гуслей мы определяем серединой XI в.

Гусли найдены в слое 17-го пласта, на квадратах 98 и 108. В свое время они были сломаны и тремя частями брошены во дворе. Сохранились в довольно хорошем состоянии полностью дека, окрылок с небольшой частью корытца и обломок нижней части корытца гуслей. Все фрагменты гуслей очень хорошо соединяются друг с другом. Гусли восстанавливаются полностью, не хватает лишь средней части корытца. Общая длина инструмента 83 см. Наиболее широкая часть гуслей — окрылок, его ширина 13 см. В верхней фигурной части окрылка имеются пять круглых отверстий для колков диаметром 0,8 см. Расстояния между отверстиями по линии натяжения струн 2,5 см, 2,2 см, 1,7 см и 1,7 см.

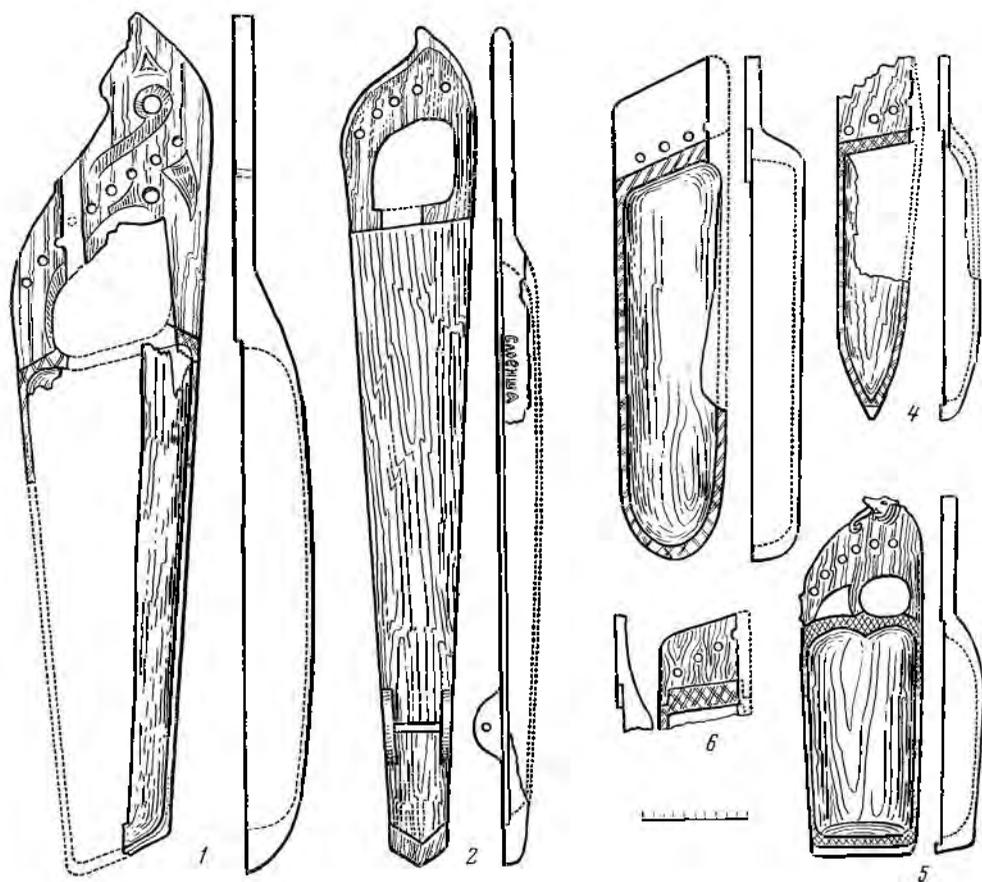

Рис. 2. Типы новгородских гусель (схема) (1—6)

1 — Неревский пл. 21, кв. 1346; 2 — Троицкий II пл. 17, кв. 98; 3 — Неревский пл. 11, кв. 1262;
4 — Неревский пл. 8, кв. 1264; 5 — Тихвинский пл. 21, кв. 23; 6 — Неревский пл. 12, кв. 218.

Рис. 3. Надпись на гуслях из Новгорода

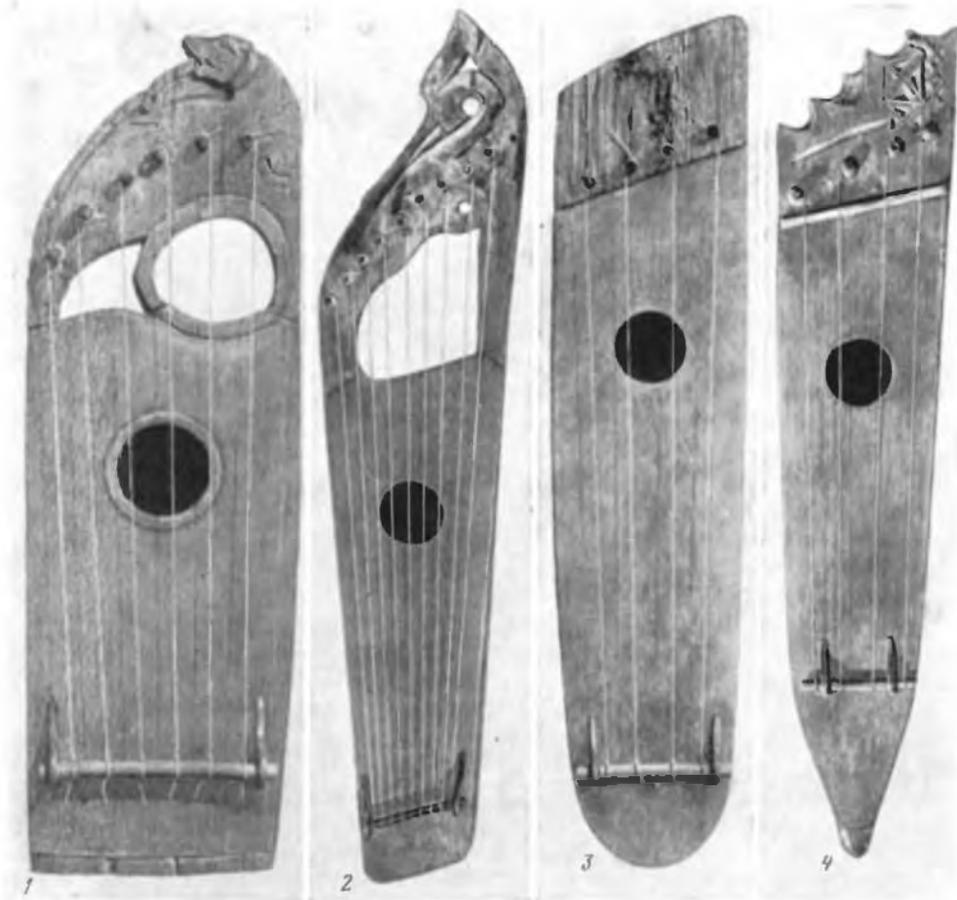

Рис. 4. Новгородские гусли

1 — гусли XII в.; 2 — гусли XIII в.; 3—4 — гусли XIV в.

Длина окрылка до деки 20 см. Ширина резонаторного корытца у нижнего конца гуслей 5,5 см. В средней части гуслей ширина корытца 10 см, глубина 3,8 см, толщина стенок корытца 0,6 см. Окрылок и корытце гуслей сделаны из одного бруска сосны. Дека — без резонаторного отверстия, из тонкой дубовой доски толщиной 0,3 см. Струнодержатель, представляющий две щечки, в которые вставлен валик, сделан из куска дерева вместе с самой декой. Толщина щечек по 1 см, диаметр валика 0,7 см. Длина валика между щечками, где крепились струны, 4,6 см.

На корпусе гуслей имелась надпись. На боку корытца, около окрылка, контурной линией аккуратно вырезано слово «СЛОВИЩА». Это слово является именем собственным в именительном падеже в уменьшительной форме. Никаких признаков других грамматических форм, и в частности отглагольной формы, у этого слова нет. В словарях Н. М. Тупикова⁵ и А. М. Селищева⁶ этого имени нет.

Можно думать, что это имя происходит от слова «славии», что значит соловей⁷. В «Слове о полку Игореве» мы читаем: «Заря свѣтъ запада, мѣгла поля покрыла, щекотъ славии успе» (заря свет загла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих). Здесь следует добавить, что соловей по-польски — *słowik*, по-чешски — *slawik*, по-болгарски — *славей*, на сербско-хорватском языке — *славуј*.

Значение суффикса «ша» применительно к русским именам как уменьшительное хорошо известно. А. М. Селищев приводит как пример данного значения имена Новиша, Мотиша, Радиша, Ступиша и т. д.

Вырезанное на корытце инструмента слово «словина» значит соловушка, что вполне уместно и логично как имя-прозвище музыканта гусляра.

Итак, можно считать, что нам теперь стало известно имя наиболее древнего новгородского музыканта гусляра, звали его Словина — Соловушка. Уместно напомнить, что былинного героя, славного богатыря и виртуоза гусляра тоже звали Соловей — Соловей Будимирович.

Второй экземпляр гуслей — шестиструнных — найден на Тихвинском раскопе в 1969 г. во дворе усадьбы, около жилого дома. Постройки усадьбы, на которой стоял дом, сгорели в 1177 г. Судя по стратиграфии слоя, гусли в землю попали на 20—30 лет раньше пожара. Время их бытования относится к первой трети XII в.

Гусли найдены в 21-м пласте, на квадрате 23. Сохранился почти целиком корпус гуслей — корытце с окрылком. Дека не сохранилась. Гусли сделаны из одного куска ели. Длина инструмента 35,3 см, ширина окрылка, который является самой широкой частью, 11,5 см, глубина корытца 3,7 см. Ширина нижней части корытца 10 см. Плоский окрылок имеет длину 12 см. На нем расположено шесть отверстий для колоков. Расстояние между струнами на окрылке равнялось 1,5—1,7 см. Верхняя, конечная часть окрылка украшена резьбой. Вырезана морда животного, иконографически похожая на морду дракона. Морда вырезана в объеме, т. е. глаза, пасть и уши изображены на лицевой и обратной сторонах окрылка. На короткой шее животного вырезаны ошейник и часть гривы. На наружной части дна корытца гуслей, вероятно, уже позже кто-то неглубоким контуром вырезал две фигуры животных, льва и птицу.

Девятиструнные гусли XIII в. найдены на Неревском раскопе в 1967 г. Они найдены на территории большой усадьбы, стоявшей у перекрестка Великой и Козьмодемьянской улиц. Вся усадьба принадлежала богатой боярской семье, глава которой — знаменитый новгородец Миша — был героем Невской битвы 1240 г. Гусли найдены в западной части усадьбы, на ремесленном дворе, недалеко от Великой улицы.

Инструмент обнаружен в напластованиях 14-го яруса, слой которого складывался в 40—60-е годы XIII в. Следовательно, время бытования гуслей — первая половина XII в. Гусли найдены в 21-м пласте, в квадратах 1346 и 1352. От гуслей сохранились три больших фрагмента, которые очень хорошо подошли один к другому и в собранном виде составили целый инструмент. Дека инструмента не сохранилась. Длина гуслей 85 см. Наиболее широкой частью является окрылок, его ширина равнялась 19 см. Ширина резонаторного корытца у конца, в наиболее узкой части, достигала 11 см, глубина корытца 7 см. Длина окрылка 32 см. Толщина стенок корытца колебалась от 0,6 до 0,7 см. На двух разломанных частях окрыл-

ка было восемь отверстий для колков. Маленькая средняя часть окрылка была потеряна. На ней имелось еще одно отверстие, т. е. гусли были девятиструнными. Диаметр отверстий равнялся 0,8 см. Расстояние между струнами было 1,7—1,8 см.

Еще два почти целых инструмента найдены в слоях второй половины XIV в. Оба экземпляра являются четырехструнными гуслиями. Они найдены на одной и той же усадьбе, почти рядом, но только попали в землю в разное время, один — в период 8-го яруса, другой — в период 6-го яруса. Усадьба расположена на углу перекрестка Великой и Козьмодемьянской улиц, напротив усадьбы Мишиничей. Западная часть этой усадьбы была застроена небольшими зданиями жилого и производственного назначения. Здесь жили ремесленники и рыботорговцы (возможно, рыболовы). Об этом говорит найденная недалеко от гуслей 8-го яруса берестяная грамота № 186.

Гусли 8-го яруса найдены в 11-м пласте, в квадрате 1262 и попали в культурный слой в 70-е годы XIV в. Сохранились все части гуслей, т. е. окрылок и корытце. Общая длина гуслей 47 см. Окрылок сохранился в ширину только на три отверстия. Исходя из формы окрылка и ширины корытца, можно точно определить ширину окрылка — около 11 см. При такой ширине могло быть только четыре отверстия для колков. Глубина резонаторного корытца 4,5 см. Расстояние между струнами 2,2 см.

Гусли 6-го яруса найдены в 8-м пласте, в квадрате 1264 и попали в землю на рубеже XIV—XV вв. Бытовали они в конце XIV в. Сделаны гусли из одного бруска ели. Длина гуслей 35,5 см, ширина окрылка, который был самой широкой частью гуслей, 8 см, глубина корытца 3,5 см. На окрылке по прямой линии в равном ритме расположены четыре отверстия для колков. Расстояние между струнами 2 см. Дека инструмента не сохранилась. Боковые стенки корытца украшены геометрической резьбой.

Изучая устройство и конструкцию гуслей, найденных в Новгороде, мы можем отметить, что уже в XI в. гусли имели все конструктивные и технические элементы инструмента этого вида и без каких-либо существенных изменений дожили до XIX в. Развитие инструмента шло по линии поиска и улучшения музыкального ряда в вариациях количества и длины струн на одной и той же основе деревянного инструмента. Например, стоит обратить внимание на то, что девятиструнные гусли первой половины XIII в. идентичны известным нам гуслиям XIX в. из северо-восточных районов Новгородчины, Псковщины, Карелии и других районов русского Севера.

Тип русских крыловидных гуслей сложился, естественно, ранее XI в., где-то в конце I-го тысячелетия н. э., когда складывались материальный строй русского народного быта и художественная культура Руси.

В русской инструментоведческой литературе имеется мнение, что древнейшие русские гусли могли быть пятиструнными, так как количество струн должно было отвечать в первую очередь пятитоновому ладу русской народной песни⁸. Возможно, это так. Именно большие пятиструнные гусли были найдены в слоях середины XI в.

- ¹ *Фаминцын А. С.* Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890; *Вертков К. А.* Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975.
- ² *Арциховский А. В.* Прикладное искусство Новгорода.— В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954.
- ³ *Гуцин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936; *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанский клад 1966 года.— СА, 1967, № 2.
- ⁴ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, 1968, № 00.
- ⁵ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- ⁶ *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— Уч. зап. МГУ, вып. 128. М., 1948.
- ⁷ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 406.
- ⁸ *Финдейзен Н.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в., т. 1, 2. М.— Л., 1928.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«ЗАДОНЩИНА» И «ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

В литературе о «Задонщине» было высказано предположение, что в этом произведении отсутствуют книжные влияния и что оно целиком обязано своим происхождением фольклору. Эта точка зрения наиболее подробно обоснована А. И. Никифоровым в докторской диссертации «Слово о полку Игореве — былина XII века»¹ и поддержана С. Н. Азбелевым, повторившим многие из материалов, приведенных А. И. Никифоровым. Однако, если А. И. Никифоров не отрицал влияния на «Задонщину» «Слова о полку Игореве», которое он признавал также фольклорным произведением, то Азбелев замалчивает влияние «Слова» на «Задонщину», примыкая в этом отношении к точке зрения скептиков на взаимоотношение обоих произведений². Между тем «Задонщина» явно испытала на себе влияние письменных памятников. Во-первых, — влияние деловых документов, которое чувствуется во всех списках³, а во-вторых, — влияние «Слова о погибели Русской земли» (что уже отмечалось для списка К-Б в литературе) и «Повести о разорении Рязани Батыем», которое до сих пор исследователями отмечено не было.

Влияние «Повести о разорении Рязани Батыем» на «Задонщину» оправдывается в ней словами крымских фрягов, которые говорят в списке И-1 бегущему к ним Мамаю: «а не быти тебѣ в Батыя ц[а]ря». События Рязанского разорения противостоят событиям «Задонщины» и в известной мере аналогично и параллельно основному противопоставлению: «Слово о полку Игореве» — «Задонщина». Однако в литературном отношении «Слово о полку Игореве» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» влияют на «Задонщину» различно. «Задонщина» заимствует из «Слова» образы и формулы: всю, так сказать, словесную орнаментику. Из «По-

вести о разорении Рязани Батыем» «Задонщина» берет главным образом этикетную последовательность повествования и в гораздо меньшей мере следует ее лексике и образам.

В тех списках «Повести», которые были известны автору «Задонщины», ей предшествовало, по-видимому, «Похвала роду рязанских князей»⁴, элементы которой отразились в начальной части «Задонщины» — в похвале великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу.

Обратимся к рассмотрению конкретных примеров влияния «Повести о разорении Рязани Батыем» на «Задонщину»⁵.

В начале «Задонщины» видим отдаленно сходные мотивы с «Похвалой роду рязанских князей».

В «Похвале»: «Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского» (с. 300). В «Задонщине» этому соответствует: «а внуки с[вя]таго великаго кн[я]зя Владимира Киевскаго» (У); «правнука с[вя]т[о]го великог[о] кн[я]зя Владимира Киевскаго» (И-1).

Фразеология «Похвалы роду рязанских князей» звучит в «Задонщине» и несколько ниже — там, где Андрей Брянский обращается к Дмитрию Волынскому: «... сами есмо себе два браты, с[ы]нов есмо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы» (Син.); и там, где Дмитрий Иванович обращается к Владимиру Андреевичу: «... сами есми, а внуки великаго кн[я]зя Владимира Киевскаго» (У).

Первый эпизод «Повести о разорении Рязани Батыем» (с него и начинается ряд событий, которому она посвящена) — это приход Батые на р. Воронеж: «прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вой татарскими, и ста на реце на Воронеже близ Рязанския земли» (с. 287).

В «Задонщине» этому эпизоду соответствует приход Мамай «на реку на Мечу». В списке У этот эпизод отражен в словах русских князей, съехавшихся «к славному граду Москвѣ: «У Дуная стоят татаровя поганые, и Момай ц[а]рь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свои нашей славѣ» (У). Ср. в списке И-1: «У Дону стоят татарове поганьи Мамаи на рѣчки на Мечи, хотят брести и живот свои предати нашей славѣ» (И-1). В списке К-Б эти слова сокращены: «...уже погании татарове... стоять межю Дономъ и Днѣпромъ, на рицѣ на Чечѣ». В списке С слова эти переданы полнее: «У Дону великого стоят татарове поганьи цар[ь] Мамои на реце Мечне, межю Чудовым и Михайловым, хотят брести к нам и предати живот свои на смерть нашей славе» (С). Затем список повторяется уже в авторском повествовании: «И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю» (У). Ср. в списке И-1: «И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставъши воюют на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю». Ср. в списке С: «Притекоша ярия волцы по вусту Дона и Непра, ставши выют по реце по Мечи, хотят поити на Рускую землю».

Победная часть Куликовской битвы содержит в «Задонщине» реминисценции из рассказа «Повести о разорении Рязани Батыем» о Евпатии Коловрате. Это первое в русской литературе отражение рассказа.

Как в свое время было мною установлено, «Повесть о разорении Рязани Батыем» отразилась в ряде произведений русской литературы 367

конца XIV—XV в. — в летописном рассказе о нашествии хана Тохтамыша на Москву в 1382 г., в «Слове о царе русском Дмитрии Ивановиче» и др. Но во всех этих произведениях конца XIV — начала XV в. отражалась «Повесть» без рассказа о Евпатии Коловрате, что, возможно, свидетельствовало о его более поздней вставке в «Повесть»⁶. Однако в «Задонщине» в повествовании о победе русских имеются реминисценции как раз из рассказа о Евпатии, и это, по-видимому, наиболее раннее свидетельство о наличии этого рассказа в «Повести».

В «Повести о разорении Рязани Батыем» неоднократно говорится об общей смертной чаше, которую призывают друг друга испить русские князья: «Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную за святых божия церкви, и за веру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича» (с. 290); «О братие моя милая! князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» (с. 290); «Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша» (с. 291); Олег Ингорович «испи чашу смертную своею братею ровно» (с. 291); «Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша» (с. 292) и др. Ср. в «Задонщине» в списке У в словах Дмитрия Ивановича, обращенных к Владимиру Андреевичу: «Брате князь [ь] Владимир Андреевичь, тут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татарь поганых».

Далее, в «Повести о разорении Рязани Батыем» говорится о Евпатии: «и собра мало дружины... и погнаша во след безбожного царя... и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша сечи без милости, и сметоша яко все [смятопаса] полкы татарския» (с. 293). В «Задонщине» этому соответствует: «Тогда кн[я]зь великий Дмитрии Ивановичь и брат его кн[я]зь Владимирь Андреевичь полки поганых вспятъ поворотили и нача ихъ, бусорманов, бити и сечи горазно без милости» (У).

В списке И-1: «Тогда кн[я]зь великий поганых назадъ победилъ и поворотил гораздо на нихъ и бьетъ горко, тоску имъ подаваше». В списке И-2: «Тогда кн[я]зь вел[и]кий Дмитрии Иванович и брат ег[о] Володимеру Андреевич полки поганых въспят[ь] побѣдих и гораздо на них поворотилъ и нач[а] их бити гораздо, тоску им подаваше».

В списке С имеется и другие реминисценции из рассказа об Евпатии Коловрате: «И погнаше руския с[ы]нове вослед поганых татар, и победивше много множества поганых татар...» Из той же «Повести» идет, по-видимому, только в этом списке встречающееся слово «удальцы»: «Иныя многия русия вдаль[ь]ци, князи, и бояре, и боярския детп...» Ср. в «Повести»: «И многие князи месныа, и бояре, воеводи, и все воинство, и удалци и резвцы, узорочие резанское» (с. 297).

В том же рассказе о Евпатии Коловрате имеется следующая фраза: «Еупатии сильныа полкы татарския проеждя» (с. 293). Этой фразе в «Задонщине» соответствует: «И рече: «Брате князь [ь] Владимир Андреевичь тут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татарь поганых» (У).

В рассказе о Евпатии говорится далее: «И начала сечи без милости» (с. 293). Ср. в «Задонщине»: «И нача ихъ бусорманов, бити и сечи горазно без милости» (У).

368 Имеет «Задонщина» соответствия и плачу Ингваря Ингоровича в «Повести о разорении Рязани Батыем». В «Повести»: «Великий князь Ингварь Ингорович возде руце на небо со слезами воззва...» (с. 299).

Золотые и серебряные вещи из тайника Любечского замка. XIII в.

Любеч. Реконструкция замка Владимира Мономаха. XI в.
(по данным раскопок Б. А. Рыбакова)

Ср. в «Задонщине»: «И помолися б[о]гу и преч[и]стои его м[а]тери п[о] всем с[вя]тым его и прослезися горко и утер слезы» (У). Имеются соответствия между окончаниями обоих произведений. В «Повести о разорении Рязани»: «Ингварь Ингоревич возде руже на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя... (с. 299). Ср. в «Задонщине»: «Рече княз[ь] великий: «Г[оспод]и б[ож]е мой, на тя уповах, да на постыжус[я] в векъ, на посм[ь]ютъ ми ся врази мои мнѣ». И помоляс[я] б[о]гу и с[вя]т[и]и б[огороди]ци и всемъ с[вя]тымъ, и прослезися горко и утер слезы» (И-1).

«Реч[е] кн[я]зь великий Дмитрѣи Иванович: «Г[оспод]и б[ож]е мой, на тя уповах, да не постыжус[я] в вѣки, ни да посм[ь]ютъ ми с[я] врази твои мнѣ». И помоляс[я] б[о]гу и пр[е]ч[и]стои его м[а]т[е]ри б[ож]и и всемъ с[вя]т[ы]мъ» [И-2]. Далее, в «Повести о разорении Рязани» читается: «И похранише князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Цровску» (с. 299); «Благоверный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великого князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утеша, и люди собра» (с. 301).

В «Задонщине» в окончании списка У Дмитрий Иванович говорит: «И поидем, брате, кн[я]зь Владимир Андрѣевич во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем кн[я]женне, а ч[е]сти еси, брате, добыли и славног[о] имени. Б[о]гу нашему слава» (У). Как бы ни был пичтожен сам по себе каждый из приводимых нами примеров влияния «Повести о разорении Рязани Батыем» на «Задонщину», в своей совокупности они бесспорно свидетельствуют о том, что автор «Задонщины» знал «Повесть». Характерно при этом, что влияние «Повести» сказывается во всех списках «Задонщины», иными словами — оно присутствовало уже в архетипе «Задонщины».

Важно также отметить, что ни один случай этого влияния не имеет каких-либо соответствий в «Слове о полку Игореве». Это с несомненностью доказывает, что «Слово о полку Игореве» предшествовало «Задонщине», а не «Задонщина» — «Слову», ибо невозможно себе представить, чтобы «Слово» в последнем случае могло с такой последовательностью освободиться от всех элементов «Повести о разорении Рязани Батыем». Если же «Задонщина» следовала за «Словом», то одновременно она могла испытать влияние и «Повести о разорении Рязани Батыем», и делопроизводственного языка, а один из ее списков (К-Б) — также и «Слова о погибели Русской земли».

Следы знакомства автора «Задонщины» с «Повестью о разорении Рязани Батыем» еще раз доказывают необратимость влияния «Слова о полку Игореве» на «Задонщину».

¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, р. V, колл. 120, п. 4.

² См.: *Азбелов С. Н.* Куликовская битва в славянском фольклоре. — В кн.: *Русский фольклор*, т. XI. М.—Л., 1968, с. 78 и сл. Ср. также: *Азбелов С. Н.* Устные героические сказания о Куликовской битве. — В кн.: *Современные проблемы фольклора*. Вологда, 1971, с. 35—48. С. Н. Азбелов неправомерно отождествляет тех исследователей, которые считали «Задонщину» фольклорным произведением, и тех, кто говорил о влиянии фольклора на «Задонщину», а также фольклорность «Задонщины» с устным происхождением ее списков (в частности, В. Ф. Ржиги и В. П. Адрианопа-Черетца объясняли неустойчивость текста «Задонщины» в отдельных ее списках тем, что писцы их писали текст по памяти).

- ³ См. об этом: *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины». — Русская литература, 1964, № 3, с. 87—95.
- ⁴ В списках «Повести о разорении Рязани Батыем» «Похвала роду рязанских князей» располагается различно — либо в начале ее, либо в конце (см. текст: *Лихачев Д. С.* Повести о Николае Заразском. — ТОДРЛ, т. VII, с. 257—406).
- ⁵ Тексты «Задонщины» приводятся по изданию их в сб.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 535—556 (указывается только шифр списка). Тексты «Повести о разорении Рязани Батыем» приводятся по изданию: *Лихачев Д. С.* Повесть о Николае Заразском... (в скобках указываются страницы по этому изданию).
- ⁶ См. об этом в статье: *Лихачев Д. С.* Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—22.

Т. И. МАКАРОВА

СИММЕТРИЯ В РАСТИТЕЛЬНОМ ОРНАМЕНТЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Орнамент в произведениях древнерусского искусства редко являлся предметом специального исследования. Между тем наблюдение над его развитием позволяет установить определенные закономерности, облегчающие его осмысление. Цель настоящей статьи — проследить формальные закономерности построения орнамента в памятниках искусства XI—XIII вв. и определить причины их стилистической общности. Больше всего этот вопрос был разработан на памятниках письменности.

Палеографом В. Н. Щепкиным были выработаны методологические основы изучения древнерусского орнамента. В. Н. Щепкин заложил основы генетического анализа орнамента, выявляя его исходный элемент (мотив) и характер его изменений (удвоением, делением и т. д.). Далее, он сформулировал механизм создания композиций из отдельных элементов: «комбинация мотивов в орнаменте происходит... на основании инстинктов симметрии и ритма»¹.

Наконец, он дал характеристику орнамента в целом, определив, что орнаменты различаются между собой «1) по содержанию своих мотивов, 2) по способу их сочетания, 3) по характеру своей рамы»².

Однако в литературе чаще вспоминают другой аспект работы В. Н. Щепкина — ту классификацию русского книжного орнамента с XI в. до нового времени, которая в основных чертах остается в силе и поныне³. Нам представляется, что предложенная В. Н. Щепкиным методика изучения книжного орнамента заслуживает внимания для исследования орнамента в разных областях древнерусского искусства.

Попробуем показать это на примере анализа растительного орнамента Древней Руси.

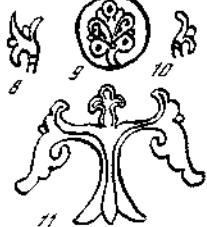
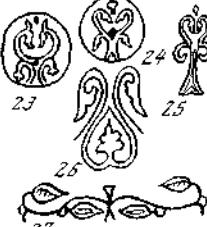
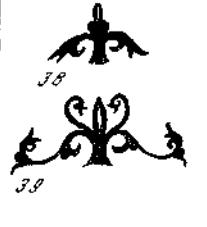
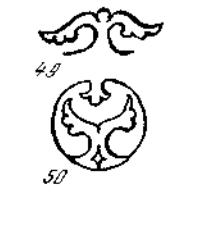
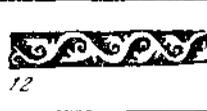
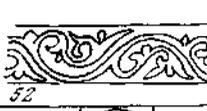
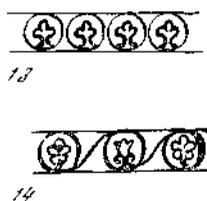
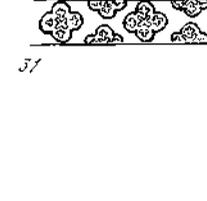
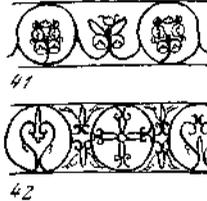
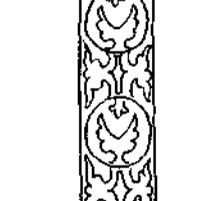
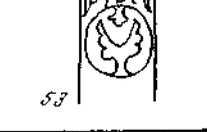
В. Н. Щепкин, исходя из перечисленных выше принципов, пришел к выводу, что орнаментация древнейших русских рукописных книг представляет собой известное стилистическое единство. Мысль эта была и в его время уже не новой, но именно В. Н. Щепкину принадлежит попытка вскрыть суть этого единства. Оно, по его мнению, обусловлено тем, что в основе растительного орнамента лежит один и тот же мотив — ветка. В тексте В. Н. Щепкина ничего не говорится о происхождении этого мотива, однако на таблице графически показывает, что он образован делением трехлепесткового ростка, который правильнее всего назвать крином⁴ (рис. 1, 1, 2). Именно этот элемент лежит в основе растительной орнаментации старейших русских книг: Оstromирова Евангелия (1056 г.), Изборника Святослава (1073 г.), Мстислава Евангелия (до 1117 г.), Служебника Варлаама Хутынского (XII в.), Юрьевского Евангелия (1119—1128 гг.⁵).

Еще в начале нашего века Н. П. Кондаков отмечал сходство орнаментации древнейших русских миниатюр с перегородчатой эмалью⁶. Это же обстоятельство побудило Б. А. Рыбакова назвать рукописи с орнаментом, близким перегородчатым эмалям, финифтяными⁷. Исследование орнаментации изделий с перегородчатыми эмальями показало, что эта близость включает в себе нечто большее, чем простое подражание. В основе растительного орнамента и в данном случае оказался тот же элемент — крил⁸ (рис. 1, 15, 16). Иногда он идентичен крину рукописей, иногда — не вполне, но общая схема их рисунка одна: в простейшем варианте — это трехлепестковый цветок.

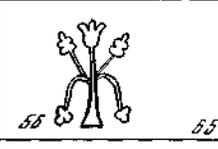
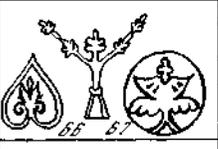
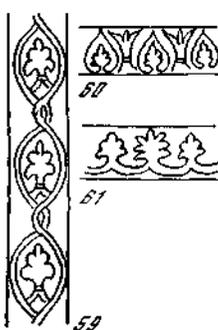
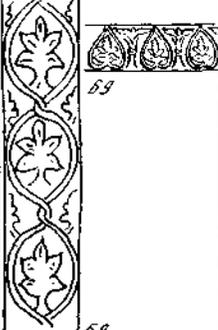
В настоящее время ближневосточное происхождение ростка-крина признается всеми исследователями. Возникновение этого символа в искусстве древнейшего очага земледелия вполне логично, как логично его возрождение в земледельческих культурах Европы и Византии. Символика самого образа не исключала попыток (может быть, интуитивных) запечатлеть в нем черты окружающей природы. Но содержание его образа, как символа вечно возрождающихся сил природы, оставалось неизменным. Не будем останавливаться на вопросе, когда этот символ и выражаемая им идея впервые проникли в Восточную Европу. Вероятно, исследование этой проблемы увело бы нас во времена индоевропейской общности. Важнее другое — как эта идея в том конкретном воплощении, которое нам дают древнейшие рукописи, участвовала в построении орнаментальных композиций растительного характера. Этим аспектом проблемы мы и займемся, оставив в стороне вопросы семантики орнамента.

В орнаменте крил в простейшем варианте встречается не так уж часто. Как правило, мы имеем дело с его многочисленными модификациями. Здесь мы сталкиваемся со вторым, не менее важным фактором сходства растительного орнамента рукописей и эмалей: в изменениях крина при построении из него композиций наблюдается определенное сходство, какая-то единая программа. Попробуем проанализировать характер изменений крина сначала на примере рукописного орнамента. Для этого, исходя из сформулированных В. Н. Щепкиным принципов, наметим самую общую его типологию.

Все композиции мы разделяем на два больших отдела — розетку и бордюр. В каждом из них разные группы композиций зависят от тех изменений, которые претерпевает основной элемент растительного орнамента рукописей — крил или его производное — ветка.

Категория	Сюжет	Рукописи	Эмали	Мозаики Софий Киевской	Фрески Софий Киевской
I. Р о з е т к и	1 Кривы				
	2 Композиция из кривов				
	3 Стилизованные кривы				
	4 Ветвь - побег и фрега				
	5 Композиция из побегов				
II. Б о р т о в ы	1 Из побегов кривов				
	2 Из кривов				
					

372 Рис. 1. Орнаментальные мотивы на произведениях живописи и прикладного древнерусского искусства

<i>Н и с т в е н н я л л о с т и ц а</i>		
<i>Владимир Дмитриевский с.</i>	<i>Бузвиль Рождественский с.</i>	<i>Ирпень Польский Георгиевский собор</i>
 <p>54 55</p>	 <p>62 63 64</p>	 <p>70 71 72 73</p>
_____	_____	_____
 <p>65</p>	 <p>66 67</p>	 <p>74 75 76</p>
 <p>57</p>	_____	 <p>77 78 79</p>
_____	_____	_____
 <p>58</p>		 <p>79</p>
 <p>60 61 59</p>	 <p>68 69</p>	 <p>80 81</p>

Законы симметрии показывают, что бесконечное разнообразие орнамента — явление кажущееся. Оно сводится к трем основным категориям: розетке, бордюру и сетке, а каждая из них может быть сведена к нескольким видам симметрии⁹.

Рассмотрим основные композиции, образованные крином в растительном орнаменте рукописей, и с точки зрения видов симметрии.

В рукописном растительном орнаменте использованы две категории симметрии — розетка и бордюр¹⁰. Они дадут два самых крупных деления в нашей типологии. Большинство композиций, составляющих основу богатого ковра растительных узоров рукописных заставок, относятся к розеткам с так называемой зеркальной симметрией. Их характеризует строгое равенство правой и левой половин¹¹.

Простейший ее пример демонстрирует крин, заключенный в круг или сердцевидную фигуру (рис. 1, 3, 4). Вторым типом композиции оказывается розетка, в которой подобный крин повторяется четырехкратно (рис. 1, 5).

Третий тип композиции обусловлен дальнейшим изменением крина за счет бесконечного усложнения самой схемы его рисунка (рис. 1, 6, 7). При этом зеркальная симметрия постоянно сохраняется. Она присутствует и тогда, когда увеличивается количество лепестков, одни отгибаются вниз, другие отрываются от общего стебля и первоначальный крин с трудом угадывается в пышном цветке (рис. 1, 6); она строго соблюдается и тогда, когда крин сохраняет более строгие очертания, превращаясь в древовидную фигуру с выраженным стволом (рис. 1, 7).

Четвертый тип композиции строится из ветви, образованной делением крина пополам (рис. 1, 1, 2; 8, 11). Из ветвей-полукринов возникают пышные древа, в рисунке которых часто присутствует и крин (рис. 1, 11).

Зеркальная симметрия, одинаково характерная для всех описанных нами четырех групп композиций, придает им уравновешенный, статичный характер¹².

Рассмотрим теперь вторую категорию орнаментальных композиций рукописей — бордюр, т. е. ленту, состоящую из фигур, вытянутых вдоль одной прямой. Вдоль этой прямой основная фигура как бы переносится бесконечно. В бордюрах рукописного орнамента такой основной фигурой оказывается крин в простейшем (рис. 1, 13) или усложненном виде (рис. 1, 14) или ветвь-полукрин (рис. 1, 12). В зависимости от этих основных фигур можно разделить бордюры на два типа. Один из них образует бордюры из повторяющихся или чередующихся кринов разных очертаний (рис. 1, 13, 14)¹³.

В другой тип бордюров мы выделяем бесконечный побег, образованный ветвями-полукринами (рис. 1, 12). Ветвь по движению бордюра как бы переносится то вниз, то вверх и создает впечатление непрерывного движения. Для этого излюбленного в средневековом искусстве мотива, часто называемого бегунком или византийской лозой, характерен строго определенный вид симметрии¹⁴. Теперь сравним композиции растительного орнамента.

Несмотря на то что на изделиях с перегородчатой эмалью крин получает иногда очертания, для кринов рукописей не свойственные (рис. 1, 18, 20), характер его изменений при построении композиций оказывается тем же, что и в растительном орнаменте рукописей. Здесь мы находим

розетки с четырехкратными повторениями крина (рис. 1, 19, 20), усложненные крины — древа разных очертаний (рис. 1, 23, 27).

Исключением оказывается розетка с ветвями-полукринами, не встречающаяся в рукописном орнаменте (рис. 1, 28, 29). С точки зрения теории симметрии они представляют новый ее вид — центральную симметрию, существенно отличную от зеркальной симметрии рассмотренных выше розеток¹⁵. Для нас интересно отметить, что основным элементом, многократно повторенным в этой розетке, оказывается не симметричный крин, а его половина — ветвь, сама по себе асимметричная. Полученная фигура создает впечатление вращения, чем отличается от статичных розеток с кринами (рис. 1, 5; 19, 20).

Бордюры в эмалях дают нам сходные по смыслу и механизму построения композиции. На миниатюрных золотых изделиях нет места бордюру, поэтому с вариантом ленты из розеток с кринами мы встречаемся только дважды (рис. 1, 31). Зато на золотых колтах с эмалью часто изображается выходящий побег, композиционно идентичный побегу из ветвей-полукринов (рис. 1, 12).

Как мы видим, в растительном орнаменте рукописей и эмалей, помимо сходства основного мотива — крина, одинаково сходным оказался и механизм построения композиций. Его обуславливают общие виды симметрии. Исследователь орнамента Узбекистана Л. И. Ремпель пришел к выводу, что наиболее стабильными в орнаменте оказываются не излюбленные мотивы, а «система простейших типических ритмов», образующих как бы его «каркас»¹⁶.

Именно характерные виды симметрии и составили тот «каркас», который оказался одинаковым и в рукописях, и в эмальерном деле. Поэтому можно говорить в данном случае о единой системе орнаментации, поскольку порядок, обусловленный правильным расположением элементов в определенной связи, и означает систему.

Возникает вопрос, в каком отношении находилась рассмотренная система растительной орнаментации в рукописях и эмалях с другими видами искусства Древней Руси? Обратимся для ответа к растительному орнаменту в монументальном искусстве. Это будет логичным потому, что живопись и скульптура представляют вершину в развитии древнерусского орнамента в целом. Немалое значение имеет также и то, что она издана, изучена и поэтому обзрима. Кроме того, те памятники, которые мы возьмем для сравнения: мозаики и фрески Софии киевской и настенную скульптуру трех соборов Владимиро-Суздальской Руси — Дмитриевского, Рождественского и Георгиевского — дают нам возможность проследить эволюцию растительного орнамента на Руси от XI до XIII в. Выбор этот обусловлен и рамками статьи, так как орнамент в узловых памятниках монументального искусства неизбежно должен отразить общие закономерности развития орнамента на Руси.

Итак, обратимся к растительному орнаменту, который выполнен в технике мозаики и фрески в интерьере Софии киевской¹⁷, и разберем его структуру, следуя методу, каким пользовались выше.

Простейшим элементом и здесь оказывается крин, но несколько иных очертаний (рис. 1, 32, 33). Он образует розетку, подобную по композиции розеткам в рукописях и эмалях (рис. 1, 34, 35, 46). То же композиционное сходство мы наблюдаем в часто своеобразных по рисунку пышных кринах (рис. 1, 36, 37, 47, 48), всегда остающихся фигурами с

зеркальной симметрией. По тому же принципу образованы древа из ветвей (рис. 1, 38, 39, 49, 50).

Наконец, на фресках встречается и центральная симметрия из полукринов, создающая впечатление стремительного вращения (рис. 1, 51).

Знакомые композиционные решения дают и бордюры в мозаиках и фресках Софии. В усложненном рисунке лозы легко угадывается более ясный бегунок рукописей (рис. 1, 40, 52). Помимо уже знакомых композиций из чередующихся в горизонтальной ленте кринов (рис. 1, 41, 42), встречается здесь и вертикальная лента кринов (рис. 1, 53). Это — единственно новая с точки зрения симметрии композиция, которая не встречалась ни в рукописях, ни в эмалях. Ее композиционная близость с горизонтальными лентами несомненна. Возникновение такого решения бордюра легко объяснимо: его вертикальная лента должна была украшать громадные плоскости интерьера храма, в мелких вещах и небольшом рисунке для нее нет места.

Итак, не во всех вариантах крин мозаик и фресок Софии совершенно идентичен кринам рукописей и эмалей. Иногда он напоминает листья аканфа, иногда — крылатые пальметты, но при этом остается неизменным характер их вариантов, тот каркас, который так четко намечился в финифтяном орнаменте. Это и позволяет утверждать, что система ранней орнаментации рукописей, эмалей и интерьера Софии киевской едина.

Если сопоставить эту систему орнаментации с растительным орнаментом, покрывающим стены храмов Владимиро-Суздальской Руси¹⁸, то простейшим его элементом и здесь оказывается крид. В отдельных случаях он повторяет знакомые трехлепестковые фигуры (рис. 1, 71), чаще же принимает очертания листовенного дерева лесной полосы (рис. 1, 54, 62, 70). Наличие своеобразных вариантов (рис. 1, 64, 73) все же не нарушает типологической близости его с кринами, украшавшими заставку рукописи, золотой колт с эмалью или роспись Софии. Однако розетка с четырехкратно повторенным крином — излюбленная в этих многоцветных узорах в белокаменной пластике не встречается. Очевидно, в трудоемкой резьбе по камню мастера просто избегали мелких форм. Может быть, поэтому эволюция крина здесь пошла как будто по другому пути. Росток превращается в пышный крид (рис. 1, 65, 67) или древо, в рисунке которого многократно повторяется крид (рис. 1, 56, 66). Но самой излюбленной композицией стало разросшееся многоярусное древо, симметрично раскинутые ветви которого заканчиваются то кринами, то полукринами (рис. 1, 78). Упрощенные его варианты (рис. 1, 57, 76, 77) часто повторяют уже встречавшиеся нам древа (рис. 1, 11, 26, 39). Во всех этих случаях строго соблюдается принцип зеркальной симметрии, и именно этим многометровые древа владимиросуздальских храмов родственны кринам рукописей и эмалей.

Больше сходства в бордюрах. Вьющийся побег здесь не частый сюжет, но все же встречается и в простом (рис. 1, 58), и в усложненном вариантах (рис. 1, 79). Зато бордюры другой группы, состоящие из чередующихся или буквально повторяющихся кринов, чрезвычайно разнообразны¹⁹. Одни из них очень близки бордюрам рукописным (рис. 1, 81), другие представляют как бы их вертикальный вариант (рис. 1, 59, 68), а некоторые усложнены дополнительными фигурами и более вычурны по рисунку самого крина (рис. 1, 80). Композиционное их сходство с рассмотренными ранее бордюрами несомненно.

Итак, на протяжении трех столетий, с XI по XIII в., в растительном орнаменте, украшавшем рукописные книги, драгоценные изделия с перегородчатой эмалью, величественный интерьер главного храма Руси — Софии киевской — и знаменитые белокаменные церкви Владимиро-Суздальской земли, устойчиво сохраняется тяга к излюбленным композициям. Ее не нарушают вариации в рисунке символа древа жизни — крива, продиктованные и особенностями техники, и многочисленными импульсами, которые получало художественное творчество древнерусских мастеров из разных уголков цивилизованного мира. Каркас создаваемых их фантазией композиций оставался в сущности неизменным. Он был обусловлен определенным набором утвердившихся в разных областях искусства Руси видов симметрии.

Исследование орнаментов народов Сибири, проделанное С. В. Ивановым, показало, что такой набор излюбленных видов симметрии оказывается у каждого народа своим, стабильным на протяжении многих столетий²⁰.

В растительном орнаменте городского искусства Руси наиболее постоянным оказался тоже обусловленный законами симметрии композиционный каркас и простейший элемент — крива, который у разных народов символизировал вечные силы природы.

Б. А. Рыбаков в своих работах о декоративном искусстве Древней Руси убедительно показал, что оно было «удивительно единым по своему духу и образам»²¹. Орнамент, пронизавший все стороны быта и одинаково царивший во всех областях искусства, во многом способствовал этому единству, «определяя их общий стиль и эпоху»²².

Мы попытались вскрыть основы этого единства, которое стойко сохранялось в растительном орнаменте «женского узора, орнаментике книг и декора архитектуры»²³ на протяжении трех ярчайших столетий русской истории.

¹ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 43.

² Там же, с. 45—46.

³ Не приводя обширной литературы вопроса, сошлемся на последнее серьезное коллективное исследование книжного орнамента в кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974, с. 199.

⁴ Щепкин В. Н. Русская палеография, табл. VIII.

⁵ Протасьева Т. П. Византийский орнамент. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1974, с. 207.

⁶ Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, с. 23—24.

⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 391—393.

⁸ Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975, с. 18.

⁹ Шубников А. В. Симметрия. М.—Л., 1940, с. 3.

¹⁰ Третья категория симметрии — сетка — используется чаще в геометрическом орнаменте, который в данной статье не рассматривается.

¹¹ В этой небольшой статье нет места для подробного описания видов симметрии и символов симметрии. Подробнее об этом см.: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, с. 36—42. При сопоставлении разбираемых нами композиций с соответствующими видами симметрии ограничимся ссылками на кн.: Шубников А. В. Симметрия.

¹² В построении их участвуют два вида симметрии с символом симметрии m и $4m$. Шубников А. В. Симметрия, с. 18—22.

¹³ С точки зрения симметрии они относятся к двум разным ее видам (символы симметрии $a : m$, $a : 2$). Шубников А. В. Симметрия, с. 67—70.

- ¹⁴ Символ симметрии \bar{a} . Шубников А. В. Симметрия, с. 66—67.
¹⁵ Символ симметрии \bar{b} и \bar{d} . Шубников А. В. Симметрия, с. 14—17.
¹⁶ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 27.
¹⁷ Кресальний М. И. Софійський заповідник у Києві. Київ, 1960.
¹⁸ Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964 (гл. Растительный орнамент, с. 129—142); *Он же*. Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966; *Он же*. Скульптура Древней Руси. М., 1969.
¹⁹ Символы симметрии \bar{a} : m , $a \cdot m$ и другие. Шубников А. В. Симметрия, с. 70—74.
²⁰ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963.
²¹ Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура.— В кн.: Культура Древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951, с. 418; *Он же*. Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971, с. 27—28.
²² Буслаев Ф. И. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917, с. 8.
²³ Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура..., с. 418.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

О ЛИТЕЙНЫХ ФОРМОЧКАХ С НАДПИСЯМИ МАКСИМА

Среди обширной коллекции каменных литейных формочек, найденных при раскопках древнерусского города Серенска, особого внимания заслуживают формочки с надписями. Три такие формочки опубликованы автором раскопок Т. Н. Никольской в специальной статье¹. На боковой грани одной из них процарапана надпись в две строки:

МАКО
СНМО

Как справедливо считает Т. Н. Никольская, это означает имя «Максим», где отсутствуют последние буквы².

Между тем в Серенске найдена еще одна формочка с прочерченными буквами «ВЕ», в которых автор публикации видит инициалы мастера³. При сопоставлении этих двух формочек оказалось, что они составляют одну, верхняя сторона которой служила для отливки браслета, а нижняя, вместе с парной ей формочкой с «инициалами» — для отливки проволочки (рис. 1). Надпись приобрела следующий вид:

МАКО
СНМО
ВЕ

В современной транскрипции «Максимов», как и предполагала Т. Н. Никольская, — это притяжательная форма от имени «Максим». В «грамотном» написании должно быть написано «макъсьнмовъ», но автор надписи заменил \bar{z} на o , а \bar{a} на E — графическое явление, которое особенно часто встречается в некоторых письменных памятниках XIII в.⁴

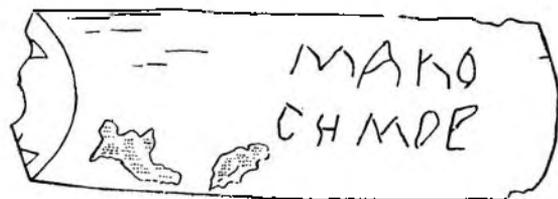

Рис. 1. Граффити на каменной литейной формочке

Рис. 2. Граффити на каменной литейной формочке

Рис. 3. Прорись надписи с именем Максима

Третья формочка с надписью из Серенска предназначалась для отливки трех крестиков и прямоугольной бляшки. На боковой грани ее прочерчены четыре хорошо сохранившиеся буквы: МАСИ (рис. 2). Естественно предположить, что это также имя мастера, пометившего свою формочку. Внимательное сравнение этой надписи с предыдущим автографом Максима убеждает, что почерк их одинаков. Близки размеры и пропорции букв, начертания букв М, А, Н. Характерной особенностью обеих надписей является чрезвычайно близкое расстояние между первыми двумя буквами (на второй формочке они даже соприкасаются).

Очевидно, и само слово «МАСИ» должно означать то же имя Максим, где пропущен слог «ко» и отсутствуют две конечные буквы. Возможно, мастер пропустил две буквы по ошибке и не закончил надпись, но, может быть, окончание имени находилось на крышке, которой прикрывалась формочка. Так или иначе автором всех трех надписей на формочках из Серенска следует признать одного и того же Максима. Стратиграфия паходок — все они найдены в слое пожара, связанного с гибелью города в 1238 г.⁶ — является дополнительным доказательством.

Еще при публикации Т. Н. Никольская отметила бросающееся в глаза сходство в начертании букв и расположении первой надписи Максима с широко известным автографом ювелира Максима на литейной формочке из Киева и предположила, что они начерчены рукой одного мастера⁷. Киевская находка, представляющая собой одну третью часть трехстворчатой формочки для литья трехбусиных височных колец, была обнаружена в 1936 г. в числе трех других во время работ Киевской археологической экспедиции АН УССР на территории бывшей усадьбы Петровского, неподалеку от Десятинной церкви (рис. 3). На внешней стороне формочки была прочитана надпись (макош/мов), что позволило Б. А. Рыбакову предположить, что в древнерусском языке литейная форма обозначалась существительным мужского рода, например «Максимов колыбь»⁷.

Последующие находки серии литейных формочек в тайнике под Десятинной церковью и при раскопках некоторых мастерских на близкой к ней территории позволили высказать некоторые предположения о судьбе Максима и попытаться определить местонахождение его мастерской.

При сличении форм из тайника с другими оказалось, что одна формочка для трехбусиной серьги из тайника и формочка из раскопок В. В. Хвойко являются частями одной и той же формы. Дальнейшее сравнение выявило среди формочек, найденных в 1936 г. вместе с формочкой Максима, еще одну часть формочки для отлива паруча, найденную В. В. Хвойко. Это совпадение позволило Г. Ф. Корзухиной связать три комплекса находок воедино и предположить, что мастерская Максима находилась там, где раскопками 1936 г. были найдены четыре литейные формы (в том числе и надписанная Максимом), и что сам Максим погиб во время разгрома Киева татаро-монголами в 1240 г., укрывшись в Десятинной церкви⁸.

Это предположение настолько широко вошло в научную и популярную литературу, что формочка с надписью Максима прочно связывалась с комплексом формочек из тайника и получила тем самым точную дату — 1240 г.⁹ Позднее, обнаружив выписки из дневников В. В. Хвойко, Г. Ф. Корзухина уточняет местоположение мастерской Максима, локализовав ее несколькими метрами восточнее¹⁰.

Но в 1948 г. М. К. Каргер при раскопках жилища-мастерской также сгоревшего в 1240 г., обнаружил еще одну литейную формочку, которая оказалась парной к одной из формочек, найденных В. В. Хвойко. Таким образом, возможно, именно эта мастерская и была жилищем Максима. Но М. К. Каргер скептически отнесся к возможной связи раскопанной в 1948 г. мастерской со всем комплексом формочек, найденных В. В. Хвойко, а через них — с находками 1936 г., связанными в свою очередь с формочками из тайника, хотя и не отрицает вероятности такого предположения. Основанием для сомнений послужило то, что, по мнению

М. К. Каргера, «мастерская» у В. В. Хвойко — понятие собирательное, объединяющее комплекс находок, обнаруженных не всегда в одном месте, а также то, что и в 1936—1937 гг. литейные формочки были найдены на отдаленных один от другого участках¹¹.

Таким образом, отсутствие точных сведений об обстоятельствах находок формочек в 1948 и 1936—1937 гг. заставляет усомниться в казавшейся ранее бесспорной версии. Однако приведенные Г. Ф. Корзухиной план мастерской, раскопанной В. В. Хвойко, и точный перечень находок из нее¹² все же убеждают, что эта мастерская не является «понятием собирательным».

К сожалению, это не помогает пока уточнить местонахождение формочек, найденных в 1936 г., и точно датировать их, а также интересующую нас формочку Максима. Вполне вероятно, что формочки, найденные всего в нескольких метрах от нее, должны быть связаны с этой мастерской, что и подтверждает находка в ней второго фрагмента одной из этих формочек. Пока лишь можно утверждать, что различные части одной и той же формочки обнаружены в двух мастерских: в мастерской, раскопанной В. В. Хвойко, и в мастерской, раскопанной М. К. Каргером в 1948 г.

Очевидно, эти близко расположенные мастерские имели какие-то производственные или родственные связи. Возможно, что и формочки из тайника также происходят из разных мастерских. Тем более, что и при раскопках тайника на той же глубине, где найдены фрагменты формочек, были обнаружены остатки скелетов двух взрослых и одного подростка¹³.

Возможно, среди них был и Максим, хотя мы не можем заявлять это с прежней категоричностью. Но все же хронологическая близость формочек с надписями из Серенска и формочки из Киева очевидна.

Для выяснения, один ли мастер оставил надписи на формочках из разных городов, требуется детально сравнить почерк надписей. Буква *М* — остроугольная, с одинаковым изломом углов во всех трех надписях, перемычка ее в первой серенской и киевской достигает уровня строки, в надписи на второй формочке из Серенска — несколько завышена.

Буква *а* — с остроугольной головкой, занимающей приблизительно одну треть буквы во всех трех надписях. Но в киевской правая часть образована волнистой линией.

Буква *к* — очень характерна, с изогнутой под углом нижней частью колена и в киевской, и в первой серенской надписи.

Буква *о* — вытянутых пропорций, написана в два приема на всех трех надписях.

Буква *и* — везде с перекладиной, расположенной посередине, немного приподнятой к правой мачте. В киевской надписи левая мачта волниста, в серенских — несколько изогнута.

Буква *с* — малохарактерна, плохой сохранности в киевской надписи, отсутствует во второй серенской надписи.

По размеру, пропорциям и расстояниям между буквами все три надписи близки между собой, объединяют их и начертания букв. Характерной особенностью их является близкое расстояние между двумя первыми буквами и форма *к* с изогнутым коленом. Отличает киевскую надпись от надписей из Серенска большая волнистость некоторых линий, определенная «манерность» почерка. Объединяет надписи из Киева и Серенска и орфография (*о* вместо *ъ*), расположение на формочках.

Все же краткость текста, дающая очень мало материала для сравнения, заставляет осторожно отнестись к возможности адресовать серенские и киевскую надписи одному и тому же человеку. Позволяют рассматривать это предположение как реальное, помимо близости почерка и орфографии, следующие обстоятельства: одинаковая профессия авторов, однотипность литейных формочек, на которых прочерчены надписи, и, наконец, одинаковые имена. Не последнюю роль играет и то обстоятельство, что и другие литейные формочки из Серенска по сюжетам и технике исполнения очень близки киевским; одна из них, как отмечено Т. Н. Никольской, представляет точную аналогию найденной в тайнике под Десятинной церковью в Киеве¹⁴.

Как могло случиться, что формочки с надписью одного и того же человека обнаружены в разных концах Руси? Наиболее вероятными кажется такое предположение: серенские формочки, вырезанные одним мастером в Киеве, были завезены в Серенск. Но такое предположение неверно, так как надписи сделаны владельцем (т. е. ювелиром) формочек, а не резчиком для того, чтобы не перепутать свои формочки с чужими или чтобы ими не мог воспользоваться другой мастер или подмастерье.

Не исключено и такое предположение: мастер Максим остался жив после разгрома Серенска Батыем в 1238 г. и переселился в Киев. Но может быть и третье, наиболее вероятное предположение: постоянные контакты между Киевом и Серенском, что и привело к необычайно высокому развитию ювелирного мастерства в этом отдаленном от Киева пещерном вятичском городе.

¹ Никольская Т. Н. Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска.— СА, 1974, № 1, с. 237—240.

² Там же, с. 238—239.

³ Там же, с. 239.

⁴ Жуковская Л. П. Новгородские брестяные грамоты. М., 1959, с. 102—105.

⁵ Там же, с. 240.

⁶ Никольская Т. Н. Литейные формочки..., с. 238.

⁷ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв.— САИ, вып. Е1-44. М., 1964, с. 40.

⁸ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, 1950, XIV, с. 230.

⁹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи..., с. 39.

¹⁰ Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках Хвойко.— СА, 1956, XXV, с. 330.

¹¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.— Л., 1958, с. 390—391.

¹² Корзухина Г. Ф. Новые данные..., с. 329, рис. 2, 2—4.

¹³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 500.

¹⁴ Никольская Т. Н. Литейные формочки древнерусского г. Серенска.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 41.

РЯЗАНСКАЯ ИКОНА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ПАНТОКРАТОРА И НИКИТЫ С БЕСОМ

Археологические находки в Старой Рязани и ее окрестностях представлены первоклассными образцами древнерусских ювелирных изделий, но произведенной мелкой пластики с иконографическими изображениями, выполненными в камне и медном литье, найдено сравнительно мало¹. Кресты-энколпионы, кресты-тельники, иконки и змевики, обнаруженные во время систематических раскопок А. Л. Монгайта и В. П. Даркевича², принадлежат к числу наиболее распространенных изделий, характерных для XII—XIII вв., и хорошо известных среди южнорусской группы предметов³. Индивидуальные экземпляры пока редки. Это не значит, что Старая Рязань — крупный центр художественного ремесла — была бедна такими произведениями изобразительного искусства, как мелкая пластика. Отсутствие большего числа этих находок можно объяснить недостаточной изученностью города и его посада. Свидетельством этому является случайная находка в 1975 г. литой иконы с изображением Пантократора и Никиты с бесом⁴. Это — один из наиболее художественных образцов в древнерусском металлическом литье, пока не имеющий себе аналогий.

Икона круглая, двусторонняя, с неподвижным, отлитым вместе с ней квадратным ушком для шнура (диаметр иконы 3,8 см, высота с ушком 5 см). Металл, из которого отлита икона, не является чистой медью или бронзой, а содержит в себе, по-видимому, примесь серебра и имеет светлый оттенок. На лицевой стороне иконы отлито довольно высоким и четким рельефом поясное изображение Пантократора с благословляющей именованно, отведенной в сторону правой рукой, которую охватывает пола гиматия, и раскрытым Евангелием в левой руке. По сторонам от головы Христа с крестчатым набом, в рельефных кругах отлиты монограммы: IC XC. На раскрытом кодексе Евангелия — рельефные буквы надписи в две строки: PE ЧЕ ГСЬ [Господь] СВ [свет], т. е.: «Рече Господь: аз есмь свет». По краю икона обрамлена узким высоким бортиком, поднятым на высоту изображения (рис. 1).

Иконография Христа Вседержителя (Пантократора), представленная на этой иконе, принадлежит к тому древнему изводу, который известен в классическом памятнике византийского искусства, как мозаических образ Спасителя в соборе г. Чефалу, в Сицилии (середина XII в.)⁵. Для этой иконографии характерен торжественный образ Христа, обращенного к миру с широко разведенными руками; правой он благословляет, а в левой держит раскрытое Евангелие с изречением. На правую руку Христа накинута пола гиматия. Для установившихся в русской иконографии изо-

Рис. 1. Рязанская икона с изображениями Пантократора и Никиты с бесом (лицевая и оборотная стороны)

бражений Вседержителя от самых ранних до поздних образцов больше характерен другой тип поясного изображения Христа с благословляющей правой рукой, которую он держит перед грудью, и с закрытым или раскрытым Евангелием в левой руке, которое он также держит перед грудью⁶.

Иконографический образ Христа Вседержителя, представленный на рязанской иконе, относится к числу весьма редких византийского типа образцов. Классические пропорции фигуры, величественность и торжественность образа, строгая иконописная система разделки одежд глубокими полосами, по-видимому, подправленными после литья чеканом, прекрасный рисунок лица Христа и благословляющей руки свидетельствуют не о ремесленной работе, а о произведении выдающегося мастера пластических изображений.

Образ Пантократора больше характерен для росписей и мозаических украшений храмов, где он помещается либо в конхе апсиды, либо в куполе. И в том и в другом случае, его изображение является доминирующим. В системе храмовых росписей Пантократор «воплощает в себе творческий пафос демиурга, создателя и властителя мира»⁷.

Изображение Христа в круге на рязанской иконе свидетельствует о том, что оно идет от монументальных храмовых росписей, где оно

чаще всего помещалось в круге купола. Иногда фигура Спасителя заключалась в круглый медальон, представляющий собой радугу (в церкви монастыря Дафли около Афин, XI в.)⁸. Кругом — символом неба, вселенной, вечности — подчеркивалось достоинство Бога-Человека — создателя мира.

С ранней символикой и иконографией Христа связано и изречение на раскрытом Евангелии, в разных вариантах передающее текст от Иоанна: «Паки же имъ Исусъ рече, глаголя: азъ есмь светъ миру: ходий по мне, не имать ходити во тьме, но имать светъ животный» (гл. 8, стр. 12), или: «Бгда въ мире есмь, светъ есмь миру. Доколе я въ мире, я светъ миру» (гл. 9, ст. 5). Именно это изречение характерно для византийских изображений с V по XIII в.

В ранней византийской иконографии (мозаики церкви св. Аполлинария, V в.) в знак изречения «Аз есмь свет миру» Спаситель держит в левой руке горящий светоч⁹. В мозаическом изображении Спаса на престоле, помещенном над царской дверью в партерке Софии константинопольской, на раскрытом Евангелии помещены слова «Мир вам; аз есмь свет миру». Подобное же изречение написано (по-латыни) на раскрытом Евангелии Христа в церкви св. Марка в Риме (IX в.), в церкви Панагии «Порты» в Фессалии (XIII в.), в соборе Чефалу в Сицилии (середина XII в.)¹⁰.

В мозаиках и иконописи на раскрытом Евангелии Вседержителя писались обычно разные изречения в зависимости от того, где помещалось данное изображение — в куполе, в дискусе или на моленной иконе, но для древнейшей византийской живописи, как и русской, больше было характерно изречение «Аз есмь свет миру»¹¹. Из ранних русских изображений Спаса Вседержителя на престоле, на раскрытом Евангелии которого написано «Рече гъ [Господь] азъ есмь светъ всему миру...», укажем на выходную миниатюру тверского Хронографа Георгия Амартола конца XIII — начала XIV в. и на икону Вседержителя («Спас златые власы») XIII в.¹² В русской пластике поясное изображение Христа с изречением «Азъ есмь светъ» не единично. Оно известно на меднолитой с эмалью круглой иконе, найденной А. Ф. Дубыниным в Суздале и хранящейся в Ивановском краеведческом музее. Само изображение Христа здесь очень примитивное, зато надпись крупным шрифтом, отбитая вокруг иконы, дает довольно четкие эпиграфические признаки конца XII — начала XIII в.¹³

Изображение Христа Вседержителя на нагрудных иконах воспринималось как высшее покровительство носящему ее, как оберег от всех возможных бед и болезней. Нагрудные кресты и иконы были обязательной принадлежностью княжеского убора, их носили воины, отправляясь на ратный подвиг. О рязанском князе Ингваре Ингоровиче древним автором было сказано, что он «кресты на раме своем носяще». Придя в Рязань, сожженцу Батыем, князь «возде руде на небо со слезами возва, глаголаша: Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всех гонящих избави мя»¹⁴. К образу Христа Вседержителя обращался перед смертью и ростовский князь Василько, плененный татарами после битвы на р. Сити¹⁵.

Следует отметить, что культ Спаса наряду с культом Бориса и Глеба характерен для Старой Рязани, свидетельством чему является посвященный Спасу самый величественный каменный храм¹⁶, построенный по об-

разцу Свирской церкви Михаила Архангела в Смоленске, о которой современник сказал: «Такое же несть в полунощной стране»¹⁷.

Значение рязанской иконы как символа победы света над тьмой, добра над злом, христианства над язычеством, верных над неверными, подчеркивалось и изображением на обороте иконы мученика Никиты, избивающего беса. Апокрифический рассказ о мученике времен раннего христианства Никите, победившем беса, под которым прежде всего подразумевалось язычество, а потом и всякое зло, исходящее от «неверных»¹⁸, рано нашел себе отражение в русском искусстве, причем в первую очередь в скульптурных рельефах и в мелкой пластике. К наиболее ранним изображениям нужно отнести рельеф Дмитриевского собора во Владимире, помещенный в правой закомаре западного фасада¹⁹. Это — один из оригинальных древних рельефов, не подвергавшихся реставрации.

Западноевропейской исследовательницей Ф. Халле этот сюжет не был понят, и она назвала его «жертвоприношением Авраама», указывая на такую иконографическую деталь, как благословляющую с неба десницу. На ошибочность такого толкования указал Н. В. Малицкий, определивший этот сюжет как «Никита с бесом». Впоследствии все русские исследователи (И. Толстой и Н. Кондаков, А. Бобринский, Г. К. Вагнер) согласились с этим определением²⁰. И действительно, Никита изображен безбородым, в короткой одежде, замахнувшимся палкой на беса, которого он держит левой рукой за волосы. Этот иконографический извод впоследствии повторялся в медном литье даже на поздних отливках. При этом литейная форма чаще всего делалась по оттиску более древней иконы, уже имевшей оправу. В правом или левом верхнем углу обычно присутствует и благословляющая десница.

Одна из таких медных икон хранится в ГИМ, другая была в собрании В. Н. Перетца²¹. На каменных и серебряных икоцах известен и другой иконографический вариант, когда Никита изображен сидящим на скамье или привставшим со скамьи и бьющим беса²². К домонгольскому времени следует отнести небольшую каменную иконку Никиты с бесом из собрания ГИМ²³. Иконка имеет прямое основание и верх в виде стрельчатой арки. Никита изображен сидящим на скамье и бьющим беса.

Этот сюжет часто встречается на медных литых энколпионах XIII в., крестах и образках XIII—XIV вв., а также и на древних эмальках²⁴.

Иконографический вариант Никиты с бесом на рассматриваемой нами рязанской иконе принадлежит к первому типу, когда Никита изображается без скамьи, в короткой одежде, широко шагающим и замахнувшимся палкой на беса, которого он держит левой рукой. Изображение было оттиснуто в литейной форме с готовой иконки, которая имела уже и оправу со стрельчатым верхом. Поэтому отливка получилась недостаточно четкой. Детали изображения здесь не видны. Фигура Никиты и форма самой оттиснутой иконки выявлены только рельефным контуром. При этом способе отливки возможно исчезли и некоторые детали композиции, например благословляющая десница, для которой есть место в правом верхнем углу. Кроме того, оборот иконы сильно стерт от длительного ее ношения, тем более, что здесь нет высокого бортика по краю, предохранявшего изображение от трения.

По наблюдениям Б. А. Рыбакова, «не ранее XI в., а вероятнее всего в XII в., появляется литье в плоских двусторонних литейных формах (по восковой модели). В XII—XIII вв. этот способ является одним из

средств массового выпуска продукции, преимущественно медного литья»²⁵. Литье из серебряных и медных сплавов сочеталось обычно с другими техническими приемами (чеканкой, чернью, эмалью и др.)²⁶.

Рязанская икона принадлежит к тому периоду развития искусства литья, когда еще были в ходу не искаженные поздними переработками и неоднократными повторениями в литье классические домонгольские иконографические образцы, использовавшиеся больше для индивидуальных подделок. И в то же время их производство в двусторонних литейных формах свидетельствовало уже о новых технических приемах, вызванных необходимостью массового выпуска вещей.

Большинство художественных произведений, находимых в Старой Рязани и ее окрестностях, относится ко времени до разорения Рязани Батыем в 1237 г. К этому же периоду, т. е. к первой трети XIII в. следует отнести и икону с изображением Пантократора и Никиты с бесом. Вполне возможно, что она принадлежала одному из тех «удальцов и резвцов рязанских», которые первыми приняли удар татаро-монголов и погибли на поле боя²⁷.

- ¹ Селиванов А. В. Древности с. Старой Рязани.— Труды седьмого археологического съезда в Ярославле 1887 г., т. II. М., 1891, с. 210; Бобринский А. А. Выставка древностей, добытых Археологической комиссией в 1888—1890 гг. СПб., 1891, с. II (под № 53 упомянуты «мелкие древние кресты и иконки» среди находок и приобретений А. В. Селиванова в Рязанской губернии); Монгайт А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, с. 10, рис. 8; Николаева Т. В. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 451—458.
- ² Монгайт А. Л. Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49, с. 136, рис. 99, 2; рис. 138, 10—12; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 301, рис. 137. Створка медного крест-анкониона, односторонний паперсный крест и кресты-тельники были найдены В. П. Даркевичем во время археологических раскопок 1975 г.
- ³ Собрание Б. И. и В. И. Хаисенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. II. Киев, 1900; Древности Приднестровья, вып. VI. Киев, 1907.
- ⁴ Икона была найдена около д. Разбердеево, находящейся в 4—5 км к югу от Старой Рязани. Ее поднял на поле житель деревни Захарчев Виктор Петрович в июле 1975 г. и принес в Старо-Рязанскую археологическую экспедицию.
- ⁵ Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905, с. 45, рис. 72; Лазарев В. Н. Мозаики Чофалу.— В кн.: Византийская живопись. М., 1971, с. 203—205.
- ⁶ Как на самое раннее изображение Пантократора в этой иконографии укажем на мозаический образ Христа в куполе Софии киевской. Эта иконография Христа Вседержителя характера для повгородской, московской и тверской художественных школ.
- ⁷ Лазарев В. Н. Система живописной декорации византийского храма IX—XI веков. В кн.: Византийская живопись. М., 1971, с. 99.
- ⁸ Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник..., с. 33.
- ⁹ Там же, с. 23—24.
- ¹⁰ Там же, с. 25, 29.
- ¹¹ Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник..., с. 60.
- ¹² Евсеева Л. М., Кочетков И. А., Сергеев В. Н. Живопись древней Твери. М., 1974, табл. 4; Живопись домонгольской Руси (Автор-составитель О. Корниа, вступительная статья академика Б. А. Рыбакова). М., 1974, с. 108—110, № 24.
- ¹³ Воронин Н. Н. Археологические заметки.— КСИИМК, 1956, № 62, с. 26—27, рис. 14; Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975, с. 124, № 142, табл. 27, 8.
- ¹⁴ Повесть о разорении Рязани Батыем.— В кн.: Изборник. М., 1969, с. 356—360.
- ¹⁵ ПСРМ, т. I, ч. II. Троицкая летопись, с. 223—224.
- ¹⁶ Монгайт А. Л., Чернышев М. Б. Спасский собор в Старой Рязани.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 210—216; Монгайт А. Л. Работа Рязанской археологиче-

- ской экспедиции 1966—1970 гг.— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 13—15.
- ¹⁷ ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843, с. 151 (под 1197 г.).
- ¹⁸ Житие св. мученика Никиты. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кувшинским-Безбородко, вып. III. СПб., 1862, с. 146—149; *Тихомирова Н.* Житие мученика Никиты.— В кн.: Памятники отечественной русской литературы, т. II. М., 1863, с. 112—120.
- ¹⁹ *Голстой И., Гондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. СПб., 1899, с. 27; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово. М., 1969, с. 256—258.
- ²⁰ *Вагнер Г. К.* Скульптура..., с. 256.
- ²¹ Иконка из собрания ГИМ известна автору этой статьи по фотографии И. Ф. Барщевского № 683 (негативы хранятся в архитектурном музее имени Щусева, в б. Допском монастыре). Подобная иконка издана в кн.: *Перетц В. Н.* О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья.— Изв. ГАИМК, 1933, вып. 73, с. 41, рис. 3.
- ²² *Николаева Г. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, № 24, 29.
- ²³ ГИМ, находится в экспозиции музея.
- ²⁴ Собрание Б. И. и В. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. I. 1899, табл. VI, № 77; вып. II. 1900, № 278; Киевский исторический музей, № МТ-738, 560, 228, 238; *Петров Н. И.* Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии... Н. А. Леопардовым. Киев, 1895; *Он же.* Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1897; *Перетц В. Н.* О некоторых основаниях..., с. 41.
- ²⁵ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 277—278.
- ²⁶ Там же, с. 278.
- ²⁷ *Лихачев Д. С.* Повести о Николае Зараском.— ТОДРЛ, т. VII. с. 300—320.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ЖИВОТНЫЙ МИР В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Русские сказки наполнены образами самых различных домашних животных, зверей, птиц, рыб и гадов. В бытовых сказках они действуют и говорят, как обычные люди, им присущи положительные и отрицательные черты. Как правило, в этих сказках фигурируют животные и птицы, принадлежащие фауне средней полосы России, живущие с нами и окружающие нас. Характерно, что каждый образ несет определенную смысловую нагрузку: лисы — всегда хитрые, волки — глупые, петухи — хвастливые, собаки — несчастные и добрые, коты — отважные и т. п. В соответствии с переходящими из сказки в сказку устоявшимися чертами эти звери любят, дружат, судят и судятся, интригуют и жульничают¹.

Совсем другие функции выполняют они в волшебных сказках. Все они наделяются чудесными свойствами, с помощью которых становятся могучими помощниками, покровителями (иногда врагами) героя сказки. Расширяется и число действующих в сказках животных. Помимо обычных, в сказках живут львы и тигры, крокодилы и киты, а также совсем не-

понятные и таинственные — Норка-зверь, Арысь-поле, Жар-птица, Птица-Моголь и многочисленные змеи в разнообразнейших ипостасях.

Исследование волшебных сказок с целью фиксации в них различных представителей животного мира, выяснение их функционального, обычно волшебного назначения, наконец, количественные и процентные подсчеты, выявляющие популярность того или иного сказочного животного, произведены нами по сборнику сказок А. Н. Афанасьева². Другие большие фольклорные сказочные сборники, в том числе даже очень обстоятельно подобранный сборник И. А. Худякова³, значительно уступают афанасьевскому как по разнообразию сюжетов, так и по количеству самих сказок. Нет в них и новых, т. е. не упомянутых информаторами Афанасьева животных. Все это, как нам кажется, позволяет при написании данной небольшой работы ограничиться анализом материалов, полученных из собрания А. Н. Афанасьева.

Русской волшебной сказке в советской фольклористике в последние три десятилетия уделялось большое внимание. В. Я. Пропп, Е. М. Милетинский, Э. В. Померанцева, Н. В. Новиков⁴ и многие другие исследователи посвящали им свои фундаментальные работы, статьи, заметки. Однако даже Пропп и Новиков в специальных разделах «Помощники» немного пишут о чудесных животных, без активного вмешательства которых герой нередко не может сделать ни шагу. А между тем в 166 волшебных сказках сборника (из 234) действующими лицами с самой различной функциональной нагрузкой являются домашние животные, звери, птицы, рептилии, рыбы и насекомые. В одних сказках разнородные животные так плотно окружают человека, что по существу являются ее фактическими героями⁵. В других, наоборот, они играют эпизодическую роль, совершая какой-либо вспомогательный незначительный поступок, и затем исчезают из повествования⁶.

Какие представители животного мира характерны для волшебных сказок и какие обязанности выполняли они при решении многочисленных задач?

Домашние животные:	конь (и жеребенок), кобыла, конь, корова, бык, баран, коза, козел, свинья, собака, кот.
Дикие животные:	медведь, медведица, волк, волчица, лиса, тигр, лев, львица, львы, олень, заяц, еж, мышь, кит, Норка-зверь, Арысь-поле.
Птицы:	воробей, голубь, голубка, гусь, гусыня, гуси, журавль, курица, петух, лебедь, лебеди, утка, селезень, малиновка, соловей, сорока, сокол, ворон, орел, ястреб, Жар-птица, Птица-Моголь, Гриб-птица.
Рыбы:	щука, плотвичка, ерш.
Амфибии и рептилии:	лягушка, ящерица, крокодилы, обычные змеи, фантастические змеи.
Насекомые:	мушки, пчелы, оводы, жучки.
Ракообразные:	раки.

Около 70 видов различных животных, наделенных множеством волшебных свойств, живут в сказках, активно влияя на судьбу основного героя — человека.

Главные обязанности, или функции, этих животных, выделенные нами, следующие:

1. Помощники (в том числе проводники) героя сказки; 2. Обратни-друзья; 3. Вещуны; 4. Редкие звери с чудесными свойствами; 5. «Задача» героя сказки; 6. Враги героя; 7. Помощники врагов героя; 8. Обратни-враги; 9. Орудие мести герою; 10. Сторожа «тридевятих» царств.

Следует оговорить, что, как и любая типология, предложенное разделение функций несколько схематично. Оно, безусловно, не отражает всего объема деятельности животных в сказках, тем более, что нередко одно животное выполняет несколько функций или же животные одного вида наделяются чудесными качествами (или одним качеством в разном количестве) и выполняют поэтому различные по сложности задачи. Кроме того, весьма существенным является тот факт, что каждая из перечисленных функций может быть разделена на несколько типов по тем обстоятельствам, которые обусловлены сюжетом сказки. Так, например, герой получает помощника в результате самых различных условий: это или благодарность (за услугу), или благословение (дар) родителей, или дар бабы Яги и других могущественных персонажей сказки, или чудесный сводный брат, рожденный от животного. Так же разнообразна и другая функция — обратней, которыми бывают в сказках и сами герои, и их невесты, и помощники, и женихи, и мужья героинь и т. п.

Из всех перечисленных выше представителей фауны только два персонажа были более или менее подробно рассмотрены исследователями во всевозможных ролях, во всевозможных ситуациях: змей и конь⁷.

Змей в подавляющем большинстве — основной враг. В. Я. Пропп связывает его образ с мифическим образом главного духа обряда инициаций, духом-страшилищем (поглотителем), которого боится все непосвященные.

В отличие от змея конь — помощник — друг и советчик героя, намного превышающий последнего знаниями, умом, силой, обладающий разными волшебными свойствами и наделяющий Ивана-дурака в конце сказки всем: красотой, умом, силой, богатством и счастьем.

Конь-помощник исследован Проппом на широком историческом фоне, поэтому на этом образе, как и на образе змея-поглотителя, мы не будем более останавливаться. Скажем только, что в сборнике Афанасьева конь (и жеребенок) фигурируют в качестве помощника героя в 35 сказках, оборотня — в трех; «задачей» героя он является 11 раз и только четырежды он выступает в не свойственной ему роли — активного помощника врага и один раз служит орудием мести.

Что касается кобылы (иногда жалкой хромой кобыленки), то помощником она зафиксирована нами восемь раз, оборотнем — шесть и «задачей» героя (вместе с детьми) — восемь раз.

Змей же (трех-, шести-, девяти-, 12-главый) и Чудо-Юдо в сказках Афанасьева упоминается 78 раз. Это в общем всегда или враг или владыка враждебного герою царства, временно заключивший с ним мир⁸⁻⁹. У змея, как правило, есть конь, на котором он ездит, собака и ворон, которые его сопровождают. Все эти животные предрекают хозяину гибель, т. е. выполняют функцию не столько помощников, сколько вещунов. Однако функция эта выражена слабо и находится как бы в пережиточном состоянии, а сами сопровождающие животные изображаются весьма реалистически.

Для выяснения роли и значительности того или иного животного в сказочном фольклоре рассмотрим табл. 1 и табл. 2.

В обеих таблицах отчетливо выявились наиболее популярные представители сказочного животного мира и наиболее характерные обязанности, которые они выполняли. Оказалось, что самыми распространенными функциями среди животных, птиц и рыб были функции помощников и оборотней. Обе они были тесно связаны и переплетены, поскольку оборотень, т. е. человек, превращенный в животное, в подавляющем большинстве также был другом и помощником героя.

В некоторых сказках и сам герой превращается в животное и говорит на «зверином» языке, но это в сказках группы «хитрая наука», не учтенных в таблицах. Герой в этих сказках становится конем, собакой, медведем, оленем, зайцем, голубем, лебедем, соколом, ястребом, скворцом, птицей, ершом, карасем, а его враг (колдун или ведьма) — конем, свиной, волком, львом, петухом, соколом, щукой¹⁰. Особой разницы в подборе животных нет. Правда, животные колдуна исключительно хищные и злобные (даже конь — дикий жеребец), но и у героя антиподы этим животным обладают аналогичной свирепостью. Число животных, в которых превращается герой сказки, их сила и ловкость всегда превышают силу колдуна.

Если сам герой не умеет превращаться в животное, он, когда этого требуют обстоятельства, надевает на себя шкуру собаки, барана, козла, быка (221, 295). Характеризуя Ивана — русского богатыря — сказочник говорит: «Рожа шитая, нос плетеный, язык строченый, ноги *телячьи*, уши *собачьи*» (233), — подчеркивая тем самым его родство с двумя животными — быком и собакой. В русских сказках одними из самых могущественных помощников героя являются богатыри, происходящие от этих двух животных: Иван Сученко и Иван Быкович (136, 137, 139). Третий, равный им по силе богатырь аналогичного происхождения — Ивашко Медведко (141, 152).

Таким образом, даже в тех случаях, когда помощником в сказке является человек, происходит он от животного — собаки, быка, медведя. Кровь одного из этих животных, например новорожденного бычка (355), может оживить умерших (как живая вода). Волшебными свойствами обладает и звериное молоко: волчье, львиное, медвежье и лошадиное. Оно дает герою силу, красоту, молодость (170, 202, 204, 205), т. е. также обладает качествами живой воды.

В сказках типа «хитрая наука» герой постигает язык животного, обычно он получает этот дар от спасенного зверя или гада (247, 248, 252, 253). Это дает ему возможность непосредственного общения с окружающим его животным миром.

Итак, сами условия большинства сказок таковы, что в них невозможно обойтись без каких-либо связей с животными (через родственников — отца или мать, или через молоко, кровь, язык).

Пережитки каких древних верований лежат в основе многочисленных и тесных связей человека со зверьми, птицами и прочей сказочной живностью? Думается, что мы имеем все основания говорить о проявлениях самой поздней формы тотемизма — так называемого индивидуального тотемизма¹¹. Мы знаем, что тотемные верования и обряды характерны для раннеродового общества. Что же касается индивидуального тотемизма, то он доживает до периода разложения первобытнообщинного

С. А. ПЛЕТНЕВА

ТАБЛИЦА 1

Корреляция домашних и диких животных с их функциями *

Функция	Животное									
	Собака	Кот	Корова	Бык	Козел	Коза	Баран	Свинья	Медведь	
Помощник (проводник) героя	148									
	158									
	190									
	191									
	201									
	204									98
	206									157
	215	190								202
	216	191	100							204
	248	265	101	201						205
566	566	558	202						557	
Оборотень- друг					260					
					262					
				201	263					
	249	138		202	277		261			562
Вещун	96									
	98									
	99									
	102									
«Задача» героя (редкий зверь)		146								
		147								
		216								
		217								
		218								
		315						182		
	561					213	183			
Враг героя										201
										202
Помощник врага героя, охрана ворот	103									
	141					420				
Орудие мести герою	158		158							

* Цифры здесь и далее в таблице означают номера сказок в сборнике Афанасьева.

Животное												Норка-зверь	Арысь-пого	
Волк	Волчица	Лев	Львица	Мать	Лиса	Олень	Заяц	Еж	Льва	Тигр	Кит			
				93										
168				98										
201		202		102										
202		204		236										
204		205		297	163									
205	156	233	150	557	164	155	268	113						
		155	155											266
	161													
						183								
						242						305		
			221											
			222											
			224										132	
										131				
										172				
										559	559			

ТАБЛИЦА 2

Корреляция птиц, рыб и прочих представителей мира животных с их функциями

Функции	Животное											
	Голуби	Гуси	Гусыня	Журавль	Курыца	Петух	Лебеди	Утка	Селсеень	Сорока	Соловей	Воробей
Помощник (проводника) героя		107										
		108										
		109										
		110										
		111										
		112										
		202		186								
	293	256		187			313		268	265		
Оборотень- друг	130											
	136											
	158											
	208											
	212											
	213											
	219											
	220											
	222								213			
	224								220			
	286								222			
	336								225			
	562			101					214	264		
								313	265	222		
Вещун												
							241		136			247
«Задача» героя (редкий зверь)												
									182			
									195			
					105				196			
				197				240				
Враг героя												
											308	
											309	
											310	
Оборотень- враг	368											
Помощник врага		113										

стройка. Приобретение личного тотема у многих племен приурочивалось к важнейшему периоду в жизни юноши — инициации¹². Поскольку весь сказочный цикл отражает именно этот период — посвящение героя в ранг взрослых, то естественно, что он уже в начале сложных обрядов инициации получает для успешного прохождения их помощника-тотема.

Таблицы 1 и 2 дают, как нам кажется, представление о том, какие представители животного мира были тотемами славянских юношей и какие из них были наиболее характерны и популярны. Мы видим, что круг их весьма ограничен. Излюбленным тотемом (помимо коня) была собака, затем бык (и корова), медведь, волк (и волчица), лев (и львица), мышь, гуси, ворон, сокол, орел, лягушка и щука. Перечисленные животные окружали героя в повседневной жизни. Исключением являются львы, никогда в исторически обозримое время не жившие в Восточной Европе, а также тигры и крокодилы. Лев органически связан с сюжетом сказки. Он не только помощник, но и один из главных персонажей; львица дает герою молоко, усыновляет его, заменить льва или львицу в сказке значит изменить сюжет данной сказки. Трудно сказать, когда львы стали тотемными животными, видимо, они прочно вошли в верования народа в то время, когда происходило тесное общение восточноевропейского населения с южным — с миром иранских легенд, обычаев и обрядов, в которых львы играли одну из ведущих ролей.

Тигры и крокодилы в сказках — это явно поздние образы, и функция их (охрана тридесятого царства) очень конкретна и ограничена: на этом месте сказочник мог поставить в любое время любого редкого и страшного зверя.

Если помощники-звери в сказках отражают представления, связанные с индивидуальным тотемизмом, то сказочные богатыри, рожденные от животных, представляют собой значительно более ранний пласт тотемизма — веру в перевоплощение (в непосредственное происхождение от тотема). Недаром, видимо, собака, бык и медведь были родителями этих богатырей: о них можно уверенно говорить как об основных (еще фратриальных) славянских тотемах. Впрочем, и остальные популярные помощники героя тоже, очевидно, были фратриальными или общеплеменными тотемами. В эпоху расцвета индивидуального тотемизма их, естественно, чаще выбирали себе в личные покровители, поскольку действенная сила их была уже проверена веками.

Последнее, на что следует обратить внимание в связи с поднятой в этой работе темой, — это повелители животных и птиц в сказках (в русских сказках чаще всего — баба Яга). Образ Яги достаточно подробно рассмотрен В. Я. Проппом¹³. Это, пожалуй, самый синкретичный персонаж сказки. Одной из граней ее деятельности является власть над животными. Интересно, что Яга, выведенная в сказках как хозяйка леса и животных, как правило, наиболее активная помощница героя, причем обычно она командует главными «общифратриальными» тотемами: конями (171, 172, 174), собаками (173, 204), соколами (176). Только в двух сказках фигурирует просто старуха (не Яга) — повелитель всяких зверей. Ей подчиняются «рыбы и гад водяной», «зверь лесной», «птица воздушная» (157, 212). В такой роли общеплеменного повелителя в сказках чаще выступает не женщина, а дед, старик или хозяин леса — лепий (123, 161, 175). Образ деда — хозяина леса — сливается с образом старика-колдуна, который обучает героя «хитрой науке» (в основном языку

животных и птиц). Очевидно, это переработанный сказкой образ патрона или распорядителя обряда инициации, являющегося по существу главной фигурой этого ритуала.

Обученный герой, умелый охотник достигал такой же власти над зверем, как и хозяйка леса — баба Яга и лепший. Так, в одной из сказок «князь-княжевич Иван-королевич» занимается охотой, в которой ему помогают не только собаки, ястребы и соколы, но и лисицы, зайцы, всякие звери: «кто чем мастерил, тот тем ему и служил: лисица — хитростью, заяц — прыткостью, орел — крылом, ворон — клевом» (205)¹⁴.

Итак, животные окружали древнего человека и почти никогда не были враждебны или неприятны ему. Получая от них в жизни самую реальную помощь и пользу, он невольно сам одарил их в своем воображении добротой, благородством, умом и могуществом. Вера в их готовность всегда прийти на выручку помогала человеку в трудной борьбе с самыми различными препятствиями, встававшими на его пути.

¹ Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 82—84.

² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. М., 1957.

³ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М., 1964.

⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; Милетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958; Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки; Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

⁵ От трех до 15 животных действуют, примерно, в 36% сказок.

⁶ Таких сказок около 40%.

⁷ Пропп В. Я. Исторические корни..., с. 152—164, 197—259; Новиков Н. В. Образы..., с. 157 и др.

⁸⁻⁹ На конкретно-историческое значение образа змея мы уже обращали внимание читателя в статье «Змей в русской сказке». См.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.

¹⁰ В одной из сказок говорится, что из утробы колдуна, если его сжечь, ползут змеи, черви, разные гады, полетят галки, сороки, вороны, т. е. существа также неприятные, злые и вредоносные.

¹¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964, с. 56.

¹² Токарев С. А. Ранние формы религии, с. 306—307; Пропп В. Я. Исторические корни..., с. 91.

¹³ Пропп В. Я. Исторические корни..., с. 40—96.

¹⁴ Впрочем, в этой сказке мы имеем дело, очевидно, с отражением многолетних «многоступенчатых» инициаций, поскольку Иван-королевич в отличие от обычных героев сказок уже женат и охотник, т. е. занят своим делом. Однако от жены он получает определенные задачи, а Змей Змеевич (поглотитель) пытается его задушить. Во время исполнения задач Ивану удается обзавестись еще дополнительными покровителями — волчком, медвежонком и львешком, и с помощью всей подвластной ему домашней и лесной живности он побеждает и убивает змея.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

ИКОНКА ИЗ АСТРАХАНИ

Б. А. Рыбаков первым составил сводку русских вещей, найденных в разное время на территории Золотой Орды¹. Список этот с течением времени пополнился многими находками — от ювелирных изделий до керамики, собранными как при раскопках золотоордынских центров, так и случайно². Последние годы принесли еще несколько вещей подобного рода. Среди них — медная иконка с именем и изображением святого Георгия, найденная случайно в Астрахани в районе Мопшик, где раньше находили русскую керамику XIII—XIV вв. Иконка поступила в Астраханский музей.

Иконка выполнена в технике литья, по краям сохранились литейные заусенцы. Само изображение дано в высоком рельефе (рис. 1). Георгий изображен в канонической позе святого воина — он дан в рост, фронтально; правая рука прижимает к плечу копьё, нижний конец которого упирается в землю; левая держит щит так, что его верхний край зажат между большим пальцем и ладонью, а нижний не касается земли. Поза обычна как для пешего Георгия, так и для Дмитрия Солунского и Феодора.

Вместе с тем облик Георгия необычен. Святой лишен нимба. Его массивное круглое лицо имеет несомненные черты монголоидности — широкие скулы, резко сужающиеся к вискам глаза, уплощенный нос и толстые губы. Вся фигура очень непропорциональна: большеголовый, без шеи, с могучим торсом, со слабыми, тонкими, короткими ножками. Руки также коротковаты, особенно правая, а кисти изображены настолько грубо, что напоминают клешни. Необычны рисунок чешуйчатого доспеха, форма щита, изображение наголовья.

Все эти и другие детали, а главным образом грубость исполнения сильно отличают астраханскую иконку от большинства известных изображений святых воинов, в частности Георгия. Однако при всей необычности облика Георгия изображение это по сути своей глубоко традиционно для русского искусства. Такая иконография происходит из византийского искусства, она получила очень широкое распространение в Древней Руси XI—XII вв. В XIII в. эту композицию вытесняет конный Георгий, но смена эта происходила, вероятно, постепенно³.

Рассмотрим детали изображения святого на астраханской иконке. Голова Георгия покрыта то ли чешуйчатым наголовьем, то ли кудрями. Георгия и в живописи, и в пластике изображали в большинстве случаев с непокрытой головой, в ореоле кудрявых волос, причем в разных произведениях каждый завиток показывали кружком с точкой в центре⁴. Может быть, треугольные, квадратные и пятиугольные чешуйки на голове нашего Георгия — это неудачное изображение кудрей. Однако ровная линия, отделяющая наголовье от лба, показывает, что, вернее всего, на голове воина одета панцирная шапочка или шлем.

Изображение Георгия в наголовье изредка встречается в древнерусском искусстве. На русских печатях среди множества святых воинов с

непокрытой головой однажды дан Дмитрий в княжеской шапке (с нимбом)⁵, однажды — воин без нимба в схематично изображенном сфероконическом шлеме⁶, а у одной фигурки святого поина (без нимба) на голове изображено что-то среднее между шапкой и волосами⁷. На повгородской иконе XIII в. «Еван, Георгий и Бласий» Георгий изображен в рост, с мечом и в шапке, богато украшенной⁸.

Одежда Георгия в основе своей также традиционна. Он облачен в чешуйчатый панцирь, доходящий до пояса или до бедер и оставляющий руки открытыми. Необычна форма пластинок панциря — это звездчатые чешуйки, расположенные в шахматном порядке. Нужно, однако, отметить значительно большее разнообразие форм таких чешуек в древнем изобразительном искусстве по сравнению с очертаниями реально существовавших деталей доспеха⁹. По-видимому, оно служило орнаментальным целям.

Ниже широкого пояса изображены, как обычно, рубаха, закрывающая колени, разделанная косыми встречными складками. На русских печатях и на других изображениях рисунок таких рубах также очень многообразен. Сходным образом изображен, например, низ одежды Иосифа в композиции «Снятие с креста» на каменном образке XIV в. из ГИМ¹⁰.

Ноги и рукава Георгия с астраханской иконки как бы перевиты поперечными перетяжками. Что касается рукавов, то этот прием встречается на подобных изображениях довольно часто — у фигурок воинов на русских печатях¹¹, на некоторых грузинских чеканных иконах X—XIII вв. Судя по последнему примеру, такой рисунок рукавов изображал защитные паручи¹².

Форма щита на иконке, действительно, необычна, но это также, по-видимому, вовсе не означает, что резчику были знакомы именно такие щиты. Щиты святых воинов такой формы встречаются на русских печатях, изображенные в фас и профиль¹³. Здесь, так же как и на иконах, в миниатюрах много круглых щитов с двумя или тремя концентрическими кругами внутри; такие щиты в профиль имеют воронкообразную форму с дугами внутри. Видимо, такой щит пытался изобразить мастер астраханской иконки; верхний диск мог изображать умбон.

В русском изобразительном искусстве круглые щиты преобладают вплоть до позднего времени, хотя археологически они зафиксированы в X в. Это явление объясняется копированием ранних произведений, а также влиянием Византии, где круглые щиты бытовали дольше¹⁴.

Рис. 1. Иконка из Астрахани с изображением св. Георгия

Таким образом, своеобразие изображения оборонительного доспеха Георгия не предполагает, по-видимому, знакомства мастера с какими-то реально существовавшими образцами, а свидетельствует лишь о его фаятазии и, возможно, о его удаленности от традиционных центров древнерусского искусства.

Грубость изображения, пропорции фигуры святого позволяют датировать иконку XIII—XIV вв. Голова Георгия составляет треть всей высоты фигуры, что характерно для этого времени (ср., например, пропорции фигуры Георгия на стеклянной иконке XIV в. из Москвы)¹⁵. Близкую дату — XIV в. — дает палеография надписи¹⁶ «оагос Геор» (святой Георгий). Она помещена по обе стороны головы святого. Слева — две первые буквы слова «оагос», помещенные одна под другой, справа — окончание слова и два первых слога имени, написанных в три строки.

Астраханская иконка обнаруживает некоторое сходство с каменным образком из ГРМ, опубликованным Н. Г. Порфиридовым. Автор находит уникальной эту трактовку образа святого Георгия: «Если бы не надпись, невозможно было бы узнать Георгия в этом коренастом, словно вросшем в землю широко расставленными ногами копейщика с монголо-видным лицом»¹⁷. Отмеченные особенности в полной мере могут быть отнесены к Георгию с астраханской иконки. К числу общих черт можно отнести большеголовость, широкоскулость, наличие шапочки, по-видимому, панцирной или кольчужной, перевитые рукава. Отличается Георгий с каменного образка миндалевидной формой щита, показанного в фас, и длинным, до щиколоток, доспехом. А. Н. Кирпичников датирует этот образок серединой XIII в.¹⁸

Вероятная дата астраханской иконки — XIV в., нахождение ее в Нижнем Поволжье, в месте, где, судя по находкам русской керамики этого времени, должно было существовать русское поселение, заставляет отнести рассматриваемую иконку к числу вещей, принадлежащих русским в Золотой Орде.

Среди вещей этого круга имеется продукция как русских центров, так и местных русских мастеров (чаще всего изготовлявших отливки по русским образцам более раннего времени)¹⁹. Об этом свидетельствуют находки бракованных изделий, а также предметы домонгольского времени в слое XIV в.

Иконка со святым Георгием, несомненно, принадлежит к оригинальным произведениям русского мастера, живущего в Золотой Орде. Этим объясняются и монголо-видные черты в лице святого (резчик привык видеть вокруг себя лица этого типа), и необычная трактовка доспеха, и сама иконография святого, не принятая в это время у русских.

Попытка выделить в русской мелкой пластике произведения мастеров, работавших в Золотой Орде и находившихся отчасти под влиянием восточного искусства, уже предпринималась²⁰. Приводимая А. В. Рындиной в качестве примера иконка из ГИМ с изображением Николы, Богоматери и Христа на одной стороне (на оборотной стороне трое неизвестных святых) имеет некоторые черты сходства с нашей — по пропорциям фигуры, по способу изображения носа и внутреннего угла глаза, по широкому овалу лица (центральная фигура Николы)²¹.

Таким образом, иконка с изображением святого Георгия относится к числу вещей, изготовленных русскими мастерами на золотоордынской территории.

- ¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1949, с. 527—528.
- ² Полубоярнинова М. Д. Русские вещи на территории Золотой Орды.— СА, 1972, № 3; Она же. Русская керамика с Волянского городища.— КСИА, 1971, вып. 129; Она же. Иконка с Селитренного городища.— СА, 1973, № 2.
- ³ Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве.— Византийский временник, 1953, т. VI, с. 204.
- ⁴ Лазарев В. Н. Новый памятник..., рис. 3; Бобринский А. А. Резной камень в России. М., 1916, вып. I, табл. 31, 34.
- ⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, № 349.
- ⁶ Янин В. Л. Актовые печати..., № 758.
- ⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., № 355.
- ⁸ Порфиридов Н. Г. Два произведения новгородской станковой живописи XIII в.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, вкладка.
- ⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. 3.— САИ, 1971, вып. Е1-36, с. 19; Лазарев В. Н. Новый памятник..., рис. 1, 3, 4, 8, 12, 16; ср., например, многообразие форм чешуек доспеха на изображениях Георгия в древней грузинской чеканке. См.: Чубинашвили Т. Н. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в. Тбилиси, 1957, № 52, 53, 59, 94, 96.
- ¹⁰ Рындина А. В. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 235.
- ¹¹ Янин В. Л. Актовые печати..., № 133, 134, 136, 206, 417, 418.
- ¹² Чубинашвили Т. Н. Грузинское чеканное искусство..., № 52, 54, 57, 59, 61, 94, 98, 135, 147.
- ¹³ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1, № 3, 72, 81, 117, 118, 136, 144, 167, 173, 180, 201, 270; т. 2 — № 372, 373, 381, 416, 417, 599, 699.
- ¹⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, с. 35—37.
- ¹⁵ Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва).— КСИИМК, 1956, вып. 65, рис. 41, 2.
- ¹⁶ Определено Т. В. Николаевой.
- ¹⁷ Порфиридов Н. Г. Георгии в древнерусской мелкой каменной пластике.— Сообщ. Гос. Русского музея, Л., 1964, т. VIII, с. 121.
- ¹⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, рис. 16.
- ¹⁹ Полубоярнинова М. Д. Русские вещи на территории Золотой Орды.
- ²⁰ Рындина А. В. Суздальский змевики.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 227.
- ²¹ Рындина А. В. Суздальский змевики, рис. на с. 228.

ЗОДЧИЕ И СТРОИТЕЛИ ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА

Общее количество памятников древнерусского зодчества, которое нам в настоящее время известно, меньше того, что было построено в действительности, поскольку часть древних сооружений, несомненно, еще не выявлена. Тем не менее археологическое изучение памятников древнерусского зодчества, проведенное за последние 30 лет, позволяет в какой-то мере приблизиться к представлению о количестве монументальных зданий, возведенных на Руси в течение X—XIII вв. В некоторых городах, где такое изучение велось наиболее интенсивно, подобные данные уже могут служить достаточно надежным основанием для выводов. В особенности это относится к памятникам древнего смоленского зодчества. Результаты детальной архитектурно-археологической разведки, проводившейся в Смоленске в период с 1962 по 1974 г., дают основания полагать, что количество найденных памятников здесь сравнительно невелико и основная часть наследия древнего смоленского зодчества уже выявлена¹.

В результате археологических раскопок здесь более или менее детально изучено 19 памятников зодчества XII—XIII вв. При этом, что особенно важно, исследованные памятники удалось датировать с достаточной точностью². Это дает нам право делать некоторые статистические подсчеты.

Так, для периода от 1145 до 1180 г., т. е. за 35 лет, нам известно семь памятников смоленского зодчества. Если учесть, что в действительности их количество могло быть немного больше, то окажется, что при последовательном возведении одного здания за другим на каждое из них приходится, примерно, по четыре года. Конечно, это средняя цифра: постройку маленькой церкви в Перекопном переулке, вероятно, можно было осуществить за более короткий срок, а постройку княжеского терема еще быстрее — за один-два сезона. Зато на постройку больших соборов — Борисоглебского, Петропавловского и Ивана Богослова — уходило, вероятно, по четыре-пять лет. Очевидно, что в Смоленске в это время работала всего одна строительная организация (будем условно называть ее артелью), которая не могла вести параллельное строительство двух объектов одновременно.

В 80-х годах XII в. обстановка существенно изменилась. За 20 лет — с 1180 до 1200 г. в Смоленске было построено еще не менее семи кирпичных зданий. Если, как и в первом случае, считать, что в действительности их было, вероятно, больше, то окажется, что при последовательном возведении одного здания за другим на постройку каждого шло всего около двух лет. Учитывая, что среди памятников, построенных в эти годы, находятся такие крупные храмы, как церковь архангела Михаила (так называемая Свирская), собор Троицкого монастыря на Кловке и со-

бор на Протоке, станет ясно, что строительство не могло вестись только последовательно; должны были возводить по два здания одновременно. По-видимому, не ослабевает интенсивность строительства и после 1200 г., вплоть до 1230 г., когда страшная эпидемия («мор») и резко изменившаяся политическая обстановка прервали развитие смоленской архитектуры.

Анализ памятников смоленского зодчества, возведенных после 1180 г., показывает, что они четко делятся на две группы. Прежде всего они разделяются по схеме своего плана: церкви одной группы имеют снаружи все три апсиды плоские, а изнутри — в виде очень пологой кривой; в то время как церкви второй группы имеют большую полукруглую центральную апсиду и плоские боковые. Второе существенное различие — в профилировке паружных пилястр: в памятниках первой группы они в нижней части плоские, в другой — сложнопрофилированные, пучковые. Таким образом, деление на две группы имеет типологический характер. Но есть и другие различия. Так, в храмах первой группы во всех трех апсидах стоят кирпичные ритуальные столы (престолы), а за главным алтарем в полу имеется след от установки большой запрестольной иконы или креста. Ни в одном памятнике второй группы подобных особенностей нет.

Между памятниками этих двух групп существуют и явные отличия в строительной технике. В храмах первой группы обнаружены внутрискладчатые деревянные связи; в памятниках второй группы (в раскрытой раскопками нижней части) таких связей нет. Только в памятниках первой группы отмечена такая своеобразная особенность, как двойные швы в кладке. Наконец, имеются отличия и в знаках на кирпичах. Набор рисунков выпуклых знаков на торцах кирпичей в храмах первой группы несколько отличается от набора рисунков во всех остальных постройках; в частности, только в этих памятниках широко используется такой знак, как треугольник и даже сочетания двух перекрещивающихся треугольников.

Таким образом, очевидно, что смоленские памятники зодчества начиная с 80-х годов XII в. четко делятся на две группы, несомненно, свидетельствующие о деятельности двух самостоятельных строительных артелей. Артели эти были неравноценны по производительности. Работа первой отражена в строительстве всего трех храмов (на Протоке, на Окопном кладбище и на Большой Краснофлотской улице), а работа второй за это же время представлена семью памятниками в Смоленске (церквами архангела Михаила, на Малой Рачевке, в Троицком монастыре на Кловке, у устья Чуриловки, на Воскресенской горе, в Спасском монастыре в Чернушках и Пятницы) и несколькими — в других русских землях (Старая Рязань, Новгород).

У нас еще слишком мало данных, чтобы можно было уверенно судить о том, что представляли собой эти строительные артели, но, видимо, это не были объединения свободных ремесленников типа цеховых организаций. Анализ материалов по организации средневековых строителей в Западной Европе дал исследователям основания для вывода об отсутствии цеховой организации строительного дела вплоть до XV в.³ Нет никаких оснований предполагать, что такие организации существовали в XII—XIII вв. и на Руси, поскольку специфика строительного производства не способствовала их созданию⁴.

Как уже было отмечено, различия между памятниками, возведенными силами двух смоленских строительных артелей, можно видеть как в общей схеме плана храма и его архитектурных формах, так и в технике кирпичной кладки и даже в системе знаков на кирпичках. Если бы кирпичники («плинфотворители») этой поры были свободными ремесленниками, работавшими на рынок, артели, вероятно, состояли бы только из мастеров собственно строительных специальностей и не включали бы кирпичников, поскольку кирпич можно было бы в таком случае покупать отдельно. Между тем некоторые отличия в знаках, делавшихся при формовке, показывают, что в каждой артели были свои кирпичники, изготовлявшие кирпичи только для нее.

Таким образом, очевидно, что строительные артели древнего Смоленска имели в своем составе специалистов, обеспечивавших работы на всех этапах строительства. Точный перечень специальностей сейчас еще невозможно установить. Очень вероятно, что такие специальности, как изготовление оконного стекла или свинцовых листов для кровли, не входили в компетенцию артелей, поскольку эти сложные специальности не были неразрывно связаны со строительством. Неясно также, как было организовано производство поливных керамических плиток для покрытия полов.

Несомненно, что в состав строительных артелей не входили живописцы. Об этом, в частности, можно судить по тому, что в церквях на Воскресенской горе и на Протоке, построенных разными артелями, были найдены фрагменты декоративной росписи (орнамент в виде кругов с вписанными в них птицами), совпадающие не только по стилю, но почти идентичные по рисунку. Очевидно, смоленские храмы в конце XII — начале XIII в. расписывала одна артель живописцев, независимо от того, какая строительная артель их возводила. Обеспечить монументальную роспись всех храмов, построенных в это время в Смоленске, эта артель живописцев, видимо, не могла, и поэтому некоторые храмы так и остались без росписи (церкви на Малой Рачевке и Пятницкая, собор Троицкого монастыря).

Тесная связь некоторых храмов, построенных главной, более сильной смоленской строительной артелью, с княжескими заказами (например, дворцовый храм архангела Михаила) дает основания думать, что это была княжеская артель. Были ли эти строители феодально зависимыми людьми или лично свободными, связанными договором, сказать трудно, но в любом случае работали они на смоленский княжеский двор.

Вторая, меньшая артель, вероятно, была монастырской или епископской. Об этом свидетельствуют не только объекты строительства (наиболее крупный из них — большой монастырский собор на Протоке), но и некоторые особенности интерьера самих храмов. Замена деревянных престолов в боковых апсидах кирпичными, а особенно установка за алтарем большой запрестольной иконы или креста на специальном основании не могли быть сделаны по желанию зодчего; эти нововведения слишком тесно связаны с культом, с церковной обрядностью, и для того, чтобы их допустить, нужна была санкция духовных властей, вероятно, епископа. Следует отметить, что в строительно-техническом отношении епископская артель была немного более традиционной, чем княжеская, хотя в целом разница была настолько невелика, что смоленскую строительную школу можно рассматривать как единое целое.

Во главе каждой строительной артели должен был стоять руководитель — зодчий⁵. Каковы были его точные функции, нам еще не вполне ясно. Вероятно, в эту пору деятельность руководителя строительства еще не полностью отделилась от непосредственного выполнения строительных работ, т. е. зодчий был в то же время и главным каменщиком. Сколько было зодчих в строительной артели? Видимо, большей частью во главе артели был один зодчий, быть может, имевший нескольких помощников и учеников. Но не исключено, что наиболее крупные артели имели и по нескольку руководящих мастеров-архитекторов. Зная в общих чертах количество и продукцию строительных артелей древнего Смоленска, можно попытаться выяснить и число зодчих.

Основным признаком, помогающим выявлять работы разных зодчих, является их творческий почерк. Но сложность состоит в том, что особенности творчества отдельных зодчих надо выявить на фоне общего сходства архитектурных форм данного времени. Точнее, надо отделить индивидуальные особенности творчества зодчего от почерка эпохи. Какие же особенности древнего памятника могут определить индивидуальный почерк строившего его архитектора? Прежде всего надо решительно отбросить основные типологические особенности сооружения. Был ли храм шестистолпным, четырехстолпным или даже вовсе бесстолпным, был ли он большим или маленьким, имел ли галерею или притворы, — все это определялось не особенностями творчества зодчего, а волей заказчика. Это очень ясно прослеживается в памятниках русской архитектуры более поздней поры; нет никаких оснований думать, что в XII—XIII вв. положение было иным⁶. Творческая манера зодчего, его индивидуальный художественный почерк могли сказаться не в размерах и типе сооружения, а в его стилистической характеристике, пропорциях, применении определенных архитектурных форм и особенно деталей. Если рассмотреть памятники архитектуры древнего Смоленска с такой точки зрения, то можно выделить особенности творческой манеры нескольких мастеров.

Меньше всего данных для выявления творческих особенностей зодчих дают памятники середины и второй половины XII в. Борисоглебский собор Смядынского монастыря, церковь Петра и Павла и церковь Ивана Богослова имеют настолько близкие архитектурные формы и детали, что вполне могли быть возведены под руководством одного мастера. Бесстолпная церковь в детинце отличается отсутствием профилировки пилестр, но эта особенность могла быть вызвана необычностью типа сооружения, имевшего внутри бесстолпную конструкцию при сохранении наружного трехчастного членения фасадов. И даже церковь Василия, очевидно, отличавшаяся иным, чем более ранние храмы, типом завершения, может отражать попытку того же зодчего решить новые задачи при помощи старых архитектурных форм. Конечно, за сорокалетний примерный срок, прошедший от возведения Борисоглебского собора до постройки Васильевской церкви, зодчий, руководивший смоленской строительной артелью, вероятно, сменился. Но уловить эту смену по архитектурным формам исследованных памятников пока невозможно.

Иначе обстоит дело в более позднее время, начиная с 90-х годов XII в. Памятники русского зодчества конца XII — начала XIII в. вообще отличаются меньшей стандартностью и большим разнообразием архитектурных форм и деталей, чем памятники середины XII в.⁷ Это в полной мере относится и к памятникам древнего Смоленска. Так, прежде всего

здесь явно выделяется манера зодчего, стоявшего во главе той строительной артели, которую мы, с известной долей предположительности, считаем епископской. Очевидно, это был один мастер, поскольку все формы и детали храмов на Протоке и на Окопном кладбище выдают один творческий почерк. Вероятно, это относится и к третьему храму, построенному данной артелью, — церкви на Большой Краснофлотской улице, хотя судить об этом трудно из-за очень плохой сохранности остатков здания.

Вопрос о главе другой смоленской артели — княжеской — значительно сложнее. Здесь очень хорошо выделяется художественный почерк строителя церкви архангела Михаила. Классическая ясность и четкость форм этого здания, полное соответствие его наружных членений внутренней структуре являются определяющими чертами почерка зодчего. Среди других смоленских построек эти особенности имеются только в небольшой церкви на Малой Рачевке, построенной сразу же после церкви Михаила, в конце XII в. Вероятно, что оба эти храма строились под руководством одного мастера. В более поздних постройках почерк зодчего уже не просматривается; очевидно, он перестал работать.

Примерно с рубежа XII и XIII вв. в постройках, возведенных силами княжеской артели, достаточно определенно видна рука двух других мастеров. Один из них строил собор Троицкого монастыря. Характер творчества этого зодчего определяет стремление обострить и усложнить композицию. Несогласованность внутренних и внешних членений резко отличают Троицкий собор от Михайловской церкви. Вместе с тем видно, что зодчий Троицкого собора был учеником первого мастера, поскольку все основные композиционные приемы Троицкого собора явно заимствованы из церкви Михаила. Совпадает здесь и характер профилировки сложных пучковых пилястр, но в еще более усложненном варианте. Ни в каком другом из исследованных памятников смоленского зодчества почерк этого мастера не улавливается, но зато он отчетливо виден не в Смоленске, а в Новгороде — в церкви Пятницы⁸.

Третий зодчий княжеской артели, по-видимому, начал работать на рубеже XII и XIII вв. Его почерк отличается чрезвычайной жесткостью и несколько преувеличенной выразительностью профилировки наружных пилястр. Среднюю тонкую полуколонку на пилястрах этот мастер заменяет прямоугольной в сечении тягой. Таковы церкви у устья Чуриловки, на Воскресенской горе и Пятницкая. Любовь этого зодчего к жестким прямоугольным формам проявилась даже в плане боковых апсид Пятницкой и Воскресенской церквей. В то же время общая композиционная схема его построек совершенно такая же, как и в постройках второго зодчего.

Таким образом, на рубеже XII и XIII вв. и в первой трети XIII в. в Смоленске одновременно работали три зодчих: два возглавляли княжескую строительную артель, а один руководил епископской артелью. Это было время наиболее бурного расцвета строительства в Смоленске, время, когда здесь могли одновременно возводить по два или даже по три монументальных здания. Учитывая, что Смоленск в этот период выдвинулся на место одного из ведущих архитектурно-строительных центров Руси, развернув наиболее интенсивную строительную деятельность, надо полагать, что в других городах, даже очень крупных, в это время имелось не больше, а, вероятно, даже меньше зодчих.

- ¹ *Ворогин Н. Н., Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего Смоленска.— В кн.: Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, с. 53; *Раппопорт П. А., Смирнова А. Т.* Архитектурные достопримечательности Смоленска. М., 1975. Публикации памятников смоленского зодчества: о Борисоглебском соборе см.: *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин.— Смоленская старина, ч. 1. Смоленск, 1909, вып. I, о церкви Петра и Павла см.: *Ворогин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г.— СА, 1969, № 2, с. 202; о бесстолпной церкви и тереме см.: *Ворогин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники.— СА, 1967, № 3, с. 294; о церкви в Перескопном переулке см.: *Авдусин Д. А.* Новый памятник смоленской архитектуры.— СА, 1957, № 2, с. 228; о церкви Ивана Богослова см.: *Ворогин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г.— СА, 1971, № 2, с. 179; о «Немецкой божнице» (ротонда) см.: *Авдусин Д. А.* Смоленская ротонда.— В кн.: Историко-археологический сборник в честь 60-летия А. В. Арциховского. М., 1962, с. 243; о церкви Василия см.: *Клетнова Е. Н.* Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни.— В кн.: Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, т. IV. М., 1912, с. 288; о церкви архангела Михаила см.: *Алешковский М. Х., Подъяпольский С. С.* Новые данные о церкви Михаила-Архангела в Смоленске.— СА, 1964, № 2, с. 231; о соборе Троицкого монастыря см.: *Раппопорт П. А.* Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске.— СА, 1975, № 4; о церкви на Малой Рачевке см.: *Ворогин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г., с. 211; о церкви у устья Чуриловки см.: *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске.— КСИА, 1975, вып. 144, с. 75; о церкви на Воскресенской горе не опубликовано (раскопки Н. Н. Ворогина в 1964—1965 гг.); о соборе Спасского монастыря см.: *Ворогин Н. Н.* К истории смоленского зодчества XII—XIII вв.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, з. 103; о Пятищичкой церкви см.: *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества.— В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, вып. 1, 1952, с. 114; о церкви на Б. Краснофлотской ул. см.: *Раппопорт П. А.* Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976; о церкви на Окопном кладбище см.: *Ворогин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г., с. 186; о соборе на Протоке см.: *Ворогин Н. Н.* Памятник смоленского искусства XII в.— КСИА, 1965, вып. 104, с. 18. Материалы, опубликованные до 1964 г., почти полностью переизданы в работе: *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964.
- ² *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату их кирпича.— СА, 1976, № 2, с. 83—93.
- ³ *Wyrobisz A.* Czy istniały strzechy budowlane? Przegląd Historyczny, t. 53, z. 4. Warszawa, 1962, s. 755.
- ⁴ Впрочем, высказывались предположения, что в Новгороде уже в XII в. формируются свободные наемные строительные артели. См.: *Беляев Л. А.* Архитектура Древней Руси (конец X — начало XIII в.) по данным археологии. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 16.
- ⁵ В древнерусских письменных источниках зодчие упоминаются под термином «мастер», реже — «зодатель» или «архитектор». *Porpe A.* Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, s. 36, 24.
- ⁶ Так, в конце XVI в. зодчий, строивший по заказам Бориса Годунова, возвел сперва маленькую бесстолпную церковь (Хорошево), затем четырехстолпный пятиглавый собор (Вяземы) и, наконец, огромный шатровый храм (Борисов городок). *Раппопорт П. А.* Зодчий Бориса Годунова.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 219; *Булкин В. А.* О церкви Вознесения в Коломенском.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 114.
- ⁷ Об этом см., например, *Асеев Ю. С.* Зодчество Приднепровской Руси конца XII — первой половины XIII в. Автореф. докт. дис., М., 1971, с. 24.
- ⁸ О том, что новгородская церковь Пятищичи строилась смоленскими мастерами, см., например: Архитектура Новгорода в свете последних исследований.— В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964, с. 211 (автор раздела — Г. М. Штендер).

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ОДНОЙ ИЗ ГРУПП КОРУН НА РУСИ

(К вопросу о путях сложения
русского традиционного головного убора)

В научной литературе неоднократно высказывалась мысль, что русский национальный костюм, в том числе и головной убор, несет в себе традиции многовековой истории.

Нередко в конструкции и в декоративном оформлении русских головных уборов XVIII—XX вв. узнаются отдельные детали головных уборов домонгольской поры¹. Так, на каргопольских кокошниках, на выступающих височных частях, вышиты височные кольца с тремя, пятью и семью лопастями, причем в шитье золотой нитью передан блеск металла². В отдельных случаях русский головной убор XVIII—XX вв. позволяет также представить и древние формы. Поэтому конструктивные элементы русских национальных головных уборов являются как бы ключом для поиска их прототипов, о существовании которых в Древней Руси нам известно лишь по отдельным деталям.

Это касается прежде всего тех украшений, которые найдены в домонгольских кладах и не обнаружены в древних погребениях, где само местоположение предмета указывает на его принадлежность к определенной части костюма. К ним принадлежит такая категория украшений, как металлические скобочки, или дужки, определенные Н. П. Кондаковым³ и Г. Ф. Корзухиной⁴ как детали женских головных уборов (рис. 1, 1, 2, 3). Эти украшения мы считаем возможным привлечь для определения времени и истоков происхождения одной из групп корун. Г. Ф. Корзухина полагала, что, как и сплошные золотые очелья, эти дужки окаймляли головной убор надо лбом⁵.

Дужки имеют вид полукольца, сделанных из пластин (рис. 1, 3). Один конец полукольца свернут в трубочку для продевания проволоки, а другой — имеет дырочки для прошивания. В одном случае дужки были свернуты в трубочки с двух сторон⁶ (рис. 1, 2). В двух кладах были найдены концевые пластины от дужек в виде сегмента (рис. 1, 4). Дужки делались из золота и украшались сканью, зернью, рубчатой проволокой и камнями, а концевые пластины — эмалью и жемчугом. Т. И. Макарова вслед за Г. Ф. Корзухиной пишет: «Весьма вероятно, что сложенные вместе дужки, замыкающиеся эмалевой пластиной, декорировали какие-то валики, участвовавшие в головном уборе»⁷. К этой же категории украшений (в смысле принадлежности их к валикообразному очелью) Г. Ф. Корзухина относила и так называемые аграфы — проволочные дужки с насаженными на них ажурными бусинами⁸ (рис. 1, 1).

Имеющиеся в археологической литературе сведения о данной категории украшений не дают представления о форме головного убора в целом. Не удалось найти ответа и в памятниках изобразительного искусства Древней Руси, что и заставило привлечь к исследованию русские национальные головные уборы.

Среди разнообразных головных уборов Севера имеются коруны — свадебные головные уборы с декором в виде прорезного валика из ткани⁹. Валик представляет собой чередующиеся фигуры в виде розеток и более сложных элементов, с отходящими вверх и вниз фигурными выступами, в некоторых случаях напоминающими побеги. Он пришит к жесткой основе головного убора так, что каждый элемент декора выгнут в виде дужки, а сечение валика аналогично концевым пластинам дужек домопольского времени (рис. 1, 5, 6, 7). Последнее позволяет предположить сходство формы вышеприведенных северных и не дошедших до нас древних головных уборов.

Помимо конструктивных особенностей валика корун, интересен и его орнамент, включающий розетки. Розетки корун сходны с розетками на некоторых северных прялках. Они имеют радиально расположенные лучи и украшены в центре цветными стеклышками, что и роднит этот орнамент с живыми цветами¹⁰. Таким образом, орнамент валика в целом создает впечатление венка из цветов. Кроме цветных стекол и камней, коруны украшались также бисером, рубленным перламутром и металлическими деталями. В декоре корун встречаются также и архаические типы украшений — трапециевидные привески, подвешенные на спиральках, и металлические лепты, венчики, известные в древнерусских могилах X—XIII вв. На одной из корун, хранящейся в Государственном музее этнографии народов СССР, венок украшен трапециевидными привесками, а ошейе — рифленной металлической лентой шириной в 2 см¹¹ (рис. 1, 8, 9).

Благодаря рифлениям лента создает впечатление примыкающих друг к другу нашивных бляшек или колодочек, аналогичных городским изделиям Древней Руси конца XII — начала XIII в. Следует обратить внимание и на орнамент, нанесенный на ленту. Он состоит из косога креста и скобочек, расположенных между лептиями, образующими крест, что полностью совпадает с орнаментом на колодочках с ожерелья из гробницы Анны — жены Ярослава Мудрого¹².

Сохранившиеся на Севере коруны относятся к концу XVIII — началу XIX в. Об истоках же самой их формы ничего не известно. Термин «коруна» отмечается в древнерусских письменных памятниках с XIV в. и является латинским заимствованием. В более раннее время термину «коруна» соответствовал общеславянский термин «венец», в первичном значении обозначавший «венюк» — гирлянду из цветов¹³. Венюк из цветов занимал особое место в свадебной обрядности. По аналогии с цветущей весной невесты украшали волосы гирляндами из цветов. Венюк являлся одновременно и символом совершеннолетия¹⁴ и символом непорочности, выполняя роль свадебного венца. «Завивание венка», гадание на венках о женихах во время весенних празднеств имело широкое распространение среди славян¹⁵.

Венюк из натуральных и искусственных цветов бытовал вплоть до XX в. в некоторых районах у русских и белорусов, а на Украине играл роль подвенечного венца, как коруна на Севере¹⁶.

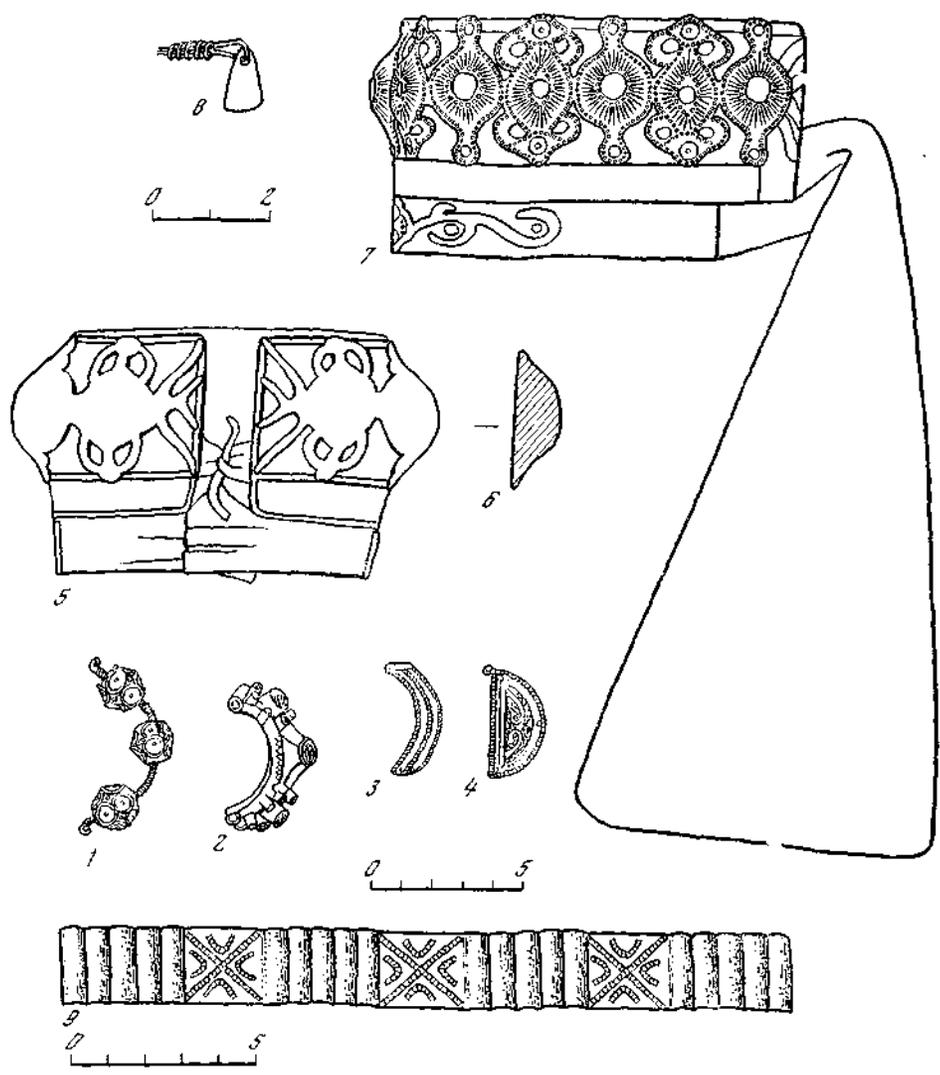

Рис. 1. Вещи из кладов

1 — аграф из Старорязанского клада 1967 г.; 2 — дужка из Киевского клада 1824 г.; 3, 4 — дужка и концевая пластина из Киевского клада 1880 г.;	5, 6 — корона из музея Этнографии народов СССР в Ленинграде (вид сзади и разрез вещи); 7 — девичий венец из Архангельского област-	ного краеведческого музея; 8 — трапециевидная подвеска с коруны; 9 — металлическая лента с очелья коруны

Особая роль венков и корун в свадебной обрядности, а также сходство декора корун как с венком из цветов, так и с вышеописанными деталями древних головных уборов из кладов позволяет предположить, что коруна возникла в результате синтеза народных и великокняжеских головных уборов еще в домонгольское время. О культурном взаимодействии крестьянской и великокняжеской среды свидетельствует и обрядовая сторона северорусской свадьбы, впитавшей особенности великокняжеской свадьбы, в силу чего жених назывался «князем», невеста — «княгиней», а гости «боярами»¹⁷.

Проникновение городских и великокняжеских украшений в окраинные земли Древнерусского государства характерно для конца XI и особенно XII — начала XIII в.¹⁸ В северных погребениях (в Вологодской, Новгородской и смежных с ними областях) находят серебряные позолоченные бляшки, трехбусинные серьги из дорогого металла, фрагменты тканей от одежд с шитым золотной нитью — предметы, известные по погребениям богатых горожан и князей. Б. А. Рыбаков и Г. Ф. Корзухина, характеризуя ремесло начала XIII в. — кануна нашествия татар, констатировали развитие его вширь, сопровождавшееся изготовлением недорогих украшений, имитирующих золотые и серебряные украшения знати. Сделанные из недорогого металла в имитационных формочках, они стали доступнее широким народным массам¹⁹.

Этот процесс не мог не коснуться древнерусского костюма в целом. Безусловно, возникали не только сходные формы украшений, но и одежды. К этому времени, очевидно, можно отнести и формирование головных уборов типа северных корун, делавшихся на жесткой основе из ткани, в подражание не дошедшим до нас дорогим великокняжеским головным уборам из металла. При этом в декор убора включался исконный народный венец — венок из цветов. Сама форма северных корун позволяет предположить наличие в древности брачных венцов, для которых, как и для корун русских царей XVI—XVII вв., было характерно наличие огибей — дужек из металла в верхней части тульи²⁰.

Совпадает также название исследуемых северных головных уборов — коруны и царских корон. Дужки из металла обычно оформляли верх корон как русских, так и западноевропейских²¹. Очень близкие домонгольским дужки использовались также в оформлении полусфер царских шапок²². Уже в домонгольское время известны были на Руси и восточные турбанообразные головные уборы с дужками²³. Однако головных уборов из небольших дужек, образующих валик, ни в великокняжеских, ни в царских головных уборах найти не удастся. Тем важнее привлечь для исследования северные коруны, декор которых содержит валик из дужек. Количество их на северных корунах — 13, что близко количеству дужек вкладах: на 12—15 дужек приходится две дужки со сплошной стенкой²⁴.

Сохранившиеся северные брачные венцы из бересты и дерева XVI—XVII вв. так же, как и северные коруны, в отдельных случаях имели валики, но не из дужек, а целые, что обусловлено материалом. На нижней части тульи венцов находился не только растительный орнамент, но также изображения святых²⁵. Н. В. Покровский уже в конце прошлого века высказал мысль, что брачные венцы XVI—XVII вв. делались по образцу царских: «Брачные венцы и царские казались народу явлением сродным»²⁶. Так, описанная И. Забелиным корона Ирины Годуновой включала венец из «12 равных башенок, по числу апостолов»²⁷. Сопо-

ставление короны Ирины Годуновой с брачными венцами XVI—XVII вв. и северными коронами XVIII—XIX вв. не только подтверждает мысль Н. В. Покровского об истоках формы и декора брачных венцов, но также позволяет поставить вопрос о принадлежности домонгольских диадем из киотцев²⁸ и дужек тем древним ритуальным головным уборам, которые послужили прототипом и для северных корон. Последние, в отличие от берестяных и деревянных венцов, не включили в оформление декора христианскую символику.

Интересно отметить также, что в быту царя XVI—XVII вв. в качестве свадебного головного убора предпочитались «кики», «чело» которых украшалось камнями, жемчугом и «пелепелками»²⁹ — всевозможными металлическими подвесками в виде перышек, птичек и т. п., что, как и растительный орнамент — «травы», «репы», уводит в символику, связанную с язычеством. Ту же символику мы видим и на северных коронах XVIII — начала XIX в.

Разнообразие орнаментальных приемов корон XVIII — начала XIX в. свидетельствует о живучести традиций в творчестве мастериц, имитировавших и эмаль, и жемчуг, и многокрасочность венков из цветов.

Наличие же металлических украшений типа трапециевидных привесок, характерных для финского костюма и бытовавших в Древней Руси на территории, сопредельной с финскими племенами, свидетельствует о включении в национальный костюм русских элементов культуры соседей.

В. С. Воронов, характеризуя пути сложения крестьянского искусства, отмечал запечатлевшиеся в его толще «ряды последовательных наслоений», которые проникали «через воздействие иноземцев или постоянно ассимилируемых инородческих племен, отлагались от общения с культурой городов, возникали из подражания вышестоящим социальным классам...»³⁰.

Одной из ярких иллюстраций этого процесса является сложение национального русского головного убора.

¹ Гринкова Н. П. Высочные украшения в русском народном женском костюме. — Сб. МАЭ, 1955, вып. XVI, с. 24—40.

² Молотова Л. Н. Русские кокошники — памятники народного искусства. — Труды Гос. Эрмитажа, 1974, вып. XV, с. 177—186.

³ Кондаков Н. Русские клады. СПб., 1896, с. 208.

⁴ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954, с. 60.

⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады, с. 62, 65.

⁶ Кондаков Н. Русские клады, рис. 65.

⁷ Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975, с. 54.

⁸ Корзухина Г. Ф. Русские клады, с. 61, 62.

⁹ Тагизина Л. В. Север Европейской части РСФСР. — В кн.: Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). Определитель. М., 1971, с. 156, рис. 150; Молотова Л. Н. К вопросу об атрибуции одной из групп северных головных уборов. — Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. XXXIV, с. 56—59. Автору статьи удалось познакомиться с корунами, хранящимися в ГМЭ (инв. № 5500—155), и с корунами, не включенными в указанное исследование Л. Н. Молотовой, а также с аналогичными коронами — девичьими повязками. Хранятся в Архангельском областном краеведческом музее, инв. № 1413, 1414, 1415. Так как и повязки, и коруны имеют одинаковые валики, в тексте будут приводиться лишь коруны. Автор статьи считает, что материал, привлеченный Л. Н. Молотовой для атрибуции корон XVIII—XIX вв., недостаточен для установления места их изготовления, а также для выяснения истоков самой формы корон и их орнаментации.

- ¹¹ ГМЭ, инв. № 5500—185.
- ¹² Корзулина Г. Ф. Русские клады, с. 52, рис. 8.
- ¹³ Лукина Р. В. Название предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI—XIV вв.— В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 246.
- ¹⁴ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 195.
- ¹⁵ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 215, 229, 337; Волков Ф. Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. 2, Пг., 1916, с. 616, 624.
- ¹⁶ Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в.— В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 227.
- ¹⁷ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938, с. 164.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 452.
- ¹⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 271, 453; Корзулина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, 1950, XIV, с. 233.
- ²⁰ Забелин И. Домашний быт русских царств в XVI—XVII ст. М., 1901, с. 488, 489.
- ²¹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 31. СПб., 1895, с. 317—320.
- ²² Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1969, ил. 97.
- ²³ Виснер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, рис. 17.
- ²⁴ Корзулина Г. Ф. Русские клады, с. 60.
- ²⁵ Богуславский В. И. Деревянные священные сосуды и брачные венцы в Нижегородской губернии.— Труды VII Археологического съезда 1887 г., т. III. М., 1892, с. 22—23, рис. 2; Бернштам Т. А. Забытые памятники древнерусского искусства.— СЭ, 1963, № 2, с. 130—134, рис. 2.
- ²⁶ Покровский Н. В. О брачных венцах.— Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887, с. 203—205.
- ²⁷ Забелин И. Домашний быт русских царств..., с. 360.
- ²⁸ Макарова Т. И. Перегородчатые эмаль..., табл. 11, 12.
- ²⁹ Забелин И. Домашний быт русских царств..., с. 489; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, М., 1956, с. 28. Пелепель, пелепелка, вместо перепель (птица). Пелепель, пелепелки — отдельные узоры, насаженные на одежду.
- ³⁰ Воронов В. С. Крестьянское искусство. М., 1924, с. 30.

Р. А. СИМОНОВ

«ЗАПИСЬ» ЧИСЕЛ НА ДРЕВНЕРУССКОМ АБАКЕ

Б. А. Рыбакову принадлежит предположение, что на миниатюре Радзивилловской летописи конца XV в., иллюстрирующей запись 1182 г. об осаде Торжка, дано схематическое изображение древнерусского наглядно-инструментального счета, или гадания (рис. 1) ¹.

На миниатюре Радзивилловской летописи нет горизонтальных линий, а счетные элементы расположены между вертикальными линиями и вне их. Причем то, как они обозначены (точками), заставляет думать, что изображенный вычислительный способ не предполагал использования особых жетонов. Это показывает, что наглядно-инструментальный счет, если он представлен на миниатюре, не являлся «счетом на линиях».

Последний сложился не ранее XIII в. ² Если на Руси в XI—XII вв. употреблялась какая-то разновидность абака (наглядно-инструментального

Рис. 1. Миниатюра из Радзивилловской летописи со схематическим изображением наглядно-инструментального счета, или гадания.

счета), то ею, естественно, не мог быть «счет на линиях», как еще не существовавший. Следовательно, на миниатюре Радзивилловской летописи может изображаться счет на абаке еще домонгольского времени.

Какие сохранились письменные источники, подтверждающие использование тогда на Руси абак? Это дополнительные статьи Карамзинской группы списков «Русской Правды» и «Учение им же ведати человеку числа всех лет», написанное Кириком Новгородцем в 1136 г.

Дополнительные статьи с расчетом приплода скота, пчел и прочего встречаются в некоторых списках середины XV и последующих веков Пространной редакции «Русской Правды». По содержанию эти статьи-задачи не имели практического значения для исчисления дохода от конкретной вотчины. Б. А. Рыбаков выдвинул идею об учебном назначении указанных статей-задач по пересчету природы на деньги³.

Изучение статей-задач в соответствующем направлении привело к выводу, что они, очевидно, предназначались для обучения арифметическим операциям на абаке, «запрограммированным» в древнейшей русской денежной системе X—XII вв.: 50 резан=20 ногатам=1 гривне⁴.

«Учение» Кирика является средневековым трактатом, посвященным единицам времени (год, месяц, неделя, день, час) и основам церковного календаря. «Учение» Кирика сохранилось в трех списках разного состава, древнейший из которых относится к XVI в. Недавно эти списки

были изучены с учетом языковых и палеографических (в записи чисел) особенностей⁵.

Как Кирик производил подсчеты? В Византии их могли выполнить либо на основе наглядно-инструментального счета (что наиболее вероятно), либо без применения абака, посредством записи чисел в архаической «буквенной» нумерации с последующим выполнением действий письменно по правилам, напоминающим современные. Последний случай предполагает в записи чисел строго поразрядный порядок. Например, в числе ТІВ (312) соблюдается указанный порядок: сотни (Т=300), десятки (І=10), единицы (В=2)⁶. Он был обычным в византийской письменной практике.

Если на Руси и у южных славян средневековая арифметика имела «письменную» основу, то закрепился бы византийский порядок: ІА, ІВ и т. д. Но этого не случилось⁷.

Сделанный выше вывод о необходимом переходе к порядку по типу ІА и т. д. при распространении «письменной» арифметики исключает ее существование в древнерусской практике, так как в XI—XII вв. здесь закреплялся противоположный порядок записи чисел 2-го десятка (АІ и т. д.). В результате вышесказанного можно заключить, что свои результаты Кирик получил, вероятнее всего, пользуясь какой-то разновидностью средневекового абака.

Таким образом, каждый из двух источников — статьи-задачи с сельскохозяйственным содержанием из «Русской Правды» и «Учение» Кирика, рассмотренные независимо друг от друга, — свидетельствуют об употреблении в домонгольской Руси наглядно-инструментального счета.

Проблема древнерусского абака получит окончательное решение, когда будет установлен в деталях процесс счета на нем.

Ниже рассматривается текст, приближающий решение поставленного вопроса, из математического учебника Якобо Накциановича, изданного в 1759 г. в Вильно (теперь Вильнюс) на латинском языке⁸.

Этот компилятивный университетский учебник более чем двухсотлетней давности, составленный по известному немецкому руководству Хр. Вольфа, содержал дополнительную (последнюю) главу, посвященную вычислениям на абаке — «калькуляторной арифметике» (*arithmetica calculatoria*). Как отмечает Н. Д. Беспамятных, анализировавший учебник Я. Накциановича, эта глава не имеет отношения к творчеству Хр. Вольфа и выглядит для середины XVIII в. анахронизмом⁹. Возможно, Я. Накцианович хотел ознакомить студентов с вычислительными методами, издавна бытовавшими в окружающей народной среде.

Краткий, несколько более двух страниц текст дополнительной главы посвящен изложению способа откладывания чисел счетными камешками (*calculos*) и четырем арифметическим операциям (сложению, вычитанию, умножению и делению). На таком абаке счет мог вестись не буквально камешками, а плодовыми косточками, бобами и другими мелкими предметами. Эти счетные элементы располагали в горизонтальных рядах или уровнях; на самом нижнем уровне откладывались единицы, на следующем — десятки, далее — сотни, наивысшим указан 7-й уровень — для разряда миллионов. Каждый счетный элемент выражал либо одну, либо сразу пять разрядных единиц. Счетный элемент — пятерка занимал крайнее левое положение, поскольку отступя располагались единицы. Последних должно было быть не более четырех; всех же счетных элемен-

тов вместе с пятеркой — не более пяти на каждом уровне. Об отсутствии разряда можно было заключить по использованию особого элемента, отличного по виду от остальных (в схемах Я. Накциановича в соответствующих случаях стоит звездочка).

Изложенный способ имеет «узкое» место: можно было ошибочно принять пятерку за единицу, если элемент «пятерка» был недостаточно отодвинут влево. Наоборот, один из элементов — единиц можно было принять за пятерку, если он оказался бы слева от остальных на некотором расстоянии. В «счете на линиях» такие недоразумения почти исключались, так как единицы в нем откладывались специальными жетонами на горизонтальных линиях, а пятерки — в шпациях (т. е. между линиями).

Следовательно, способ откладывания чисел счетными элементами, изложенный Я. Накциановичем, был менее совершенным, чем «счет на линиях». Это может свидетельствовать о большей архаичности первого способа по сравнению со «счетом на линиях».

Арифметические операции на абакe в учебнике Я. Накциановича модернизированы. Об этом говорит такой факт. Схема сложения, кроме итоговой суммы, содержит ее удвоенный результат. К сложению этот результат не имеет прямого отношения, и в пояснениях автора книги о нем нет речи. Если же учесть особенности средневековой арифметики, где на основе действий удвоения и раздвоения выполняли умножение и деление, то указание удвоенного результата будет понятным. Удвоение являлось важным частным случаем сложения, которым надо было владеть, чтобы производить более сложные арифметические действия. Однако указанный у Я. Накциановича удвоенный результат является совершенно лишним, так как действия умножения и деления он излагает на абакe как аналогии «письменных» операций. Это же он специально подчеркивает ссылками на предыдущие параграфы, где проводились соответствующие правила умножения и деления современного типа.

Таким образом, изложение подсчетов с помощью абакa, данное Я. Накциановичем, содержит как бы два хронологических слоя. Способ «записи» чисел отражает архаический период, возможно, предшествующий появлению «счета на линиях». Выполнение же умножения и деления является позднейшим приспособлением средневекового наглядно-инструментального счета к правилам выполнения действий, сложившихся в «письменной» арифметике.

Если сравнить «запись» чисел на абакe из учебника Я. Накциановича со схематическим изображением инструментального счета (гадания?) в Радзивилловской летописи, то, хотя полной аналогии не обнаруживается, видно внешнее сходство в типе счетных систем. В отличие от «счета на линиях» их роднит отсутствие горизонтальных линий. Иллюстративное назначение миниатюры не позволяет ее ставить как источник в один ряд со схемами учебного текста. Обусловлены группировки счетных элементов на миниатюре способом счета и особенностями восприятия художника или копировавшего гадательный рисунок.

Взяв за основу метод «записи» чисел счетными элементами из текста Я. Накциановича, можно воспроизвести часть вычислительной работы Кирика. Из его пояснений следует, что один результат мог быть получен умножением исходного числа 2426721 (число дней, прошедших от «сотворения мира» до 1136 г.) на 12 (число часов дневных, «кроме пощии») ¹⁰. Для нахождения искомого результата Кирику было достаточно,

				••		••
	••	••••	••••	•	••••	
	••••	•	•••	••		•
	••	•		•		••
•	•	•••	•	••		×
•	••	••••		••	•	•
	••	••••		•	•	
	•	••		×		••
2 426 721	4 853 442	24 267 210	29 120 652			
<i>Исходное число</i>	<i>Удвоенное число</i>	<i>Удесятенное число</i>	<i>Искомый результат</i>			

Рис. 2.

удвоив и удесятерив, т. е. «приподняв» на один уровень, исходное число, сложить полученные значения, что и запечатлено на схеме.

С помощью такого счета на абаке можно проиллюстрировать все вычисления Кирика. В учебнике Я. Накциановича, кроме удвоения, других средневековых способов счета не указывается. Пришлось бы их реконструировать без достаточной гарантии, что именно так вычислял Кирик. Поэтому будет разумнее ограничиться рассмотренным случаем, чтобы избежать неточностей.

Рассмотренный пример интересен тем, что он показывает, каким образом могло сказаться вычисление на разночтениях в текстах «Учения». Итоговый результат 29 120 652 во всех списках записан по-разному. В Погодинском списке XVI в. на месте N=50 стоит союз И¹¹.

В Румянцевском списке XIX в. соответствующий разряд пропущен и нет союза¹². В Мазуринском списке XVIII в. вместо NB=52 стоит IB=12¹³.

Исходя из сходства начертаний N и И, можно предположить, что первое из них имелось в первоначальном тексте, но впоследствии переписчиком было заменено по сходству на союз. Последний другим переписчиком был отброшен, и число приобрело вид, как в Румянцевском списке, с дефектом в записи 2-го разряда. В это объяснение «ше укладывается» запись рассматриваемого числа с 12 на месте 52 в Мазуринском списке. Однако именно этот случай получает истолкование на основе особенностей счета на абаке по схеме, приведенной на рис. 2.

Складывая удвоенное число (2-я колонка) с удесятенным (3-я колонка), получаем в итоге на нижнем уровне две единицы. Они переносятся в колонку (4-ю) искомого результата. Четыре единицы следующего

уровня 2-й колонки складываем с одной из соответствующего уровня 3-й колонки, получаем пять. Эту пятерку откладываем одним счетным элементом в 4-й колонке во 2-м уровне обязательно слева, иначе этот элемент ошибочно может быть принят за единицу, а не за пятерку. Не произошло ли нечто подобное у Кирика? Он подсчеты сделал правильно, но когда стал «считывать» результат, то элемент пятерку принял за единицу. Такая ошибка вполне могла произойти, если бы элемент оказался несколько смещенным от левого края вправо.

Следовательно, уже в протографе «Учения» в итоговом числе на месте $NB=52$ могло стоять $IV=12$, как это представлено в Мазурицком списке. Позднейший переписчик, усвоивший запись чисел 2-го десятка с обратной славянской инверсией, мог принять «и» десятиричное за союз стоящий перед двойкой. Такое осмысление числа представлено в Погодинском списке, где на соответствующем месте стоит в качестве союза «и» восьмеричное. Другим переписчиком союз был отброшен и получилась дефектная запись числа — без десятков, как в Румянцеvском списке.

Привлечение материала из учебника Я. Накциановича о наглядно-инструментальном счете позволяет лучше разобраться в свидетельствах иностранцев об употреблении русскими вычислителями плодовых косточек. Немец Г. Штаден, бывший опричником Ивана Грозного, указывает, какими именно: вишневыми и сливовыми¹⁴. Судя по типу абака, описанному Я. Накциановичем, для откладывания чисел нужно пользоваться двумя видами счетных элементов. Один вид употреблялся для откладывания разрядных единиц и пятерок, а другой — для отметки отсутствия разряда, т. е. нулей. Значит, если эту модель абака отождествить со счетом, который наблюдали иностранцы, то становится понятным, почему в нем употреблялись косточки двух сортов. Вишневыми, например, откладывали единицы и пятерки, а сливовыми — нули, или наоборот.

Иностранцы не говорят в своих воспоминаниях, на чем производился русский счет. Среди атрибутов счета, кроме плодовых косточек, упоминаются только мешочки, в которых их носили. Можно полагать, что особой счетной доской не было. Не исключено, что типичной вычислительной площадкой была земля. Кстати, схематическое изображение счета в Радзивилловской летописи как раз указывает на такой случай. Типы абакoв различались друг от друга своими конструктивными особенностями, что определяло различия в способах «записи» на них чисел. Абаки одного и того же типа могли отличаться в деталях один от другого. Это обусловлено тем, что они были «привязаны» к именованным числам, в основном денежным наименованиям.

Соотношения между фракциями денежных систем варьировались в разных странах и в одной стране в разные исторические периоды. Изменения в денежной системе приводили к изменениям в «записи» чисел и в правилах для выполнения арифметических операций. На Руси неоднократно изменялась денежная система. Поэтому древнерусский абак мог конструктивно изменяться, но эти изменения не обязательно вели к откату от первоначального типа его структуры.

В таком случае, ориентируясь на описание абака в книге Я. Накциановича, можно реконструировать систему «записи» чисел в древнерусском инструментально-наглядном счете. Счетные элементы располагали на горизонтальных уровнях, каждый уровень соответствовал числовому разря-

ду (в полных рядах). Разряду единиц отвечал самый нижний (1-й) уровень, разряду десятков — 2-й уровень, разряду сотен — 3-й и т. д. Уже в XII в. древнерусский абак включал не менее восьми уровней, о чем свидетельствует «Учение» Кирика Новгородца, где числа достигают порядка 29 млн., т. е. 8-го разряда.

На каждом уровне помещались счетные элементы единицы (не более четырех) и элемент пятерка, который обозначался таким же счетным элементом, но располагался слева на некотором отдалении от элементов единиц. Пропуск разряда (т. е. ноль) отмечался каким-нибудь мелким предметом, отличным по виду от остальных счетных элементов.

Какие мелкие предметы использовали в качестве счетных элементов в домонгольской Руси? Если соответствующая традиция осталась неизменной и в позднее средневековье, то ими были плодовые косточки: вишневые и сливовые. Совокупность имеющихся данных приводит к заключению, что вычисления могли делать на земле. Возможно, что ряд числовых данных (некоторые исходные, промежуточные и конечный результат) вычислитель записывал на дощечках для писания по воску (церах), которые в Новгороде археологи находят в слоях, начиная с конца XI в.¹⁵

Писалом, которое использовали при записи по воску, могли проводить разграничительные вертикальные линии на земле в процессе «счета костями».

Нельзя считать, что в учебнике Я. Накциановича (1759) представлен древнерусский абак в своем «первозданном» виде. Это обусловлено, в частности, тем, что соответствующий текст неоднороден по происхождению. Наряду с архаичными данными (способ «записи» чисел на абак, удвоение) в нем содержится значительно более современный материал (способы умножения и деления). Кроме того, известно крайне мало достоверных сведений о древнерусском наглядно-инструментальном счете, чтобы можно было реконструировать во всех деталях то, как на нем производились средневековые арифметические вычисления. Тем не менее несомненна ценность этого источника для решения проблемы о характере древнерусского наглядно-инструментального счета. Данные, которыми располагают современные историография и источниковедение о вычислительной культуре на Руси, на основе указанного источника дают возможность реконструировать для XI—XVII вв. общий тип «записи» чисел на абак.

Дальнейшие археографические и археологические разыскания, возможно, позволят более точно установить, какими были структурные особенности счета на абак в различные исторические периоды и на различных русских территориях.

¹ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, т. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, л. 228 (верхняя пагинация); Чернецов А. В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи.— СА, 1977, № 4, с. 301—306.

² Юшкевич А. П. История математики в средние века. М., 1961, с. 359.

³ Рыбаков Б. А. Просвещение.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. 2. Духовная культура, М., 1970, с. 180.

⁴ Симонов Р. А. О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси.— СА, 1975, № 3, с. 82—93.

⁵ Симонов Р. А. О композиционной структуре «Учения» Кирика Новгородца (1136 г.).— В кн.: Историко-математические исследования. М., 1973, вып. XVIII, 419

- с. 264—277; *Иванов В. В.* Замечания по поводу языковых особенностей сочинения Кирика Новгородца о числах и счете (1136 г.).— В кн.: Историко-математические исследования. М., 1973, вып. XVIII, с. 278—279.
- ⁶ Титла над «буквенными» цифрами для удобства набора опускаются.
- ⁷ *Симонов Р. А.* О методологии изучения математики Древней Руси.— СА, 1970, № 3, с. 256—257.
- ⁸ *Naksyanowicz Jacobo.* Praelectiones mathematicae ex Wolfianis elementis adornatae. Vilnae, 1759, p. 149—151.
- ⁹ *Беспамятных Н. Д.* Математическое образование в Белоруссии. Минск, 1975, с. 36.
- ¹⁰ *Новгородец Кирик.* Учение им же ведати человеку числа всех лет.— В кн.: Историко-математические исследования. М., 1953, вып. VI, с. 178—179. Запись чисел у Кирика дается в архаической «буквенной» нумерации.
- ¹¹ Отдел рукописей ГПБ, Погодинское собрание, № 76, л. 343.
- ¹² Отдел рукописей ГБЛ, ф. 256, № 35, л. 1 об.
- ¹³ ЦГАДА, ф. 196, № 1069, л. 116 об.
- ¹⁴ *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного.— В кн.: Записки немца-опричника. Л., 1925, с. 83.
- ¹⁵ *Кочин Е. А.* Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, 1971, вып. Е1-55, с. 18—19.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА НЕКОТОРЫХ РОСТОВСКИХ МОНЕТАХ КОНЦА XIV—НАЧАЛА XV В.

Одной из сторон многогранной научной деятельности Б. А. Рыбакова было изучение мелкой пластики Древней Руси, ее атрибуция и расшифровка изображений на ней. В близком родстве с этими изображениями находятся рисунки на русских средневековых монетах, представляющие совершенно не изученный мир древнерусского искусства.

В этой статье мы попытаемся определить смысл композиции, встречающейся на ростовских монетах конца XIV — начала XV в. и на некоторых других монетах того же времени. Композиция эта состоит из стоящего человека с секирой перед деревом, за которым лежит человеческая голова. Над головой часто помещали орнаментальную плетенку, обычную на русских и золотоордынских монетах.

Эта сцена изображалась в двух главных вариантах: стоящий человек помещен в левой части поля и обращен направо, а голова — в правой; стоящий человек помещен в правой части поля, а голова — в левой. Чаще употребляется первый вариант. Имелось два варианта круглой рамки, точечная и линейная. Композиция встречается на ростовских монетах, чеканенных от имени князей Андрея Федоровича (1331—1409 гг.) и Александра Константиновича (1365—1404 гг.), Андрея Федоровича (1331—1409 гг.) и Андрея Александровича (1404—1415 гг.), Федора

Андреевича (1409—?) и Андрея Александровича (1404—1415 гг.), Андрея Федоровича (1331—1409 гг.) и Константина Владимировича (?—1415 гг.). Известно, что в эти годы в Ростове было два княжеских правления — одно на Сретенской стороне (князя Андрей Федорович и его сын Федор), другое на Борисоглебской (князя Александр Константинович, Андрей Александрович и Константин Владимирович) ¹. С. И. Чижов определил принцип, согласно которому указанная композиция была свойственна князьям Сретенской стороны, чьи имена мы читаем только в тех круговых легендах, которые окаймляют эту сцену ².

Изображение стоящего человека обычно четкое, лицо в профиль, показаны его длинные волосы, в обеих руках он держит секиру. Дерево показывается иногда в виде вертикальной палочки с одним ответвлением в противоположную человеку сторону, иногда в виде ствола с несколькими ветвями, иногда с точками на ветвях, означающими листья. Часто нижняя часть дерева утолщена. Голова показывается обычно в виде дуги, в которой находится овальная крупная точка. Иногда переданы черты лица. Почти всегда на дереве показана птичка (рис. 1, 1—5).

Мы считаем возможным толковать эту сцену как изображение Иоанна Предтечи с секирой перед деревом. Эта композиция восходит к византийским иллюстрациям евангельских сюжетов ³. Дерево и секира изображались как аллегория проповеди Иоанна о приближении царства небесного.

Иоанна Предтечу часто изображали вместе с его отрубленной головой. В рассматриваемой сцене отрубленная голова тоже присутствует. Она, видимо, повторена еще раз в кольцевой легенде, где помещена человеческая личина в фас с распущенными волосами или с нимбом. Голова во внешней круговой легенде имеется только на тех монетах и только на той стороне, где есть указанная композиция. На других монетах и на других сторонах монет головы в круговой легенде нет. Голова располагается в круговой легенде над деревом, обычно пересекая рамку и спускаясь в основное поле монеты.

Очень близко к рассматриваемой композиции на монетах изображено на одной из сторон серебряной литой гривны начала XIII в. из коллекции Н. И. Постникова, которая была отнесена Б. А. Рыбаковым к князю Ивану Стародубскому ⁴. Иоанн Предтеча изображен, как обычно, на монетах повернутым вправо. В отличие от рисунка на монетах дерево помещено слева, за ним. У Иоанна нет в руках секиры, а есть свиток, которого нет в монетах. Сходна трактовка отсеченной головы с нимбом и веток дерева.

Среди икон XV—XVII вв. много изображающих Иоанна Предтечу перед деревом. Секира лежит (в отличие от монетной композиции) на дереве или у его основания. Голова иногда на блюде, в руках самого Иоанна, иногда рядом, иногда ее совсем нет ⁵. Изображение Иоанна Предтечи с «деревом пустыни» встречается на русских средневековых печатях ⁶.

Нам неизвестно изображение Иоанна Предтечи с секирой в руках. Мы относим это новшество монетчиков за счет малого размера монетного поля, заставившего их пойти на некоторые упрощения: заменить свиток в руках святого символом — секирой.

Проследившаяся некоторая эволюция рассматриваемой композиции. На ростовских монетах вначале ее изображали в точечном ободке с повернутой вправо фигурой Иоанна Предтечи. Затем стали изображать в

Рис. 1. Монеты Ростовского княжества (1—5); монеты «князя великого» неизвестного центра чеканки (6—8)

линейном сплошном ободке, а иногда повернутым влево, но сохранялся и первоначальный тип. Последние варианты встречаются значительно реже.

Известны серии монет с изображением человека вправо, дерева с птичкой — перед ним и головы человека — за деревом в тройной линейной, точечной и линейной круговой рамке без легенды, но с включенной в эту рамку головой человека в фас (рис. 1, 6, 8). На другой стороне изображен только один человек с секирой и саблей вправо и помещена круговая легенда: «Печать князя великого» (рис. 1, 7). Некоторые нумизматы относили эти монеты тоже к ростовскому чекану⁷. Другие, чтобы согласовать титул «князя великого» с рисунком, характерным для ростовских князей, которые были удельными князьями, считали, что эти монеты выбиты московским великим князем после присоединения к Москве Сретенской стороны Ростова⁸. А. В. Орешников относил их к разряду неопределимых⁹. Мы считаем возможным, что эти монеты чеканены в Суздальско-Нижегородском княжестве. Вероятно, иконографическая схема Иоанна Предтечи с секирой перед деревом и отдельно лежащей головой использовалась монетчиками не только ростовского монетного двора, но и других городов.

На ростовских монетах по каким-то причинам эта композиция сохранилась наиболее полно. Постепенно она утрачивает некоторые детали. Например, есть монеты начала XV в., относимые к неопределенным, с изображением человека с секирой, стоящего перед человеческой головой¹⁰. Мы думаем, что это тоже изображение Иоанна Предтечи с утерями некоторых существенных частей композиции (дерева), что вполне понятно, если учесть малый размер монетного поля.

Есть монета, предположительно отнесенная А. В. Орешниковым к Андрею Дмитриевичу Можайскому¹¹. На лицевой ее стороне помещено изображение человека влево с секирой в одной руке. Перед ним — человеческая голова. В другой руке, считает А. В. Орешников, — сабля. Но сохранность монет и размеры поля не дают возможности точно определить этот предмет.

На монетах, относимых А. В. Орешниковым к ростовскому чекану, но, видимо, чеканеных в Можайском княжестве, изображен стоящий человек с секирой и мечом (или саблей)¹². Перед ним также имеется изображение отделившейся от туловища головы человека. Дерево отсутствует. На монетах того же типа есть изображение человека с мечом и секирой, но вместо головы показано дерево¹³. От иконографической схемы Иоанна Предтечи остается в первом случае отсеченная голова, во втором — дерево. Нам представляется, что на этих монетах произошло слияние иконографии Иоанна Предтечи с изображением воина-князя, столь часто встречаемого на русских монетах конца XIV — начала XV в.

¹ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 162—175; *Он же*. Материалы к русской нумизматике допетровского периода. — ТМНО, 1899, т. II, вып. 1, с. 15 и сл.; Толстой И. И. Монеты великого князя Василия Дмитриевича 1389—1425 гг. СПб., 1911, с. 52—53, табл. V, рис. 138; И. И. Толстой сделал шаг назад, когда после работ А. В. Орешникова, установившего двойственный характер княжества и чеканки монет Ростова, отнес монеты с интересующей нас композицией с именем Андрея на одной и Александра на другой к чеканке «борисоглебского» князя Андрея Александровича.

² Чижов С. И. Дроздовский клад русских денег. Пг., 1922, с. 36.

- ³ *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник.— ОЛДЦ, СПб., 1895, вып. 1, с. 12, 13, 19; *Кондаков Н. П.* История византийского искусства и иконография по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, с. 211; *Каменев В.* Иконография св. Иоанна Крестителя в восточной и западной церкви. Казань, 1887, с. 28 и 37.
- ⁴ *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, с. 40—41, табл. XXXIV, 4; *Порфиридов Н. Г.* История одного изображения в древнерусском искусстве.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1975, с. 121.
- ⁵ *Антонова В. И., Миева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. М., 1963, № 93, 412, 600, 772, 995.
- ⁶ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, табл. 14, 150.
- ⁷ *Гутен-Чанский Э. К.* Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. СПб., 1875, № 18.
- ⁸ Так эти монеты определены в коллекции ГИМ, видимо, С. И. Чижовым.
- ⁹ *Орешников А. В.* Русские монеты..., с. 199, № 905, рис. 787.
- ¹⁰ *Орешников А. В.* Русские монеты..., с. 199, № 906, рис. 788.
- ¹¹ *Орешников А. В.* Русские монеты..., с. 145, № 750, рис. 602.
- ¹² *Орешников А. В.* Русские монеты..., с. 171—172, № 833, 834, 836, рис. 694, 695, 697; И. И. Толстой сходную монету отнес к Василию Дмитриевичу Московскому (*Толстой И. И.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича..., с. 2, № 6, см. также табл. V, 133).
- ¹³ *Орешников А. В.* Русские монеты..., с. 172, № 835, рис. 696.

Ф. П. ФИЛИН

ПОТВОРИНЪ ПРАСЛЬНЪ

Б. А. Рыбаков в своем известном труде «Ремесло Древней Руси»¹ впервые расшифровал надпись на шиферном пряслице XII в., найденном в 1885 г. в Киеве близ Десятинной церкви в усадьбе Есикорского: Потворинъ прасльнь. По чтению Н. П. Кондакова — «Твори нѣ прямо [а по] слнь» — было фантастическим. Совершенно очевидно, что в надписи указывается, кому принадлежало или кому предназначалось пряслице. Но кому? *Потворе*, *Потворини* или *Потворине*? Первый вариант чтения отпадает, так как притяжательное прилагательное от имени *Потвора* было бы *Потворинъ* (с ъ на конце), но в надписи стоит копецный ъ. Следовательно, мы имеем здесь дело не с прилагательным, образованным от собственного имени, а с существительным — собственным именем. Но с каким именем: *Потвориня* или *Потворина*? Если верно первое предположение, то *Потворинъ* — форма родительного падежа имени *Потвориня* (-*прасльнь Потворини*).

Форма *Потвориня* восходит к древнейшему праславянскому имени (нигде письменно на зафиксированному) *Потворыни* (ср. богыни, госпо-дыни, рабыни и т. п. — женские существительные, образованные от мужских). В праславянском слова с суффиксом -уни склонялись как имена с основой на -і (-ь), но уже рано они вытягиваются в тип склонения с основой на -а, что достаточно отчетливо проявляется в ранних памятниках старославянской и древнерусской письменности.

424 Стало быть, конечный -ѣ (нормальное окончание родительного падежа единственного числа основ склонения основ на -а) в надписи XII в.

является вполне закономерным. Сложнее обстоит дело с изменением -ня в -ния. Совпадение гласных у и і — явление диалектное в славянской языковой области. Как можно полагать, началось оно в говорах, наблюдаемых на территории теперешних сербохорватского и словенского языков, затем перешло на македонские и болгарские земли, позже захватило чешскую и словацкую землю, отчасти проникло и в польские говоры (ср. старопольск. *chłorini* — холонок, *prorokini* — пророчица и др.). Эта особенность нашла свое отражение и в южной зоне восточных славян. Уже в Изборнике 1073 г. имеются написания типа *неправѣди, прикрива, риба, трызна, плѣголюбыя*, в Добриловом Евангелии — *ти* (ты), *бити* (быти), *погубывыи*, в граффито XII в. на фреске «сорока севастиийских мучеников» в киевском Софийском соборе — *помозыте* и т. п.

Как известно, в украинском языке древние у и і совпали. Спор между лингвистами идет лишь о том, когда произошло это фонетическое изменение. Одни из них считают, что примеры типа вышеприведенных являются описками, с которыми можно не считаться, или же влиянием на орфографию древнерусских писцов южнославянской письменности, а украинское совпадение у и і — изменением поздним, другие же видят в древнерусских написаниях отражение фонетических процессов, восходящих к XI—XII вв. Я полагаю, что права вторая группа исследователей: «описки» не так уж малочисленны, чтобы их можно было игнорировать, и встречаются они именно в южнорусских памятниках (последнее обстоятельство исключает и южнославянское орфографическое влияние, которое проявлялось более или менее одинаково во всех восточнославянских землях) ².

Если это так, то написание *Потворинѣ* можно считать одним из важных подкреплений мысли о раннем совпадении гласных у и і в южных восточнославянских диалектах. Но нашему мнению, было восточнославянское женское имя *Потвориня*, унаследованное из древнего праславянского *Потворыни*. Присяице из киевских раскопок сохранило нам одно из ценных свидетельств праславянской языковой старины и культуры.

Однако нельзя исключить и иное прочтение. *Потворинѣ* является формой дательного падежа предназначения от имени *Потворина*. Мастер или (заказчик) решил сделать именно подарок жившей в XII в. некоей *Потворине* (дочери, сестре, матери, невесте, жене или еще какой-либо близкой женщине).

Уникальное (по дошедшим до нас данным) имя *Потворина* — отзвук глубокой языческой старины. Глагольный корень *твор-*, содержащий значение делать, создавать, творить, известен во всех славянских языках и имеет родственные соответствия в балтийских, следовательно, он входил в состав лексики праславянского языка еще на раннем этапе его развития. Значение творить, по крайней мере, в северной славянской зоне (на базе которой сложились затем восточные и западные славяне), а может быть, на всей праславянской территории было втянуто в сферу культовых представлений. Древнерусское мн. ч. *потвори* (ед. ч. *потворѣ*) — чародейство, колдовство, зелье, отравы; *потвора* — волхование, колдовство; *потворици* — околдовать; *потворитися* — переродиться, возродиться; *потворыньки* — знахарь, колдун; *потворыница* — чародейка, колдунья; укр. *потвір* (ж. р. *потвора*) — урод, чудовище; чешск. *potvora*, польск. *potwór* (ж. р. *potwora*) — чудовище. Ср. параллельное семантическое развитие в литовском: *darýti* — делать, *padarai* — чары, колдовство.

По-видимому, в старину существовал языческий обряд — праздник возрождения с применением масок (что неоднократно отмечалось этнографами у разных народов). Ср. чешское *tvář* (лицо, щека), польское *twarz* (лицо) и аналогичные данные в некоторых других славянских языках. Отсюда семантический сдвиг маска > урод, чудовище. Разумеется, волховство и чародейство в дохристианскую пору не имело отрицательного смысла. В современном русском *потворствовать* (потакать), белорусском *потворіць* (потворствовать, баловать) сохранились оттенки, если и осуждающие, то не в религиозном смысле. Лишь с распространением христианства волховство и чародейство, как и другие языческие представления, стали подвергаться гонениям, получать резко отрицательную оценку. Соответственно начали изменяться и значения слов, их эмоциональная окраска.

Однако, как известно, язычество долго не сдавало своих позиций (особенно в бытовой обрядности). В частности, длительное время сосуществовали христианские и языческие имена и прозвища людей. *Потворица* или *Потворина*, скорее всего, значило чародейка, умелица, т. е. могло иметь не только номинативное, но и ласкательное значение.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 197—199.

² Подробно см.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 178—184.

Д. Б. ШЕЛОВ, Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ОБРЯДА РУСАЛИЙ

В большой статье, опубликованной в 1967 г., Б. А. Рыбаков рассмотрел вопрос о русском обрядовом празднестве русалий и об отражении русальских обрядов в некоторых сценах, изображенных на изделиях древнерусского ремесла¹. В статье очень ясно и четко выражено мнение о глубоких исторических корнях русальских обрядов в представлениях и верованиях древних славян. Принимая и разделяя основные положения о происхождении русальских обрядов у восточных славян, высказанные Б. А. Рыбаковым, следует критически рассмотреть иную точку зрения, получившую значительное распространение в литературе. Эта точка зрения связывает возникновение русалий у славян вообще и у восточных славян в частности с воздействием античного обряда, известного у римлян и византийцев под названием *Rosalia* и *ῥουσαλία*.

На формирование этой точки зрения большое воздействие оказали работы Ф. Миклошича, опубликованные еще в 60—70-х годах XIX в. Исследовав раннесредневековые источники, в которых упоминаются руса-

ли, венский ученый пришел к выводу, что в славянском и восточнороманском мире, а также у некоторых других народов Юго-Востока Европы название русалий появилось в результате восприятия греко-византийского термина *ῥωσάλια*, которым в свою очередь греки обозначали римский обряд *Rosalia, Rosalia, Dies rosae*, связанный с погребальным культом и широко распространенный в Римской империи в первые века н. э.²

В конце XIX и начале XX в., когда многие филологи и этнографы усиленно занимались изучением русской и вообще славянской народной обрядности, в том числе и русалиями, мнение Ф. Миклошича приобрело признание у большинства ученых. При этом было, несомненно, допущено значительное преувеличение влияния древнеримского праздника как на славянские, так и на восточнороманские представления и обрядность. Корни праздников различных восточнославянских народов, объединяемых одним названием русалий, но значительно отличающихся друг от друга, стали выводить из древнеримских розалий. В этой связи описание праздника *Rosalia* в Римской империи стало предвзвешивать во многих исследованиях описание русальских обрядов у современных народов, в том числе у восточных и южных славян, румын и др., т. е. между вопросом о происхождении термина и проблемой генезиса обрядов, этим термином покрываемых, был поставлен знак равенства³.

В наше время вряд ли возможно определение русалий как «славянских отголосков древнеклассического чествования памяти умерших»⁴, но представление о том, что не только название обряда, но и сам праздник русалий имеет античные корни и распространился у славян вместе с христианством, хотя и наслонился на какие-то местные верования, продолжает бытовать и ныне⁵. Мы не будем здесь рассматривать терминологический аспект проблемы, а попробуем только ответить на вопрос, можно ли по существу возводить славянские русалии к античным представлениям и обрядности.

Общий характер русалий у восточных славян достаточно ярко проявляется в этнографических описаниях русальных обрядов в разных районах России, Украины и Белоруссии⁶. Повсюду главное место в этих обрядах занимают представления и действия, связанные с земледельческим календарным циклом, с идеями плодородия и плодovitости. Уже самое приурочение русальских празднеств к концу весны и началу лета⁷, к важнейшему периоду цветения и вызревания хлебов и другой растительности говорит об этой стороне русальских празднеств. О том же свидетельствуют также и другие названия русальной недели — зеленая или клещальная.

В русальской обрядности и в совершении тех христианских празднеств, которые оказались связанными с русальной неделей, с седмицей — троицы, духовая дня, дня Ивана Купалы — очень большую роль играет зелень: плетение венков, украшение зеленью и цветами жилищ, завивание березки. Все эти и другие подобные действия отражают отношение людей к русальским празднествам и животворящим силам природы. Магией плодородия объясняются и многие другие явления русальской обрядности — действия, связанные с культом воды (бросание в воду венков или соломенных чучел, взаимное обливание водой, почитание русалок) и огня (прыганье через костры, сожжение кукол), ритуальные захоронения мужской фигурки (Костромы, Кострубоньки, Горюна или фаллического Ярилы).

Вероятно, с представлениями о плодородии должно быть сопоставлено и участие в русальских обрядах изображения кося, иногда именуемого «русалкой». Во всяком случае, близость образа кося к олицетворению тех же животворящих сил — огня, солнца, плодородия — засвидетельствована достаточно надежно во многих первобытных верованиях, в том числе и в славянских⁸. В русальских песнях, плясках, хороводах также проявляется все та же языческая вера в магическую силу действия заклинаний на животворящую природу.

Прекрасным подтверждением этого основного значения русальской обрядности стали теперь истолкованные Б. А. Рыбаковым изображения на древнерусских браслетах-обручах, где персонажи, справляющие русалии, неизменно сопоставляются с орнаментальными символами воды, растительности или с фигурами божеств — покровителей плодородия⁹.

Правда, в восточнославянских русалиях прослеживается еще одна сторона обряда — это связь с поминальным культом. Этой стороне русальской обрядности придается иногда слишком большое значение, и это обстоятельство наряду с этимологическим толкованием термина русалии (*rosalia*) стало причиной возведения славянских русалий к римскому обряду розалий. В частности, А. Н. Веселовский видел в русалиях в основном поминальный обряд, а русалок отождествлял с римскими манам (*manes*), обожествленными духами предков¹⁰. Мнение это, достаточно широко распространившееся¹¹, безусловно, ошибочно. Уже Д. К. Зеленин убедительно доказал, что если русалок — центральный мифологический образ, связанный с русалиями, можно рассматривать как олицетворение душ умерших, то лишь как душ покойников, называемых заложными, т. е. умершими не своей смертью: самоубийц, утопленниц и т. п., а также некрещеных младенцев, но никак не душ предков¹².

Мнению А. Н. Веселовского (впрочем, как и концепции Д. К. Зеленина) противоречит и вся восточнославянская русальская обрядность, в которой черты заупокойного культа хотя и присутствуют, но выражены весьма слабо по сравнению с магией плодородия, с представлениями о животворящих силах природы¹³. Русальские обряды проводов русалки, похороны Костромы и т. п. не укладываются в ритуал поминования предков: чаще всего они сопряжены с непочтительным изгнанием, сожжением, разрыванием чучела и другими действиями, несовместимыми с культом предков. Они гораздо естественнее объясняются представлениями об умирающей и воскресающей природе и относятся к кругу действий, направленных на спасение от дурного воздействия на растительность, урожай, здоровье и благополучие человека¹⁴.

Кажется весьма вероятным, что связь русалок с представлениями о заложных покойниках — явление вторичное и относительно позднее. Ведь и само понимание заложных покойников как мертвецов особой категории, нечистых, преданных сатанинской силе, в отличие от обычных умерших, похороненных с церковными обрядами, должно было возникнуть на почве распространения христианства. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением, будто в дохристианские времена русалки представляли всех умерших вообще, поскольку тогда все были некрещеные¹⁵. Скорее наоборот, первоначально существа, получившие название русалок, были простым олицетворением животворящих сил природы, может быть, теми самыми водными нимфами, почитание которых славянами было засвидетельствовано еще Прокопием Кессарийским¹⁶.

Само слово «русалка», вероятно, позднего происхождения и произведено от слова «русалии»¹⁷, но оно было применено к демоническим женским существам, давно почитаемым в народных верованиях, связанным с культом плодородия и воды и носившим в древности иное название, может быть «берегиня». Эти существа нашли отражение не только в русском фольклоре, но и в памятниках изобразительного искусства¹⁸. Соединение представлений о русалках и о душах заложных покойников возникло позднее и не без влияния церкви, которая, по свидетельству митрополита Филарета, «хотела противополжить языческому Семику христоролюбивое погребение странных [т. е. заложных], чувственному веселию — мысль о смерти, набожность и благотворение»¹⁹.

Очень характерно, что в церковных поучениях и проповедях с XI по XVII в., решительно осуждающих русалии и рассматривающих участие в них как большой грех, нет даже намеков на ту сторону русальской обрядности, которая связана с поминовением умерших, а говорится всегда только об «играх неподобных», «плясании и скакании», об игре на музыкальных инструментах (бубны, гусли, «сопели»), об употреблении масок (скурат), о «говоре бесчинном», «песнях бесовских», «плещевании» и т. п.²⁰

Очень характерно замечание В. Манзюки о том, что составителю русской редакции «Слова св. Нифонта», ополчающегося против «игр бесовских... иже суть русалии», «первоначальный смысл русалий как увеселения, специально связанного с культом мертвых, был чужд»²¹. Хотя В. Манзюка был сторонником теории заимствования русалий из греко-римского обряда, этого противоречия он не мог не заметить. Из аграрный характер древнерусских русалий, связанных с представлениями о плодородии, указывают и рассмотренные Б. А. Рыбаковым изображения на изделиях художественного ремесла Древней Руси, в которых совершенно отсутствуют какие-либо намеки на погребальную обрядность.

Обращаясь теперь к древнеримским празднествам розалий, мы должны констатировать совершенно иной их характер. Итальянские розалии в основе своей связаны с культом мертвых; важнейшими элементами «праздника роз» являются поминовение усопших, прежде всего родителей и предков, украшение цветами могил и памятников, погребальные пиршества²². В этом отношении очень характерно сближение розалий с праздниками Parentalia, прослеживаемое по ряду памятников. Именно на украшение могил и на устройство поминальных пиршеств в день розалий завещают жертвователи деньги или имущество различным коллегиям и союзам во многих известных нам надписях императорского времени²³. Правда, иногда розалии упоминаются вне связи с культом умерших, но тогда они обычно сопоставляются с днями рождения учредителей или покровителей празднующей розалии коллегии или с днями рождения членов императорского дома²⁴.

Таким образом, римские розалии чаще всего оказываются в той или иной степени связанными с почитанием конкретных личностей, умерших или живых. Этот аспект совершенно отсутствует в восточноевропейских русалиях средневековья и нового времени.

Некоторые исследователи, в первую очередь В. Томашек и М. Нильсон, усматривали в римских розалиях, помимо обрядов, связанных с культом мертвых, еще и обычаи, восходящие к представлениям о животворящих силах природы, сближая, таким образом, розалии с Floralia и то-

му подобными календарно-производственными празднествами²⁵. Однако источники не дают оснований для такого толкования розалий. Характерно, что В. Томашек для обоснования такой точки зрения вынужден прибегать к ссылкам не на собственно италийские розалии, а на свидетельства о русалиях, справлявшихся на Балканском полуострове в средние века, и даже о русских русалиях XVI в.²⁶

В первоначальном римском обряде розалий если и присутствовали представления о возрождающейся природе (что было бы вполне естественно для весенне-летнего и к тому же цветочного праздника), то этот момент, доминирующий в восточнославянских русалиях, здесь был выражен очень слабо и никогда не имел самостоятельного значения.

Характерно и то, что христианская церковь позднеримского времени не рассматривала розалии как специфически языческий обряд, и в совершении розальных празднеств могли принимать участие и христиане. Более того, обычай поминовения усопших в форме розалий был воспринят и христианской обрядностью, в частности, при чествовании христианских мучеников и святых²⁷. И в этом наблюдается полная противоположность с восточнославянскими русалиями, всегда осуждаемыми и нещадно гонимыми церковью как языческие и греховные.

Таким образом, уже сопоставление италийских розалий и восточнославянских русалий показывает невозможность возводить происхождение последних к древнеримскому обряду. К такому же выводу приводит и попытка рассмотрения пути, которым древнеримские празднества могли бы попасть к восточным славянам. Считается, что русальская обрядность распространялась вместе с христианством и была воспринята Русью от южных славян²⁸. Но мы уже видели, что православная церковь была непримиримо враждебна этой обрядности, и уже это обстоятельство делает весьма сомнительной возможность такого пути проникновения розалий к восточным славянам.

Важнейшее же препятствие для признания передачи обрядовых норм по цепочке Рим — славяне Балканского полуострова — восточные славяне состоит в том, что русальские обряды южных славян включают в качестве обязательных и постоянно действующих элементы, которые не характерны ни для восточнославянских русалий, ни для римских розалий. Так, в восточнославянских русалиях трудно найти аналогии таким наиболее характерным чертам русальских обрядов у болгар, как «хождение на росен» с целью излечения, или же ритуальным действиям русальских (калушарских) дружин с их специфическими правилами организации и поведения²⁹. Эти черты были восприняты болгарам, по-видимому от древнебалканского фракийского населения, сочетавшего в розалиях элементы римской и фракийской обрядности³⁰.

В восточнославянских русальских обрядах нет и другого, характерного для южных славян элемента — дружин кралиц, имеющих развитой и чрезвычайно своеобразный ритуал и составляющих важнейший компонент русальской обрядности сербов³¹.

Отсутствие этих черт обрядов у восточных славян свидетельствует против теории проникновения античного обряда розалий в восточноевропейский мир через южных славян.

К нашим сомнениям относительно возможности искать корни восточнославянских русалий в античном мире надо добавить и соображения, высказанные недавно югославским исследователем С. Зечевичем. Он об-

ратил внимание на то, что древнейшие упоминания о русалиях у южных славян имели место еще в VII в.; обряд был настолько распространен на Балканах, что VI Вселенский собор счел нужным запретить его. Столь быстрое усвоение античного обряда славянами уже в период их расселения на Балканах, естественно, представляется маловероятным³².

Таким образом, проследить прямую зависимость восточнославянских русалий от южнославянских невозможно. Может быть (если следовать за Ф. Миклошичем), только название русалий было передано от южных славян или Византии на Русь, но у восточных славян оно оказалось применено к культовым явлениям несколько иного порядка, чем в области прежнего своего бытования. Повторилось то, что уже ранее имело место на Балканах: заимствованный термин покрыл собою древние местные народные обрядовые действия.

Все изложенное заставляет решительно отказаться от теории заимствования восточными славянами обряда русалий извне и согласиться с положением, высказанным еще в первой половине прошлого столетия И. М. Слегиревым: «Хотя римские Rosalia, новогреческие ρουσάλλια и славяно-русские русалии сходны между собою и празднования оных приходится в одно почти время года в разных странах, но по содержанию своему и местному значению они различны; ибо то и другое заимствовано ими от местности, климата и нравов туземных»³³.

¹ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Смаргль-Переплут.— СА, 1967, № 2, с. 91 и сл.; Он же. Христиане или язычники? — Наука и религия, 1966, № 2, с. 46 и сл.

² Miklosich F. Die Rusalien. Ein Beitrag zur slavischen Mythologie.— Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Philos.-hist. Klasse, 1864, XLVI, S. 386 ff.; Он же. Die slavischen Monatsnamen. Wien, 1867, S. 23; Он же. Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien, 1875, S. 25—26; Ср.: Шишманов Ив. Д. Принос към българската народна етимология.— СбНУ, 1893, т. IX, с. 544 и сл.

³ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889, вып. 5, с. 261, 287—288; Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. I. СПб., 1903, с. 150, 304; Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пр., 1916, вып. 1, с. 112—113; Tomaschek W. Über Brumalia und Rosalia.— Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Philos.-hist. Klasse, 1868, LX, S. 369; Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven, I. Helsinki, 1922, S. 97; Niederle L. Život starych slovaku. Addit kulturni dilu. Praha, 1924, II, sv. 1, s. 54, 57, 60, 292; Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Прага, 1924, с. 110; Он же. Славянские древности. М., 1956, с. 272, 296.

⁴ Именно так были определены русалии в статье Н. С-ва (вероятно, Н. Ф. Сумцова) в 27-м томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (1899, с. 294). Ср.: Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня..., с. 304.

⁵ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957, с. 89.

⁶ Описания восточнославянских русалий и русалок см.: Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, III. М., 1838, с. 99 и сл.; IV. М., 1839, с. 1 и сл.; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, III. М., 1869, с. 140 и сл.; 704 и сл.; Веселовский А. Н. Разыскания..., с. 265 и сл.; Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня..., с. 141—147, 279 и сл.; Зеленин Д. К. Очерки..., с. 218 и сл.; Токарев С. А. Религиозные верования..., с. 89 и сл.; Рыбаков Б. А. Русалии и бог Смаргль-Переплут, с. 96 и сл.; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 68 и сл.

⁷ Мы говорим здесь только о весенне-летних русалиях, особенно распространенных у восточных славян. Январские русалии, характерные для балканских народов, у восточных славян этнографически не засвидетельствованы. Правда, в Стоглаве — церковном памятнике середины XVI в. — говорится о русалиях в «навечерии Рождества Христова и Богоявления», но в этом случае подразумеваются, вероятно,

- не собственно русальские игры, а святочные вечеринки, на которые, как и на всякие «богомерзские игрища», осуждаемые церковью, переносится название русалий. См.: *Уичеров В. И.* Зимний период русского сельскохозяйственного календаря XVI—XIX веков. М., 1957, с. 166 и сл. Примечательно, что в средневековой Руси выражение «во время русалий» служило обозначением определенного времени в начале лета. Именно такой смысл имеет сообщение автора одной из новгородских берестяных грамот XIV в. о том, что он был в Пудогe «о русалеях» (*Арциховский А. Б., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958, с. 68 и сл.). Такое упоминание русалий в качестве показателя времени было бы невозможным, если бы зимние святочные празднества тоже именовались в пареде русалиями.
- ⁸ *Фаминцин А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884, с. 201 и сл.; *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, 1926, т. 1, с. 12 и сл.
- ⁹ *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Смаргг-Переплут, с. 103 и сл.
- ¹⁰ *Веселовский А. Н.* Разыскания..., с. 270.
- ¹¹ *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня..., с. 303—304; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916, с. 64—65; *Niederle L. Život...*, s. 53, 57, 261.
- ¹² *Зеленин Д. К.* К вопросу о русалках.— Живая старина, 1911, XX, с. 357 и сл.; *Он же.* Очерки русской мифологии; *Он же.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников.— ИАН, 1917, с. 399 и сл.; ср.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи..., с. 75—76. В своей позднейшей работе Д. К. Зеленин признает, что в русальских (семичих) празднествах смешались два культа — культ растительности и культ заложных покойников. См.: *Zelenin D.* Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, S. 368 ff.
- ¹³ *Токарев С. А.* Религиозные верования..., с. 92—94; *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975, с. 66 и сл.
- ¹⁴ Мнения различных исследователей по этому вопросу четко сформулировал С. А. Токарев (*Токарев С. А.* Религиозные верования..., с. 91).
- ¹⁵ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения..., с. 240; *Соловьев С. М.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена язычества. СПб., 1876, с. 36 и сл.; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства..., с. 61.
- ¹⁶ *Procop. Caes., De bello Goth., III, 14, 22.*
- ¹⁷ Это мнение сейчас, кажется, общеприято. См.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи..., с. 77.
- ¹⁸ *Бочарова Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 101—102, рис. 89, 91; *Василенко В. М.* Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XX вв. М., 1960, с. 36—50.
- ¹⁹ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники..., III, с. 101, 108—109, 114.
- ²⁰ *Miklosich F.* Die Rusalien, S. 390 ff.; *Фаминцин А. С.* Божества древних славян, с. 212 и сл.; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства..., с. 316 и сл.; *Mansikka V. J.* Die Religion..., S. 142 ff.; *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Смаргг-Переплут, с. 96 и сл.
- ²¹ *Mansikka V. J.* Die Religion..., S. 214.
- ²² О розалиях см.: *Tomaschek W.* Über Brumalia...; *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung, III. Leipzig, 1885, S. 311—312; *Joret Ch.* La rose dans l'antiquité et au moyen âge. Paris, 1892, p. 108—112; *Perdrizet P.* Inscriptions de Philippes. Les Rosalies.— BCH, 1900, XXIV, p. 299 sq.; *Nilsson M. P.* Der Ursprung der Tragödie.— Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, 1914, XIV, S. 679 ff.; *Он же.* Rosalia.— RE, s. v., 1920. Специальный праздник военных значков — Rosaliae signorum — не имеет отношения к культу обычных розалий. См.: *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960, S. 363.
- ²³ *Joret Ch.* La rose..., p. 109—112; *Perdrizet P.* Inscriptions...
- ²⁴ *Nilsson M. P.* Rosalia, S. 1112—1113.
- ²⁵ *Tomaschek W.* Über Brumalia..., S. 373; *Nilsson M. P.* Der Ursprung der Tragödie, S. 679; *Он же.* Rosalia, S. 1112—1114; Ср.: *Тодоров Я.* Пaganизмът в Долна Мизия. София, 1928, с. 106.
- ²⁶ *Tomaschek W.* Über Brumalia..., S. 371.
- ²⁷ *Lucius E.* Die Anfänge des Heiligenkults in der christlichen Kirche. Tübingen, 1904, S. 306—324.
- ²⁸ *Niederle L. Život...*, S. 55—56.
- ²⁹ *Шангарев К. А.* Русалии, древен и твърде интересен български обичай. Пловдив, 1884; *Он же.* Сборник на български народни умотворения. I. София, 1968, с. 709

и сл.; *Шишманов Ив. Д.* Принос..., с. 547 и сл.; *Маринов Д.* Народна вера и религиозни народни обичаи—СБНУ, 1914, XXVIII, с. 471 и сл.; *Арnaudов М.* Кукери и русалии.—СБНУ, 1920, XXXIV, с. 139 сл.; 150 сл.; *Он же.* Очерци по българския фолклор, 2. София, 1969, с. 545—550; *Вакарелски Х.* Етнография на България. София, 1974, с. 609—612.

³⁰ *Tomaschek W.* Über Brumalia..., S. 373—392; *Nilsson M. P.* Der Ursprung der Tragödie, S. 680; *Арnaudов М.* Кукери и русалии, с. 143 и сл.; *Он же.* Очерци..., с. 550.

³¹ *Zecević S.* Elementi naše mitologije u narodnim obredima uz igru. Zenica, 1973, s. 96.

³² *Zecević S.* Elementi..., s. 102—103.

³³ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники..., IV, с. 16.

Я. Н. ЩАПОВ

СВАДЕБНАЯ СЦЕНА НА КРЫШКЕ СУНДУКА XVII В.

Среди севернорусских сундуков и коробей XVII—XVIII вв. с росписями есть такие, на которых изображены мужская и женская фигуры в рост, обращенные друг к другу, с поднятыми кубками. Кажется, впервые такая сцена на крышке сундука-подголовка конца XVII в. из Борка на Северной Двине была опубликована С. К. Просвиркиной¹. Молодой человек правой рукой играет на гусях, прижимая их к себе, а левой держит за руку девушку, которая поднимает кубок. У девушки распущенные по плечам волосы, оба участника пира в традиционных русских одеждах и шапках. Кувшин и второй кубок стоят на столе, между их фигурами. Автор считает, что «спокойные величавые позы, гусли в руках юноши, облик девицы наталкивают на мысль, что сюжетом росписи послужила излюбленная новгородская былина о Садко. По-видимому, здесь передается эпизод обручения Садко с девушкой Чернавой в подводном царстве...»²

Иначе понимает сцену с молодым и девицей С. К. Жегалова. Она связывает этот сюжет не специально с былинной о Садко, а вообще с русской свадебной обрядностью и пишет, что «здравный кубок в руке девушки, соединенные руки молодых говорят о том, что художник изобразил здесь сцену помолвки»³. Коробьи и сундучки с такими росписями, подаренные невесте, как показывает исследовательница, были частью обряда — их везли в свадебном поезде особые «коробейные сваты»⁴.

Привлечение других образцов таких росписей с изображением мужской и женской фигур как опубликованных⁵, так и впервые вводимых в науку в настоящей статье, а также русский свадебный фольклор в записях XIX—XX вв. позволяют точнее определить смысл этой сцены.

Публикуемое здесь изображение находится на крышке сундука, принадлежавшей автору (рис. 1)⁶. Это вариант той же сцены. Молодой человек держит в правой руке лук, а левой наливает из кувшина вино в кубок, который находится в руке девушки. Молодец строен, кудрявый, безусый, в длиннополом, расширяющемся князу зеленом кафтане⁷ с крас-

Рис. 1. Свадебное угощение невесты и жениха (роспись на сундуке)

ной вышивкой на шее и на запястьях, вероятно, принадлежащей выступающей из-под кафтана рубашке. Кафтан подпоясан красным кушаком, у него обозначена сверху до пояса застежка. На молодце шапка сложной формы из трех цветов (коричневый, палевый и черный), которые, возможно, обозначают мех различной окраски.

Девушка с распущенными ниже плеч волосами, в длинной красной одежде без застежки, с обеих ее рук свешиваются очень широкие рукава из другой, зеленой ткани в полоску (с вышивкой?), из-под которых видно шитые манжетов рубашки. Такая же вышивка видна и на шее девушки. Она, вероятно, в летнике — парадном летнем платье с широкими рукавами почти до полу, не распашном, надевавшимся через голову. На голове высокая черная шапка, фигурно оканчивающаяся наверху и имеющая внизу шитое или плетеное украшение, свисающее на лоб. Нижняя доска крышки утрачена, и видна только часть ног девушки.

Длинный кафтан юноши, летник девушки позволяют датировать роспись и сундук XVII в.; здесь нет еще ничего из новой одежды XVIII в., а некоторые архаичные детали — лук, кубок в форме рога — позволяют не связывать их обязательно с концом XVII в., но отнести к более раннему времени.

Что же изобразил на крышке сундука художник? Близость нашей росписи к сюжету на сундучке из Борка несомненна, хотя детали их различны. Действительно, это сцена из свадебного ритуала, но в обоих случаях это не помолвка, а традиционное угощение новобрачных во время свадебного пира, хорошо известное в этнографии и фольклоре. На этот момент свадьбы указывает прежде всего такая характерная деталь обеих росписей, как распущенные по плечам волосы невесты. Было высказано мнение, что «такая прическа в XVII в. могла быть только у девушек знатного происхождения — боярышень»⁸.

Однако по традиционным свадебным обычаям расплетание косы невесты было началом самой свадьбы, с распущенными волосами девушка ехала в свадебном поезде, стояла под венцом в церкви, в некоторых областях России была и в начале пира в доме родителей жениха, и лишь после этого ее волосы расчесывали на две косы и надевали повойник или платок⁹. Необычайный и неповторимый в других жизненных ситуациях вид девушки с волосами, не убранными в косы при посторонних, нашел выражение в свадебном фольклоре. Н. К. Колпакова специально обратила внимание на «причет невесты, сидящей с распущенными волосами и призывающей присутствующих гостей не пугаться ее нового растерзанного облика»¹⁰. В такой прическе девушка и выступает на нашей росписи.

Основное в этой сцене, конечно, угощение новобрачных. Это угощение имело место на свадебном пиру отдельно от гостей, иногда до его начала. По формам обряда XIX в. «жених обязан поднести своей жене рюмку водки, приговаривая: «Кушай-ко, Анна Михайловна, коли меня любишь». Невеста, поднося жениху, тоже говорит...»¹¹

Кажется, что сцена на крышке сундука служит непосредственной иллюстрацией к тексту свадебной песни, распространенной в различных вариантах в XIX—XX вв. в России и восходящей к рапсодии обрядности:

В горнице во новой,
Во светлой столовой
Стоят столы дубовы.
На столах ковры шелковы,
На коврах чара золота
Полна меду налита.
Еще кто эту чару наливал,
Кто златую дополнял?
Наливал Николай господин,
Наливал Николаевич сударь.
По горнице проходил,
По светлой проступил;

До умной доходил,
До разумной доносил:
«Уж ты Анна, друг моя!
Уж ты, Петровна, сердце мое!
Прими чару от меня,
Выпей златую всю до дна,
Спороди сына-сокола
Стапом, ростом, друг, в меня;
Белым лицом, друг, в себя.
Брови черны в соболя,
Очи ясны в сокола!»¹²

На нашей картинке жених как раз и «дополняет» чару сладким медом¹³, «дойдя» по горнице до невесты, угощая ее и обращаясь к ней с просьбой-заклинаниями о рождении сына, в вариантах — сына или дочери:

Роди сына, что в меня,
А дочерю — во себя.
Учи сына лапти плести,
А дочерю — шелком шить,
Она у нас золото¹⁴.

Это угощение женихом невесты в начале свадебного пиршества, как наиболее важное действие в обряде, имевшее магическое значение для продолжения рода, и было выбрано в качестве сюжета росписи сундука с приданым.

Не рассматривая других различий в изображениях на двух сундуках, обратим внимание на такую деталь, как гусли в руке у жениха на подголовке из Борка и лук — на нашем сундучке.

Оба предмета связаны со свадебной обрядностью. В нескольких песнях, в частности происходящих из северных областей, исполнявшихся участниками свадьбы на пиру, гусли как будто выступают символом прежних, досвадебных увлечений молодца: молодая находит их случайно в отсутствие мужа, при уборке дома¹⁵, значит, при ней он на них не играл.

Что касается лука, то фольклору хорошо известны образы жениха-охотника и невесты-лебедки или утицы, которую поражает его стрела:

...Добрый молодец
По судышкку похаживает,
Калену стрелу налаживает...

«Ты лети, лети, каленая стрела,
Выше неба по подлесебью...

Ты убей, убей, калена стрела,
Серу утицу на Паузе-реке...

Серу утицу на Паузе-реке,
Раскрасавицу в высоком терему...

Сера утица — веста моя,
Раскрасавица — невеста моя...

Набеленная, намазанная,
Целоваться приказанная»¹⁶.

В русской сказке о царевне-лягушке царевичи выбирают невест, руководствуясь тем, к кому залетели специально пущенные ими стрелы¹⁷.

Итак, в обоих вариантах сюжета в руке жениха предмет, символизирующий его мужество, успех в предсвадебных играх и охоте за белой лебедью.

За живописной техникой свадебной сцены с ее ограниченным набором изобразительных средств, монументальностью фигур можно видеть ее прототип — резьбу по дереву с неизбежной в этой технике простотой графического изображения. В. С. Воронов, установивший связи ранней народной живописи с резьбой по дереву, справедливо отмечал, что здесь «рука художника-живописца находится в подчинении графическому началу; красочная расцветка заменяет живопись»¹⁸.

Сопоставляя нашу роспись с опубликованными изображениями на сундуках XVII—XVIII вв., посвященными различным сюжетам, из Олонецкой, Вологодской губерний, с Северной Двины, из Устюга, мы видим, что это произведение также не деревенского, а городского, посадского ремесла. Но место изготовления нашего сундука определить не просто — среди этих публикаций нет вещей, близких по манере исполнения, имеющих аналогичный орнамент.

Северодвижские и устюжские изделия этого времени украшены цветами из семи-девяти и более разноцветных лепестков, обращенных в одну сторону¹⁹, для части северодвижских росписей считается характерной иконописная манера изображения с полутенями, складками и пробелами в одеждах²⁰. Все это отсутствует на нашем сундучке. Хотя при оформлении внутренней части его стенок использован орнамент в виде косых цветных полос, как на устюжских сундучках²¹, но перечеркнутые завит-

ки в этом орнаменте значительно сложнее последних²². С вологодскими коробьями нет близкого сходства во многих деталях, прежде всего в одежде персонажей: там невеста всегда одета в телогрею с застежкой спереди, в руках ее — ширинки²³.

Своеобразие маперы и деталей иконографии свадебной сцены при общности темы и основных черт сюжета может указывать на то, что перед нами произведение местной школы росписи XVII в., не известной еще исследователям. Эту школу предположительно можно связывать со средним Поволжьем. Сам сундучок принадлежал роду Щаловых, живших в XVII—XVIII вв. в Ростове Ярославском²⁴. Это в даст некоторое указание на место его происхождения, хотя расписные сундуки из других мест России, кроме Севера, до сих пор вообще не были известны.

¹ Просвирина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVII—XVIII вв. — В кн.: Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву. М., 1967, илл. 6—7.

² Просвирина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVII—XVIII вв., с. 14; Василенко В. М. Народное искусство. М., 1974, с. 93.

³ Жегалова С. К. Русская народная живопись. М., 1975, с. 70.

⁴ Жегалова С. К. Русская народная живопись, с. 100. Домострой (середина XVI в.) рекомендует заводить для дочери особый сундук с самого детства, чтобы постепенно собирать в него приданое: «А у кого дочи родится, ино разсудный отец, которым промыслом себя питает... и от ея выти (доли), что бог пошлет, купиет помотна и усичны, пиринки и убрusy, и рубашки по всяк год кладет во иричесной (особый) сундук или в коробья... А как замуж стоворят, и отец и мати будут безпечалны... и в веселии и в радости брак у них будет» (Домострой по рукописям Публичной библиотеки. Под редакцией В. Яковлева. СПб., 1867, с. 50).

⁵ На опубликованном В. М. Василенко («Народное искусство», илл. 59) изображении на вологодской коробье обе фигуры одеты уже не в народные, а в новые одежды петровского времени — девушка в колоколообразной юбке в талию, молодой человек в парадном коротком камзоле с широкими красными полами и в чулках. Эта роспись принадлежит уже XVIII в. На другой коробье этого времени мужская и женская фигуры с кубками даны также в новой парадной одежде XVIII в., а стоящие за ними девушки и молодые люди — в традиционных телогреях и кафтанах (Жегалова С. К. Русская народная живопись, с. 100). Две пары — одна в традиционной, другая в новой одежде XVIII в. — изображены на неопубликованной крышке коробки XVIII в. в собрании бывшего Строгановского училища, пожертвованной в 1907 г. Шабельской.

⁶ Сундучок кубической формы, длина и высота стенок 44,5 см (10 вершков), с плоской крышкой с бортиками, нависающей над стенками, размеры которой 49,5××50,5 см; окрашен снаружи зеленой, внутри красной краской и окован железом.

⁷ Кажется, такой кафтан упоминают в традиционной свадебной песне жевиха:

Уж вы девушки-манешки, ах, ну!...
Уж вы шейте молодцу кафтан, ах, ну!
Он не долот, не коротенький, ах, ну!
По подолу раструбистый, ах, ну!
По бокам пережимистый, ах, ну!
Мене ехать женицца, ах, ну!
С красной девушкой венчаться, ах, ну!

(Лирика русской свадьбы. Л., 1973, с. 225, 295)

⁸ Жегалова С. К. Русская народная живопись, с. 71.

⁹ Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I, вып. 2. СПб., 1900, с. 714.

¹⁰ Уж ты дойди-тко, да поступи-тко,
Да не бойся меня, да не утрашись:
Не крапивенка жигуча,
Не щевитевка я да колюча;

Уж ты раньше меня да не боилась,
 Уж ты раньше меня да не страшилась.
 Уж ты что теперь да боишься,
 Уж ты что теперь да страшишься?..
 (Лирика русской свадьбы, с. 225, 295).

- ¹¹ Великорус в своих песнях..., с. 469.
¹² Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1. М., 1911, с. 78, № 11(3).
 Записано на Мезени.
¹³ Кувшин и кубок в этой сцене, вероятно, не менее достоверны, чем прическа и
 одежда. Кувшин, скорее всего, глиняный, желтого цвета, с волнистым орнамен-
 том и черемычкой, поддерживающей длинный носик; конический кубок без под-
 допа, арханчой формы, восходящей к рогу, с крышечкой, как и у кувшина.
¹⁴ Великорус в своих песнях..., с. 589, № 1943; Лирика русской свадьбы, с. 188—190,
 № 386, 388—391.
¹⁵ Лирика русской свадьбы, с. 198—199, № 410—413.
¹⁶ Лирика русской свадьбы, с. 108—110, № 208.
¹⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 2 и 3. М., 1957, № 267—
 269, 570.
¹⁸ Воронов В. С. Крестьянское искусство. М., 1924, с. 71; 68—70.
¹⁹ Просвиркина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 12—
 19 (сундучки), 33 (дверца шкафа).
²⁰ Просвиркина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 2—3,
 6—8, 20.
²¹ Просвиркина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 9, 19.
²² Просвиркина С. К., Жегалова С. К. Расписные сундуки XVI—XVIII вв., илл. 7—8,
 10, 14, 16, 19.
²³ Жегалова С. К. Русская народная живопись, с. 100.
²⁴ По Переписным книгам Ростова Великого 1691 г. известны посадский человек
 Богдан Шапов, сокольи помытчики Микита и Киприян Шаповы (Дозорные и пе-
 реписные книги древнего Ростова Великого. М., 1880, с. 23, 24, 37). Они и их
 потомки упоминаются и позднее (Ростов. Материалы по истории города XVII и
 XVIII столетий. М., 1884, с. 25).

В. И. КОРЕЦКИЙ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО В. Н. ТАТИЩЕВА О СОЗДАНИИ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»

Письма В. Н. Татищева являются важным источником не только для изучения его биографии, но и его творчества. Особую ценность представляют они для ранней стадии работы над знаменитой «Историей Российской», ибо первоначальных рукописей ее за исключением «Предъизвещения», да и то в немецком переводе, до нас не дошло. Публикуемое письмо от 21 ноября 1739 г., адресованное И. Д. Шумахеру, советнику Канцелярии Академии, с которым В. Н. Татищев переписывался до конца своих дней, в какой-то мере восполняет этот пробел.

До сего времени в литературе известны были два довольно кратких письма В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру, связанные с тем этапом работы над «Историей Российской», когда она стала приобретать пусть не-

окончательные, но уже более или менее законченные формы, и историк считал возможным вынести некоторые ее разделы на суд академических ученых. Одно из них отнесено А. И. Андреевым приблизительно «к концу 1739 г.»¹ и призвано было сопроводить «Примечания на Гисторию», которые В. Н. Татищев просил И. Д. Шумахера, «переведши», «сообщить кому в посторонних Гисториях лучше сведущу, чему чтоб исправил и по его искусству дополнил». Здесь же он сообщал, что «если надобна и Гистория, то можете брать по несколько тетрадей и списывать, понеже у меня немного оной переписано затем, что писца путного достать не могу. Какие дали все сослал, а у меня ни одного не осталось. Прошу оным меня пожаловать». Здесь В. Н. Татищев сделал знаменательную приписку, свидетельствующую о том, что он ранее, до этого письма, уже «ссылался» с И. Д. Шумахером по поводу «Истории Российской» и послал ему какие-то разделы (или раздел) ее: «При сем же послал *дополнку к преждему*» (курсив наш. — В. К.)².

Другое письмо датировано 14 января 1740 г. В начале его говорится о посылке при нем в Академию наук «древних законов для напечатания», которые предлагалось рассматривать как 1-ю часть «Собрания русских древностей». 2-ю часть этого «Собрания» могли, по мысли В. Н. Татищева, составить «духовные великих князей», 3-ю — «некоторые старинные грамоты», 4-ю — «соборы, бывшие в Руси». «Итак, — заключал он, — оныи (исторические материалы не летописного, документального порядка. — В. К.) с таких вещей собирать, которые в гисториях (основанных на летописных и других нарративных источниках. — В. К.) вносить неудобно».

По справедливому замечанию А. И. Юхта, это предложение В. Н. Татищева, в основном было осуществлено Академией наук лишь в 1786—1801 гг. в «Продолжении древней российской вивлиофики»³.

Вслед за известием о посылке своего «Свода древних русских законов» редакции 1740 г. и далеко идущего проекта публикации источников документального характера В. Н. Татищев вновь возвращался к «Истории Российской»: «При сем же посылаю Гистории 13 тетрадней, которые при исправлении Примечаний мне надобны, но чтоб не измарали прикажите списать бережно, а я, сколько пабело перепису, буду присылать. А доколе Предъизвещение на мере поставлено не будет, регистров сочинить не можно».

В конце письма В. Н. Татищев просил прислать ему посланное им ранее в Академию наук «письмо царя Иоанна Васильевича», если с него сделан список⁴.

Из письма от 14 января 1740 г. следовало (и это было отмечено в литературе), что «Предъизвещение» уже было послано В. Н. Татищевым И. Д. Шумахеру. Но когда же? Как мы отметили выше, при письме, датированном концом 1739 г., посылалась какая-то «дополнка к преждему» (материалу, связанному с «Историей Российской». — В. К.). О чем же здесь шла речь?

Публикуемое письмо В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру от 21 ноября 1739 г. позволяет ответить не только на эти вопросы, но и на другие, относящиеся к начальному периоду создания «Истории Российской». Оно является первым в ряду писем, в которых говорится о завершающем этапе работы над первоначальной редакцией «Истории Российской», наиболее важным из приведенных здесь, а возможно, и во

всем эпистолярном наследии В. Н. Татищева, поскольку главным делом его жизни и было написание своей «Истории», положившей начало русской исторической науке и обессмертившей его имя. Письмо это носит программный характер, сообщая не только о составе, содержании и степени готовности «Истории Российской» к 21 ноября 1739 г., но и раскрывая стимулы, которыми руководствовался историк, методы его работы, планы на будущее.

Письмо открывается известием о посылке при нем знаменитого «Предъизвещения» к «Истории Российской», которое В. Н. Татищев просил И. Д. Шумахера перевести, очевидно, на немецкий или латинский язык, бывшие тогда в ходу в академической среде, с тем чтобы «в Истории древней искуснейшему, разсмотря, исправить». Так глубоко самокритично подходил историк к своему труду, отдавая его на рассмотрение академическим ученым. И далее следуют замечательные слова, из которых явственно предстает благородный облик историка, достойного «птенца гнезда Петрова», ищущего не славы себе лично, а стремящегося лишь к раскрытию исторической истины и бескорыстному служению возникающей русской исторической науке: «И как я из того (написания «Истории Российской». — *В. К.*) никакой славы или чести себе не исчу, ко Академии в дар оной мой труд предаю, так падеюся, что надлежащее в том исправление от оной не [о]скуднет». Эти слова В. Н. Татищева, обращенные к тогдашней императорской Академии наук, стали во многом пророческими, потому что подлинными хранителями его наследия явились советские ученые — историки, подготовившие на высоком научном уровне академическое издание «Истории Российской»⁵ и продолжающие в своих исследованиях дальнейшую разработку проблем, поставленных в его труде.

Из письма вырисовываются нелегкие условия, в которых приходилось работать В. Н. Татищеву. Он сетует на отсутствие у него лица для переписки готовой части «Истории Российской», но обещает тотчас выслать Примечания, переписка которых заканчивалась, «понеже и оные прежде равномерного с Предъизвещением рассмотрения требуют». Интересы дела всегда являлись главным в действиях историка.

Далее В. Н. Татищев делится с И. Д. Шумахером своими творческими планами относительно дальнейшей работы над «Историей Российской»: «Затем подобно бы за новую часть (В. Н. Татищев имсет в виду 1-ю часть. — *В. К.*)⁶ приняться, токмо все собранное по оной с заводов и Самары послано в Москву, которого без меня сыскать не можно. К тому же книги многие, необходимо нужные, остались в заводах или же в Москве (Татищев в ноябре 1739 г. находился в Петербурге. — *В. К.*), а некоторых еще не выписано. И затем оную до времени принужден оставить, а намерение имю пачать третью часть с прихода Баты до великого князя Иоанна II-го, токмо и того времени, хотя много имю готово, но к тому надобно иметь известие, какие тех времена в Спассе, Синоде и Академии Истории есть, что с случаем могу требовать».

Таким образом, основная структура «Истории Российской» к ноябрю 1739 г. уже сложилась. По сути В. Н. Татищев пишет о трех частях, из которых должен состоять его труд:

- 1) от древнейших известий о славянах до летописного рассказа о призвании Рюрика (860 г.); 2) от 860 г. до нашествия татар (1237 г.);

3) «с прихода Баты до великого князя Иоанна II-го» (Ивана III.— В. К.), т. е. до 1462 г.

В дальнейшем эта структура претерпела лишь отдельные изменения: была заменена 1-я часть «Предъизвестием», в связи с чем изменилась хронологическая грань между 1-й и 2-й частями и повествование распространено от 1462 до 1613 г. (4-я часть).

Из письма также совершенно определенно следует, что к ноябрю 1739 г. у В. Н. Татищева была готова 2-я часть «Истории Российской»⁷.

Хотя 2-я часть в своей первоначальной редакции и была написана, В. Н. Татищев проявлял заботу о ее совершенствовании, предлагая выписать из Финляндии дополнительные источники. Для 1-й же части, отложенной из-за отсутствия необходимых материалов, историку был особенно важен какой-то «Лексикон», о котором он написал специальное письмо (оно не сохранилось) к «господину Поулину». «Поулин» или «Паулин» фигурирует и в письме В. Н. Татищева от 14 января 1740 г. В приписке к нему он обращается к Шумахеру с просьбой: «Письмо Паулину пожалуй прикажи надписать на конверте и ко мне прислать»⁸. Это — канцелярист Паули, который в это время работал в кунсткамере и библиотеке Академии наук⁹.

Характерно исключительное внимание историка к архивам. Имея уже «много готового» материала к 3-й части, В. Н. Татищев проявляет интерес к летописям («Гисториям»), хранящимся в Сенате, Синоде и Академии наук, прося у Шумахера разрешения пользоваться ими, где бы он ни находился («что с случаем могу требовать»). К подобной практике В. Н. Татищев прибегал и ранее. Так, в письме из Екатеринбург к И. Д. Шумахеру от 15 августа 1735 г. он просил о высылке «старого киевского летописца, именуемого Феодосиева, что сверх прежних 3-х выдано»¹⁰. В письме от 21 декабря 1735 г. к тому же И. Д. Шумахеру содержалась просьба сделать и прислать ему копию с «Новгородской истории» (очевидно Новгородской первой летописи младшего извода.— В. К.), переданной им в Академию наук. Эта копия была ему «очень нужна для заполнения многих мест в Истории, особенно же для некоторых исправлений в родословии князей и хронологии,— в других книгах, и в первую очередь в так называемой Степенной, этого нет. Стрыйковский так же во многом расходится»¹¹.

Публикуемое письмо много свидетельствует о том, что со времени службы В. Н. Татищева на уральских заводах и в Самаре были заложены основы его собственного рукописного собрания, которое пополнялось и в дальнейшем замечательными рукописями, но, к сожалению, погибло в огне пожара после смерти историка в его подмосковном имении¹². И, действительно, в цитированном выше письме к И. Д. Шумахеру от 21 декабря 1735 г. приведены одиннадцать названий древнерусских рукописей, помимо татарских летописей, которыми к тому времени располагал В. Н. Татищев «для русской истории»¹³.

В. Н. Татищев в своих странствиях по России списывал и приобретал рукописи всюду, где мог, и позднее. Так, в письме из Нижнего Новгорода от 12 сентября 1741 г. он сообщал, что просил местного губернатора помочь ему «купить или дать на время списать» летописец, находившийся у одного из нижегородцев. Здесь же он пишет, что ему сказали, что «в монастыре Макарьевском у старца есть також древней

летописец, для которого не премину заехать, чтоб достать не жалея денег». А. И. Андреев, приведший это письмо, полагал, что «по-видимому, достать его не удалось»¹⁴. Однако не исключено, что это и была та уникальная летопись Иосифа, келейника патриарха Иова, «о разорении русском», которой воспользовался Тихон Желтоводский, создававший свою Латухинскую степенную как раз в Макарьевском монастыре. Позднее «История» Иосифа послужила одним из важнейших источников и для «Истории Российской», особенно для подготовительных материалов к ее 4-й части¹⁵.

Примечательны последние строки письма от 21 ноября 1739 г. В них проглядывает озабоченность В. Н. Татищева об отношении к его труду со стороны ученых-академиков, в большинстве иностранцев, как показали последующие события, небезосновательная: «При сем сообщая и даю на разсуждение Академии, сама ли похочет и с теми ли обстоятельствы или иначе, и со чины писать. Оное оставляю на Ваше разсуждение. Ежели разсудите, чтоб я писал, то прошу, по-немецки написав, ко мне прислать в такой силе, как заблагорассудите».

История рассудила по-своему. Первым русским историком стал, несмотря на служебные помехи, недоброжелательство вельмож, светских и духовных, страдания и, казалось бы, непреодолимые трудности, «бесчинный», с академической точки зрения, В. Н. Татищев, в своем невольном «болдинском уединении» завершивший дело всей своей жизни — «Историю Российскую»¹⁶, ставшую на века для всех тех, кому дорога русская историческая наука, высоким образцом бескорыстного и самоотверженного ей служения.

Публикуемое письмо находится в фонде Ф. В. Чижова (Отдел Рукописей ГБЛ, Чиж., 7, № 18, 1 л.). В машинописной описи фонда Ф. В. Чижова, составленной Н. К. Швабе и И. В. Козьминой в 1964 г., на с. 19 сказано: «Картон 7, № 18. Список письма Василия Никитича Татищева к неустановленному лицу с обращением «Благородный господин советник, мой государь» от 21/XI 1732 г. о передаче Академии наук его труда по русской истории. Рукою Ф. В. Чижова».

Согласно картотеке Отдела рукописей ГБЛ, Ф. В. Чижов (1811—1877) — литератор, славянофил, издатель журнала «Вестник промышленности», учредитель Московского купеческого общества взаимного кредита, организатор Товарищества архангельско-мурманского срочного пароходства и других акционерных обществ.

Ознакомление с описью его фонда характеризует Ф. В. Чижова как человека широких интересов, хорошо образованного, много путешествовавшего по Европе. В картоне 8 имеется аннотированный каталог библиотеки Ф. В. Чижова (№ 1—6) на русском, французском, итальянском, английском и славянских языках (автограф). № 8 того же картона содержит перечень рукописей, находящихся в Париже и в Венеции, на французском, итальянском и латинском языках. Об интересе Ф. В. Чижова к русской истории свидетельствует его рецензия на книгу Дениса Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси» (М., 1845). Автограф без подписи (картон 7, № 10).

Копия письма В. Н. Татищева относится, очевидно, к 40-м годам XIX в. Делалась она, судя по характеру помет и воспроизведению подписи Татищева, с оригинала. То, откуда Ф. В. Чижов получил автограф письма В. Н. Татищева, и его дальнейшая судьба неизвестны.

- ¹ *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России.— В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 25. Основанием для датировки послужило то обстоятельство, что в письме от 14 января 1740 г. говорилось, что Примечания уже посланы. (Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 322, прим. 4).
- ² Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 82, л. 24.
- ³ *Юст А. И.* Связь В. Н. Татищева с Академией наук.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 359—360.
- ⁴ Вновь об этом письме Ивана IV В. Н. Татищев напоминает И. Д. Шумахеру в письме от 28 февраля 1740 г.: «Тако ж прошу и о письме царя Иоанна Васильевича, еже[ли] не утрачено, чтоб я мог хлопот сих избавиться». Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 325. (В копии А. И. Андреева, подготовившего в значительной мере переписку В. Н. Татищева за 1730—1750 гг. и письма к нему И. Д. Шумахера и других лиц). Речь идет, очевидно, о письме Ивана IV к казанскому и свяжскому архиепископу Гурью, которое он получил в бытность в Казани «от любознудрого и хвалы достойного бывшего губернатора князя Сергея Голицына» и поместил в редакциях «Свода законов» начала 1750—первой половины 1750 г. См.: *Татищев В. Н.* История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 368—369, 385—387.
- ⁵ *Татищев В. Н.* История Российская, т. I—VII. М.—Л., 1962—1968 (под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова). После выхода в свет академического издания «Истории Российской» первоочередной задачей является подготовка и осуществление академического издания переписки В. Н. Татищева, научное значение которой трудно переоценить.
- ⁶ О последовательности своей работы над «Историей Российской» В. Н. Татищев подробно пишет в «Предъязвещении» к первой редакции своего труда. См.: *Татищев В. Н.* История Российская, т. IV, с. 38—39.
- ⁷ Предположение об этом применительно к более широким хронологическим рамкам (1730—1740 гг.) уже высказывалось в литературе.— См.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 230—231.
- ⁸ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, д. 31, л. 40 об.
- ⁹ Материалы для истории императорской Академии наук, т. IV, СПб., 1887, с. 233.
- ¹⁰ Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 183.
- ¹¹ Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 193.
- ¹² Каталог подмосковной библиотеки В. Н. Татищева опубликован П. Пекарским. См.: *Пекарский П.* Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, с. 56—63.
- ¹³ Архив АН СССР, ф. 934, оп. 1, д. 397, л. 194 об.—195.
- ¹⁴ *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева..., с. 27.
- ¹⁵ *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени.— В кн.: Славянс и Русь. К шестидесятилетию академика Б. А. Рыбакова. М., 1968, с. 282—290; *Он же.* «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 251—285; *Он же.* К вопросу об источниках Латухинской степенной.— В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 328—337.
- ¹⁶ *Валк С. Н.* В. Н. Татищев в своем болдинском уединении.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродипа. Л., 1971, с. 208—209.

В. Н. Татищев И. Д. Шумахеру 21 ноября 1739 г.

Благородный господин совестник,
мой государь!

При сем посылаю Пред[ъ]известие Гистории руской, которое мною что перевести, и в Гистории древней искуснейшему, рассмотря, исправить. И как я из того никакой славы или чести себе не исчу, ко Академии в дар оной мой труд предаю, так надеюсь, что надлежасшее в том исправление, от оной не [о]скуднет. Гисторию, если бы токмо писец был, то бы я готов [и ее]² отдать, а примечания набело дописывают.

Но понеже и оные прежде равномернаго с Пред[ъ]извещеннем разсмотрения требуют, то не ожидая переписки Гистории пришло.

Затем надобно бы за новую часть приняться, токмо все собранное [мною]^б по оной с заводов и Самары послано в Москву, котораго без меня сыскать не можно, к тому же книги многие, необходимо нуждые, остались в заводах^в или же^г в Москве, а некоторых еще не выписано. И затем оную до времени принужден оставить, а намерение имею па-чать третью часть с прихода Баты до великого князя Иоанна II-го, токмо и того времени хотя много имею готово, по к тому надобно иметь известие, какие тех времен в Сенате, Синоде и Академии Гистории есть, что с случаем могу требовать.

К сей же второй части потребно бы из Финляндии требовать сообщенна. Особливо Лексикон к первой части нужен, того ради я к господину^г Паулину^д письмо написал^е. При сем сообщая и даю на разсуждение Академии, сама ли похочет и с теми ли обстоятельствами или иначе, и со чины писать. Оное оставляю на Ваше разсуждение. Ежели разсудите, чтоб я писал, то прошу по-немецки написав, ко мне прислать в такой силе, как заблагоразсудите.

Я же пребываю Вашего благородна моего государя^ж послушный слуга

В. Татищев^з.

От 24 нов. 1739.

^а Слова *и ее* зачеркнуты и подчеркнуты точками.

^б Мною зачеркнуто.

^{в-г} Первоначально написано *еще*, затем исправлено на *или же*.

^г Далее написано (*к г-ну*).

^д *Паулину* подчеркнута точками.

^е В рукописи *написав*.

^ж Далее написано, а затем зачеркнуто (*едра*).

^з Подпись Татищева скопирована Ф. В. Чижовым под его руку.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ — Археологические исследования на Украине
 АИЗ — Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
 АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
 АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
 АФЗ и X — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. I. М., 1951; ч. II, М., 1956.
 ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
 ВУА — Военно-учетный архив
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
 МОИДР — Московское Общество истории и древностей российских
 ИПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты археологической комиссии
 ОАМ — Одесский археологический музей
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОПК — Отдел первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПИГ — Послания Ивана Грозного
 ПКМГ — Писцовые книги Московского государства XVI в.
 ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
 ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
 Тр.ЛОИИ — Труды Ленинградского отделения Института истории
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИОИДР — Историческое общество истории и древностей российских
 ИОРЯС — Известия Общества русского языка и словесности
 ИСОАН — Известия сибирского отделения Академии наук СССР
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР
 ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МАР — Материалы по археологии России
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття та Волині
 МИСО — Материалы и исследования по истории Смоленской области
 СБНУ — Сборник за народни умотворения
 AR — Archeologické rozhlady
 AAASH — Altertumswissenschaft classischen
 RE — Real — Enzyklopedy der classischen Altertumswissenschaft
 WA — Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Т. В. Николаева	Предисловие	1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ		
Ю. Н. Захарук	Историзм археологической науки	7
С. А. Токарев	Четыре основные концепции исторического процесса	10
АРХЕОЛОГИЯ		
Л. В. Алексеев	Некоторые вопросы заселенности и развития западно-русских земель IX—XIII вв.	23
А. К. Амброз	Длинные дома Полужского городища IV—III вв. до н. э.	30
О. Н. Бадер	Элементы культа светил в пансолите	40
А. А. Бобринский	Из истории технологии восточноевропейского гончарства	46
А. З. Винников	Орнаментация боршевской керамики	55
Г. А. Вознесенская	Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н. э.	61
Витольд Гензель (ГДР)	Два византийских памятника из Крушвицы	66
Л. А. Голубева	Символы солнца в украшениях финно-угров	68
В. О. Довженко	Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия	76
Бордживой Достал (ЧССР)	Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии	83
М. М. Кобылина	Золотой статер Лисимаха из Фанагории	88
М. Комша (ПНР)	Восточные элементы в погребальном обряде курганных могильников у с. Нушфалэу и Соменени	96
Д. А. Крайнов	Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья	101
В. В. Кропоткин	О топографии кладов кувшинных монет IX в. в Восточной Европе	111
Т. Н. Никольская	Воротынец	118
М. Г. Рабинович	О земледелии в русском феодальном городе	129
Т. В. Равдина	Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом	133
И. П. Русанова	О ранней дате памятников пражского типа	138
В. В. Седов	Городища Смоленской земли	143
М. В. Седова	«Имитационные» украшения Древнего Новгорода	149
А. Т. Смиленко	К изучению лепной керамики пеньковских памятников	159
Г. П. Смирнова	К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода	165
Г. Ф. Соловьева	Семидушевые височные кольца	171
Э. А. Сымонович	Некоторые наблюдения над датировкой черняховских памятников	179
Б. А. Тимошук	Славянские поселения VI—VII вв. в северной Буковине	186
Йоахим Херрман (ГДР)	Полабские и племские славяне в раннесредневековой балтийской торговле	191
Н. С. Шеляпина	Меч из раскопок в Московском Кремле	196
С. С. Ширинский	Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии	203
Ю. Л. Щапова	О древнерусском стекловарении	206
Конрад Яжджевский (ПНР)	Элементы древнерусской культуры в центральной Польше	213

ИСТОРИЯ

М. Е. Бычкова	Генеалогия в «Истории о великом князе московском» А. М. Курбского	221
И. Б. Греков	К характеристике политики галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича в 20-е годы XV в.	225
А. В. Кузе	«Повесть о князе Ярославле и о муках новгородских»	233
А. Г. Кузьмин	Славянское древнейшее письмо — «черты» и «резы»	240
В. А. Кучкин	Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в.	245
Л. Л. Муравьева	Заметки о заключительной части «Свода 1305 г.»	253
А. Л. Хорошкевич	О некоторых категориях московских ремесленников XIV—XV вв.	260
С. О. Шмидт	К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного	265
А. А. Юшко	О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в.	281
В. Л. Янин	О дате Новгородской Синодальной кормчей	287

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А. В. Арциховский	Берестяная грамота № 526	295
С. А. Беляев	Корсунские двери новгородского Софийского собора	300
Д. А. Беленькая	Английский двор в Москве	310
В. Д. Блаватский	О Змееборце в русской былинке	317
Г. К. Вагнер	О чертах космологии в народном искусстве	321
В. М. Василенко	Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах	326
Н. Н. Велецкая	Народная драма старообрядческого Заволжья	332
Н. Н. Воронин	К архитектурной истории старого Смоленска	340
В. П. Даркевич,		
В. П. Фролов	Старорязанский клад 1974 г.	342
А. Н. Кирпичников	Башия посадника Якова в средневековой Кореле	352
Б. А. Колчин	Гусли древнего Новгорода	358
Д. С. Лихачев	«Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»	366
Т. И. Макарова	Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси	370
А. А. Медынцева	О литейных формочках с подписями Максима	378
Т. В. Николаева	Рязанская икона с изображениями Пантократора и Никиты с бесом	383
С. А. Плетнева	Животный мир в русских волшебных сказках	388
М. Д. Полубояринова	Иконка из Астрахани	398
П. А. Раппопорт	Зодчие и строители древнего Смоленска	402
М. А. Сабурова	О времени появления одной из групп корун на Руси	408
Р. А. Симонов	«Запись» чисел на древнерусском абаке	413
Г. А. Федоров-Давыдов	Об изображениях на некоторых ростовских монетах конца XIV — начала XV в.	420
Ф. П. Филин	Потворить прѣсьльнѣ	424
Д. Б. Шелов,	К вопросу о происхождении восточнославянского обряда русалий	426
Т. Д. Златковская	Свадебная сцепа на крышке сундука XVII в.	433
Я. Н. Щапов	Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской»	438
В. И. Корецкий		
	Список сокращений	445

**ДРЕВНЯЯ
РУСЬ
И СЛАВЯНЕ**

Утверждено к печати
Ордена Трудового
Красного Знамени
Институтом археологии
АН СССР

Редакторы
издательства

**Н. П. Бобрик
Л. С. Кручинина
Л. И. Гормозова
Г. В. Шелудько**

Художник

Н. А. Седельников

Художественно-
технический
редактор

Ю. В. Рылина

Корректоры

**М. В. Борткова,
Л. Д. Собко**

ИБ № 5261

Сдано в набор 11.01.78.
Подписано к печати 22.03.78.
Т-03867. Формат 70×100/16.
Бумага для глубокой печати.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 38. Уч.-изд. л. 39,5.
Тираж 10.000 экз. Тпл. зак. 134.
Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
446	18 св.	ГДР	ПНР
446	25 св.	ПНР	СРР

Зак. 134

Древняя Русь и славяне